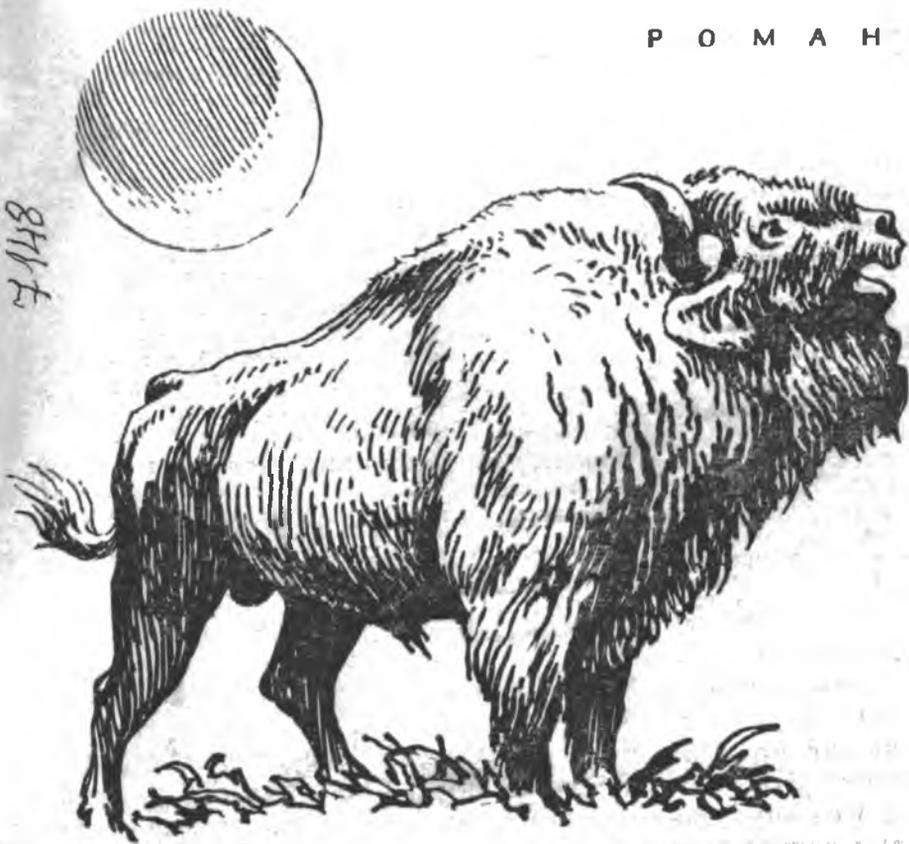

№ 2
П-14

Вячеслав Пальман

ПО СЛЕДАМ ДИКОГО ЗУБРА

Р О М А Н

РИСУНКИ Г. АКУЛОВА

Москва "Детская литература" 1985

ФГБУ «Кавказский
государственный заповедник»
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Судьба зубров, самых крупных зверей на континенте Европы, очень трагична. Эти могучие быки появились на Земле миллионы лет назад. Современники саблезубых тигров, мамонтов и пещерных медведей, они оказались пластичнее этих вымерших зверей, перенесли тысячелетние оледенения на западе Европы и на Восточно-Европейской равнине. Еще десять веков назад бесчисленные стада их паслись на просторе от верхней Волги до Кавказа, в бассейнах Вислы, Дуная и Рейна.

Перемены, связанные с деятельностью людей, вырубка лесов ограничивали среду обитания зубров. В начале прошлого века их насчитывали всего несколько тысяч. В начале нашего — только сотни.

Первая мировая война, потом гражданская нанесли последний удар по зубрам. Их истребили повсюду. Исключение составили десятки зубров в зоопарках и зверинцах разных стран. И ученые России предприняли попытку спасти, воссоздать утраченный вид.

История эта полна самых драматических событий. Вторая мировая война вновь захватила последние ареалы расселения зубров...

В книге повествуется о событиях, ставших историей, о людях — реальных и созданных воображением автора, — чья воля и труд привели к возрождению вида и расселению зубра по старым и новым местам обитания.

Сюжет романа динамичен, в нем много приключений, горестных утрат и счастливых свершений. Главные действия романа происходят на Западном Кавказе, на территории нынешнего Кавказского заповедника.

П 4802020000—095 327—85
М101(03)85

© «По следам дикого зубра». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.
© «Зелёные листья ил Красной книги». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г.

Памяти добрых людей, кто волей, трудом и ценой жизни своей защищали зеленую колыбель нашу — Природу и все живое в этой колыбели. Нынешним защитникам Природы, перед которыми преклоняюсь.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*Знакомство с лесным Кавказом. Город на границе степей и гор.
Неожиданные гости. Три старые книги в потрепанных переплетах.*

Счастливый случай помог мне написать этот роман.

Правда, замысел книги созревал много лет, в блокнотах накапливались заметки и наблюдения, почерпнутые во время путешествий по одному из самых привлекательных уголков нашей страны — по Западному Кавказу. Но еще очень долго автор не находил того сюжетного стержня, вокруг которого должны были выстроиться картины природы, образы людей, сцены с животными, факты из жизни. Лишь после этого счастливого случая проявилась наконец главная идея, ради которой можно — и нужно! — начинать работу.

Занятый повседневным трудом в степях прикубанской равнины, я лишь изредка видел далекие Кавказские горы, синим миражем возникавшие на горизонте, куда скрывалось вечернее солнце. Заря тихо угасала за спиною гор и на недолгое время четко выделяла на красном небе фантастические зубчатые вершины. Глубокая синева покрывала их склоны. Отсюда, из ровных степей, Кавказ казался волшебной страной, полной чудес и загадок.

Таким он оказался и вблизи, когда мне впервые удалось

пройти через Главный хребет в том самом месте, где природа по обе стороны гор заповедна и все еще первобытно прекрасна.

Позже начались ежегодные странствия по Кавказу, близкое знакомство с лесниками, наблюдателями заповедника, с учеными-биологами. Все это позволило автору написать несколько книг о людях, не утеревших гармоничной связи с прекрасным миром зелени и свежести, о животных, которых мы все еще мало знаем, о добром сближении нашем с природой, без которого нет совершенства в человеческом мире.

Естественно, что у автора появились новые друзья. Случались читательские конференции, встречи в школах и библиотеках, почта приносила много писем — и хороших и не очень, — автору пришлось поехать по городам и станицам российского юга.

Во время одной из таких поездок и произошла встреча, о которой я упомянул в начале предисловия.

Не называю города на берегу горной реки, где я бывал не один раз. Кварталы его стоят на границе степей и гор. За рекой и городским парком подымаются увалы Передового хребта, довольно диковатый грабовый лес. Признаюсь: город у подножия гор я полюбил, и любовь осталась нерушимой до сих пор. Он красив, прохладен и чист. Его жители любят зелень и цветы, песни и всю красоту мира. Шум работы и движения на улицах затихает к вечеру до того полно, что из открытых окон слышно, как неумолчно ворчит река и шелестят листья белой акации на улицах и в скверах.

Тут жили мои друзья — ученые заповедника. Отсюда мы вместе уходили в горы.

В тот раз, вернувшись с читательской конференции, я уже собирался к знакомому биологу, когда в номере раздался телефонный звонок и администратор гостиницы сказала, что ко мне пришли.

— Кто? — спросил я.

— Три ученика, а с ними учительница.

Через две минуты гости сидели в номере.

— Понимаете, — сказала учительница, — мы к вам с находкой. Не знаю, как вы к этому отнесетесь, но, право же, нам кажется, что находка необычная.

Один из мальчиков развернул газетный сверток.

Три старые, по виду конторские книги размером с журнал «Вокруг света», но довольно толстые, в твердых корочках с черными матерчатыми корешками и черными потертыми углами. Одна кирпично-красного цвета, вторая темно-зеленого, третья синяя. Но цвета эти едва проглядывались — так потерты,

замусолены были книги. По краям сквозь рваный коленкор желтели лохмы размочалившегося картона.

— Мы собираем макулатуру, — начал мальчик, правильно решивший прежде всего рассказать, как и откуда попали к ним эти ветхие книги. — На улице Гоголя хозяйка послала нас на чердак, а там весь угол завален старьем...

Я открыл красную книжку. Старая рукопись с полустертыми строчками фиолетовых чернил на пожелтевшей по краям, однако все еще плотной бумаге. Первые строки косо и твердого почерка удалось разобрать без труда: «Я родился недалеко отсюда, в предгорном селении Псебай, и был единственным сыном в семье. Наверное, поэтому мои родители, всеми уважаемые отец и мать, души во мне не чаяли. Но я не рос баловнем, справедливый и строгий отец держал меня в рамках».

Учительница сказала:

— Кажется, тут дневники егеря дореволюционной Кубанской охоты. Там даже дата обозначена: десятый год нашего века. Вот почему мы решили, что рукописи могут быть полезны. Все-таки история Кавказа...

Книги принадлежали одному автору — однообразие почерка несомненно, лишь в последней книге этот почерк становился менее разборчивым. Действительно, похоже на историю Кубанской охоты, предтечи нынешнего заповедника. Если она написана очевидцем событий, то, конечно, полезна.

Правда, особого энтузиазма эти мысли не вызвали, историю я писать не собирался, но познакомиться с записками о природе прошлого не отказался. Своим гостям я высказал сердечную благодарность.

— Если бы не Витя Семин, — учительница показала на самого разговорчивого, — если бы он не заглянул в эти книги и не показал их мне, так бы и очутились они на складе в куче ненужных бумаг.

Неловкость первых минут встречи прошла, мы посидели, поговорили, я еще раз поблагодарил друзей, сказал, что непременно прочитаю и верну им находку. Ну, хотя бы для школьного музея.

— Какой у нас музей, что вы! — Учительница отмахнулась. — Можете оставить, для того и пришли, чтобы отдать. Вдруг действительно пригодится...

Мы попрощались. Они ушли.

Книга, которую я начал читать, так и лежала раскрытой. Вот что писал далее неизвестный мне автор:

«После сельской школы отец определил меня в гимназию в городе Екатеринодаре. Учился я хорошо, и венцом этой учебы

стал Санкт-Петербургский лесной институт, куда, к радости отца, я был определен канцелярией наказного атамана Войска Кубанского. Тогда же оказался зачисленным в казачий полк вольноопределяющимся, что означало содержание в институте на казенный счет, а в отпускное время — обязательные лагерные сборы, где нас будут учить военному искусству.

В нашей северной столице я не оставил прилежания, друзей там хватало, развлечений в большом городе тоже не занимать. Наверное, поэтому дни бежали с удивительной быстротой. После зимних занятий предстояла поездка домой, казачьи лагеря, а потом неомраченное свободное время, походы с друзьями в горы и в лес. Такие путешествия доставляли радость, лес я всегда встречал, как доброго друга.

В свободные летние дни, как истосковавшийся по воде путник, я на много дней погружался в зеленую прохладу чащи и чувствовал себя очень счастливым. После грохочущей столицы, многолюдья, холодно-строгого, хотя и красивого камня на проспектах и площадях, после напряженных лекционных занятий и сумятицы студенческого жития задумчивый горный лес со своим всегда ароматным, я бы сказал, веселым воздухом и мелодиями птичьих песен представлялся мне местом, созданным исключительно для счастья человеческого.

Эти дни проходили в далеких походах к перевалам, в непрерывном выслеживании дичи, за жизнью которой так интересно подсматривать, у ночного костра в глухих урочищах.

Далеко не насытившись впечатлениями от похода, мы с друзьями возвращались домой, чтобы на другой день явиться на сбор вольноопределяющихся Лабинского конного полка, на стрельбы и конные игры. Отец, сам когда-то отчаянный любитель джигитовки, нетерпеливо ожидал меня, и мы вместе отправлялись в станицу Лабинскую, сопровождаемые строгим наказом матери беречь себя.

Мальчишкой я хорошо джигитовал, любил лошадей, риск отчаянной скачки, научился неплохо владеть казацкой шашкой, но что особенно удавалось мне, так это стрельба из винтовки. Еще до Лесного института я не раз завоевывал на играх первенство. Пятнадцати годов от роду получил именную винтовку с гравировкой, где под лестными для самолюбия строчками стояла фамилия наказного атамана Войска Кубанского.

Вот такая юность запомнилась и никогда, конечно, не забудется. Все ясно, чисто и хорошо. Никаких особенных, крутых поворотов не предвиделось. Еще одна зима, весна, институт будет закончен, я приеду в качестве лесничего на Кавказ, чтобы начать службу в родных краях неподалеку от стареющих родителей.

Перемены пришли как раз в последний год учения. Вспоминаю теплую и сухую осень решающего для меня года. Август подходил к концу, а вместе с ним кончались и каникулы.

Вот тогда-то и состоялся тот особенный разговор с отцом...

Этой строчкой заканчивался текст на половине чистого листа. Ниже текста чернилами изображалась неуклюже нарисованная гора, рядом — смутная девичья головка, кривая казацкая пашка — словом, остаток страницы автор использовал явно для забавы. Казалось, что и все написанное — просто мальчишеская шалость.

Перелистывая дневник далее, уже в конце второй, зеленого цвета книги, я обнаружил несколько плотно слежавшихся листов почтовой бумаги. Начал читать — и уже не оторвался, пока не закончил последний. На меня дохнуло жизнью далекой, еще незнакомой семьи, напряжением какого-то особенного, необычного труда, пережитыми опасностями. И всюду мысли, разговоры, дела, связанные с дикими зубрами. Слово это повторялось чаще других. И столько тут было незнаемого, интересного, что весь дневник и письма представились мне действительно дорогой находкой, может быть бесценным подарком самой судьбы.

К слову надо сказать, что уже тогда я начал собирать все, что связано с зубрами; блокноты были переполнены рассказами об этом звере, его судьбе, преследователях и спасителях...

Назавтра удалось отыскать славную учительницу и догадливых хлопцев. Вместе мы посетили дом на улице Гоголя и поговорили с хозяйкой.

— Бумаги? — переспросила она. — А кто их знает! Испокон веков лежали на чердаке, уж там мышатам такое раздолье! По всем ночам шуршали. До нас тут живало много разного народа, мы с сыном недавно этот домик купили. Сын-то у меня до бумаг там, до книг разных не охочий. А вот как того жильца звали, чьи бумаги завалялись, дай бог памяти, такая у него фамилия долгая, русская...

— Зарецкий? — подсказал я.

— Ни-ни... Долгая...

Вспомнить ей так и не удалось, хотя она добрых десять дней перебирала в уме какие-то фамилии.

Сказать, что дневник Андрея Михайловича Зарецкого вошел в эту книгу в своем первоизданном виде, значило бы сказать неправду. Одно несомненно: он побудил автора предпринять новые изыскания в архивах, заставил покопаться в библиотеках, искать встреч с учеными, чьи имена так или иначе связаны с

описанными событиями, и, конечно, додумывать ситуации, когда не хватало сведений и фактов из истории.

Дневник оказался тем сюжетным стержнем, которого так не хватало автору для полноты картины, для выражения главной идеи, необходимой всякому художественному произведению.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИЗ ДНЕВНИКОВ ЗАРЕЦКОГО

З а п и с ь п е р в а я

Почетный конвой его императорского высочества. Удачный выстрел. Поездка на Уруштен. Великокняжеская охота и первый кавказский зубр. Егерь Чебурнов

1

Ранним утром наша семья, как обычно, собралась на веранде. Открыли окна, свежий лесной воздух приятно охлаждал ноги. В саду едва слышно шевелился отяжелевший к осени виноградный лист, пахло созревшей «изабеллой». На столе перед мамой шумел пузатый самовар с медалями на медном боку. Она разливала чай. Наконец папа отодвинул стакан, поднялся и как-то особенно пристально заглянул мне в глаза.

— Ты когда уезжаешь? — спросил он.

— Через два дня, папа, — ответил я и улыбнулся.

Он спрашивал о дне моего отъезда уже третий раз на этой неделе. Видно, забывал. За последние годы он очень постарел, растерял прежнюю уверенность. Сдала, конечно, и память.

Должен сказать, что мой отец, штабс-капитан в отставке, хотя и не имел связей в высоких кругах, но авторитетом у военных сверстников пользовался несомненным. За долгие годы жизни он проявил себя человеком порядочным. Служил он в свое время в знаменитом Севастопольском полку, который в шестидесятые годы минувшего века воевал на Кавказе между реками Белой и Лабой, многие из псебайцев — бывших севастопольцев — знали его как хорошего командира. Когда в начале века началось заселение северных отрогов гор казаками и служивыми, отец одним из первых решил перебраться с моей матерью в Псебай. Я родился за несколько лет до этого события.

— Через два дня... — Отец задумчиво повторил мои слова. — Через два... А завтра сюда пожалует очень знатный гость. Его императорское высочество великий князь Сергей Михайлович. Вот так-с...

Когда он произносил эти слова, то весь подтянулся и выпрямился. И лицо у него изменилось, сделалось строго-торжественным, седые усы слегка приподнялись. Почтительность к августейшей особе сквозила в каждой черточке лица. Великий князь! Я спросил:

— А зачем он едет сюда? По службе?

— Он едет охотиться, отдыхать. Разве тебе неизвестно, что великий князь — хозяин всего Западного Кавказа? Еще в девяносто втором году он приобрел Кубанскую охоту у своих августейших родственников, а те много раньше арендовали леса и горы у министра государственных имуществ и у Кубанского войскового правления. Великий князь не раз охотился по соседству с Псебаем, но ты бывал в столице.

Мне рассказывали о редких наездах князя, но это, честно говоря, сразу забывалось. В центре Псебая недавно построили красивый охотничий дом для князя. Дом пустовал. Теперь хозяин обновит его. И на этот раз мне не доведется увидеть гостей, их знатную охоту. Любопытное, должно быть, зрелище!

Отец поднял палец, требуя внимания:

— Как ты знаешь, я противник даже малейших нарушений дисциплины, но ради такого случая ты вправе задержаться. Вчера вечером урядник Павлов спросил меня, не может ли мой сын вместе с командой молодых казаков встретить высокого гостя в Лабинской и сопроводить сюда. От нашей станицы формируется почетный конвой.

— А конь? — вырвалось у меня.

— Ну, если дело только в коне... — Отец положил ладонь на мое плечо: — Ты согласен? Тогда мигом в станичное правление, доложишь Павлову, там тебе определят и коня и все другое. Не горячись, сын мой, держись с достоинством. Ты можешь выделиться. Неплохо джигитуешь, хорошо стреляешь. У тебя, к счастью, располагающая внешность, некоторая культура речи. Все это немаловажно. С великим князем прибывает принц Ольденбургский, владелец лесов по ту сторону гор. Возможно, в Лабинскую подъедет и генерал-губернатор края Михаил Петрович Бабыч, по чьей воле ты обучаешься в институте. Будь вежлив, внимателен.

Назидание я пропустил мимо ушей, зато живо представил себе скачку до Лабинской и обратно, новизну впечатлений. Ради всего этого можно и пропустить несколько занятий. А в общем, эпизод — как представление под занавес. Будет о чем рассказать своим друзьям в институте, особенно Саше Кухаревичу!

Не описываю хлопотливых часов сбора, наставлений, репетиций. Мы выехали в дорогу, как только начала спадать жара. Тридцать хлопцев в ладных черкесках, при оружии, на хороших строевых конях. За Псебаем затянули песню, потом пошли крупной рысью под звездным небом, еще не успевшим остыть на западе. «Ой, Кубань, ты наша родина, вековой наш богатырь...» Конь придала ушами, шли бодро под эту величавую песню казаков.

В Лабинскую приехали поздно. Станица еще не спала. На перекрестке главных улиц гремел военный оркестр. Казаки прогуливались перед домом Войнаровского, где остановились гости. За воротами этого дома виднелись незнакомого вида роскошные экипажи.

Окна на обоих этажах большого дома ярко светились. Видно, гости только что прибыли из Армавирской, куда их доставил поезд.

Ночевали мы за рекой, на лугах. Пустили лошадей, разожгли костры, по-походному сварили кулеш с салом, спели немного, потом слушали с того берега стройную, немного печальную казацкую песню: то выступали пессельники, специально присланные из Екатеринодара.

Поднялись чем свет, ополоснулись в холодной Лабе, оделись и осмотрели друг друга. По команде построились и въехали на станичную площадь в четком строю, подтянутые, чубастые, молодые, как команда Черномора. Наш урядник остался доволен бравым видом псебайского конвоя.

Поразительно много солдат и казаков расхаживало возле дома, где ночевали гости.

Мы спешили, выстроились против парадного входа. Каждый держал лошадь под уздцы.

Вскоре из дома вышел пожилой генерал, кто-то прошептал: «Это Косякин, начальник Майкопского отдела». Он осмотрелся и пошел прямо к нам.

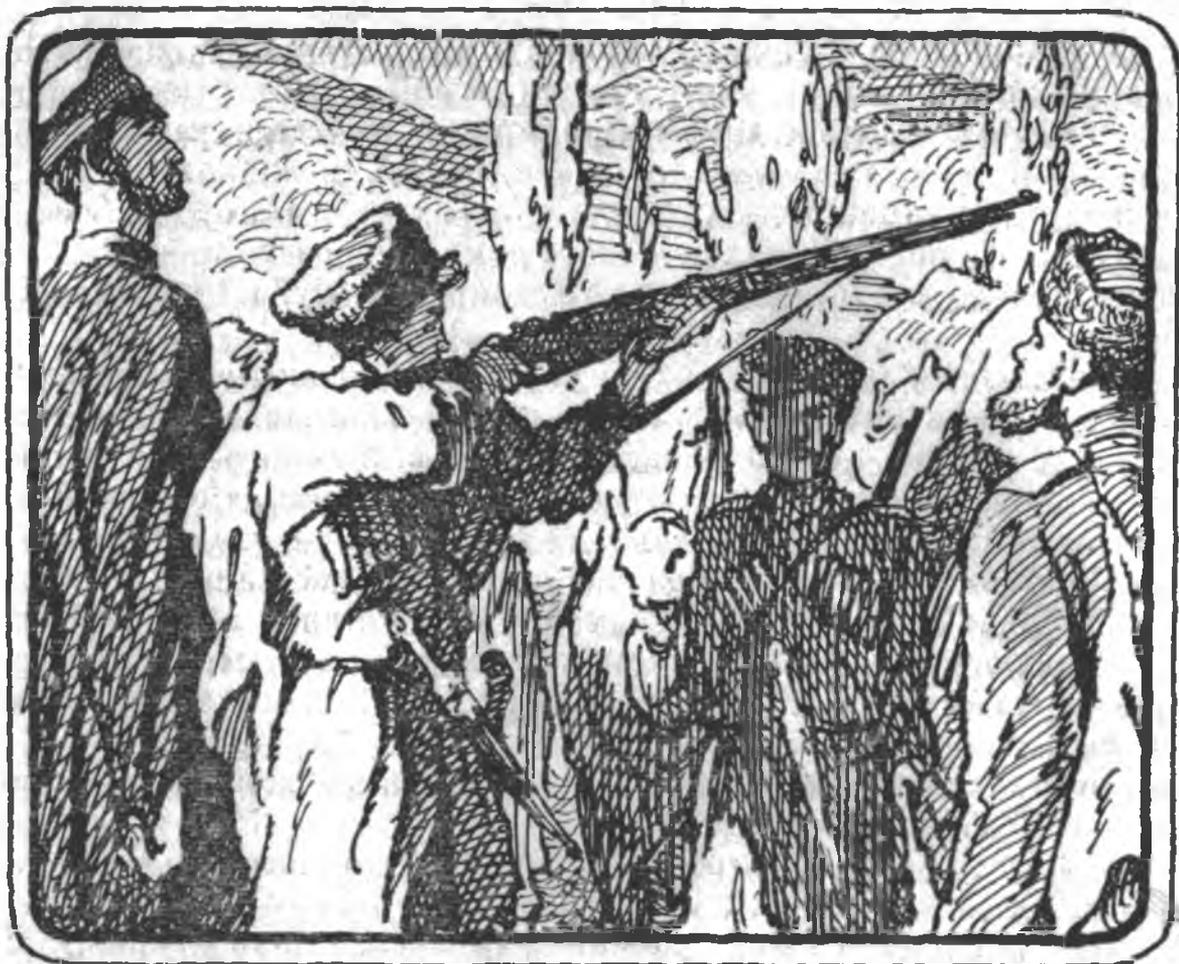
— Смир-р-на! — зычно и немного испуганно скомандовал урядник.

Мы вытянулись и замерли. Косякин поздоровался, не без удовольствия осмотрел строй и сказал:

— Великий князь будет доволен. А вот и он сам...

На крыльцо вышла группа военных и штатских. Впереди крупно вышагивал очень высокий человек в маленькой фуражке и длиннющем легком плаще. Белое лицо его, чуть опущенное светлой и редкой бородкой и малозаметными усами, выражало какое-то мальчишеское изумление, наивный восторг от всего, что видел перед собой. Когда он сбил фуражку повыше и открыл большой лоб с глубокими залысинами, это выражение еще усилилось. Двигался он до смешного неровно, длинные руки висели сами по себе, ноги шли как будто тоже сами по себе, цепляясь коленями. Впечатление разболтанности всех частей тела начисто лишало фигуру великого князя всякого величия. Лишь глаза смотрели умно и приветливо — знакомые по портретам светло-голубые романовские глаза.

Он остановился в пяти шагах от нашего строя, картинно распахнул плащ.

— Чьи казаки-молодцы, генерал? — тихим голосом спросил через плечо у Косякина.

— Псебайский конвой, ваше императорское высочество! — Генерал отвечал раскатисто, громко, как на рапорте.

— Хороши хлопцы. А воевать они умеют? Охотиться умеют? Или это только парадный конвой?

Никто не знал, что ответить и нужно ли отвечать. Наш урядник покраснел и часто-часто моргал.

Великий князь погладил двумя пальцами нос, выражение лица у него изменилось. Он стоял почти против меня. Теперь это было обиженное, надутое лицо капризного мальчика, которого обманули. Никто не рисковал нарушить напряженную тишину. Вдруг великий князь оживился.

— Вот мы проверим, какие в Псебае воины и охотники. — Глаза его живо оглядели площадь и нащупали цель: на трубе станичного правления красовался кокетливо вырезанный из железа петух; фигурка слегка поворачивалась под ветром. — Кто собьет?.. — И повел тонкой шеей с фланга на фланг.

Урядник обрел наконец дар речи, враз запотевшим лицом повернулся ко мне.

— Андрей Зарецкий! — хрипло, все также испуганно выкрикнул он.

Я автоматически сделал шаг вперед. Косякин, выручая урядника, тихо сказал мне:

— Его высочеству благоугодно знать, как ты стреляешь. Докажи, что казак славен не только на параде.

Мгновенный испуг сковал меня. Вдруг промахнусь? Позор-то какой! Глубоко вздохнув, я посмотрел на мишень. Шагов сто тридцать. И тут вдруг все прошло. Слово и не было вокруг меня никого. Только дразнящий петушок над крышей да за плечом хорошо пристрелянная винтовка, в которой я уверен. Мельком глянул я на князя и тотчас поднял винтовку, приложился, затаил дыхание. Выстрел. Петух юлой завертелся на оси.

— Попал! — тонко и весело закричал князь. — Прекрасный выстрел, юноша! Что скажете, генерал?

Кто-то подал князю бинокль. Но и без бинокля виделось рваное отверстие в жестяной мишени. Я был очень счастлив. Не посрамил чести станицы.

— Все казаки так стреляют? — Князь ходил вдоль строя.

— Так точно, ваше императорское высочество! — ухватисто рывкнул урядник, засиявший от удачи.

— А вы, Ютнер, жаловались... — Князь повернулся к своей свите: — Вы мне говорили, что в охоте недостает хороших егерей. Смотрите, каждый из этих молодцов... Чем занимаешься? — спросил он меня безо всякого перехода.

— Студент, ваше императорское высочество! — Урядник Павлов опередил меня, разговор с князем доставлял ему несомненное удовольствие.

— Студент? — недоверчиво переспросил князь, и глаза его похолодели. — А почему на тебе казачья форма?

Видно, эти два понятия — студент и казак — он никак не мог совместить. Особенно после девятьсот пятого года, события которого были еще свежи в памяти высокопоставленных офицеров.

— Вольноопределяющийся Лабинского конного полка, стипендиат канцелярии наказного атамана Войска Кубанского! — единым духом выпалил я, глядя прямо в глаза князю.

Похоже, он успокоился.

— Ютнер, — капризно сказал князь тучному черноголовому полковнику из свиты, — это же для вас суцкая находка! Образованный лесничий, местный житель, отличный стрелок. Что вам еще нужно?

Ютнер, соглашаясь, наклонил голову и сказал с небольшим акцентом:

— Молодой человек через несколько дней должен слушать лекции в учебном заведении, ваше высочество. Его место в аудитории, а не в Охоте. Разве потом, когда закончит обучение...

— Все это мы устроим, — легко сказал великий князь. — Запишите его в охотники. А вы, Шильдер, потрудитесь сообщить наше решение в учебное заведение.

Он снова обратился ко мне:

— Ты доволен, казак-студент?

— Так точно! — автоматически ответил я, не успев даже подумать, что означает это предложение.

Князь задавал вопросы таким образом, что ответа на них не требовалось. Мне думается, он и представить себе не мог, чтобы кто-нибудь оспорил его мнение или решился сказать «нет». Я испугался уже позже. Неужели мое «так точно» означает согласие бросить учебу и остаться в Охоте? Или это на время? Спрашивать было некого — князь и свита уже удалились. Они пошли в церковь.

Дальнейшее представлялось мне в розовом тумане. Подходили и поздравляли ребята, какие-то офицеры. А вскорости начались сборы, на улице собралась огромная толпа станичников, князь со свитой вернулись с молебствия. Со двора уже выкатывали экипажи, конвой построился, мы оказались в самом хвосте длинного поезда. Снова вышел князь, теперь уже без плаща. Толпа расступилась. Гости уселись. Кавалькада резво пошла под крики казаков.

Вот и последний участок ровной степи. Голубовато-размытые контуры гор наплывали на нас. Над горами кучились белые, полетному тугие облака. Погода выдалась завидная. Гости торопились. Ими уже владело нетерпеливое желание поскорее окунуться в лесную чащу, встретиться со зверем, с приключениями. Это был охотничий азарт, не сравнимый ни с каким другим чувством.

Не могу теперь вспомнить, радовался, тяготился ли я неожиданной переменой, жалел ли, что не успею к сроку, или был доволен, что остаюсь. Одно только знаю: происшедшее не печалило, не угнетало. Удачный выстрел, внимание князя...

Вот и наш изождавшийся Псебай. Толпа с хлебом-солью. Священник впереди, почетные станичники при всех орденах и медалях, а среди них — высокий седоусый штабс-капитан, мой добрый отец.

Через час я сидел дома и обстоятельно рассказывал, что произошло в Лабинске.

Отец торжествовал. Глаза его блестели, он многозначительно переглядывался с мамой, которую в последнее время стал звать не иначе, как полным именем — Софьюшкой Павловной. Она сидела напряженно и не знала, чего ей ждать от неожиданных событий: радоваться или огорчаться. Одно было очевидным: надо собирать сына в горы. Там холодно и бывают всяческие приключения. Она, конечно, уже решила сделать все возможное, чтобы обеспечить мне уют и безопасность в походе.

Вечером мы с папой ахнули, когда увидели гору приготовленных вещей.

— Ну, Софьюшка Павловна, нашему сыну недостает только кареты под этакую поклажу.

— А что ты хочешь? — в свою очередь удивилась она. — В этакую даль — да налегке? И не думай, Андрюша, с одним ружьем и нараспашку я тебя не отпущу!

После некоторых пререканий и споров мы раза в четыре поумniejszyли грудку вещей, потом уложили все необходимое в две седельные сумы и небольшой сверток. Но на теплой одежде настояли уже оба родителя. Знакомый черкес принес легкие опорки из кабаньей шкуры шерстью наружу; при подъеме в такой обуви короткая шерстка не дает скользить вниз, нога в них чутко фиксирует все неровности дороги. И уютно и тепло.

Поздно к нам постучали. Вошел довольно молодой есаул с тонким, подвижным лицом и жгучими глазами, которые указывали на кавказскую кровь. Он коротко представился отцу:

— Улагай, казенный лесничий. — А дальше заговорил так, будто, кроме отца и его самого, в комнате никого не было: — Мне приказано передать поручение от управляющего Охотой господина Ютнера. Он извещает вашего сына, что выступаем завтра, ровно в девять утра. Егерь Зарецкий причислен к команде охотников при особе великого князя и подчинен адъютанту его высочества полковнику Владимиру Алексеевичу Шильдеру.

— Шильдеру? Владимиру Алексеевичу? — Отец оживился, приятно пораженный известием. — Уж не тот ли самый, что служил на Балканах в последнюю кампанию?

Есаул без улыбки сказал:

— Да, Шильдер воевал на Балканах.

— Господи, да мы встречались с ним, знакомы! Как же я не угадал его в свите! Непременно надо увидеться с однополчанином, ведь два года в окопах просидели...

— Если позволите, — все так же сухо и вежливо сказал гость, — я передам полковнику ваше желание.

— Да, да, буду очень благодарен.

Улагай четко повернулся и ушел. Мне он не понравился. Уж больно самоуверен. Видно, характер имеет дерзкий и эгоистичный. Приятная, даже интеллигентная внешность ничего не меняла. Зато папа был прямо-таки растроган. Имя Шильдера пробудило в нем столько воспоминаний! Забегая немного вперед, скажу, что адъютант великого князя так и не соизволил встретиться со штабс-капитаном Зарецким, стареющим в глуши отставником.

В тот вечер отец еще раз вспомнил про суховатого гостя. — Как мне известно, — со значением сказал он, — в ведомстве Улагая находятся все леса Лабинского отдела Войска Кубанского. Как раз по окончании курса угодишь в подчинение к господину есаулу. Не забывай такой возможности. Наверное, Улагай не всем нравится, но что делать, жизнь так сложна. Мне сказывали, что у него старший братец приближен ко двору.

Я только кивнул. Отец уже не впервой заводит разговор о протекциях и чинопочитании. Делает он это из самых добрых побуждений, но, право же, мне от его слов не по себе...

Еще до свету, когда я вышел за ворота, старый лезгин Пачо прогнал к перевалам небольшое стадо — четырех коров с телятами и десятка три баранов. Впереди стада шел сердитый бородатый козел.

— Шашлык пошел, — скупно бросил Пачо, выразительно ткнув палкой в сторону гор. — Много народ кормить будем!

Экспедиция получилась большая, сотня человек. Все охотники ехали верхами. Великий князь сидел на тонконогом вороном коне, одет был просто и как-то небрежно: серый мундир с низко нашитыми карманами, короткие сапоги, полупапаха, через плечо охотничий рог в богатой оправе. Он ни на кого не смотрел и никого не видел. Замкнулся. Мой начальник Шильдер, тучный и крепкий мужчина с широким, спокойно-задумчивым лицом, указал мне место позади себя и всю дорогу либо молчал, либо односложно отвечал Ютнеру, который ехал рядом и тоже не страдал красноречием. Возможно, они просто не выспались? Казаки охраны тихонько поговаривали о затянувшемся ужине в охотничьем доме князя. Словом, гости пребывали в дурном настроении.

Долина Лабёнка все больше сужалась. Вскоре поперек нее вылез длинный каменный увал, густо покрытый лесом. Лабёнок грохотал здесь в полную силу, с трудом прорываясь через узкую щель под каменной громадой.

Кавалькада втянулась в ущелье. Влажно и терпко в нос

ударило лесом, прелым листом. Сразу похолодало от близости воды, потемнело от тесно сдвинутых, заросших буйной зеленью крутых склонов. Зеленая вода, местами тронутая белой пеной, мощно и неудержимо катилась по каменному ложу, заваленному обломками скал. Пахнуло дикостью, суровым воздухом первобытности.

Я увидел, как передернул плечами великий князь. Тотчас к нему подскочил камердинер и, спросив разрешения, накинул на плечи меховой полукафтан. Желая поднять настроение замолчавших гостей, в колонне казаков позади затагнули походную песню.

Как на венгерской лесопильне у входа в ущелье, так и в Бурном, другом поселке у порогов, охоту встречали приубранные жители. Стояли толпой с хлебом-солью, с кувшинами кваса, яблоками, сливами. Обо всем этом заботился наш Павлов. Он выехал еще вчера, чтобы проверить безопасность дороги. При виде встречающих князь не сходил с коня, лишь приподнимал папаху и заученно улыбался.

Спешил. Желанная охота была близка.

Даже на последнем кордоне, где в Лабёнок бешено врывался седой от пены Уруштен, не сделали дневки, лишь накоротке сошли с коней, осмотрели подковы, поправили выюки. Вперед! Вперед!

Тропа стала круто забирать в гору.

8417
Солнце склонилось к западу, ущелье наполнилось голубизной, потом таинственно потемнело. Но вереница всадников уже успела подняться высоко над рекой, и скоро охотники очутились на площадке среди громадных останцов. Отсюда открывался далекий вид на все стороны.

Лес, лес и лес. Черный, где пихта, прозрачный, налитый светом в буковой заросли, подернутый дымкой в низинах и перепадах, расступившийся только там, где голые скалы надменно уходят вверх, брезгливо очищаясь от всего живого, или где чернеют провалы. Ни одного ровного места. Горы вверх-вниз, круто, покато, одна вершина за другой, сплетение хребтов, увалов, разрезанных широкими трещинами. Мерцание заснеженного зубчатого Главного хребта вдалеке. А над этим вздыбленным миром — тихое вечернее небо, подкрашенное закатным солнцем.

Когда охотники поднялись на площадку, там уже стоял шалаш из свежих досок, горели костры. Пахло жарким. Повар его высочества, уехавший вперед, успел приготовить шашлыки для уставших путников.

Мы пустили лошадей, посидели, отдыхая. Я подошел к самому краю розовой скалы и засмотрелся. В голову пришла мысль,

что нет на свете места краше, чем Кавказ. Сюда приезжать за счастьем и покоем. Величие гор заставляет человека лучше познать себя, избавиться от всего дурного и наносного, стать таковым, каков ты на самом деле. И на наш лагерь вдруг взглянулось по-новому: ведь мы приехали сюда убивать.

— Чего задумался? — Чья-то рука легла мне на плечо.

Я обернулся. В тонкие крученые усы посмеивался Семен Чебурнов, егерь великокняжеской Охоты, большой мастер по всякому зверю. Он был года на четыре старше меня. В Псебае его знали как отчаянного охотника.

— Красиво, — сказал я, еще раз окидывая взглядом быстро темнеющие горы.

Он прищурился.

— Не о том надо думать, вьюноша. Ты, можно сказать, отличился прекрасно. Ну, так не зевай, рассуди, как действовать. Ежели сумеешь показать себя на охоте, далеко пойдешь, попомни меня! Он такой, императорское высочество, бровью шевельнет — и вознесешься к небесам. Пальцем поведет — и будь здоров, только тебя видели, студент. Косякин уже шептал нам: расстарайтесь, братушки, наведите хозяина на зубру, он же так одарит всех, век помнить будете.

От большого костра коротко свистнули. Чебурнов оглянулся.

— Нас кличут. Похоже, чарка перед ужином. Идем.

За самодельным низким столом сидели гости. Они уже отужинали. Тут же стояли три или четыре полупустые бутылки с красивыми наклейками. Вокруг собрались и подтягивались казаки, егеря. Пламя длинного костра плясало на бородастых лицах. Все смотрели на великого князя. А он с ожиданием глядел на Ютнера. Опомившись, вскинул голову и быстро сказал:

— Завтра выходим на место охоты. Но прежде чем потянем жребий и разойдемся искать удачу, давайте выслушаем наставление, которое желает сделать наш управляющий. Говорите, Ютнер.

Управляющий встал, светлые глаза его скользнули по лицу князя. Коротко кивнув, учтиво сказал:

— Наш хозяин и гость его императорское высочество великий князь Сергей Михайлович известен в кругу охотников как прекрасный стрелок и вдумчивый рачитель природы. Он тонко знает охоту, смотрит далеко вперед. Свидетельство тому — многолетнее руководство высокой российской комиссией по созданию законов об охоте, а также сохранение нашей Кубанской охоты, на земле которой мы имеем честь приветствовать его высочество. К общей приятности нашей могу сообщить, что за неполные два десятилетия после образования Кубанской охоты дикого зверя в горах заметно увеличилось. Вчера мы сове-

щались, и великому князю благоугодно было заметить, что судьба горного зубра продолжает беспокоить ученых нашей страны, ибо зубры остались лишь в пределах Беловежской пуши и на Кавказе в очень небольшом количестве. Для всеобщего сведения хочу огласить факт, уже доложенный его высочеству, о том, что на территории Кубанской охоты мы насчитываем сейчас около семисот зубров. Стадо их возросло, но не достигло размера, который нужен для сохранения зверя. Позволительно спросить: нам ли, верным воспитанникам высокого хозяина нашего, стрелять без разбору все живое, что попадет на глаза завтра и впредь до конца охоты? Хочу напомнить господам охотникам и всем, кто присутствует здесь, что великий князь разрешил охоту на зубров только для двух гостей, которые впервые приехали на Кавказ.

— Добавим, что в целях изучения, — вставил хозяин охоты и для убедительности поднял длинную руку с указующим пальцем.

— Счастливые избранники эти, — продолжал Ютнер, — принц Петр Александрович Ольденбургский и полковник лейб-гвардии Владимир Алексеевич Шильдер. Если им посчастливится, они могут взять по одному зубру, шкуры и скелеты которых послужат для устройства чучел, в дар музеям императорской Академии наук, препаратор коей, господин Проскурин, находится среди нас. Что же касается охоты на другую дичь, то великое множество ее позволяет избежать запрета, и пусть удача в охоте на серну, оленя, кабана, медведя и горную птицу сопутствует нам, господа. — Ютнер поклонился князю и сел.

Великий князь взглядом поискал кого-то в толпе. Вперед тотчас же выдвинулся кашельдинер, и он приказал ему:

— Всем по чарке к ужину. С прибытием!

Ужинали быстро и весело. Чебурнов не отходил от меня и все подмигивал, очень довольный, что его предсказание сбылось.

Постепенно костры потускнели. Фыркали отдохнувшие кони. Все тише становилось на бивуаке. Далеко от нас, где-то на горе за ущельем, раздался печально-зовущий и дерзкий рев оленя. Все прислушались, оживились. Князь высунулся из своего шалаша. Голова его, укрытая вязаной шапочкой с кистью, повернулась на олений зов.

— Слышите, зовет! — произнес он и вздохнул, едва сдерживая желание тотчас мчаться на этот зов.

— Рано они начали в этом году, — сказал Ютнер. — К суровой зиме, ваше высочество.

— Нам-то погода даст поохотиться, как вы думаете? В последний раз, может быть, — отозвался хозяин охоты.

— Это еще неизвестно, в последний ли, — заметил Ютнер.

Тогда еще мало кто знал, что Рада Войска Кубанского, которая в самостоятельности своей не раз дерзала выступать в защиту собственных интересов даже против лиц императорской фамилии, уже вынесла решение ограничить срок великокняжеской аренды до конца 1909 года. И хотя решение Рады долго оспаривалось, исход событий беспокоил великого князя. Расстаться с таким прекрасным местом ему явно не хотелось. Но и вступать из-за Охоты в конфликт с кубанским казачеством царская фамилия тоже не желала. Именно казачьи полки только что подавили революцию, многие из них и по сию пору все еще «наводили порядок» в городах или охраняли помещичьи усадьбы в селах России. С «оплотом трона» Романовы связывали свое будущее и потому готовы были на многие уступки Войску Кубанскому. Хозяин Охоты понимал это.

Нам позволили отдохнуть до утренней зари. Чебурнов тотчас бросил на землю свою бурку, снял пояс, расстегнул ворот рубахи и лег, завернувшись полкой широчайшей этой бурки. Вскоре он захрапел. Возле ближних и дальних костров переговаривались, смеялись. У ручья звякали котелками. Лишь близко к полуночи, когда черное небо ярко вызвездилось и на далеких вершинах холодно заблестели ледники, бивуак угомонился. Я лег возле своего коня, примостившись на войлочном потнике, пронахшем крепким лошадиным потом.

Перед тем как уснуть, еще раз глянул в сторону дощатого шалаша, где почивал князь. Перед входом в шалаш горел переносный фонарь, тускло освещая фигуры двух казаков. Они сидели, обняв винтовки. Черные бурки делали их похожими на чугунные изваяния.

3

Поспать удалось не более трех часов. Предутренний холод разбудил не одного меня. Весь лагерь зашевелился. Из глубокой синевы тающей ночи выплывали темно-синие контуры одной вершины, другой, третьей. На траве, листьях березки, на лапах пихты серебряно и густо лежала обильная роса. Повара молча и сноровисто хлопотали у костров. Казаки, выскочив из-под бурок, подходили к огню погреться, натужно зевали и, оглядываясь на княжеский шалаш, кашляли в кулак.

Наконец проснулись высокие охотники, сели к столу. Мы стоя завтракали у костров. Снешили.

После завтрака тянули жребий — куда и с кем идти. Каждый из гостей в сопровождении двух-трех егерей и казаков с вьючными лошадьми отправлялся в свое урочище или на свою гору, выпавшую по жребию.

Вместе с Семеном Чебурновым я попал к принцу Ольденбургскому. Наш маленький караван тронулся в сторону Мастакана, где, по предположению Чебунова, находились зубры.

Упитанный, скорый в движениях, с округлым лицом и живыми, хитрыми глазами, принц в своем опушенном мехом кафтане очень напоминал удачливого купца первой гильдии. Но на коне сидел хорошо, даже молодцевато.

— Ты видел зубров? Сам видел? — то и дело спрашивал он егеря.

— Целыми сотнями видел, ваше высочество! — Круглые, нагловатые глаза Семена чисто и честно глядели на принца. Врать он умел, про то вся станица у нас знала. — Целыми стадами ходят отселева на Бомбак и обратно. Опять же где им и быть, как не возля лугов. Мошки на верхотуре меньше, ну и трава... Можете не сумлеваться, найдем и стрелим, пустыми не возвратимся.

Передав лошадей казакам и приказав им идти долиной, мы втроем начали подниматься по заросшему откосу к границе леса и луга. Шли тихо, принц — в середине, чуть приотстав от Чебунова. Не успели пройти и версты, как Семен сделал знак и присел. На самой опушке леса, где скалы осыпались дресвой и прорывали гущу пихтарника, испуганно переступали с ноги на ногу четыре серны.

— Жераны, ваше высочество, — прошептал охотник. — Бейте первую, а мы ударим по тем двоим. — Он даже вспотел от волнения, так ему хотелось выстрелить.

— Не смей! — Принц строго замотал головой. — Сверни левой. Убьем эту мелочь, а зубров перепугаем. Не за тем вышли.

— Так ведь синица в руках ловчей, чем журавль в небе.

Но принц даже притопнул, рассердившись.

Потом наткнулись на одинокого шписака — прошлогоднего оленя с тонкими рожками — и тоже не тронули. Утомительно долго двигались вдоль заваленного обломками скал крутого склона. Горы как вымерли. Тихо. Солнечно. Свежо. А над величавым Ачижбоком уже закручивались плотные облака. Похоже, там собирался дождь. Он часто идет в горах после полудня.

В бесплодном поиске прошло три или четыре часа.

День стал клониться к вечеру. Небо затянуло, пейзаж вокруг посуровел, настроение у принца упало. Кажется, он уже жалел, что не взял серну. Два или три раза где-то очень далеко ударили из винтовки. Звук этот возбуждал зависть.

Семен все время уходил вперед, принц порядком утомился, полы расстегнутого кафтана на нем намокли и болтались. Изредка Чебунов оборачивался, лицо его теперь не выглядело таким самоуверенным.

— Где же зубры, егерь? — в сотый раз спрашивал принц, когда останавливались на коротком привале. — Где твои сотенные стада, обманщик?

— Не враз, ваше высочество, — коротко и вежливо отвечал Семен. — Торопиться в горах дело мудреное.

— Найдешь — одарю, — решительно сказал принц.

Семен выразительно посмотрел на меня.

С неба посыпалось. Сперва нехотя, редко, потом мелкий дождь шепеляво и настойчиво зашуршал по листве, облака опустились так низко, что, казалось, не падали совсем потому, что их удерживали верхушки пихт. Принц все чаще посматривал на часы, согнулся, выражал усталость и досаду. Охота явно не удалась.

Особенно осторожно проходили через частый пихтарник. Дымка, вызванная мелким дождем, и сам дождь мешали видеть. Я отклонился чуть левей по склону, остановился, поджидая остальных, и припал плечом к теплому стволу дерева. Что-то словно толкнуло меня глянуть вперед. Из-за поваленного ствола старой пихты, покрытого изумрудно-зеленым мхом, горбато подымалась черно-коричневая холка невиданного зверя с широко поставленными рогами. Зубр... И всего шагов семьдесят.

Зверь не увидел меня и не почувствовал. Первым движением было перехватить винтовку, изготовиться. Изумленный, даже напуганный этой встречей, я обернулся и увидел в пятнадцати шагах от себя присевшего Семена. Егерь делал знаки принцу, а тот, выставив перед собой магазинный маузер, выпученными, непонятливыми глазами смотрел то на Чебурнова, то на лес, куда тот указывал, и никак не мог догадаться, чего от него требуется.

Шипящий звук достиг наконец его ушей.

— Зубра смотрит, ваше высочество...

В темнеющем просвете между тонкими стволами пихты рисовалась еще одна темно-косматая короткая голова с широким лбом и толстыми рогами. Голова была низко опущена, выше рогов бугрился мощный загривок.

Я перевел взгляд. Мой зубр спокойно лежал на месте.

Резкий выстрел раздался, ближний зубр вскочил и сделал на месте крутой поворот. Затрещали сучья, показалось, что за ним побежал кто-то маленький, с более светлой шерстью, но тут загремели еще и еще выстрелы, Чебурнов, со сбитой на затылок шапкой, с лицом напряженным и зверским, бил раз за разом по бежавшему под гору зубру. Свалить — вот чем жил в эту минуту упоенный охотой егерь.

Спотыкаясь и падая, мы бежали за раненым зверем. Что он ранен, никто не сомневался. Кровь на земле, кусочек вырванного пулей мяса...

— Я бил в бок, за лопатку! — хрипел на ходу принц. — Эта пуля была хороша, он далеко не уйдет.

Раненого зубра увидели у ручья, в самом низу распадка. Зверь стоял, низко опустив голову, словно прислушивался к земле, которая так долго его хранила. Увидев людей, животное не сразу побежало дальше. Жизнь оставляла его. Чебурнов приложился с колена, выстрелил еще и еще. Принц разрядил, кажется, весь магазин. Буквально изрешеченный пулями, зубр сделал несколько шагов, ноги у него подкосились, он пал на камни и громко замычал от нестерпимой боли или от ужаса смерти. В следующую минуту туша его тяжело и неловко повалилась на бок.

Никак не думал я, что этот великосветский человек может выделывать такие дикие колена вокруг убитого зверя! Наверное, точно так плясали люди каменного века возле поверженного мамонта или пещерного медведя. Принц размахивал руками, маузером, подбрасывал ноги и, забыв об усталости, кричал что-то по-русски и по-немецки, прославляя себя и весь свой род до седьмого колена. Затем, вспомнив о Чебурнове, сунул руку за борт куртки, достал кредитку и царственным жестом протянул ее егерю:

— Обещал? Бери. Спасибо тебе, казак!

Семен с поклоном принял крупную деньгу, быстро сказал:

— Мне бы еще братца устроить в охоту, ваше высочество. Ваньку.

— Сделаю и братца, раз такая удача. Все сделаю!

— Премного благодарен! — Хитрая рожица егеря подмигнула мне: проси, пока он добрый...

Я смолчал. На душе было очень плохо.

4

Первый зубр, которого я видел. Мертвый зубр.

Легендарный зверь, могучий горный домбай.

В больших и темных, остекленевших глазах его застыл удивленный упрек. Что плохого сделал он людям? Разве нам так уж тесно на земле, что кто-то непременно должен исчезнуть? Или людям нечего есть, и мы, властители природы, вынуждены убивать, чтобы не умереть с голоду? Нет, не то, не то...

Егеря Кубанской охоты, наблюдающие за зубрами, считали, что этот зверь остался только между Лабёнком и Белой, в самых труднодоступных, первобытных лесах. Здесь последний их оплот, последнее убежище. Дальше зубрам уходить некуда. Везде люди, повсюду в лесах стук топора, из-за каждого дерева выглядывает винтовка.

А теперь вот и здесь, в последнем убежище...

Насладившись содеянным, принц послал меня разыскать лошадей. Стало быстро темнеть, а почевать в мокром лесу ему не хотелось.

Семен показал, где искать казаков. Я торопливо ушел. Но задание неожиданно упростилось. Казаки услышали пальбу из винтовок и сами двигались навстречу, посвистывая, чтобы не разойтись.

Передавая распоряжение принца, я послал одного верхового в лагерь сказать, чтобы препаратор готовился к работе прямо с утра, а сам с двумя казаками вернулся к убитому зубру.

Чебурнов уже потрошил зверя. Делал он это с умением и, я бы сказал, не без удовольствия. Такая гора мяса! Вырезав печень и добрый кусок мякоти, егерь затолкал все это в мешок, потом накидал поверх туши пихтовых веток и наказал казакам оставаться, чтобы «добре стеречь принцеву добычу».

По темнеющему лесу мы поехали в сторону лагеря.

Семен хорошо выбирал тропу. Он использовал какие-то звериные ходы, потому что без них, напрямик, через густой лес и каменные завалы, не только проехать, но и пройти невозможно. Тем более ночью. Принц покачивался в седле от усталости. Семен то и дело оборачивался:

— Осторожно, ваше высочество, ветка нахилилась...

Когда чернота сделалась непробиваемой, егерь, не сходя с седла, достал из подсумка подсушенные сосновые корни и зажег их. Красное копящее пламя высвечивало из тьмы три шага впереди. Лошади пошли уверенней.

Наконец мы услышали протяжный звук охотничьего рога. Он повторялся ежеминутно. Это на бивуаке давали знать припоздавшим охотникам. Минут через тридцать мы въезжали в лагерь.

Принца приветствовали, как победителя. По команде Шильдера его сняли с седла и на руках понесли к столу. Там уже красовалась большая, фольгой обернутая бутылка. Но за столом еще не было великого князя, хотя его ждали с минуты на минуту. Принц весело рассказывал, как он послал «хорошую пулю» под лопатку дикому зверю, и посматривал на костер, где жарили мясо зубра. Остальные охотники тоже провели день не без добычи. Шильдер убил оленя и двух серн, еще один гость, имени которого я не знал, уложил серну и медведя. Осталось узнать, какая удача вышла великому князю.

И вот показалось шествие. Впереди два казака несли фонари. За ними вышагивал княжеский конь, потом ехали егеря. Князь был счастлив, на лице его не осталось и тени всегдашней не-

высказанной обиды. Едва свалил он с седла свои длинные ноги, как похвастался:

— Прекрасный олень попался, господа! Шестнадцать концов, можете себе представить! Подходящее украшение для нашего охотничьего зала в Боржоме. И еще серна и тур, тоже с хорошими рогами. Я вспоминаю, что в Швейцарских Альпах самые опытные охотники после недельного блуждания могут наконец подобраться к серне. А тут в первые часы охоты вдруг видишь удивленную мордочку серны всего в сотне шагов, бьешь на выбор. Ютнер, выношу вам признательность. Вы правы, животные здесь приумножились. И после этого отдавать Охоту в другие руки?..

Князь учтиво поздравил принца с удачей.

— Теперь дело за вами, Владимир Алексеевич, — напомнил он Шильдеру. — Семеновские гвардейцы не могут подкачать!

Хлопнули пробки. Ужин при свете фонарей шел весело. Семен, крутившийся поблизости от стола, основательно напробовався хмельного. Перед сном он отыскал меня, признался в удаче:

— Слышь, я ведь братана своего, Ваньку, пристроил. Принц уже сказал великому, а тот кивнул, и Ютнер записал. Ванька больно охочь до ружья. Ну, теперь законно в охоте. А вот ты оплошал. Надо было и тебе стрелять. Хоть в небо. Глядишь, кредитка в руках. Цени! Аль ты зубра проглядел?

— Видел. Другого.

— Другого? А пошто не бил?

— Разрешили только одного.

— Вот дитё! — Семен даже руками всплеснул. — Ну кто принца изругает, ежели он двух уложит! Или даже троих! Это сказано — одного, а где один, там, значит, бей, пока патроны есть.

Семен еще долго и словоохотливо болтал, и стало ясно, что егерские обязанности не очень стесняли Чебурнова, если он встречал на своем обходе зверя. Двуличие никак не укладывалось в моей голове, и я сказал Семену, что подобное нечестно, животных надо беречь.

— Для кого? — с неожиданной злостью в притушенных словах спросил он. — Для их высочеств да прихлебателей разных? Хватит им. Приедут тут с фонариками, с новенькими маузерами, с бургундским и прочим, а ты гони на мушку ему, наводи на зверя! Да ежели им можно, то уж нам сам осподь велит. Кто хозява в этом лесу, скажи? Мы — хозява!

Он осекся и пытливо, враз потрезвевшими глазами посмотрел мне в лицо. Испугался своих откровенных слов. Помолчал, подумал и все-таки напомнил:

— Ты это... В общем, услышал — и забыл. Мало ли что середь друзей не говорится, понял? Уж если к нам попал, будь своим, понял?

Даже проблеска простой человеческой любви к животным нельзя было уловить в словах Чебурнова. Я вспомнил, какое у него было лицо, когда всаживал в зубра пулю за пулей. Какая там жалость!

На другой день принц на охоту не поехал. Семен со скрытой усмешкой сказал, что «его высочество зарьял», то есть переутомился. К нему прибыл специальный служащий в форме штабс-капитана и почта. Мы тоже остались в лагере.

Неожиданно вестовой выкрикнул мою фамилию. К принцу. Велено тотчас. Семен проводил меня тревожным взглядом.

Его высочество сидел в тени ширококромной дикой груши, закутавшись в теплый красивый халат. Солнце припекало, но с высот подувал довольно свежий ветер, и принц опасался его. Штабс-капитан почтительно стоял рядом.

Не отрываясь от бумаг, принц спросил:

— Ты в Лесном институте учишься? Скоро кончишь?

Я ответил. Да, в Лесном. Да, скоро. Через год.

— Значит, уже разбираешься в нашем деле. Вот мой управитель по лесам абхазской дачи, — тут он кивнул на штабс-капитана, — представил договор с лесоторговцем на предмет рубки леса. Хитрый купец не подписал: чрезмерно строгие требования. Прочти и скажи свое мнение. — И он подвинул ко мне большой лист бумаги. — Садись. У нас совет. За свой лес стараемся. И за червонцы, конечно.

Принц сказал это смешливо. Но, прочитав первые строки договора на лесосеку, я понял, что высокое придворное положение владельца богатейших лесных дач на берегу Черного моря не мешает ему быть и хозяином и прижимистым торговцем.

В договоре на продажу леса из гагринской дачи, который от имени принца Ольденбургского составил капитан Воршнев, было сказано:

«Контрагенту, купцу Оркину, предоставляется право вырубить все буковые, ясеневые, кленовые, карагачевые деревья диаметром в шесть и более вершков на высоте груди (четыре фута от земли) и все пихтовые диаметром в девять и более вершков. На остальной площади дачи — все перестойные деревья диаметром в восемнадцать и более вершков. Контрагент обязан возле каждого срубленного дерева засеять семена той же породы на десяти площадках не менее одного квадратного фута каждая. За недоочистку пихтовых вершин и отрубков от коры контрагент уплачивает по одному рублю с каждого дерева. За

неуборку дерев, повалившихся на визиры и дорогу, — по три рубля за дерево.

Договор сей обе стороны обязуются исполнять свято и нерушимо».

В документе чувствовалась крепкая хозяйская хватка. И забота о лесе. Уважение мое к капитану возросло.

— Что скажешь? — Принц смотрел на меня хитрыми глазами.

— Договор составлен умно, в полном соответствии с законами лесовозобновления, — ответил я уверенно, потому что так нас учили. — Но если ваше высочество позволит, я бы предложил дополнить его.

— Ну-ну...

— На Кавказе, где произошла вырубка, очень быстро подымается всякий лесной сор. Ежевика, бузина, крапива, разная трава. И она в первые два года наверняка заглушит посеянные площадки. Может быть, стоит возложить на контрагента ответственность за рост посеянных культур хотя бы в течение первых двух лет. Прополка, рыхление. Тогда лесовозобновление принесет плоды.

Принц посмотрел на капитана. Тот мрачно высказался:

— Оркин и без того наши условия подвергает сомнению.

— Он возьмет с каждой десятины не меньше чем полторы тысячи золотом чистой прибыли! — закричал вдруг принц. — Скажи ему, что мы не отступимся ни на шаг! Внеси дополнение об ответственности за посев. Если же будет ломаться, то напхни между прочим, что лесоторговец Мезеринг, представляющий голландское общество кораблестроения, из-за одних только каштановых дерев хоть завтра подпишет с нами этот договор. Ему ведомо, из чего вытесаны стропила Реймского собора и в каких бочках италийцы держат свои лучшие вина. Моей древесине цены нет, а он еще торгуется! Вот так. А тебе, студент, спасибо. И хотя зубра вчера ты не стрелял, вижу, голова у тебя на месте. А чего не стрелял, скажи? Растерялся? Не успел?

— Жалко, — тихо ответил я и густо покраснел.

Принц хотел что-то сказать, но вдруг сжал зубы и задумался. Немного погодя, отпуская меня, напомнил:

— В три часа поедем глянуть, как распорядились со шкурой.

З а п и с ь в т о р а я

Волки на скалах. Разговор Ютнера с хозяином Охоты. Большой костер в пихтовом лесу. За зубрами на Умпырь. Барс в капкане. Решение великого князя

1

Хрусткий сентябрьский день раскрыл нам высокогорье во всей его погожей и яркой красе. Тронутые первыми морозами леса создавали чудную, будто волшебником рисованную картину. Добавьте к этому высокое, очень голубое небо, удивительную прозрачность воздуха, близкие — рукой подать — скальные вершины со снеговыми шапками, так величественно вписанные в горизонт, и тогда рисуйте в своем воображении пейзажи, лучше которых, наверное, нет на всем свете.

Бивуак, заброшенный на высоту почти двух верст над уровнем моря, в этот полуденный час обильного солнца и ярких красок жил неспешной, малолюдной жизнью. Все уехали на охоту. Лишь у костра трудился повар с помощниками да лениво бродили несколько свободных казаков из obsługi.

Невдалеке от лагеря пастух Пачо уложил на отдых баранту и додаивал третью корову, отгоняя гортанным криком нетерпеливого телка, который настойчиво тянулся к вымени.

Я спустился к пастуху. Старый лезгин не спеша, с достоинством процедил молоко, отстегнул от своего ремня большую медную кружку с помятыми боками и, зацепив ею пенистое парное молоко, протянул мне:

— Пей, молодой джигит, поправляйся.

Молоко показалось необыкновенно вкусным. Оно вобрало в себя аромат разнотравья со здешних лугов и чистоту студеных ручьев, родившихся из недалеких ледников.

Пачо стоял, широко расставив ноги в кожаных постолах. Скрестив натруженные руки на груди, перетянутой крест-накрест ремнями, горец задумчиво смотрел на скалы, на небо. Суровые складки на темном, заросшем лице его расправились. Что-то детское, доброе проглянуло в человеке, прожившем долгую жизнь.

— Ва-ах! — полной грудью и с нескрываемой радостью выдохнул он. — Дивно все на горах! Вот почему у горцев много песен и голосистых певцов. Хорошие песни. Их не надо придумывать, они выются вокруг, как вольные птицы. Все поет, ты слышишь? Лес поет. Цветы поют. И камни поют. Как же не запеть человеку, а? Только в горах велик Аллах! Здесь его хижина.

Пачо осмотрелся с каким-то суеверным удивлением, словно надеясь увидеть вот тут, на поляне, вседержителя мусульман. С глазами, полными восторга, лезгин поднял голову и так, с запрокинутым лицом, вдруг пошел по лугу, пока не скрылся за густыми кустами неопавшего жасмина. Я не спеша вернулся в бивуак.

Наш принц уже расхаживал одетый в охотничий костюм и поучал казаков. На меня он едва глянул. Я быстро оседлал коня, пакинул вьючные сумы и оказался рядом с Чебурновым.

Семен, проспавший под буркой все эти часы, успел собраться с небывалой быстротой. Он сидел в седле отекший, сонный и силился подавить зевоту.

Так и не глянув на свою свиту, принц тронул коня, хотя едва ли знал, где искать тропу и вообще куда ехать. Чебурнов молча опередил его, и маленький наш караван начал пологий спуск к темнеющему урочищу.

Сбоку и выше по горе послышались голоса, и тут мы сошлись с группой конных. То был великий князь со своими егерями. В его группе находился и есаул Улагай. Они меняли место сегодняшней охоты.

— Неудача, Петр Александрович, — сказал князь. — Ходили, бродили, даже гай пробовали устроить, но так ничего и не нашли. Напугали вчера дичь, ушла. Переходим в другой район. А по пути решили на вашего зубра глянуть.

— Я польщен, ваше императорское высочество! — Принц привстал на стременах и снял шляпу. — Вперед, егеря!..

Чавкая копытами, лошади перешли через болотце. Цепочка всадников забралась на более сухой, заросший мелколесьем склон. Некоторое время ехали выступом глубокого обрыва, опасно поглядывая вниз. Второй хребет подымался слева, наискосок от нашей тропы. Скальные луга его светились под солнцем ярким разнотравьем.

— Не всех распугали, ваше высочество, — сказал вдруг егерь Телеусов, сопровождавший князя. — Извольте глянуть... — и рукояткой нагайки показал на гребень освещенного хребта.

Рельефно выделяясь на фоне густой небесной синевы, по обрезу хребта неторопливо шествовало несколько волков. Хищники, видимо, были сыты, тяжелы и потому не очень сторожки. Да и увидеть людей внизу, где тень от леса и скал, не так-то просто. До них было не менее восьмисот шагов.

— Какая отличная цель! — оживился князь и мигом свалился с коня.

— Только с упора, ваше императорское высочество, — предупредил Телеусов. — Извольте планочку переставить на восемьсот.

Великий князь долго целился — уж очень ему хотелось свалить волка и удачным выстрелом оправдать пустой день. Прогрохотало. Волки остановились, потоптались на месте, беспокойно оглядываясь. Ни один из них не пострадал. Звук выстрела, размноженный многоголосым эхом, затруднял определение опасного места. Прогремел еще один выстрел. И тоже мимо. Волки побежали, но не за хребет, а почти параллельно нашей тропе. Громким шепотом князь приказал:

— Стреляйте же! Уходят!..

Быстрее всех спустил курок Улагай. Его пуля пропела перед мордой одного волка, все заметили, как хищник бросился назад, ближе к нам. Чебурнов, так и не снявший винтовки с плеча, равнодушными глазами следил за стрелками.

— Давай ты, Андрей. Покажи, как наши умеют, — тихонько сказал он.

Я положил ствол винтовки на толстый сучок березы и перевел мушку на аршин перед бегущим волком. Толкнуло прикладом в плечо. Хищник на ходу перекрутился вокруг себя и, скользя по каменной осыпи, безжизненно пополз вниз. Остальные волки прибавили ходу.

— Еще, еще! — громко кричал князь.

Опять выстрелил Улагай. Его обострившееся, напряженно-злое лицо мелькнуло сбоку. Кажется, он все-таки ранил второго; волк сбавил скорость и скособочился, пытаясь достать языком рану на бедре, однако продолжал бежать. Ободренный первым успехом, я прицелился и выстрелил дважды кряду. Свалился еще один. Дальше стрелять не было смысла — хищники мелькали среди кустарников.

Князь обернулся и, сощурясь, смотрел на меня:

— Узнаю, узнаю! Не зря мы взяли тебя на охоту, студент!

За волками бросились два казака. Я остался на тропе ждать их. Остальные поехали дальше.

— Здоровый, чертяка, — сказал первый казак, сбросив на тропу убитого волка. — Пуда на три. А та — волчица: вишь, посветлей шерстью. Куда их теперича?

Я не знал — куда, и хлопцы распорядились сами: содрали с обоих шкуры и повезли препаратору. Даром, что ли, лазили на откос? Глядишь, и купит.

Мы подъехали к убитому зубру, когда все остальные давно уже были на месте. Люди успели затоптать всю поляну. Трещал валежник на большом огне. Сладко пахло вареным мясом. В стороне под руководством опытного академического препаратора разделявали голову зубра, еще трое натирали квасцами тяжелую растянутую шкуру. Принц в который уже раз рассказывал, как он убил этого зверя. Бородатый Ютнер сидел позади князя и задумчиво смотрел вокруг. Он заметил меня и сделал знак подойти.

— Что волки? — спросил без особой заинтересованности.

— Привезли шкуры. Один матерый. Куда прикажете?

— Препаратору. Он подумает, что с ними делать. Не очень устали?

— Мне нравится, ваше превосходительство.

— Что нравится? Охота? — Темные брови Ютнера поднялись.

— Все нравится. Жизнь в горах. Приключения.

Он печально улыбнулся:

— Вам нравится... Хорошенько смотрите вокруг, юноша. Особенно на зверей смотрите. Когда у вас голова поседеет, вы уже не найдете того, что видите сейчас. Зверь гибнет. Мы сами тому виной. Вот одним зубром меньше. Завтра еще. Так придет конец. Исчезнут, как столетия назад исчез в Европе черный тур. Это вам тоже нравится?!

Я стоял и чувствовал, как неудержимо краснеют, даже пощипывают уши, щеки, лоб. Управляющий опять вздохнул. Никогда не думал, что он, Ютнер, способен так переживать. И где? На охоте, которую сам направлял и организовал. Разве

не Ютнер позавчера сказал: «Пусть удача в охоте на серну, оленья; кабана, медведя и горную птицу сопутствует вам, господа»? Поощрение охотников не помешало ему высказать сейчас свое истинное отношение к тому, что происходит. Нечто похожее зарождалось и в моей голове. Гораздо большее, чем жалость к животным...

— Что задумался? — спросил вдруг Ютнер. — Не понял меня, двуликого Януса? Нет, молодой человек, если сопоставить охрану Кавказа и вот такие наезды со стрельбой, преимущество будет на стороне охраны. А с этим... — он быстро глянул в сторону костра, — с этим приходится мириться. Иначе не будет и охраны. И тогда начнется всеобщее избиение. В первую очередь погибнет зубр. Ты только начинаешь службу, и тебе надо с первого дня понять это. А за волков спасибо. После того как гости уедут, мы найдем время еще поговорить с тобой.

Он высказал все это вполголоса. Нетрудно было догадаться, что Ютнеру постоянно приходится балансировать у опасного порога. Вряд ли он может сказать подобно великому князю.

Всех позвали к костру пробовать мясо зубра. Большие куски вылавливали из круглого котла, вместо тарелок пошли лопухи. Ели руками, по-дикому впивались зубами в мякоть, обгладывали кости. Мясо оказалось жестковатым, с горчинкой. Жир не плавился. Желтый, как воск, он скоро твердел. Словом, не бог весть какая гастрономия.

Полковник Шильдер вытер рукавом кафтана жирный рот и сказал:

— Вспоминаю, ваше императорское высочество, войну. Когда мы оттесняли из горных аулов черкесов, то находили в коптильнях целые склады сушеного и вяленого мяса зубров. Воины Шамиля стреляли их десятками, чтобы обеспечить свои отряды питанием. Так что, покончив с войной, мы в какой-то степени содействовали сохранению этого зверя.

Ютнер невесело усмехнулся:

— Вы, Владимир Алексеевич, забыли о сопутствующих войне опустошениях. По приказу командующего войсками в Черкессии генерала Евдокимова в горах вырубали и выжигали тысячи десятин леса, лишая зубров постоянного места обитания, загоняя их в неприступные ущелья. Этот зверь, позвольте мне напомнить, погибает не столько от пуль, сколько от нежелательного изменения условий жизни.

Великий князь засмеялся, его маленькое лицо сощурилось.

— Панихида над останками твоего первого и, наверное, последнего зубра, Петр Александрович! Не осанну поет тебе Ютнер, а награждает геростратовой памятью. Вот так-то, за твою храбрость и удачу. Но довольно, господа, петь заупокой-

ную. Дело сделано, и чучело этого зверя скоро появится в залах императорского музея. Дело за тобой, Шильдер. Или после проповеди управляющего у тебя дрогнет рука?

— Никак нет! — коротко бросил адъютант. — Жажду добычи.

— Остается пустое: найти эту добычу. Так, Шильдер? Вижу, что ты не убоишься геростратовой славы. Хвалю! Бери себе моего егеря, он знаток зубров, наведет тебя на стадо. И его, — князь ткнул пальцем в мою сторону, — студента возьми. Если что, меткая винтовка сего отличного стрелка поможет тебе за-получить желанный приз. А мясо напоминает лосиное, не правда ли? Меня не оставляет мысль, что мы едим сейчас доисторическую пищу, которой питались люди каменного века. Так, кажется, ты объяснил мне, Ютнер?

— Да, ваше императорское высочество. Зубр — старый житель на земле. Гуляет миллионы лет. Современник мастодонта и саблезубого тигра.

— Вот видите! Знаю, что грузинские князья с особым удовольствием пили в старину и пьют доселе вино именно из зубровых рогов. Ценят их.

— Князь Ислам в Абхазии имел набор подобных кубков числом в шестьдесят штук, а на пирах у князя Дициана Мингрельского ходило до семидесяти кубков, — вставил Шильдер.

— Откуда такие сведения? — Князь прищурился.

— Читал записки доминиканского монаха Де-Люка о его путешествиях по Кавказу, ваше императорское высочество. Он описывал и охоту на адомеев, как здесь называли зубров, и княжеские пиры.

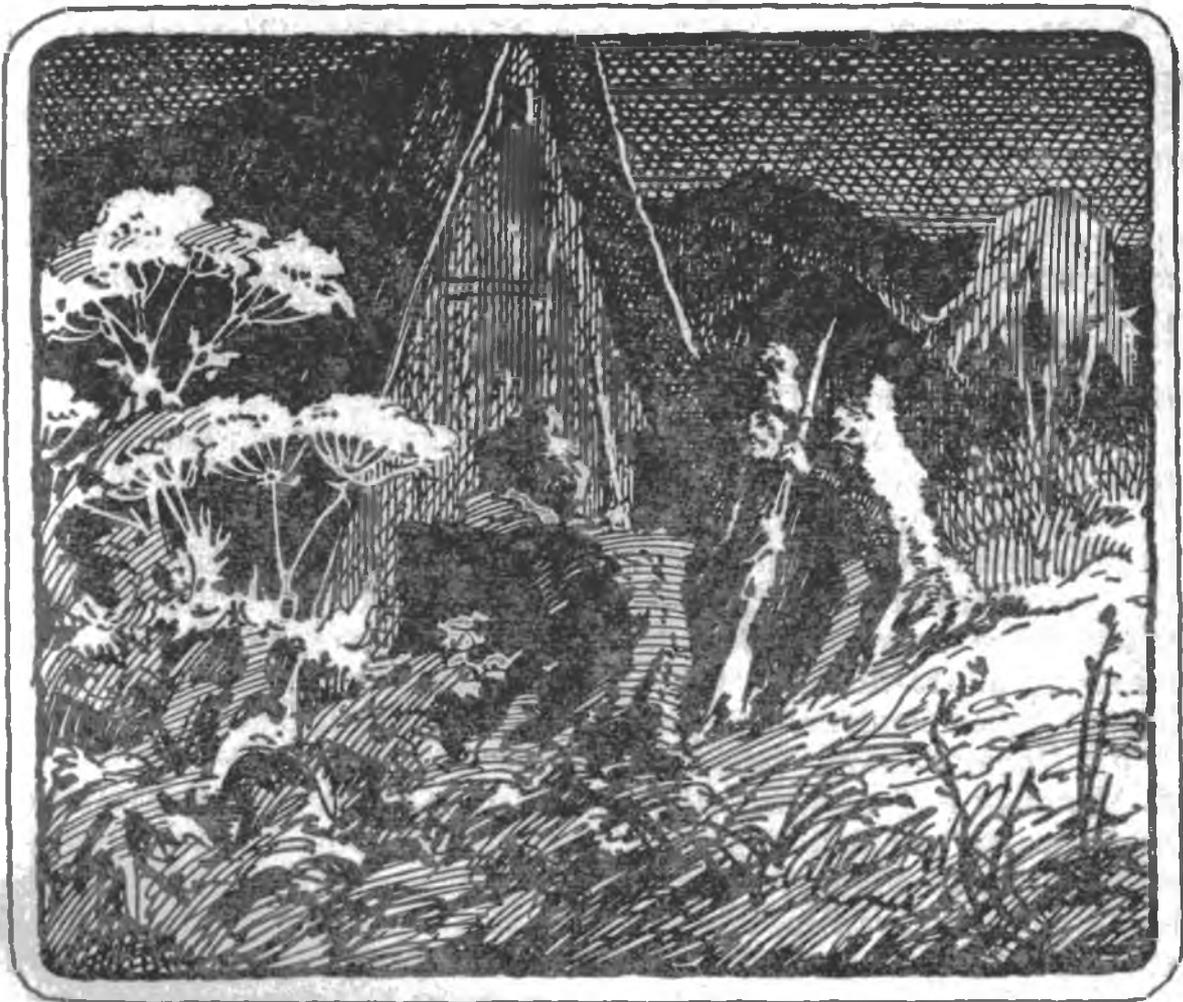
— А можно ли верить монаху, да еще католику, а? — Князя уже затрясло от смеха. — Отличит он зубра от домашнего быка?..

Плескалось на лесной поляне красное пламя костра, хохотали довольные собой охотники, молча делали свое дело препаратор с помощниками. Уже никто не ел, насытились. Семен Чебурнов деловито отрезал от туши полоски мяса и развешивал их над огнем — готовил впрок. Не упускал случая пополнить свой вещевой мешок.

Понемногу разговор стал опадать, лица делались задумчивыми. Не глухой ли лес так действовал на людей, напоминая им о вечности, о краткости человеческой жизни перед лицом этой вечности — перед огромными вековыми пихтами, неизносимыми красными скалами, вечно гремящей рекой?..

Князь оперся ладонями об острые колени, тяжело встал. И сразу весь лагерь поднялся.

— В путь, господа, — сказал он. — Сегодня отдохнем, а завтра чем свет разъедемся искать охотничьего счастья.

Пока седлали коней, охотники гурьбой подошли к разделанной наполовину туше и молча разглядывали это непривлекательное зрелище, совсем недавно бывшее могучим красавцем зверем.

И тут принц сказал, высоко подняв от неожиданно посетившей мысли свои рыжие брови:

— А помнишь ли, Сергей Михайлович, разговор в Гатчине с нашим государем императором? Когда мы встретились там, что он изволил молвить? Вижу, запомятовал. Тогда позволь напомнить. Разговор шел как раз о кавказском зубре, да-да! Государь молвил, что еще не видывал горного зубра, хотя и охотился на зубров беловежских.

— Припоминаю. Но какая связь?..

— Надобно поймать молодого зубренка да переправить в царский охотничий парк. То-то порадуетесь государь, увидев еще не видаемого зверя! Можно исполнить его пожелание?

Великий князь вопросительно глянул на Ютнера.

Тот склонил голову:

— Ваше повеление для меня обязательно. Дам указание егерям.

— И чтоб как можно скорей. У тебя, Петр Александрович, отличная память!

Уже завечерело, когда наш отряд прибыл на бивуак. Князь сразу же скрылся в своем шалаше. Устал. У входа уселись два казака с винтовками и при шашках. Шильдер зашел в шалаш и тотчас вышел, позвал повара:

— Его императорское высочество изволили потребовать себе ужин в помещение. Быстро!

Через несколько минут к шалашу потянулись один за другим четыре человека с блюдами на вытянутых руках.

Семь или восемь костров ярко горели на поляне. Около одного ужинали с вином принц и другие гости князя. Вокруг других толпились казаки, слуги, егеря. И здесь обносили чаркой, но застолье не гомонило, как обычно, все старались говорить вполголоса. Из шалаша вынесли посуду. Туда опять заглянул Шильдер, вышел, поманил к себе урядника Павлова:

— Песельников. Чтоб тихо и протяжно.

Человек пятнадцать специально присланных из Екатеринодара казаков уселись недалеко от шалаша, пошептались и вдруг складно, многоголосо, но тихо запели известный романс «Ночевала тучка золотая на груди утеса великана...». Мелодию вели два тенора; их чистые голоса поднимались над приглушенными басами, дрожали и неслись над поляной, наталкивались на скалы, многократным эхом отражаясь в свежем воздухе. Все затихло и загрустило. Огонь плясал на бородатых лицах, горы строго слушали чудную песню, созвучную их простой и величественной жизни.

Когда закончилась песня, никто не шелохнулся. Кони сбились за кострами, прядали ушами, но не фыркали, не двигались, замороженно уставились на огонь.

В шалаш осторожно заглянул доктор. И по тому, как многозначительно поднял он палец, все поняли: князь почиет...

Осторожно передвигаясь, гости и казаки стали укладываться на сон.

Мы с Чебуриновым лежали рядом.

Утомленный Семен скоро стал дышать ровней, глубже. Уснул.

Далеко протрубил олень, потом закричала, словно обиженный ребенок, неясить. Внизу, от реки, стал вспучиваться туман, вскоре он достиг нашего лагеря, омочил кусты, бурки и лошадиные спины сизой росой, заставил плотнее запахнуть одежду. Я согрелся и тоже уснул.

Кто-то тронул меня за плечо. Спокойный голос сказал:
— Вставай, Андрей. Собираемся.

В предрассветной сини надо мной стоял Телеусов. Он был уже с винтовкой, при всей выкладке.

Только тут я вспомнил, что сегодня мы с Алексеем Власовичем сопровождаем Шильдера, ищем зубра для полковника. Вскочил, побежал к ручью, плеснул на лицо ледяную воду и бросился за конем. Через десять минут, держа под уздцы своего гнедого Алана, я стоял вместе с Телеусовым у мохнатого — из веток — шалаша полковника и слушал, как тот ворчливо гудит на своего денщика, собираясь при слабом свете керосинового фонаря.

Шильдер вышел, потянулся, спросил:

— Куда в такой туман? Дорогу найдем ли?

— Отыщем, ваше превосходительство, — успокоил его Телеусов. — Нам не впервой. Извольте я подержу стремя.

Телеусов был старше меня лет на семь или больше. Удивительно спокойный, благообразного вида, с доброй улыбкой на губах; он годился бы, наверное, в священники, а стал егерем. Душа у него, как видно, была добрая. Разговаривая, даже споря, он никогда не подымал голоса, не кипятился. Движения его были плавными, любое дело он делал не спеша, но по-мужицки основательно. Словом, зарекомендовал себя как человек артельный, общительный и ладный. Не навязываясь, Телеусов сразу становился товарищем и другом. Вокруг него постоянно ощущалась атмосфера всеобщего уважения. Невысокого роста, с тощей легкой фигурой и продолговатым лицом, на котором темнели узкая, сбрита по щекам бородка и тонкие усики, он был постоянно окружен друзьями. Врагов у него, похоже, не было.

Когда мы уже двигались по лесной тропе в непроглядном молочном тумане, Шильдер подозвал Телеусова, и они долго ехали рядом. Полковник недоверчиво выспрашивал, куда ехать и далеко ли отсюда. Алексей Власович спокойно и обстоятельно отвечивал, его тенорок действовал, видать, успокоительно, однако когда я услышал, что едем на Умпырь, то догадался, что ночевать будем не в лагере. Место это отстояло верст на двадцать от бивуака, за двумя перевалами. Но тогда я еще не оценил способностей следопыта-егеря, который знал всю округу, как свою собственную ладонь, и мог при необходимости сократить расстояние чуть ли не вдвое.

За нами гуськом двигались еще пять всадников.

Взошло невидное солнце, туман побелел и заколыхался. Подул холодный ветерок. Наверное, мы были все еще высоко,

потому что вдруг увидели чистое небо, дальние горы и глубоченное ущелье справа. Там колыхался плотный, похожий на вату туман, а под этой ватой гремела река. Отвесные стены падали вниз на добрые полверсты.

Впереди открылась долина, окруженная горами.

Я не сразу узнал в редющей мгле эту знакомую мне закрытую со всех сторон долину. Бывал здесь, бывал!

Что за прелесть вот те группы толстых ширококронных дубов посреди слегка пожухшего, но еще цветного, шелкового луга! Что за пышные черемухи вдоль берегов трех рек, соединяющихся здесь! Какими прекрасно-плавными уступами сходят в долину высокие горы, одетые в зелень всех оттенков! А розовые и коричневые скалы в убранстве из редкого сосняка! Сгрудившиеся на южном склоне горные клены, выше которых девичьей белизной выделяются березняки...

Телеусов остановил коня. Караван наш сжался, лошади затоптали по мягкой хвое; им не терпелось вниз, к лугам, сочный запах которых раздражал их ноздри.

Голубые глаза егеря улыбались.

— Чистый рай, ваше превосходительство, — сказал он просто и протянул руку в сторону долины: — Туточки жить да радоваться, а мы вот со смертью пожаловали.

Шильдер сердито посмотрел на него:

— Меня интересуют зубры!

— Они теперича как раз попаслись и лежат где-нибудь на лесной опушке. Вот мы поедем краем долины, спешимся возля тех кленов, оставим лошадок и начнем скрадывать, пока не наткнемся на какое-никакое стадо. Коров не бейте, ваше превосходительство. Узнаете их по рогам: они тоньше и поболее загнуты вверх. Ну, и телом помельче. А бык — тот, значит, темней, вроде в медвежьей шерсти.

Спешились, отдали коней и втроем пошли с ружьями на изготовку по лесу. Телеусов шагал саженой на десять впереди. Там, где мы проходили, смолкали птицы, уносились звери, лес позади оставался молчаливый и нахмуренный. Этот лес уже повидал войну, знал, что такое ружье. Полвека назад здесь маршем на юг пробирались батальоны русской пехоты, чтобы как снег на голову свалиться с высот перевала на горный аул Ачипсоу, где бушевало воинственное племя медовеев. Впоследствии там торжественно отмечали конец затяжной кавказской войны. Тогда поселок нарекли городом Романовским, а затем Красной Поляной.

Прошло полчаса, час. Мы всё крались по лиственному лесу, полному невнятных шорохов. Полковник уже первичал, резко отбрасывал рукой ветки низко опущенных

кленов. Вдруг Алексей Власович остановился, присел. Пригнувшись, мы осторожно приблизились, сели на корточки, затаились. Телеусов протянул руку вперед и влево. Смотрите...

В сотне шагов от нас светилась небольшая поляна. На опушке в тени дубового подроста бугрились темные спины зверей. Кое-где трава скрывала зубров почти целиком, виднелись только рога. А на самой поляне играли три зубренка. Росточком разве что до пояса человеку, с коротконосыми головами и заметной бородкой, цветом светло-коричневые, с кудрявыми лбами, они по-телячьи резвились. Возня их была бесшумной, но веселой. Телеусов смотрел и улыбался.

Шильдер вспотел от напряжения. Он поудобней пристроил свой короткоствольный крупнокалиберный маузер и, нащупывая цель, повелительно глянул на меня. Я изготовился.

— Бьем переднего, — зашептал он. — Того, что с высокими рогами. Стреляй сразу после меня, слышишь? Для верности.

Телеусов приложил ладони к груди:

— Ваше превосходительство, то ж зубрицы... Нельзя, управляющий запретил. И малолетки с ними.

Шильдер словно не слышал. Он прирос к английскому маузеру, поводил стволом и нажал на курок.

Раздался сухой щелчок. А выстрела не последовало. Осечка. Полковник вскочил разъяренный, отбросил маузер и сильным от волнения голосом рявкнул:

— Черт побери это мерзкое оружие! Второй раз подводит! — И, побагровев, закричал мне: — Чего уши развесил? Бей!

Но было поздно. Некого бить. Сухой щелчок достиг ушей зверя, который слышит звуки и запахи лучше, чем видит предмет. Стадо словно растворилось в лесу. Лишь треск донесся.

— Вот и хорошо, вот и славно, — приговаривал Алексей Власович и улыбочиво, как ни в чем не бывало смотрел на Шильдера. — Осечка, ваше превосходительство, это же перст судьбы. Природа не дозволила переступить закон, погубить жизнь материнскую. Не гневайтесь, чего уж там. Убей вы, и неловко станет, совесть заговорит. Ушли, ну и ладно, не одно стадо здесь, отыщем быков, вот тогда... Позвольте ваше ружье, я гляну, с чего бы оно...

Слова эти, а может, и смысл, в них заключенный, немного охладили разъяренного полковника, но на меня он все еще смотрел строго-презрительными глазами: почему не выстрелил, не подстраховал? Я и сам не знал — почему.

Между тем Алексей Власович вынул из магазина патроны, осмотрел их, разобрал затвор и показал Шильдеру:

— Масла много, ваше превосходительство, извольте глянуть: полный ободок. Застарело. Ружьецо у вас отменное, только оно чистоту и сухость любит. А тут масло, да и воздух в горах дюже мокрый; бывает, что механизма не срабатывает. Вот на привале позвольте я отлажу вашу машинку, как часы будет. А пока протру хорошенько тряпицей, да и пойдем дальше, за добычей.

Шильдер молчал. Полное лицо его с двойным подбородком словно бы потемнело. Как он переживал неудачу! Без слова благодарности схватил маузер и пошел дальше.

Телеусов подмигнул мне, догнал полковника, потом опередил. Мы пошли гуськом, поднялись к березняку, и тут я понял, что зубров нам больше не видать. На границе лугов днем они не остаются. Телеусов наметил какой-то другой план. Какой?..

Минут через сорок Алексей Власович раздвинул орешник и глянул с уступа вниз. Мы тихо подкрались, вытянули шею.

— Уж не знаю, как и назвать это, не иначе подарок... Вон туда смотрите, где два куста шиповника.— Он шептал в самое ухо Шильдеру.

Сбоку густого, как зеленый шар, куста выглядывала голова крупного оленя. А над головой ветвились чудесные, огромные рога матерого самца с многочисленными отростками, острые концы которых чуть-чуть светились.

У Шильдера, видать, зашло сердце. Он вдруг сел и приложил руку к груди. Даже глаза закрыл. Представил себе эту величественную голову над столом в кабинете...

— Будете стрелять? Рогач спит, прогулял ночку, сердешный, намаялся. Во сне и примет смерть нестрашную... Отпустило, ваше превосходительство? Да вы не торопитесь, переведите ду: , чтобы без суеты. Только тогда уж никакой надежды насчет зубра. На пять верст кругом зверя подыдем.

Теперь Шильдер уже не обращался ко мне. Он лег поудобнее. Телеусов раздвинул ветки орешника, подсунул под ствол плоский камень, чтоб точнее, с упора.

Олень спал, свесив голову.

Раздался выстрел, резкий и сухой. Рогача подбросило едва ли не на три аршина над землей, он еще сумел сделать два прыжка через луг, но все это сторяча. Ноги у него подкосились, он рухнул головой вперед, взрыл рогами землю и затих.

В дальнем конце луга мелькнули тенями несколько ланок. Тревожно закаркали вороны в пихтовом лесу. Серdito прокричала желна, отлетая подальше от опасного места.

Шильдер встал и перекрестился. Благодарил бога за удачное убийство? Или вымаливал себе прощение? Широким платком вытер он лоб, шею и в первый раз за весь день улыбнулся.

План Алексея Власовича удался. Где-то в этой долине остался жить обреченный зубр.

Мы спустились на луг, подошли к поверженному оленю. Он лежал, откинув голову.

Несколько минут Шильдер молча рассматривал жертву. Сказал, указывая пальцем на аккуратную дырочку в двух четвертях от передней лопатки:

— В сердце. И все-таки сделал два прыжка. Вот сила!

— Жить хотел, ваше превосходительство. Кто же не хочет? Всякая тварь бежит от смерти, да не всякая убегает.

— Разделявайте,— сухо приказал Шильдер.— Хоть не с пустыми руками вернемся. Найдут нас казаки?

— Непременно. Они на выстрел уже поспешают.

День перешагнул за обеденное время. Напротив высилась пологая гора с пикообразной скальной вершиной. Ее называли «Сергеев гай», там когда-то удачно охотился великий князь. По нашему берегу вдоль реки шла охотничья тропа с мостками и отсыпкой. Вероятно, назад мы поедем по этой тропе. Хоть дальше, но безопасней.

Когда подошли казаки, мы с Телеусовым почти уже сняли шкуру, отделили голову. Полковник лежал в стороне навзничь, подстелив под себя плащ и кафтан. Его глаза были устремлены в небо. Отдыхал, предвкушая триумф, когда зайвится в лагерь с таким оленем.

Рога поверженного зверя просто удивляли. Между их концами было точно полтора аршина, двенадцать концов ветвились и короне. Как он носил их, бедняга, не запутываясь в лесу? Они-то и погубили его.

Уже горел костер, наскоро жарилось свежее мясо, чтобы подкрепиться перед дорогой. И вот тогда Шильдер сказал:

— Переночуем здесь, ребята. Что-то я очень устал.

Он все еще лежал. Казаки проворно натирали шкуру солью, обделывали голову. Вечерняя заря расцветила каменные вершины Цахвоа с ледником в глубоком цирке, белый хребет Больших Балкан и доверху зеленый Алоус. В природе опять разлился покой. Словно и не грохотал выстрел, и не пятналась трава сгустками крови.

Алексей Власович попросил разрешения отлучиться со мной, чтобы подняться повыше и осмотреть дальние увалы. Шильдер, не открывая глаз, сказал «да», и мы пошли в гору.

— Ты разумный человек, Алексей Власович,— начал я, желая как-то выразить ему благодарность за все происшедшее.

— Ну уж и разумный, — отозвался он. — Тут особого ума не надо. Зубров-то на белом свете все меньше и меньше. Каждый зверь на счету. По их следу смерть так и ходит. Принц положил одного — и будя! Мы с тобой сохранили другого, оленем расплатились — и то на душе теплей. Как гости уедут, думаешь, тихо сделается? Как бы не так! Ты здесь, а какой-нибудь Лабазан уже на Бомбаке с винтовочкой шарит. Ты бегом туда, а вот тут уже абхазцы с мушкетами зубров стерегут. Ведь что, гады, проделывают? Свалят зверя, из шкуры ремней нарежут, мяса того возьмут пуд-другой, рога отобьют, а остальное шакалам. Находил я такие клады.

— Зачем ремни-то?

— Пояса, понимаешь, делают и продают. Поверье у них старое: с таким поясом роженица-баба будто бы проще, легшее дитё рождает. Большие деньги за такой пояс берут! Ну, и рога, кубки, значит. В серебро отделают, полировку там аль еще как — князю своему с поклоном, тот рублей за такой подарок не жалеет. Нагайкой надо, а он одаривает, темный. Зубров все менее, им уж и дыхнуть негде, Умпырь-долина да Киша остались, ну, Молчепа еще, Абаго. Зажаты со всех концов.

— А что за Лабазан, я давно слышу...

— Этого черта так просто не словишь. Сам тебя норовит словить. Уж сколько годов по Охоте лазит. Хитер и ловок, как рысь. Не знаю, куда определит тебя Ютнер, но если б нам вдвоем супротив него, можно бы и отвадить. Не добром, так боем.

— Чебурнов не поможет?

Телеусов даже остановился и вдруг пальцем мне погрозил:

— Ты с ним осторожно, Андрей. Мозги у него крысиные. Продаст и перепродает. Летось я предлагал: «Пойдем, Семен, словим Лабазана и накажем». Юлил, юлил и вывернулся, не захотел. У Семена сердце жестокое, деньгу страсть как любит. Ванька у него, брательник, такой же. И вот, на должности...

Мы вскарабкались на останец; высоты в нем было саженьей сто, не менее. И огляделись.

Солнце уже не заглядывало в долину, лучи скользили только по верхушкам гор. Далеко на востоке горели красным две шапки Эльбруса. Еще дальше смутно рисовался в небе Казбек. Глаз хватывал горы на много верст. Дух захватывало от широкого, многоцветного вида. Позади горбился близкий и высокий хребет Псеашхо. На его зубчатых скалах перебегали видимые отсюда туры.

Телеусов очень осторожно вынул из своего вещевого мешка аккуратно завернутый бинокль, сдул с него пыль, протер стекла мягкой тряпочкой и только тогда приставил к глазам. Бинокль был старый, потертая медь на нем блестела, егерь от-

посился к «инструменту», как называл он его, с величайшим уважением.

Он долго разглядывал хребты и долины по сторонам Сергеева гая, потом опустил бинокль и вздохнул:

— Душа у меня беспокойна, парень. Мы тут ходим с их высочествами, а на Белой и Кише никакой охраны. То-то выиграли теперь охочие до разной дичины казаки из предгорных станиц! Уж они-то попользуются моментом, это точно. Вот и сейчас дымок в той стороне нащупал. Кто такой? Зачем костер в лесу? Уж скорее бы охота съехала, чтоб своим делом заняться! Ты с принцем ходил, ничего такого он не говорил — когда собираются до дому?

— И намека не было.

— А тут погода, понимаешь, как парочно. Хоть бы хмару на горы накинуло. Живо побежали бы отселева.

Он опять вздохнул, затем принялся вытирать бинокль, завернул, завязал его и уложил в мешок.

Быстро темнело. Мы стали спускаться.

— Эх, зря фонарь не взяли! Хоть ощупкой лезь! — И юзом, не жалея штанов, спустился по осыпи, в конце которой лежала вывернутая с корнем сосна.

Я поехал следом.

Возле сосны Телеусов присмотрелся, топориком нарубил обсохших корней, расщепил их, связал пучок толщиной в руку и с аршин длиной, запалил конец и победно поднял яркий факел повыше. Тьма расступилась, под ногами стало видней.

Пошли скорее, а когда вошли в редкий лес, то в недвижимом воздухе факел засветился еще ярче.

Впереди на корявом грабе в этом свете блеснули два круглых зеленых глаза.

— Кто там? — я снял с плеча винтовку.

— Поди, хозяин здешний, барс. Не бойся, Андрей, на огонь он не бросится. Он редко когда человека задевает. Ну, если уж на дороге встренет или обижен чем. А так у него к сернам да к волкам все больше аппетит.

— К волкам?..

— Первое для барса пищевое удовольствие. Думаешь, кто прорезживает в горах этих хищников? Наш брат егеря? Как бы не так! Барсы. Это по их части. Вот и посуди, враг он природе али друг. Только их в Охоте, барсов-то, раз, два — и обчелся. Вот здесь да еще на Балканах, там на перевале след попадается. Более нигде. Шкура, понимаешь, больно красивая. И не силой перевели, а хитростью. Капканами разными, а то и просто петлей.

Факел еще не догорел, а мы уже приблизились к своему временному лагерю.

Для полковника казаки поставили шалаш из пихтовых веток. Коня паслись расседланные, но не спутанные. Зачем их путать, если они и без того не отходили от костра. Из лесу на них то и дело накатывались страшные запахи медведя, барса, волков. Только и есть защита — человек с огнем.

Шильдер сидел у костра на корточках и ужинал, ножом счищая с самодельного шампура зажаренные с луком куски оленьего мяса. Перед ним стояла бутылка с французской наклейкой и серебряный бокал. Он часто прикладывался к нему и, может быть, потому встретил нас приветливо:

— Садитесь, лесники, шашлыков много и вот попробуйте — бургундское. Эй!..

Денщик подскочил, в руках у него появились две медные кружки, непривычно высокие и узкие, и еще одна бутылка. Кружки тотчас наполнились.

— За удачу, ребята! — Полковник поднял свой бокал. — И чтобы не последний!..

Мы вышли, я — до дна, с удовольствием, а Телеусов только пригубил и равнодушно поставил вино.

— Ты что это? — сурово спросил Шильдер. — Такое вино!..

— Не потребляю, ваше превосходительство.

— Старообрядец, что ли?

— Никак нет.

— Тогда какому же ты богу молишься, лесник? Если православный, то не запрещается. «Веселие Руси в питье есть...» — так пишется в старинных книгах. Сам святой Владимир, первый на Руси христианский князь, на своих пирах пример показывал.

— Я тоже, ваше превосходительство, крещен и в христианской семье родился, а вот раз уж вы спросили, какому богу верю, то, по правде сказать, вот этому, самому великому... — и широким жестом обвел вокруг себя.

— Черт знает что! — пробормотал Шильдер. — Это как же тебя понимать, казак? Кто великий-то? Весь мир? Природа?

— Угадали, ваше превосходительство, она самая. Уж верней ее, красивше и правдивей ничего на свете не сыщешь. Поклоняюсь с тех самых пор, как познал. Верую, гляжу не нагляжусь, сберечь стараюсь.

Шильдер вдруг захохотал:

— Пантеист¹ Японец на Кавказе! Последователь Спинозы! Вот уж не ожидал! Русский человек в княжеской Охоте —

¹ П а н т е и с т — человек, обожествляющий природу.

и с такой религией! Ну, братец, не смейся. И никому больше не говори, если ты всерьез. Природа — природой, а вера — верой. Ты хоть иконы-то признаешь?

— А как же! И в церкву хожу. И дитё у меня крещеное, и супруга. А вот душа ищет — ищет главное и находит токмо в природе. Я с детства в лесах, ваше превосходительство, может, потому и врос в свое теперешнее понятие.

— Ладно, пантеист или еще там как, но в какой-то мере я понимаю тебя. Иной раз сам готов перед такой красотой на колени стать. Сижу вот один, пью и за погубленного красавца оленя переживаю. Понимаю, что плохо, кровавая охота, а пересилить себя не могу, руки к маузеру так и тянутся. Христианин! — Это слово он произнес с некоторой издевкой, тут же глянул на бутылку, резко перевернул ее над своим бокалом, так что вино плеснулось через край, и, бороду запрокинув, выпил до дна. На меня посмотрел: — Что не пьешь, студент?..

Я послушно вынил.

— Ну, а песню ты можешь, лесник? Должен уметь, раз красоте поклоняешься. — Он смотрел на Телеусова как-то иначе, чем до этого разговора. Уважительнее, что ли.

Алексей Власович не ответил, уселся поудобнее, подумал и тихо, словно для одного себя, запел. Чем дальше, тем проникновенней, от души:

Я рад тому, что сердце ясно
Во мраке светом расцвело,
Что весть о радости живую
Я всем живым с улыбкой шлю.
Я рад тому, что здесь живу я,
Что землю и тебя люблю...

Казачки подошли к егерю. И хотя мелодия была им знакома, слов они не знали, ждали, когда начнет другую, чтобы подхватить. Это была импровизация на стихи Семена Астрова, известные в Петербурге. Телеусов умолк, извинительно улыбнулся казакам и приятным тенорком запел казацкую песню о разлуке с невестой. Мы все подхватили, полковник тоже, песня вышла хорошая, за сердце берущая.

Ближе подтянулись кони. Их милые морды с влажными глазами, в которых плясало отраженное пламя, свесились, уши стояли торчком.

Кончили песню. Шильдер встал, и мы все встали. Хмельной, он подошел к Алексею Власовичу, молча похлопал его по плечу, словно отпуская грехи, молча отошел, снял кафтан и полез в свой шалаш.

Мы завернулись в бурки и мгновенно уснули.

Караван шел через густой туман. Влажный воздух ощущался лицом, руками. Одежда, оружие, лошадиная шерсть — все покрылось капельками воды. В тишине глухо цокали по камням копыта.

Справа гремел Лабёнок, но мы его не видели. Было часов пять, не больше. Позади осталась прекрасная долина. Впереди стояли высокие Балканы. Тропа стала отходить от реки, шум воды стихал. Подъем делался все круче. По лошадиным бокам хлестали ветки густого и мокрого жасмина. Трудно в такую погоду понять, какой начинается день — ветреный или дождливый.

Лишь когда поднялись достаточно высоко, воздух стал очищаться. Туман пошел хвостами, впереди в небе проглянула белокаменная, почти доверху одетая в зелень гора. Она уходила по левую руку в далекую бескрайность, тогда как в правой стороне твердь вдруг обрывалась отвесной степой. А в сотне саженой от обрыва, уже на другом берегу реки, почти так же отвесно в небо подымалась другая гора. Весь ее бок редкими пятнами покрывали сосенки и густолистый боярышник. Знаменитое ущелье на Малой Лабее, зеленая вода которой клокотала в бездне, скрытой ползучим туманом.

На самом верху спешили, дали коням отдышаться после затяжного подъема. Шильдер смотрел по сторонам, лицо у него было задумчивое. Потом уставился на Телесова. Хотел понять, что ли...

Алексей Власович тем временем осмотрел подковы у лошадей, покачал головой. Стерлись не только шипы. От толстой ободины остались лишь блестящие тонюсенькие полосочки.

Спускались, ведя лошадей в поводу, скользили по мокрому камню, хватались за кусты. Кони похрапывали, боялись. Наконец тропа подвела к самой реке и стала мягче.

Впереди послышались голоса, из-за поворота резво выскочили два всадника на легких, озорных лошадях.

— Вот они! — радостно закричал передний.

Это были казаки из лагеря, посланные искать нашу группу. Перебросившись десятком слов и убедившись, что в помощи мы не нуждаемся, разведчики развернулись на узкой тропе и поскакали назад.

Шильдер приосанился в седле: представил себе, как его встретят на княжеском бивуаке. Караван пошел быстрее.

Через какое-то время сделали привал, чтобы наскоро поесть и дать передышку коням.

Ополаскивая лицо у Лабсика, я обратил внимание на тонкую полосу вдали над рекой.

— Что там? — спросил я у Телеусова.

— Висячий мостик для перехода. Мы через него на Белую ходим. Одна такая переправа, считай, на полсотни верст. Счас мы с тобой сходим до этого мостика.

Он попросил разрешения у полковника.

— Зачем? — поинтересовался тот и вынул из кармана часы, чтобы напомнить о времени. Он хотел успеть до вечера.

— Барса надо глянуть, ваше превосходительство.

— Глянуть? Может, стрельнуть собираешься?

Он спрашивал с затаенной надеждой. Еще бы! К оленю — да красивую шкуру дикой кошки...

— Ни в коем разе! — как-то даже испуганно ответил Телеусов. — Мы их сберегаем, барсов-то. Полезный хичник, волков убивает. На этом мостике ихний переход, переправа, значит. Они плавать не охочи, как и все кошки, да еще в такой реке. А на другой берег нужда есть переправиться, вот по этому мостику и ходят, даже следа человеческого не боятся. Тут злодеи ухитряются на барса ловушки ставить. Я не один раз канканы сбрасывал. Не токмо барс — наш брат егерь попасть может. Думаю, и теперь что-нибудь есть, давно не проверял.

— Изволь. Но скорей!

Когда мы вдвоем подошли к мостику, в кустах на той стороне кто-то шибко завозился. Телеусов остро глянул на меня:

— Попался зверь...

Мостик был из тех, какие заставляют подумать, прежде чем ступить на него. Да еще если опасный зверь на самом сходе. Тонкие поперечные доски в шесть четвертей длины неплотно были привязаны к двум железным канатам, покрытым густой черной ржавью. Выше настила — в пояс человеку — тянулись два более тонких каната, редко сплетенных смоляными веревками с самим мостом, нечто вроде перильцев. А внизу, на расстоянии семи или восьми сажений, под шатким переходом бесилась пенная вода, плевалась на береговые камни. Попасть в нее — все равно что сигануть в могилу.

Похожий на длинную люльку мост тихонько покачивался.

— Вот что, браток, — сказал Телеусов. — Вставай к тому камню и бери на мушку самой куст, а я буду переходить. Ежели что — сам понимаешь...

— А кто там может быть?

— Не видать отсюда, на земле лежит. Какой-то зверь. Ладно, если волк или лиса. А ну как барс? Да пусть кто хошь. Выручать надо.

Повесив винтовку под руку, плотнее нахлобучив картуз, он ступил на шаткое сооружение.

Куст снова задергался. Я взял его на прицел.

Телеусов двигался осторожно, все время сбивал шаг чтобы не очень раскачивать мост, и обеими руками держался за поручни. Куст шевелился непрерывно. Я увидел, как Телеусов остановился, снял винтовку, положил ее, ненужную помеху в ближней схватке, на доски моста, вынул кинжал и одним прыжком очутился на том берегу немного правее куста. Никто не выскочил, не напал на него. Егерь медленно выпрямился, так же медленно сделал два шага назад и за ствол потянул к себе винтовку.

Махнул мне: иди сюда.

Не без страха переходил я реку. Кружилась голова, мостик раскачивался и, казалось, вот сейчас рухнет в пропасть. Последние две или три сажени я шел зажмурившись, до боли сжимая в ладонях холодное железо гибких перильцев.

Телеусов взял меня за рукав. Я открыл глаза. Вот тогда и раздался низкий басовитый рев, закончившийся жалобно-грозным высоким мяуканьем.

В поломанном кусту боярышника, странно изогнувшись, лежал барс.

Зверь, которого я видел впервые.

— Капкан, — сказал Телеусов. — И сколько он здесь мучается, бедолага, никто того не ведает. Однако силенка еще есть, вишь, как голос подает. Вовремя мы с тобой заявили!

Он говорил, а сам уже готовился к действиям. Кинжалом срубил тесину в руку толщиной и аршина на два по длине. Потом свалил сосенку чуть тоньше, обрезал ветки, и получился шест еще более длинный.

Я стоял и смотрел на поверженного барса.

Железные зубья капкана, привязанного к пеньку прямо на сходе с моста, захватили левую переднюю лапу барса. Пытаясь вырваться, зверь кружился вокруг капкана, изломал и изгрыз все ветки, бесконечно падал, вставал и сейчас лежал свернутым комом, не спуская с нас круглых желтых, беспощадно ярких глаз, готовый достойно принять смерть, которая была, как он понимал, уже рядом.

Светло-желтая на брюхе и по горлу шерсть его, мягкая даже на вид, коричневела по бокам, на спине, на длинном и сильном хвосте, который резко ходил из стороны в сторону. И всюду по телу — где рядками, где безо всякого порядка — чернели кружочки, напоминая две толстенные, сведенные вместе запятые. Мелкие и крупные пятна эти на коричневом фоне так удачно сливались с землей, покрытой листом, хвоей, мелкозёмом, что, лежи

барс тихо, упрячь глаза, — и можно было пройти мимо, даже переступить.

Мускулистое, крепкое тело ощущалось под пятнистой шкурой. Короткие ноги казались толстыми и щетинились отполированными вершковыми когтями. Круглая, сверху приплюснутая голова с ощеренной пастью, в которой скалились два ряда разновеликих клыков, олицетворяла собой ярость, зло, готовность к бою, беспощадность. Звериное выражали и глаза и прижатые уши. Барс тяжело дышал, тело его напряженно подрагивало. Не дешево отдаст свою жизнь!

— Значит, так, — сказал Телеусов, передавая мне длинную сосновую жердь. — Заходи отселева, становись за кустом. Видишь ту железяку? Там сбоку в ней замок, во-он планочка долгоньякая. Я буду отвлекать его, чтоб тебе не помешал, а ты упрись шестом в эту планочку и со всей силы нажми. Зубья разойдутся на момент, и зверь вытащит ногу.

— На тебя бросится...

— Ну и ладно. У меня тоже дрын. Закроюсь, не достанет. Ежели что, ты на подмогу ко мне с шестом. А там видно будет. Он все-таки ослабел, нога-то занемела, не больно прыток.

Телеусов крепче запахнул на себе кафтан, поплевал на ладошки, как перед работой, и далеко обошел зверя с другой стороны. Барс косил глазом на меня, полускрытого кустом, и в то же время пристально наблюдал за Телеусовым, щерил усатый рот и шипел по-змеиному.

Алексей Власович подошел ближе, протянул шест прямо к пасти. Барс цапнул по дереву свободной лапой и, вцепившись зубами, с остервенением начал грызть, брызгая слюной и давясь.

Я нащупывал планку замка. Шест скользил по ней. Пришлось подвинуться ближе. Барс вскинулся, ударил лапой по шесту, и я едва удержался.

— Спокойно, Андрей. — Телеусов опять отвлек барса, ширнув его по шее.

Острые зубы впились в дерево, полетели щепки.

Изо всей силы я нажал наконец на шест; почувствовал, как планка подалась, затем палка опять скользнула. Но в это мгновение зубья капкана все-таки ослабли, лапа барса выскочила. Зверь, привыкший тянуть ее, от неожиданности упал на спину, перевернулся и, ловко оттолкнувшись от земли, подскочил к Телеусову. Тот успел выставить палку перед лицом. Правая лапа зверя лишь слегка коснулась уха и щеки егеря. В следующую секунду барс и сам повалился на землю — большая лапа подвела его. И снова, уже лежа, он обратился к нам оскаленной пастью. Добивайте...

Прошло несколько безмолвных секунд. Мы не спускали

взгляда с готового к броску зверя. Желтыми глазами он гипнотизировал нас.

— Царапнул все же, глупый, — тихонько сказал Телеусов и ладонью вытер кровь, закапавшую из разодранного уха. — Ну, беги, ловкач, никто тебя не держит. Беги куда хошь и помолись своему богу, что первыми сюда пришли не хозяева капкана.

Барс не трогался с места. И шипеть перестал. Телеусов сел на камень, достал из кармана платок и приложил к уху. Барс сообразил, что эта поза менее угрожающая, и лег поудобнее, скосив глаза на левую лапу, все еще чужую, непослушную.

— Ты глянь, уже догадался, что мы плохого ему не сделаем, — зашептал Телеусов. — Не торопитесь, бродяга.

Освобожденный зверь вдруг закрыл глаза. Морда его упала на лапы. Мгновение темноты, слабость. Он сейчас же очнулся, лизнул больную лапу, глянул на нас другими, не бешеными, а просто настороженными глазами и стал пятиться.

— Иди, гуляй шибче, милок. Не тронем, — спокойно промолвил Алексей Власович и засмеялся. — Вставай на лапы, не страшись. Чего брюхом землю скоблишь? Топай смелей!

Барс словно понял эти слова, осторожно встал, но левую переднюю тут же поджал. Болит. Или вывихнута. Посмотрел на нас выжидательно. Еще попятился, теперь только на трех ногах, ушел сажени на четыре, постоял, оценивая обстановку, и пошел на гору так, чтобы все время держать нас в поле зрения.

Мы смотрели на него и — ей-богу! — нам обоим показалось, что барс все понимает. Он несколько раз останавливался, как-то раздумчиво глядел в нашу сторону. Уж не собирался ли вернуться и лизнуть руку Алексея Власовича, поблагодарив за освобождение, а заодно и выразив сочувствие по поводу оцарапанных щеки и уха?.. Нет, не вернулся. Но ушел без боязни.

Телеусов хмыкнул:

— Теперь ляжет недалече зализывать рану. А заодно и нас высматривать, пока не уйдем за реку да с глаз долой. Но и тогда не перестанет следить.

— А как он смотрел, Алексей Власович!

— Понятие у зверя есть. Сперва решил, что убивать пришли, а оно вишь как обернулось.

— Только вот лапа у него...

— Да-а... Так и на трех может остаться. Ну, я думаю, и на трех не пропадет. Ловок в охоте. Он ведь не очень бегаёт за другим зверем. Все больше скрадывает, подкарауливает, чтоб наверняка. Заберется на дерево, вытянется над тропочкой, где косули ходят или волки бегают, и будет ждать хоть бы всю ночь. Молнией упадет сверху — и все. Конечно же, на трех-то

хужее, но прожить проживет. Семью он не признает, сам себя кормит. Проще ему жить.

— Самец?

— Молодой еще, неопытный, вот и угодил в капкан. Видать, когда сигал с мостика.

Вспомнив о капкане, Алексей Власович вынул кинжал, обрубил связки, поднял его и, размахнувшись, бросил с обрыва в реку, приговаривая вслед:

— Туда тебе и дорога, порождение нечистого...

Мы пошли назад. Опять мостик, опасливое головокружение и возвращение на свой берег. Лишь на несколько минут остановились у реки. Алексей Власович смыл подсохшую кровь да заклеил царапины листочками чистотела, сорванными тут же.

Шильдер встретил нас недовольным, шумным сопением. Демонстративно вынул часы и долго вертел их на золотой цепочке.

Не промолвив ни слова, Телеусов шустро подтянул подпруги, осмотрел коней, поклажу, подвел полковнику лошадь:

— Пожалуйте, ваше превосходительство!

И тут Шильдер увидел ноцарапанную щеку.

— Что это? Кто тебя?

— Барса, ваше превосходительство. Не остерегся.

— Бросился на тебя?

— Было такое.

— И ты не стрелял?

Телеусов виновато передернул плечом:

— Без ружья был, с дрынном.

— Не понимаю! Ну-ка, рассказывай толком.

Из всего услышанного Шильдер сделал для себя один вывод: барс сидел в капкане, можно сказать — в руках у охотников, а эти чудачки, вместо того чтобы взять зверя, отпустили его да еще оплеуху заработали.

— И поделом! — в сердцах закричал он. — Подумать только, ему шкура леопардова не нужна! Пять червонцев дал бы без слова! Или тебе, пантеисту, и червонцы не нужны? Чего ты торчишь в Охоте!

И еще множество самых обидных слов высказал рассерженный полковник. Вся ругань досталась Телеусову как старшему в нашей экспедиции. Упустить такую шкуру, такой сверхзамечательный трофей! Привези он леопарда на бивуак, качали бы, как триумфатора!..

Алексей Власович стоял молча, повторял, разводя руками:

— Виноват! Виноват, ваше превосходительство...

Наконец Шильдер выдохся, поостыл. Караван тронулся,

пошел быстро. Телеусов впереди, нагоняя упущенный час.

В последний раз я обернулся, чтобы посмотреть на висячий мостик, с которым теперь была связана история освобождения кавказского леопарда или барса, одного из немногих еще уцелевших.

Едва мы перевалили вторые Балканы, как пошел злой, холодный дождь. Он сек лицо, заставлял отворачиваться. Закрылись кто буркой, кто накидкой. Лошади стали оскользаться: по мокрой глине да без шипов... Но оставалось совсем немного. Вот пологая горка, с полверсты за ней шли по ущелью, а дальше каменистой дорожкой поднялись на высоту, где разместился лагерь.

Залаял пес пастуха Пачо, вислоухий Гера. Кто-то протяжно и весело крикнул: «Еду-ут!..» Крик повторили дальше, еще дальше. Шильдер скинул за спину отяжелевшую бурку, что-то сказал через плечо денщику, тот бросился к казаку, который вез рогастую голову оленя. Казак отвязал трофей от вьючного седла, взял на руки и, репетируя, поднял над собой.

Встреча произошла весело и шумно.

У большого очага собралась, несмотря на дождь, вся охота, сотенная толпа. Впереди столбом возвышался великий князь, рядом стояли принц Ольденбургский, Ютнер, какой-то новый для охоты человек — большеголовый и толстоплечий, с выступающим животом, перетянутым широчайшим ремнем с патронташами. А за ними полукружьем на некотором расстоянии толкались казаки, слуги, егеря.

Телеусов пропустил вперед полковника и казака с оленьей головой.

— Ур-ра лейб-гвардии славному офицеру! Ур-ра господину полковнику! — выкрикивал есаул Улагай и, оборотившись к толпе, требовательно воздымал руки.

Казаки отвечали дружным «ур-ра!», кто-то пикиал на дудке, бухали в барабан — словом, шум подняли большой. Великий князь держал наготове бутылку шампанского, из горлышка ее сочилась белая пена, и камердинер князя уже протягивал бокалы.

Шильдер спешил, принял от казака оленью голову, тяжело поднял повыше и, подошедши к князю, положил ее на траву. Концы рогов почти доставали до пояса его высочества.

— Всех превзошел удалой лейб-гвардеец! — воскликнул князь, в то время как ему и Шильдеру уже подавали полные бокалы. — Такой трофей не хуже зубра. Измеряли?

— Двадцать три вершка, ваше императорское высочество! — сказал Ютнер, только что кончивший обмер.

— Ого! Прекрасный трофей, ваше превосходительство. Вам придется принять поздравления дважды.

Шильдер смутился. Когда казаки называли его, полковника, «ваше превосходительство», то есть как генерала, это было и простительно и приятно. Но когда сам великий князь...

— Господа! — Голос князя поднялся, как на торжественной церемонии. — Господа! Я только что получил известие из Петербурга. Лейб-гвардии полковнику, моему адъютанту Владимиру Алексеевичу Шильдеру высочайшим повелением присвоено звание генерал-майора! Виват генералу, самому удачливому в нашей охоте!..

Можете себе представить, как развивались события дальше! Объятия, крики, барабанный бой, песни казаков. Хлопали пробки, звенели бокалы, горели жаркие костры, резкий запах шашлыков плыл в воздухе. Пир отодвинул и холодную ночь и промозглый воздух осени, и продолжался он много часов, благо дождик поутих, а костры разгорелись еще ярче.

В этой приподнятой атмосфере Шильдер, конечно, запомнил о неприятной для него истории с потерянным барсом. Забыл и про нас. Но он не забыл красоты Умпырской долины и с подъемом рассказывал о ней. Видно, он все-таки упомянул о встрече с зубром, а объясняя неудачу, свалил ее на егерей.

Мы с Алексеем Власовичем уже соорудили на скорую руку небольшой шалаш для себя, укрыли ветки плащом и совсем было собрались спать, как вдруг рядом с нашим приютом возникла фигура. Бесстрастный голос Улагая требовательно произнес:

— Егерь Телеусов и егерь Зарецкий — к его императорскому высочеству!

Мы вскочили, привели в порядок одежду. Улагай нетерпеливо ждал. И пошел следом, как конвоир.

Высокие охотники кучно сидели за складным столом между двух бездымных и жарких костров, в которых горели пихтовые поленья. Все гости были навеселе, жаждали развлечений.

Ютнер склонился к князю: видимо, сказал, что прибыли.

— А-а, вот они!.. Ну, генерал, твоя власть — казнить или миловать. Отвечайте тотчас: почему не добыли зубра для его превосходительства? — Только тут он изволил глянуть на нас и признал меня. — Ты ведь отлично бьешь, студент! Тем более непростительно... Почему не стрелял зубра, когда генерал приказал?

Я проглотил горький комок в горле. Но все же сказал:

— Не мог, ваше императорское высочество.

— Тебе было приказано!

— Только после выстрела его превосходительства.

Грохнул смех. Видимо, Шильдер уже поведал об осечке своего маузера.

— Что скажешь, генерал? Студент оправдан...

Охотники загомонили, разговор перешел на другое, мы стояли, освещенные пламенем костров, но уже никто не обращал на нас внимания. Лишь Ютнер изредка посматривал в нашу сторону.

Чуть стихло за столом. И тогда управляющий охотой поднял бокал:

— Я пью за удачную вашу охоту, господа, теперь уже на Мастакане и Умпуре. За дальнейшее умножение дикого зверя на Кавказе, за наших помощников — егерей, за рачительного хозяина охоты, который с равной мудростью получает удовольствие на охоте и сберегает редкостных зверей!

Опять загремело, закружилось хмельное веселье за столом. Телеусов дернул меня за рукав, мы отступили в тень и, подождав немного, ушли.

Когда легли, Алексей Власович с сожалением сказал:

— Значит, охота переезжает на Умпурь. Я не ослышался, Андрей? Управляющий точно назвал место?

А мы-то ждали скорого отъезда гостей! Похоже, Шильдер подлил масла в огонь, раззадорив князя своими рассказами о прекрасной долине. К сожалению, именно там и на недалекой Кише сейчас основные стада зубров и оленей. Было отчего тревожиться.

— Вот скверно, вот скверно! — Эту фразу Алексей Власович повторил не менее пяти раз. И все ворочался, никак не мог уснуть.

З а п и с ь т р е т ь я

Неожиданное расположение есаула Улагая. Сан-Дonato. Большая охота на склонах Алоуса. Происшествие на леднике. Горы в снегу. Наказание Чебурнова. Мы провожаем высоких гостей. Почетное назначение

1

Проснувшись, по привычке, до свету, мы не заметили поначалу никаких перемен. Казаки лениво подымались, зевали, уходили к ручью, хватались искать лошадей. Едкий запах махорки стоял в неподвижном, водой насыщенном воздухе. Самые торопливые уже сбились у артельного котла. Сыто булькала пшенная каша с говядиной, грели в ведрах чай. Генерал Косякин и псебайский урядник Павлов давали наказ командиру

отряда, снаряженного в Псебай за провиантом и почтой. «Десять ведер водки», — слышался бас Косякина, и мы с Алексеем Власовичем переглянулись. Так много? Значит, охота будет продолжена еще на неопределенное время.

Лишь когда поднялся Ютнер и возле его шалаша побывали Улагай и Косякин, по лагерю словно судорога прошла. Всё заторопилось, забегало. В походной кузне зазвенел молот: там перековывали лошадей. Чистили винтовки, трясли одежду, чинили седла и сбрую. Оказалось, что еще ночью, при фонарях, в долину Умпыря отправилась команда плотников. Им поручили срубить домик для князя.

Сборы у казаков, которым походная жизнь привычна, не долги. Весь лагерь к рассвету был на лошадях. Старый Пачо прогнал свое поредевшее стадо. Высокие охотники тем временем завтракали, сбивали вином хмельное настроение.

Новый человек в охоте, замеченный нами вчера, дородный, барственно-важный, одетый куда более богато, нежели принц или великий князь, — в кафтане, расшитом блестящим шитьем, с серебряными бляхами на поясе, в шляпе с пером, — этот человек с самого утра был основательно пьян. Он приставал к офицерам, хохотал, как сытый Гаргантюа, держась толстыми руками за живот, и вызывал вокруг иронические улыбки. Вот кто настроляет дичи!

Телеусов, ходивший к Ютнеру узнавать, к кому мы направлены сегодня, но так и не узнавший, поведал мне:

— Знаешь, кто этот новый барин? Я слышал разговор управляющего с Шильдером. Зовут барина «его сиятельство», из графьев он. А кличут... дай вспомнить... кличут не по-русскому. Сан-Доната, вот как. Однако зовут вроде бы Петром Семеновичем. И, толкуют, богатый он до страсти. Вчера все упрашивал великого князя продать ему охоту... ну, как я считаю, уступить, значит, за большие деньги. Я, мол, тут дворец себе построю получше, чем в Италии.

— Не сторговались?

— Посмеялись, потешились. Мало ли что выпивший человек наговорит. От него спозаранку даже ружье спрятали, богатое, судачат, ружье, в каменьях-золоте. И зачем ружью украшения, ума не приложу!

Раздалась команда трогаться. Мы ехали недалеко от управляющего охотой, видели, как впереди около Сан-Донато юлой юлил Семен Чебурнов. Он и попонку графскую поправлял, и коня под узду вел на спусках, и все чего-то рассказывал, руки по сторонам раскидывал.

— Деньгу чует, — усмехнулся Телеусов. — Наизнанку готов вывернуться, собачий сын...

Пропустив почетных гостей, к нам неожиданно подъехал казенный лесничий. Мы поклонились друг другу. Телеусов отстал.

— Как себя чувствуете? — спросил Улагай.

Я сдержанно ответил, добавив «господин есаул».

— Вы можете меня называть проще: Керим, — разрешил он. — Мы оба молоды и можем позволить себе... К тому же родственные по профессии люди — лесники.

Он был красив, этот офицер. Сухолицый, спортивно-подтянутый, по-мужски строгий, чистый всем обликом своим, с гордым взглядом темных глаз под тонкими девичьими бровями. На коне сидел ловко, с горской небрежностью закинув

назад бурку. Казачий чекмень подчеркивал тонкий стан. И лошадь у него выглядела отлично, призовой скакун. Рядом с ним мне было неловко за свой помятый охотничий костюм, за широкое, простецкое лицо, на котором в любую минуту мог вспыхнуть стыдливый румянец — моя беда.

— О вас хорошо отзывается Ютнер, друг мой, — покровительственно продолжал он. — Хвалит за ловкость, сметливость, за любовь к природе и зверю. Все это, как я понимаю, правда. Раз вы в Лесном институте, значит, пошли туда по призванию. Разве не так? Кстати, вы намерены заканчивать курс?

Я не знал, что ответить. Сказал первое, что подумал:

— Не волен распоряжаться своей судьбой, Керим. Как закружило меня с первого дня в охоте по воле великого князя, так до сих пор не знаю, что станет завтра. Хотел бы закончить учение.

— Верное суждение. При случае я подскажу эту мысль Ютнеру. Если, конечно, позволите.

— Я хотел сам просить его.

— Только перед окончанием охоты. Сейчас нельзя. У вас тут свое место, свои обязанности. Охотников прибыло. Вот изволил явиться, как снег на голову, граф Сан-Дonato. Его сиятельство прямо из Италии.

В голосе Улагая звучала небрежная издевка. Я рискнул спросить:

— Кто он такой? На должности или так?

Улагай коротко засмеялся. Приблизив лошадь, доверительно сказал:

— Нувориш, понимаете? Он — нынешний отпрыск известных при Петре Великом и Екатерине Второй горнозаводчиков Демидовых, правнук или прапра... Графский титул жалован еще первому Демидову за развитие железоделательных заводов на Урале. Один из Демидовых организовал Зоологический музей в Москве. А что касается самого Сан-Дonato... Он приказал именовать себя так, когда купил в Италии местечко с таким именем и построил замок. Звучит, не правда ли: граф Сан-Дonato! Брeтер, искатель удовольствий, денежный туз. Волка от лисицы не отличит. Никак не проживет дедовские миллионы. Мне он неприятен. Великий князь относится к нему со снисходительной усмешкой. Терпит. — И, презрительно поджав губы, умолк.

Сам Керим Улагай происходил, как я узнал позже, из древней княжеской семьи, известной в истории черкесов. Родился он в ауле на левом берегу Кубани, недалеко от Крымской.

После недолгого молчания он вдруг спросил:

— Я буду очень доволен, Зарецкий, если вы после института согласитесь работать со мной в казенных лесах Кавказа.

— А как же Охота?

— Охота вскоре прикажет долго жить. Станичные юрты настойчиво требуют арендованные князем леса и горы назад. Или другие, не менее богатые земли взамен этих. Наказной атаман таких земель не имеет, поддерживает станичников. Так что... Давление казачества великий князь долго не выдержит. Отдаст Охоту.

— Что-то тогда станет с диким зверем? — Я только представил себе заповедные леса во власти казаков, каждый из которых владеет винтовкой и считает за великое удовольствие пострелять по зверю, будь то медведь или барсук, зубр или горная индейка.

— Не знаю, не знаю. Но представляю себе... Так что вы

подумайте о моем предложении. Мне нужны образованные и деловые лесничие. Я на вас, честно говоря, рассчитываю.

Он приложил руку в перчатке к своей щегольской синей кубанке и тронул повод. Конь вынес всадника далеко вперед.

Я очень расстроился. Неужели Охота с ее строгой охраной скоро перестанет существовать? Тогда, без сомнения, будут убиты последние зубры. От истребления не уйдут и олени. Разве в России не найдется силы, которая могла бы защитить последних диких зубров Кавказа? Это одно из немногих мест, где фауна по-первобытному разнообразна и многочисленна. И как на эту угрозу посмотрит научный мир Петербурга, наконец, сам атаман Войска Кубанского свитский генерал Бабыч?

— Чего голову повесил, Андрей? — Телеусов подъехал справа и пристроился голова к голове. — Аль невеселые новости поведал тебе казенный лесничий? По правде сказать, недолюбиваю я этого есаула. Гордыни в ём через край. Уж не обидел ли тебя?

— Новости впрямь не из веселых. — И я рассказал Алексею Власовичу о возможном закрытии Охоты.

К моему удивлению, Телеусов не помрачнел.

— Ты не больно грусти, парень, — сказал он. — Один хозяин уйдет, другой найдется. Ты майкопского лесничего не знаешь? Шапошников по фамилии. Так вот он, сказывают, уже питерским ученым отписывал насчет заповедника, и там теперь думают, как сделать, чтобы охранить зверя и дальше. Этакую красоту под топор и на разгульную стрельбу не отдадут. Да и сами мы... Ну, ежели война или какая беда — тогда другое дело. Тогда свои головы охраняют, а не зубриные. И лес может под пожар пойти, неприятеля чтоб выкурить. А в мирное-то время... Не-е, не верю я в улагаевские сказки. И ты не вешай головы. Давай загадаем, к какому охотнику нас с тобой подкинут.

Все заметили; что хозяин охоты спешит, чтобы добраться до Умныря за один переход. Возле Малых Балкан сделали только короткую остановку. И часу не прошло, как снова раздалась команда: «Ю коням!» Опять вытянулись по знакомой тропе, но на подъеме застопорилось. Впереди упала вьючная лошадь, казаки сбежались. Со смехом, с незлобивой руганью подняли бедолагу, щелкнула нагайка, зачиркали по камням подковы. Подымались не в седлах, шагали позади лошадей, держась за хвосты.

День прошел — и не заметили. В сумерках спустились в знакомую долину и поскакали через лес к тому самому

месту, где река Ачипста впадала в Малую Лабу. Там все еще стучали топоры: плотники ставили последний венец в уже поднятый сруб, ладили стропила, чтобы поскорее укрыть их брезентом.

Вдоль берега запылали костры. От князя явилось распоряжение: только ночлег, а потом все разойдутся по высотам над долиной, где охотники намерены пробыть два-три дня.

Поздно вечером нас потребовали к великому князю.

Возле свежесрубленного домика с уже вставленными окнами и навешенной дверью горел большой костер, а на бревнах вокруг костра сидели охотники. Князь вел большой совет. Тащили жребий, кому и куда идти. Распределяли егерей.

Как и следовало ожидать, Демидов — Сан-Дonato выпросил себе егеря Чебурнова с помощником. Они уходили в сторону Алоуса.

— А при мне, — капризно сказал уставший с дороги князь, — будешь ты, Ютнер, и — где он? — вот тот молодец в усах вместе со студентом.

Палочкой, которой помешивал жаркие угли в костре, князь ткнул в Телеусова и в меня. Мы шагнули вперед.

— Идем в сторону Мастакана, потом вернемся через реку и подыдемся на высоты, чтобы глянуть на милую моему сердцу Кишу, не обидевшую нас на прошлой охоте. Затем, господа, если зверь не задержит нас, пойдем через перевал на юг. Нас ожидают в Сочах, оттуда мы направимся в благостный Боржом, в твоё гнездо, старина Ютнер. Вот и все. Считаю совет оконченным. Владимир Алексеевич, распорядись, пожалуйста, ночлегом, а мы поговорим с егерями о завтрашнем маршруте.

Ютнер сделал знак идти за ним. Мы осторожно просунулись в узкую дверь нового домика.

Князь указал Ютнеру на табурет, сел сам. Мы стояли у двери, руки пошвам, винтовки отдали у входа, где уже возникли охранители.

— Мне нужен олень, — сказал князь. — Даже два оленя. Как у Шильдера. Или еще лучше. Надеюсь, вы их найдете. Завтра мы подыдемся выше, устроимся там, а к вечеру вы вернетесь с разведки и утром поведете меня и Ютнера на наших оленей. Шильдер мне рассказывал, что ты, — он глядел на Телеусова, — большой любитель природы, в некотором роде пантеист. Все мы, если угодно, тоже пантеисты. Но я хочу видеть природную красоту перед глазами чаще, чем бываю здесь. Оленью голову с хорошими рогами на стене своего кабинета. Ты понял? А ты, студент, еще раз докажешь своей меткостью и

хваткой, что казак в тебе выше, чем студент. Тебе придется жить здесь долго, работать в охране. Докажи, что ты готов к этому.

Мы застыли, старались не моргать. Князь устало добавил:

— Маршрут наметите сами. Вам лучше знать, где искать оленей. Все. Я надеюсь на вас. Можете идти.

Мы вышли, взяли у охранников винтовки, молча зашагали к своему костру.

— Так, значит.— Телеусов почесал затылок.— Оленя. Для красоты. Для евоного удовольствия. И какая красота в мертвой голове над столом? Ну ладно, сделаем ему оленя. Собирайся, Андрей.

— Сейчас?

— А коли же еще? До полуночи у скал очутимся. Сверху на заре все увидим, если погода будет. И определимся.

Когда я седлал своего Алана, конь сердито косился на меня: после одного перехода — сразу второй?..

2

В кромешной темноте мы покинули временный лагерь. Лошади шли нехотя, фыркали, боялись темноты, леса. Опять Телеусов достал из седельной сумы пучок знакомых смолистых корней, зажег их. Трепетный свет раздвинул темень. Листва казалась черной, а темнота по сторонам ощущалась как физическая твердь, как стена. И в этой стене изредка что-то светилось, пугая лошадей.

Через два часа, уже близко к полуночи, мы выехали на край березняка, за которым ощущался холодный простор. То были высокогорные луга со скалистыми островами, редкими кустами рододендрона и таинственными высотами по сторонам.

— Поспим, Андрей, без костра. Чтобы не пугать зверя. И лошадей далеко не пустим. Тут, я думаю, не один табунок оленей обретається. Обсмотримся, обвыкнем и скоренько найдем.

Мы спутали расседланных лошадей, потники под себя, укутались и легли близко друг к другу. Заснули мгновенно, так устали.

Разбудил нас близкий рев оленя. Я завозился, хотел вскочить, но Алексей Власович попридержал, сказал хриплым со сна голосом:

— Ти-ха! Лежи. Он саженьях в пятидесяти.

Только-только развиднелось, воздух был синий, даль в тумане. И такая тишина, что в ушах звенело. Кони наши стояли рядом, свесив головы. Шерсть на них блестела росным бисером. Нас скрывала трава.

Рогач опять заревел, трубно, басовито, — видать, старый боец. Телеусов уже вытащил свой «инструмент», прицеливался биноклем на рев. Зашевелился желтый лист на березах, кусты раздвинулись. Рогач вышел на луг, такой картинный, большой, что мы прямо вжались в землю, чтобы не почуял и подольше постоял. Он перебирал копытами и разглядывал не нас, а лошадей. Морду вздернул, носом водит, а мы на рога его смотрим, высокие, ветвистые рога. Годятся такие князю?..

Алан фыркнул, встряхнулся, сбивая с себя росу. Рогач догадался, что тут не все чисто, и, осторожно пятясь, скрылся за березами. Мы молчали и гадали: испугался или нет? Минут через двадцать олень опять затрубил, но уже подальше, за полверсты примерно.

— Ну вот, — Телеусов встал, с хрустом потянулся, — не искали, сам пришел. Он отселева не уйдет. Туточки близко его ланки ходят, останется с ними. Мы мешать не будем, пускай гуляет, а сами подадимся на высотку и осмотримся. Седлаем!

К полному рассвету, отошедши версты на две, Телеусов облюбовал скалистую горку. Оставив лошадей внизу, мы поднялись на скалу.

Вокруг, сизые от росы, лежали холодные луга. На фоне желтого и черного леса едва выделялись три табунка оленей — один близко, два подальше. Рогачей среди них не было. Но в разных местах трубили четыре или пять самцов. Оленухи подымали головы, прислушивались и опять принимались за траву.

— Должны сойтись в этом месте, — высказал предположение егеря. — Так что выбор у нас будет, ежели никто не спугнет. А мы покамест ударимся вон в ту сторону. На-ко, глянь. — И протянул мне бинокль.

За небольшой седловиной скалистого перевала внизу начиналась новая долина, сперва узкая, в охвате крутых склонов, а дальше широкая и лесистая, с большими полянами, над которыми нависал грозный, белый поверху хребет. На приподнятой поляне, чуть заметные, темнели звери.

— То зубры, — подсказал Телеусов. — Стенкой идут, а края загибают, чтоб охватить молодняк полукругом. — Не одно стадо.

— Что за долина? — спросил я, не опуская бинокля.

— Киша. Великий князь в прошлый наезд изволил там охотиться. Удача у него была. Вот он и тянется опять в ту сторону. Помнишь, вчерась что говаривал? Чтоб туда, значит. Ну, наше с тобой дело не допустить охоту в ту сторону, задержать здесь до холодов. Пожертвуем для такого дела парой рогачей, он и удовольствуется. А пойдет в Кишинскую долину, там больше убьет.

— Теперь назад?

— Поедем к своему ночлегу, дадим круг-другой по лесу и на подходе встретим хозяина со всей свитой. Лагерь наметим маленько ниже, чтоб других не допустить сюда.

К середине дня мы услышали впереди шум движения. Звенело железо, раздавались команды, ржали кони. И еще одно явление заинтересовало Телеусова: со стороны хребта Мастакан вдруг дохнуло холодом. По небу с той стороны заскользили длинные, рваные тучи. Они цеплялись за вершины скал, вихрились и, еще более рваные, летели дальше, тогда как внизу движение воздуха почти не ощущалось. Только похолодало.

— Похоже, зима идет,— весело заметил он.— Вот и конец охоте!

Первым к нам подъехал Улагай, приветственно поднял руку:

— Нашли, где располагаться?

— Так точно, господин есаул! — строго по уставу ответил Телеусов.— Пожалуйте левей, на березовую поляну.

— Князю место понравится?

— Самому богу и то понравится, господин есаул!

Поляна в самом деле была очаровательная. Ровная, мелкотравная, с трех сторон закрытая березняком, она обрывалась крутым уступом на юго-восток, и с этого уступа мы видели всю Умпырскую долину, лежавшую глубоко внизу.

Загремели доски, сброшенные с вьюков, казаки начали собирать княжеский шалаш. Улагай распорядился, показывал, кому где устраиваться.

К нам подошел старый Пачо, стал лицом к обрыву, оперся на свой длинный налыгач, поднял голову к небу.

— Туман идет, Пачо,— с надеждой сказал Алексей Власович.— Откуда ему быть?

Лезгин ответил не сразу. Оглядел небо, горы, подумал.

— Аллах давит пальцем на вершины гор, и облака текут вниз. Скоро зима, Телеус. Готовь лыжи, уводи оленя с лугов.

На поляну въехали охотники во главе с князем. Ютнер направился к нам, спешился.

— Докладывай! — приказал Телеусову.

— На примете три рогача, ваше превосходительство. Отселева верстах в четырех.

— Так близко? Не спугнем своим лагерем?

— Никак нет. Не почуют. Они высоко.— И он показал вверх по горе.

— Добрая весть. Тогда я доложу. А что на Кише?

— Туман и дождь, мы в бинокль смотрели сверху. Вскоро-сти, может, и снег уложится.

— Гадаешь? — Ютнер понимающе улыбнулся.

— Никак нет. Завсегда в эту пору.

— Значит, ходу не будет?

— Невозможно трудно, если отрежет от юга. Опасно даже.

Больше вопросов Ютнер не задавал. Ушел, а когда вернулся от князя, приказал:

— Поезжайте на место и смотрите за рогачами. Не упустить! Завтра утром встречайте нас. И чтоб без особых хлопот. Навести надо точно. Его императорское высочество далеко ехать не намерен, он слегка занемог.

— Слушаюсь! — Телеусов вытянулся.

Когда Ютнер ушел, он сделался такой веселый, живой. Потянул меня к артельщикам. У костра пахло наваристым кубанским борщом. Нам «насыпали» по полной миске. Плотно пообедав, мы еще позволили себе полежать с полчаса и только тогда ушли в горы.

Ночевали на полдороге, костер развели, вяленой говядины пожарили. Часов в пять утра Телеусов поехал искать рогачей, а мне приказал встретить тут князя и управляющего и вывести их к нашему вчерашнему ночлегу.

Сыпал мелкий дождь, скорее, морось. Сквозь непогоду виднелись горы, снеговая линия на них заметно сошла ниже.

Чтобы не проглядеть охотников, я спустился до опушки леса. Было еще темно. Ждал долго. Наконец послышался шум, топот. Всадники вышли прямо на меня. Впереди ехал Семен Чебурнов.

— Ты чего здесь? — удивленно спросил он.

— А ты куда едешь?

— На Мастакан. Видал? — и кивнул назад.

Грузной тушей на большой лошади сидел Демидов, его сиятельство граф Сан-Донато. Он... спал в седле. Крупная голова в тирольской шляпе с пером упала на грудь, бурка скособочилась, сбитая ветками, ружье в чехле болталось у самого стремени.

— Хотел привязать — не дается! — Чебурнов громко засмеялся.

— Тише ты! Услышит.

— Какой там! Он уже лыка не вяжет. Всю ночь прикладывался и песни петь велел. Довезу до места, протрезвеет. Все ж на холодке... Бывай! А где твои-то?

— Жду.

Пять всадников — графская свита — взяли правей и скрылись в мокром лесу.

И вот показались наши охотники. Я вскочил в седло и повел караван выше. Сизые луга уже хорошо проглядывались, когда мы встретили Телеусова. Егерь вполголоса сказал:

— Ваше императорское высочество, пожалуйста вон к тем камням и станьте за ними. А мы погоним рогача на вас. Он туточки, близко.

Телеусов махнул ездовым, приказав скрыться в лесу. Князь оживился, с личика его сошло брезгливо-недовольное выражение. На длинных заплетающихся ногах он поспешил к месту засады. Ютнер напомнил мне: «Если что — бей по подранку» — и бросился догонять князя.

Все стихло. Подождали. Рогач затрубил близко, но на луг не выходил. Его взяли в клещи. Олень молчал, почуял неладное. По треску кустов можно было догадаться: пошел на охотников. От беды к беде.

В это время вдаль захлопали выстрелы. Эхо разнесло их по горам. Наш олень остановился, повернул назад. Телеусов щелкнул предохранителем. Рогач услышал звук и огромными прыжками бросился на луг. До камней оставалось саженой сто. Он остановился. Тотчас грохнуло раз и второй. Рогач развернулся на задних ногах, они подкосились, и он рухнул, чтобы никогда не встать.

— Иди к ним, Андрей, — услышал я виноватый голос егеря.

— А ты?

— Потом приду. — Лицо Алексея Власовича было расстроенное. — Вот такая она, служба...

Ютнер и его высочество, размахивая винтовками, бежали от камней. Возбужденный, ликующий князь первым достиг оленя, бросил винтовку и схватился за рога. Голова оленя качнулась, жизнь еще теплилась в нем.

— Считай, Ютнер, выросты! Сколько?.. Двадцать два? Отличный экземпляр! И сам... Смотри, что это у него на груди? Шишка какая-то...

— Старая рана, ваше императорское высочество. Пуля закапсулировалась.

Ютнер вынул нож, сделал глубокий разрез. В ладонь ему вывалились две круглые черные пули.

— Картечь. И все-таки выжил. Но от вашей пули...

— Да, Ютнер, на этот раз рука не подвела! Смотри, точно под лопатку. И в шею. — Князь говорил быстро, ликующим тенорком. Он поднялся с колен, глянул на меня: — Что молчишь, студент? Молодцом! Своё дело сделал. А где второй, с усами?..

— Пошел доглядывать другого рогача, ваше императорское высочество.

— Давайте, давайте другого! У меня и голова прошла, Ютнер. Вот что значит удача!

Он сел на камень, довольный, умиротворенный победой, огляделся по сторонам, увидел, наконец, дали, хребты, долину внизу. И вздохнул.

— Немало лет возвращаюсь я в этих горах, Ютнер, а все никак не могу привыкнуть к их красоте. И, знаешь, сила впечатления не только не ослабевает во мне, но с годами это чувство молодеет и усиливается.

Сказавши, он тут же забеспокоился об олене:

— Где казаки, чего не идут свежевать, голову отделять?

Ютнер достал свисток, резкий звук хлестнул по лесу. Из березняка вынеслись всадники. Соскочив на ходу, казаки бросились к оленю.

— Веди, студент, — приказал князь. — Возьмем еще одного.

Я не знал, куда вести, но показать свою неосведомленность не мог. Взял под уздцы Алана, подождал, пока князя подсадят в седло, и пошел в ту сторону, где оставил Телеусова.

Он вышел к нам из лесу, поклонился князю, позддравил с успехом, но все это вышло у него уныло, похоронно. Хозяин охоты свел брови. Он хотел видеть вокруг себя оживленных, радостных его радостью людей. Однако ничего не сказал.

Минут сорок ходу — и впереди опять посветлело. Другая поляна. Телеусов сделал знак, охотники спешили, приготовили ружья. Мы развернулись редкой цепью — князь между мной и Телеусовым — и тихо пошли по лугу, некруто уходящему вниз.

Трава еще стояла; местами она достигала груди, даже головы. Густой, побуревший пырей сплетался с высокими стеблями уже отцветшей аквилегии, горлеца, с гигантскими лилиями. Идти приходилось осторожно, то и дело раздвигая уж очень плотную стену травы. Подмоченная моросью, трава не шуршала, и мы двигались в относительной тишине.

Мы почти пересекли поляну и уже приближались к противоположной ее стороне. Князь все чаще останавливался, утирал большим платком вспотевшее лицо. Кубанку он сбил на затылок, но от напряжения не покраснел, а побледнел. Чего не вытерпишь ради охоты!

Но вот Алексей Власович присел. Мы моментально повторили его маневр. Слегка поднявшись, я увидел, что егеря указывает рукой на лесную опушку. Князь выпучил глаза, вертел шеей, но ничего не замечал. Я тоже добрую минуту не мог толком разглядеть зверя и, только присмотревшись к

близкой траве, заметил концы рогов, торчащие в каких-нибудь сорока шагах от нас. Спящий олень...

Замерев от неожиданной удачи, князь рывком поднял ружье, приложился и выстрелил. Спящего оленя подбросило. Он не упал, как следовало ожидать, а сделал большой скачок в сторону. Грянули еще два выстрела — Ютнер и я, совсем не целясь, спустили курки. Но этот олень родился под счастливой звездой. Он умчался, и на его следах мы не обнаружили даже капли крови.

Князь бросил ружье и сам упал лицом вниз. Никто не проиоил ни слова. Стояли, сбившись, и молчали. Наконец он приподнялся, сел поудобнее. Ну, сейчас достанется каждому, особенно мне... Снизу вверх посмотрев на нас, он вдруг тихо произнес:

— На охоте случается всякое, за исключением того, что ожидаешь. Сколько у него было концов, егерь?

— Четырнадцать, ваше императорское высочество, — с готовностью соврал Телеусов; он мог сказать и еще меньше.

— Крайне досадно... Как первая пуля была хороша! И как негодна вторая. Впрочем, если убивать всех, по ком стреляешь, — разве так бывает? Этак скоро ничего не останется. Что дальше, Ютнер? Домой?

— Неудачу надо покрыть. Так, Телеусов? Туров разве посмотреть?

— Можно и к турам, — неуверенно согласился Алексей Власович. — Дотемна управимся.

— Попробуем, Ютнер. — Князь встал. — Надо хоть раз выстрелить еще, обрести веру в себя. После такого досадного промаха...

Скальные вершины казались совсем рядом. Все еще моросило, но теперь падали не столько водяные капли, сколько острая ледяная крупка. Небо мрачно давило на горы.

Ехали час или полтора, забираясь все выше. Совсем захолодало. Подул ветер, снежинки покрупнели. Мы с Телеусовым опередили охотников, лавировали между скал, высматривая туров. Наконец заметили стадо, прежде чем они заметили нас. Вернулись к охотникам, они оживились. Видимость была плохая. Белая холодная мгла начинала кружить, похоже, что предвиделась метель, но азарт охоты от этого не уменьшился. Князь торопливо шел, заплетаясь длинными худыми ногами в широких сапогах с отворотами. Сгибаясь, прошли по острому хребту, похожему на конек крыши, ступили на осыпь. Здесь из мелкого щебня выпирали груды поставленных на ребро плит.

— Как рассыпанные книги около опрокинутого шкафа, — сказал Ютнер, все время державшийся рядом с князем и с

опаской поглядывавший на бесконечный и очень крутой склон с подвижной осыпью. Ноги скользили по обледеневшему щебню.

Телеусов выглянул из-за скалы и попятился.

— Здесь я, — тихонько сказал он. — Выбирайте. А стрелять по команде, потому как после грома они скроются.

Все приподнялись над глыбами камня. Саженьях в ста пятидесяти стояли или лежали туры. Голов до сорока. Среди них много козлов с толстыми кривыми рогами. Каждый из нас взял на мушку рогача. Телеусов махнул рукой. Недружно прогремели три выстрела, и туров как ветром сдуло. Но затем...

Откуда взялись силы у князя и Ютнера? С проворством молодых хлопцев выскочили они из укрытия, бросились вперед, перепрыгивая через камни и завалы. Два козла лежали бездыханные. Не хотелось верить, что один — мой...

— Третий! Вон он, третий! — закричал Ютнер и, бросив винтовку, кинулся за ползущим подранком. Большой козел с перебитыми задними ногами мелко перебирал передними, стараясь укрыться за камнями. Ютнер догнал, бросился на животное, успел схватить за ноги, но тур продолжал ползти, волоча за собой большого, бородатого человека. Так они продвинулись еще сажень на десять. И не успели мы приблизиться, как тур оказался на краю пропасти. Словно увидев перед собой желанную свободу, он бросился вниз. Ютнер едва успел разжать кулаки. Голова его повисла над бездной.

Алексей Власович поднял управляющего, поставил на ноги. Глаза у Ютнера были безумные, он неотрывно смотрел вниз, в черную пропасть.

— Еще бы секунда, и я...

Кафтан на нем оказался изодранным, руки в ссадинах. Мы отвели его подальше от ущелья, посадили в затишке, чтобы пришел в себя.

Князь тем временем сидел возле убитого тура и гладил красиво изогнутые рубчатые рога.

— Красавец, вот красавец! Настоящий горный козел! Не то что мелкие, невзрачные, которых мы бивали в Мингрелии. Спасибо, егеря! Удачно вышло. А где Ютнер? Сидит? Ушибся?! — Князь подошел к управляющему, тот встал, показал окровавленные руки. — Э-э, да вы слишком увлекаетесь! Не знал я...

— Обошлось, ваше императорское высочество, — дрожащим голосом отозвался Ютнер. — Как вспомню, темно в глазах.

— Ладно, все позади. Давайте брать головы с рогами — и назад. Похоже, мы высоко забрались?

— Версты две с половиной, ваше императорское высочество.

— То-то у меня голову кружит! Скорей вниз.

Две турьи головы в мешковине я пристроил на плече и с таким грузом тронулся за хмурым своим товарищем. Стало темнеть. Снег загустел, он летел косо, с ветром. Чувствовался мороз.

Когда мы спустились к оставленным коням, сделалось совсем темно. Лошади сошлись голова к голове, нетерпеливо перебирали копытами. Застоялись. Спины их уже побелели.

Алексей Власович торопился. Все живо уселись на коней и тронулись через неузнаваемый, по-зимнему белый луг к недалекому лесу. Там, по нашим расчетам, стояли казаки. Телеусов трижды выстрелил, чтобы не разойтись. Где-то внизу слабо прозвучали ответные выстрелы. Егерь недоуменно остановился и круто взял правей. Потом передумал и снова вернулся на прежний маршрут.

Въехали в полосу мокрого снега. Он валил тяжелый, плотный, не видно за десять шагов. На счастье, по сторонам пошли березовые кусты, местность круто опускалась, и наконец караван наш очутился в густом пихтовом лесу. Дальше ехать было невозможно.

— Вниз, вниз! — приказал князь.

Повинуясь этому необдуманному распоряжению, мы осторожно, все время сдерживая лошадей, скользивших по снегу, пошли вперед. Но недолго. Согнутая снегом ветка рябины вдруг с шорохом сбросила с себя мокрый груз, распрямилась и в одно мгновение высадила князя из седла. Он описал в воздухе дугу, удачно упал на четвереньки, вскочил, испуганный, и закричал:

— Стой, ни шагу дальше!..

Телеусов пробурчал что-то, передал мне коня, а сам скрылся в снежной мгле. Быстро вернувшись, спокойно сказал:

— Пожалуйте за мной. На ночлег.

Через пять минут мы расседывали лошадей около огромной черной пихты, сносили седла и сумы под ее низко опущенные лапы, к самому стволу. Там было сухо и безветрено. На широченных ветвях лежал липкий снег, образуя у ствола широкий естественный шалаш.

Я собрал поблизости хворост, зажег под пихтой костер. Обрубили сухие ветки понизу. С огнем сделалось всеелей. Похоже, теперь в безопасности. По крайней мере на эту ночь.

Большой огонь осветил наш временный приют. От одежды пошел пар. Алексей Власович расторопно готовил ужин. Князь сидел с закрытыми глазами. Горная болезнь добавила

ему неприятностей. Во время ужина он отказался от вина, лег на бурку, положенную поверх хвойных веток, и отвернулся. Потрескивал хворост, все молчали.

— Как рассветет, едем в лагерь, — тихо приказал Ютнер.

В лесу, раскачивая деревья, выл ветер. Над горами бушевала ранняя метель. Но сюда, сквозь густую хвою, только редко падали усталые, отяжелевшие снежные космы. Костер распространял тепло.

Далеко-далеко хлопнул выстрел, потом другой. Мы переглянулись.

— Надо ответить. — Ютнер опасливо оглянулся на затихшего князя, потом сказал мне: — Берите винтовку, отойдите шагов на двести и стреляйте. Три раза. Подождите минут десять — и еще три выстрела. Похоже, нас ищут.

После света у костра в лесу показалось особенно темно. Я неуверенно двигался по мокрому снегу, ощупывая руками стволы пихт, натываясь на камни. Последний отблеск костра погас вдали. Страшно ночью в таком лесу, да еще в метель. Я остановился, прислушался к вою ветра над головой. Поднял винтовку, стал стрелять. Услышал внизу ответные выстрелы. Еще дал знать. Стоял и ждал в темноте. Новые выстрелы раздались ближе. Я двинулся навстречу. Послышались голоса. Внизу блеснул свет фонарей. Подымалось несколько человек.

Я заспешил вниз, местами просто съезжал на боку по крутизне. Криком привлек внимание людей.

Мы сошлись. То был Улагай с пятью казаками.

— Вы?! — Он откинул башлык, осмотрел меня, не веря глазам. — А где великий князь?

— Спит у костра. С ним Ютнер и Телеусов. Вы нас искали?

— Честно говоря, о вас мы не беспокоились: казаки сказали, куда вы ушли. Пропала группа Шильдера. Он и принц с двумя егерями ушли на Мастакан, и вот... Граф Сан-Дonato давно вернулся, заправился коньяком и преспокойно уснул в шалаше, а этой группы нет и нет. Не встречали?

Разговаривая, мы подымались выше, ориентируясь на мой едва заметный след, и вскоре оказались у костра под пихтой.

Князь проснулся, сел. Строго спросил:

— Что еще случилось?

— Ищем группу принца Ольденбургского и Шильдера, — четко ответил казенный лесничий. — Они не вернулись в срок, возможно, заблудились.

— Ну, так ищите, — сказал князь недовольно и опять завернулся в бурку.

Алексей Власович тем временем поговорил с казаками и

повеселел. Улагай топтался, не знал, что делать. Ютнер тихонько спросил у Телеусова:

— Далеко отсюда до лагеря?

— Часа три ходу.

— Дорогу знаешь?

— Так точно!

— Тогда вот что. Вы, есаул, не теряя времени, двигайтесь вдоль хребта точно на норд, к утру должны пересечь ущелье речки Алоус. Там увидите впереди зубчатую гору Ятыргварту. Обыщите ущелье и склоны этой горы.

При всей своей готовности к выполнению приказа есаул заколебался. В такую погоду, ночью... Видимо, он рассчитывал на ночлег под этой уютной пихтой.

Ютнер свел брови.

— Зарецкий пойдет с вами. Сообразительности в подобных условиях ему не занимать. Вы при фонарях, достаточно экипированы для ночного поиска. Я выражаю большое опасение судьбой охотников. С ними пошли не очень опытные егеря, а если принять во внимание погоду и увлеченность охотой Петра Александровича, то у них недалеко до беды. О нас беспокоиться нечего, мы в полдень будем в лагере.

Так я вновь оказался в походе — вымотанный, голодный, мокрый.

Улагай помрачнел и замкнулся. Он ревновал меня к хозяевам охоты. Дело его. Я повел группу поперек склона и чуть наверх, стараясь снова выйти на границу леса и луга, чтобы обрести хоть небольшой простор для маневра.

Шли почти всю ночь с керосиновыми фонарями. Когда достигли заснеженных лугов, метель озверело накинута на нас. Всю дорогу никто не разговаривал. Казенный лесничий, закутанный в бурку и башлык, белый от снега, ни разу не спросил, знаю ли я дорогу. Он сразу передал мне руководство операцией, видимо не надеясь на собственные силы.

Под утро, миновав каменные разломы, мы подошли к ущелью. Оно выглядело как вход в преисподнюю. С большим трудом и не сразу отыскали мы место для спуска. На другую сторону вышли уже в сером свете утра. Здесь пересекли вьючную тропу, которая уходила на Главный хребет. Следов на ней не обнаружили.

Пошел крупный град, потом снова снег. И вдруг как-то сразу и очень заметно потеплело, погодная волна с юга догнала нас, сделала снег липким, тяжелым, а воду в Алоусе мутной и гневной. Начинался новый ненастный день.

Несколько раз стреляли. Пытались обнаружить хоть какие-нибудь приметы человека. Единственное, что указывало на не-

давнее присутствие здесь людей, — это пустота на лугах Мастакана. Ни одного зверя в поле зрения. Но виновницей этого могла быть и погода.

Поднялись еще выше, к леднику, который белым языком обрывался в крутом ущелье. Постояли, осматриваясь. И тогда-то все услышали крик. Кричали в три или более голоса, на одной высокой ноте, страшно, как кричат при большой опасности, перед угрозой смерти.

По щелистому льду, чуть прикрытому мокрым снегом, сверху скользила винтовка с ремнем. А следом, на расстоянии полуверсты, вниз катился человек. Кричал он, кричали другие люди, невидимые отсюда, там, наверху.

Улагай стоял, словно загнипнотизированный. Я бросился на перехват, за мной два казака. Была единственная возможность спасти человека — успеть на край ледника и там остановить падение. Иначе человек неминуемо скатится в пропасть и погибнет. Но как остановить тяжелое тело, набравшее скорость? Казаки кричали мне сзади: «Кинжал, кинжал!»

Оказавшись на пути падающего тела, мы, не стовариваясь, стали цепочкой один за другим, несколькими ударами кинжалов выбили во льду глубокие упоры для ног. Если человек собьет меня, то за мной еще один, и еще...

Мы успели заметить, как тщетно цепляется несчастный за неровности льда ногами и руками. Но его вертело, на корявом льду оставались лишь пятна крови.

— Дер-жи-ись! — закричали казаки.

Человек достиг моих вытянутых рук, пребольно ударил чем-то по голове. Руки спружинили, но сапоги выскользнули из ямок, я почувствовал, как съехал с места, однако с уже потушенной скоростью. Еще удар, чей-то глухой стон, еще продвижение к обрыву, медленней, медленней, и цепочка наших тел остановилась в трех-четыре сажнях от смерти. Наверху радостно закричали, стали стрелять, а мы осторожно поднялись, повернули спасенного и только тогда увидели, кто это.

На руках у нас был Владимир Алексеевич Шильдер.

Он тяжело обвис. Обморок настиг его, когда опасность для жизни миновала. Кафта и брюки генерала были разодраны до белья, руки и лицо в крови.

Мы подняли его, вынесли с ледника в безопасное место. Улагай сбросил бурку, расстелил ее. Поднес флягу ко рту. Шильдер с трудом проглотил чай, открыл глаза и несколько минут бессмысленно смотрел на тусклое небо.

Казаки, посланные есаулом в обход ледника, уже спускались с людьми вниз. Издали выделялась нарядная фигура принца в кокетливой шапочке на австрийский манер.

Шильдер поднялся, серьезный и строгий. Обернулся к хребту, с которого чуть не укатился в могилу, перекрестился и заплакал, стыдливо опустив голову.

4

На пути к лагерю нас застигла гроза.

Более десяти всадников при первом же натиске грозовой тучи сбились в плотную группу — лошади голова к голове, люди в середине. Мы оказались в самом центре тучи. Сделалось темно. Густой туман, в котором формировались дождевые капли, оказался таким плотным, что мы не видели конских хвостов. Все стали мокрыми, словно нас окатили из ведра.

Через равные промежутки времени тьма освещалась пронзительными всплесками молний, белых, как огонь магния. Грохот заставлял закрывать уши. От ударов грома лошади непрерывно дрожали, бились. Тонко звенело в голове. Мы обреченно стояли, завернувшись в бурки, упрятав ружья, и только-только справлялись, чтобы удержать коней.

Минут через сорок туча свалилась в долину. Небо посветлело. Скорее вниз, к лагерю! Со склонов Ятыргварты открылась долгожданная перспектива гор. Далекie и ближние вершины сияли белыми одеждами. Снеговая линия спустилась ниже пояса пихтовых и буковых лесов. Только в самой долине еще властвовали осенние краски.

Столь любезный еще вчера, Улагай старательно держался в стороне и за всю дорогу не обмолвился со мной ни одним словом. Зато к Шильдеру он был предельно внимателен: все время спрашивал о самочувствии, помогал бинтовать руки, поддерживал ослабевшего генерала в седле.

В позднее послеобеденное время прибыли на бивуак. Там все были в сборе, однако атмосфера была какой-то угнетенной, безрадостной. Князь вышел из шатра в теплом халате и вязаной шапочке, поманил Шильдера и надолго уединился с ним в шатре.

Зато как весело, как тепло встретил меня Алексей Власович! Он был безмерно рад и благополучному возвращению, и скорому отъезду охоты.

— Ты ушел тогда в ночь, а я, парень, никак уснуть не мог. Боялся за тебя. Все сразу на твою голову. Многовато.

Я рассказал, что с ними случилось и как мы подоспели. Пропавшие охотники увязались за турами, попали на крутой ледник, там подранили двух козлов, пустились в погоню, и вот одно неосторожное движение, неверный шаг — и падение, ко-

торое могло закончиться трагически, не завись на помощь наш отряд.

Холодная, хрусткая и морозная ночь прошла спокойно.

А утром управляющий Охотой Эдуард Карлович Ютнер послал на юг группу казаков с урядником Павловым готовить почевки по пути следования гостей. Распоряжение всем понятное.

Нами уже владело радостное чувство освобождения. Настроение в лагере поднялось. Песельники грянули бодрую песню. Отоспался и вылез из своего шелкового шатра граф Сан-Донато. Возле него тотчас появился Семен Чебурнов. Его сиятельство уселся за стол, камердинер поставил перед ним бутылку. Граф высосал ее с завидной быстротой, побагровел и принялся шумно рассказывать, как свалил трех туров. Чебурнов притащил для доказательства три рогатых головы.

— Три пулями! — восторженно зачастил егерь. — Их сиятельство почти не целится. Навскид! Вот глаз! Вот рука!..

То ли Демидов уловил уж очень наглядную ложь, то ли в нем накопилось и искало выхода презрение к угодливому Семену, только он вдруг насупился, а когда к столу охотников вышел князь и другие сиятельные гости, он встал и няюпо закричал:

— Князь, а у тебя егеря-то продажные! Сами туров настреляли, я им по пятерке за голову обещал, а теперь славу мне поют! Не по-тер-плю!..

Все умолкли. Личико князя передернулось, глаза блеснули гневом.

— Выясни, кто виновен, — бросил он Ютнеру.

Графа увели в шатер. Управляющий нашел Косякина, и тот учинил настоящий допрос среди егерей. Вскоре Ютнер доложил князю:

— Егерь Чебурнов виновен, ваше императорское высочество.

— Выпороть! Двадцать розог! Для примера и острастки!

Косякин вызвал команду. Четыре казака подхватили беднягу и увели в лес.

Сан-Донато, расстроенный таким оборотом дела, пошумел в своем шалаше и больше не выходил. Пил в одиночку.

Перед вечерней трапезой егерей выстроили возле княжеского стола. Чебурнова не было. Князь постно сказал:

— Благодарю вас за службу.

И сел, согнувшись, в свое кресло. Прошла целая минута в молчании и замешательстве, прежде чем он добавил:

— Приступайте, Ютнер.

Управляющий Охотой поклонился, преисполненный торже-

ственности. Он начал говорить о благотворном влиянии заповедности для развития фауны Кавказа, от имени князя, высказал удовлетворение удачной охотой, во время которой были убиты один зубр, двадцать два оленя, восемь туров, более сорока серн и косуль, три кабана и медведь.

— Я убежден,— сказал он далее, обращаясь к великому князю и его гостям за столом,— я убежден, что дни, проведенные в трудах и охоте, останутся в памяти вашей как дни радостные, наполненные страстию и азартом, не сравнимыми ни с каким другим удовольствием. Эта охота, ваше императорское высочество, напомнила мне слова из «Охотничьего указа» царя Алексея Михайловича, второго из рода Романовых: «Дудите, охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, и угодно и весело, да не одолевают вас кручины и печали. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте не лениво и не безскучно».

Князь скупно улыбнулся:

— Нам бы его печали, Ютнер!.. А впрочем, за новую встречу здесь, господа! — И он поднял бокал.

Улагай за его сииной взмахнул руками.

— Ур-ра! Ур-ра! — закричали казаки, забывая и трудности, и опасность, и жестокость, и кровь.

Дождавшись тишины, Ютнер сказал:

— Великому князю благоугодно отметить егерский корпус, обеспечивший хорошую охоту, личными подарками. Всех егерей, урядника Павлова и есаула Улагая князь награждает именными серебряными часами.

Подарки с княжеским вензелем Ютнер тут же передал нам.

Телеусов, стоявший рядом, тихо прошептал:

— Семена забыли. Теперь от зависти почернеет. И нам век не забудет...

После ужина мы с Алексеем Власовичем уединились. Счастливые столь благополучным окончанием охоты, уселись мы у костерка возле своего шалаша, разглядывали ночные тени леса и слушали песни.

От большого стола отделился Шильдер. Он спросил о чем-то у егерей и, пошатываясь, направился прямо к нам. Мы поднялись. Генерал подошел, постоял, рассматривая нас, и неожиданно обнял меня забинтованными руками:

— Спасибо, братец. Обязан тебе. И не забуду.

Растроганно сказавши так, повернулся и ушел.

Мы были очень смущены неожиданным проявлением чувств благодарности, полагая, что события на леднике уже забыты. В том происшествии, собственно, не было ничего особенного:

в горах без взаимной поддержки нельзя. Кто из нас откажется помочь другому в беде?

Уже при холодном солнце, часов в восемь утра, к шатру великого князя подвели гнедого коня в седле черкесского типа — с высокой спинкой и передком. Князь закинул длинную ногу через седло, оглядел выстроенный отряд из казаков.

Охота выступила в последний поход. День стоял холодный, но солнечный, гроза и ночной мороз сбили последние листья с кленов, берез и осин, только ель да пихта стояли в густо-черной хвое.

Поднялись выше. Тут ощущался морозный ветер. Копыта с шумом сбивали отвердевшую траву, лопухи ломались с хлопком, напомиавшим револьверный выстрел. Быстро прошли широкую красивую долину Ачипсты, празднично выбеленную ночным инеем. Пересекли мрачные пихтарники и оказались на лугах, недалеко от Мастаканского хребта. Отсюда открывался широкий обзор.

В устье реки Холодной, притоке кицучего Уруштена, охоту ожидал ночлег. Уже стояли шалаши и палатки. В редком сосняке горели костры. Совсем близко от лагеря холодно поблескивал ледник. Он языками спускался с Псеашхо, наиболее высокого хребта близ перевала.

Ночевать у костров, под открытым небом было холодно. В вечернем воздухе отчетливо и громко гудела река. Над ней позимнему вился парок. На береговых камнях зацепились ледяные закрайки. Казалось, что наступила глубокая зима.

С утра предстоял еще один переход до поселка, уже по ту сторону перевала. Тропа повела в гору, все более тяжелая, щебенистая. Алан тяжело дышал и часто оглядывался, словно спрашивал, почему ему не хватает воздуха. Высота.

Двигались все медленней, с остановками. Вот и Дзитаки остался позади. Горы по сторонам всё ниже. Впереди открылась холмистая каменная равнина с жухлой травой и редкими берзовыми кустиками. Перевал всегда рисовался мне как острый гребень, круто падающий в две стороны. Сюда север, туда юг. А тут было довольно просторное нагорье и холмы на нем. Только почему-то вот эти два ручейка текут не в ту сторону, откуда мы явились, а вперед по ходу.

Алексей Власович крутил усы.

— Все, парень. Достигли! Ты глянь-ка вон туда... — И указал за бугор, куда уже смотрели, сгрудившись, высокие гости охоты.

Голубая бездна открылась перед нами. В первый раз никак не догадаешься, что там далекое Черное море! А ближе, под нами, лежала бесконечная долина, наполненная таким зеленым

и по-летнему свежим лесом, что просто не верилось в реальность картины. Ведь только что прошли через зиму — и вот оно опять, утраченное и найденное роскошное лето!

Среди зеленых лесов поблескивали извилистые ленточки рек. Облачное небо висело над головой. Всем телом, лицом ощущалось влажное тепло, туго идущее снизу. Так и подмывало встать на стременах, сорвать с головы кубанку, поднять руку и закричать во все горло что-нибудь бессмысленное, радостное, призывное!.. Давно я не испытывал такого душевного подъема, такого счастья, как на этом открытом для себя перевале — рядом с небом.

Всадники сбились в кучу, все говорили громко, не слушая друг друга. Вставали на стременах, кубанки держали в поднятых руках. Возле охотников, собравшихся поодаль, суетились слуги, появились бутылки и кубки. Плескалось вино. Охотники пили за благополучный переход.

На перевале гости расстались с казачьей обслугой. Не ехали дальше и егеря. Ютнер распорядился, чтобы путь к поселку продолжали только Телеусов, Кожевников и я. С нами остался и казенный лесничий Улагай.

Спуск начали человек двадцать. Вошли в Медвежьи ворота. Двигались осторожно, тропа вилась змейкой, очень круто, щебень все время сыпался под копытами. Заросли рябины, явора, вечнозеленой лавровишни сменились темными пихтовыми лесами, буком, а еще ниже начались непролазные джунгли, сузившие тропу до двух аршин. Пахло остро ипряно — никакого сравнения с морозным воздухом на высокогорье!

Вечером, уже вблизи поселка, из лесу со всех сторон послышался печальный вой шакалов. На все голоса трещали неизвестные мне пичуги, многоголосый хор их славил тепло и лето. Бурки пришлось свернуть, кафтаны нараспашку. Жарко и душно, как в бане.

Перед въездом в поселок князь встретил отряд черноморских казаков и старший егерь Охоты Никита Щербаков. Эта встреча состоялась возле памятного всем солдатам старого бука, на светлой коре которого еще проглядывались наплывы по вырезам, сделанным много лет назад. Можно было разглядеть лавровый венок и слова: «На сем месте стояла 2-я рота Его императорского высочества великого князя Дмитрия Константиновича полка. 1864 года, мая 21 дня. С нами Бог!»

Все сняли шапки, постояли молча, вспоминая героев уже давней войны.

Отъехав немного, князь радостно воскликнул:

— Сегодня, господа, впервые за много дней будем спать на настоящих кроватях!

Мы с Телеусовым переглянулись. Не о славном прошлом России думал сейчас великий князь...

Подъехали к охотничьей даче Романовых.

Играл оркестр, бегали слуги, горело множество огней. Цивилизация!

Во флигеле сбоку царской дачи, куда нас определили, трещали дрова в печурке, было чисто и уютно. Уставшие, размо- ренные теплом, мы уже приготовились было ложиться, когда открылась дверь и денщик Ютнера позвал меня к управляющему охотой.

Он находился в кабинете один, уже переоделся, был в черном сюртуке с белой манишкой, розовый, вероятно после бани, еще более представительный и благодущный. Я застыл у двери.

— Садись, Зарецкий, — сказал он.

Я присел на краешек стула.

— Так вот, объявляю твою судьбу... Ты показал себя на охоте с самой хорошей стороны. А на Мастакане отличился сообразительностью и быстротой действия. Мы оставляем тебя в Охоте. До тех пор, пока, разумеется, она существует. Такой приказ я подготовил, он подписан князем. Мы определяем тебя егерем с подчинением лично мне. Я решил поручить тебе не какой-нибудь один участок, а общее наблюдение за самыми ценными и редкими животными Кавказа — за зубрами. Это очень серьезное поручение, юноша, — строго продолжал он. — Ты обязан узнать все о зубрах, которые живут в междуречье от Большой Лабы до Белой. Ты должен вести их учет, сохранять от злоумышленников, для чего дается тебе право при необходимости мобилизовать противу таких злоумышленников егерей и лесников охраны. И конечно, всеми средствами содействовать развитию стада зубров. Пока ты еще мало знаком с зоологией, не знаешь повадки зверей, но ты любишь природу, а знания придут. Мы разрешаем тебе выехать в столицу для окончания учебы и получения лесного образования. Я надеюсь, что за это время ты сумеешь пополнить и свои познания в зоологии, чтобы в следующем году вернуться сюда для долгой, интересной и сложной работы.

Он замолчал, но не сводил с меня глаз.

— Что скажешь?

Что я мог сказать? Что не ожидал такого поворота в жизни? Что благодарен за возможность закончить образование? Что рад выполнить приказ?.. Но вместо всего этого я просто сказал:

— Благодарю за честь, Эдуард Карлович.

Почувствовал, как загорелись щеки, смял в горячих ладонях свою кубанку.

— Вот и отлично. Завтра можешь возвращаться в Псебай

вместе с другими егерями. Я буду сопровождать великого князя в Боржомский дворец и останусь там на неопределенное время. От моего имени делами будет управлять Никита Иванович Щербаков, с ним тебе придется работать и в дальнейшем. Не задерживайся в Псебае, спеши в институт, тебе предстоит наверстать упущенный месяц. Чтобы облегчить знакомство с зоологией, я перешлю рекомендательные письма к знакомым мне профессорам, они и окажут тебе некоторое содействие. Но главное — стремись к познаниям сам. Если нет вопросов, иди. Через час пришли ко мне Щербакова, и желаю тебе успеха.

— Какие там вопросы!..

Я сделал четкий поворот налево-кругом и уставным казачьим шагом направился к двери.

Лишь на улице перевел дух. Ютнер открыл передо мной дальние дали. А в ближайшие дни — столица, свой студенческий кружок и друг Саша Кухаревич, который до сих пор находится в полном неведении относительно моей судьбы. Институт, книги. И зубры, так внезапно вошедшие в жизнь. Зубры, которых впервые увидел.

Егеря не спали, у нас сидел Щербаков, шла неторопливая беседа.

— Что, Андрей, — спросил Телеусов, — чарку поставили аль червонцем наградили?

— Подожди, Алексей Власович, дай остыть.

И я вышел, свернул с дороги и в темноте отошел к лесу, где и сел под каштаном. Как все повернулось! Главное — буду работать в родном месте, ходить по любимому лесу, по Кавказу! И хранить зубров. Хранитель зубров! Звучит-то как!..

Вспомнив о поручении, бегом вернулся, сказал Щербакову, чтобы шел к управляющему, проводил его и тогда уселся пить чай.

Когда пришел Щербаков, я коротко сказал о своем разговоре с Ютнером. Егеря слушали меня молча, с большим вниманием. Добрый, молчаливый Никита Иванович, большой, ширококостный человек с крупным простым лицом, не расспрашивал, не вступал в разговор, только кивал, как бы одобряя все услышанное. Уважаемый в Псебае человек, он уже много лет руководил Охотой в отсутствие Ютнера, но бремя власти не изменило его характера и действий. Прямодушный, он не знал честолюбия, оставался простым и свойским и не оборачивал чужих слов во зло другим. Никто не мог упрекнуть его в несправедливости. Старший среди всех нас Кожевников — тогда ему было лет тридцать с небольшим, — с лицом, заросшим темным волосом, с веселыми славянскими глазами, одобрительно бурчал что-то в бороду. Похоже, не моя, в общем-то устроенная, судьба одобря-

лась егерями, а будущее зубров, открывшееся как бы вновь после озабоченных слов Ютнера. Кто лучше егерей знал, сколько их, как им трудно жить, когда уже сотни, а то и тысячи лет люди гоняют их по всей земле, чтобы убить, попользоваться мясом, кожей, рогами. Кавказ — их последний оплот.

— Что ж, парень, дело на тебя взвалили сурьезное. — Щербаков прервал наконец молчание. — А мы сообща поможем тебе в этом самом. Мы ведь уже много годов только тем и занимаемся, чтоб сохранить зверя, а значит, и зубра. Не больно ловко занимаемся, но и не без старания. И в будущем от этого не отступимся. А ты поедешь, поучишься, ума-разума наберешься — и давай назад. Вместях веселей работать, тем более у тебя мать-отец в Псебае. Так, казаки-охотники?

— Вот скажи ты, Никита, — начал Телеусов. — Я про нашего Ютнера. И господам он должен зверя подать на мушку. И сохранить того же зверя ему очень охота. Князь своему управителю за что деньги платит? За личное удовольствие, так я понимаю. А он, Ютнер то есть, изволит беспокоиться и насчет долгой жизни у зверя. Совесть это или что? Может, жилка у него такая, до природы любовная? Ведь мог бы запросто сказать, как многие другие говорят: на мой век хватит, а там...

— Человек он, так я тебе скажу. — И Щербаков поднял палец. — А раз человек, то понимает, что без природы мы как бы голые, бедные с ног до головы, и потому блюдет природу, чтоб на века хватило ее всем. И князь опять же кое-что соображает. Смотри, запретил зубров бить. Двух — и точка! А мы дали и того меньше. Власть, какая она ни есть, природу не должна в обиду давать. Это как сук под собой рубить. В пустыне кому охота жить? Да и как в ней жить, в пустыне-то? Будь моя воля, я бы не токмо Андрея на охрану поставил, а всяческую охоту в этих местах воспретил. Пуцай твари плодятся здесь под надзором нашим и уходят питаться и размножаться во всякую любую им сторону. Как цыплята от наседки. На то и Кавказ. Общий питомник, значит. Вот и майкопский лесничий Шапошников об этом самом в Питер написал.

Наш разговор затянулся далеко за полночь. Все мне было приятно в этих суровых с виду, пусть и не очень грамотных людях. Их доброта к лесу и зверям, понимание жизни было простым и естественным. Она не знала границ и не могла обозначаться словом «служба». Я вспомнил, как искусно Телеусов уводил знатных гостей от зубров, как с опасностью для жизни освободил из капкана барса, нуждающегося в защите не менее, чем зубры. Я и уснул с доброй мыслью о том, что рядом такие хорошие люди.

Чем свет мы поднялись, осмотрели своих коней, глянули

с высоты романовской дачи на уютную и сонную Красную Поляну, на пенистую, сердитую Мзымту, бегущую к морю, и тронулись по знакомой тропе на перевал.

* * *

На этом кончаются записи в книге красного переплета.

Последний десяток страниц Зарецкий исписал очень убогим почерком, многие слова сокращал — видно, хотелось ему закончить описание событий в ту осень на оставшихся страницах первой своей книги. И он использовал ее до конца! Ни одной чистой страницы не осталось. Некоторые фразы вписаны на полях, даже на внутренней стороне обложки. Но он так и не сумел втиснуть сюда свои впечатления по возвращении домой после насыщенной событиями великокняжеской охоты.

Зато вторую, зеленую книгу он начинает как раз с описания происшествий, касающихся прежде всего его личной жизни.

З а п и с ь ч е т в е р т а я

*В родительском доме. Воскресная обедня и новое знакомство.
Данута Носкова. Давняя трагедия. Соперник. Отъезд из Псебая*

1

Никита Иванович Щербаков торопился. Всю дорогу только и говорил об оставленных без наблюдения кордонах. Подумать только — более трех недель в отлучке! Каково теперь на том же Закане, на Кише, в Гузерипле да и вокруг самого Псебая! Леса открыты, без охраны. Приходи, стреляй, ставь силки и петли, безобразничай. Егеря заняты с их высочествами, черным охотникам вольно делать, что их душа пожелает!

Едва только тропа выходила на ровное место или шла под уклон, он тотчас переводил коня на рысь, и мы все согласно поспешали за ним. Потому и обошлись всего двумя почевками — на Умпыре, где побарствовали в новеньком княжьем домике, который стоял теперь с голыми стропилами (брезент казаки сняли и увезли), и еще на Черноречье, где давно стоял благоустроенный кордон.

Поздно вечером, уже на виду Псебая, Никита Иванович попридержал коня и сказал Телеусову:

— Ты уж расстарайся, Алексей Власович, накрой при случае умпырскую хату дранкой, что ли, а то промокнет до весны и сгниет. Тебе же при обходах сгодится, базу там устроишь. Да

и путники какие проходить будут, остановятся, добрым словом помянут.

— Это я держу в голове.

Наши кони понимали, что едем домой, и, несмотря на усталость, шли бойко, встряхивали гривами, предвкушая отдых после многих дней изнурительных походов.

На развилке улиц мы пожелали друг другу доброй ночи и разъехались. Очень не хотелось вести Алана на казачий двор. Я решил оставить его на эту ночь у себя.

Вот и наш дом в четыре окна. Два из них — в спальне родителей — еще светятся. У ворот я соскочил, размял затекшие ноги. Алан потряс удилами, фыркнул. И тотчас на крыльце возникла фигура в светлом капоте. Мама... Она ждала.

— Андрюша, наконец-то! — воскликнула она со слезами в голосе и, прежде чем спуститься, обернулась в открытую дверь и позвала: — Михаил Николаевич, Миша, сынок приехал!..

Мы обнялись, мама озабоченно провела ладонями по моим рукам, по спине. Цел-невредим. Отец подошел, прижался жесткими усами с неистребимым табачным запахом, пробормотал: «Слава всевышнему», помог расседлать Алана, понес сумы, а мама уже ставила самовар и хлопотала над поздним ужином.

Отчий дом! Как привязываемся мы к нему и как дорог он всем, особенно после разлуки! Как много воспоминаний хранят его старые стены и какие не сравнимые ни с чем тепло и любовь исходят от родных людей, хранителей нашего детства, для которых ты всё, чем они живут, чем печалются и радуются до конца дней своих!

Я пил смородиновый чай, ел аппетитные баранки и рассказывал, рассказывал об охоте, а они слушали, переглядывались, смеялись и пугались. Потом внимательно, даже строго, с какой-то непонятной мне почтительностью передавали из рук в руки толстые серебряные часы, и отец, вооружившись очками, три или четыре раза, про себя и вслух, прочитал выбитые на крышке слова: «За заслуги. Личный дар Е.И.В. Великого князя Сергея Михайловича» — и, растроганный, с повлажневшими глазами, поцеловал меня, затем бодро отошел и издали с нескрываемой гордостью еще раз оглядел с ног до головы.

— Вот, Софьюшка Павловна, каков у нас молодец! — сказал он дрожащим от волнения голосом.

И тут я выпалил:

— А завтра мне в путь-дорогу. Велено торопиться в институт.

Мама всплеснула руками, в глазах у нее возник страх.

— Завтра? Не отдохнувши, так сразу... — И заплакала.

— Нет-нет, — запротестовал отец, поборник строгой дисциплины.

лины, которой вдруг он изменил. — Уже если три недели пропустил, то три дня отдыха тебе и подавно простятся. Вот во вторник и поедешь.

Они и слышать не хотели о завтрашнем отъезде. Этому не находилось оправдания. Не побыв с родителями, не сходяв всей семьей в гости хотя бы к одному знакомому однополчанину?.. И мне пришлось не без тайной радости согласиться на вторник. Помимо всего прочего, требовалось время договориться с оказией, ведь до станции Армавирской от нас далековато и не каждый день в ту сторону идут тараптасы. Зато уж от туда — прямой поезд до столицы. Такие поезда идут из Минеральных Вод, этого великосветского курорта России.

— Отец, — все с тем же нарастающим страхом сказала мама, — мы совсем забыли о письме...

— Вот как ты расстроил нас своим поспешным решением, — упрекнул отец и тяжело прошагал в кабинет.

Он вернулся с письмом. Нетерпеливо взявши конверт, я прежде всего прочитал обратный адрес. Впрочем, и по почерку с косыми, высоко прыгающими буквами нетрудно было угадать руку Кухаревича, моего друга по институту, по комнате в пансионате, по студенческим вечеринкам.

Сдержанно-деловое начало. Друг писал:

«Кто-то привез сюда странные слухи, связанные с твоим опозданием. В канцелярии мне сказывали, что ты, милый мой, получил отпуск, срок которого неопределен, и отпуск этот вызван приказом высокотиулованной особы. Вскорости удалось уточнить, что ты ныне обретаешься в свите великого князя. Это же совсем на тебя не похоже! Я отказываюсь верить! В свите... Не может быть! Неужели трудно написать несколько строчек товарищу, если это слово «товарищ» не стало для тебя, в силу новых обстоятельств, не особенно удобным...»

Вот так. Со шпилькой. Если бы ты знал, Саша, что-нибудь о кавказских зубрах!..

Далее он уже спокойнее продолжал:

«О нашей здешней жизни могу сообщить пока очень коротко. Не стало некоторых из наших профессоров, прибавилось строгостей. Наставники величавы и замкнуты. Слава богу, мы с первых дней почти в полном составе находимся в лесной даче недалеко от Выборга и потому лица эти видим редко. Я нахожу время для поездок в столицу, чтобы послушать интересные семинары в университете. Кстати, там сделалось относительно прошлого спокойнее. Бывают очень интересные диспуты, есть что послушать, и вообще...

Летом я не писал тебе потому, что не уезжал к родителям в Екатеринодар: здесь побывал мой отец, и мы рассорились

с ним. Пришлось остаться в Средней России, работал три месяца помощником лесничего в местечке рядом с Беловежской пущей. Есть на что посмотреть и что вспомнить, поверь мне. Заработал немного денег. Зима нас с тобой не испугает.

Как видишь, на этот раз мне почему-то не дается острословие. Расстроен твоим молчанием. Неужели ты в самом деле решил пойти по дороге честолюбивого служения, использовав подвернувшийся случай? Не могу поверить в подмену принципов, коли знаю твои взгляды на жизнь. Нетерпеливо жду письма с изложением всего случившегося. Постарайся понять, Андрей, как это важно для твоего друга, нижеподписавшегося...»

Далее следовала его длинная подпись, а еще ниже приписка: «P. S. Когда письмо было написано, ко мне ворвался известный тебе Паша Саблин и с ходу выпалил: «Все точно! Зарецкий принят в великокняжескую охоту. Князь им доволен и держит при себе».

Сменить полезный народу труд на ливрею послушного холоя?!»

Закончив читать, я глубоко вздохнул. Родители не сводили с меня вопрошающих глаз. Вместо объяснения я прочитал письмо вслух.

— Твой приятель не понимает, какая честь служить под началом великого князя! — Отец выставил перед собой палец. — Открытая дорога наверх, продвижение по службе, чины — разве это не служение родине?

Я бурно запротестовал. Но, вспомнив о своих зубрах — да, о своих! — умолк и примирительно сказал, что новая служба, в общем, меня увлекает.

— Вот и отлично! — повеселевшим голосом отозвался отец. — Здесь ты дома, с нами.

Мама задумалась, вздохнула, а потом сказала, как бы для себя:

— Взрослый, взрослый сын. И уже с положением. Самая пора подумать и о собственной семье, Андрюшенька. Годы бегут, мы стареем. И как нам хочется, чтобы дом не пустел...

Очень значительно она посмотрела на отца, тот на меня, но промолчал. Тут он с мамой заодно. Этим летом по разным поводам они не раз произносили при мне не без тайного умысла и любви слово «внук».

Часы пробили двенадцать. Спать, спать!

Перед сном я вышел во двор посмотреть Алана. Он спокойно похрустывал травой, обернулся, почесался лбом о мое плечо и вздохнул. Все в порядке.

Когда я лег и, не задув лампу, стал задремывать, сквозь полусон увидел маму. Она вошла очень тихо, села у кровати и, не

спуская с меня глаз, задумалась. Я уснул спокойно и легко, как засыпал семилетним мальчиком под таким вот безмерно ласковым и заботливым ее взглядом.

2

Разбудил меня колокольный звон. Церковь находилась недалеко от нашего дома. Было воскресенье, и звонили уже к обедне. Вот это называется поспал...

Поспешно приведя себя в порядок, я вышел и нашел своих родителей одетых по-праздничному. Мама напомнила, что в моей комнате приготовлена выглаженная студенческая форма и что они ожидают меня. Пора в церковь.

Этот ритуал в поселке, где все знали друг друга, служил как бы символом добропорядочности. Родители мои строго следовали ему. Не пойти с ними значило бы серьезно обидеть обоих.

Отстоять недолгую службу мне помогла настенная роспись в нашей маленькой и довольно уютной церкви. Картины тут были и радостные и страшные, все на библейские сюжеты. Я рассматривал лики угодников и сравнивал их с реальными людьми из только что минувшей охоты. Вот лицо в кудряшках, с нимбом над головой, чем-то похожее на обиженное личико князя. А вот один из чертей с таким хитрым и наглым выражением, какое я видел только у Семена Чебурнова, когда он крутился возле графа Демидова. Точной фотографией смуглого, горбоносого и узколицего есаула Улагая мне показался образ библейского воина с копьём в руке. Наблюдать и сравнивать было занятно, я вертелся и вытягивал шею, чтобы разглядеть плохо освещенные стены, и кому-то бросился в глаза своей непоседливостью. Этот «кто-то» укоризненно поглядел на меня. Удалось перехватить взгляд. Я так и застыл. Ярко-голубые глаза на чистом белом личике, окруженном локонами цвета пшеничной соломы. Признаюсь не без греха, все иконы в церкви разом померкли. Кто такая? Девушка недовольно, даже сердито отвела взгляд и чуть-чуть покраснела.

Теперь не роспись интересовала меня. Я повернулся к девушке и гипнотизировал ее. Посмотри, посмотри... Краем глаза она заметила это и отвернулась вовсе, рассердившись.

Мама легонько потянула меня за рукав. С минуту я стоял как полагается, но скоро опять уставился на девушку. Как это я не видел ее в Псебае? Кто она, эта рослая и красивая незнакомка?

Когда мы выходили, я, естественно, оказался позади нее, решив, что непременно заговорю. Но девушка прямо с паперти

вдруг повернула направо и через железную калитку вошла на кладбище в церковной ограде. Идти за ней я не посмел и поплелся за родителями, оглядываясь и вздыхая.

Спросить у них казалось неудобным, мама между тем поглядывала на меня очень заинтересованно и вдруг сказала папе:

— Ты заметил, как выросла и похорошела Данута Носкова? Давно ли бегала девчонкой, в классики играла, а сейчас до того хороша собой!

— А я ведь и не заметил ее, — ответил папа. — Она в Псебае мало жила, училась в Екатеринодаре.

— А ныне сама учит ребят в Лабинской школе и только по воскресеньям да в праздники приезжает к тетке.

— Вот тетушку ее я встречаю довольно часто. Сильно постарела, голова совсем седая. А ведь намного моложе меня.

Стараясь говорить как можно спокойнее, я сказал:

— Эта девушка, про которую вы говорите, прямо из церкви пошла на кладбище.

— Там покоятся ее родители, сынок, — ответила мама.

— Рано они умерли.

— Это трагическая история, Андрюша. Ты учился в Екатеринодаре, когда тут произошла беда, и мог не знать о ней. Данута осталась сиротой восьми или девяти лет от роду. Ее воспитывала тетка, родная сестра покойной.

— Странное имя и фамилия...

— Они из Чехии. Правильно произносить надо не Носкова, а Носке, но здешним людям непривычно, и теперь все ее величают Носковой.

Проводив родителей до дома, я с ходу придумал причину для того, чтобы уйти, и, конечно, вернулся к церкви. Народ разошелся. Синий жакет девушки я увидел сквозь ограду кладбища. Не знаю, откуда вдруг появилась такая храбрость, но я спокойно вошел за ограду и остановился у калитки, ожидая, когда Данута отойдет от могилы.

Она сидела, склонившись над серой плитой, волосы закрывали ее лицо, она что-то шептала, может быть молилась. Прошло немного времени, девушка поднялась, постояла и пошла по тропе к выходу. Я распахнул калитку.

— Спасибо, — еле слышно произнесла она.

— Можно проводить вас? — так же тихо спросил я.

Она не ответила, не глянула. Чуть поотстав, я пошел за ней. Не оборачиваясь, сказала:

— Я вас не знаю. Вы приезжий?

— А я только что узнал, кто вы.

Опять молчание. Разговор не завязывался. Похоже, Дануте

сейчас было не до меня. И еще она стеснялась. Мы шли по нашей улице, и любопытные глаза рассматривали нас с обоих порядков. Конечно, неловко, но она пересилила это, окинула меня быстрым, заинтересованным взглядом.

— Вы давно здесь?

— Все лето. На каникулах.

— Каникулы везде кончились.

— Я уезжаю во вторник.

— Куда, если не секрет?

— В Петербург, я там учусь. А вы?

Миновали наш дом, я даже не глянул на него.

— У меня здесь тетя, я тут росла.

— Она не рассердится, что я провожаю вас?

— Не знаю. Может быть.

И остановилась. Не хотела, чтобы я шел дальше.

— Данута, — сказал я твердо, — в шесть часов я приду вот сюда. Вы найдете меня здесь. Стану столбом и не уйду, пока не увижу вас. Хоть до утра.

Она как-то длинно, раздумчиво посмотрела мне в глаза. И сама же покраснела.

— Какой вы, право...

Повернулась и пошла дальше. Я стоял и смотрел, смотрел, смотрел. Нет, не обернулась.

Вернулся домой рассеянный, углубившийся в себя. Завалился на кровать, закинул руки за голову и уставился в беленый потолок. Мама заглянула и, ничего не сказав, прикрыла дверь. Вскоре за дверью стал часто покашливать отец. Похоже, обиделся. Считанные часы до отъезда, а я закрываюсь и не выхожу. Наконец отец не выдержал и громко сказал из-за двери:

— Андрей, тебе нужно отвести коня.

Ах, да! Совсем забыл!

Через пять минут я был в седле и, сдерживая Алана, ехал на Казачий сбор. Так назывался плац за поселком, где находились оружейный амбар, шорная мастерская, конюшня. Там же и присутствие — помещение псебайского урядника, и учебное поле.

Из окна присутствия Павлов заметил меня, вышел во двор. Как и полагается, я отрапортовал, что прибыл с Охоты, что конь и оружие в порядке, а сам отбываю для продолжения учебы в столицу.

— Молодцом, молодцом, Зарецкий! — Урядник крутил отвисший ус, смотрел добродушно и весело. Бритоголовый, краснолицый, с выпученными, навсегда удивленно-испуганными глазами, коренастый, Павлов словно сошел с известной картины Реина. Удалой в бою запорожец.

Он демонстративно вынул дарственные часы и щелкнул серебряной крышкой.

— Скоро четыре. А на твоих?

Я развел руками: не захватил.

— Как можно, Зарецкий! С таким подарком негоже расставаться ни на час. Полагаю, князь сердечно доволен нашим приемом. Или не очень, а? Из-за Семки Чебурнова. Он у меня доси из головы не выходит. Опозорил казачество.

Павлову очень хотелось поговорить. Он жаждал собеседника. А я только и помнил, что скоро четыре. Потом будет пять и шесть. Отсюда до дома добрых две версты. Надо бегом, чтобы успеть пообедать, поговорить с родителями о том о сем и к половине шестого получить свободу действий. Я вытянулся и сказал:

— Прошу меня извинить, господин урядник, время сборов, я очень тороплюсь.

— Ну-ну, если уж сборы... Иди, Зарецкий. С богом. Вернешься, вместех работать зачем. Будь здоров, почитай родителей.

Всю дорогу я бежал, выгадывая минуты. Дома торопил с обедом. Ел не глядя. Говорил, лишь бы не молчать, и смотрел больше на стенные часы с кукушкой, которую помнил, наверное, годов с трех, чем в свою тарелку. Странно, но мама не поджимала губ, и обошлось без внушения о приличных манерах за столом. Папа несколько раз спрашивал о Шильдере. Я соврал, что тот приказал мне передать привет и что он получил генерала. Но о происшествии на леднике умолчал: тогда бы начались бесконечные расспросы и мне не уйти ко времени.

— Ты далеко? — спросила мама, когда я стал переодеваться.

— Пройдусь, — неопределенно ответил я.

— Скорей возвращайся, сынок, хоть поглядим на тебя.

Без четверти шесть я уже топтался на том самом месте, где мы расстались с Данутой. Полчаса, пока в сгущающихся синих сумерках я не увидел ее, показались мне едва ли не целым высоким годом.

Почему я оказался вдруг таким настойчивым? До сих пор не замечал за собой ничего подобного. Напротив... И как случилось, что эта сильная, спокойная и застенчивая девушка за несколько считанных часов стала для меня центром притяжения, надежд и помыслов?

Данута шла и застенчиво поглядывала по сторонам. Она накинула на плечи темную бархатную жакетку со сборками, покрыла голову шапочкой того же цвета. Все к ней шло, все ее красило. Подошедши, просто сказала:

— Вот и я. А почему пришла, не знаю.

Не касаясь друг друга, мы пошли серединой улицы, молчаливо согласившись как можно скорее выйти на берег протоки, к мосту, а может быть, и на росистый луг за мостом: там не было любопытных глаз.

— Чего вы молчите? — спросила Данута.

— Думаю о вас. Знаете, у меня остался только один день. Понедельник. И все. Во вторник уеду. До следующего июня.

Она очень серьезно посмотрела на меня:

— А потом?

— Вернусь работать лесничим и егерем Охоты. Я учусь в Лесном институте. Последний курс.

— Как странно! — протяжно отозвалась она. — Работать вместе с Улагаем...

В ее словах звучало что-то тревожное.

— Вы знаете Улагая?

Она кивнула. И ни слова больше. Я вспомнил, что Данута, как и он, в Лабинске. Они не могли не встречаться.

— Он мне не нравится, — быстро сказал я.

Данута промолчала.

— Он холодный и жестокий человек.

Опять без ответа.

— И не любит никого, только себя. В этом я убедился за дни пребывания в Охоте.

— Вы думаете, я не способна разобраться во всем этом сама? Знаю, знаю, знаю. Ну и что?.. Посмотрите лучше, как таинственно и холодно светятся Шаханы...

Она легонько передернула плечами. По долине Лабёнка с гор накатывался ветерок, настоящий на снежниках. Неполная луна слабо высветила белый хребет со странным именем «Снеговалка». А ближе к Псебаю, по ту сторону долины, дерзко подымались в небо две каменные головы Шаханов. Дикая красота окружала нас. И молодая ночь.

— Мне приходилось лазить на эти Шаханы еще мальчишкой, — сказал я с некоторой долей хвастовства.

— Вы часто бывали в горах? Там? — Она указала на хребет у потемневшего горизонта. Белые зубцы вершин сейчас были светлее неба.

— Ежегодно, как только приезжал на каникулы.

— А я боюсь этих гор.

Нетрудно догадаться — почему. Трагедия ее родителей произошла, насколько мне известно, в горах.

— Почему мы не встречались? Ведь я тоже бывала здесь летом.

Мог ли я сказать, что девчонками не интересовался? А она совсем недавно была девчонкой; может быть, бегала вот здесь

с толпой визгливых голенастых сверстниц. Я подобрал другое объяснение:

— Когда мне исполнилось четырнадцать, я уже ходил на сборы, участвовал в военных играх, а то закатывался с ребятами на неделю-другую в горы. Потому и не виделась.

— Счастливчик! — Она вздохнула. — Зачем я не родилась мальчишкой!

— Хорошо, что вы такая, как есть.

Она промолчала.

Мы все еще стояли на мосту, руки наши лежали на влажных и холодных деревянных перилах. Внизу лизала камни черная вода. Она пела свою вечную, неразгаданную песню.

— Не уезжайте, — тихо сказала Данута.

— Невозможно.

— Понимаю.

— Вы не забудете меня?

— Наверное, нет. Нет!

Теплом и радостью повеяло от ее слов. Спокойный, полный достоинства и надежды голос Дануты помог мне справиться с нарастающей тоской.

— Как все странно, вдруг... — Она сказала это испуганно.

И тут я посмотрел на себя как бы со стороны. В самом деле странно: днем впервые встретил и увидел ее, а вечером — свидание. Такое чувство, словно давно и хорошо знаем друг друга. Как это возникает? Почему?..

— Простите меня, — сказал я. — Что то действительно «вдруг»... Не сердитесь. Вы верите в судьбу?

Данута кивнула и улыбнулась.

— Не забудете написать, Андрей?..

Она знала мое имя!..

— Каждую неделю!

— Ну, пусть не так часто, не в ущерб делам. Но знайте, ваши письма я буду ждать. И отвечать на них.

Я растаял, заволновался. Она отстранилась и протянула мне руку. Мы так и пошли — рука в руке. Данута все ускоряла шаг, торопилась.

— Уже поздно. Вы знаете, тетя теперь с ума сходит. Я отпросилась на полчаса, а мы вон как долго.

Действительно, у крылечка дома стояла, прислонясь к резному столбику, ее тетя. На плечах ее был накинут большой теплый платок. Я поздоровался, назвал себя.

— Знаю, знаю. И ваш папа знаю, давно знаком, и ваша мама...

Если Данута говорила на чисто русском языке, то ее тетя так и не сумела одолеть произношение. Акцент и неправильно сказанные слова сразу выдавали в ней чешку.

Данута прижалась к старой женщине. Тетя Эмилия заботливо укрыла ее платком. Мы постояли еще немного. Кажется, они очень любили друг друга. Тетя Эмилия, в сущности, была для Дануты матерью.

Я стал прощаться. Данута выскользнула из-под платка.

— Две минуты, тетя, — попросила она.

Мы отошли и остановились близко друг против друга.

— Завтра — когда? — спросил я.

— Приходите к нам. Не бойтесь. В шесть, хорошо?

Она приблизила ко мне смеющееся лицо, увернулась, и через мгновение я остался возле дома один.

Шел по улице и едва сдерживал себя, чтобы не заорать во весь голос какую-нибудь песню. Так высоко взлетела моя душа. Перед сном ко мне вошла мама.

— Понравилась? — заговорщически спросила она.

Я только кивнул. Наверное, у меня было все-таки очень счастливое лицо. Мамины глаза повлажнели, она сказала «спокойной ночи» и тихо закрыла за собой дверь.

3

Днем, уже разыскав человека, который согласился отвезти меня и еще одного пассажира на станцию Армавирскую, я столкнулся на улице с Семеном Чебурновым.

Вышагивал он важно, даже гордо в своем новеньком картузе и в новых праздничных сапогах офицерского фасона. Наглые глазки его живо обшарили мой потрепанный костюм, сбитые ботинки. Чебурнов сравнил — и остался доволен.

— Здорово! — сказал он с некоторым вызовом. — Ты, Зарецкий, должно стать, думал, что Семен скиснет, да? А Семен не из таких. Хотя он и есть пострадавший от княжеского произволу, но мужик деловой и сухим из воды как-нибудь выйдет. Ты часы получил? Ну и ладно. Зато я деньгу хорошую вышиб, обнови вот себе купил, жинке тоже. Дом под железо подвожу. Этот дурачок, который Сан-Донато, наутро протрезвился и плакал мне в жилетку, пятьдесят целковых отвалил за обиду. И еще управляющего уговорил, чтоб с должности не трогал. Вот такое дело получилось. А ты, значит, теперича у нас зубру хранить собрался? Не завидую, прямо скажу, потому как с Лабазаном непременно столкнешься, а у него глаз вострый, мушку через прорезь отлично видит. Учти, как друга предупреждаю. Избегай. Нехай эти зубры сами...

— Выходит, тебя в егерях оставили? — не без удивления переспросил я, лишь только словоохотливый Семен сделал паузу в длинном своем монологе.

— А ты как думаешь? Без Чебурных и Охота — не Охота. Ноне мы с брательником, с Ваняткой, на пару. Наш обход у Белой, забегай как-нибудь, посидим, чачей побалуемся, мне черкесы иной раз подбрасывают. Добрый самогон.

И пошел, не попрощавшись, своей дорогой, в новом картузе на гордо поднятой голове. Будто и не перенес унижения, будто даже уважение к себе прирастил.

Дважды за день, как бы невзначай, проходил я по улице, где жили Носковы, но безрезультатно. Дом их стоял тихий, окна занавешены. У меня упало сердце: уж не в Лабинскую ли они уехали? Время до шести тянулось страшно медленно.

Я отыскал дом Алексея Власовича. Он сидел с Кожевниковым, чаевали, резались в «дурака» — словом, отдыхали перед новой поездкой в горы. Обрадовались, усадили. Разговор пошел. Я сказал, что завтра уезжаю. А потом к слову спросил, не случилось ли кому из них оказаться свидетелем трагедии с бывшим управляющим Охотой Носке и его женой.

Оба егеря сразу сделались серьезными. Телеусов кивнул в сторону приятеля:

— При нем было, при Василь Васильевиче.

Широкоскулый, заросший волосом и с первого взгляда страшноватый Кожевников отвел взгляд, сказал в сторону:

— А все штуцера виноваты, эти ружья старинные. В ту пору винтовок у нас еще не было, хотя они и образца 1891 года, мы ходили со штуцерами. Тяжелые, неудобные, ствол длиннющий. Носили их через грудь, не так плечо давит. Ну, и покойник Носке, Франц Францевич, когда в горы ходил, тоже обвешивался через грудь. Он молодой был, здоровый и отчаянный, все сам да сам норовил. Дисциплину держал, порядок любил.

— Откуда он? Как попал в Охоту? — спросил я.

— Великий князь почему-то все больше чехов, а то австрийков образованных на эту должность подбирал, из Австро-Венгрии, значит, которые. Они хорошо знали и лес и зверя, в университетах обучались. Сперва папаша Носков управлял, Франц Иосифович, я как раз при ем в егеря пошел, а потом уж евоный сын, Носке, мы его Федором называли. Ну вот, как раз он, молодой-то, съездил на родину за женой, привез ее в Псебай, молоденькую, красивую и тоже ловкую, отчаянную. Дочка у них уже была, она ноне в Лабинской проживает, учит там ребятишек в школе. А с женой еще и сестра приехала, постарше которая, Эмилией звать. Твои родители знакомы с ей, она недалече от вас живет. Да... Так вот, вскорости собрался он в горы, а жене интересно, конечно: возьми да возьми с собой, хочу на мир с высоты поглядеть. Он и взял. Решили они подняться на ближний хребет, что за Черноречьем, Гольным называется, у него

вершина лысая, в скалах вся, а подходы хоть и крутые, но с хо-рошей травой. Я с ими шел, еще трое наших. Мы как раз из лесу вышли — и вперед, а Носке с женой поотстали. Она в таком платье, все на подол себе наступала, хохотала, смущалась. А он, конечно, помогал ей, руку тянул, втаскивал, где круто, и тоже со смехом; в общем, весело шли. На ей туфельки кожаные, а та-кая подошва, сам знаешь, не для горного луга, то и дело сколь-зит, как на лыжах. Управляющий и подталкивал ее и за руку вел, она падала, до слез хохотала. Празднично, в общем, к смерти шли. Я остановился, смотрю сверху, вижу — у него штуцер через грудь да стволом вниз; только подумал, не спуститься ли да не взять ли ружье, а он в это время обернулся к жене, что-то сказал, руку протянул и вдруг поскользнулся сам — да на спи-ну. Штуцер прикладом по камню, а стволом чуть не в лицо ей. И тут грохнуло. Мы не поняли еще, что там такое, а она покати-лась вниз, и вся голова черная от крови. Носке диким голосом закричал — да за ей. Схватил, прижал. И сознание утерять. Ведь надо же так, пуля прямо в голову. А весу в той пуле девять золотников. Понимаешь, что сделалось...

Василий Васильевич умолк, стал закуривать, и я увидел, как дрожат у него пальцы.

— Пока завернули ее да спускать стали, управляющий оч-нулся; смотрю, глаза у него дикие, быстро так штуцер перезар-ядил и пристраивает, чтобы себя жизни лишить. Я к нему. Отобрали ружье, руки связали, видим — не в своем уме человек. Оно и понятно, будешь не в уме.

Вот так и двинулись назад. В одну сторону со смехом-ра-достью, а обратно — с горем и кровью.

Ночью мы в доме у их дежурили по очереди. Дочку малую увели, покойницу бабы готовят, монашки пришли отпевать. А управляющий наш сделался какой-то на удивление спокой-ный. Заперся в своем кабинете, видим в окно: то сидит и пишет, бумаги разбирает, а то утупится в одну точку и как истукан — не моргнет. Думаем, плохо дело, а как подступишься? Не от-црает. Ну, так оно и вышло — плохо. Под утро он письма взял-ся печатывать, князю одно, дочке, Эмилии также. Все дела сделал, вышел, покойницу поцеловал, без слез, строго, потом к дочке ушел, посидел, Эмилию обнял. А дальше зашел опять в кабинет, достал из ящика револьвер и спокойно так сунул себе в рот, чтоб наверняка, значит...

Хоронили обоих сразу. Ютнер приехать в тот день опоздал. Положили их в церковной ограде; ты, может, видел там ка-менную плиту с крестом... Вот такие дела, Андрей. Страшные дела.

Мы долго молчали. Действительно, страшно.

— А дочка Носкова славненькая выросла, — сказал Алексей Власович. — Я вчера видел ее. Ну, невеста! Тут уж слухи пошли, будто Улагай, лесничий наш казенный, возле нее увивается, надежду заимел, что ли...

Меня так и толкнуло в сердце. Ну зачем, друг ты мой любезный, сказал этакие слова?!

Наверное, с лица я изменился или еще что, егеря переглянулись несколько даже испуганно. Я рывком встал — и к дверям. Не простился, ничего более. Ушел. Скорее, убежал.

Лунатиком бродил по поселку и уже колебался: а стоит ли идти к Дануте, встречаться... Может, уехать, не увидевшись, забыть, пока еще можно. Но можно ли?

Все-таки я пошел, постучался, когда далеко и пяти не было. Никто не ответил. И тут вижу, выходит Данута из сарая, в мокром фартучке, лицо раскрасневшееся, волосы платочком подхвачены. Увидела, обрадовалась — и ко мне:

— А мы с тетей капусту рубим-солим. Пошли, поможешь.

И потащила. Прямо сияет, прыгает, такая счастливая, разгоряченная работой. У меня от сердца отлегло.

Сечкой взялся орудовать, кадушки переставлять, в погреб за яблоками полез. Данута тоже за работой, всё у ней получается, и всё со смехом, с шуточками, то заденет меня, то повернет, то в сторону потащит. Закружила совсем. Тетя Эмилия лишь улыбается, потом куда-то вышла, оставив нас одних.

Данута уже передо мной, глаза в глаза, и серьезно так спрашивает:

— Что случилось? Почему такой? Говори! — и не заметила, что на «ты» перешла.

— Улагай. Мне сказали...

— Если бы он, зачем мне было выходить вчера? Или ты думаешь...

— Ты остаешься здесь с ним, а я далеко.

— А что делать? Бежать? Да, ухаживает. Ну и что?

— Боюсь, Данута...

— Напрасно. Ты верить должен, если... Ах, господи, да о чем это мы! Какая-то глупость! Делаешь больно и себе и мне.

И столько чистоты, убедительности было в ее словах, что я не устоял. Мы обнялись. Данута мягко положила руки на мои плечи, засмеялась открыто, родственно, я бы мог, наверное, поцеловать ее, но она шепнула: «Тетя!» — и отскочила.

Домой я возвращался по темноте. Было часов девять. Около нашего крыльца светились огоньки папирос. На скамейке сидел отец, а рядом Керим Улагай. Они курили и чинно беседовали.

Улагай поднялся. Он был выше меня, но тоньше. Мы сдержанно поздоровались. Отец простецки спросил:

— Где так припозднился, сынок?

— У Носковых, — не без вызова сказал я. — Капусту солили с Данутой.

Наверное, я очень задел Улагая таким признанием. Свет из окон падал не щедрый, но глаза у есаула загорелись, как у кошки. Он сжал губы, рот его превратился в тонкую полосочку. Так мы смотрели друг на друга целую минуту, а отец на нас обоих, все более удивляясь и тревожась.

Улагай холодно сказал:

— А я как раз иду к ней.

— Поздно. Она теперь спит.

— И все-таки пойду. Желаю доброй ночи!

Он четко повернулся и удалился, гибкий, высокий, уверенный в себе. Я шагнул было за ним.

— погоди, — сказал отец. — Сядь со мной.

И когда я сел, он обнял меня за плечи. Тут я почувствовал, что весь дрожу. Не от холода, конечно.

— Спокойней, сын мой. Не надо так... Не думали мы с Софьюшкой Павловной, что за немногие эти часы что-то может

произойти. Всякое бывает. Ты должен понять: опасный соперник. У него власть. У него связи. И жестокость.

— Уступить? — сквозь зубы выговорил я.

— Ты плохо понял меня, сынок. Просто быть выше и лучше его. Всегда. Везде. Чтобы она поняла и сама сделала выбор, если до этого дойдет. Уступить просто, коли не любишь, если молодое баловство. Но тогда нам с матерью трудно понять...

Я ничего не мог сказать отцу. Сам не знал, можно ли наш разговор с Данутой считать достаточно серьезным. Она добра, ласкова, спокойна. И все? Все!

— Тогда будь мужчиной, сынок, — сказал отец, поняв, о чем я думаю. — Верь и не забывай. Защити, если она в опасности. И придет время... — Отец замолчал, стал закуривать, чиркая спичку за спичкой.

По другой стороне улицы, стараясь держаться ближе к заборам и кустам, где тень, все так же строго и властно закинув голову, шествовал — теперь в обратном направлении — есаул Улагай. Свидание не состоялось.

Все во мне тотчас обмякло и расслабилось. Вот когда я почувствовал, в каком невероятном напряжении находился последние полчаса.

— Пойдем, папа. Тебе пора ложиться.

— А у тебя еще сборы. Ездовой будет в шесть, постарайся выспаться.

Без двадцати шесть, одетый по-дорожному, я бежал вдоль еще темной улицы, чтобы если не увидеть ее, то хотя бы проститься с ее домом, с крылечком, на которое ступает ее нога.

Данута стояла у ворот, кутаясь в знакомый тетин платок.

— Я загадала, — проговорила она с тихой, домашней улыбкой, — если ты придешь, то все будет хорошо.

— Как же я мог!..

— Поцелуй меня, — попросила она и даже по сторонам не поглядела.

Мы поцеловались, как дети, сжатыми губами. Она неловко, на одно мгновение прижалась ко мне.

— Счастливой дороги. И не забывай. Пиши.

Я пошел, потом побежал. Оглянулся — Дануты уже не было.

Только поздней ночью, усталые, пыльные, мы добрались до станции. В пути я несколько раз задремывал, и мне привиделась Данута, потом мама в минуты прощания — как обняла меня, как шептала что-то бессвязное, а слезы сами собой текли по ее бледному, увядшему лицу. И отца видел, седоусого, сгорбившегося. Утром, провожая меня, он почему-то надел свой парадный мундир, но выглядел в нем еще более жалко. Сердце упало. Как много связывало меня с родным домом, с Псебаем!..

На вокзале я уже не мог уснуть. Сидел в грязноватом зальчике, где скамейки и даже стены пропахли карболкой и чем-то паровозным, вздыхал, хмурился, улыбался, вспоминал, надеялся, грустил. Догадался сходить на телеграф и дал Саше Кухаревичу денешу: «Еду. Встречай».

Под утро, в темноте, подошел неспешный сонный поезд. Окна зеленых вагонов отрешенно чернели. Началась обычная спешка, толчея, ругань. Я нашел свой вагон, втиснулся с вещами, долго стучал в дверь купе, пока открыли. Извинился, забрался на верхнюю полку, там в согнутом положении разделся и, едва положив голову на крохотную подушку, провалился в черноту.

Паровоз потащил меня на север.

З а п и с ь п я т а я

Студенческая жизнь. Знакомство с зоологами. Письма Дануты. Неожиданная встреча. Рядом, но не вместе. Объяснение. Встреча в театре. Что сказал Шильдер. Признание Саши. Мы едем домой. Свадьба. Расставание

1

Сашу Кухаревича я заметил в толпе встречающих еще из окна вагона. Он возвышался над всеми. Казацкий светлый чуб из-под фуражки походил на приветственный флажок, колеблемый холодным петербургским ветром. Мой друг вытянулся еще настолько же, насколько и похудел.

С вагонных ступенек я попал в его крепкие объятия. Поставив меня на землю, он бросился за вещами, спросив, есть ли там сало с чесноком. Засим Саша уже тащил корзину и саквояж к извозчику. Он всегда и везде торопился.

— Ты что? — удивился он, когда я спросил, для чего нам бегать и кого догонять. — Через пятьдесят минут лекция Рузского, надо успеть домой и на этом же коньке мчаться в аудиторию. Обленился, друг милый! Быстро-быстро, ты не простишь себе, если опоздаешь на эту лекцию!

Более собранных и жадных к знаниям людей я еще не знавал. Кухаревич с первого курса удивлял всех беспощадной эксплуатацией своих сил и возможностей. Каждое утро у него в рукаве уже хранился писанный план — что, где и когда надлежит сделать. Каждую неделю он носил с собой новую книгу — от специальных учебников до Шопенгауэра и Маркса. Всюду и везде он находил новых собеседников, взгляды которых одобрял или отвергал, смотря по тому, подходили они под его собственную мерку жизни или нет. Каждый день он проживал,

как мне казалось, по два дня, если не больше. Зато не было в институте человека более начитанного и знающего, чем Кухаревич. Преподаватели побаивались его трудных, а подчас и опасных вопросов. Наука и политика у него не разделялись, и, наверное, из-за этого в тяжелые годы после событий 1905 года в нашей комнате мы не раз с чувством брезгливости обнаруживали следы беззастенчивых обысков. Он был опытен и если вел пропаганду, то умеючи. К тому же его происхождение не вызывало сомнений: уроженец Екатеринодара, сын казачьего офицера, владельца крупной мастерской на Дубинке, снабжавшей Войско Кубанское седлами, сбруей, шорными принадлежностями. Он относился к категории думающих людей, все время искал, анализировал и строил мировоззрение, которое было явно социалистическим. После неоднократных стычек с отцом Саша вынужден был работать, полностью лишившись поддержки семьи. Где он только не подрабатывал червонец-другой, чтобы не терять своей независимости! Разгружал по ночам баржи в порту, готовил гимназистов, чинил брусчатую мостовую на Невском, ставил декорации в театре, побывал в белорусских лесах, где лето проработал лесником.

Можно было удивляться, как его хватало на все сразу, как выдерживал он постоянную перегрузку. Жить с ним было хлопотно и радостно. Он тянул за собой.

Когда мы наконец оказались дома, Саша прежде всего отрезал себе кусок домашнего сала с хлебом, схватил тетрадь, сунул мне папку с учебниками и подтолкнул к выходу. Пролетка ждала нас и покатила в институт. В дороге он приказал:

— Рассказывай. И не с пятого на десятое, а обстоятельно и последовательно. Прежде всего: ты отвергаешь слухи о службе у великого князя?

— Нет. Это сущая правда, Саша.

Он перестал жевать. А я стал рассказывать все, как было.

Выслушав меня, он подумал и рубанул воздух ладонью:

— Все! Понято и принято. Что лесничий, что зоолог — охранители природы. А это нужное и стоящее занятие. Зубры — тем более. А что князь, так не вечно же... — И осекся, покосившись на извозчика.

Даже когда мы поднимались по лестнице в аудиторию, он не позволял мне молчать, спрашивал и слушал и опять спрашивал, все время засматривая в глаза, словно они, а не речь поставляли ему самую точную и правдивую информацию.

Услышав наконец сбивчивый рассказ о знакомстве с Данутой и о нашем прощании, он прямо спросил:

— Любовь?

— Да, — так же коротко сказал я.

— Все! Понято. Твое глубоко личное дело. Теперь по вечерам ты будешь валяться на кровати и с блаженной улыбкой мечтать о ней, а ночами тебя не оторвать от писем, которые долго и длинно будешь писать, или читать равновеликие послания из Псебая. Данута... Интересное имя, в нем чувствуется целая музыкальная гамма. Ну, а теперь довольно воспоминаний, слушаем профессора, известного мирмеколога.

Лекция оказалась, в общем, ординарной, профессор говорил о современной программе сохранения лесов, перемежая новое с известными нам истинами. Но когда он начал рассказывать о муравьях и впервые представил нам муравейник как сообщество «бегающих клеток» единого организма со строгим разделением функций меж особей и с общим цельным «сознанием», назвав муравьев «общественными насекомыми», мы были поражены. Профессор закончил лекцию словами Чарлза Дарвина: «Описание нравов и умственных способностей муравья заслуживает большой книги» — и получил вполне заслуженные аплодисменты.

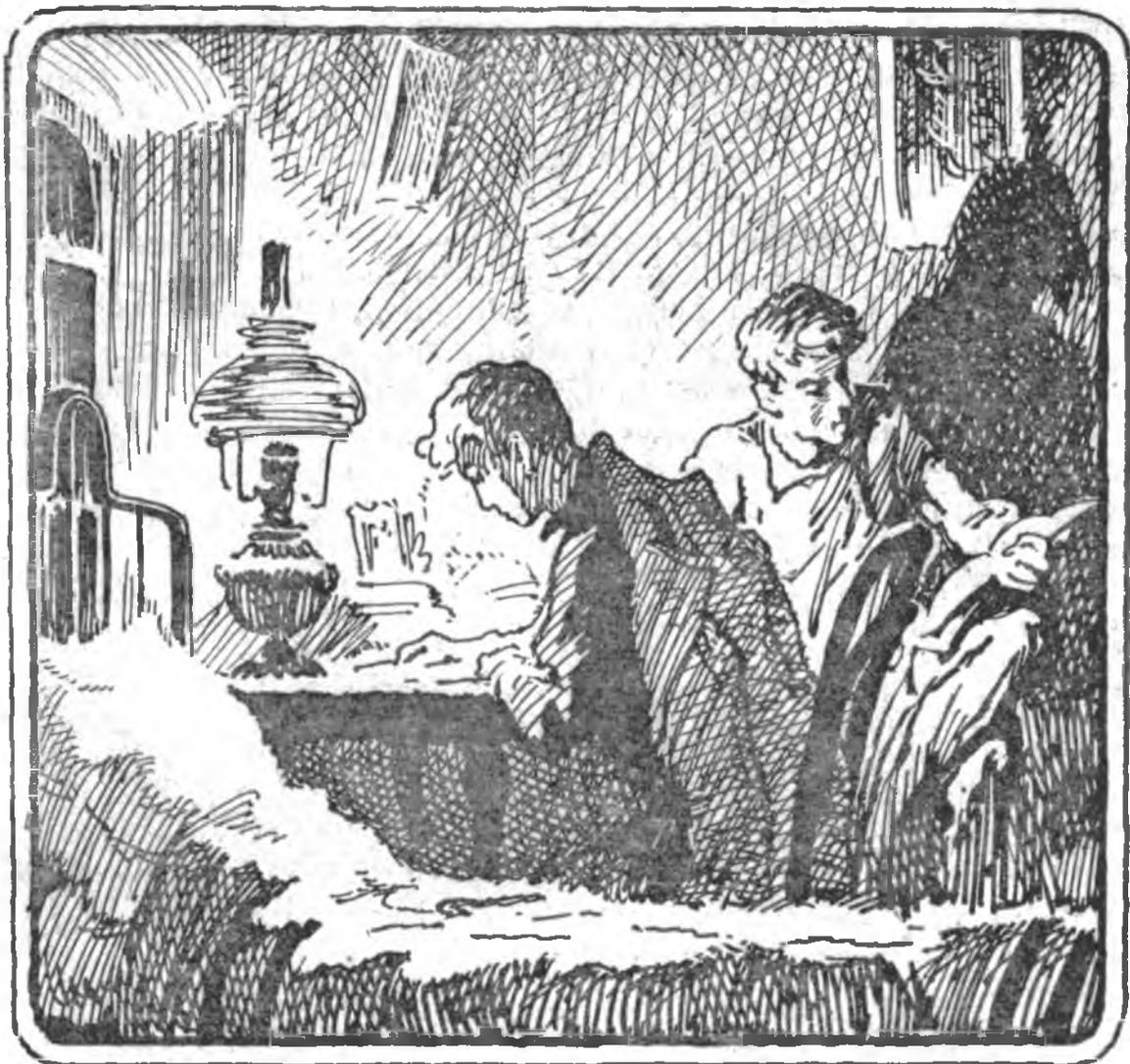
— Нравы... Умственные способности... Клетки сообщества... — бормотал Саша, когда мы уже стояли в коридоре. — Ну, а если спроецировать на человеческое общество? Гм!..

Он долго был задумчив, хмыкал, видимо обсуждая про себя какие-то потаенные мысли, пожимал худыми плечами, но наконец вернулся в мир реальный, вспомнил обо мне и воскликнул:

— А это здорово, Андрей! Я имею в виду зубров. Такое благородное дело — сохранить редкого зверя! И за это благородное дело — парадокс! — тебе еще будут платить жалованье из великокняжеской казны. Право, мне кажется, что твой Ютнер голова! Надолго ли его хватит с двуединым планом? И как ты сам справишься? Можешь гордиться столь необычайным делом. Зубры... Этим летом я имел возможность увидеть живых зубров. Рядом с тем лесничеством, где я работал, начиналась знаменитая Беловежская пуца, а там — да будет тебе известно — царская охота, довольно крепко охраняемая. Зубры ходят вольно. Мы с местным лесником выследили их кормовые пути-дороги. Удалось посмотреть зверя очень близко. Самые крупные млекопитающие Европы. И всего-то их осталось... в Беловежской пуце и на Кавказе. Два места. Две точки на земном шаре. Это для тебя новость? Или уже известно?

К стыду моему, истории зубров я не знал. И сказал, признаваясь в этом пробеле:

— У меня письмо от управляющего Охотой к зоологу Петербургского университета Владимиру Михайловичу Шимкевичу. Попрошу помочь мне.

— И правильно сделаешь! Слушай-ка, сходим вместе, а? Я тоже не против узнать кое-что... Но как ты справишься с зубрами один? — вдруг спросил он.

— Я не один. Среди егерей есть отличные люди. Что зубры целы и по сей день — это их заслуга. Да и другой зверь плодится и множится не без участия егерей. Ты бы видел, как любят они природу, даже поклоняются ей!

— Ну, тогда... — Он прищурился. — А ты?

— Что — я?

— Настоящая любовь к природе — это вся жизнь. Без уклонения. А как же Данута?

— Поймет и поможет.

Кухаревич вздохнул не без сомнения. Насколько я знал, он был противником семейных привязанностей, считая их помехой для человека, устремленного к познанию истины или одержимого какой-то идеей.

Уже на другой день Саша положил мне на стол объемистый

первый том «Жизни животных» Альфреда Брема, только что вышедший под редакцией Лесгафта.

— Для начала. Популярное изложение. Грызи.

Легко и просто вошел я снова в студенческую жизнь. Выяснилось, что за время моей отлучки наверстывать придется не так уж много, группа недавно вернулась из Рощина, где занималась практическими занятиями в Петровском лесу. Пяти полных вечеров мне хватило на прочтение подробных и точных Сашиных конспектов да нескольких глав из учебников. Удалось найти время и для первого письма в Лабинскую размером чуть меньше «Капитанской дочки», и для успокоительных страничек для родителей.

Двумя днями позже Саша исчез на целый день. Это с ним случалось, и он никогда не говорил, где пропал, хотя я и догадывался, что он связан с марксистским кружком. Словом, в университет мне пришлось поехать одному.

Владимир Михайлович Шимкевич, человек пожилой, отяжелевший, с многоумным большим лбом, принял меня вежливо, выслушал, только потом взял письмо Ютнера, прочел его и удивленно поднял брови:

— Охранять зубров в великокняжеской Охоте? Там, где зверя разводят, чтобы убивать ради удовольствия? От кого же вы собираетесь охранять зубров?

— От всех, кто хочет их убить.

— Не понимаю. Вы егерь, так? Значит, охотник, стрелок, ваша задача — навести высокопоставленного гостя на дичь, на зубра в том числе.

— Не совсем так, — сказал я. — Моя задача — спасти зубра. За последний наезд охотников Кавказ потерял только одного зубра.

— И это стараниями Ютнера?

Точно ответить я не мог, просто сказал, что в Охоте достаточно людей, которые готовы защитить природу и зубров.

— Счастливое открытие, молодой человек! И готов оказать вам всяческую помощь, — с подъемом сказал зоолог.

Этот добрейший ученый еще целый час расспрашивал меня о Кавказе, Ютнере, егерях. Потом повел в библиотеку и для начала снабдил целой связкой книг, о существовании которых я и не подозревал. Он пригласил меня по мере возможности посещать лекции на его кафедре, университетский музей, библиотеку.

— А Ютнеру я отвечу без промедления, — произнес он, уже прощаясь. — Вы когда в родные края?

— После окончания курса. В июне.

— Дело в том, что на Кавказ вновь собирается Николай

Яковлевич Динник, большой знаток местной фауны. Очень рекомендую побродить с ним по горам. Узнаете много сокровитого, необычайно интересного.

Я обещал встретиться с Динником.

Саша оказался дома. Похоже, что он только что явился; был взволнован, глаза его горели.

— Слушай, — вдруг сказал он, понизив голос, — давай условимся: если кто тебя спросит, скажешь, мы вместе ходили в университет.

— Хорошо. Но ты мог бы объяснить...

— Потом, потом!

И уселся за книгу, обхватив ладонями голову, словно бы отгораживаясь от всего света.

К счастью, никто ни о чем меня не спрашивал. И Саша как будто забыл, что хотел объяснить. Вторую свою жизнь он скрывал даже от меня.

Теперь мы соревновались с ним в усидчивости и поглощении книг. Сознаюсь, что чем больше нового узнавал я, тем дальше раздвигались горизонты зоологии, в сущности пока неизвестной для меня науки. Впервые я отчетливо понял, что у знания нет и не может быть завершенности. Как нет и быть не может конца у самой жизни.

Летели дни, недели, месяцы.

2

Письма...

На первое мое письмо Данута ответила так:

«Знаешь ли ты, что теперь я ненавижу дороги? Как увижу тракт или проселок, так ловлю себя на мысли, что они-то и есть виновники нашей разлуки, — по одной из них уехал ты.

Что рассказать о своей жизни? Каждое утро в прохладном классе я собираю тридцать учеников, и мы с ними начинаем говорить о грамоте, об их будущем, о месте в жизни. Любопытные глазенки ребят загораются великим желанием познания. И тогда я им читаю, и тогда они сами всматриваются в печатные знаки, постигая таинство сложения звуков в слова и понятия. Ты бы слышал, с какой душевной радостью Маша, Федя или Клания впервые читают, запинаясь и повторяя слова: «Встань поутру, не ленись, мылом вымойся, утрись, кто растрепан, неумыт, тот собой людей смешит...» И я радуюсь вместе с ними, а после уроков иду в дом, где живут те же Маша, Федя или Клания, чтобы вместе с родителями еще раз пережить эти приметы рождения человека сознательного.

И свободные часы есть у меня, но я стараюсь никуда не

ходить, беседую с хозяином Федором Ивановичем Крячко, у которого квартирую; читаю, вышиваю и все думаю о тебе: что ты делаешь вот сейчас, где находишься, с кем говоришь? Я даже разговариваю с тобой, придумываю за тебя слова и мысли.

Сразу после уроков в субботу я уезжаю к тете. Часто тайком, чтобы избежать назойливого предложения известного тебе человека воспользоваться его пролеткой, его хорошими конями.

У тети я отдыхаю безмятежно и счастливо, как птенец под крылом птицы. Случается, по воскресеньям, иду к Софье Павловне, мы обедаем с твоими славными стариками, и Михаил Николаевич обретает внимательных слушательниц, коим он подробно повествует картины последних годов неистового Шамиля.

Почему наша почта движется так медленно? Восемь дней до тебя. Восемь — в обратном направлении. Опять виноваты дороги! Дороги-разлучницы. Дороги, способные украсть даже надежду...»

В одном из ответных писем я поделился с Данутой новостями, которые услышал на лекциях, особенно подчеркнув удивление зоолога Шимкевича, когда речь пошла о сохранении зубров. Она мне написала:

«Андрюша, я так понимаю твоего нового учителя, зоолога Шимкевича! Люди издавна считают, что охота, вообще уничтожение зверя и птицы — неважно, ради пищи, ради удовольствия или как дань некоей первобытной страсти, — является частью увлекательной жизни, азартом, без которого эта самая жизнь обедняется. А тут вдруг какие-то служащие в Кубанской охоте ставят перед собой прямо противоположную, очень странную на первый взгляд задачу: сохранить зверей, прежде всего зубра, не допустить охоты на него! Есть отчего удивиться!

Ты прав: очень тревожно, что зубры остались только в двух местах Европы. Как бы там ни было, но твое согласие приложить свой труд ради сохранения этого зверя вызывает во мне большую гордость. Благородное дело. Судьбе угодно было познакомить меня с человеком, который стремится к завидной цели: соблюсти для потомства реликтовых зверей. Стать хранителем природного чуда. Знаешь, я горжусь тобой!

Когда я высказала некоторые из этих соображений известному тебе человеку (он все-таки навязался ко мне в гости, пришел на лабинскую квартиру, и ни я, ни хозяйка не могли воспрепятствовать этому визиту), так вот, когда я рассказала об этом, он сощурил высокомерные глаза и произнес сквозь зубы только одно слово: «Утопия». Слышал бы ты, с какой интонацией произнес! Спорить с ним я не стала, это заняло бы много времени, а мне хотелось, чтобы он скорее ушел.

С постоянным волнением, размышляя, наслаждаясь, страшась чего-то и надеясь, я читаю твои письма. И все-все вижу, а не только то малое, что нахожу в строках. Вижу тебя, твое лицо, когда ты в аудитории, твое лицо над книгой, твою улыбку в компании друзей. У вас в столице есть, должно быть, фотографические мастерские. Ну конечно! Пришли, пожалуйста, свой снимок. Пришли!»

Читая и перечитывая письма Дануты, я считал дни, оставшиеся до нашей встречи. Сто сорок дней. Уже наступил вьюжный февраль, за окнами тонко и злобно поет ветер, бросает в стекло охапки снега. Сто семнадцать... Над Петербургом все чаще проглядывает солнце, и тогда все в блеске: улицы, окна, шпили, памятники, сама Нева. Весна, сотканная из света. Сто три дня... Наконец менее ста!

Работаю каждый день с утра до полуночи. Все вечера отдаю зоологии. Внимательные мои шефы подбирают для меня литературу таким образом, чтобы я усваивал курс науки, как он подается для университетских студентов-зоологов. Учеба в Лесном институте идет своим чередом, здесь особенных трудностей нет.

Начиная новое письмо Дануте, я так и пишу: «Осталось девятью шесть дней». Когда она отвечает, то приписывает: «Осталось восемьдесят семь и еще дорога до Псебая...»

И вдруг происходит что-то непонятное. Нет писем. Перестали приходить. Три, пять, девять дней. Нет и нет. Я посылаю домой депешу, полную тревоги. Такое же послание идет в адрес тети Эмилии. Молчание, тем более непонятное, что последнее письмо Дануты дышало бодростью, было веселое, до краев наполненное нежностью и надеждой.

Саша переживает вместе со мной. Ежеутренне он сочиняет более или менее приемлемую версию, мы обсуждаем ее и отвергаем. Что-то случилось. Но что?!

Терпение мое на исходе. В одно очень тоскливое утро я говорю Саше:

— Еду в Псебай. Я должен знать, что там такое. Жить в неведении просто не могу.

Кончается март, до экзаменов два месяца, всякий перерыв в занятиях чреват последствиями, но я утешаю себя мыслью, что поездка займет от силы две недели. Кроме того, я ведь могу заниматься в вагоне поезда, и вообще... Хотя, если быть правдивым, мне и здесь теперь не до занятий, не то что в поезде. Проклятый есаул не выходит из головы!

После лекций прошусь на прием к ректору. Он слушает меня с удивлением и не без подозрительности. Тут же придуманная болезнь родителей смягчает его. Отпуск мне дается с многочис-

ленными оговорками и предупреждениями. Озабоченный, нетерпеливый, мчусь к себе в пансионат, чтобы успеть на вокзал к поезду.

Вечереет. На улице северный ветер подмораживает лужицы. И все-таки пахнет весной. Растрепанные галки усаживаются на голых липах сквера. Воздух прозрачен и чист. Мягко стучат подковы рысаков по деревянной брусчатке Невского. Слышится смех. От всего этого моя тоска еще беспросветней. Ну что, что там случилось? Больна? Или такое совсем уж невероятное, как ее неожиданное замужество? Неужели Улагай все-таки перешел мне дорогу?

На ходу расстегивая пальто, я рывком открываю дверь нашей комнаты и остаиваюсь, оглушенный. Иного слова и не придумать. Саша Кухаревич чинно восседает на своем постоянном месте у окна, а через стол от него, там, где обычно работаю я, сидит... Данута.

Протираю глаза. Она подымается и вспыхивает, как маков цвет. Через силу, как-то неестественно смеется. Затем губы ее горестно вздрагивают. Данута делает несколько шагов ко мне и с плачем падает на грудь.

Я растерян и, надо сознаться, больше испуган, чем обрадован. Не могу сказать и слова. Да и как, что скажешь, когда она плачет?..

— Не пугайте его, Данута, — слышится рассудительный голос Саши. Он подходит к нам. — Андрей, это нервный срыв. От радости. Для горьких слез нет ни малейших оснований, она успела все мне рассказать. Садитесь, друзья хорошие, рядом да потолкуйте ладком... Я, пожалуй, удалюсь, а вы тут с глазу на глаз.

Тихо закрылась дверь. Сквозь слезы на лице Дануты прорезалась виноватая улыбка. Кончиками пальцев она вытерла мокрые щеки. И поцеловала меня мокрыми солеными губами.

— Ты не рад?

— Я?! — Обе ладони мои прижаты к груди. — Я?!

— Ты можешь ругать меня, даже прогнать, но, право же, я не видела иного выхода. И вот приехала.

— За что же я буду ругать тебя?

Мы говорим, но я уже не отпускаю ее от себя, держу за плечи, всматриваюсь, боюсь, как бы не растаяла подобно призраку. Но она — реальность, теплая, живая. Она не исчезает. Только сейчас я начинаю замечать в ее глазах признаки усталости и страдания. В них растерянность, даже тревога. Или обида? Чуть-чуть опущены краешки рта, движения нерешительные, состояние какой-то неуверенности. Как все это не похоже на смелую, веселую, работающую псебайскую Дануту!

Я усаживаю ее, снимаю с себя наконец пальто. Она успокаивается, исподтишка начинает рассматривать нашу комнату, но взгляда моего избегает. Сейчас она расскажет... Я никак не могу понять ее внезапного приезда. Впрочем, чего же тут непонятного? И я смело говорю:

— Ты приехала ко мне, и это твой самый-самый разумный шаг!

Исчезают всякие сомнения. Она останется здесь, со мной. Теперь мы неразлучны. Господи, как же я не сообразил сразу! Радость-то какая! Обручальные кольца сверкнули перед моими глазами.

Она говорит, тщательно подбирая слова:

— Если ты судил о моей жизни по письмам, то глубоко ошибался, Андрей. В письмах я о многом умалчивала.

Слова эти, сказанные печально, но с тихой убежденностью, убили мой оптимизм.

— Ошибался в тебе?..

— Ты не так меня понял. Просто не обо всем писала. Не хотела, чтобы ты волновался и переживал. Не хотела лишать тебя покоя. Ложь во спасение.

Ее руки — в моих, я крепко сжимаю их.

— Отказываюсь понимать...

Она часто-часто моргает. Вот-вот заплачет. Молчит.

— Не могла предвосхищать события. И только сегодня...

— А мои родители? Тетя? Почему они молчали?

— Об этом я просила их. Боялась, что не успею уехать, как ты примчишься выяснять отношения, и тогда не миновать драмы.

— Какой драмы? А-а!.. Это связано с Улагаем?

— Да.

Чувствую, как загорается лицо. Жарко. Ну-с, а что же все-таки произошло?

— Рассказывай. Все-все. И, пожалуйста, без этой... лжи во спасение.

Она кусает губы и молчит. Собирается с мыслями.

— Как ты уехал, — тихо начинает она, — с того дня он не давал мне покоя. Преследовал по пятам. Тетя Эмилия уступила моей просьбе, переехала в Лабинскую: я боялась оставаться одна. Страшно, понимаешь? Он сделался неумолимо настойчивым. Мне кажется, им руководила уже не любовь, о которой он говорил как заведенный, а какое-то маниакальное стремление добиться того, что он сам себе заказал. Даже когда убеждал, что любит безумно, я видела в глазах его только дерзкое, самолюбивое желание, неистовство зверя, а не любовь. И я очень, очень боялась его. Сперва отшучивалась, потом просто молчала, стала

хорониться, но он не отставал. Более того, стал требовать — да, требовать! — согласия, даже грозил, что увезет меня силой. Можешь себе представить мое состояние! Писать тебе об этом не могла: приехал бы и тогда... Твоя жизнь мне дороже собственной.

— Значит, ты сбежала от него?

— В сущности, да. Но ты послушай. Я обратилась к попечителю школ с просьбой перевести меня в другое место. Он предложил Майкоп. Но такой перевод ничего не менял... Тогда я написала в Петербург.

— Кому?

— Отправила заявление начальнице Высших женских сельскохозяйственных курсов, приложила свою биографию, аттестат.

— Ну, а мне-то, мне почему не сообщила?!

— Я ведь уже сказала, Андрюша. Пожалуйста, выслушай до конца. Пришел ответ. Начальница согласилась побеседовать со мной лично. Я тайно собралась, тайно уехала, об этом знает лишь одна тетя. И вот я здесь. Уже четыре дня.

Последние слова она произнесла опять с виноватой улыбкой. Четыре дня! Я вскочил.

— И ты не известила меня!..

— Ждала результата.

— Ну, и...

— Теперь я слушательница Высших женских сельскохозяйственных курсов Стебута. Это недалеко отсюда, ехать вовсе немного. Только что отправила письмо тете, вторым письмом известила попечителя, что покинула работу по личным причинам. Словом, сожгла все мосты и явилась к тебе. Казни, милуй...

Стройные мои надежды пошатнулись. Ведь я искренне думал, что Данута приехала только ко мне — да, ко мне! — чтобы искать и найти защиту. Что мы немедленно обвенчаемся и вернемся домой как муж и жена. Увы, я не сумел оценить ее строгую самостоятельность. Данута вовсе не собиралась повиснуть на моей шее. Она по-прежнему была другом, наверное, любила, но не хотела отказываться от своего уже завоеванного места в обществе. Желание остаться равной во всем со мной и со всеми другими — вот что руководило ее поступками. Курсы? Что за курсы, я понятия о них не имел. Стебут? Кто такой Стебут? И сколько недель или месяцев учиться ей на этих курсах?

— Не месяцев, Андрюша, — ответила она, постепенно обретая прежнее доброе спокойствие. — Не месяцев, а лет. Четыре года. Как в Агрономическом институте. А создал эти первые в России сельскохозяйственные курсы Иван Александрович

Стебут, очень известный агроном. С моим отцом они были знакомы.

Теперь я шагал по комнате из угла в угол и что-то обиженно бормотал. Со стороны это выглядело, наверное, смешным. Данута не спускала с меня настороженных глаз.

— Глупый! — сказала она и, поднявшись, остановила меня. — Нет причин так расстраиваться. Я понимаю, о чем ты сейчас думаешь: через каких-нибудь восемьдесят дней ты уедешь, а я останусь здесь еще на долгих четыре года. Опять дорога-разлучница, опять мы врозь, только поменявшись местами. Ведь об этом ты думаешь, я угадала?

— Да как ты могла! Без совета со мной... Четыре года!..

— Скажи мне, Андрюша, — вкрадчиво спросила она, — можешь ты дать другой, более подходящий совет, как мне поступить в обстоятельствах, теперь известных тебе? Есть иное решение? Скажи, и я сделаю, как ты пожелаешь.

— Есть! У меня он есть, ты о нем знаешь! Я живу с ним целые полгода, с того дня, как увидел тебя!.. И ты знаешь о моей любви, это звучало в каждом слове, в каждой строчке моих — и твоих — писем. Или тебе недостаточно такого признания?

Я не говорил, а выкрикивал слова, не помнил, что делаю. Лицо мое горело, губы дрожали.

— Ну говори, говори! — шептала она и гладила меня по плечам.

— Сейчас же выходи за меня замуж! Сегодня!.. — Я сказал эти слова все тем же запальчивым мальчишеским тоном и тотчас почувствовал, как не к месту подобный тон, как он может оскорбить девушку. Ведь это не предложение, а просто-напросто приказ! С душевной болью я протянул к ней руки, обнял и снова горячо и быстро сказал: — Не могу представить без тебя жизни, так люблю, Данута! И не молчи, пожалуйста, скажи мне...

Она улыбнулась той светлой и чистой улыбкой, с которой я видел ее дома, на свидании, во дворе тети Эмилии.

— Я тоже люблю тебя, мой милый. И я согласна. Делай так, как ты хочешь. И...

Что-то такое она еще хотела сказать, я не позволил, поцеловал, завертел по комнате. Полетели стулья, что-то разбилось. Кто еще объяснялся в любви подобным образом? И так счастливо?!

Обнявшись, мы уселись наконец, и вот тогда Данута все-таки заплакала. И смеялась и плакала. А я целовал ее мокрое от слез лицо и думал: наконец-то все страшное и зыбкое позади, теперь мы вместе и ничто никогда нас не разлучит.

Дверь приоткрылась, показался Сашин нос, мгновенно исчез, и дверь тихо закрылась.

— Кто там? — спросила Данута.

— Никого. Тебе померещилось.

— Как мне хорошо и покойно! Впервые с того дня, как ты уехал.

В комнату заглянули сумерки. Углы потемнели. Не знаю, сколько мы сидели вот так, обнявшись, наверное, долго, пока я не вспомнил, что Данута устала, может быть, голодна, а Саша одиноко бродил по коридорам пансионата, что пора наконец объявить во всеуслышание о нашем счастливом уговоре.

Я оставил Дануту, отыскал Сашу. Вместе с ним мы обегали полдюжины комнат, всюду объявляя об экстренном сборе, потом вывернули свои карманы и со всеми деньгами, которые нашлись, Саша и другие хлопцы бросились на улицу, а я вернулся к Дануте с известием о предстоящем торжестве. Как оно называется?..

— Помолвка, Андрюша, вот как это называется, — охотно подсказала она. — Но сейчас? Почему сейчас? Ты же видишь, я не могу в таком виде; заплакана, с растрепанной прической. Что скажут о твоей невесте?

Мы рассмеялись.

Надо ли говорить, что менее чем через час в нашей комнате сиял свет от самой сильной лампочки и от десятка свечей, перетасщенных из других комнат. И было тесно от молодого народа, для которого редкое подобное торжество ужасно интересно, вызывает прилив бурного энтузиазма. Мы пили вино и слушали цветистые тосты. Мы кричали «ура». Мы пели и даже танцевали под гитару. И много раз в комнате звучало старое, как мир, «горько».

Уже за полночь я провожал Дануту. Она очень утомилась, сидела в извозчичьей пролетке, положив голову мне на плечо. Ехали тихо, до ее общежития оказалось не так уж близко.

В помещение меня не пустили. Здесь действовали строгие правила.

Расставаясь на красивом парадном крыльце, я спросил:

— Когда?..

Данута подумала, ласково оглядела меня:

— Ты должен понять, Андрюша, и не обижаться. Мы обвенчаемся непременно в псебайской церкви. Где родные. Чтобы постоять у их могилы... Значит, не раньше лета. Ты закончишь институт, у нас тоже, наверное, будут каникулы, а если и не будут, меня отпустят ради такого события. Вот мы и поедем вместе с тобой, и там...

Глубокий вздох был ей ответом.

— Всего семьдесят девять дней, дорогой ты мой. Прибавим шесть дней на дорогу и разные непредвиденные обстоятельства. И все эти дни мы будем встречаться, не так ли? Я теперь близко.

А письма домой напишем завтра же. И вместе, ладно? Пусть все знают. Спокойной тебе ночи!

Она поцеловала меня и скрылась за большой резной дверью.

Я постоял, потом сел на ступеньки. Сидел долго, мимо парадного и раз, и другой, и третий прошел городской, присматриваясь к моей согбенной фигуре. Тогда я встал и по пустынным ночным улицам пешком потащился домой.

Небо над Санкт-Петербургом бледнело. Уже рассвет.

3

Каждый день я находил время, чтобы бывать у Дануты.

Как и в нашем пансионате, у них тоже были комнаты на двоих. С Данутой жила девушка из Саратова, полненькая блондинка, серьезная и строгая, кажется, очень влюбленная в агрономию. Почти всякая ее речь заканчивалась словами: «Когда я стану агрономом и буду работать в Поволжье...» И далее излагались грандиозные планы по селекции засухоустойчивых злаков. У нее хорошее имя — Валя. С Данутой они подружились.

Иногда нам удавалось погулять по городу. Чаще всего мы шли на Невский проспект. В Петербурге все нравилось Дануте, все ее восхищало. Она очень стремилась в театр, в Мариинку, о которой знала до этого по книгам и фотографиям актеров.

Наконец мне с большим трудом удалось купить билеты на представление в этом театре. Давали оперу Рубинштейна «Демон» с участием Николая Николаевича Фигнера, отличного певца и актера. Декорации к опере рисовали не менее известные художники Коровин и Врубель. В общем, нам повезло.

В театре Данута притихла, как-то сжалась и даже боялась смотреть по сторонам. Так все ново, так непривычно! Блеск красок и хрусталя, роскошь фойе и партерной публики, музыка, игра актеров были причиной ее растерянности. Но постепенно она освоилась, откровенно радовалась тому, что видела и слышала.

В театре нас ожидал сюрприз.

Кажется, во втором антракте, прогуливаясь в фойе, мы лицом к лицу столкнулись с Владимиром Алексеевичем Шильдером. Он шел — руки назад — с какими-то двумя военными. Рассеянно посмотрел на Дануту, на меня, видимо пытаюсь вспомнить, где видел этого студента. Я вытянулся перед генералом.

— Постойте, постойте! Вы Зарецкий? Ну конечно! Рад вас видеть, дорогой юноша. И вашу... м-м-м...

— Моя невеста, ваше превосходительство. Данута Носкова.

— Носке? Вы дочь несчастного Носке?

— Мой отец был управляющим Охотой, — ответила Данута не без гордости.

— Дети Кавказа! Господа, прошу познакомиться. Егерь нашей Охоты Зарецкий и его невеста. А это — полковник Андриевский, егермейстер двора его величества. Полковник гвардии Улагай...

Снова Улагай! Мне сделалось не по себе. И Данута слегка побледнела. Я слышал от казенного лесничего или от кого-то еще, что старший брат Керима — свитский офицер. И поразительно похож на младшего своего брата, только тучнее телом.

Военные учтиво поклонились.

— Этот юноша спас мне жизнь, — продолжал Шильдер. — Я уже видел перед собой отверзтую пропасть на Мастакане, когда он с казаками удержал меня. Такое не забывается. Но... почему вы не по форме, Зарецкий? Нарушение устава...

Я недоуменно осмотрел себя. Все, как положено: студенческая тужурка, значок института.

— Я говорю об офицерской форме, — сказал Шильдер.

— Но я не имею права. Вольноопределяющийся Лабинского конного полка. Рядовой.

— Понимаю. Случаю угодно, чтобы я первым сообщил вам, Зарецкий, приятную новость. Как адъютант великого князя, генерал-фельдцейхмейстера артиллерии, я лично составлял реляцию о присвоении вам за мужество и успехи в воинской учебе чина хорунжего. От наказного атамана Войска Кубанского мы получили извещение о подписании приказа. Я поздравляю вас, хорунжий Зарецкий, с офицерским чином, поздравляю и вас, мадемуазель Носке. Желаю вам счастья!

Военные поклонились и ушли, а мы всё продолжали стоять среди фойе и смотрели друг на друга. Люди обходили нас, удивленно разглядывали. Не находилось слов... Офицерское звание — мне? Это, конечно, дело самого Шильдера.

— Слушай, Андрюша, — прошептала Данута, оттирая меня в сторонку, — если это правда... Вот неожиданность! Ты хоть знаешь, что такое хорунжий?

— Первый офицерский чин в казачьих войсках. Если приравнять к армейскому — прапорщик. — Рассмеявшись, я не без гордости выпятил грудь.

Данута взяла меня под руку:

— Вот обрадуется твой папа! И все-все другие! Я тоже очень рада за тебя. Очень!

Новость весь вечер не выходила у меня из головы. Как примут ее мои друзья-студенты? Что скажет Саша? Его мировоззрение, которое стало и моим, никоим образом не воспримет чина. Отношение к казачьим офицерам все еще определялось события-

ми революции 1905 года. И еще: как отнесутся ко мне егеря Охоты, где даже наш старшой Щербаков не имел такого чина? А Кожевников, Телеусов? Не стану ли я среди них белой вороной?..

Подтверждение приказа пришло через неделю. Было обнаружено постановление ректората. Меня поздравили в торжественной обстановке. Саша слегка подтрунивал. Некоторое время я чувствовал, как товарищи присматривались ко мне, пытаюсь обнаружить нечто новое. Приходилось слышать и насмешливые реплики, но сам я повода для этого не давал, просто не мог стать каким-то другим. И вскоре все улеглось. Мы сдавали экзамены, чем могли помогали друг другу, у всех были общие трудности и общие беды. Нечаянная новость забылась в хлопотах и работе. Хорунжий так хорунжий.

Вскоре я получил из Екатеринодара новенькую форму и пособие — совсем не лишнее — в сумме ста рублей. Данута заставила меня надеть мундир и возрадовалась, как радуется ребенок новой красивой игрушке. Потом озабоченно пометила мелком там и тут, велела снять и три-четыре вечера распарывала, подшивала, урезала, или, как выразилась сама, «подгоняла по фигуре».

От моих родных, от тети Эмилии пришли очень теплые поздравления. Сочинил письмо и Телеусов, назвавши меня в конце текста «ваше благородие».

Саша, увидев меня в форме, вытянулся, руки по швам, глаза навывкат. А потом рассмеялся и обнял. Он достаточно иронически принимал сам факт. Форма формой, а товарищ оставался. «Понято — принято».

В июне я получил аттестат об окончании Лесного института.

На сердце у меня теснились и радость и грусть. Завершился целый период жизни — студенческие годы. Что ждет нас с Данутой впереди? Особенно тревожно становилось, когда я вспоминал о разлуке. Один-два месяца мы проведем дома и вместе, а затем она вернется сюда. Почти на четыре года! В душе я надеялся, что она передумает и по какой-нибудь причине оставит курсы. Но сейчас об этом не могло быть и речи. Данута так увлеченно и горячо рассказывала мне о лекциях, своих профессорах, о перспективе на дальнейшее... Что-то здесь уже было от ее новой подруги Вали. Но и свое тоже. Она особенно увлеклась ботаникой, так что даже я достаточно хорошо знал кое-какие премудрости систематики растений.

Зоологи университета надеялись, что дружба с ними продолжится и на Кавказе. Они свое дело сделали: я многое преуспел в этой науке.

День расставания наступил.

Саша Кухаревич выглядел очень огорченным. Он то и дело вздыхал, смотрел на нас с Данутой грустными глазами и отворачивался, чтобы скрыть смущение. Мы любили друг друга.

На вокзале колготились, смеялись, стараясь не поддаваться грусти. И тут Кухаревич вдруг потянул меня за рукав. Мы отошли от толпы провожающих. Саша казался смущенным.

— Слушай, — сказал он. — Я должен признаться тебе... Все эти годы я прямо причастен к социал-демократии. Помнишь, однажды меня долго не было дома, а когда я пришел, то попросил тебя...

— Помню. Тогда ты не ответил на мой вопрос.

— Я чудом ушел от облавы, Андрей. От жандармов. Это могло плохо кончиться: Сибирью. Впервые я едва не попался.

— А почему они...

— Мы собрались на конференцию. Обсуждали важные вопросы. Но это, так сказать, запоздавшее разъяснение. Теперь я хочу знать: если вдруг обстоятельства... Если мне и моим товарищам потребуется помощь, могу я рассчитывать на тебя?

— Можешь, Саша. И ты и твои товарищи.

Лицо его осветилось. Но он тут же остро посмотрел по сторонам. Привычка конспиратора, это так естественно.

— Я буду работать недалеко от тебя. В одном из черноморских лесничеств, как можно ближе к Новороссийску. Место условлено моими руководителями. Так что если...

— В любое время. Мой дом — твой дом.

Мы крепко и коротко обнялись. Глаза повлажнели. С этой минуты каждый пошел своей дорогой. Но дружба осталась.

Саша поцеловал руку моей невесте, что-то пробормотал, нагнулся на глаза козырек фуражки и, очень расстроенный, быстро пошел от вагона. Высокую фигуру его мы видели в стороне, пока не тронулся поезд.

Прощай, Санкт-Петербург!

Уложились, закрыли дверь купе. Данута почувствовала себя дома. Она повисла на мне, подогнув ноги. Я усадил ее на диван.

— Господин хорунжий, будьте добры, закажите мне чаю, — капризным тоном светской дамы молвила она. И, счастливая, засмеялась.

На четвертый день поезд прошел по мосту через мутную после дождей Кубань. Совсем немного до Армавирской. Данута заставила меня надеть офицерскую форму. Можно было предполагать, что псебайцы обставят наш приезд как можно торжественней. Приедет папа, чего бы это ему ни стоило. И тетя Эмилия. И, может быть, господин урядник.

Последние двадцать минут мы не отходили от окна.

Молодое лето раскрывалось перед нами во всей цветистой

красе своей. Днем раньше, а может быть, и ночью прошел дождь, он освежил белые акации вдоль дороги, подсолнухи и пшеницу в степи, прибил пыль на дорогах. Свежий, промытый воздух не туманил дали, и на горизонте, косо от железной дороги, синё и величественно, словно призрачное, таинственное царство, в небо подымались зубчатые горы. Кавказ представлял перед нами. Что сулил он мне и Дануте? Чего он ждал от нас?

Поезд замедлил ход. Мы все еще стояли у окна. Вот и армавирский перрон, разноцветный от платьев встречающих.

— Тетя! — закричала Данута в закрытое окно и забарабанила кулачком в перчатке.

Эмилия увидела нас, прижала платок к глазам и, ускоряя шаг, двинулась за вагоном. Мой отец, с палочкой в руке, седой, сутулый, однако же в мундире, при боевых орденах и медалях, тоже засеменял за тетей.

Поодаль стоял урядник Павлов с десятком казаков. Фуражку он держал на согнутой руке. Чисто выбритая голова его масляно блестела на солнце.

4

Такое любопытное событие — свадьба!

Чуть ли не весь Псебай собрался около недавно покрашенной, нарядной церкви, когда наш поезд — вереница взятых внаем колясок и экинажей — остановился перед папертью.

Приглушенный шорох пробежал над головами людей. Данута, в белом платье и фате, прежде всего прошла вместе со мной к железной калиточке на кладбище, где под каменной плитой лежали ее родители. Женщины сбились у ограды и беззвучно плакали. Кто мог удержаться от слез, когда невеста опустилась на колени перед могилой и взглядом пригласила меня? Данута плакала и шентала. Может быть, просила благословения на этот важный шаг в своей жизни.

Мы положили цветы, постояли и пошли в церковь. Нас пригласили к аналою.

И после венчания, в окружении всех егерей Охоты и своих родных, мы вышли на паперть, второй раз подошли к дорогой могиле. Отколов от своего платья белую розу, Данута положила ее на камень.

Перед тем как сесть в экипаж, произошло событие, о котором нельзя не упомянуть. Расталкивая толпу, к нам стали протискиваться два черкеса. Один из них высоко над головой нес огромный букет. На всю жизнь запомнился мне этот букет: пышные

ярко-красные пионы, темно-зеленые листья и белые, будто из стеарина, цветы рододендрона с желтой сердцевинкой.

Приблизившись, черкес стал на одно колено и протянул необъятный букет моей жене.

— От гаспадина Керима Улагая! — торжественно сказал он.

Улыбчивое лицо Дануты резко изменилось. Она отшатнулась от букета, сделала шаг назад, как это делают, увидев змею. И тут же строго сказала:

— Андрей, брось его под ноги коням!

Повернувшись спиной к непрощеным дарителям и слегка приподняв платье, по-королевски вошла в экипаж. Букет полетел на землю.

В толпе одобрительно загудели, я успел заметить, как егеря спокойно и властно оттискивали дарителей подальше от нас. Кони тронулись. Мы поехали в дом моих родителей. Почти всю дорогу оскорбленная Данута молчала и презрительно щурила глаза. Только у дома сказала:

— Какая наглость!

— Понято и забыто, — быстро ответил я присказкой Саши Кухаревича.

Данута глянула на меня. Мы рассмеялись.

Есаул хотел омрачить нам памятный день. Не вышло.

Поезд из экипажей проехал улицей. Свадьба. Такое событие!..

На первое время мы поселились в большом доме тети Эмилии. И по нескольку раз в день ходили в гости к моим родителям.

Пробежало несколько шумных, незабываемых дней. Жизнь как будто вошла в нормальную колею. Для меня это была не просто жизнь, а какой-то удивительный праздник. Когда я вставал по утрам, Данута уже встречала меня в неизменном своем фартучке, деятельная, розовощекая, с засученными по-рабочему рукавами кофточки. Какое-то олицетворение домовитости и труда. В доме тети, в доме моих родителей все вдруг оказалось в ее руках, она все успевала сделать прежде других, маме и тете Эмилии оставалось только дивиться той хозяйственной ухватке, с которой Данута бралась за любое дело. Неизменно радостное, возбужденно-светлое лицо ее как нельзя лучше говорило о том, что такая жизнь доставляет ей немалое удовольствие.

В горы я не ездил, но с егерями встречался часто. Никита Иванович обстоятельно рассказывал мне, какие дела в лесу. По мере того как календарь отсчитывал дни до отъезда Дануты, я все более мрачнел. Вот уже осталось десять, пять, потом три, два дня. Данута тоже мучилась, но старалась не подавать виду, и лишь однажды, когда собирали бельё в дорожную корзину, я застал ее в слезах.

— Останься, женушка, — попросил я.

Она тряхнула головой, волосы скрыли лицо, а через минуту глаза ее глядели на меня с ласковым укором:

— Как ты можешь, Андрюша! Разве я расстраивала тебя несбыточными просьбами, когда ты уезжал? Вспомни. Сейчас мы с тобой просто поменялись ролями, и надо быть мужественным, принять временную разлуку как должное. Разве тебе не хочется иметь образованную жену, друга и помощника во всем, что ты задумал и намерен делать?

— Далекие дисциплины...

— Ботаника? А чем питаются твои зубры? Изучать животных — значит изучать их пищу. Ты — знаток леса и зверя. Я хочу знать все растения. И прежде всего — Кавказа. Мы вместе будем разгадывать его бесчисленные тайны, поможем горам оставаться вечно молодыми. Разве не так, если думать о будущем? Да и расстаемся мы ненадолго. Шесть месяцев — и я приеду в отпуск. И еще через полгода. А вдруг и ты приедешь ко мне, вдруг такая возможность? Как я встречу тебя!..

День прощания наступил. Опять пыльная коляска и знакомая дорога, сперва каменистая, с резкими звуками из-под колес, далее, по степи, мягкая, укачивающая, дорога-разлучница через Лабинскую, Курганинскую, по пологим холмам и западинам. Если оглянешься — за спиной горы; они уходят, их вершины все туманнее, синей, пока совсем не сольются с небом.

Поезд подошел, втянул в себя мою Дануту, победно свистнул и умчался вдаль по накатанным, горячим рельсам.

А я остался. В тоске и одиночестве.

И почти сразу, помогая мне избавиться от горечи разлуки, голову захлестнули заботы и обязанности, которые я сам устанавливал для себя и сам пытался выполнить.

З а п и с ь ш е с т а я

С егерями — к зубрам. Первые наблюдения. Чертовы ворота. Логово опасного браконьера. Нравы зубриногo стада. Подозрительный Семен

1

Зубры... Их надо изучить, понять. Это прежде всего. А понявши, все-все делать для спокойной жизни стада и для сохранности его. Я раздумывал над этим с таким внутренним ощущением, будто не приказ Ютиера исполняю, а свое собственное, глубоко личное желание, рожденное ответственностью перед родиной.

Зубров предстояло разыскать и понаблюдать. Для этого прежде всего отправиться на Кишу, древнейшее их кавказское обиталище. И конечно, заехать в Хамышки, взять с собой Телеусова, без которого поначалу я вряд ли добьюсь чего-либо путного, пройти-проехать с ним по долине от устья реки к ее истокам. Мы уже раньше договорились о встрече. Он ожидал меня.

Дом, где не слышался голос Дануты, казался пустым и осиротевшим. Я перебрался к своим. Но и здесь не хватало именно ее. Мама ходила по комнатам и вздыхала, подолгу стояла у шкафа, у окна с каким-нибудь платочком или старыми перчатками невестки. Глаза у нее были печальные. Отец забирался в угол на веранде и либо молчал, опустивши книгу на колени, либо едва слышно насвистывал какой-нибудь старый марш. Когда в одну из таких минут я остановился перед ним, он вздохнул и задумчиво-печально произнес:

— В доме, где нет маленьких детей, по углам заводятся черти. Боюсь, что увижу их собственными глазами.

Ну что я мог ответить ему! Пока Данута учится, вряд ли в этом доме он услышит топот маленьких ножек внука.

На следующий день я привел из конюшни своего Алана, особо тщательно почистил его, проверил седло, оружие, снаряжение в сумках, сказал своим о маршруте, и на другое утро конь уже вынес меня со двора.

Началась работа.

Ориентируясь по карте и памяти, я проехал тропой по северным склонам Передового хребта, стараясь укоротить путь в междуречье Лабёнка и Белой. Грабовые, а больше дубовые леса стояли по сторонам в пышном летнем наряде. На тропе лежала узорная лиственная тень, похожая на тонкие и теплые кружева. С гор наносило запахи снега и цветущих лугов. Лесные поляны пестрели стадами овец и бычков. У одного пастушьего костра я сделал привал, конь похрустел сочной и сладкой травой.

Далее тропа привела к большой вырубке. Я поехал шагом. Квартал спиленного леса выглядел неряшливым и заброшенным. Всюду валялись кучи усохших веток, разбросанные верхинки, неубранные хлысты. Во мне заговорил лесничий. Тому ли нас учили? Ведь это полнейшее забвение правил рубки, разграбление леса без всякого загляда в будущее!

На краю вырубки притулилась неряшливая сторожка. Молодой казак зевал на пороге, такой же грязный и забытый, как вся эта вырубка. Не слезая с коня, я спросил его:

— Чей лес?

— Юртовый лес. Лабинский. А ты чей будешь?

Назвав себя, я спросил, кто смотрит за рубкой.

— А чего за ей смотреть? Не девка. — Казак почесал живот под рубахой. — Казенный лесничий приехал, билет выписал, место отвел, обмыли это дело в компании, а уж после того сами хозява. Не впервой рубим, дело-то не хитрое.

— Хоть бы ветки пожгли!

— Нехай гниют. Ожиной зарастет — с глаз укроется.

Ожиной... Парень и думать не думал, что именно так переводят лес. Бузина, малинник, осина вскоре прорастут сквозь ежевичник на месте спиленных дубов. Не лес — сорная порода, не украшение гор, а хлам, не польза, а непоправимый вред. Но что ему втолковывать!

В Хамышки я заявился вечером. Поселок меж крутых лесистых гор лежал сонный и тихий. Сняв фуражку, проехал мимо кладбища русских солдат, павших на Кавказе полстолетия назад. Спросил у встречного, где дом Телеусова, и почти тотчас увидел самого Алексея Власовича. Он торопливо шел навстречу.

— Здравия желаю, — сказал с улыбкой и взял Алана под уздцы.

Я спешился, и мы пошли рядом.

— Что нового, Алексей Власович?

— А чего у нас нового? Вот кабаны зачастили на огороды за молодой картошкой. Пуляем, отпугиваем. Худющие, голодные. Их тоже понять надобно, в лесу ноне нечем поживиться. Вот когда черешня в долинах покраснеет, тогда...

Телеусов угостил меня обедом, мы наскоро поели и двинулись на Кишу, чтобы дотемна успеть приехать в охотничий домик.

— Завтра чем свет как раз возля их пастбища и появимся. Они перед зорькой непременно выходят на поляны, — сказал егерь.

Лошади шли ровно, тропа петляла по лесу, полному тени и кислотового запаха непроходящей мокроты. Под копытами чавкало. Дожди шли чуть ли не каждую ночь.

На кордоне нас ожидал Кожевников, еще более заросший с тех пор, как я видел его на охоте. Он только что вернулся с разведки от горы Бомбак.

Печка в домике горела, варево подошло. Мы пустили расседланых коней, уселись к огню. Лампу не зажигали.

— Зубров видал? — спросил Телеусов у друга.

— А то нет! Они меня не боятся, особливо если сижу или на четвереньки стану. Как глянут на бородищу, считают: свой. Чего бояться? Вот только когда ружье почуют, бегут. Нашел два стада. Одно на Сулиминой поляне пасется, второе повыше на луга выходит. Это мамки, значит. Которые с малышами.

Слово «малыши» оживило в Телеусове какие-то воспоминания. Прищурив глаз, он уставился на меня.

— А помнишь, Андрей Михайлович, что нам управляющий наказывал?.. Ну, еще на охоте. Насчет царского указа.

Да, да, да! Точно. Ютнер распорядился словить зубренка и представить его для осмотра государю императору. Телеусов как услышал от Кожевникова про зубриц с телятами, так и вспомнил.

— Как ты считаешь, надобно поусердствовать али забыть? — Он все еще смотрел на меня прищурясь.

— Надо бы попытаться, раз такой приказ, — не очень уверенно сказал я.

— Ради чего? Денег? Али для прославления собственного лишать животное свободы?

Я тотчас вспомнил слова Саши Кухаревича, его мысли о зубрах вообще: «Два места в Европе. Две точки». Эту же тревогу высказывали зоологи университета. Вот чем уязвимы зубры! Кавказский подвид встречается только здесь, и нигде больше. Даже в зоопарках их нет. Когда-то двух кавказцев по указанию двора привезли в Москву и Белую Вежу — быка Казбича, пойманного на верхнем Урупе, и Казана, схваченного на Лабенке, — но было то в 1866-м и 1899 годах. Оба зубра давно пали, не оставив потомства. Случись что плохое с кавказским стадом — и горные зубры исчезнут так же бесследно, как исчезла сравнительно недавно на Тихом океане морская корова, травоядное водное животное из отряда сирен. Ее открыл и описал Стеллер, врач из экспедиции Беринга в 1741 году, а последнее животное этого вида было уничтожено уже в 1768 году и никогда больше не возродится на нашей планете. Думать о сохранении вида — это прежде всего попытаться расселить зверей. Если бы удалось отловить зубренка или даже двух да отправить в Петербург, то эти звери, возможно, приживутся в неволе, дадут потомство, и, значит, еще где-то, пусть даже в иных условиях, останется кровь кавказских зубров, которая как бы подстрахует наше не очень большое стадо.

Все это промелькнуло в голове, я даже не обратил внимания на едкое замечание егеря насчет прославления, а просто сказал:

— Вот вы послушайте...

Горела печка, дверцу мы открыли, отсвет пламени красными пятнами прыгал по стене, и в этой уютной полутьме лесного домика я стал рассказывать своим друзьям о судьбе некоторых зверей и о том, как важно для людей сохранить все, что нашло себе место на планете за миллиарды лет существования жизни.

Оба они слушали внимательно, вопросов не задавали, а когда

разговор закончился, только головами покачали, дивясь новым для них открытиям.

Поздний ужин давно поспел. Кожевников стал раскладывать варево по мискам. И только когда мы зажгли лампу и сели за стол, Алексей Власович рассеянно сказал:

— А что, надобно попытать счастья...

Росным холодным утром, еще по темноте, мы проехали несколько верст вверх по склону, оставили коней около скал в редком лесу, а сами поднялись, стараясь не звякнуть ружьем и не шуметь, на полверсты выше уже пешим манером и там залегли на камнях над поляной, ограниченной со всех сторон густейшим лесом.

Сверху в этот час поляна походила на уснувшее горное озеро. Поверх травы стелился молочный белизны туман, слабый предрассветный ветерок еще не стянул с луга это холодное ночное одеяло. Мы вооружились биноклями, наострили уши и стали ждать.

Как все-таки несовершенны наши чувства! Не услышали ни треска, ни шума, но стоило мне отвлечься на три минуты, и я пропустил самое начало. Телеусов толкнул меня локтем, а взглядом показал вниз. Я поспешно прижал бинокль к глазам.

По белой поверхности молочного озера беззвучно плыли темные корабли. Зубры отделились от леса, на опушке которого, вероятно, провели ночь, и вышли пастись. Несколько стад общим числом двадцать девять. Только быки. Старые выделялись огромным телом с высокой холкой, густой и длинной шерстью на шее, груди и на ногах. Молодые уступали им в мощи, но и у них ощущалась скрытая мускульная сила. Звери передвигались неровным клином. Впереди, склонив рога до самой земли, словно вынюхивая ее, неспешно выступали самые крупные. Траву они стригли без торопливости, постепенно пересекая наискосок всю поляну.

По мере того как голод был утолен, между молодыми то в одном месте, то в другом начиналась беззвучная ссора. Они теснили друг друга боками, затем, распаляясь, сшибались толстыми, широко поставленными рогами. Стук рогов привлекал внимание старых. Они подымали голову и, не переставляя тела, не изменяя направления хода, поворачивали морду, окидывая озорников недовольным взглядом. Этого было достаточно, чтобы восстановить спокойствие и порядок.

Рассвело. Туман стал оседать росой. Стада развернулись перед нами как на ладони. Мы видели неотпавшую старую шерсть, мокрые курчавые лбы. Между тем вершины гор уже позолотило солнце, лучи его достали поляну, все на ней забле-

стело, заиграло. От зубриных спин поднимался парок. Один из вожаков поднял морду, обернулся в нашу сторону. Тело его напряглось. Уж не накинул ли ветер страшного запаха?

В бинокль я разглядел глаза старого быка. Крупные, слегка выпуклые, шоколадно-блестящие, они поразили меня осмысленностью взгляда. Впервые увидев такие глаза, я поймал себя на мысли, что это умный взгляд много знающего существа. Зверь наблюдал и мгновенно оценивал все, что видел. Настороженность, быстрота реакции, даже какая-то вдумчивость; под мощным лбом его угадывалась мыслительная работа. Вот сейчас он все поймет, раздастся сигнал, и стада вместе с вожаками скроются от незримой для других опасности.

Но нет! Зубр опустил морду. Не почувял.

В те минуты я вспомнил глаза другого существа, близкого по крови этому зверю, прямого потомка дикого тура, полностью исчезнувшего два века назад, — вспомнил домашнего быка, предводителя псебайского стада. Мальчишкой я любил дразнить его, не боялся подходить близко, и, случалось, мы подолгу стояли, не спуская друг с друга глаз, словно на сеансе гипноза. В глазах того быка я видел или тупую покорность и обреченность, или слепую, бессмысленную ярость. Какая там мысль! О какой наблюдательности могла идти речь? О каком уме? Зачем домашнему быку все это, если уже много поколений за него думают люди, ему подносят пищу, дают кров и пускают в стадо, где он блаженствует!

А зубры пока что хозяева собственной жизни. Они вольные, свободолюбивые звери. Но воля для них так же благодетельна, как и опасна. Она-то и вырабатывает постоянную настороженность, готовность к защите своей жизни. Им приходится искать кров от непогоды и пищу без надежды на помощь со стороны. Им нужно избегать опасности, откуда бы она ни пришла. Все это, как мне думалось, и делает зубра таким прекрасным, строго наблюдательным и вдумчивым. Жизнь дорога. Забота о сохранении жизни обостряет чувства и возвышает дикого зверя над прирученными.

Стада двигались все медленней, все ленивей. Все чаще зубры отрывались от травы, стояли спокойно или мотали головами, стряхивая с намокшей шерсти обильную росу. Сыты... Я шепотом попросил егерей разглядеть, какую траву больше всего срезают зубры, особенно когда сыты, а значит, и разборчивы. Мы различали темно-зеленый густой пырей, высокие ромашки, желтые лютики. Белесые и широкие листья белокопытника тоже хорошо выделялись на лугу. Изящные стебли овсяницы куртинами покрывали осыпи. Что привлекает зубров, мимо какой травы они равнодушно проходят?

Звери лениво повернули к лесу, но не туда, где ночевали, а выше по склону, где заросли разделялись желтыми от солнца скалами.

— На солонец пошли, — зашептал Телеусов. — Гляди, во-он на ту скалу, под ней родник и лужа. Ихнее место.

Строй не нарушился, но как-то уплотнился. Звери заспешили, и если бы не строгие вожаки, то наверняка бросились бы вперегонки к солонцу.

Старые первыми вошли в лужу, ноги вдавились чуть ли не по колена. Звери погрузили носы в воду, помотали головами, будто белье прополоскали. Не удовлетворившись этим, копытами взбаламутили воду и только тогда стали цедить ее, странно ощерившись. Стада окружили лужу, и все, прежде чем пить, проделывали точно такую же операцию.

Недоумевая, я спросил у егеря:

— Не сено ведь ели, а сочную траву. Что к воде потянулись?

— Трава здесь очень сладкая, вот их и тянет к соленому. А вода там вроде минеральной, они ее для того и мутят, чтобы поболее солей заглотнуть.

В это время Василий Васильевич неудачно повернулся. Ножны его кинжала легонько чиркнули по камню. Звук слабый, но чужой в тихом утреннем лесу. Как вскинулись звери! Как напряглись мускулы, блеснули глаза! Какой-то общий выдох, похожий на прерывистое всхрапывание, не звук даже, а камешки из звуков донесли до нас. Мгновение неподвижности. Затем дружный топот, взмахи хвостов — и зубры исчезли. Все стихло.

— Экой я неловкий! — укорил себя Кожевников. — Спугнул.

Телеусов засмеялся:

— Так они ж тебя за кого принимают-то? Сам докладаю. Чего теперя испужались?

— Когда глазами видят, Власович, тогда я для их вроде безвредная обезьяна. Свой, в общем. А тут прозвучало. Вот и не стали разглядывать, кто железой гремит. Хор-рошие зверюги, а? Вот про Индию сказывают, слон там есть. Или про Африку — жирафы и разные прочие бегемоты которые. По картинкам видел. Агромадные звери! Ну, а в России что? А в России, ребята, зубр. Тоже почище многих других. До слона, понятно, не дорос, зато телом каков, нравом! Умнющая голова!

— Что ж они выбирали в траве? — напомнил я.

— Лопухи трескали подряд, — сказал Телеусов. — Белокопытник, значит.

— И пырей. Особливо где молодой, — добавил Кожевников. — Еще, пожалуй, пахучий колосок не без удовольствия выхватывали. «Зубровник» называется.

Я спешил записывать. То была моя первая запись в особом

дневнике о зубрах, который я начал вести. Первые записи о Кавказе, о встречах и событиях, многие из которых решали мою жизнь.

2

Вернулись к лошадям. Они еще издали увидели нас, вскинулись, тихонько заржали. Соскучились. Да и страшновато одним в таком дремучем месте, где и опасностями пахнет и разбежаться прытко нельзя, в горах ровных плоскостей нет: либо вверх, либо вниз, то отлого, то круто. И всюду острый камень.

— Теперь до вечера зубров не увидим. — Василий Васильевич говорил громко и с удовольствием: долгое воздержание в засаде ему надоело. — А что, если мы, Андрей Михайлович, ударимся покамест в скальный район, где туры, да посмотрим, как там?

Я согласился. Но Телеусов промолчал.

— Ты как, Власович? — спросил его егерь. — Не притомился, случаем?

— А я бы так, значит. Вы поезжайте к турам, посчитайте их, до вечера время есть, а я попробую зубриц с молодью выследить. Одному сподручнее, чем ватагой. Встретимся где же? Ну, вон у той круглой вершинки, там рододы много, медведи иной раз шастают. Не побоитесь?

Словом, мы разделились.

Туры не менее осторожны, чем зубры. Кто видел их глаза, скорее глазищи, похожие на прозрачные выпуклые линзы, тот догадается, что такими-то глазами можно увидеть всё и всех сразу. И спереди, и по сторонам, и чуть назад, на двести семьдесят градусов, если не больше. Нас они, конечно, увидели прежде, чем мы их, и спокойно ушли дальше к вершинам, тем более что уже напаслись и желали всего-навсего спокойно отдохнуть.

Мы долго кружили вокруг отрогов хребта, останавливались, разглядывали скалы в бинокль, но туры исчезли, словно их тут никогда и не было, хотя Кожевников уверял, что вчера засек три стада общим числом более полутора сотен.

Осерчав из-за такой неудачи, он предложил забраться на верх зубчатого хребта, одного из отрогов Бомбака, и сверху осмотреть окрестность, благо видимость все еще оставалась отличной.

Опять лошади оказались на ременных привязях в редком березняке, где травы хватало, а мы без поклажи, с одними ружьями, начали подъем и, пожалуй, через час оказались у гребня.

Осторожно высунулись. Я ахнул от удивления и страха.

Мы находились на вершине черной стены. С той стороны она почти отвесно уходила вниз саженей на триста и только потом выгибалась сперва наклонной осыпью, а потом и пологим лугом. Огромная голубовато-зеленая котловина, полная пихтарника, открывалась взору. С двух сторон ее сторожили хребты вроде того, на который мы взобрались. Они сближались в центре котловины и там, как Геркулесовы столбы, запирали долину. Чернел только узкий каньон. Должно быть, вход реки.

— Что за диво, Василь. Васильевич?

— Чертовы ворота, так мы их зовем.

— А долина?

— Все Шиша, Андрей Михайлович, ее притоки, ее шалости. В тую сторону, — он показал рукой, — мы можем выйти на свой кордон, а вот в другую если, то будет проход на Умпырь, где ты уже побывал. Зубриный рай, туточки ни единой души нету. Какой, скажи, человек осмелится забраться в этакие дебри? Живи, зверь, без опаски, плодись, размножайся, если бес не заявится да не нарушит покой. Много ли таких мест по России?..

Сперва мы осмотрели ближние подступы. Туры оказались как раз под нами, на уступах. Разбросавшись среди камней, они безмятежно спали, угретые солнцем, откинув рогатые головы и смежив глаза. Белесые, с желтыми подпалинами бока их под цвет камня и освещенных скал — отличная маскировка!

Мы подсчитали туров. У меня вышло семьдесят три, у Кожевникова на одного больше.

— А ну, еще раз, — предложил я.

И опять у него получилось семьдесят четыре.

— Ты проглядел одного, Михайлович, — сказал егерь. — Глянь-ка вон на ту острую глыбочку. Что там торчит, видишь? То рога у сторожевого. Он меж двух камней укрылся, не спит, а зырит на три стороны. А рога-то не спрячешь, видны. Он и есть семьдесят четвертый. Вверх этот сторож поглядеть не желает, потому как считает место недоступным даже для рыси. И ошибается. Кто-то другой его отсюда как раз и сымет пулей за милую душу, потому как сажен двести тут не наберешь.

— Кто же другой?

— Про Лабазана забыл? Это бесовское отродье сколь годов кровь нам портит.

Мы укрылись за хребтом, присели, и Кожевников взялся крутить сигарку. Закурив, он спросил:

— Тебе про него сказывали?

— Не раз слышал. Главный злодей для зубров. Хочу найти его.

— Что главный — это точно. Сколько помню, лет восемь

назад, он начал промышлять здесь. За множество этих лет Лабазан и его напарник убили восемнадцать, а то и все двадцать быков. Сам, сказывают, хвастал во хмелю. А уж другого-прочего зверя...

— Кто же у него второй?

— Был такой. Умер он летось. Лабазан сам похоронил в какой-то пещере. И в той похоронной пещере сложил, как толкуют, десяток зубриных черепов. Есть такая примета у осетин и лезгин: зубрины черепа должны украшать алтарь для ихнего бога и могилу храброго джигита. Тогда это место почитается.

— Лабазан-то кто такой?

— Лезгин вроде бы. У него еще фамилия есть. Башкатов, кажись.

— А тот, что умер?

— Тот русский. Бродяга из солдат. Всю свою жизнь провел в горах, тут и остался. По фамилии Беляков. Дикий, в общем, человек. Так вот, погляди на ту гору, что с востока к Чертовым воротам подступает. За ней Лаба-река. Лабазан выслеживает зубров у солонца, ну и бьет на выбор, а потом неделями пирует да мясо себе впрок вялит. Даже в Лабинск захаживает, вот какой отчаянный.

— Сколько же ему того мяса надо?

— Считай, половину бросает. А из шкуры родильные пояса делает. В аулах роженицам их продает, будто бы помогает. И рога на кубки полирует, а как спускается в свои аулы, так эти кубки у него нарасхват. Князья берут, в золото-серебро отделывают, хвастаются.

— Меня уже стращали этим Лабазаном.

— Не Чебурнов ли?

— Он самый.

— Ну, скажу тебе, он непременно донес Лабазану, что появился, мол, человек, офицерского чину и хочет с ним повстречаться, словом и законом попугать да силой — глазом вострым помериться. Я так думаю, что Семен с лезгином имеет встречи, а может, и на зверя наводит. Ему бы только деньги. Или от испуга заигрывает. Лабазан следопыт, конечно, редкостный, стрелок первоклассный. И винтовка у него что надо. А ты в самом деле хотел бы с ним сойтись?

Я кивнул. Как же иначе? Если взялся охранять зубров и проведаль браконьера, то уж, конечно, обязан обезвредить злодея. Или уговорить, чтобы убрался отсюда. В общем, вплоть до стрельбы. Враг зубров — мой личный зраг.

— Тогда послушай меня. Одному тебе, Михайлович, Лабазан не под силу. Один не ходи. Двое, трое еще что-нибудь сделают, но не один. А уж раз мы с тобой забрались в эти края, могу

указать место Лабазанова притона, уж это я как-нибудь выведать. Гору видишь? Вон та самая, вершина у нее на гнилой зуб похожая, вроде острые клыки вылезают, а уж пропасти там — глянуть страшно. Пещера, по всем видам, не одна, вся гора дырявая, есть которые и проходные, а вот обитает он на склоне, сюда обращенном, и не так чтобы высоко, пожалуй, в поясе букового леса. Там кустов поболее, дыму от костра не увидишь. Годов пять назад мы за Лабазаном охотились. Всех перехитрил и обвел вокруг пальца, а одному егерю из Закана ночью винтовку своей повязкой повязал, дал понять, значит, что Лабазана выследить нельзя.

Еще какое-то время мы рассматривали в бинокли эти дикие места, но дымка не углядели. Не заметили и в той стороне ни одного животного на склонах или полянах. Зверь опасное место знает.

Часам к пяти спустились к лошадям и другим маршрутом поехали вниз, поближе к намеченной для встречи вершинке. Летний день долгий, в семь солнце сияло еще вовсю. Спешились, повалились в траве, ожидая Телеусова. Вскоре небо на западе покраснело, вечерняя заря разлилась. Алексей Власович явно припоздал.

— Мы сами отыщем зубриц, ежели что, — сказал Кожевников. — Идем?..

С конями в поводу мы зашагали к тому месту, где Василий Васильевич недавно обнаружил стадо с молодняком.

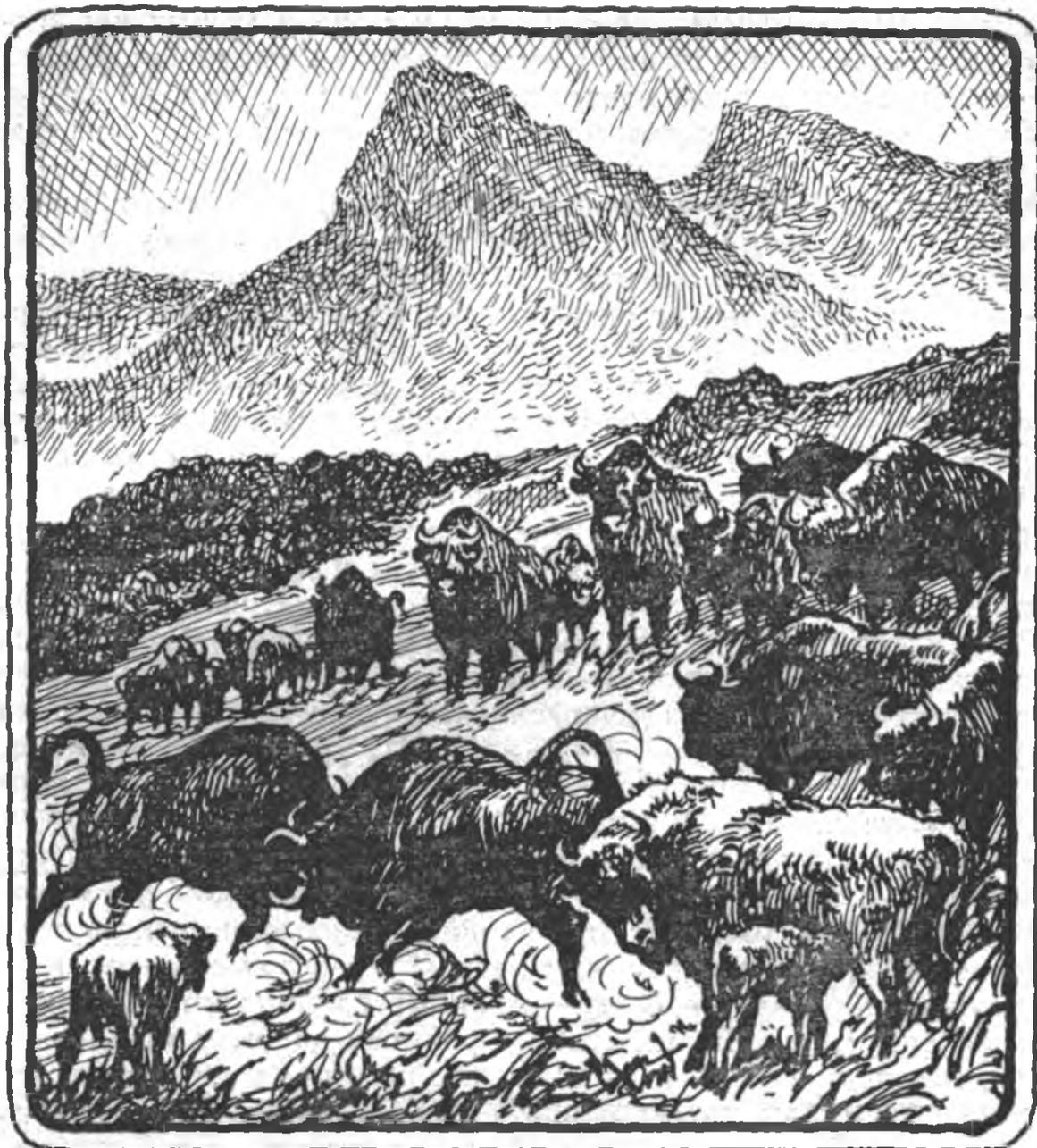
Неглубокий распадок, заросший березой и высокогорным кленом, выползал из дремучего леса к буграм с высокотравными лугами. Посредине распадка проглядывалась натопанная многочисленными копытами тропа. Зубриная дорога выходила на луг, манящий сочной и густой травой.

Мы не стали пересекать эту годами натопанную тропу, чтобы не смущать чуткого зверя запахами лошадей и железа, а удалились на высотку с густым и черным рододендроном, откуда хорошо проглядывался весь пологий луг.

Звери появились не так, как самцы, а с еще большей осторожностью, словно жизнь этих семейств оценивалась вдвойне дороже против жизни самцов. В сущности, так оно и было: ведь почти каждая зубрица вела за собой если не малыша, то второгодка, а кроме того, в стаде были и будущие матери и старые зубрицы, уже не способные рожать, но полезные своим опытом, навыками долгой жизни.

Они-то и возглавляли несколько семейств.

...Из лесного распадка сперва вышла старая зубрица, постояла, прислушалась, помахала хвостом с кистью на конце и спокойно пошла дальше. Только после этого на лугу появились еще

две старые коровы, одна с обломанным рогом, другая припадающая на заднюю ногу. Это был осмотрительный, бесконечно опытный авангард, он обследовал и устанавливал безопасную зону.

Убедившись, что вокруг тихо и спокойно, коровы склонили морды к траве и тем дали знак основному стаду. Звери высыпали на луг.

По краям, спереди и сзади пошли зубрицы и прошлогодняя молодежь. А в центре, словно кучка ребятишек, толкались зубрята этого года, телки и бычки. Им, конечно, не терпелось побегать, пободаться друг с другом, а тут такая теснота, что только-только

проход вперед. Не разбежишься, когда по сторонам строгие мамки, пресекающие всякую попытку вырваться из окружения.

На просторе стадо понемногу рассыпалось. Но ведущая, та самая зубрица, что вышла первой, все время сердито оглядывалась и никому не давала опередить себя. Зато молодежь, похрустев травой первые десять — двадцать минут и выклянчив у мамок немного молока, с беспечностью сорванцов, хотя и были уже бородаты и проглядывали у них тупые черные рожки, начали беготню. Задрав хвост, они подкидывали зад, толкали друг друга, задевали старших и опрометью убегали от них, останавливались, хватая открытым ртом воздух, и снова принимались за игры. Где же еще, как не на просторном лугу! Дни проходят в густом лесу, ночью спать нужно, только зори и остаются для игрищ. Так уж наверстаем на заре!

Доставили они хлопот своим мамкам, старухам-охранительницам и сестрам!

Как только стадо разбрелось слишком уж просторно, старая зубрица приняла меры. Крупным шагом пошла она по кругу, словно бы очерчивая допустимые границы; коровы и подростки, оказавшиеся за пределами этих границ, отлично поняли, что от них требуется. Старуха поддала рогами одну ослушницу, сильно толкнула другую, а далее все уже шло по закону сильнейшего. Как только вожатая приближалась, все животные, забредшие дальше положенного, опрометью кидались к центру. Стадо уплотнилось. Теперь и телятам стало трудней бегать, пришлось пастись, как это делали старшие. Дисциплина как будто установилась. И в это время мы оказались свидетелями схватки за место вожатой.

Большая, по виду сильная корова неожиданно остановилась на пути хозяйки стада, раздула ноздри и угрожающе нагнула морду. Лишь на одно мгновение вожатая задержалась, пораженная неслыханной дерзостью. Уже в следующую секунду раздался сильный удар рогов. Все зубрицы и даже малыши повернули головы и внимательно следили за ходом схватки. А соперницы, как заправские бойцы, уперлись лбами и старались сдвинуть друг друга с места. Из-под копыт летела влажная земля. То одной, то другой удавалось загнуть шею противницы и достать рогами бок. Но все удары приходились вскользь, иначе кровотокающие раны уже покрыли бы шкуры зубриц. Трещали, ломались кусты березки и рододы, в глазах коров горела ярость. Шла борьба за власть, за главенствующее место в стаде, борьба, возникающая, по-видимому, время от времени между сильными зубрицами.

Наконец вожатая сумела с такой ловкостью ударить рогами по передней лопатке противницы, что та упала на колени и,

если бы не увернулась, второй удар распалившейся победительницы уложил бы ее на месте. Вывернувшись, зубрица побежала что есть силы, но не в стадо, а через кусты в лес. Более сильная некоторое время преследовала ее, затем вернулась и, шумно дыша, темная от пота, продолжила прерванное шествие по кругу, замыкая в нем своих подчиненных. Зубрицы поспешно уступали ей место.

— Куда же убежала слабая? — тихо спросил я Кожевникова и опустил бинокль, чтобы дать отдых уставшим глазам.

— Походит одна до темной ночи, заботится и вернется. В одиночку им нету жизни.

— Снова для битвы?

— Нет. Драки больше не будет. Кто сильнее, тот и вожак. Все стадо видело, как старуха победила. Она и останется у них главной. До схватки с какой-нибудь другой.

Быстро темнело. Зубрицы и малыши паслись теперь с жадностью, словно чувствовали, что скоро придется уходить. Уже не баловались маленькие, они всё чаще тыкались в ноги матерям, отыскивая вымя. Не получив разрешения, обиженно ложились. Авось пожалеют. Срезая траву, матери передвигались, и телята вставали, выбрасывая вперед слабые ножки, догоняли их и опять ложились.

Пала ночь. Стадо виделось в бинокль совсем смутно, но мы дважды успели пересчитать зверей: двадцать две мамки с телятами, шестнадцать двухлеток и семь старых, без телят. Всего шестьдесят семь голов. Значит, здесь, в нижнем и среднем течении Киши, проживало без малого сто голов. С быками.

— Одиночки бывают? — снова спрашиваю у егеря.

— Редко. Самцы за власть подерутся, слабый уходит иной раз насовсем, чтобы не сердить вожака. Но долго один не проживет. Или новое стадо отыщет, или погибнет.

— От пули охотника?

— Не токмо от пули. Сорвется с кручи. А то в реке утонет. Они отчаянные, идут в воду хоть бы что и не подумают, широко ли, глубоко. Ну, и случается, собьет течением и унесет. Весной в лавины попадают или опять же в реку. Ты, наверное, видел, как в снежную зиму наметает горой на лед, вроде мост получается из снега, а вода теплая, она лед подпарит, мост и повиснет еле живой. Зубр шагнет — и пропал. Когда в стаде, там без вожака не больно разбежишься, а вожак всегда осторожный, не пустит куда попало. Так что одиночкам у них жизнь недолгая.

Черная темь укрыла поляну и горы. Зубрицы ушли по своему распадку в лес, на солопец времени у них не хватило. Утром отыщут, конечно.

Мы подождали еще, не подаст ли голос Телеусов.

— Уж не беда ли какая? — Я начал беспокоиться.

Кожевников ответил:

— Не бойся. Беды нету. Когда опасность, он стрельнет, винтовка при ём. А звук в горах далеко идет. Просто ушел в сторону, это бывает. Или какое интересное дело задержало. Подождем на условленном месте до утра. Не заявится, тогда тронемся на кордон. Там он весточку нам оставит. А то сам объявится.

Чтобы не беспокоить близкое отсюда стадо зверей, мы взяли своих лошадей на потайки и прошли краем луга, стараясь держаться по-над ветром. Версты за две до зубринога выпаса спустились в пихтовый лес и устроили тут небольшой костерок. Попили чай да и легли спать, поплотней завернувшись в плащи. На верхотуре даже в разгар лета ночи холодные и мокрые.

Открываю утром глаза — приятеля моего нету. На костер свежие ветки набросаны, горят, и котелок подвешен. Посмотрел сквозь куст лещины — обе лошади мирно пасутся на взлобке. Где Кожевников?..

Накинув телогрейку на плечи, я поднялся к границе луга. Вижу, стоит мой друг, спиной к березе прислонясь, и ждет, когда из-за лесистого увала выйдет солнце. Такое мгновение... Яркий свет уже играл на высотах, искрил снега на трехтысячниках, а луга еще в предрассветной тени, стылые, отяжелевшие от холодной росы. Бородатое лицо егеря приподнято, руки за спиной. И так смотрит на близкие вершины, на небо, словно молитву творит. Не моргнет, губы полуоткрыты. Миг человеческого блаженства.

Солнце вывалилось из-за бугра, и вершины у черных пихт враз приобрели живую зеленую окраску. Оранжевое пламя загорелось на крупных шишках. Яркий до ослепления, немного сплюснутый шар солнца приподнялся над лесом, стараясь заглянуть во все ущелья. Вниз и в стороны с неба в мокром воздухе протянулись видимые лучи. Как многорукое чудо, солнце опиралось этими лучами на вершины деревьев, на скалы, приподымалось и скоро достигло лугов. Вот уж где вспыхнуло многоцветье! Ковер самых изысканных форм и цветов загорелся под косыми лучами ярко, пышно и весело. Сияли росинки, они алмазно вспыхивали на каждом лепестке. Мелюзга колокольчик, всего-то вершок от земли, а и тот стал похожим на отшлифованный лазурит — так светился, так играл в нем проворный лучик света!

Стою, молчу, наблюдаю за рождением прекрасного дня, за Василием Васильевичем. В голову мне приходит догадка, почему многие лесники и егеря так благоговейно чтут природу. Именно в такие вот мгновения рождается радость, способная вытеснить из головы всё наносное и злое. Мир прекрасен, и нет ничего лучше, радостней, чем природа, это создание завершённого царства живого. Понимаю, что не только на Кавказе можно поклоняться красоте. Она всюду. Только нужно ее видеть. И все же на Кавказе, где три великих начала — красота, целесообразность и мощь — как бы приподняты над обыденностью ближе к небу, это чувство поклонения совершенству особенно велико. Лишь тот, кто побывал здесь, мог написать «Демона», «Кавказского пленника» и «Хаджи Мурата». Единение с природой...

Но вот солнце осушило луг, росинки изошли паром, а красота, теперь уже новая, дневная, привычная, осталась с нами. Заметно потеплело. От скал и камней все еще шел пар. Я крикнул:

— Чаевать, Васильич!

Он вздрогнул, нахлобучил фуражку на непокорные свои космы и спустился к костру.

Сидел молчаливый, улыбался про себя и вздыхал. Еще не освободился от переполнявшего его восторга.

— Так что, на Кишу тронемся?

— Иде его носит, шалого? — Это он уже про Телесусова. — Смотри-ка, и на ночь не пришел. Теперь потопаем на кордон, какие там вести от него оставлены.

Вести на кордоне были. С внутренней стороны двери висел листок, приклеенный хлебным мякишем: «Ночевал здесь, утром подался к дому, потому как веду пленника».

И все. Какого такого пленника? Уж не самого ли Лабазана заарканил?

Настроение у нас поднялось. Главное, жив-здоров, шагает к поселку. Там, значит, и встретимся, а может, успеем догнать на полпути.

Мы посидели на порожке дома, Кожевников закурил и все смотрел, смотрел на лесное нагорье перед собой, а потом показал в ту сторону сигаркой, сказал:

— Вот так-то если итить, как раз на Гузерибль попадешь. Недалече отсюда, но тропа мерзкая, не то что по левому берегу. Однако и тут ходят, которым скорей надобно.

— Кто же?

— А Семен Чебурнов, к примеру. Его кордон на Гузерипле, а однажды смотрю, топает здесь с таким, значит, деловым видом. И вроде людей остерегается. Схоронился я, наблюдаю. Гляжу,

обходит наш кордон стороной, лесом, и наверх подался. Туда где мы с тобой вчера сидели.

— К Лабазану, что ли?

— Кто его знает! Надо бы хорошенько выследить эти самые кривые дорожки. Как ты полагаешь?

— Я так полагаю: егеря — это честные люди.

— Вот и я о том же думаю. На Кише пять годов назад было шестьдесят пять зубров. Ну ладно. Две зимы оказались плохими, снежными, могли сколько-то погибнуть. Но мы вчера все ж таки насчитали с тобой девяносто шесть голов. Так? А вот на Молчепе пять годов назад было сорок пять по учету. А ныне сколько ты думаешь там встретить?

— Посчитаем.

— Смотри не прослезись.

З а п и с ь с е д ь м а я

Что мы нашли в Хамышках. Рассказ о зубренке. Письмо в Боржом. Надежда на встречу с женой. Таинственный выстрел у ручья. Убитые зубры в лесу. Ответ управляющего. Суд над егерем Чебурновым. Дальнейшая судьба зубренка Кавказа. В Беловежской пуще.
Врублевский

1

Двинулись к поселку. Заторопились.

По лесу виляла сравнительно хорошая тропа. Вправо подымался густо залесенный хребет, оттуда по ущельям и распадкам бежали ручьи и впадали в свирепую Кишу с зеленовато-белой, перевитой водой. Река прыгала по камням с такой настырностью, словно ей прямо-таки не терпелось побыстрей ворваться в Белую.

Путь занял не более трех часов. Вскоре мы оказались в широкой долине Белой, отыскивали брод, где в сухое время года можно переехать реку верхом, подстраховывая себя длинным шестом, когда лошадь под напором воды начинала заваливаться вправо.

Отсюда до поселка оставалось совсем немного, и мы, согревая лошадей после купания в ледяной воде, пошли рысью.

Спешиваясь у ворот телеусовского двора, зазвенели стремянами, заговорили. Хозяин услышал. Хлопнула дверь, и он вышел навстречу. Под усами егеря бродила загадочная и виноватая улыбка.

— Сказывай, отчего бросил в горах друзей-товарищей? —

с напускной суровостью насел на него Кожевников. — Ишь ты, герой! Рази так можно?

Телеусов развел руками:

— Планида такая получилась...

— Ты планидой не отговаривайся! Какого еще пленника пымал?

Алексей Власович не ответил, пропустил нас вперед, взял коней, сам расседлал и поставил в тенечке. Вышла хозяйка, подала квасу. Мы сидели на ступеньках крыльца, попивали холодный квасок и сгорали от любопытства.

Наконец Телеусов поманил нас за собой к сараю и осторожно открыл скрипучую дверь:

— Ну, смотрите.

На свежей подстилке из только что скошенной травы лежал зубренок. Усталый, сонный, безразличный ко всему.

Знал ли кто из нас в этот день, какая судьба уготована малышу, сыгравшему, в общем-то, видную роль в истории отечественной природы? Сейчас мы видели просто бычка, круглоголового малыша, недоуменно моргающего темными глазками. Он не боялся людей. А чего их бояться, если зла эти существа не делают, напротив, проявляют доброту и ласку, поглаживают, кормят из бутылки с соской да и говорят с ним нестрашными, приглушенными голосами.

— Ну и ну! — Мы с Кожевниковым переглянулись. — Отличился!

— По приказу его императорского высочества великого князя и по распоряжению управляющего охотой...

Алексей Власович завел было хитрую речь, но Василий Васильевич решительно оборвал его:

— Брось, брось, в Петербурге договоришь. Скажи, повезло.

— Сам не рад, как повезло!

— Что так?

— Да я с ним, братцы, так намучился, что месяц отдыху надо! Вся тела болит!

— Ты давай по порядку. Пойдем в дом, там расскажешь. Андрей Михайлович вынет свою книжечку и все как есть запишет в ей для истории.

Мы вышли из сарая, стащили с себя лишнее, хорошенько умылись и поднялись в горницу, где хозяйка как раз уже накрывала к столу. Вот тогда-то, за обедом, мы и услышали рассказ Алексея Власовича о встрече с отбившейся от стада зубрицей.

— Я как раз к вам шел, веду коня под уздцы, а тут послушная моя лошадка вдруг заупрямилась. Винтовку снял: уж не

медведь ли близко? К биноклю приложился, вижу — на поляне серые тени мелькнули. Волки. Гонятся за кем-то, бег у них нацеленный. «Не иначе за оленем», — подумал я, ну, и решил выручить бедолагу. Вернулся на кордон, коня пустил, а сам за волками подался. На Пшекиш. Бродил часа два, след потерял. Но что-то меня толкнуло пройти вверх по безлесной ложбине. Крадучись так, переходил от дерева к дереву, они там редко стояли. Добрался чуть ли не к самой голове распадка. В глаза бросилась большая пихта. Под ней густая тень. Пригляделся к тени, бинокль приладил. Батюшки мои, медведь! Уж я на всякий случай изготовился, а тут сбоку пихты камни посыпались, вижу зубрицу, идет и шатается, но не в эту спасительную тень, а прочь, на крутую боковину. По ляжкам у ней кровь, бока мокрые от поту. Тут и понял я, что не медведь под пихтой, а зубренок. Вот за кем волки гонялись! Отбили, беднягу, от стада, а она с дитём, бой приняла, отогнала хищников, уложила маленького, а сама не знает, куда ей податься. Волки непременно где-нибудь рядом. А у ей уже сил нет, израненная вся. Как дошло до меня все это, указание вспомнил и подумал: другого такого случая не будет. Все одно: зверь обреченный. Словлю сам, чем волкам отдавать.

Открыто пошел на луг. Зубрица увидела — и ко мне. Храбрая. Я остановился. И она тоже. Стоим, ждем, у кого нервы крепче. Не выдержала, повернула круто — и ходу. Только ее и видели. Тут я к зубренку. Он поднялся, забубукал что-то. Подошел к нему ближе, руку протянул. «Миша, Миша!» — зову его, а он стоит, носом пошевеливает. Я ближе: он попятился, потом побежал, не бойко, но побежал.

И вот тут, братцы, началось! Какой ни есть маленький, а погонялся я за им добрый час, весь потом залился, пока наконец не загнал в узкий отвершек¹, полный камней и валежника. Застрял он там, стоит и трясется, ни с места. Я опять ласково так: «Миша, Миша!» Дал до себя дотронуться. Погладил я его, он и успокоился.

Ну, приласкал, страх у него пропал, а идти со мной не хочет. Я и так и этак, взял его в охапку, понес было, да разве ж такого донесешь! В нем верных три пуда. Вырывается. Отпустил на землю, ошейник сделал. Не нравится ему ошейник, с места не стронешь. Тогда обвязал ремнем через грудь, чтоб не делать ему больно. Тяну что есть силы, а он переступит три шага вперед, три в сторону и столько же назад. Мука мученическая!

Кое-как добрались до кордона, отдохнули, я записку вам

¹ Отвершек — одна из вершин распадка, сходящихся в овраг.

написал да и заторопился: голодный он, траву только-только пробует, молока ему надо, а где тут молоко!

На счастье, лошадь помогла. Увидел он моего коня и резво пошел за ним, к ногам жметя: конь на мамку больше похожий, чем егерь в штанах. Так вот и пошли. Я коня веду, а зубренок на ремешке за конем семенит. А как только притомился, лег, хоть убей! Глаза закрыл, нижнюю губу отвесил, спит, в общем. Да и я спать хочу, вечер уже, после всех-то дневных мучений... Пришлось поднять, к седлу привязал. Неудобно, ремни его режут, но молчит. В таком виде и реку переехали — он на коне, а я по пояс в воде. И его держу и палкой дно щупаю. Спасибо, прирученный конь, дело знает. Вот так-то и домой прибыли.

Зубренок мой полежал, оклемался и есть запросил, все в ноги мне лбом ударяет. Тут сделали мы с женой бутылку с соской, как раз корову подоили, теплое, парное, так и всосался, зараз более полчетверти¹ выпил. Отяжелел, улегся, повозился маленько на траве, голову свалил и заснул.

Утром, только я зашел, он уже кричит мне: «Бу-у-у!» — и есть просит. Две бутылки выпил, повеселел. Травки зубриной я ему свеженькой принес, овсяницы. Пожевал, кое-что съел, но мало. Еще не привык. А в полдень опять две бутылки молока. И чтоб подогретое, холодное не берет. Чистый ребенок!

Пока хозяин рассказывал, мы отобедали и опять пошли смотреть бычка. Шерстка на нем еще не улеглась после трудной дороги, казалась неряшливой, и, когда хозяйка стала конской щеткой расчесывать ее, бычку это понравилось, свесил голову и моргал. Наверное, вот таким манером зубрица его вылизывала.

Цветом он напоминал молодого медвежонка, чисто коричневый, только на мордочке шерсть посветлее да на бородке. Такая смешная бородка! Копытца, как и глаза, черненькие, блестящие, а на лбу две круглые точки, будущие рога показываются. Уши небольшие, твердые, губы черные, а головка вроде и телячья, но круглее. И хвостик с кисточкой. Уже веселенький, хвостиком туда-сюда, побегать ему, видать, охота.

Закрыли мы сарай, сели совет держать, как дальше с ним поступить.

— Увозить его сразу невозможно, — твердо вымолвил Алексей Власович. — Надо к траве приучить, к новым условиям.

¹ Четверть — три литра.

Пусть к людям поболее присмотрится. На это тоже время уйдет. Месяц, а то и два. Подрастет, приручится, вот тогда...

— А пока, — сказал я, — напишем письмо Ютнеру, что он посоветует. До Боржома, где живет управляющий, почта недели две ходит, обратно столько же, вот и месяц. Тогда и в дорогу, если приказ будет. А нет — отпустим, и дело с концом.

— Думаешь, все-таки повезем? — Телеусов, кажется, не был уверен.

— Неужели откажутся?

— Дак ведь забылось это. Прихоть. Время долгое прошло.

— Мы напомним. Так и так. Куда прикажете? Может, в какой зоопарк потребуется.

— Лишь бы дорогу выдержал. — Кожевников жалостливо вздохнул. — Дитё все же. А там вагоны, грохот, дым-гарь. — Это ж где, Петербург!..

Сердце у меня дрогнуло. Петербург!.. Если мне прикажут сопровождать вместе с Телеусовым нашего пленника, тогда неизменная, незагаданная встреча с Данутой. Тройное «ура» Алексею Власовичу!

Сначала я хотел было заночевать у Телеусова, но нетерпеливая мысль погнала меня в дорогу. Скорее отправить письмо. Скорее получить ответ. Егеря уговаривали остаться, но я уже не мог. Алан мой, конечно, устал, да и мне не мешало бы провести здесь ночь, но решение уже окрепло. Я выехал из Хамышков, чтобы знакомой дорогой быстрее добраться до Псебая.

Такая заманчивая перспектива.

2

Письмо Ютнеру у меня никак не получалось.

«Уважаемый Эдуард Карлович», — начинал я и тут же комкал бумагу. Слишком фамильярно. «Его превосходительству «Э. К. Ютнеру». А такое обращение казалось сухим, казенным. Никогда не приходилось мне писать подобные письма.

Отец прохаживался по комнате, постукивал палочкой. Он уже не раз останавливался у стола, наблюдая муки сыновнего творчества. И наконец не выдержал:

— Нуте-с, позволь мне. Попробую старомодно.

Через полчаса бумага была написана. Начинаясь она так:

«Глубокоуважаемый Эдуард Карлович.

Уведомляю Вас, что приказ, отданный егерям охоты в сентябре прошлого года о поимке молодого зубра, выполнен. Этими

днями в районе Киши егерь Охоты А. В. Телеусов добыл бычка, каковой находится сейчас в добром здравии на попечении вышеупомянутого егеря. Через месяц или полтора, необходимые для приручения бычка к новым условиям жизни, зверя можно отправить Его императорскому высочеству Великому князю Сергею Михайловичу.

Жду Ваших указаний о перевозке и месте назначения, куда должно направить бычка кавказского зубра.

С совершеннейшим к Вам уважением егерь Кубанской охоты хорунжий А. Зарецкий».

Прочитавши письмо, я вздохнул с облегчением. Пусть и постарому, но ясно и уважительно.

В тот же день я отвез это послание в Лабинск. На конверте стоял четкий адрес: «Тифлисская губерния, Горийский уезд, Боржом».

Еще через день, поговорив с Никитой Ивановичем Щербаковым, который продолжал исполнять обязанности управляющего Охотой, мы пришли к решению отрядить в помощь Телеусову для ухода за зубренком человека, подобрать которого поручили самому егерю, и заплатить за месяц ухода пять рублей.

— Имя-то своему зверю дали? — поинтересовался Щербаков.

— Алексей Власович кличет его Мишей.

— Ну что за имя! Все ж таки дикий зверь, не простой бычок и не баран. Надоть как-нибудь покрасивше назвать. Царю повезете, а у него, слышь-ка, один из предков Михаилом прозывался. Как бы не осерчал.

Вскоре я еще раз навестил Телеусова.

Зубренок освоился, все больше переходил на травяное питание, но молока требовал по-прежнему и сердито стучал лбом по загородке, если долго не получал. Его дважды выводили гулять, только на привязи, и зубренок охотно щипал свежую траву. Уже при мне Телеусов вместе с женой выпустили зубренка в небольшое стадо телят. И тут, к удовольствию нашему, мы увидели, что ничего дикого в зубренке не замечается. Он не задирался с телятами, пасся спокойно и так же, как они, бегал, задрав хвост, пока не начинал дышать открытым ртом от усталости. Ребенок...

— Миша, Миша! — звала его хозяйка, и он уже вслушивался в это имя, привыкая к нему.

— Никита Иванович не согласен с такой кличкой, — сказал я Телеусову. — Придумаем другое прозвище. Первый, можно сказать, кавказский зубр поедет в далекие края, глядишь, судьба

улыбнется ему, он возмужает, потомство даст, и пойдут от него в новом месте кавказские зубры.

- Ну, если так... Тогда пускай и зовется «Кавказец».
- Кликать неловко, длинно. Может, короче: «Кавказ»?
- Можно и «Кавказ».
- Значит, решаем. Ты — крестный отец.
- И ты, Андрей, тоже. Вдвоих отвечаем за него.

При отъезде я сказал, чтобы к телятам его больше не пускали. Вдруг болезнь какая или еще что. Лучше пасти отдельно.

— Я тут уже над клеткой мудрую, Михайлович. Чтоб заранее подготовиться. Хочу сочинить ее узкой, боковины сделать плотные, а переднюю и заднюю части из решеток. Кормить и чистить удобней. Лошадьми далеко везти придется, в вагон грузить. Ну, а в вагоне мы его выпустим.

Заботливый хозяин!

Возвращался я домой под вечер. Алан шел неспешно, дорогу знал, не в первый раз по ней едем. Теплое лето баюкало лес и травы, воздух был наполнен запахом цветов и смолистым духом пихтарников. Миновали свежую вырубку, где ничего за это время не изменилось, спустились к горному ручью, по берегам которого густо зеленела ольха. Алан потянулся к воде. Я соскочил с седла, поправил на плече винтовку, разнуздal коня и отпустил подруги. Алан благодарно вздохнул и осторожно, как пьют все лошади, коснулся губами холодной воды.

Я стоял чуть сбоку, поддерживая провисший повод, чтобы не замочить. Вокруг мрачновато теснился лес, и было в нем что-то таинственное и опасное. Никогда еще не приходилось мне до такой степени чувствовать опасность, как в этот раз. Даже мурашки по спине. Что такое? Откуда страх?..

Безотчетно сделал я шаг назад и укрылся за крупом Алана. Прошло несколько секунд, я уже начал было посмеиваться над собой, конь все еще цедил сквозь зубы холодную воду, и только и хотел переступить ближе к ручью, как вдруг Алан резким рывком поднял голову и, повернувшись к вершине ручья, наострил уши.

Снова холодок по спине. Опасность!

— Ты что? — спросил я и в это мгновение почувствовал горячее прикосновение воздуха возле щеки. И резкий, короткий «цвик».

Звук выстрела пришел уже после того, как пуля пролетела, может быть, в двух вершках от моей головы. Эхо подхватило звук, рассеяло по сторонам, и поначалу я даже не понял, откуда стреляли.

В следующее мгновение я лежал за валуном с винтовкой в

руках, а конь стоял надо мной, подрагивая кожей. Так вот он откуда, этот безотчетный страх! Кому-то потребовалась моя жизнь! Выследили, узнали, где я чаще всего проезжаю, устроили засаду. Там, в верховьях ручья. Осторожно высунувшись, я усмотрел в дальней стороне русла мшистые камни. Саженой семьдесят. Там?..

Гнев и жажда мести заставили меня вскочить. Я бросился через лес, лавируя меж стволов, камней, туда, где враг. К подозрительным камням я подходил с осторожностью лиса, готовый выстрелить по любому шороху. Конечно, за камнями никого не оказалось. Осмотрев редкий лес вокруг камней, я заметил следы. Вот слегка примятый мох. Здесь убийца стоял на коленях. А вот и стреляная гильза. Значит, перезаряжал, хотел еще... Новенькая, блестящая гильза. Прямая: вмятина от бойка чуть смещена от центра пистона. Это надо запомнить.

На черной подстилке под грабами медленно выпрямлялись легкие вмятины — не от сапога, а от черкесских или казацких поршней из кабаньей кожи. След от следа отстоял на два аршина. Значит, бежал. Преследовать разбойника? В одиночку это слишком большой риск. Да и найти в лесу почти невозможно.

В тревожном раздумье вернулся я на тропу. Умница Алан ждал меня. Как он обрадовался, как затряс головой! Понимал, что ли, какой опасности только что подвергся его хозяин?

Всю дальнейшую дорогу я мучительно раздумывал над положением, сразу ставшим серьезным. Кому я опасен, ненавистен? Да мало ли кому! Лабазану!.. Неужели он рискнул явиться даже сюда? Если браконьеру говорили обо мне, то он, скорее, будет поджидать гостя у себя, там легче со мной справиться. Любому из браконьеров, наконец, кому отбили дорогу в лес! Но тут и новая и страшная догадка пришла в голову: еще Улагаю. Разве он не хочет отомстить за Дануту? Способен ли есаул простить? Да, это, пожалуй, опаснейший из врагов. Что враг, я мог бы понять и раньше. Он явно избегает встреч. Ни в Псебае, ни в Лабинске я его давно не видел. Однако едва ли он сам решится на преступление. Черкесскому князю нетрудно найти среди своих приближенных наемного убийцу, пообещав хорошую награду. Вот положение!.. Отныне мне придется все время быть начеку, все время ждать нападения!

От подобной мысли сделалось не по себе. Опасность так близка. Ведь половину времени я в лесу, в походе. Как уберечься от недоброго человека на узких лесных тропах?

А вдруг Улагай ни при чем? Ведь мог же я встретиться просто с неизвестным грабителем.

О выстреле у ручья мне пришлось сказать Никите Ивановичу. Он задумался, но никаких гипотез не высказал. Не любил пустого, но, как говорится, на ус себе намотал. Мы поговорили о зубренке, о возможной облаве на Лабазана, а вечером я сделал запись о происшествии в своем дневнике. И все.

В тот памятный день мне принесли письмо из Петербурга. Не могу говорить о нем, тем более писать. Слишком личное, родное звучало там от первой до последней строки. Раз семь или восемь прочитал я это письмо. И уснул счастливым.

Жизнь очень хороша!

3

Тревожное состояние, вызванное покушением на мою жизнь, понемногу улеглось. И вскоре я спросил Кожевникова, не составит ли он мне компанию для поездки на Молчепу, где надобно увидеть и посчитать зверей.

— С большим нашим удовольствием! — сказал егерь и сквозь разросшуюся бороду блеснул ровными, белыми зубами. — Опять же к Алексею Власовичу заглянем, все одно мимо ехать. А Семена Чебурнова найдем в Гузерипле.

Надо ли говорить, с какой осторожностью проезжал я снова через памятный ручей, где мог остаться бездыханным! И всю дальнейшую дорогу не переставал зорко смотреть по сторонам. Винтовка, повешенная на плече стволом вперед, как бы ощупывала лесные дебри.

— Ты как в разведке, Андрей Михайлович, — заметил егерь. — Так и зыришь по сторонам.

— Привычка, — ответил я односложно.

Нашего Кавказа мы увидели за поселком. Он лежал на берегу Белой, посреди зеленого лужка, и первое, что мне бросилось в глаза, были черненькие рожки, на полвершка вылезшие из кудрявой шерстки. Вот как быстро мужает! Неподалеку от зубренка сидела девочка, наблюдавшая за ним.

Выглядел бычок превосходно: шерсть гладкая, блестящая, глаза внимательно-ребячьи, веселые. Освоился.

Телеусов решительно заявил, что едет с нами, и пошел собираться. Из Хамышков мы вышли уже втроем.

Долина реки Белой быстро сужалась, потом совсем исчезла, над рекой нависли крутые рваные берега, а сама река ушла глубоко в камень и, как в аду, сотрясала в глубине неподатливые скалы. Тропа завиляла, уходя на гору в дубовый лес, потом снова падала в разъемы и снова подымалась, а вскоре спустилась в долину, куда с Абаго и Армянского перевала бежали шустрые притоки Белой.

Здесь стоял нетронутый, дивной красоты смешанный лес. На правом берегу реки сквозь еловый заслон светлели домики кордона. И так в этом месте было весело, так красиво, что, будь моя воля, построился бы тут и прожил всю жизнь. Конечно, с Данутой.

Чебурнов спал, когда мы приехали. Вышел из дома неряшливый, сонный, глядел хмуро и все чесал под рубахой спину.

— Нездоров, что ли? — спросил его Кожевников.

— Не-е. Вздремнул с устатку.

Понемногу он оживился, чай поставил, замусоленные карты на стол бросил — все же четверо нас, думал, составим партию.

Пили чай, слушали его рассказы, какая тут форель водится, и как ее трудно ловить, да что за страшный провал отыскал он на склоне горы Фишта. «Аж глянуть, и то жуть берет...»

— Ты нам о своих зубрах расскажи, — безжалостно напомнил Кожевников. — Где их искать да как искать. Ревизию будем делать, понял?

— Это мы зараз! Это вы хорошо! Давно не делали ревизию-то! А найти их легко. Как подыдемся на луга да пройдем правее, к Молчепе, тут как раз и будут ихние пастбища. Два стада у меня.

— Сам-то считал?

— А как же! Вот недавно и считал. Если с телятами, то сорок. Или сорок два. Телят видел шесть штук, которые этого года.

— По твоим же отчетам в прошлом годе было сорок пять зубров. Пять годов назад столько же. Куда взрослые деваются, если телята ежегодно рождаются?

— Одни рождаются, другие того... Опять же охота была, стрелили одного, может, как раз из моего стада.

— Чужих людей не примечал? — спросил я.

— Какие тут чужие! Глухомань.

Утром мы поехали на луга.

Договорились, что Чебурнов со мной, а Телеусов и Кожевников пойдут отдельно. Как выйдем наверх, они возьмут левее, ближе к реке Холодной, и там на вечерней кормежке пересчитают стадо, если найдут.

Почти от самого кордона тропа полезла круто вверх. Лошади шумно задышали, чаще останавливались. Ехали гуськом, Чебурнов впереди, поигрывал ременным поводком, прибаутками по-нукал коня. Пихты сменились кленами и березой, стало светлей. Еще один подъем, и мы выехали на край лугов, покатыми буг-

рами идущих к высоким скалистым вершинам. Между лугами и тем хребтом темнело мрачное ущелье реки.

Мои приятели подались влево, мы с Чебурновым остались вдвоем и укрылись среди скал в мелком березняке. До вечерней зари. Поставили костер, заварили кашу.

Я неожиданно спросил:

— Слушай, Семен, ты с Лабазаном встречаешься?

Он как-то затаился и ответил не сразу, соображал, есть у меня факты или нет. Догадался, что нет, изобразил недоумение.

— Это зачем же мне с ним встречаться? Ни сват ни брат, да и скрывается он знаешь где? Глянь-ка. Во-он голубеет! Там Чертовы ворота. Отселева верст тридцать, не больно допрыгаешь.

— Разговор есть, будто приятель ты с ним.

— Брешут, Андрей Михайлович. Чтоб я с таким злодеем!..

Но глаза его бегали. Испуганный, сторожкий взгляд лучше слов говорил, что лжет. Лжет!

— Брательник где обитает?

— Да где ж, дома. Мы с ним того... Меняемся. Неделю я здесь, неделю он. Чтоб не запаршиветь.

— Так вот, Никита Иванович ходил к нему. Всю прошлую неделю и до того его дома не было. Где околачивается?

— Ну, это ты у него спроси.

— Винтовка у вас с ним одна?

Я лениво взял его винтовку, вынул затвор и осмотрел боек. Потом загнал в патронник гильзу с новым пистоном, щелкнул. Боек ударил точно в середину. Не та...

— Ты чего это примеряешься? — подозрительно спросил Семен.

— Так. Играю. Значит, одна винтовка?

— Пока Никита второй не выдал. Тянет.

Между тем Телеусов говорил мне, что недели две назад Ванятка Чебурнов уложил на своем огороде кабана. Из винтовки.

Семен посерьезнел и замкнулся. Я опять повел речь о Лабазане, и Чебурнов понемногу разговорился. Вот тут я и узнал, что лезгин годами уже не молод, он заметно хромает после падения с лошади, что у него нет близких, ездит в аулы по Большой Лабе и пьет запойно. Все это Семен вроде бы проведал от случайных людей.

Ничем Семен не выдал себя, даже когда я не выдержал и сказал, что его видели, когда ходил на Кишу по этому берегу реки.

— Ошиблись твои шпиёны, — спокойно ответил он. — То другой кто-то был, а на меня указали.

Пообедав, мы отыскали место для наблюдения и сели ждать зверя.

Зубры вышли не все сразу, а группами по три-четыре быка. Молодых я насчитал шесть и старых десять. Выглядели они более пугливыми, чем на Кише, жались к опушке, далеко не выходили.

— Не все пришли, — вздохнул Семен. — Их тут более двух десятков, недавно сам видел. А може, в другом месте пасутся.

Неправду сказал. Я не хуже его знал, что зубры очень неохотно меняют свои пастбища и даже тропы.

Укладываясь спать, Чебурнов вздохнул и с завистью вымолвил:

— А тебе дюже повезло, Андрей Михайлович. Смотри-ка, часы заполучил, чином наградили, в Охоту взяли. Да и красавицу себе в жены отхватил. Со всех концов привалило.

Я промолчал.

Часов в десять следующего дня мы сошлись с егерями, говором и топотом конским спугнув с луга припоздавших косуль и ланок с ланчуками. На пастбищах Абаго выкармливались сотни голов разного зверя, такая тут богатая трава.

— Двадцать три головы, Михайлович, — отрапортовал Телеусов. — Четыре телка и девятнадцать взрослых.

Он так посмотрел на Семена, что тот сразу начал оправдываться:

— Ну, моей вины здесь нету. Сколько есть, столько и есть.

По лицам моих друзей я понял, что у них какое-то тайное открытие. Телеусов вдруг повернул коня и тронулся не к знакомой нам тропе, а на болотистое место у самой Холодной, за которым весело зеленел березняк.

— Ты куда, Алексей Власович? — спросил Чебурнов.

— Давай за мной, дело одно есть.

— Спускаться на кордон пора, а то не успеем до ночи.

Телеусов не ответил, конь его прибавил ходу.

...Как они нашли это замаскированное место? Потом Василий Васильевич рассказывал мне, что по следам, по волоку, где кусты сломались, по соображению — словом, по опыту следопыта. Так или иначе, но привели они нас с Семеном точнехонько на злодейскую базу в лесу. Два зубриных скелета, уже очищенных лисами и шакалами, белели на земле. Копыта с мослами валялись чуть в стороне. И куски догнивающей шкуры возле обугленных поленьев большого костра.

— Батюшки мои! — Чебурнов всплеснул руками. Светлые глазки его забегали, на круглом лице неожиданно возникли

капельки пота. Испугался.— Да кто же это? Когда же? Может, охота сюда забиралась? Я ведь ни сном ни духом, ребята...

Егеря сурово молчали. А Чебурнов говорил, говорил, говорил, утирал лоб рукавом, оправдывался, сто раз поклялся, что ничего не знает. Он был так растерян и напуган, что, когда Кожевников стал осматривать подковы его лошади и сравнивать их со следами, не выдержал и сел на землю, явно ослабев ногами.

— Твой конь топтался,— сказал егерь.— Что на это скажешь?

— Был я тут, истинный бог, был! Не с ними, которые, а посла... Как увидел этот разбой, так и подумал: скрою. Никому не скажу. А кто такое сделал, когда сделал, этого, братцы, не ведаю.

Оправдываясь, он стоял лицом к лицу с Василием Васильевичем. Старый егерь не моргая, округлившимися глазами прямо испепелял Семена. И вдруг без размаха, как-то тычком, ударил его своим громадным волосатым кулачищем в лицо. Чебурнов рухнул, закрыв голову руками.

— Скотина ты последняя! — Кожевников стоял над ним, не обратив внимания на мои уговоры прекратить драку. — Тебе

какого зверя доверили! Какую красоту в твои поганые руки передали! А ты чем занялся? Торгуешь Кавказом? Ладно, перед управляющим сам отчитаешься. А перед нами как? Всё деньги делаешь? Мало тебя отстегали перед всем народом в Охоте, хочешь, чтоб и мы?..

И пока он говорил прерывающимся от гнева голосом, Чебуринов помаленьку отползал от него, боком, боком, пока не очутился позади меня, видно считая, что я не дам его бить. Только тогда поднялся на ноги, всхлипнул, потрогал синяк, уже расплывшийся во всю щеку, и, плохо ворочая языком, огрызнулся:

— Руки чего распускаешь? Думаешь, позволено?

— Цыть, сморчок! — Кожевников шагнул к нему, и Семен живо отскочил, намереваясь стрекануть в лес. — Решай, Андрей Михайлович, чего с ним делать.

— Решит Щербаков, права у него. Одно скажу: Семен чужой среди нас. В егерях ему не место. Думаю, Никита Иванович согласится.

Телеусов кивнул. Глаза его не отрывались от груды желтоватых костей. Вот, были живые существа, краса гор, а сейчас?..

Кожевников взял винтовку Чебуринова, вынул затвор и положил в карман.

— Мотай отселева, бандит! Собирай в караулке свои манатки и дуй в Псебай, там тебе решение выйдет. А ну, быстро, чтоб с глаз...

Дрожащими руками он принялся скручивать сигарку.

— Отдай затвор, — уже с угрозой потребовал Семен.

— Мотай, пока не добавил!

— Ладно! — Чебуринов уже возился с подпругами. — Не в последний раз видимся. Встрену как-нибудь. И с тобой, ваше благородие, тоже. Князю добро сохраняете, а простому народу тычки в зубы? Попомню...

Он сиганул в седло и скрылся. Еще раз сверху донеслось его мстительное «Попомню!». Василий Васильевич жадно курил. Телеусов вздыхал. Всем было очень плохо.

— Я за им давно замечал, — проговорил Алексей Власович. — Торгует всем. Сколько зверя перевел — никому не ведомо. Зато усадьбу новую поставил, дом — что чаша полная. И все за погубленного зверя, за подлость. Аль уж вовсе в нем совести нет? А ведь наш, вместилах росли, одним воздухом дышали. Что ж такое случается в народе, ты хотя бы пояснил, Андрей!

Нелегко ответить на этот вопрос. Слишком недавно и по собственному горькому опыту узнал, что есть люди, готовые на любую подлость, даже на убийство.

Посоветовавшись, мы пришли к убеждению, что без Лабазана дело тут не обошлось. Не сам же Чебурнов таскал отсюда мясо и шкуры через перевал.

— А зубров надоть посчитать повторно, — предложил Телеусов. — Кто ни придет на место Семена, должен знать, от какого берега плыть дальше.

Мы остались на пастбищах Абаго еще на два дня, искали зубров на запад от Молчены, за рекой Холодной, но тщетно. Все те же тридцать девять. Значит, стараниями бесстыдного егеря, а может, и по другим каким причинам западное стадо зубров на Кавказе не приросло, а уменьшилось. Неприятное открытие.

Под тихим обложным дождем мы спустились к Гузериплю. Домик караулки стоял пустой, дверь нараспашку, одно окно выбито. Это уж Семен от избытка бессильной злобы. И лампу забрал. И печь расковырял.

Без слова укора мы взялись наводить порядок. Печь поправили, дверь навесили, окно вставили и затянули куском материи. Ночевали в тепле и покое. Снаружи доносился монотонный, деревьями приглушенный шум Белой, уже вздувшейся после дождя.

Через три дня вернулись в Хамышки. Телеусов и Кожевников настояли, чтобы ехать со мной до Псебая. Возражать я не посмел, все равно нам надо собраться у Щербакова. Да и прозжать приходилось мимо печально памятного ручья.

Дома меня ожидало новое письмо от Дануты. В тот же вечер я написал Дануте ответ, в котором нашел место и для рассказа о зубренке Кавказе, ни словом не упомянув о возможности посетить Петербург. Боялся сглазить. Вдруг не состоится никакой поездки, вдруг никому этот зубренок не нужен?

Вскоре егеря собрались судить Семена Чебурнова.

Никита Иванович Щербаков выслушал наши сообщения и сурово насупился. Куда только подевались и его всегдашняя приветливость и дружелюбие. Посыльный, которого заранее отравили с вызовом к Чебурнову, вернулся ни с чем: сказали, нету дома, а куда уехал, неведомо. Еще бы! Кому охота на суд, где не будет оправдания и где товарищи твои отвернутся от тебя! Дело ведь шло не о службе князю, хотя бы и великому, а о честности на службе природе.

И тогда порешили без Чебурнова: отстранить его от егерской должности, отобрать коня и оружие, запретить появляться на территории Охоты.

— В Гузериплю крайне нужно послать нового человека, — сказал я после суда. — Тяжело там без охраны!

Никита Иванович руками развел:

— Обдумать надо кого. Да отыскать подходящего человека. Не скоро будет, Андрей Михайлович. И без охраны тоже не годится, потому как зубры там под угрозой. Вот и получается, что покамест придется тебе самому наведываться туда почаще. Как ты считаешь?

— Хорошо, Никита Иванович, — ответил я. — Но как только подыщем человека...

Тогда же мы договорились снарядить кого-нибудь из егерей на Закан, в самую восточную сторону Охоты, чтобы сделать и там пересчет зубров, а тем временем податься с Телеусовым на Мастакан и Умпырь и на этом закончить до осени полный подсчет зверя. Тогда легче думать, как помочь стадам пережить без потерь недалекую уже зиму.

Новые события нарушили эти планы.

Я еще был в Псебае, когда прибыл пакет из Боржома.

Ютнер поздравлял нас с успехом. Оказывается, он уже связывался по телеграфу с егермейстером Андриевским. Распоряжение гласило: доставить зубренка в Гатчинскую царскую Охоту, быть с ним там до особого распоряжения, следить за питанием и здоровьем, а посему выехать немедленно трем егерям во главе с Андреем Зарецким для сопровождения зубренка и с запасом корма на станцию Армавирскую, где будет указание о вагоне и всем прочем.

О долгожданная поездка!..

4

Алексей Власович сказал, что возьмет с собой племянника, хлопца лет семнадцати, который уже сегодня начнет готовить самое что ни на есть молодое сено для Кавказа. Телеусов обещал быстро закончить работу с клеткой и найти транспорт.

Я верхом помчался в Лабинск, откуда дал депешу в Армавирскую, предупредив, что через семь дней прибудет особый груз для Петербурга.

Закончив дела, я пошел из станичного правления к нашим знакомым, где остановился, и тут увидел на другой стороне улицы группу лиц: казенного лесничего и двух братьев Чебурновых. Они горячо о чем-то разговаривали. Вот кого я меньше всего хотел видеть!

Три шага в сторону, и куст сирени укрыл меня.

Выглянув, я заметил нахмуренное, даже гневное лицо есаула. Он говорил Чебурновым не слишком добрые слова. Ванятка опустил голову, а Семен прижал руки к груди, словно оправ-

дывался. Улагай с сердцем рубанул воздух рукой и отвернулся. Тогда заговорил Семен, о чем-то упрашивал лесничего. Есаул не сразу, но кивнул. Согласился. Не простившись с братьями, он вошел в дом, около которого стоял, а Чебурновы поклонились ему вслед и зашагали по улице, к счастью, не в мою сторону.

О чем они могли говорить? Что связывало их? Встреча запомнилась, на сердце шевельнулось чувство полузабытой опасности. А, без того дел хватает! Теперь как можно скорее в Псебай, куда Телеусов должен был доставить зубренка. И — в поездку!

Тем временем наш маленький Кавказ пешим ходом спокойно шел по лесной дороге к Псебаю, пощипывая на ходу травку и получая привычное молоко и соленый хлеб. За ним две пары волов тянули подводу с клеткой и приличный возок горного сена. Прибыв на место, зубренок получил двухдневный отдых, после чего оказался в клетке, а клетка — на рессорной тачанке. Рано утром обоз из трех подвод пошел на север.

Алексей Власович не спешил, не утомлял зубренка. Мы останавливались под вечер на каком-нибудь заранее облюбованном лужке, Кавказ спускался из клетки и, пошатываясь, делал несколько неуверенных шагов, после чего ложился. Отдохнув, он принимался за траву, потом за молоко и хлеб. Это почти стоверстное путешествие проходило для него не очень обременительно. Так мы заявили в Армавирскую.

В тупике нас уже поджидал чистенький товарный вагон. Начальник станции позвонил при нас станичному атаману, и тот прибыл лично, чтобы взглянуть на зубренка и удостовериться в полном его порядке. Видимо, он получил предписание оказывать содействие.

Ночью вагон с клеткой, кормами и сопровождающими подцепили к поезду.

Погода стояла хорошая, зубренок пообвык в шатающемся домике; мы выпустили его из клетки, отгородив зверю половину вагона. Ел он хорошо, правда больше лежал, а мы, отодвинув дверь, сидели, свесив ноги, и любовались пробегающими мимо станциями и степями.

В Ростове нас прицепили к пассажирскому поезду, а где-то под Москвой — даже к курьерскому. На восьмой день клетку выгружали в Гатчине. Дюжие казаки из дворцовой охраны на руках перенесли необычную ношу к тележке, а затем мы все оказались в лесу, окруженном высокой жердевой оградой, где, как сказывали, бродило на полувольном содержании полтора десятка беловежских зубров.

В этой лесной даче росло больше всего липы и дуба, но без

подлеска. Какая-то прозрачная роща, чисто парковый лес, совсем не похожий на родной кавказский. Да и погода стояла другая: солнце не показывалось, подувал холодный ветер. Может, потому наш питомец заскучал, сгорбился и все искал местечка, где потеплей. Мы устроили ему уютный сарайчик. И стали ждать.

Приехал Андриевский, егермейстер двора, в красивом мундире полковника, величественный и строгий. Совсем другой, чем когда мы знакомились в театре. Меня он, естественно, не узнал, выслушал рапорт, переспросил фамилию и минут пять задумчиво смотрел на заспанного Кавказа.

— Что тут показывать? — спросил самого себя, пожал плечами и уехал.

Говорили, что придут великий князь и Шильдер. Но дни шли, никто не приезжал. Правда, прибыли ученые-зоологи, и среди них молодежавый и веселый Филатов, грустно-флегматичный Сатунин и молчаливый Северцов. Они проявили живейший интерес к зубренку, к положению в Охоте. Я рассказал все, что знал.

— Охоты фактически уже нет, — грустно произнес Сатунин.

— Она есть, пока существует охрана, — возразил я.

— М-м... Возможно, это так. Но охрана существует, пока егерям платят?

Я ответил не сразу. Может быть. Но что касается Телеусова или меня, то это не так.

— У Кавказа должен быть хозяин. Непременно, — сказал я вместо прямого ответа.

Филатов выразительно посмотрел на своих спутников:

— Что я говорил вам, господа? Еще одно подтверждение с места действия. Хозяин нужен! — И, обратившись уже ко мне, продолжал: — Хозяин будет, Зарецкий. Могу сообщить вам, что Императорская Академия наук уже заслушала письмо Шапошникова из Майкопа и сообщение академика Насонова о зубрах на Кавказе. Принято решение обратиться к правительственным учреждениям с предложением организовать специально охраняемый заповедник.

— Вы все еще верите в это? — недоверчиво спросил его Северцов.

— Хочется верить...

Потом поговорили о нашем зубренке и задумались.

— Не место ему здесь, — сказал Филатов. — Это же охотничье хозяйство императорской фамилии.

— А где ему место? — Сатунин поднял брови.

— Будь моя воля, отправил бы его в Беловежскую пушчу.

По крайней мере, он там выживет. Опытные зуброводы, настоящий лес. И, возможно, даст потомство. А это значит, что у нас будет еще один очаг кавказского подвида.

— Помеси. С местным зубром. А то и с бизоном.

— Пусть помеси, но кровь горного зубра... — Это уже сказал Сатунин.

Прошло еще три дня. Никого.

Я отправился в Петербург. Не мог больше ждать. Это такая мука — быть рядом с Данутой и не видеться!

В гулких коридорах Высших женских курсов я жался к стене, чувствуя себя не совсем уютно среди множества молодых девушек.

Дануту я увидел в нише большого окна. Она стояла, задумчиво рассматривая зеленый сквер за окном.

Я остановился за ее спиной. Ветер приоткрыл половинку окна, там отразились мое и ее лица. Она тихо вскрикнула и закрыла глаза. И тотчас с надеждой повернулась.

— Ты?! — Все еще не веря, схватила меня за плечи. Глаза ее наполнились слезами. — Как ты меня испугал, Андрюша! Разве можно? Не написал, не предупредил... Идем, ну идем, пожалуйста, видишь, на нас смотрят...

Держась за руки, мы промчались по коридору, по улице, без всяких осложнений миновали строгую привратницу, которой, надо думать, было известно о замужестве Дануты, и ворвались в ее комнату. Она ждала меня с тем же нетерпением, как я ее.

Вечером мы ехали поездом в Гатчину, и там, при фонарях, она разглядывала Кавказа, и он доверчиво подставлял ей курчавый лоб, чтобы почесала черные рожки. В полной темноте мы пошли через дворцовый парк к жилой пристройке, где мне отвели на время комнату.

Мы проговорили почти всю ночь. Данута сказала еще, что через неделю они поедут на практические занятия в имение Стебута под Тулой. Это образцовое хозяйство являлось своего рода Меккой для русских агрономов. Там она будет работать до конца полевого сезона, после чего им предоставят двухмесячные каникулы. Значит, мы снова будем вместе.

Поздним утром, часов в одиннадцать, нас разбудил нетерпеливый стук в дверь. Я открыл. На пороге стоял запыхавшийся племянник Телеусова.

— Приехали! — почему-то по-украински проговорил он. — Идите швыдче, кличут!

— Кто приехал?

— Якись генералы чи охфицеры. Вас шукають.

Я упросил Дануту не уезжать без меня и бросился в зубровый парк.

У нашего загончика поблескивали две элегантные коляски парами, а в стороне стояли кучкой военные и курили. Я узнал сильно постаревшего Шильдера, принца Ольденбургского и Андриевского. Были здесь и незнакомые господа.

— Что ж вы, Зарецкий, заставляете себя ждать? — Владимир Алексеевич пожал мне руку, представил другим.

— Как там Охота, хорунжий? Стоит на том же месте? — Это спросил принц, на одутловатом, нездоровом лице которого, кажется, только и жили хитрые и умные глаза.

Я отвечал односложно, как на рапорте, и все порывался спросить, когда же прибудет самый высокий гость, на показ которому мы привезли зубренка. Шильдер опередил меня.

— Сожалеем, Зарецкий, что такое дальнейшее путешествие с этим милым зверем предпринято не очень своевременно. Наш государь император приехать в Гатчину не сможет. Он собирается в Европу. А великий князь все еще болен. Мы здесь как раз решали, что делать с зубренком. И пришли к убеждению, что его лучше переправить в Беловежскую пущу. Она тоже принадлежит императорской фамилии. Остается вызвать оттуда егерей для перевозки зубренка.

Алексей Власович издала делал мне какие-то знаки. Я понял его и сказал:

— Позвольте нам самим, ваше превосходительство.

Шильдер подумал.

— Ну, если вы не возражаете... В общем-то, разумно. У вас опыт. Да, пожалуй, мы так и поступим. Что скажете, полковник?

Андриевский согласно кивнул, басовито добавил:

— Я напишу предписание. Кавказский питомец будет принят в пуще с должным вниманием.

— Тогда нам остается пожелать казакам-молодцам благополучной дороги.

Принц Ольденбургский вдруг предложил:

— А если не в Беловежскую пущу, а в хороший зоопарк? Не лучше ли будет, господа?

— В какой именно, ваше высочество? — вкрадчиво спросил Андриевский. — В Московский?..

— В Гамбург, например, к Гагенбеку. Это лучший в мире зоопарк.

— Но это все же Гамбург, — мягко возразил Шильдер. — Пока что Россия монопольно владеет дикими зубрами.

— Ну и что? — уже раздраженно спросил принц. — Разве дело в приоритете? Впрочем, я не настаиваю.

— Будем считать, что вы сняли свое предложение, — заметил Андриевский. — Остается пуца.

Гости заспешили, попрощались и уехали, оставив после себя запах хороших папирос.

Откровенно говоря, я был разочарован. Столько хлопот! Ведь можно было прямо в Беловежскую пуцу!

Впрочем, что ни делается, все к лучшему. Я встретился с Данутой. С зубренком уладилось. Пуца станет его новым домом, он вырастет, стадо примет его, и казказская кровь появится в равнинных зубрах. Все в порядке.

Прошло еще три дня. Все эти дни мы виделись с Данутой и даже успели побывать в Зоологическом музее, где я показал ей чучело зубра, которого убили во время последней охоты.

— Пусть этот несчастный зубр останется последним, убитым на Кавказе, — сказала Данута.

Увы! Я тут же вспомнил белые скелеты в лесу около реки Холодной. Кто знает, какой зубр и когда станет последним!

На четвертый день сообщили, что вагон подан. Опять явились казаки, погрузили клетку с нашим путешественником, а еще через два дня мы уже шагали за транспортом, перевозившим зверя по долгой и мокрой дороге из Бреста в Каменец с его знаменитой пятнадцатисаженной башней над лесами.

Темный, нетронутый и бесконечный лес заполнял равнину, прерываясь на понижениях знаменитыми ольсами с хмурыми елями и осинником, где нога тонула во мхах чуть ли не по колено. Сосновые боры стояли по песчаным буграм. Проезжая лесом, мы видели непроходимые участки с вечной тишиной и колдовской хмарью. Зубрам есть где укрыться. Говорили, что здесь их от четырехсот до шестисот экземпляров.

Наш Кавказ получил отдельную «квартиру» — большой отгороженный участок с сараем для укрытия от непогоды. К нему подсадили двух одногодков, потерявших матерей. Они выглядели массивнее Кавказа, были светлее цветом, менее курчавы и, кажется, менее подвижны. Зубрята подружились, бегали вместе, играли. А через несколько дней, к великому нашему удивлению, Кавказ стал дичиться даже Телеусова, вскормившего его.

— Вот она, благодарность, Андрей Михайлович! — сердился егерь. — Будто я ему чужой, уже лоб выставляет, когда подхожу.

— Это к лучшему, Алексей Власович. Пусть остается диким. Все-таки дитя природы.

В пуще я познакомился с Врублевским, ученым, ветеринарным врачом, давно работавшим здесь. Он много расспрашивал меня о флоре Кавказа, о зверях в Охоте. И сам рассказывал и показывал не меньше. Выслушав мой восхищенный рассказ о пуще, Врублевский покачал головой. Мы совершили несколько походов в глубь этого леса. Однажды он сказал:

— Видите, как пусто под деревьями? Ни подроста, ни зеленых веток понизу. Обратите внимание: зелень начинается только на высоте оленьей морды. И зубриной тоже. Это свидетельство перегруженных участков. Здесь содержится слишком много копытных. Им тесно и голодно. Их надо расселять. Но попробуйте доказать это хозяевам заказника! Ведь они охраняют зубра и оленя для себя, для охоты, и, если их желания не совпадают с законами природы, тем хуже для природы! Нарушено природное равновесие. Подумайте, не грозит ли подобное Кавказу?

Я вспомнил бесконечные наши луга и леса, обилие тепла и влаги, пышную растительность, возможности кочевки для зверя и решительно ответил:

— Нет, не грозит. К счастью, мы не в центре Европы, а на окраине ее. У нас другая опасность: истребление зверя. Слишком много желающих пострелять.

— Но у вас существует охрана, — возразил Врублевский.

Отвечать мне было нечего. Сегодня она была, завтра ее может и не быть. А Чебурновы и Лабазаны останутся.

Дни, проведенные в пуще, были полезными. Телеусов пропал, потом явился со своим новым другом, тоже егерем, и сказал, что здесь, «как у нас».

На прощанье Врублевский подарил мне книгу Гуссовского «Песнь о зубре», написанную в XVI веке на латинском языке. На русский язык — в прозе — ее перевел профессор Яунис из Санкт-Петербурга.

Не без жалости оставили мы Кавказа. Как-то сложится жизнь нашего питомца на новом месте? Увидим ли мы когда-нибудь его?!

Запись восьмая

Самая опасная операция. Судьба Лабазана. Старый знакомый — барс. Болезнь Данугы. Саша Кухаревич и его жена. Приезд Филатова. В Гузерипле. Винтовка со сбитым бойком. У больного Югнера

1

Погрешив перед собой, я без малого год не открывал книги в зеленом переплете. Так сложились обстоятельства.

Мы с Данутой провели два счастливых месяца в Псебае. Почти не расставаясь, мы исходили все предместья станицы. Я научил ее верховой езде, стрельбе из винтовки и револьвера. Учеником она оказалась способным, тогда как сам я, обучаясь у нее премудростям ботаники, не мог похвастаться особыми успехами: латынь давалась мне трудно еще в институте, так что я путал, скажем, примулу патенс с примулой верис и никак не мог произнести длинное название ромашки по-латыни — «триплеуроспермум», чем немало огорчал свою умную жену. По вечерам мы вместе читали «Песнь о зубре». Славная книга! Язык великого Гомера.

...Лес вырастает у нас удивительно быстро,
Вряд ли где встретишь подобных лесных великанов,
Кто ж теперь скажет, что нас обделила природа?
Благоухают цветами опушки лесные,
Сельского люда места для забав и гуляний.
Прелести жизни тебе, человеку, природа
Щедро раскрыла, но где же твоя благодарность?..¹

Единственно, в чем она отказала мне наотрез, — это поехать в глубь гор.

В Охоте за этот год к худшему ничего не изменилось. Жалованье нам присылали, хотя и нерегулярно, высокие гости дважды грозились приехать на охоту, но почему-то не приезжали. Обстоятельство не очень огорчительное.

Зима прошла удачно, звери сравнительно легко перенесли многоснежье. Мы еще летом заготовили в трех зубровых урочищах более сорока стожков сена. От них к началу апреля не осталось и следа.

Егеря из Закана за осень успели пересчитать зубров в бассейне Большой Лабы, на восточной стороне Кубанской охо-

¹ Здесь и далее строфы из «Песни о зубре» даются в переводе Я. Порецкого и И. Свмежона.

ты. Там в зиму ушло сто десять зверей, из них двадцать три од-ногодка. Выходило, что даже без основных зубровых урочищ — Мастакана и Умпыря — у нас насчитывалось уже двести сорок пять зубров. Телеусов утверждал, что в этих двух районах он наблюдал чуть ли не триста зверей. Если так, то по числу зубров мы совсем не отставали от беловежцев.

Ранней весной еще раз приехала Данута. В те дни я находился в долине Умпыря, где продолжала царствовать зима. Мы жили с Телеусовым в достроенном княжеском домике, ходили на разведку по долинам ближних рек, куда спустились с гор олени, зубры и даже серны. Четверо плотников в это время рубили в лесу, посреди долины, новый большой дом. Мы намеревались устроить здесь постоянный егерский кордон.

Во время одной из разведок в сторону Чертовых ворот мы обнаружили следы браконьерской охоты. А вскоре нашли и останки застреленного зубра. Вот тебе и последний... Полузасыпанная снегом лыжня уводила от места преступления к горе, напоминающей гнилой зуб.

— Работа проклятого Лабазана! — с несвойственной ему злостью выговорил Алексей Власович.

Мы переглянулись. Мы не сказали друг другу ни слова, но именно в эту минуту решили: дальше терпеть нельзя.

— Вот только вернусь из Псебая... — Я был оповещен о приезде жены и на другой день собирался домой.

— Ну и ладно, — уже миролюбиво согласился мой друг. — А я покамест попробую узнать, где этот бандит и кто с ним.

— Ты думаешь, он не один?

Вместо ответа Телеусов показал на лыжню: в одном месте след едва заметно раздваивался и тут же сходиллся.

Четыре дня Данута ожидала меня дома. Уж чето только не передумала! Я нашел ее у своих родителей беспокойную, побледневшую, испуганную. Родители встретили меня укоризненным молчанием, порицая за столь долгое отсутствие. Но уже через час атмосфера в доме осветлилась, послышался смех Дануты, начались перекрестные расспросы, обмен новостями. Сели обедать. За столом и вовсе развеселились, даже вино пили.

Среди новостей одна была совсем уж неожиданная. Отец сказал, не скрывая удивления:

— Знаешь ли ты, что старший из Чебурновых назначен лесником? Улагай взял его к себе! Ходит по Псебаю гоголем.

В памяти моей всплыла картина лабинской встречи. Не тогда ли они договаривались?..

— А что слышно о младшем? — спросил я.

— Его не видно, — сказал отец. — Я специально справлялся. Неизвестно где.

Эта семейка всерьез беспокоила меня.

Пять дней с Данутой показались одним мгновением. И вот опять дорога, станция, последний поцелуй у вагона. Когда поезд скрылся, я долго стоял на перроне, пытаюсь понять, что же такое случилось с моей милой женушкой, какие-то почти неуловимые перемены. В поведении ее, во взгляде, в манере говорить, ходить, задумываться было что-то новое. Я никак не мог разгадать ее затаенного взгляда, улыбчивой нежности, странной недоговоренности, словно бы знала она нечто такое, чего не мог знать я. И когда вернулся со станции домой, тоже ощутил атмосферу заветной таинственности; дважды, когда я заходил в большую комнату, где сидели мои родители, они смущенно умолкали.

Но мысли мои теперь были заняты не только семейными делами, но и предстоящим рискованным предприятием, которое не могло быть отложено. Пока Лабазан не обезврежен, душе моей, совести не знать покоя.

Вместе со мной в Умпырскую долину поехал и Кожевников, суровый бородатый друг.

2

В Псебае с крыш свисали длинные сосульки, на солнечном припеке снег шумно оседал, ручьи пробивались по улицам, леса мажорно шумели под теплым ветром, и всюду в них виделись обтаявшие следы зайцев, лис, мышей. Все в природе готовилось к весне, морозные ночи никого не пугали.

Но уже за тридцать верст от станицы, на Уруштене, весенние приметы начисто исчезали. Тут белел нетронутый снег, свирепо ревел в ледяных закрайках поток, а наши следы замела недавняя поземка.

От местечка «Третья рота» тропа спускалась к берегу Лабенка, найти ее сейчас могли только чуткие кони; мы опустили поводья, лошади склонили морды и шли осторожно, но точно по тропе. Дважды мы с ходу пытались одолеть перевал, но не могли пробиться из-за глубокого снега. Приходилось подумать о ночлеге. Утро вечера мудреней.

Кожевников потоптался возле коней, прислушался к крику сойки. Что-то заинтересовало его. Бинобль ощупал берега Лабенка и высокий перевал.

— А ить наверху какой-то лихач бродит,— сказал он и засмеялся.— За нами, похоже, катится.

С перевала впиз, раскачивая кусты заснеженного жасмина, спускался человек. Зигзагами, от камня к камню, где на ногах, где лежа, толкая перед собой сугробы снега, смельчак делал тропу. Заметив нас, он пронзительно засвистел.

— Телеус! — закричал Кожевников. — Выручать бежит! Через полчаса мы пожимали руку бесстрашному егерю.

— Пешком?

— Не-е... Коня пустил назад с первого перевала. Он у меня ученый, дойдет. А я пешки сюда. Знаю, как тяжело по снегу подняться с этой стороны. Так что... Ночуем, братья, здесь. Утром пойдем. По готовому следу не так трудно.

Мы расчистили в кустах площадку и зажгли костер.

— А с Лабазаном что-то стряслось, — сказал Телеусов. — Я выследил его, ночью бродил у той горы. Кровь нашел на следу. След такой, будто лошадь испугалась или споткнулась и понесла, он свалился, побился на скалах, но сумел одолеть горы возле логова. Ползком полз.

— Так ведь не один он. Помнишь?..

— Как не помнить. Второй-то, похоже, ручкой ему помахал. Уехал на юг. Добычу повез. Но это уже после Лабазанова падения. То ли лезгин сам приказал ему ехать, то ли просто бросил, посчитав, что тот готов. Завтра узнаем.

События неожиданные. Наша задача облегчается. С одним уже легче управиться. Мы еще немного поговорили об этом и, угревшись у огня, заснули.

Близко к полуночи нас разбудил испуганный храп лошадей. Они топтались у потухающего костра и косили глазом на скальную стенку, которая подымалась за густым жасминником. Там светились два зеленых глаза. И не исчезли, когда Телеусов встал, чтобы успокоить лошадей. Барс?!

— Смотри-ка, он здоровается с нами, — засмеялся Телеусов. — Точно, наш знакомец. Кто же другой осмелится вот так-то оповещать о себе? Я спробую сейчас...

Он вынул из сумы кусок вяленого мяса, накиннул на себя плащ и пошел к зеленым огонькам на скале.

— Винтовку... — тихонько напомнил Кожевников.

— Пужать не хочу, — отозвался егерь.

Чернеющая ночь висела над горами, даже снег не светился. Телеусов как растворился в ней. Мы следили за глазами барса. Они пропали. Потом возникли, но уже выше. Зверь мяукнул, однако без угрозы. Услышали, как Алексей Власович что-то выговаривал зверю, как говорят со знакомым. И все смолкло. Я взял винтовку и пошел через кусты к скалам. Мало ли что...

Захрустел снег. Телеусов возвращался. Поравнявшись, улыбочиво сказал:

— Мясо забрал. Я, правда, не видел, просто кинул ему, он спужался и побег, а потом, слышу, вернулся и заурчал. Нашел, значит.

— Думаешь, тот самый, хромой? Может, еще придет?

— А что, и придет! Скорее всего, издаля понаблюдает за нами. Вспомнил. А может, и нечаянно нашел.

— Живет поблизости. До того мостика всего саженой двести.

— Интересно, поправил ногу ай нет?

Мы потоптались немного, но барс, по-видимому, ушел или залег в потайку. Лошади успокоились. Остаток ночи мы провели без просыпу. И утром, снимаясь с ночлега, не увидели и не услышали своего приятеля. Чтобы убедиться в ночной догадке, Алексей Власович сходил на скалы. Мяса там не оказалось. Взял.

— Помнит! — убежденно сказал Телеусов.

— Почему так думаешь?

— Зверь этот самый осторожный. А мясо человеком пахнет, не больно его возьмет. Страшно: вдруг капкан? Тем более, опыт есть. А этот взял за милую душу. Все потому, что наш с тобой запах не вызвал у него беспокойства, доброту в памяти оживил.

— Если голодный, тоже не постережется, — буркнул Кожевников.

— И это правда. Но мне по-своему думать как-то сподручней. Приятно, что дружок усатый завелся.

— Слушай, повторим опыт? Я пойду на мостик и положу приваду. Если барс возьмет и от меня, значит, дело не в голоде.

— А ну... — подзадорил Телеусов.

Я нарочно повалял подольше в руках кусок бараньего бока, взятого из дому, и побрел вдоль берега. Вот и мост. Девственный снег покрывал старые следы барса, когда он перешел на эту сторону до снегопада. Семь шагов сделал я по опасной переправе, мост скрипуче зашатался, в черную воду полетели пушистые лохмотья снега с перильцев. Дальше идти побоялся, положил мясо и, пятясь задом, сошел с хрупкого сооружения.

— С перевала увидим, раньше он побоится выйти, — сказал Телеусов, уже успевший оседлать коней.

Часа полтора мы карабкались наверх и, вконец измученные, остановились на верхней площадке рядом с мокрыми лошадьми. И сразу взяли за бинокли.

Каково же было наше удивление и радость, когда мы увидели барса! Он стоял перед входом на мост, но неотрывно смотрел в нашу сторону. Видел, конечно: на фоне неба фигуры просматривались четко. Он почему-то лег на живот и все смотрел и смотрел. Потом чуть приподнялся и пополз по мосту, как кошка за мышью. Взял мясо без раздумья, капкана не боялся. Крутанувшись на месте, прыгнул с мостика и, уже не обращая на нас внимания, тут же, на моих следах, стал жадно есть.

— Ну, убедился? — Алексей Власович смотрел геройски.

— Точно. Свой зверь. Дикий дальше некуда, а помнит добро.

Только вечером мы пришли в долину к своей хижине. Плот-

ники уже беспокоились, хотя Телеусов предупредил их, когда уезжал.

До полудня другого дня не снимались, дали отдохнуть коням, отоспались сами и лишь тогда, проверив оружие и снаряжение, поехали через Лабенок. На войну.

Едва успели подняться на первый склон, как увидели зубров. На опушке длинной лесной поляны отдыхало три стада. Бурые обсохшие туши отлично выделялись на снегу. Семьдесят три головы! Похоже, они только что спустились из лесу на горном склоне, тропы их пропахали снег по всему редколесью. Мы не вышли из густого грушняка, сторожко объехали стадо по-над ветром и подались к месту недавней драмы.

Свежий снег призакрыл следы разбойников, но Алексей Власович довольно скоро нашел тот скальный прижим, где, по его предположению, Лабазан — или тот, другой, что был с ним, — упал и расшибся, скатившись глубоко в расщелину, полную крупных камней. Истоптанная конскими копытами покатошь, брошенные лыжи, поломанные кустарнички, какая-то тряпица, почерневшая кровь на камнях. Что же произошло здесь? Какая беда настигла преступников?

Кожевников бродил вокруг, наклонялся, исследуя каждый камень, каждый надлом и вмятину на снегу. Вот сюда два негоддя сбросили мешки с мокрой от крови шкурой или мясом. А вот там поймали понесшую было лошадь: ее напугал шум небольшой лавины, след которой мы увидели сбоку тропы. Возможно, что всадника сбросила не лошадь, а воздушная волна. Да, топтались две лошади и два человека. Второй не в седле, а вел груженого коня за повод. Ну, а дальше?

— Дальше, ребята, раненый стал добираться пешком, — сказал Кожевников. — Вот, смотрите, он кинжалом срубил себе осинку на костыли. Вот тут садился отдыхать, сам перевязывал рану, следов другого человека нету. По всему видать, нога сломана. Потом ему похудшело, уже не шел, а ползком полз.

— Куда же девался второй? — нетерпеливо спросил я.

— Уехал с обоими конями. След по распадку вправо, там тропа на юг, я ее знавал. Повез поклажу.

— Значит, бросил сообщника?

— Видать, бросил. Если только не по согласию.

— Вот это друг-приятель!..

— У всех мерзавцев один закон: собственную шкуру уберечь.

Теперь и под свежим снегом мы без труда находили канавку, проделанную раненым. Куда он хотел добраться? До своей пещеры? Но туда верст пятнадцать, если не больше, и первое время

всё на подъем, через камни перевальчика. Здоровому и то трудно.

Мы шли гуськом, лошади в поводу, но винтовки на руке. До вечера оставалось немного, воздух налился призрачной синевой.

На перевальчике остановились, Телеусов пошел осмотреть спуск в долину, над которой стояла та самая гора с пещерами, черная от векового пихтарника. Егерь осторожно переходил от камня к камню и часто посматривал в бинокль.

Как ни осторожничал Алексей Власович, тот, кого мы искали, все-таки первым увидел его, скорее всего, потому, что перевальчик сдвигающейся фигурой рисовался на синеватом фоне неба, тогда как долина и подножие горы уже закрылись сумерками. Громко и неожиданно снизу щелкнуло. Пуля ударилась о камень, из-за которого выглядывал егерь, и, срикошетив, тонко пропела, уходя в небо.

Телеусов живо присел, а повременив немного, снял шапку, повесил ее на ствол винтовки и высунул уже с другой стороны. Раздался второй выстрел, шапку сбило. Мы увидели, как Алексей Власович поднял ее и сокрушенно покачал головой: испортил хороший треух...

— Ну вот, отыскался вражина, — сказал он, вернувшись. — Живой еще, коли стреляет. Продырявил мне шапку, окаянный. И все ж таки он у нас в руках. Не убежит. Затаился где-то на опушке пихтарника, до пещер своих не долез. Там-то он поводит бы нас, поиграл! А теперь и костра не запалит: мишень хорошая. Поморозим его ночь или сразу пойдем?

Посоветовавшись, решили, как стемнеет, пробраться лесом в тыл к бандиту, отрезать путь к пещерам, а там видно будет.

— Только вместилах, ребята. Поодиночке он нас запросто... Будет стрелять на каждый шорох в лесу.

Оставив коней за перевалом, мы шагом рыси спустились в полной темноте к лесу, углубились в него и уселись поудобнее за пихтовыми стволами в десяти шагах друг от друга. Лабазан должен ползти в глубь леса и тем выдаст себя. Понимает, что за ним охотятся.

Ждали, пожалуй, до полуночи, глаза заболели от напряжения. Да и замерзли так, что терпения уже не хватало. Но в лесу ни шороха, ни звука. Где он? Ведь тоже без огня, не слаще, чем нам. Надо идти к опушке, маскируясь как можно ловчей. Так и пошли, останавливаясь, прислушиваясь.

Лишь когда начало светать, жадный ворон помог нам. Видимо, он с вечера заметил неподвижного человека и чем свет прилетел проверить. Раз, другой, третий пролетел он над лесом, сужая круги, и наконец пропал. Сел. Мы пошли смелей и уве-

ренней Теперь знали — где. К живому человеку стервятник не сядет.

...Лабазан так и не сходил с места. Он привалился к стволу толстой пихты, выставил винтовку в ту сторону, откуда ждал нас, и замер. Голова его бессильно упала на грудь, натянув со спины туго завязанный башлык. Побелевший палец застыл на спусковом крючке. Дешево жизнь отдавать не собирался.

Ворон, топтавшийся на снегу чуть ли не в трех шагах от застывшего человека, молча взлетел и уселся на близкой сухой вершине. Он еще надеялся на поживу.

С двух сторон мы схватили браконьера за плечи. Кожевников выхватил винтовку. И тогда пленник открыл глаза. Туманно глянул на нас и обмяк. Потерял сознание.

По сухим веткам пихты застучал кинжал Телеусова. Чиркнула спичка. Снег полетел в стороны. Почти у самых ног Лабазана занялся костер. Лицо Алексея Власовича преобразилось. Сейчас оно выражало только жалость и сострадание к человеку, хотя этот человек чуть не убил его.

Пока огонь разгорался, мы усиленно растирали снегом руки, лицо, грудь пленника. Но очнулся он только в тот момент, когда я нечаянно тронул его ногу. Раздался долгий стон. Лабазан резко дернулся и опять свалился без памяти.

— Легче, Андрей! — с досадой прикрикнул на меня Телеусов.

Глоток водки привел браконьера в чувство, он уже более осмысленно глянул на каждого из нас и гортанно проговорил

— Нога...

Мы видели его ногу. Открытый перелом бедра, почерневшая, неживая ступня. Гангрена. Сколько времени прошло с того момента, когда он вылетел из седла? Три дня? Четыре? Какую же силу воли надо иметь, чтобы уползти за десять верст от места катастрофы?!

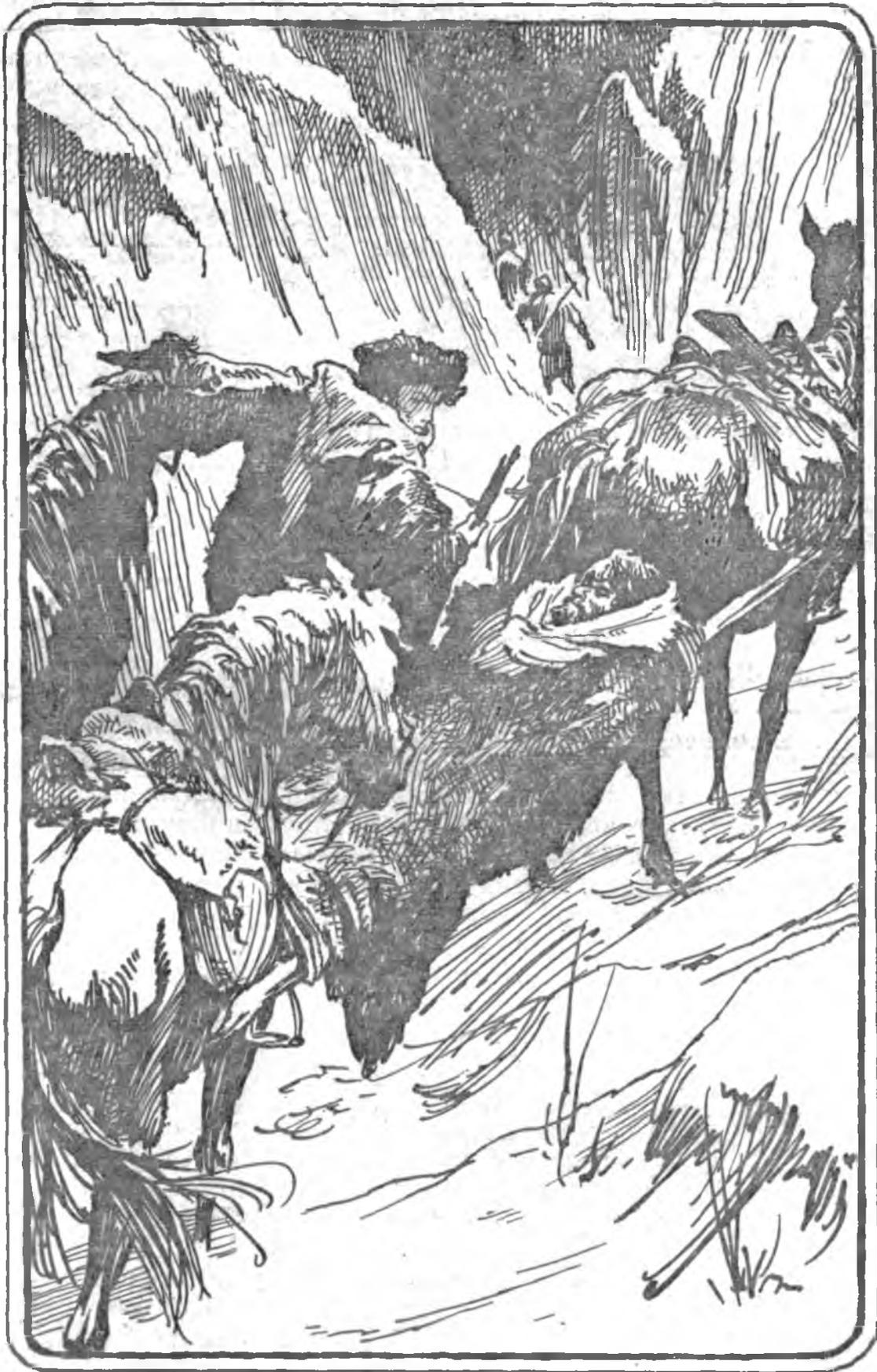
Узкое, орлиное лицо Лабазана, грязное, темное от копоти и щетины, в короткой черной бороде, загорелось больным румянцем. Коченея на морозе, он тем самым как бы сдерживал естественное развитие гангрены. Костер, растирания и водка вернули к жизни его тело, и заражение крови ускорилося.

— Где твой приятель? — прогудел над ухом умирающего Кожевников.

— Проклятый гяур бросил меня! — неожиданно окрепшим голосом произнес Лабазан. — Аллах да проклянет неверного и потомков его!

— Кто, кто? — торопил Кожевников.

Лабазан не ответил. Он в упор смотрел на меня.

— Ты хотел моей смерти? — спросил он. — Но смерть сама была рядом с тобой...

— Ты стрелял в меня у ручья? — Теперь я допрашивал Лабазана.

— Моя пуля не проходит мимо. К ручью не ходил. За деньги не убиваю людей. — Он говорил туманно, непонятно.

— Кто же, кто стрелял?

Лабазан закрыл глаза. Не хотел говорить.

Догадка осенила меня. Схватив Лабазанову винтовку, я перевернул затвор. Браконьер встrepепулся, поняв этот маневр по-своему. Он поднял голову, и в горящих глазах его я вдруг заметил гордую радость. Он жаждал смерти, достойной воина. Он думал, что я убью его. И с радостью принял бы смерть.

Выстрел раздался. Вскинутая вверх винтовка дрогнула, затвор открылся. Я поднял выпавшую гильзу и осмотрел пистон. Вмятина была точно в центре. Не из этой винтовки стреляли в меня.

— Что же ты, хранитель домбаев? — насмешливо спросил Лабазан. — Стреляй! Пошли мне пулю в сердце. Я убил за свою жизнь пятьдесят шесть... Не промахнулся бы... Я могу еще... — Речь его сделалась невнятной, глаза подернулись тоской.

— Давай его на носилки, — почему-то шепотом заторопил Алексей Власович. — Похоже, бредить зачал. Быстро, ребята!

Коней мы поставили на расстоянии сажени друг от друга. Телеусов привязал к седлам две длинные жерди. Между ними Кожевников проворно и ловко натянул бурку, потом плащ. Лабазану стало совсем плохо, он тяжело дышал, то и дело закрывал глаза, но, когда Алексей Власович наклонился к нему и спросил, как ехать к пещере, сумел объяснить. Мы подняли браконьера на импровизированные носилки. Боль в ноге он, похоже, уже не чувствовал. Кони гуськом тронулись через лес, я вел своего Алана позади, время от времени ощущая на себе горячечный, быстрый взгляд лезгина, жизнь которого кончалась без нашей на то вины. Впрочем, мысли такого рода были здесь лишними: не отомсти сама природа, то же самое сделали бы мы.

Кожевников нашел чуть видную тропу, она зигзагами шла наверх. Лабазан лежал головой вперед, умиротворенный, смирившийся с неизбежным. Он уже понял, что враги его не надругаются над ним, не бросят на съедение лисам.

Пещера открылась за густой можжевелевой зарослью — узкий, черный лаз в гору.

— Здесь? — спросил Телеусов.

— Нет, — слабо ответил Лабазан. — У старой сосны есть другая пещера, там я похоронил друга, русского. Там оставьте меня, здесь по ночам бродят тени убитых быков...

Оба егеря ушли искать пещеру Белякова. Мы с Лабазаном остались с глазу на глаз. Я подошел ближе.

— Доволен, джигит? — через силу спросил Лабазан. — Ты ведь шел убить меня?

— Я шел прогнать тебя, убивающего зубров. Мы хотели, чтобы ты ушел. Но мы могли убить тебя, ведь ты уже поднял руку...

— Зачем тебе домбаи?

— Они под защитой людей. Их очень мало на земле. Без нашей защиты они пропадут. Все до единого.

Лабазан как-то странно смотрел на меня. Не понял. Звери существуют для охоты — эту истину он знал с детства, внитал с молоком матери.

— Я тоже мог убить тебя, — тихо сказал он. — Из-за домбая... Ты не боялся смерти, такой молодой... Ты странный гяур. Ты смелый человек. У тебя смелые друзья. И сильные враги.

— Кто?..

— Я связан словом...

Вернулись егеря. Лабазан едва шевелил губами. Потом затих. Лицо его бледнело, какая-то странная синева наплывала со лба на щеки. Нос заострился.

Мы переглянулись. Кончается.

С носилок снимали уже мертвое тело.

А еще через час, оставив грешника в каменном склепе рядом с другим таким же грешником, мы вышли к сосняку у входа, посмотрели на светлое небо, на деревья, уже сбросившие с веток старый снег, и поняли, что вокруг жизнь, весна, а то, что произошло нынче, вот только что, — это печальный эпизод, горький случай, избавивший нас от тяжелой необходимости самим наказать врага Кавказа. Ведь мы охраняли жизнь в горах всей своей совестью, призванием, хотя и называлось это службой. Егерской службой.

Молча пошли к жилой пещере браконьера, осмотрели ее. Покойник довольствовался малым. Грязноватая постель, пробитая в камне печь, бурдюк с вином, много патронов, ножи, несколько выделанных ремней, запасная бурка и другая одежда. Копаясь в куче стреляных гильз, которые лезгин по-хозяйски собирал, я с удивлением увидел две блестящие, новенькие: пистоны у них были пробиты сбившимся на сторону бойком!

Вот оно, доказательство. Тот, кто жил с Лабазаном в последние дни, кто бросил его в ущелье, тот и стрелял в меня у ручья. Это его гильзы. Из его винтовки.

— Может, останемся, покараулим сообщника? — неуверенно предложил Телеусов.

— Он сюда не вернется, — сказал я. — Он убежден, что Лаба-

зан погиб. Зачем идти на место преступления? Ведь бросить человека в таком положении — это все равно что убить самому.

— Неужто Семен? — вдруг воскликнул Телеусов.

— Семен был дома, в Псебае, — пробасил Кожевников. — Гулял у соседей с песнями-плясками. Ему можно гулять, он теперича при делах.

Винтовку Лабазана я приторочил к сумам. Особенная винтовка: на замусоленном, почерневшем ложе ее были вырезаны ножом пятьдесят шесть продолговатых зарубок.

3

Весна поднялась в горы.

Лес в Умпырской долине стоял тихий, напоенный прорвавшимся наконец солнцем, надежно загороженный хребтами от северных ветров. Теплый воздух съедал ноздреватый снег. Стволы кленов и дубов обсохли, понизу вокруг них вытаяли воронки. Вербы и осины на берегу Лабенка заголубли от потянувшихся сережек.

Стук плотницких топоров весело и дробно разносился по лесной поляне. Большой рубленый дом с двумя входами вырос чуть ли не до последнего венца. Свежий сарай белел сбоку. Гора желтого грунта означала будущий колодезь. Так начинался поселок егерей.

Расспросы плотников и рассказы о Лабазана оборвала лишь поздняя ночь. Наутро мы договорились сделать обход южных отрогов и посчитать, если удастся, тамошних зубров. Телеусов уверял, что, кроме уже встреченного стада, в этом районе обитает еще три.

Дальнейшее показало, что Алексей Власович не ошибся. Нам удалось увидеть три плотных, на зиму сбившихся стада. Близо мы не подходили, да в том и надобности не было: голый лес проглядывался в бинокль достаточно хорошо. Глубокие порои быков в снегу походили на свежевзрытые окопы — так зубры прорывали снег в поисках ожины и старой травы.

Стада оказались на редкость организованными. В этих трех мы насчитали сто сорок девять голов, из них почти пятьдесят голов молодняка.

— Прибавь, Андрей Михайлович, еще три десятка быков в четвертом, не найденном стаде, — сказал Телеусов. — За три десятка ручаюсь.

Я принялся было считать, но вспомнил последнюю охоту, приключения в этой долине и запоздало спросил:

— Как ты умудрился, Алексей Власович, провести всю

охоту через такое плотное звериное население, да так, что никто не взял ни одного зубра? Ведь бойню могли устроить!

— Запросто могли, — согласился он. — Один вид крупного зверя вытравляет у охотника все доброе-хорошее. Такую пальбу могли учинить, никакой запрет не остановит. Убить не всех убьют, а вот изранить могли. Да еще напужать, с пастбищ согнать. В страхе зубра бегит куда попало — в ущелье, в реку, с обрыва... Ну, вот я и повел, чтобы, значит, мимо. На одно стадо, как ты помнишь, мы все-таки наскочили. Это когда осечка у твою генерала вышла. Теперь-то могу как на духу: я тому виновник. С вечеру перед охотой взялся генералов маузер смазывать, маленько сахарку в масло допустил, оно и того... заело.

Посмеялись над хитрецом. Потом я сложил в своей тетрадке все записи, и вышло у меня, что в одна тысяча девятьсот одиннадцатом году, в апреле месяце, на территории Кубанской охоты находилось всего четыреста девяносто семь диких зубров.

— Не густо, как я понимаю, — подытожил Телеусов. — А все Лабазан с Чебурновым. Ну, один-то уже покойник, земля ему прахом, а вот Семка по лесу бродит. Да и брательник евонный... Пастухи еще с юга опасные, Гузерипись у нас без охраны.

Справившись с одной опасной задачей, мы понимали, что впереди таких задач несчетно. Если бы только Семен Чебурнов бродил по территории Охоты! В бесчисленных винтовках затворы спущены с предохранителя. Люди неспособны жалеть дикого зверя.

Дела звали меня в Псебай. Предстояло доложить Ютнеру о положении с зубрами, написать рапорт о смерти самого опасного браконьера, прочесть почту, если таковая была. Конечно, была! Я ждал новостей от Дануты, которая обещала встретиться с зоологами Академии наук и узнать, что там с прошением на высочайшее имя об установлении охранной зоны. Ждал ответа из Екатеринодара, куда посылал запрос без команды свыше, по собственному разумению. Если Охота перейдет станичным юртам, то в канцелярии наказного атамана должны заранее принять меры к защите животных, всей природы Кавказа. Я уж не говорю о беспокойстве, когда вспоминаю своих старых родителей.

— Я провожу тебя, Андрей, — предложил Телеусов с таким небрежным равнодушием, которое само по себе раскрывало заговор егерей — не оставлять меня одного в лесу: знали о выстреле. Никита Щербаков сказал, конечно.

— У тебя и своих хлопот достаёт, — ответил я.

— Ну, до мостка хотя бы, — смутился он. — Барса проведаем, мясца ему захватим. Оттуда я возвернусь, и мы с Василь Васильичем сбегает на Кишу, оленей в пути высмотрим.

— Разве до мостка, — согласился я, любопытствуя, что у нас

получится с этой нечаянной задумкой — подружиться с барсом.

Алан резво вынес меня на первую возвышенность, ведущую к перевалу. Телеусов поотстал, потом догнал и спросил:

— Заночуем где? На Черной речке или у мостка?

Хитрец, он знал, что поведение барса занимало меня не меньше, чем его. Пусть не под крышей и не в тепле, а под открытым небом, но зато рядом с барсом. Разве это не интересно?

Словом, остановились мы на недавней своей стоянке. Мостик обсох, снега на нем не было. На перильцах по-домашнему уютно сидела и вертела головой отчаянная птица оляпка, ныряльщик, водолаз, не боящаяся даже ледяного Лабенка.

Алексей Власович отвел лошадей на поляну, где солнечный припек уже растопил снег. Тут было тихо и безопасно — ни веток, ни скал, где могли укрыться волки или тот же барс. А мы спустились ниже и разожгли костер в сотне шагов от мостика.

— Приманим? — Телеусов разрубил на три части большой кусок баранины и, подумав, бросил один близко от костра, второй дальше, а третий положил на самый край мостика.

— Побойтся. Не придет, — вздохнул я.

— А он живет здесь, это я тебе точно говорю. Поди, уже смотрит на нас из-под камней.

И правда, стоило мне только отойти от костра шагов на пять да попривыкнуть к темноте, как на той стороне я нашел глаза барса. Без боязни крикнул Телеусову, барс услышать не мог — река грохотала весенним громом, начисто забывая все звуки.

— Давай ближе к мосту сядем и подождем, — предложил Алексей Власович и, не таясь, передвинулся так, что до мяса на мосту оставалось всего шагов тридцать.

Почти час зверь следил за нами из темноты скалистого берега, вставал, ходил, светящиеся глаза его раза два приближались к мосту с той стороны, он хорошо нас видел и мясо, конечно, чуял, но ведь так страшно ступить на узкую переправу, в конце которой люди! Западня?.. Впрочем, те самые люди, которые выпустили его из железных лап капкана. Он колебался.

И вот решился. Мы увидели длинное тело, прижавшееся брюхом к доскам, низко опущенную голову. Он не сводил с нас горящих глаз, а мы сидели, разговаривали, смеялись, не обращали на него никакого внимания. Он подполз ближе, еще ближе, в мерцающем свете костра мы различали пятна на его шкуре. Остановился, приподнялся на ногах, и тут Алексей Власович громко сказал:

— Э-э, лапа-то у него... Смотри, кривая!

Голос не заставил барса сдвинуться с места. Да и как? Узкий мостик. Через несколько секунд стойки зверь протянул к мясу кривоватую, видно плохо сросшуюся, лапу, когтями подтянул

к себе приманку. Задом, задом переполз мост, лег там и спокойно занялся ужином.

— Теперь уверовал, — сказал довольный Телеусов. — Слопает и придет за другим куском.

— Ему мимо нас пройти надо, — усомнился я.

— Пройдет, не побоится. Свои.

И правда, барс гораздо спокойнее перешел мост, чуть помедлил на выходе и, мягко прыгнув шагов на восемь, кошкой прошмыгнул на таком расстоянии от нас, что я мог достать его длинной палкой.

Мы пошли к костру. Наш дикий приятель вскоре заявился за последней порцией, смело оттащил подарок дальше, съел и долго, замороженно смотрел то ли на костер, то ли на нас.

— Как бы его совсем привадить? — Телеусов раздумывал, весело щурясь. — Смотри, даже ружейного запаха не боится. Если чаще встречать его, вовсе подружимся. А ну, спытаю...

Поднявшись, он пошел к сытому зверю. Тот отступил, беззлобно заворчал. Алексей Власович стал говорить с ним тем добрым голосом, каким мы увещеваем неразумных детишек, а сам подходил все ближе. Но и барс пятился, так что меж ними все время сохранялось шагов десять. «Поговорив» минут пять, человек и зверь разошлись. Егерь выглядел довольным.

— Приручу! — уверенно сказал он. — Как буду здесь, так и свидимся; раз, другой, пятый, десятый. Глядишь, подружимся. А что? Ведь кошка тоже дикой была. Али нет?

— Была, конечно. И собака. И лошадь.

— Ктой-то начинал их приручать, так?

— Время другое, брат, — сказал я. — За века и тысячелетия люди причинили дикому зверю столько зла, что в памяти каждого из них только это зло и осталось. Загоны, пожары, ловушки, стрелы, копья, потом ружья. Смерть и смерть. Как им перешагнуть через такую память?

— Вот ты как хошь, а я с ним полажу! Только чаще видеться надо. И ты не забывай.

Мы завернулись в бурки и уснули. Барс, конечно, кружил поблизости, но ни нас, ни лошадей на поляне не потревожил. И утром не показался. Наверное, при ярком свете мы выглядели страшней, чем в ночной темноте.

С этого места Телеусов возвращался назад. Мы расстались.

4

В доме родителей ощущалась тревога.

Мама обняла меня и заплакала. Отец стоял в стороне, опершись на палку. По сведенным лохматым бровям, по суровому,

даже осуждающему взгляду нетрудно было догадаться, что он недоволен мною.

— Что случилось? — Я отвел лицо мамы от своей груди и посмотрел в заплаканные глаза.

— Данута заболела...

— Что с ней?

— Откуда мы знаем! Заболела, и все. Прислала тете письмо, Эмилия убежала к нам сама не своя и тут же выехала к ней. Одна там, бедняжка, каково-то ей!

— Но вы хоть письмо читали? Что она написала?

— Ты лучше подумай, почему Данута пишет не мужу, а тебе, — сурово и, на мой взгляд, не очень справедливо проворчал отец. — Жена у него на пятом месяце, а он, видите ли, не знает, что в таком положении, как у нее...

Так вот оно, таинственное перешептывание, перемены в настроении Дануты и все прочее, что так удивляло меня! Держать в неведении! И кого? Будущего отца!.. Теперь — болезнь. А вдруг...

Впервые я узнал, что такое внезапная слабость. Ноги не держали меня, пришлось сесть. На лбу выступил пот. Наверное, я очень побледнел, потому что мама бросилась к буфету, что-то там накапала в пузырек и подала мне. Но слабость уже исчезала. Два известия сразу: недоброе — болезнь и удивительное, радостное, недолго поборовшись, потрясли меня, но страшное уже отступило. Данута и болезнь? Это не совмещалось. Разве какое-нибудь случайное недомогание, душевное одиночество, столь понятное в ее положении. Меня она не рассчитывала застать дома, а ей требовалась немедленная поддержка близкого, особенно женская поддержка, и вот она пишет письмо, и тетя Эмилия мчится в Петербург. Не исключено, что об этом они договорились раньше. А если так...

Широкая, быть может, несколько самодовольная улыбка возникла на моем лице. Будущий отец! Я был готов смеяться, плясать. А мама, видно поняв мои чувства, сказала:

— Взрослое дитя! Боже мой, дитя!.. Михаил Николаевич, ты посмотри на него внимательно: сын просто не в себе. Удивительно...

Я обернулся к отцу:

— Дедушка! Не об этом ли мечтал ты все время? И ты, мама, бабушка. Не верьте в болезнь, это так. Чтобы наша Данута... А вот за другую новость спасибо огромное. Я ведь ничего не знал. И вы не сказали, хоть и знали. Ага, это заговор! Ждали внука и помалкивали!

— Так принято, Андрюша. — Мама и говорила, и плакала одновременно, и смеялась сквозь слезы.

Мы обнялись, отец улыбнулся. Но в душе моей все же жила смутная тревога. Я бросился из дома и пять минут спустя мчался в Лабинскую, на телеграф. Единственный способ: либо рассеять тревогу, либо последовать примеру тети Эмилии.

Лишь к следующему полудню телеграфист, которому моя физиономия предостаточно надоела, сунул мне бланк, на котором от руки и не очень разборчиво было начертано: «Не волнуйся, мне теперь хорошо. Тетя побудет со мной. Жди письма. Целую. Твоя Данута».

Пошатываясь от усталости, я вернулся к знакомым, у которых оставил коня, взял его и так, с Аланом на поводке, пошел пешком по станице; миновал Лабинскую, огороды, лесничество и все шел, шел, никак не решаясь перебить бесконечный поток мыслей, сесть в седло и поспешить домой.

У нас будет сын. Или дочь. Нет, сын. Сам поеду за Данутой, как только сообщит, что пора. Курсы ее кончатся. Всё! Нельзя больше жить порознь. Сын... Здесь родные, попросим доктора Войнаровского, он стар, опытен. Здесь и воздух родной.

Такие вот мысли занимали меня по дороге. Сын. Сын! Какой он будет? И как улыбнется, впервые и осознанно увидевши своего отца?

Усталость одолевала. Остановившись и глубоко вздохнув, я потрепал холку Алана, он ткнулся в плечо, теплые губы коня дотронулись до уха.

Какое-то время мы еще постояли на дороге. Ни души кругом, только зелень и чуть видные горы. Из степей наносило влажным ветром; похоже на петербургское лето. От телеграммы в нагрудном кармане исходило живое тепло. Мир устроен прекрасно. Сын...

Алан нетерпеливо встряхивал головой, гремел удилами, торопил. Перебросив поводья, я привычно тронул подпруги — не слабы ли — и занес ногу в стремя. Как раз в этот момент и слышалось тарыхтение рессорной повозки. Пара коней неспешной рысью шла из Лабинской. Попутчики. Вот когда мне не требуются попутчики! Пусть проедут, нам спешить некуда.

Повозка поравнялась. Я стоял за конем. Знакомый ездовой кивнул мне и, обернувшись, что-то сказал своим пассажирам, видно задремавшим на мягкой соломе.

— Стой! — услышал я голос, заставивший меня бросить Алана и шагнуть к повозке. — Стой!

Длинные ноги спустились на мокрую дорогу, человек сбросил с себя рыжий плащ, и длиннолицый, удивленный до испуга столь неожиданной встречей Саша Кухаревич бросился ко мне.

— Вот ты где! — прокричал он, воздев руки. Мы с ходу обнялись, поочередно приподнимая друг друга. — Ну, знаешь! Хо-

рошо, что углядели! Ведь могли разъехаться, а? Могли же?

— Нет, Саша, не могли. Я в ту сторону, куда и ты.

— Домой?

— Вот именно. А ты, надеюсь, ко мне?

— Так точно, господин хорунжий! Или... Кто ты теперь? Может, уже подьесаул или бери выше?

— Как я рад, дружище! Такой гость! В отпуск? Или по делам своей Черноморской губернии?

Смущение на Сашином лице проявилось до очевидности ясно. Он погладил пальцами нос, бросил взгляд на повозку.

— Тут такое дело... — вполголоса начал он, но не договорил, схватил меня за рукав и потянул к повозке: — Знакомься.

Из-под капюшона на меня смотрело любопытное юное женское лицо. Оно принадлежало очень симпатичному смуглому созданию, курносенькому, пухлогубому, с удивительно яркими и большими темно-кариими глазами.

— Катя. — Она улыбнулась и протянула мне руку.

— Моя жена! — В голосе Саши была нескрываемая гордость.

Боже мой, что делает с человеком время! Давно ли студент Кухаревич горячо уверял товарищей по институту, что жизнь во имя любой идеи или предприятия несовместима с семейной жизнью, привязанностью, даже с любовью! Он осуждал и меня, когда узнал о Дануте. У него хватило такта, чтобы не сказать этого вслух, но я-то помню взгляды, усмешки, вопросы... И вот пожалуйста, с этакой гордостью произносит: «Моя жена».

— Рад, очень рад, — бормотал я, и краснел, и больше не знал, что сказать, и видел, что Катя уловила мою растерянность и прямо-таки впиалась своими блестящими темными глазами в мое лицо, потом в лицо мужа. Что такое?..

Саша потянулся к ней, бережно погладил по голове, сказал: «Едем, едем» — и полез в повозку. Я вскочил в седло. На подходе к Псебаю я сказал Саше, что поспешу, чтобы приготовить для них комнату, предупредил ездового ехать прямо к нам, и Алан обрадованно вынес меня вперед.

Смущение Саши, беспокойство его жены не производило впечатления простой поездки в гости. Было во всем этом что-то другое, а что — разве я мог догадаться? Почему он не предупредил?

Мое возбуждение, добрая телеграмма Дануты, сообщение о гостях — все сразу подняло настроение у домашних. Началась суета, какая-то передвижка, посыпались распоряжения, мама удалилась на кухню, и оттуда запахло вкусным. И тут к воротам подкатила повозка, мы вышли встречать гостей, и вот уже все за столом, Саша говорит, говорит, изредка бросая на жену взгляд, чтобы убедиться, все ли у него ладно, нравится ли ей это общество или не очень. Катя не гасила улыбку, иной раз вставляла фразу-другую, с юморком, очень удачно — словом, подбадривала мужа.

— Ну, а твоя работа? — спросил я. — По душе?

Саша схватился за нос, попытался что-то сказать, но именно в этот момент Катя осведомилась, когда я жду Дануту, и разговор ушел в другую сторону.

Когда Катя, извинившись, ушла в мою комнату, отведенную гостям, а родители принялись за повседневные дела, Саша потянул меня за рукав:

— Пройдемся?..

Мы вышли на темную улицу. Лицо друга выглядело необычайно серьезным.

— Слушай, — сказал он тихонько, — давай подальше от глаз людских...

Пока шли через мост, на луга, Саша растерян молчал. Остановившись, он посмотрел мне в глаза.

— Ты обещал помочь мне, если обстоятельства... Так

вот, Андрей, я приехал сюда в силу обстоятельств. Мы с Катей нуждаемся в приюте и в работе. Нам нужна жизнь без огласки.

— Что произошло, Саша? — с тревогой спросил я.

— Провал. Опасность. Ну, если все по порядку... От тебя скрывать нечего. Так вот, я еще в Петербурге был связан с Владимиром Старосельским. Может быть, ты слышал об этом «красном губернаторе» Кутаиса? Он большевик. Арестован. Но сейчас, насколько мне известно, ему удалось выехать за границу. Мы поддерживали связь до последних дней. В Новороссийске у нас крепкая организация. Но вскоре и тут арестовали наших друзей Газенбуша и Пухлинского. С ними мы встречались в Геленджике. Ты спросишь — чем занимались? Распространяли в городе «Звезду», «Дело жизни», печатали листовки.

— Печатали?

— Да, у нас свой станок. Сейчас он надежно укрыт. Так вот, на этих днях нам с Катей стало известно, что за одним из уцелевших друзей, который вернулся из сибирской ссылки, за учителем Федором Гладковым, охранка установила слежку. Уже выслали из Кубанской области моего наставника Виктора Лунина. Словом, я на очереди. И Катя, конечно. Последние дни шпики не спускали глаз с нашего дома. Кате грозит еще большая опасность, чем мне. Второй раз арестована ее подруга. Кубанский комитет Северо-Кавказского союза РСДРП принял решение — рассредоточить и укрыть отдельных своих членов, чтобы сбить с толку жандармское управление, создать впечатление, будто организация распалась. И я вспомнил о тебе, Андрей. Прими, устрой, если можешь. Год-другой надо пожить в самом глухом месте. Без связей, без посещения людных мест. Мы выехали тайно, никто не знает куда.

Так для меня приоткрылась новая сторона жизни, почти неизвестная. Нужно принять в ней участие — выполнить просьбу Саши. Дать ему приют — дело не трудное. Могут жить в Псебае сколько угодно. Но это на глазах у людей. Еще им надо работать. Где устроить?

Саша продолжал говорить, когда решение пришло мне в голову. Есть выход! Гузерибль. Требуется егерь на северный кордон Охоты, где по горам бродит небольшое стадо зубров, заповедные туры, олени. Полное безлюдье. Уж там-то действительно за семью замками. Но согласится ли Саша? Его жена?

— Ты что молчишь? — тревожно спросил Саша.

— Есть выход. Можно и принять и устроить.

Я рассказал ему о кордоне, не утаив трудностей, которые придется на их долю.

Он потрогал нос, подумал. Спросил:

— Кто утвердит назначение?

— Никита Иванович Щербаков, он исполняет обязанности управляющего Охотой. Человек добрый и честный. Ответственность за Гузерипль пока на мне. Как тебе это предложение?

— Понято и принято, — уже весело отозвался Саша и заторопился домой. Ему не терпелось поделиться новостями с Катей.

— Слушай, — спросил я, — где ты отыскал такую дивную женщину, о ненавистник слабого пола! С твоими-то принципами, с твоими взглядами на семейную жизнь...

— Наверное, всему свое время, — не без смущения признался он. — Любовь... Катя работала в геленджикской больничке, она фельдшерица. Ну, а взгляды ее, сам понимаешь, у нас одни. Встречались на собраниях, познакомились.

Тут Саша остановился, строго посмотрел на меня и положил руки на мои плечи:

— Понимаешь ли ты всю опасность для себя и своих близких, когда оказываешь нам поддержку? В случае нашего ареста тебе не простят. Офицер, сын заслуженного офицера...

— ...и твой старый товарищ. Этого достаточно. Оставь мрачные мысли. За что тебя арестовывать? Ты приехал работать егерем, будешь работать, как все егеря. За это не наказывают.

Видимо, вопрос мой — за что? — показался ему наивным. Но он только вздохнул.

— Ладно, Андрей. Спасибо. Действуй.

Больше на эту тему не говорили. Мы вернулись домой.

Когда все затихло, я вынес лампу на веранду, где устроился на ночь, положил перед собой четыре нераспечатанных письма и прежде всего вскрыл конверт, надписанный рукой жены.

Читал — и будто разговаривал с ней, вернее, слушал ее рассказ, ощущал ее близость, чувствовал ее мысли, даже наперед, что Данута сейчас скажет.

Письмо она писала до болезни. Из него я узнал об успехах ее в учении, немного о славной подруге Вале, коротко о столичных новостях. Одно было новым: «Мы никуда теперь не ходим по вечерам, разве просто пройдемся по ближнему бульвару, подышим свежим воздухом». Доселе они не пропускали почти ни одной премьеры, слыли завятыми театралками, в письмах Данута так и сыпала именами актеров, солистов, музыкантов. Теперь-то я знал причину этой перемены. О здоровье она не упоминала, вообще никогда не жаловалась, не болела и считала это естественным.

Но вот еще строчки: «Кожевникова ты не знаешь, зоолог, меня познакомили с ним в университете. Так вот, этот милый человек сказал мне, что он лично считает судьбу зубров проблематичной. На мой вопрос, почему, Григорий Александрович ответил, что особенности зубров таковы, что только стадо в две-три тысячи голов обеспечивает продолжение вида. А в нынешних условиях, когда среда обитания резко ограничена человеком, для такого количества просто не найдется места. Я указала Кавказ, он позволил себе не согласиться. Пишу его адрес. Он просит тебя убедить науку, доказать способность территории обеспечить такое стадо пищей и спокойным обитанием».

Все это показалось мне очень интересным. Задача обширная. Но я плохо представлял себе, сколько десятин пастбищ и леса нужно одному зубру. И как это определить?

Второе ее письмо было целиком личным. Конечно, скучала, хотела быть вместе. Может быть, уже сказывалось недомогание и чувствительнее стало одиночество?.. И ничего не писала, как там решают с заповедником, хотя я просил узнать. Ну что ж, причина у нее более чем уважительная.

Письмо из Екатеринодара, поразительное по строгости и холодности, напоминало выговор. Смысл ответа из канцелярии наказного атамана сводился к тому, что не дело вам, господин хорунжий, просить каких-то разъяснений по предмету, не касающемуся вас по роду службы. Судьбу Охоты будут решать люди, коим это положено чином и должностью. Щелчок по носу.

Письмо от зоолога Шимкевича не затрагивало зубров. Доброе письмо наставника. Сообщал названия новых книг по зоологии, кои советовал прочесть. Просил, если можно, написать, как у нас дела с куницей, много ли ее. «Николай Яковлевич Динник, — писал он, — побывал в ряде станиц и в ближних к Большой Лабе дубравах. Он очень обеспокоен тем, что увидел в продаже огромное количество шкурок куницы. Так недолго и потерять этого ценного пушного зверя. К вам он не заехал по причине нездоровья...»

Еще раз прочитав письма жены и вспомнив о телеграмме, о тете Эмилии, я решил сегодня не писать ответа. Усталость брала свое. Завтра. Или даже лучше, когда вернусь из Гузерипля, чтобы рассказать ей обо всем сразу.

На другой день с согласия родителей я пригласил Никиту Ивановича Щербакова и представил ему Сашу. Сокурсник, лесничий по образованию.

— Кухаревич? — переспросил Щербаков. — Вы, случаем, не родственник Якова Ивановича Кухаревича, того офицера Войска Кубанского, что держит мастерскую на Дубинке?

— Сын, — коротко ответил Саша.

— Ну, свой человек! — Щербаков повеселел. — Якова Ивановича мы все знаем. Считайте, половина амуниции в Лабинском полку из его рук. Мастера у него первоклассные. Что седла, что сбруя али там чехлы, кобуры и все такое. Как это вы догадались к нам? Понятно: поближе к другу. Только вот супруга ваша не заскучает ли одна, коли придется жить в горах и в лесах?

— Летом она будет со мной в Гузерипле.

— Да, конечно, — просто сказала Катя. — Будем жить там. А на зиму переберемся поближе к людям. В Хамышки, например, если там нужен фельдшер.

— Еще бы не нужен! Ну, смелая вы, как видно! — И Щербаков с возросшим интересом осмотрел ее.

— Какое-нибудь жилье на кордоне есть? — спросил Саша.

— Сторожка, — ответил я. — Ее надо расширить, обиходить. Хуже дело с дорогой. Только в сухую погоду, летом.

Словом, мы очень быстро договорились, и на вопрос Щербакова, когда Александр Яковлевич приступит к делу, Саша без раздумья ответил:

— Немедленно.

Старший егерь посмотрел на меня.

— Снаряжение, проводы беру на себя. Попросим Кожевникова, он сейчас на Кише, там недалеко.

— Тогда и лошадок возьмем с Киши, — решил Никита Иванович. — Ютнера известить надобно, как считаешь, Михайлович?

— Непременно, — ответил я, решив, что тут спешить не следует.

Пока мы подбирали утварь, продукты, материалы, наши гости старались не выходить из дому. Лишь вечером мы втроем уходили за реку и там наговаривались обо всем на свете.

На Кишу послали хлопца с письмом. Через пять дней кони стояли на нашем дворе. Кожевников велел передать, что встретит караван в Хамышках. Также, передавал он, сюда прибыли гости из Петербурга, у них письмо от Ютнера, чтобы помочь и проводить. Фамилия того ученого... Тут посланец растерялся. Запаятовал.

— Динник? — подсказал я, вспомнив письмо Шимкевича.

— Не-е... Фамилия его... Филатов, вот какая фамилия, — обрадовался хлопец.

Филатов?.. Этого зоолога я знал по Гатчине. Ну что ж, пройдем по горам одним заходом. И новый егерь узнает свои владения, и гость увидит зубров с оленями и турами. Экспеди-

ция не на один день. Значит, сегодня непременно письмо Дануте.

О том, что путешествие займет больше недели, сказал родителям. Огорчились, конечно. В такое-то время...

— Если что от Дануты, — добавил я, — тогда сообщите Никите Ивановичу, он отправит посыльного.

Саша тщательно готовил винтовку. Подумав, я отдал ему свой револьвер. К моему удивлению, он тотчас передал его Кате.

На мой немой вопрос она сказала:

— Обучена. Не беспокойтесь.

И, уверенно прокрутив барабан, осмотрела патроны, ствол, привычным движением вложила в кобуру. Как заправский военный.

Еще пастух не выводил станичное стадо, когда наш караван миновал последнюю станичную улицу и стал подниматься на пологую возвышенность по левому берегу Лабенка.

Катя ловко сидела на коне. Она была в брюках, сапогах; на широком ремне тяжело обвисала кобура. Саша наездником мог считаться лишь по званию казака, сидел неловко, гнулся вперед, винтовка у него съезжала чуть ли не поперек спины, он без нужды дергал повод. Караван вытянулся гуськом по той самой тропе, где покушались на мою жизнь.

Захламленный лес поразил Сашу.

— Что это? Похоже, лесорубы берут одни толстые комли в шесть — восемь аршин длиной, а остальную древесину бросают. Так?

— Клепку из дуба делают, с тонкомером возиться не хотят. А пихта идет на дрань. Станичники лес не любят. Вот поохотиться...

— Но есть же лесничий, лесники?

— За бутылку самогона десятину леса отдадут эти лесники, — сказал я, вспомнив Семена Чебурнова, на которого, по слухам, Улагай переложил все свои дела.

Мы шли с одной ночевкой, через Даховскую, стараясь приехать в Хамышки к темноте, чтобы не привлекать особого внимания. Это удалось. Проехали безлюдной улицей, завели коней во двор Телеусова, и тут, на крылечке, я увидел Филатова.

Он выглядел бравым, сильным, руку пожал крепко, широко улыбнулся, показав прекрасные зубы. Умный и пытливый взгляд доказывал, что человек он незаурядный. Словом, понравился; в моем представлении ученый и должен быть таким. На вопрос, как он проехал через Блокгаузное ущелье, ответил иронически:

— Как сквозь Дантово чистилище. Справа — ад, слева — ад. Пронесло. Зажмуркой. И далее предстоит такая же дорога?

— Случается и похуже.

— Но с вами, я вижу, едет женщина! Бесстрашное существо!

Мы тут же поговорили и о деле. Выяснилось, что он имеет поручение Академии наук хотя бы приблизительно определить поголовье горного зубра на Кавказе, а если удастся, убить одного-двух для Петербургского музея. О содействии Филатову в этом поручении писал Ютнер в записке на мое имя. С Филатовым для этой цели приехал и препаратор.

— Вы были в Боржоме? — спросил я.

— Ютнер сейчас в Петербурге, мы виделись там, — сказал Филатов. — Очень болен.

Когда я предложил Филатову наши последние подсчеты зубров, он откровенно обрадовался. Дело сделано! И тотчас согласился ехать с нашей экспедицией на северный кордон. Там ведь тоже можно поохотиться, раз есть зубры?

Мы переглянулись с егерями. Телеусов даже отвернулся. Лишь потом, наедине, сказал, что на примете у него есть больной бык в кишинском стаде; может, пожертвовать? Я кивнул: можно.

За поздним ужином Филатов рассказал, что происходит с давним предложением академии об устройстве заповедника на Кавказе.

— Обоснование по письмам вашего Шапошникова составил академик Насонов, документ получился убедительный. Великий князь возражений не высказал. Знаю, что посылали бумаги в канцелярию наказного атамана Войска Кубанского. Не знаю, читал их генерал Бабыч или нет, но ответ из Екатеринодара получили более чем странный. Станичные юрты не против передачи горных лесов заповеднику, но при этом требуют выполнить два условия: передать им взамен лесов казенные плавни в устье Кубани, богатые рыбой и зверем. А также все высокогорные луга для летнего выпаса скота. Тем более, что Охота уже представляла им эти луга.

— Далеко не все, — уточнил я. — У южной границы. И на плато Лаго-Наки.

— Ну подумайте сами, какой это заповедник, если зубровые и оленьи пастбища все лето будут наводнены домашним скотом! Вооруженные пастухи, жилье. Насмешка над заповедностью. В общем, стороны к согласию не пришли, нужное для России дело годами остается нерешенным.

— А если подать на высочайшее имя? — Это спросил Телеусов. Он верил высочайшему имени.

— Ах, да! Было и это, — вспомнил зоолог. — Эдуард Карлович Ютнер рассказывал, как Шильдер, Андриевский и другие лица из приближенных к особе государя подготовили ему на подпись указ об учреждении Кавказского научного заповедника. Все честь честью, визы, согласования, решение Межведомственной академической комиссии. Говорят, император прочитал лишь заголовок и отложил в сторону, не сказав ни слова. Напоминать ему сочли непочтительным. Так и повис наш заповедник в воздухе.

— На тонкой палочке висит, — проворчал Телеусов. — Прислышат в подгорных станицах, что хозяина нет, осмелеют браконьеры до наглости. И уж тогда нам не сладить.

Я вспомнил и о нашем зубренке:

— Вам не приходилось слышать о том малыше-зубренке, которого вы смотрели в Гатчине? Мы увезли его тогда в Беловежскую пуцу. Какова судьба?

— Что-то такое мне говорили, — не особенно уверенно молвил Филатов. — Кажется, этот зубренок уже в другом месте. Точно не скажу, но именно в связи с ним упоминали имя Гагенбека. Такая фамилия вам известна?

Кто из натуралистов в те годы не знал Карла Гагенбека, величайшего знатока животных, основателя знаменитого Гамбургского зоологического парка!

До сих пор зоологи так и не определили, кого называть основателем совершенно новой системы содержания диких животных в неволе: Карла Гагенбека или хозяина не менее знаменитого русского степного зоологического парка Чапли в Херсонской губернии — Фридриха Фальц-Фейна. Скорее всего, независимо друг от друга два натуралиста пришли к одному решению — создать для пойманных или купленных ими диких зверей условия более свободного содержания: не в тесных клетках, а в просторных загонах, напоминающих естественные ландшафты, конечно, в уменьшенном масштабе. Усилиями двух людей в разных местах Европы были созданы, как писали тогда газеты, «райские уголки для животных». Штеллингенский зоопарк под Гамбургом открылся 7 мая 1907 года. Парк Чапли, или Аскания-Нова, как потом все время называл свое детище Фальц-Фейн, был организован намного раньше. Нам было известно, что первых бизонов — родичей зубров — туда завезли еще в 1897 году. Позже в обоих парках появились и равнинные зубры. Но горного, кавказского зубра не имел ни тот, ни другой парк. Неужели Гагенбек сумел-таки перехватить нашего Кавказа?

Телеусов сердито слушал Филатова. Видно, и ему не очень-то приятно узнать об утрате «крестника».

— Но все это слухи, только слухи, — еще раз повторил Филатов, заметивший наше неудовольствие. — Вернусь в Петербург, выясню и, если угодно, напишу вам.

— Премного благодарны, — быстро сказал Алексей Власович.

5

В районе северной караулки наша экспедиция провела семнадцать дней.

Василий Васильевич Кожевников, знающий, в каком положении сторожка, договорился с плотниками. Два мастера из Хамышков, Саша с женой, мы с Филатовым и препаратор со своим помощником первые четыре дня занимались устройством жилья: перебрали пол и крышу, приделали сени, поставили навес, сарай, укрепили мост через Белую и два перехода над ее бурными притоками. И все дни не переставали восхищаться Катей, ее ладной работой, хозяйской ухваткой и присутствием духа. Даже топором владела! Когда мы взялись косить траву, шла в ряду с мужчинами, да еще подгоняла.

— Откуда это у вас, Катя? — спросил я.

— Жизнь научила, — просто ответила она. — Я крестьянка, в нашей семье каждый при деле вот с такого возраста. — Она показала ладошкой аршина на полтора от земли. — А фельдшерское училище уже потом, в Ростове окончила. Четыре года назад.

— А ребенка вы принять смогли бы? — не без тайной мысли спросил я, вспомнив о Дануте.

— Ну конечно! — И засмеялась.

На шестой, кажется, день мы ушли наверх, оставив Катю в утепленном домике. Две вьючные лошади стояли в сарае. Хозяйка решила перевозить сено. Уж как только Саша не настаивал ее! Не отходи далеко. К реке близко нельзя. Запирайся. Смотри, чтобы медведь... Без револьвера — ни шагу! Но мне кажется, можно было обойтись и без советов подобного рода.

Снова Абаго, Тыбга, Молчепа. Нам удалось увидеть два стада зубров в пять и семь голов, однако далеко за пределами выстрела. Филатов не обижался. Телеусов обещал ему быка в другом месте.

Сашу Кухаревича я снабдил подробной картой-схемой района. С особенной настойчивостью он тянул нас на юг и запад, за пределы охраняемого места: уж очень хотел осмотреть старую черкесскую тропу на перевал, у южного подножия которого находился когда-то Бабук-аул. Оттуда к морю шла довольно приличная дорога.

— Дался тебе этот путь! — недовольно заметил я.

— А как же! Ты говорил, что там пастухи и скот, значит, опасность, — напирал он.

И нам пришлось поехать еще к Фишту.

С вершины Черкесского хребта Саша углядел внизу зеленый разлив непроходимых лесов и синее море за этой зеленью.

— За что его называли Черным? — удивился он, увидев синеву.

На пастбище в верховье Тепляка, где мы заночевали рядом с шалашами пастухов-армян (среди них были и браконьеры), Кухаревич собрал всех от мала до велика и почти час искусно вел беседу о природе и диком звере, о роли людей в природе и о будущем, которое он рисовал в духе утопизма Кампанеллы. Он напирал на охранительную роль человека и с таким волнением поведал известную повесть Сетона-Томпсона о мустанге и о трагедии с бизонами в прошлых веках, что вызвал благостные раздумья у этих детей гор. Упомянул, конечно, об охране зубров, оленей и туров, незаметно стал строгим и напомнил, что любое покушение на заповедного зверя обязательно приведет к возмездию.

В тот день разговор с упором на совесть человеческую показался мне и другим егерям наивным, пустой тратой времени. Но как бы там ни было, Кухаревич завел здесь знакомых и завоевал их расположение. Мы прощались с пастухами přátельски.

Назад Саша спешил. И на коне сидел ловчее, и винтовка у него как бы приросла к спине. Освоился, поверил в себя. А спешил потому, что боялся за Катю. На виду Гузерипля Саша поскакал рысью, остальные поотстали. Встретил он нас на мосту вместе с Катей. Она выглядела совершенно спокойно, а из Сашиных очей брызгал огонь войны.

— Понимаете, тут чужой бродит. — И указал за спину, на правый берег Белой.

А Катя сказала:

— Я придумала небольшую хитрость. Как вы отъехали, вот над этим мостом на высоте груди протянула ниточки. Может, это смешно, по-женски... Но прошлой ночью они оказались порваны. Следы сапог и коня на съезде, где я нарочно пригладила глину. Человек направился к сторожке, но саженой за сто свернул вверх по Молчепе. Идти за ним я побоялась, день провела в лесу, но никто не показался. Вот, собственно, и все.

Искать человека в дебрях у Молчепы — дело трудное. Все-таки скорее для очистки совести мы побродили на версту-другую от караулки, свежих следов не обнаружили и сошлись на том,

что Саше, когда мы уедем, придется проявить особенную осторожность. Это был недобрый человек. Будь у него честные намерения, попросил бы приюта, как и положено в горах.

Ночью что-то не спалось, я встал и вышел. Саши не было. И постель Кожевникова в пристройке пустовала, матрац холодный. Значит, они ушли с вечера, как только мы заснули. Ясно — куда.

Тревога удержала меня во дворе. Свежая, влажная ночь, наполненная гулом реки, укрыла горы. Черные пихты стояли у самой сторожки. И люди в ночном походе... Понятно. Если в лесу бродит неизвестный, без костра он не обойдется. А костер далеко заметен. Потому и пошли в темноту.

И тут далеко-далеко едва слышно хлопнул один, потом второй и третий выстрел. Я нервно заходил возле домика, не зная, что предпринять.

Вышел Филатов, спросил, почему не сплю. Сказал ему о выстрелах.

— Может, пойдем поищем?

— Разойдемся. Троп много. Только силы растратим.

Он сел, чиркнул спичкой. Шел четвертый час.

На сеновале завозились остальные. Потянуло махорочным дымом. Плотники закурили.

Лишь около восьми, когда солнце пробило туман, а завтрак остывал на столе, из лесу вышли Кожевников и Кухаревич. Катя бросилась им навстречу:

— Где вы были? Что произошло?

— А ничего не произошло, — пробасил Кожевников, искоса глянув на плотников. — Оленей твоему муженьку показал.

— А выстрелы? — очень некстати спросил Филатов, далекий от наших лесных дел. — Отыскали этого неизвестного?

Вот святая простота! Теперь будет известно в Хамышках да и в Псебае.

Когда мы остались вдвоем, Саша огляделся и вполголоса сказал:

— Знаешь, где накрыли незваного? На лесном перешейке перед лугами. Кожевников точно знал... Увидели отблеск костра, но он не спал, мерзавец, и конь наготове. Ветка под ногой у меня треснула, он на звук выстрелил, вскочил в седло — и как растаял во тьме.

— Но и вы стреляли!

— А как же! Раз он начал... Честный человек не побежит. И знаешь, кровь на кустах нашли. То ли в коня угодили, то ли в самого. Поискали кругом, на луга вышли, там след по росной траве видный. Ускакал к Холодной.

— А у костра?

— Чисто.

Развернули карту. Куда поедет, если ранен?

— Скорее всего, самого поранили, а не коня, — предположил Саша. — Коня бросил бы.

— Если так, то выйдет он в Хамышки. Но там долина трудная, да и побоится, что встретим его, опередим. Значит, в Псебай подастся.

— Чего ему надо? — задумчиво произнес Саша.

Пожалуй, он подумал, что выслеживают их с Катей. Я думал совсем о другом человеке.

Выехали мы с большим опозданием, лишь ночью прибыли к Телеусову. Здесь распрощался с Филатовым, который готовился добыть зубра на чучело. Алексея Власовича отдельно попросил послушать, нет ли у них или в Сохрае разговора о раненом человеке, и уже утром поспешил в Псебай.

Дом тети Эмилии стоял сиротливо, с закрытыми ставнями. Еще не приехала. Едва я зашел к себе, как отец подал депешу. Ютнер вызывал меня в Петербург.

И от Дануты было короткое и ласковое письмо. Придвинулось время каникул, она готовилась ехать с тетей домой.

Я пошел к Щербакову доложить, как устроились в Гузерипле новые работники. Естественно, похвалил Кухаревича за энергию, рабочее настроение. И сказал о ночном поиске, выстреле по егерям, их ответном огне.

Никита Иванович долго молчал, почесывал в смущении затылок, потом, что-то решив, сказал:

— А пойдем-ка мы с тобой к Ванятке Чебурнову. Прямо сейчас.

— Зачем?

— А затем, что Ванятку этого сегодня раненько повезли на Лабинскую в лазарет. Толкуют, ногу разбил где-то в горах. Операцию будут делать, а то и отрежут. Такое, знаешь ли, совпадение.

У младшего Чебурнова, недавно женившегося и отделенного, дом поражал угнетающей тишиной. Заплаканная супруга встретила нас педоверчиво и даже испуганно. Никита Иванович ласково пошутил с ней и, когда она успокоилась, осведомился, что там такое у Ивана стряслось.

— Коленка у его... Распухла до ужаси.

— И кровь есть?

— И кровь была. Рассек, бает, об камни. Горит огнем. Чем свет Семен прискакал на рессорке, уложил — и к доктору.

Щербаков головой покачал, пожалел:

— Носит его нелегкая...

Винтовка висела на стенке.

— Хозяина? — спросил я и, не дожидаясь ответа, снял ружье, открыл затвор.

Никита Иванович лениво, как бы нехотя, вынул из кармана один патрон, протянул мне:

— Поди-ка, Михайлович, бабахни за двором.

— Ой, зачем же? — Жена даже присела от испуга.

— Да ты не той... Проверим. Жаловался он, осечки случаются. Если так, попросим Павлова, пусть отдаст в починку. Вернется из лазарета твой хозяин, а винтовка как новенькая.

Я вышел в огород, выстрелил. И подхватил выпавшую гильзу. Вмятина на пистоне оказалась чуть в стороне от центра.

Возвращались молча. Ощущалась непомерная усталость — не физическая, нет! Ванятка Чебурнов... Я знал о нем понаслышке, от Семена. И вот поди же, этот самый Ванятка, земляк, станичник, подкарауливает меня на тропе и стреляет, хотя я никогда не сделал ему ничего плохого. Наемный убийца? Рядом, через две улицы... Неужели Улагай пошел на сделку с ним? Ну, а завтра? Пусть не Ванятка, но кто-то другой, получив серебрик, будет караулить меня в лесу...

Ясно, что Лабазан тоже на его совести. Пока опытный браконьер преуспевал, этот бездельник, изгнанный из Охоты, присосался к нему, помогал бить зубров, сбывал шкуры и мясо, позвякивал нечестно добытой монетой. Но как только Лабазан попал в беду, Ванятка повернулся к нему спиной. Ушел от беспомощного, раненого человека, бросив его на верную смерть. Ушел, чтобы продать шкуру и мясо последнего убитого ими зубра, а заодно и Лабазанова коня. О какой совести или чести можно тут говорить? Что это за человек? И как они похожи друг на друга — братья Чебурновы!

— Чего голову повесил? — добродушно спросил Щербаков. — Уяснил теперь, кто в тебя стрелял? Клокочешь гневом, мщения просишь! Возьмешь две стреляные гильзы и понесешь в суд? Вот вам, господа судьи, доказательство, засадите убийца в тюрьму, чтобы я мог жить без опаски... А мало ли винтовок со сбитым бойком? Почему знать, где подобрал ты гильзы? Посоветуются господа судьи и вернут тебе эти самые доказательства. А Ванятка будет ходить гоголем. — Щербаков как-то странно засмеялся. — Только будет ли он ходить гоголем, это вопрос. Вдруг дохтур отпилит ему ноженьку? Тогда Ванятке не до леса. Кто стрелял-то в него?

— Оба стреляли. В темноту.

— Придется Ванятке сидеть на бревнышке у дома и приду-
мывать, как извести бородатого Василия и твоего дружка Куха-
ревича. А заодно и тебя, как бы вроде зачинщика. Никак я толь-
ко не пойму, чего Ванятка в Гузеринль подался, по какой надоб-
ности? Уж не за тобой ли следом? А может, вспомнил, что ка-
раулка пустая, поживиться на зубрах?

Нечего мне было ответить Никите Ивановичу. Только у са-
мого дома вспомнил о депеше Ютнера, показал. Щербаков
прочитал.

— Надо ехать. Не иначе о зубрах разговор, раз тебя вызы-
вает. Узнаешь заодно, как нам-то дальше жить, что с Охотой.
Поезжай с богом. И супружницу свою привози. Извелся, поди,
без нее.

Через день я был в Армавирской. Еще через три в Петер-
бурге.

На столичном перроне меня встречали тетя Эмилия, Валя
и Данута. Как бросилась она ко мне, как прижалась! Я почув-
ствовал ее отяжелевшую фигуру, всмотрелся в родное изменив-
шееся лицо.

— Я подурнела, да? — тревожно спросила Данута.

Поцелуй рассеял опасения. Нам обоим стало хорошо, так
хорошо, что все плохое отошло в сторону, стало таким мелким,
что и думать о нем не хотелось.

— Через неделю едем домой, — сказала Данута.

— А меня возьмете?

— Как, тетя? Заберем этого молодого человека?

— Ну, если вы знакомы...

И засмеялась, смутившись.

Как я знал, Ютнер снимал квартиру где-то на Мойке, в цент-
ре города. Этот дом я нашел лишь к середине следующего дня,
красивый трехэтажный дом со львами у подъезда. Львы удив-
ляли очеловеченным выражением на мордах и разверстыми
пастями. От них веяло не силой — мольбой.

Долго пришлось ждать. Эдуарда Карловича как раз смотрел
доктор. В доме ходили неслышно, опустив глаза долу. Так ходят
возле тяжелобольного.

Вопреки ожиданию, Ютнер принял меня на ногах, в кабине-
те. На нем был красивый домашний сюртук. Но выглядел он
плохо, тени под глазами казались совсем черными. Пахло ле-
карствами.

— Вы такой бодрый, загоревший, сильный, — глухо сказал
он, протягивая мне руку. — Чувствую дух Кавказа. Какое это
счастье — молодость! И горы. Увы, мне уже не видеть наших
гор...

Он вздохнул, сделал паузу и заговорил о деле.

К Западнему Кавказу тянется много рук. Об этом известно, как он полагает, и в Псебае. Рождаются всевозможные толки, предположения, они вызывают неуверенность, ослабляют строгость в охране. Чтобы положить конец всяческим разговорам, он, Ютнер, твердо заявляет, что Охота пока остается. Деньги на охрану, содержание дорог и кордонов он приказал перевести в банк Екатеринодара. Ведать средствами поручено капитану Калиновскому, который живет там же. Старшим на месте остается Щербаков. В ближайшее время будут, как он считает, попытки массовой охоты, наезды разных лиц из Петербурга.

— Ваша задача, — тут он улыбнулся, — не отказывать в содействии, но и не содействовать стрельбе. Не мне учить своих егерей... А вот о зубрах разговор особый, почему, собственно, я и пригласил вас, а не Щербакова. Мы должны сделать все возможное, чтобы заповедность их на Кавказе осталась. Как и в Беловежской пуще.

Он заговорил строго, по-военному:

— Зубров надо сохранить, Зарецкий. И приумножить. Гордость русской природы. В Европе насчитывают по зоопаркам несколько десятков зубров. Утратить последнее дикое стадо нельзя. С нас достаточно печального опыта Северо-Американских Штатов. Я пригласил вас, чтобы лично подчеркнуть эту важную задачу. Вам будет нелегко. Не отступайте, не страшитесь ответственности. Познакомьтесь с Шапошниковым, он вам поможет. Я заготовил письмо для Щербакова. Калиновский извещен об этих планах. Вот его адрес. Обращайтесь к нему, если потребуется помощь... Что я еще хотел сказать вам?.. — Он устало закрыл глаза.

Речь его походила на прощальную. Словно завещание диктовал.

— Да, вот: доложите обстановку, — коротко приказал он.

Я рассказал о подсчете зубров, хотя уже писал об этом. Ютнер удовлетворенно кивнул. Упомянул о кончине Лабазана и об изгнании Семена Чебурнова. Ну и, конечно, обо всех повседневных делах наших: ремонте дорог, постройках, новом егере. Кажется, он остался доволен. Не перебивал, не хмурился.

Потом была долгая пауза. Ютнер так и сидел с закрытыми глазами, словно позабыв обо мне. Не открывая глаз, спросил:

— Чувствую, вам хочется узнать о судьбе кавказского зубренка. Я не ошибся?

— Об этом меня просил егерь Телеусов. И сам я...

— Вашего зубренка в Беловежской пуще нет. Он у Гагенбека. В Гамбурге.

— Плохая новость, — вырвалось у меня.

— Как знать. — Ютнер открыл глаза. — Как знать, Зарецкий. Время покажет.

Мы простились. Он приказал навестить его завтра.

Назавтра я пришел примерно в то же время. Ждал около двух часов. Наконец вниз сошел грустный молодой человек, видимо родственник, и сказал, что ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшие дни Эдуард Карлович принять меня не сможет. Врач запретил ему заниматься всякой работой.

— Мне можно возвращаться домой?

— Конечно. Если нет других дел в Петербурге.

Больше я не видел Ютнера. Никогда.

* * *

На этом заканчиваются записи в темно-зеленой книге дневников Андрея Зарецкого. Ниже последней строки стоит дата: июль 1912 года.

Не уверен, что все описанное во второй части дневников произошло именно до июля 1912 года. Какие-то события могли случиться немного раньше, другие — позже лета того года.

Это мнение укрепилось, когда я обратил внимание на начальные страницы третьей, синей книги. Там стояла дата: март 1917 года. Разрыв во времени у аккуратного летописца, как видим, довольно велик, около пяти лет. Почему Зарецкий так долго не открывал своего дневника, понять трудно. За эти годы, конечно, многое могло измениться, тем более что тучи над головой Андрея Михайловича сгустились после выстрелов на северном кордоне. За эти годы началась война, потом революция. К счастью, в синей книге нашлось много разрозненных листов — сделанные на скорую руку записи военных лет.

Одни события удалось восстановить по статьям, книгам и журналам — этому бесценному дару минувшего, прикоснуться к которому позволяют наши исторические библиотеки. В частности, это относится к положению кавказских и беловежских зубров в год перед империалистической войной, во время войны, затем в годы революции 1917 года и гражданской войны.

Другие события пусть не полностью, но все же оставили след в военных записях Зарецкого и в письмах, обнаруженных, как уже говорилось, между страниц во второй книге дневников.

Их оказалось восемь, все на имя Зарецкого, все без конвертов, аккуратно развернутые листки тонкой почтовой бумаги форматом меньше обложки книги. По этой причине они, наверное, и сохранились: письма оставались незаметными, они не вылезали в стороны и не подымали обложки. Они стали как бы частью сшитых страниц, слегка приклеившись к ним, и потому не выпали, когда старый дневник переезжал вместе с другими вещами из дома в дом.

А между тем письма эти проливают свет как на жизнь Андрея Зарецкого и его семьи, так и на историю с зубрами, которая очень органично вошла в повседневность нашего героя и всех его окружающих — и друзей и недругов.

Скажу еще раз, что чтение записок Зарецкого я начал не с красной книги, содержание которой теперь уже знакомо читателю, а именно с этих писем, обнаруженных тотчас же, как только в руках у меня оказались дневники и я, любопытствуя, начал листать их, привыкая к чужому почерку и останавливаясь то на одной, то на другой интересной для меня фразе.

Трудно было удержаться от желания в первую очередь перечитать именно письма. Если не все, то хотя бы некоторые, написанные более разборчиво. И если не всё подряд, то хотя бы выборочно, чтобы уловить информацию, сокрытую в строках письма.

Разве не так поступаем мы и теперь, так сказать, уже в новое время, когда получаем из рук почтальона письмо; бросив взгляд на обратный адрес или штамп почтового отделения, нетерпеливо обрываем кромку конверта, разворачиваем листки и бегло — со страницы на страницу — просматриваем строки, имена, последние фразы и подпись. А уж потом, успокоив тревогу, надежду, радость, просто любопытство, позволяем себе не спеша, вдумчиво и без пропусков перечитать письмо еще и еще раз от начала и до конца.

И вот теперь, обнаружив досадный пропуск длиной почти в пять лет, беру на себя смелость рассказать о том, что нашлось в письмах давно ушедших людей, в военных записях Зарецкого, дополнить их изысканиями по печатным источникам тех лет и по разговорам с немногими людьми, оставшимися в живых до семидесятых годов.

Если я не привожу дословного текста оригиналов, то делаю это не для того, чтобы изменить сущность давно прошедших событий или как-то приспособить факты истории к ходу действия по книге. Вспомним, что сюжет, все развитие романа строятся не на чистой авторской выдумке, а на основе записей в дневниках главного героя. Единственная цель пересказа писем взамен дословного изложения их — сохранить усвоенный автором

стиль произведения, особенность изложения мыслей, пусть не совершенных и не всегда гладких, но уже привычных для читателя, обнаружившего терпение дочитать множество страниц до этого самого места.

Итак, рассказ о событиях, не попавших в дневники Зарецкого, которые составили целую главу, и его записи уже с войны до февральских дней 1917 года, тем более интересные, что из них мы узнаем о судьбе беловежских зубров...

РАССКАЗ О СОБЫТИЯХ, НЕ ПОПАВШИХ В ДНЕВНИКИ ЗАРЕЦКОГО

*Письмо зоолога Филатова. Гагенбек и его агенты. Судьба Кавказа.
Пожар в Псебае. Сообщение из Петербурга. Что происходит
в Гузерипле. Неожиданная охота. Унижение Улагая. Знакомство
с хромым барсом. Война*

1

Зоолог Филатов, с которым Андрей Михайлович Зарецкий не сумел встретиться в Петербурге, куда приезжал по вызову Ютнера и за своей женой, сдержал слово и прислал обстоятельное письмо в Псебай.

Есть в его письме строки о событии, в общих чертах известном из дневника, но с новыми деталями. Филатов, в частности, писал:

« Не последняя роль в продаже Кавказа за границу принадлежит таким известным людям, как принц Ольденбургский и его родственник граф Арним, владелец лесного парка и замка Бойценбург в Укермарке. О том, что в зверинце Беловежской пушчи появился зубр кавказской расы, Гагенбека известил принц. Престарелый Гагенбек, собиратель редких зверей, не пожалел усилий для приобретения Кавказа».

Вернемся на два года назад и уточним эту новость.

Письмо принца Ольденбургского Карл Гагенбек получил в летние дни, когда по причине недуга уже более трех недель не выходил из дому и не занимался делами, полностью поручив хлопотный Штеллингенский зоосад своему младшему сыну Генриху. В те дни Генрих находился в итальянской столице, где устраивал новый зоологический сад. Вызывать сына Карл не захотел. А письмо требовало немедленных действий.

Больной поднялся с кровати и постоял, прислушиваясь к себе. Голова кружилась. Приступы болезни начались много лет назад, но каждый раз они становились все жестче. Гагенбек глянул на себя в зеркало. Там отразилась высокая, подтянутая, вовсе не стариковская фигура. Сухощавое лицо могло бы принадлежать и сорокалетнему, не будь бледных мешков под глазами. Шестьдесят пять. Проклятая Африка! Тропики отняли у него здоровье.

Гагенбек поборол слабость и дернул шнурок звонка. В спальню вошла служанка.

— Узнайте, Паула, здесь ли Григер или Вахе. Попросите их ко мне.

Шаркая туфлями, он прошел в кабинет и сел за письмо. Перо не слушалось, буквы прыгали.

Да, лучше Вильгельма Григера и Карла Вахе ни один из его сотрудников не знал Россию. В свое время они встречались с принцем, получили рекомендательное письмо к одному буддийскому ламе, по какой-то причине находившемуся в Петербурге. Рекомендация и письмо ламы сослужили Григеру добрую службу, когда он прибыл во Внутреннюю Монголию, и через два года переговоров, охоты и торговли привез в Штеллинген двадцать восемь молодых диких лошадок, известных в зоологии как лошади Пржевальского. Ценнейшее приобретение!

Вспоминая былую удачу, Гагенбек слабо улыбнулся, весьма довольный собой. Он не скрывал тщеславия и не любил, когда кто-то обходил его, приобретая невиданных в Европе диких зверей. Может быть, именно тщеславию владельца и обязан зоосад Гамбурга таким разнообразием животных: почти семьдесят видов одних только млекопитающих со всех континентов земли... Кстати, экспедицию в Монголию он послал в тот день, когда русский натуралист Фальц-Фейн, в зоологическом парке которого под названием «Аскания-Нова» уже были дикие лошади из Азии, отказался продать ему хотя бы один экземпляр.

Досточтимый принц писал, что кавказский зубр в Беловежской пуще — единственный экземпляр в русских зоопарках. Единственный... Выходит, этого подвида нет и у Фальц-Фейна на Украине. Тем хуже для русского зоолога.

Вильгельм Григер явился под вечер. Степенный, располневший охотник за дикими зверями теперь редко выезжал за пределы Европы. Он полезно работал здесь, в Штеллингене.

— Вы на ногах, Карл? — Лицо Григера осветилось улыбкой, он осторожно пожал руку больного. — Очень рад. Значит, на пути к здоровью.

— Дело, дружище. Оно не терпит отлагательства. Прочти вот это.

Григер взял письмо, прочитал. Поджав губы, сказал:

— Они могут, конечно, продать. Но потребуют большие деньги.

— Граф Арним — вот кто поможет тебе.

— Каким образом? Зубр не у него, а в Беловежской пуще.

— Граф слишком большой любитель зверей и охоты, чтобы не отыскать пути для приобретения. У него в Бойценбурге гуляет немало зубров. Пообещаем ему этого кавказца.

— Но почему он не купит кавказца сам? — воскликнул Григер.

— Послушай. Пообещаем отдать кавказца... но не сразу, а через несколько лет. За три-четыре года зубр оставит нам потомство. Зубрята-полукровки от беловежских зубриц, естественно, наша собственность. Часть их продадим как редкость, вернем затраты. Вот тогда и отправим этого кавказца графу. С благодарностью. Но за этот будущий подарок он обязан оказать нам помощь. Он это сделает, если хорошо обдумает.

— А вдруг договорится сам и возьмет зверя в Бойценбург?

— Деньги, деньги, Вильгельм! Ты был прав, когда сказал о больших деньгах. Мы не постоим за этим. Арним скуповат и ни за что не захочет тратиться, если есть возможность получить что-то даром.

Григер с уважением посмотрел на хозяина:

— Когда прикажете ехать?

— Завтра. Запасайся билетом. Поедешь до Пренцлау, оттуда двадцать километров по шоссе. Возьмешь письмо. Кому? О, Арнимы могут писать кому угодно, даже самому царю. Русская государыня приходится им далекой родственницей. А Беловежская пуца — владение царя. Зубр Кавказ тоже. Если государю угодно, он прикажет добыть для себя сколько угодно кавказцев. Нам разрешит — мы добудем.

Граф Арним не увидел никакого препятствия для столь выгодного дела. Горный зубр? Гагенбеку он верил. Правда, Вильгельм Григер выехал в Петербург без письма. Граф сказал: «Ждите меня в российской столице». Григер ждал месяц. И получил из рук самого Арнима указание управляющему царской

охотой в Беловежской пуще: продать Гамбургскому зоосаду за четыре тысячи рублей золотом зубренка под кличкой Кавказ.

Через месяц вагон с плотно сбитой клеткой, в которой стоял Кавказ, прибыл на новое место.

Клетку повезли в Штеллинген, поставили задней стенкой к дверям в отдельный загон, граничащий с обширным лесным массивом, где гуляли буйволы, бизоны, беловежские зубры и олени. Двое рабочих высадили стенку клетки.

Кавказ пятился задом, осторожно подымая ноги над перемешанным навозом.

Карл Гагенбек сидел поодаль в коляске и смотрел. Его сын Генрих и Вильгельм Григер стояли рядом.

Хозяина поразил и несколько удивил вид животного.

Кавказу шел третий год, тело его под темной короткой, местами курчавой шерстью уже налилось силой возмужания. Но в росте он уступал беловежцам и тем более бизонам. Сурово-угрюмая морда, увенчанная черными рогами, не опускалась, как у бизонов, а гордо и властно сидела на мощнейшей шее, обросшей гривой. Он казался недоступным и боевым. Темно-карие глаза дико, даже злобно осматривали незнакомый загон, людей, редкоствольный лес за оградой. Нос шевелился, запахи раздражали уставшего зверя. Зубр потоптался на месте, разминая ноги, и вдруг с ходу сделал прыжок, второй и ударил рогатым лбом в доски забора, за которым находились люди. Раздался треск. Все шарахнулись прочь. Но ограда выдержала. Кавказ, возбужденно размахивая хвостом, уже обегал загон, выискивая слабое место.

— Характер истого азиата, — с нескрываемой гордостью произнес Гагенбек. — Приобрести такого зверя!.. Поздравляю тебя, Вильгельм.

Выпустить повичка к другим быкам наметили не раньше, как через две-три недели. Но Кавказ решил эту проблему по-своему. Уже на другое утро Гагенбеку доложили, что азиат находится в общем загоне. Он перескочил двухметровую ограду, затеял драку с беловежцами, отбил двух коров и теперь спокойно ходит с ними.

— Так тому и быть. Пусть ходит, — распорядился Гагенбек.

Прошло немногим менее года, и у беловежской зубрицы по имени Гарде появился темненький, веселого нрава зубреночек-бычок со смешной бородой и по-отцовски горделиво поднятой мордой.

Его называли Гаген.

— Что скажешь, Вильгельм? — спросил хозяин своего агента.

— Как первоклассный шахматист, вы способны видеть на десять ходов вперед, — ответил Григер.

— Представляешь настроение Фальц-Фейна, когда он узнает об этом событии? Распорядись, чтобы газеты не пропустили случая описать...

Своеобразный реванш за отказ продать лошадь Пржевальского.

2

Письмо Филатова, как и последний разговор с Ютнером, не оставило никаких сомнений у Зарецкого относительно судьбы Кавказа. Зубренок навсегда утерян для России.

И он и, уж конечно, Алексей Власович, «крестник» зубренка, не стеснялись в выражениях по адресу людей, для которых личные отношения и деньги дороже природы родной страны.

Никита Иванович Щербаков во время одного из таких разговоров сказал Телеусову:

— Чего ты кипятишься? Пымай еще одного-другого, отправим в Питер, а то в Москву, там зверинцы есть. Нехай живут и плодятся!

— Королю аглицкому, шведскому або цесарю римскому запродадут! Нет уж, учены, теперича ни за какие блага! Пущай тута гуляют.

Сам же Зарецкий в горячах даже письмо написал Андриевскому и позволил себе, хоть и вежливо, упрекнуть его в произошедшем. Ответа не последовало. Но среди сохранившихся писем есть одно очень характерное и неожиданное: письмо Владимира Алексеевича Шильдера.

На листке отличной бумаги с золотым обрезом генерал поздравлял хорунжего Зарецкого с наследником! Как и от кого узнал он об этом, можно было лишь гадать. Но узнал даже имя мальчика — Михаил, по деду, и очень к месту — наконец-то! — вспомнил своего однополчанина, старого штабс-капитана Михаила Николаевича Зарецкого, которого тут же поздравил со званием дедушки, пожелал долголетия и счастья в семье.

После такого письма старый Зарецкий, несомненно, весь день ходил по дому в своем парадном мундире.

В конце столь милого письма Шильдер приписал несколько фраз — свидетельство разговора с Андриевским — о судьбе утерянного зубра.

«Бывает, что мысли наши о будущем не совпадают с властной действительностью. Тогда возникает вполне понятное разочарование. Именно это произошло с Кавказом. Драматизировать происшествие, как делаете это вы, не следует. Россия,

слава богу, была и остается обладателем редкого вида дикого зверя. В вашей власти, Зарецкий, сохранить горное стадо в естественном его развитии».

Видимо, Андрей Михайлович не раз и не два перечитывал это исполненное достоинства письмо. Душа его понемногу успокаивалась. В самом деле, что мог егермейстер Андриевский или Шильдер, когда люди, обладающие неограниченной властью, в семейном кругу решают любые проблемы. Подумаешь, зубре-нок!..

Вспоминал Зарецкий и полные загадочности слова покойного Ютнера, сказанные при свидании на Мойке, в Петербурге: «Как знать, как знать, Зарецкий...» Что он имел в виду, этот многоумный натуралист, более ученый, чем управитель Охоты? Ужели считал, что Кавказу будет лучше в Гамбурге, чем в Беловежской пуце? «Как знать, как знать...»

Сохранилось и еще одно письмо, адресованное Дануте Зарецкой, письмо от ее институтской подруги Вали, несомненно, ответ на письмо, в котором молодая мама извещала подругу о благополучном рождении сына Мишеньки, который «оказался на редкость спокойным, крупным (представляешь, почти девять фунтов и росточком чуть менее четырнадцати вершков!) и головастенным. Он почти не кричит, спит да кушает, а я гляжу на него и никак не могу наглядеться. Ужели мое? Наше с Андреем? На кого похож? Бабушка Соня уверяет, что вылитый отец, а мне сдается, что прекрасный, как моя молодая мама, чей портрет висит в доме тети, где мы все живем и где доктор Войнаровский с помощью умелой и ловкой Катюши, о которой я уже писала тебе, приняли маленького хлопчика, впервые вдохнувшего глоток кавказского воздуха».

В этом письме отчетливо прозвучали и тревожные мысли Дануты об опасностях, которые окружают ее мужа и Сашу Кухаревича, с которым Валя была знакома. «В Псебай вернулся, — пишет Данута, — тот страшный человек, который стрелял в Андрея. Мне долго не говорили об этом, но слухом земля полнится. Он был на волосок от смерти. Это месть ревнивца, хотя и не доказанная. Наемник еще раз выслеживал Андрея, но наши друзья ранили его. Негодяй долго валялся по лазаретам, выжил и вернулся в станицу. Сердце мое переполнено постоянной тревогой, ведь Андрей, как и прежде, по многу дней в лесу... Зима для меня стала самым хорошим временем года: муж почти все дни находится дома. Тогда тревоги мои проходят и я чувствую, как счастлива!»

Да, Ванятка Чебурнов только через шесть месяцев вернулся из госпиталя.

Вернулся живой, но, как говорится, не в форме. На всю жизнь он остался хромым, да так неудачно, что ни в далекий путь, ни в седло уже не годился: подстреленная нога сделалась как палка — не гнулась в колене, а волочилась, и, чтобы переступить, Ванятке приходилось делать этой чертовой ногой далекий полукруг, дабы не зацепить за землю.

В станице поговаривали, как горько жаловался он, что не придется ему хаживать по горам да постреливать кабанов и зубров. И как, хлебнув вина с брательником и соседями, скрежетал зубами и клялся жестоко отомстить за уродство. Казенный лесничий не навестил Ванятку, но с Семеном он встречался и, возможно, подбросил «на инвалидность» деньжонок, потому что вскорости Ванятка купил себе коня и рессорную коляску. Нашел дело — возить пассажиров из Псебая в Лабинскую и далее. Но в горы на той коляске ходу ему не было.

Псебайские власти и люди прямо заинтересованные — урядник Павлов, Никита Иванович Щербаков, Зарецкий, Кожевников — собрались в охотничьем доме князя, вызвали обоих Чебурновых и устроили им допрос. Гильзы со сбоченными ямками в пистонах, винтовка Ваняткина находились тут же. Толковали о казацкой чести и, минуя суд гласный, решили наказать человека, чья причастность к покушению на Зарецкого была для всех очевидна.

Ванятка все отрицал, но факты уличали его, станичники готовились вынести суровое решение — выселить меньшого Чебурнова из Псебая, как вдруг заявился Улагай, сурово произнес «честь имею» и потребовал доложить, что тут происходит. Есаул побледнел, когда Щербаков довольно прозрачно высказался о причастности «третьего лица» к покушению на тропе. С неожиданной яростью Улагай объявил, что оскорбление, нанесенное ему, пусть даже в иносказательной форме, будет смыто кровью, и бешеными глазами уставился на Зарецкого. Хорунжий тоже побледнел, вскочил и, сказавши: «Я готов, присылайте секундантов», выдержал взгляд есаула. Улагай не ответил, а затем усмехнулся и заявил, что по праву старшего офицера он закрывает это «незаконное сборище», оставляя за собой закон самому разобраться в происшедшем.

Тут уж ничего не поделаешь!

Секундантов он так и не прислал. Дуэль не состоялась. Но слова «смыть кровью», конечно, не забылись.

Всего через сутки Псебай был потрясен злодеянием, о кото-

ром мы узнаем из письма капитана Калиновского, ответившего на донесение хорунжего. Капитан писал:

«Огорчен несчастием, столь же загадочным, сколь и опасным для жизни Вашей семьи. Надеюсь, что атаман Лабинского отдела произведет расследование и накажет виновных. Учитывая заслуги бывшего управляющего Охотой, коему принадлежал дом, и с согласия наказного атамана Войска Кубанского, высылаю Вам из средств Охоты пятьсот рублей на постройку нового дома для родственников Ваших и бывшего управляющего Носке. С глубоким уважением...»

Чем же вызвано это странное письмо? Что за несчастье случилось в семье Зарецких?

...В тот тихий и теплый день позднего лета Андрей Михайлович, Данута, тетя Эмилия и уже начавший ходить Мишанька — так звали своего сына отец и мать — все вместе отправились к дедушке и бабе, решив после гостевания оставить маленького в доме старых Зарецких. Андрею Михайловичу предстояло ехать в очередной поход по кордонам, он хотел навестить Кухаревичей, которые жили и работали тихо, без неприятностей и потрясений, показываясь в станице разве что два-три раза в году. Даже на зиму они оставались в горах.

Маленькие ножки внука в который уже раз протопали по комнатам старого дома, по гулкой веранде, по ступенькам во двор и сад. Он успел насидеться и на коленях деда и в объятиях любящей бабушки. За столом шла неспешная беседа, шумел самовар, было спокойно и славно, как бывает только в счастливых семьях.

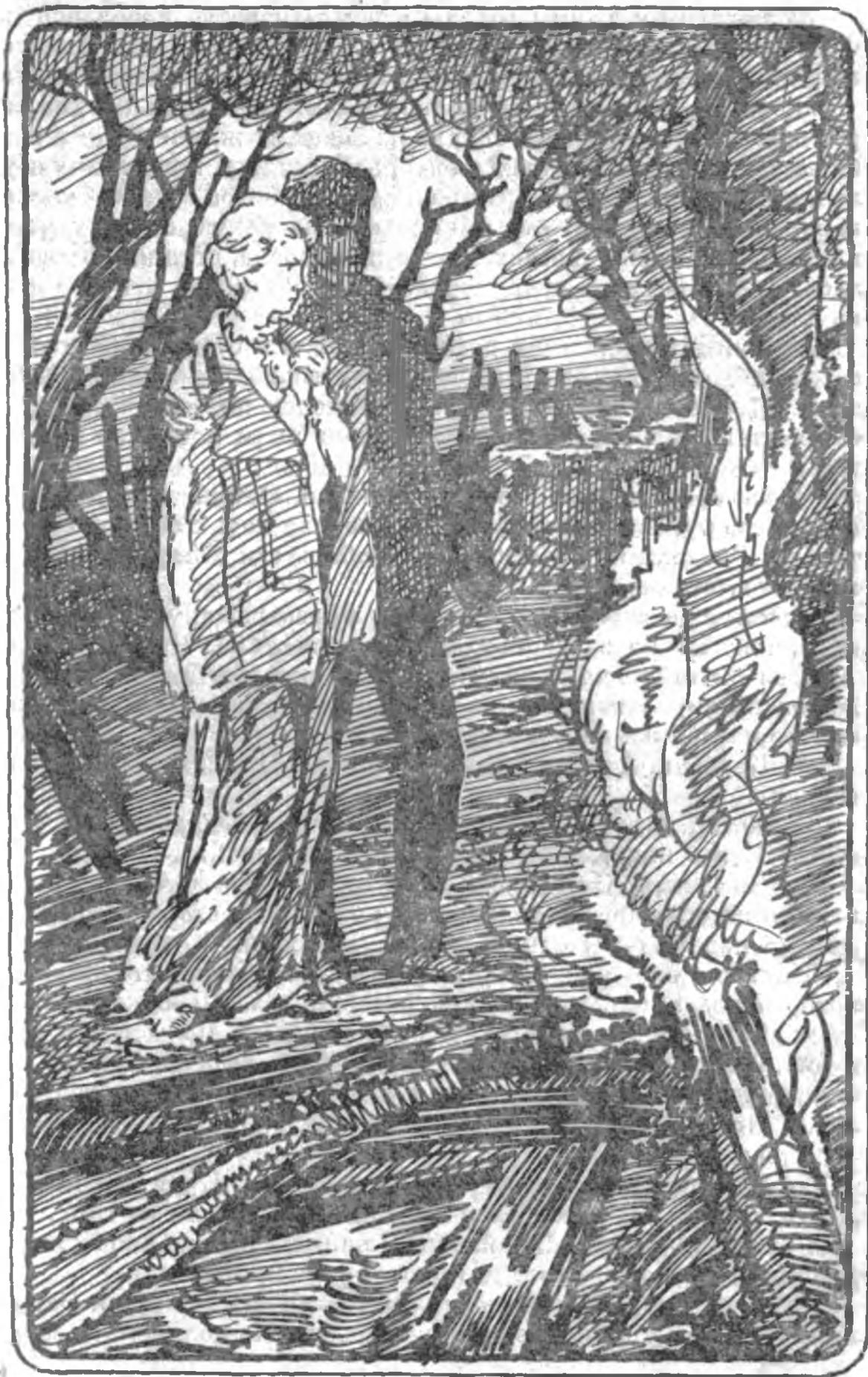
Спустился вечер, прохладный и сонный, типичный для лета в лесных предгорьях, где знойный воздух близкой степи и холод недалеких снежных хребтов, встречаясь и перемешиваясь, создают ту особенную, дивную погоду над зелеными холмами, которая несет людям добрый настрой души, отличное здоровье и долголетие.

Софья Павловна уложила внука. Он заснул мгновенно.

И вот тогда, в поздний уже час, на церковной колокольне вдруг тревожно и гулко забили в набат. Пожар...

Софья Павловна мелко перекрестилась. Тетя Эмилия схватилась за сердце. Все выскочили на улицу. Бежали люди. Звенели ведра. Горело где-то недалеко, красное пламя беззвучно взлетало все выше, зловеще подсвечивая дома и деревья. Набат не утихал.

Андрей Михайлович глянул на Дануту. Схватив тетю и Софью Павловну за руки, крикнув суетившемуся дедушке, чтобы оставался с внуком, она быстро пошла с двумя женщинами вперед.

За поворотом улицы горел их дом. Он четко рисовался на фоне красного пламени, охватившего всю заднюю часть. Эмилия ахнула и потеряла сознание. Ее затащили в ближайšie ворота.

Люди боролись с огнем, но пожар быстро пожирал сухое деревянное строение. Воду таскали из бочек, луж, плескали в разбитые окна. Кто-то пробрался внутрь. Выкидывали на улицу ступля, ящики, сундучки, картины... Звенело битое стекло, гудело, набирая силу, пламя; оно обняло всю дворовую сторону дома и жадно тянулось к фасаду. Толпа прибывала, станица проснулась, на улице росла куча вещей. И все понимали, что дом уже не спасти.

Андрей Михайлович с десятком мужчин отстаивал сарай и соседние дома. Их все время обливали водой. Тревожно шелестели усыхающие на глазах листья тополей около дома. Кусты смородины, яблони, цветы почернели от жара или были вытоптаны.

Часа через полтора все было кончено. Осталась груда горящих бревен, да неприкаянно стояла черная печь с обвалившейся трубой. Грузили на телегу вещи, чтобы везти к Зарецким. Расходились, судача, люди.

Пришли расстроенные женщины в слезах. Данута задумчиво кусала губы. Глаза ее возбужденно блестели. Всё понимала. Андрей Михайлович ходил по двору, присматривался. Она подошла к нему. Кивком головы Зарецкий показал на пятно все еще горевшей земли у заднего крыльца.

— Керосин. А вон и брошенный жбан. Выбили окно, облили веранду.

— Я так и думала, — сказала Данута. — Опять месть. Как жить? И все подло, из-за угла! Ох, Андрюша!..

— Как жить? Око за око! Зуб за зуб! — Он заговорил сурово, и лицо его вдруг сделалось непривычно жестоким. Впервые Данута видела своего мужа таким. Не юношу — мужчину.

Наутро в охотничьем домике Псебая собрались те же люди, которые недавно пытались судить Чебурнова. Щербаков сказал:

— Работа не Ваняткина. И не Семена. Хромой спал, я проверил. Да и не способен он к тому. А Семен третий день в Лабинской. Керосин у лавочника в эти дни брали все известные люди. Подожгли чужие. Выбрали время, когда вас не было.

Зарецкий сказал:

— За огородом, в лесу, стояли два коня. Круг вытоптали. Долго выжидали. Я нашел и место и след. Ушли за гору.

Вот тогда Андрей Михайлович и написал сдержанное донесение Калиновскому, ответ которого нам уже известен.

Судя по тому, что тетя Эмилия перебралась жить к Зарецким, дом на пожарище решили не строить. На полученные день-

ги сделали пристройку и купили взамен сторевших вещи.

С выездом в горы Зарецкий задержался. Перед отъездом он видел, как отец с выражением суровой решимости на лице сосредоточенно перебирал, смазывал и заряжал свой карабин. Револьвер на ночь он прятал под подушку. Сын отнесся к этому с полным пониманием. В нем и самом что-то сдвинулось: на жизнь смотрел строже. Дануте в который раз наказал:

— Глаз с Мишаньки не спускай!..

4

По-видимому, в тот же год, а может быть, и раньше Андрей Михайлович через Дануту начал переписку с петербургским зоологом Григорием Александровичем Кожевниковым.

Прежде всего он написал, что имеет все основания оценить Западный Кавказ как очень удобную среду обитания по меньшей мере для двух-трех тысяч зубров. Конечно, при сохранении заповедного режима. Привел факты, которые наблюдал сам: даже часто посещаемые поляны и леса, где зубры, можно сказать, днюют и ночуют, нисколько не изрежены и не вытоптаны. Южные леса и луга щедры на прирост, этим они отличаются от среднерусских, в частности от Беловежской пуши. Здесь все растет удивительно быстро. На десятине леса в отдельных местах он сам считает до четырехсот кубических сажений древесины! Подросту, кустарникам нет счету.

Зоолог ответил, что верит Зарецкому, весьма рад, что в России есть возможность размножить зубров, как и других полезных животных, которые уже на грани вымирания, — речного бобра, соболя или лося. Далее он написал:

«Вам надобно знать, что в Аскании-Нова усилиями милейшего Фридриха Фальц-Фейна и его способных учеников с 1902 года успешно размножаются зубры, привезенные из Беловежского зверинца. Родоначальниками асканийского стада считают быка Белостока, коров Биалу и Бибру, у которых живы зубрята. Позже сюда привезли быка Бима, он тоже дал обширное потомство. Ныне в асканийском зверинце уже десятки равнинных зубров. Еще одна «точка» пополнения вида. Как жаль, что в Гатчине, где более двух десятков зубров, да и в Крыму такой работой не занимаются.

Вам, может быть, известно, что еще в 1897 году Фальц-Фейн купил в Гамбурге бизона-годовичка, который вскоре пал, успев оставить только двух потомков. А в 1900 году для Аскания приобрели второго бизона, и от него сейчас имеется пять молодых. Естественно, что вскоре здесь появились зубро-бизоны. Мне удалось видеть их. Мощнейшие звери эти гибриды! Очень кра-

сивые и, кажется, жизнестойкие. Я склонен приветствовать эту интересную работу, поскольку такое смешение подвидов помогает сохранить древнего зверя.

Но асканийские новаторы не остановились на этом, они пошли далее, используя опыт Валицкого из Виляновского зверинца. Этот зоолог еще полвека назад скрещивал зубра с домашним швейцарским скотом. Так вот и асканийцы в 1904 году скрестили своих зубров с серым украинским домашним скотом, получили гибриды первого поколения, а в 1908 — второе поколение на зубра. Пожалуй, станут возможными и гибриды иного порядка: зубр + бизон + серый украинский скот.

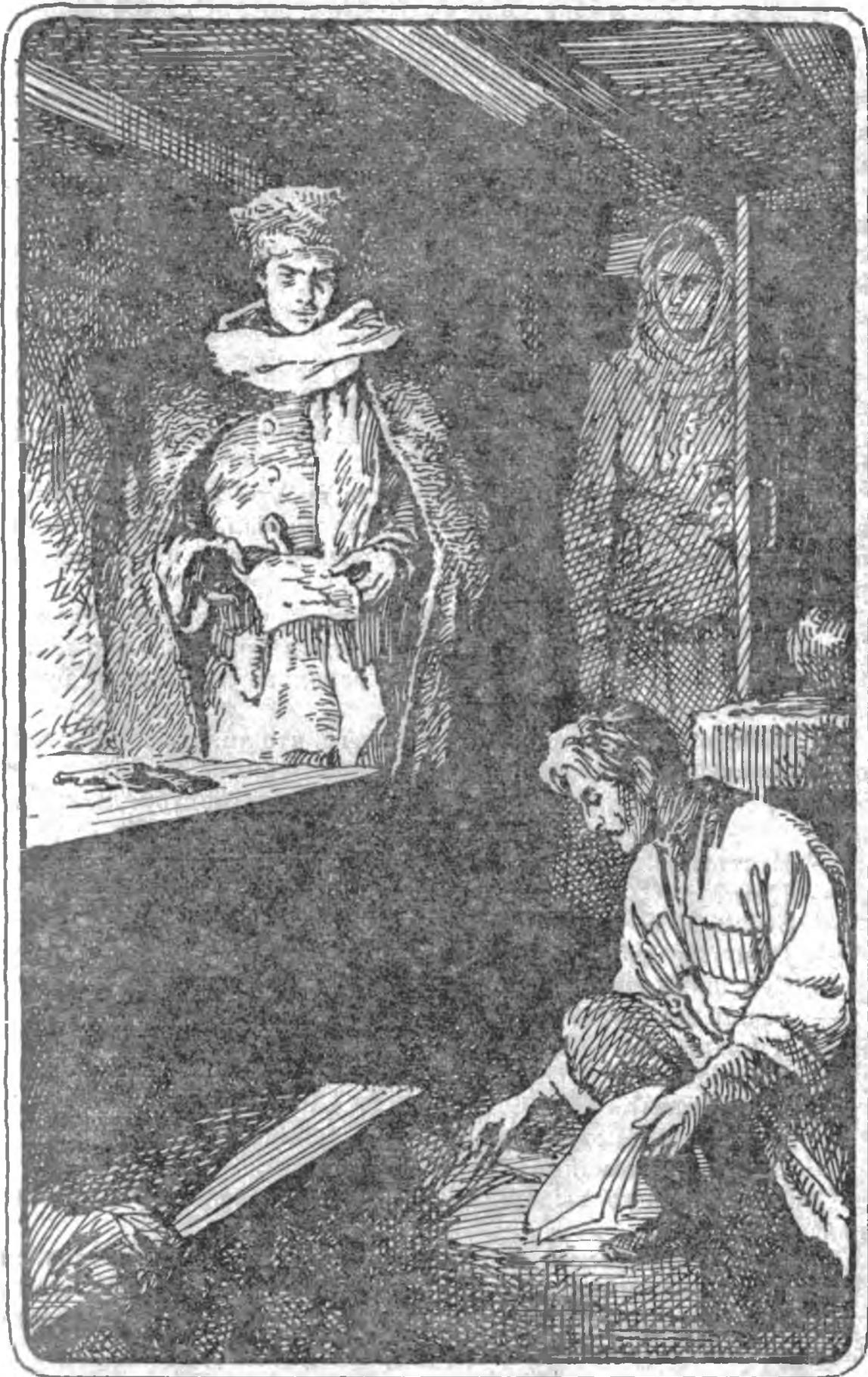
Что получит человечество от подобных опытов, сказать трудно. Возможно, будет какая-то хозяйственная выгода. Но все это рождает опасения уже другого плана: не потерять бы в этом нарастающем кровосмешении наследственные свойства диких зубров, как потерялась в свое время наследственность дикого тура, едва ли не полностью растворившаяся в некоторых породах домашнего скота таких стран, как Голландия, Австро-Венгрия, Испания и юг Украины.

Хочу сказать Вам, что специалисты, создавшие Пшинский охотничий парк в поместье князя Плесс, что в Верхней Силезии¹, оказались дальновиднее своих коллег в Гамбурге, Аскании-Нова и Пилявине: они приобретали только равнинных, беловежских зубров и проводили размножение их, сохранив в чистоте равнинный подвид зубра. Их здесь более семи десятков...»

Еще в одном сохранившемся письме зоолога на имя Зарецкого мы находим очень уместное предупреждение. «Насколько мне известно, — писал ученый, — на высокогорных пастбищах охоты был разрешен выпас домашнего скота из ближних станиц и селений местных жителей. На эти же пастбища летом выходят Ваши дикие зубры. Нельзя исключить возможность контакта — словом, того самого, что искусственно делают в Аскании-Нова. Я уж не говорю об опасности заражения диких зубров страшнейшими болезнями домашнего скота. Ящуром, например. Вам нельзя оставаться безучастным в этой области, коль скоро на Вас лежит обязанность сохранения дикого стада. Тяжелые болезни в прошлом среди зубров на Кавказе уже случались. Не подумать ли о заблаговременном разграничении лугов для зубра и для летних выпасов домашнего скота?»

Последнее письмо получено, надо думать, незадолго до пожара в Псебае. Хотел того Андрей Михайлович или не хотел, но, выбирая маршрут для поездки по кордонам, он думал и об этом письме. И поехал сразу на северный кордон. В Гузерипле

¹ На территории Польши.

поредевшие стада зубров чаще всего сталкивались близ Фишта с домашним скотом. Предупредить Кухаревича...

Измученный крутой и тяжелой дорогой, Зарецкий спешил в виду караулки часов в десять вечера, потемну, и повел Алана на поводу. Мост через Белую не из тех переправ, на которые можно положиться. Так что лучше пешком.

Уже ступив на мост, он улыбнулся, мимолетно вспомнив ниточку — хитрость Кати, благодаря которой удалось избежать еще одной опасности. И почти тотчас лица его коснулась будто бы паутина. Снова нить... Он не порвал ее, а приподнял, провел Алана и за пихтовыми ветками увидел окошки. Они уютно светились.

Зарецкий отвел коня под навес, снял седло, дал травы, которая лежала тут горкой, и, приглядевшись, заметил, что рядом стоят три лошади. Одна была чужой. И под седлом. Лишь подпруги ослаблены. Кто такой?

Выверенным жестом он расстегнул кобуру и чуть вытянул револьвер. Постоял, прислушался. Дом молчал. Тогда он осторожно прошел в сени, стукнул два раза в дверь и тут же открыл ее, оставаясь в тени.

С лавки поднялся незнакомый смуглый, черноусый человек. И тоже быстрым движением сунул руку в брючный карман.

— Тихо! — В руке егеря блеснул револьвер. — Выньте руку. Вот так. И сядьте. Где Кухаревич?

— Вы кто будете? — сипло, от испуга, что ли, спросил черноусый, пытаясь перехватить инициативу.

— Где Кухаревич? — уже требовательней повторил Зарецкий.

— В отъезде.

— Катя?

— Здесь. Я ее жду. Сейчас будет.

— Назовите себя!

— Сурен. Сурен из Туапсе.

— Зачем вы здесь?

— К знакомым. — Черноусый, успокаиваясь, слегка развел руки. — В гости...

— С оружием?

— Ну, какое там оружие. Так, на всякий случай.

— На стол. Спокойно. И сядьте вон там.

Сурен послушно выложил старенький револьвер. Сел, где указано.

Теперь он улыбался, поглядывал дружески. Но оставался в состоянии неуверенности, тем более что егерь все еще стоял у дверей с револьвером в руках и лицо его не выражало готовности к ответному дружелюбию.

Хлопнула дверь в сенях. Сурен сделал движение, чтобы встать, но егерь повел стволом револьвера в его сторону, и он опять сел. Дверь открылась не сразу, в сенях повозились, раздвинулась щель, и Катя неловко, боком, даже спиной влезла в караулку.

На согнутой правой руке ее обвисала тяжелая стопа аккуратно нарезанных листов бумаги размером в распахнутую школьную тетрадь.

Сперва она увидела Сурена за столом и озабоченно спросила:

— Задержала я тебя?

Он не отозвался, взглядом указал ей за спину, где стоял Зарецкий. Опущенная Катина голова повернулась, она увидела поначалу чужие сапоги, сказала «Ох!», и вся стопа листков выскользнула из рук ее на пол. Лишь тут она подняла глаза, особенно черные на побелевшем лице, узнала Андрея и даже пошатнулась от только что пережитого.

— Ведь я подумала... — Она проглотила комок в горле. — А это вы... Здравствуйте, Андрей! Как вы меня испугали!.. — И обессиленно опустилась на лавку.

Сурен стал подбирать рассыпанные листки.

— Не знал я... — загадочно начал Зарецкий, но что-то заставило его умолкнуть. Он поднял один листок, повернул к свету.

Крупные буквы заголовка — «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Товарищи и граждане!..» — бросилось ему в глаза. А далее уже обычным шрифтом шло: «Опять измена, опять наглое издевательство над измученным русским народом! Бесстыдный палач свободы, гнусный сатрап-душегуб в самодержавной короне со всей сворой...»

И Катя и Сурен стояли, не сводя с него глаз. Андрей был ошеломлен. Он не находил слов, не знал, как отнестись... У них на кордоне!..

— Вы, наверное, есть хотите, да? — быстро сказала Катя. — Ой, ну конечно! Столько проехать! А я, глупая, стою и хлопаю глазами! Раздевайтесь, садитесь, Андрей, я сейчас быстро. Вот только руки вымою.

Руки у нее были густо запачканы черной типографской краской. Жирная краска светилась и по строчкам прокламаций.

Сурен собрал с полу листки, аккуратно сложил их в кипу, подровнял и, достав брезентовую сумку, запихнул в нее взрывчатый материал, — все это неторопливо, по-хозяйски, словно никого постороннего тут и не было. Катя что-то быстро говорила, хлопотала у печки.

Андрей понял наконец всю нелепость своего поведения, уло-

жил дурачки зажатый револьвер в кобуру, снял бурку, ремень и шагнул к столу.

— Где Саша?

— С минуты на минуту подъедет. Он наверху, у зубров, что-то там не понравилось ему.

— Ну, я поеду, — спокойно сказал Сурен.

— А ужинать? — Катя озабоченно глянула на него. — А Саша?

— Время, Катюша. И долгая дорога по темноте. В Солох надо прибыть непременно вечером, мне там показываться не положено.

— Саша так хотел видеть тебя! — сокрушенно сказала Катя. — Я виновата, что задержала. Ну что ж. Доброго пути, Сурен.

— Честь имею! — Сурен обернулся к Зарецкому. — Сожалею, что познакомились при таких обстоятельствах.

Он тихо закрыл за собой дверь.

Неловкое молчание нарушила Катя.

— Удивлены? Шокированы? Может быть, испуганы? Да? Милый Андрюша, неужели вы думали, что мы оставим главное дело своей жизни, успокоимся в глубине этих гор? Нет и нет! Решайте как угодно, ругайте, запрещайте, выгоняйте, но мы с Сашей свое партийное дело ставим выше всех благ, выше личного счастья. Да, печатаем прокламации, переправляем в Туапсе, Новороссийск, на Кубань.

— У вас здесь типография?

— Громко сказано. Печатный станок. И шрифты. Все делаю я. Саша свято и прилежно занимается егерской службой.

— Где же вы печатаете?

— В дольмене. Так удобно! И никто ни за что не догадается.

Дольмен — странное тяжелое сооружение из цельных каменных плит весом пудов по двести каждая, загадка далекого народа, некогда населявшего эти места, то ли могильник, то ли святилище, а может, просто амбар с одним круглым отверстием в передней стенке, — стоял в густой поросли орешника под кронами грабов и лип выше наезженной дороги.

Зарецкий усмехнулся:

— Мне даже в голову не приходило, что вы, что здесь...

— Вам неприятно, да? — Катя впиалась в него взглядом.

— Неприятен не сам факт. То, что скрывали. Я не чужой для вас. Боялись?

— Простите. Для вашего же спокойствия. И вот... — Она вдруг рассмеялась. — И не узнали бы сто лет! Подвела моя сигнализация.

— Ниточка?

Она кивнула.

— Я вспомнил о ней, когда наткнулся. Хитрость на хитрость.

— Ах, вот оно что! Обычно у меня так: если оборвется нитка, падает палка, под ней проводка в дольмен, я слышу звон. Ну, и принимаю меры.

— Какие меры? Стреляете?

— Что вы! Выползаю и наваливаю у входа камни. А сама в лес.

За окнами коротко заржал конь. Катя поставила на стол пышки, чайник.

Вошел Саша, утомленный, ссутулившийся, увидел Андрея и вскинул руки. Помывшись, он уселся рядом.

Андрей протянул ему прокламацию:

— Ты сочинял?

— Нет. Текст прислали из Центра. Я так не умею. Кратко, сильно, убедительно. Даже ты уверуешь.— Он, казалось, не увидел ничего особенного в том, что Андрей посвящен в их тайну.

— Я не читал. Только заголовок.

— Ну, так прочти! Толковая вещь, поверь другу.

— Ладно, без агитации. Накрыл я вас, конспираторы. Вместе со связным. Дальше что?

— А ничего. Так и будет. На кордоне порядок. Зубры и прочие подопечные в полной сохранности.

— Ты убежден?

— Еще как! Сурена видел? Отличный человек. Сама преданность и деловитость. Так вот, среди пастухов на перевале он высший авторитет. Он приказал следить за диким зверем, как за своим стадом. Считаю, что у тебя на этом кордоне не один егеря, а сорок. Браконьерам хода нет. Доказательства? Можешь приписать к своим итогам девять зубрят-сеголеток. Только один погиб. Нелепый случай: коровы затоптали, когда неведомо отчего бежали по узкому распадку. Олени все целы. И медведи. Ни одного выстрела на северном кордоне!

Кухаревич говорил быстро, был, что называется, в ударе. А Катя не спускала глаз с Андрея. Испытание дружбы. Хотят они того или нет, а ведь с этого дня Зарецкий — их сообщник. Или...

— Все отлично,— задумчиво сказал Андрей.— Но я боюсь другого. Приеду вот сюда в один не очень прекрасный день, а тут пусто, следы погрома, ни друзей моих, ни охраны. И за мной приедут.

— Риск неизбежен, он рядом с нами. Если какой провокатор... Но Сурен единственный, кто знает о типографии. Это на-

дежный товарищ. Провал по его вине исключается. Никогда наше подполье не располагало такой надежной базой!

— Ах вы, товарищи революционеры! — И Зарецкий наконец-то улыбнулся.

Саша посмотрел на жену, она на Андрея. Все трое поднялись и минуту-другую стояли посреди комнаты в обнимку, молчаливо подтверждая неколебимую дружбу.

Уснули поздно, проснулись рано. И снова Катя осталась на кордоне одна.

Два всадника утром пошли в гору, на Абаго.

5

Наверху, в густых и сочных лугах, где коней никакой силой не удержишь от вкусной и сладкой травы, которую они хватают на ходу, — в этих лугах, осматривая скалы на той стороне Молчепы, Андрей сказал:

— Смотри, какой табунок туров. Сотни две, не меньше?

— Там и серны хватает. Я насчитал до семидесяти.

— Овцы-козы от твоих пастухов не забегают к ним?

— Исключено.

— Сказано категорично. И все же я боюсь заразы. Особенно от молочного скота для зубров.

— Они не встречаются.

— Ты так уверен...

— И ты уверуешь. Вот проедем две-три версты за Молчепу, увидишь.

Они с трудом отыскали переправу, вскарабкались на крутобережье, и Алан остановился, упершись грудью в невысокую, но прочную изгородь.

Сколько труда и времени затрачено на эту бесконечную по протяженности ограду, которая так искусно вписалась в естественные преграды, что подчас ее и заметить трудно! Всего-то три-четыре жерди, крест-накрест связанные перекрученной лозой, вделанные в камни, пропущенные дальше обрывов, чтобы ни одна прыгучая коза, ни один бычок из домашнего стада не проник на территорию диких зверей. Конечно, один егерь с такой работой справиться не мог. Разве те сорок помощников...

Андрей Михайлович готовился обстоятельно рассказать, как опасен ящур и другие болезни для зубров, как надо оберегать их от всякого контакта с домашним скотом, но вид изгороди, уходившей ломаной линией вниз и вверх по склонистому нагорью, избавлял его от поучения. Саша без приказа, по своей инициативе, принял самые надежные меры.

— Когда ты успел? — с признательностью спросил Андрей.

— Да так, потихоньку. Года полтора.

— Но зубры такую изгородь перескочат. Или собьют.

— И не подумают. Сколько наблюдаю, даже близко не подходят. Железом пахнет, человеком.

Они ночевали на западном отроге горы Тыбга. Проговорили у костра весь вечер, полночи. И о семейных делах, об Улагае и о положении в Охоте, теперь вроде уже ничейной.

— Ну, а что говорят о политике? — спросил Саша.

— Более всего, что война неизбежна.

— У нас тоже такое мнение, — сказал Саша, имея в виду партию, к которой принадлежал.

— Да, предчувствие всеобщей беды. Отдельные казачьи полки ушли на север и на запад. Усилилась военная подготовка. Там маневры, тут маневры. До заповедника никому нет дела. Не представляю, что будет со зверем, если уйдем воевать. А тут еще вы тревожите людей.

— Мы против империалистических войн. Кстати, новая прокламация будет именно об этом.

— Ох, Саша, боюсь я за вас!

— Кто-то должен говорить правду. Не мы, так другие. А пока что наша организация делает свое дело. Война — всегда продолжение политики. Классовой политики. Кто делает политику, тот и устраивает войны.

Зарецкий промолчал.

Утром, когда сошла роса и над хребтом Аспидным поднялось солнце, они успели разглядеть на лугах десятка полтора зубров и множество оленей. Вернулись к костру, затоптали огонь и простились. Зарецкий хотел пробиться отсюда на Кишу. Хожеными тропами он старался не пользоваться.

Каких только встреч не случается в горах, но столкнуться с Василием Васильевичем Кожевниковым чуть ли не в тридцати верстах от кордона, да еще с шумным, непривычно возбужденным, то и дело стреляющим в воздух из винтовки, — такой встречи Зарецкий никак не ожидал!

За час до этого он поразился обилию животных, то и дело проскальзывающих мимо к верхней Кише. Олени, косули, лисы теньями мелькали в кустах. Выше по лесистым склонам слышался характерный треск веток: то бежали, конечно, зубры.

И вот — Кожевников. Когда бородатый силач увидел перед собой Зарецкого, он даже испугался. Привидение, что ли?..

— Ты что это, Васильевич, шум устраиваешь, патроны переводишь? — спросил Андрей Михайлович. — И вид у тебя, словно самого гонят?

— Угадал. Гонят. Охота прибыла, Михайлович.

— Какая охота? Когда? Где?

— Прямо ко мне на кордон пожаловали. Погода, вишь, сухая, так всей гурьбой через Майкоп и Даховскую пробились. Человек до полсотни. Шум, гам, завтра собираются зубров стрелять. Все какие-то шалые, крови им давай!

Неслыханно! Охота, да еще на Кише, где полно зубров!..

— А ты куда же теперь? Сбежал?

— А что я? Там Никита Иванович прискакал, станичные атаманы, ну, и все другие егеря, стараются хоть какой порядок навести, а я улучил минуту — и пошел сгонять зверя в глубину. Сколько угоню, столько и спасем. Ты мово племяша не встрел? Я его к Телеусову на коне услал, предупредить. Не дай бог, в Умпырь пробьются!

— Едем со мной, — приказал Зарецкий.

По пути к кордону Кожевников рассказал, что приехали генералы, два каких-то сенатора, как их зовут, очкастые, важные, потом помощник наказного атамана, полковники, ну, а особливо высоких чинов нету. Но люди эти, видать, отчаянные, торопят, стрельбу по кабанам учинили, медведя-шатуна успели завалить.

Издали, как стемнело, Андрей увидел отсвет костров, почему-то напомнивших ему псебайский пожар, услышал разноголосый шум, нестройные песни и подумал, что медвежатина потребовала возлияний.

Они спешили в стороне, чтобы не привлекать внимания. Лагерь напоминал сборище удалых разбойников, только что добравшихся до заветного клада. У всех костров — а их насчитывалось восемь — пили, ели, звенели посудой. Разговор шел на высоких тонах, кто-то пытался петь, кто-то трижды выстрелил из револьвера, поднялась ссора, шум, потом поутихло.

Отыскался Щербаков, начал бранить охотников: никого не признают, егерей не хотят, сами, мол, знаем, как и что, с утра собираются гай устраивать в долине, иначе говоря — гнать всех зверей на поляну и там, окружив их, бить.

Рядом с Никитой Ивановичем стоял серьезный человек с лицом смуглым, черноусым. Глубокими черными глазами он рассматривал Зарецкого. Они уже знакомились, но случайно, поговорить тогда не удалось, хотя им-то было о чем говорить. Христофор Георгиевич Шапошников первым начал писать письма в Академию наук с предложением создать на Кавказе заповедник. Это произошло спустя три года после его возвращения в Майкоп из Берлина, где он учился в университете.

Зарецкий спросил его:

— Вы какими судьбами здесь?

— Бродил по горам, пополнял свои коллекции. Увидел охотников, понял, что вам нужна помощь, увязался за Щербаковым.

Вы узнайте прежде всего, есть ли у наезжих людей разрешение для охоты. И кем оно подписано, это разрешение.

— Есть, да чудное какое-то, — сказал Щербаков. — У генерала, фамилию не знаю, малявый такой с виду.

Егеря собрались вместе, держали совет. Капитан Калиновский дипломатично ушел, не хотел брать на себя никакой ответственности. Кожевников предложил увести хотя бы половину винтовок подальше от Сулиминой поляны, про которую охотники уже слышаны. Туда они непременно потащатся, знают о зубрах.

— Куда вводить-то? — спросил Щербаков. — Тут везде зверя полно.

— К Лабазановой горе, — ответил Кожевников. — По дороге туров встренем, пусть постреляют в удовольствие, коли смогут, а у той Лабазановой горы доси пусто, одни серны бегают.

— Это выход, — согласился Андрей Михайлович. — Ты и поведешь, Васильевич. Мы тоже с гаем пойдем, но только раньше охотников. Отсечем поляну, прочешем лес, и если что останется на их долю, то и на жертвенник.

Четыре егеря с Шапошниковым во главе не стали ждать рассвета, сразу ушли в черную ночь. А Зарецкий отправился искать «малявого с виду» генерала, чтобы ознакомиться с разрешением на охоту.

Пока он ходил от костра к костру, чувство глухого раздражения все более нарастало в нем. Что за дикое сборище! Почти все пьяны, говорили приказными голосами, ощущали себя хозяевами в этом святом по заповедности месте. Невозможно было понять, кто здесь старший; кажется, все чувствовали себя старшими и хотели поступать как заблагорассудится.

Капитан Калиновский указал Андрею Михайловичу на владельца грамоты. Маленький, сухой, моложавого вида генерал от артиллерии сидел у костра в распахнутом мундире, скрестив руки на груди. Тут же полулежали два полных господина в поблескивающих очках — видимо, те сенаторы, о которых говорил Кожевников.

Зарецкий, щелкнув каблуками, представился: егерь, хранитель диких зубров. Генерал поднял бровь, кивнул, но не поднялся, не переменял позы.

— Могу познакомиться с разрешением на охоту? В мои обязанности входит...

— Ну, если входит, конечно.

Генерал чуть обернулся, адъютант достал бумагу и протянул генералу. Тот, не развернув листа, молча отдал его Зарецкому.

Странное было это разрешение, скорее частное письмо. Оно адресовалось наказному атаману Войска Кубанского. На обыч-

ной почтовой бумаге великий князь собственноручно писал:

«Милостивый государь Андрей Иванович. Высокочтимые господа наши, одержимые страстным желанием испробовать свои силы в охоте на дикого зверя, попросили у меня разрешения посетить Кубанскую охоту и провести несколько дней в свое удовольствие. Не имея ничего против разрядки чувств, прошу Вас, господин генерал-лейтенант, отрядить с группой гостей своего полномочного человека для руководства и организации этой экспедиции, согласовав ее с егерями Охоты.

С самым глубоким к Вам уважением...»

И знакомая по прошлым документам размашистая подпись.

В самом обращении к атаману князь подчеркивал, что если он и остается пока арендатором Охоты, то все же не может обходить и начальство области, коему принадлежат все угодья на Кавказе.

— Вы удовлетворены? — спросил генерал, принимая бумагу.

— Так точно! Мне остается узнать, кому атаман Войска Кубанского поручил руководство охотой, и согласовать действия охотников с нами.

Генерал повел глазами влево, указывая на полусонного соседа, который не очень-то вслушивался в разговор.

— Полковник Лисицкий.

Это был начальник канцелярии кубанского генерал-губернатора.

Тот лениво поднялся, без особого интереса осмотрел егеря, коротко приказал:

— Завтра. Завтра, хорунжий. И будьте здоровы!

— Смею напомнить, что охота гаем требует строгой организации, господин полковник, иначе могут быть несчастные случаи.

— Несчастные случаи с зубрами? — сострил генерал и улыбнулся.

— С охотниками, ваше высокопревосходительство. В лесу плохо видно, а пуля — дура.

— Завтра утром прошу... к нашему шалашу.— Полковник тоже попытался шутить.

Он был пьян.

Зарецкий отдал честь и отошел от костра.

Он уже понял, что нет сил и возможностей взять под контроль эту охоту, представленную расхристанной толпой людей. Для них это забава, средство отвлечься от тяжелой действительности, от заботы, связанной с войной, от неуверенности в будущем. Пир во время чумы...

...Хватит убийств! Возбужденная совесть и разум
Властно велят мне тревогу поднять, ополчиться
Против разбоя...

Так в XVI веке писал в поэме о зубрах Гуссовский.

Стойкая злость захлестывала Зарецкого. Ладно, будет им охота! Завтра они проспят зорю, и егеря успеют разогнать зубров, которые еще остались после рейда Кожевникова. К этому злорадному ощущению прибавлялась крупница гордости: впервые в истории великокняжеской Охоты егеря организованно выступают в качестве охранителей зверя от вельмож, а не соучастниками охоты.

Сняв с плеча винтовку, он поднялся на крыльцо кордона и лицом к лицу столкнулся с Улагаем. За спиной есаула топтался Семен Чебурнов и какие-то два черкеса.

Кровь прилила к щекам Зарецкого. Есаул отвернулся. Ни слова приветствия, ни слова вообще. С гулко забившимся сердцем Андрей шагнул в помещение. Что этому здесь надо?

В комнате сидел Кожевников.

— Встрелись? — спросил он. — Ну, гляди в оба! Он не хотел показываться, меня увидел — и назад. А я тут охотников подговаривал, чтобы иттить со мной в Лабазановы пещеры. Будто от себя. Намек дал, что ради деньжонок. Тайно. Кажись, клюнуло. А теперь и не знаю. Оставлять тебя без поддержки неохота. Их четверо, видал?

— За себя постою, не беспокойся.

— Тут Власович с часу на час прибудет, ты уж его не отпускай от себя. А я пойду. Дня четыре повожу, пока сами домой запросятся. Придут, так им уже не до охоты.

Спали они с Кожевниковым бок о бок у костра. Помещение кордона на ночь занял сухонький генерал. Сон то и дело прерывался выкриками от других костров, где все еще пировали. Неспкойная ночь. И где-то рядом Улагай со своими янычарами. Кожевников часто подымался и осматривался.

Далеко не все охотники проснулись на заре, да и настроение у них нельзя было назвать боевым. Кожевников ушел. Около него сгрудилось десятка полтора храбрецов, денщики держали лошадей, а егерь тихо-вкрадчиво говорил, подогревая страсть:

— Жил тот Лабазан в пещерах, там у его, сказывают, клад зарыт, а на могиле черепа зубрины. А уж зверя в лесах опосля его смерти расплодилось!

Вскоре добрая половина охоты растаяла в предрассветном тумане.

Остальных егерей в лагере не видели с вечера. Они гнали зверя с Сулиминой поляны в глубь долины.

Сухонький генерал проснулся первым, денщик подал ему умыться, побрил. Покушав, он изволил заметить егеря. Генерал подошел, приветливо поздоровался, расспросил о службе, после чего высказал затаенную мечту свалить зубра. Никогда не видел этого зверя, но много слышал. И будет очень благодарен...

— Не удастся, ваше высокопревосходительство, — сказал Зарецкий.

— Даже с вашей помощью?

— Зубры сейчас высоко на альпике. Там, на лугах, к ним на выстрел никто не подойдет. Если бы позже, в октябре.

Генерал пожевал губами. Доводы казались ему уважительными. Привычно скрестив по-наполеоновски руки, меланхолично заметил:

— Последняя, быть может, возможность, хорунжий.

— Приедете следующей осенью.

— Нет. Неотвратно идем к войне. Не до охоты.

Вышел заспанный, помятый полковник.

— А, это вы, — сказал он. — Все еще хотите охотничий пасьянс разложить? Ты — туда, ты — сюда... Кто вас будет слушать? Орлы горят желанием. Пусть где хотят, как хотят и сколько хотят.

И все-таки Андрею удалось показать границы гая, расставить охотников так, чтобы не постреляли друг друга. Далекие хлопки выстрелов радовали его: егеря делали свое дело.

Занимаясь всем этим, Зарецкий постоянно искал есаула или его людей. Он не терял собранности и осторожности. Выстрел на охоте... С кем не бывает. Такая история Улагая вполне устраивала.

Но ничего не случилось. Гай свернулся часам к трем. Итогом всеобщего загона оказались четыре косули, старый, ленивый медведь и два красавца оленя, каким-то чудом ушедшие от егерей. Охотников, добывших оленей, несли на руках. Появился и Семен Чебурнов. По тому, как один из удачливых охотников обнял его, Зарецкий понял, что Семен помогал выслеживать рогача. И тут деньжонки заработал.

Есаул со своими черкесами словно сквозь землю провалился. Зато приехал Телеусов. И уже не отходил от Андрея.

Еще три дня продолжалась охота в этом районе. И три дня не приходили вести из группы Кожевникова. Лишь на четвертые сутки показалась молчаливая цепочка всадников во главе с бородатым егерем. Без зубров. Правда, на вьюках колыхалось мясо в мешках, шесть турьих голов свидетельствовали о некоторой удаче. Привезли также семь зубриных черепов со снятыми рогами — это уже из Лабазановых пещер. Но клада не обнаружили, как и «множества зверя»

— Доволен? — спросил бородач у Андрея.

— Спасибо, старина.

— А где твой вражина?

— Исчез куда-то. Чебурнов здесь.

— Значит, выслеживает. Ждут, пока съедет охота. Давай и мы сгинем незаметно, а? Боюсь, как бы не разделались...

— Нет. Не отступлю, — твердо ответил Зарецкий. — Не прятаться, не обороняться, а лицом к лицу. Надоело жить с оглядкой.

— И то добре. Только нас с Телеусом не отгоняй. Их вон сколько.

Взбудоражив хребет Пшекиш, все леса вдоль Киши, охота собрала довольно скромную дань, но даже без зубров она утолила жажду крови. Охотники притихли и на девятый день отбыли в сторону Майкопа. Егеря разъехались по своим кордонам.

На Кише остались Зарецкий, Кожевников и Телеусов.

6

Какая же тишина воцарилась после отъезда охоты!

Кажется, сам воздух стал другим, очистившись от дыма, запаха жареного, винного духа, порохового чада и человеческого пота. Свежий ветер с хребтов набросил в долину ароматы трав и холодок ледников. Процеживаясь через лес, он насыщался кисловатым духом кивсяка, жаром жасмина и винной пряностью зрелых плодов, уже усеявших кроны диких груш, яблонь и черешни.

Но главное — тишина. Мирный шелест листвы, тихий шорох высокотравья, бормотанье ручьев, редкая перекличка птиц — все эти природные звуки не спугивали, а, скорей, углубляли покой.

Три егеря, незаметно покинув кордон, с утра сидели в лесу под защитой скал. Тишина убаюкала их. Где-то близко бродили четверо вооруженных людей, выслеживая Зарецкого.

Улагай, уклонившийся от честной дуэли, которую сам же в запальчивости предложил, конечно, не отказался от своей мысли «кровью смыть оскорбление». Со своей стороны Андрей Зарецкий не желал больше ни отступить, ни обороняться. Он готов был к встрече с есаулом, чтобы покончить с опасной неопределенностью.

— Ты его в глаза не увидишь, — убеждал Алексей Власович. — Скорее, нарвешься на наемников-джигитов, а он останется в стороне с чистыми ручками.

— Они ловкие, эти черкесы. Да и Семена мы хорошо знаем. Небось уже тропы перекрыли, ждут. — Это говорил Василий

Васильевич. — Одно нам остается: коль войны хотят, дать им войну. Выследим, обезоружим. Это мы вправе. Чего болтаются здесь с винтовками?

— Но Улагай имеет право...

— Его с ними не будет, это точно. Он таится один. Знать не знаю, ведать не ведаю... Их обезвредим, а уж с им ты встретишься и как там хочишь.

Уговорив Андрея Михайловича посидеть в укромном месте до ночи, а может, и до утра, Кожевников и Телеусов ушли в разведку.

Где искать затаившихся подлецов, как не над тропой в Хамышки? Именно туда должен ехать Зарецкий. Предположение не обмануло следопытов. Тайно обходя склоны долины, осматривая с верхних скал все уязвимые места над тропой, они углядели «гнездо» с двумя джигитами. Убийцы ждали жертву.

— Поведем? — спросил Алексей Власович.

— Не-е... Надо ихнего связного выследить, Семена. Он непременно рыскает от этих двух к Улагаю и обратно. Ежели угадаем его тропу, отыщем и того, главного.

— Ой, Василий, на опасное дело толкаешь Андрея!

— Он сам хочет. Справится. Знаешь, как стреляет. И силенкой бог его не обидел. А кончать надо, без этого жизни ему нет, рано-поздно они его ухайдакают, а не то и всю семью. Опасно, да справедливо: лицом к лицу, чья возьмет.

«Гнездо» оставалось под наблюдением егерей. Но они проглядели, как подъехал Семен. Когда навели бинокли, там было уже трое. Вот и дождались. Снялись, прошли сажень на двести дальше засады, нашли след коня Семенова и пошли в глубь круто падающего леса, пока не утеряти приметы. Пришлось вернуться, лечь в камнях и дожждаться Чебурнова.

Он скоро проехал назад. Смело так, даже песню мурлыкал.

Троих засекли. Осталось увидеть самого есаула.

Потайка оказалась недалеко, чуть более версты от засады. На высоком плоском уступе, в сосняке, дымил костер, конь на длинном поводке пасся немного дальше. А у самого обрыва, где сажень в пятидесяти ниже ревел приток Киши, лежал, завернувшись в бурку, казенный лесничий. У костра хлопотал Семен.

Егеря как можно быстрее вернулись назад. Теперь Семен поедет к «гнезду» не скоро, будет слушать, не прогремит ли эхо долгожданных выстрелов по Андрею.

Обезоружить двух черкесов удалось не сразу. Бока затекли, пока один из джигитов не встал и не отошел в кусты, где они укрывались. Бородач, силы огромной, навалился на него и не дал пикнуть. Паклю в рот, сыромятный ремень на руки, на ноги, концом к стволу березы — и лежи, моргай.

Второй даже не обернулся на шорох, боялся глаз спустить с тропы. Его оглушили ударом приклада, чтобы не успел нажать на спусковой крючок. Удар получился не детский, пришлось бегать за водой, отливать. Когда открыл глаза, руки-ноги повязаны, хотел крикнуть, да где там!

Обезвредив наемников, егеря перевели дух, забрали винтовки и кинжалы и пошли за Чебурновым. Его черед настал.

Наверное, Улагай нервничал, не дал Семену засидеться у костра и снова отправил его к засаде, на этот раз пешком.

Два егеря вышли на полпути из-за пихтовых стволов. Семен скинул было винтовку, но тут же оказался на земле, лицом его вдавили в лесную прель, чтобы не заорал, тем же манером связали руки и повели к «гнезду».

Он мычал, просил освободить рот.

— Орать зачнешь? — спросил Кожевников.

Семен затряс головой.

— Пикнешь — пришибу, так и знай. Ты моего кулака уже отведал.

— За что, ребята? — жалобно проблеял Семен, когда с него сняли повязку.

— Смертоубийство кто затеял? Кого вы караулите?

— Медведя...

— Дуракам кажи. Теперича засудят тебя, Семен, не отвертись. Джигиты ваши уже признались. Всё, доигрались.

Чебурнов впервые испугался. Враз обозлившись, крикнул:

— Того и берите, кто приказывает. Я — что? Я подневольный. А того вам слабо́ взять! Не по зубам.

— Не твое это дело, паршивец! — со злостью сказал Телеусов.

Семена усадили недалеко от черкесов. Кожевников выбрал себе место, чтобы видеть всех троих, поставил винтовку меж ног и, свернув сигарку, с облегчением закурил.

Телеусов на черкесской лошади, с другой в поводу заторопился к Зарецкому.

— Нашли, — сказал он, задыхаясь от волнения. — Троих повязали, Василий сторожит их, а я за тобой. Вражина твой на скале лежит, вестей о твоей смерти ждет. Пойдешь, ай как?

Андрей вспыхнул, заторопился. Бросился к Алану, подтянул подпруги и, крикнув: «Оставайся здесь!» — помчался было, но вдруг осадил коня и закричал:

— Давай быстро, Власович! В седло, в седло! Дорогу покажи!

Солнце скатывалось за горный массив, красноватый свет его, прорываясь на седловинах, полосами освещал лес — где зелено, где уже черно. Ветер затих, тепло и нега разливались в воздухе.

Телеусов остановил коня.

— Там! — Он указал на высокое плато в сосняке. — И пусть свершится правое дело.

Он принял Алана и потихоньку перекрестился. Он боялся за своего друга. Мог помочь. Но не предложил. Пусть сам...

Зарецкий подкинул винтовку и пошел навстречу своей судьбе. Или своей смерти?..

Он раздвинул сосновую поросль и увидел Улагая. Есаул стоял, освещенный красноватым солнцем, в профиль к нему, на самом краю обрыва — руки за спиной, голова откинута, простоволоса. Тишина раздражала его. Ужели не прозвучит выстрел? Винтовка лежала возле ног.

Андрей переступил влево, коснулся плечом толстого ствола сосны. Минуту глядел на врага, такого уязвимого сейчас, в сущности, беззащитного. Выстрел — и нет его. Тряхнул головой, отбрасывая дурную мысль. Уподобиться ему?..

Громко, чтобы враг не сомневался, кто рядом, сказал:

— Керим Улагай, мы здесь одни. И я готов...

Быстрым, прямо-таки кошачьим движением Улагай схватил винтовку, и не успел Зарецкий передернуть затвором, как выстрелил. Их разделяли саженей тридцать — сорок, промахнуться трудно, но и у Зарецкого инстинкт охотника сработал молниеносно. Он подался корпусом к стволу дерева, и пуля, срезав кусок древесины с корой, заодно сорвала с правого плеча его и сукно и живую кожу. Теплая кровь обрызнула щеку. «Висок!» — мелькнула страшная мысль, в глазах поплыл туман. Но все это быстро прошло. «Ранил, мерзавец!» Пьянея от крови, егерь сделал шаг вперед. Улагай, отбросив правила чести, нервно передергивал затвор, но, видно, патрон у него перекосило, он пронзительно взвизгнул, бросил винтовку и сам, как срезанный, плашмя упал на землю, впившись в нее побелевшими пальцами, зубами. Смерть. Смерть!

— Выстрел за мной, есаул, — уже спокойнее сказал Зарецкий, твердо зная, что сейчас он подымет винтовку и ненавистный ему человек обратится в ничто. — Встань и посмотри смерти в глаза. Ты заслужил ее, подлый человек. Ну! Я жду. Не будь трусом в последнюю минуту...

Улагай медленно поднялся. Белое лицо его поразило Зарецкого. Мертвец. Еще живой, но уже мертвец.

— Стреляй! Стреляй! — И вдруг обеими руками закрыл лицо. Не хватило духа. — Нет! Я не хочу!..

— Ты послал убийцу на мою тропу в Хамышках?

— Я не мог простить тебе...

— Ты сжег наш дом?

— Я не мог видеть вашего счастья...

— Чего же ты хочешь, Улагай?

— Я сам не знаю.— Он отнял руки от лица. Глаза его с ужасом смотрели на винтовку, на черную дырочку ствола. Хрипло, но уже внятно он попросил: — Оставь мне жизнь.

— И ты снова пошлешь убийцу подкарауливать меня?

— Нет. Ты даришь мне жизнь. Я дарю тебе покой и счастье.

— Мне и близким моим. Повтори, Улагай!

— Тебе и близким твоим...

— Слово?

— Честное слово офицера!

Андрей Михайлович опустил винтовку и вышел из сосняка.

— Запомни, Улагай, этот день. И уходи. Твой конь пасется рядом. Не жди своих наемников, они у нас. Я отпущу их. Но пусть и они забудут о наших лесах.

Улагай наклонил голову. Поднял винтовку. Накинул бурку. Под пристальным взглядом Зарецкого каким-то волочащимся шагом, униженный и побитый, пошел он к лошади, устало перевалился в седло и, безвольно согнувшись, скрылся на потемневшей лесной тропе.

Конь Чебурнова поплелся было за всадником, но отстал, закружился на месте и, чуя других людей, просительно заржал. Боялся одиночества и темнеющего леса.

Алексей Власович взял и эту лошадь, поднялся к Зарецкому, который так и стоял, не в силах отвести взгляда от тропы, где скрылся Улагай.

— Ты раненый! — Телеусов бросил поводья, живо открыл сумку, вытащил сверток, приказал: — Снимай куртку! Рука работает? Больно?

Он ловко и аккуратно принялся колдовать над раной. Лишь убедившись, что задета только мякоть и не опасно, успокоился. И тогда спросил:

— Значит, это он в тебя первым стрелял? Как же ты дался? А я ведь думал, что ты... Дрожал и с места сойти не мог. Все билось в голове: что будет, когда обнаружится... Значит, ты его отпустил? С миром? Ну и чудной ты! Ведь он не простит.

— Дал честное слово офицера!

— А ты поверил? Кому?!

Телеусов покрутил головой, додумывая свои мысли, потом другим, каким-то искусственным голосом закончил:

— Конечно, вам виднее, ваше благородие.

Опережая ночь, они подъехали к Кожевникову, который ладил костер и молча слушал стенания связанного Чебурнова. Егеря подняли пленников, связали одной веревкой и повели на кордон, как водили в древности своих врагов славяне. Там еще раз обыскали, отдали коней с пустыми сумами и напутствовали:

- Вон тропа, топайте по ней, и чтоб духу вашего...
- А винтовки? — спросил Чебурнов.
- У псебайского урядника будешь просить.

7

Три всадника и две вьючные лошади пробирались едва заметными тропами к верховьям Киши.

Шли гуськом, молча. Каждый думал про себя свою думу.

Андрей Михайлович зябко поеживался, передергивал туго забинтованным плечом, от которого шел едкий запах дегтя. Телеусов почитал особо приготовленный березовый деготь наилучшим лекарством для ран. Не раз испытано.

Он ехал вторым, ведя за собой вьючных коней. И всякий раз, заметив непроизвольное движение плеча у ведущего, участливо спрашивал:

— Все болит?

Зарецкий коротко бросал через плечо: «Пустяки!», или: «Так, немного» — и снова умолкал, вспоминая минувший драматический день.

Странно, но он все-таки меньше думал об унижении есаула, которого страх смерти вынудил отказаться от кровной обиды. Все это казалось здесь, в спокойном лесу, каким-то далеким, зыбким и вроде бы несущественным. Лишь рана напоминала о смертельной опасности, которой он подвергал себя.

Более всего он размышлял об охоте, безалаберной, скоротечной, кровавой, как бандитский налет, о поведении высокопоставленных лиц. Слишком очевидным был у них страх перед будущим. «После нас хоть потоп...» Эта неуправляемая охота могла стоить жизни многим зубрам, оленям, другим животным. Она могла стать побоищем. Но егеря, по долгу службы обязанные помогать отыскивать и бить зверя, выступили с удивительным единодушием в защиту зверя. Ни один зубр не пал. Все они, как и Шапошников и Зарецкий, понимали безнравственность этой последней охоты, когда один хозяин фактически отказался от своих прав на Кавказ, а другой не торопился взять ее в свои руки. Однако хозяева нашлись. Они и есть хозяева — егеря. И что бы ни произошло в будущем, именно они в ответе за свой заповедник. В особенности за зубра.

Зарецкий думал и о том, как удержать егерей, если им перестанут платить за работу, а это могло произойти очень скоро. Напрашивался только один выход: уговорить их переселиться на глубинные кордоны. С семьями, скотиной, со всем подворьем. Сделать их постоянными жителями на Кише, Умпыре, Закане, Гузерипле, в Бабук-ауле. Места для жизни там отличные.

И еще он подумал: последняя это охота в местах охраняемых или можно ждать новых налетов петербургских и кубанских стрелков, для которых «ничейный» Кавказ — рай обетованный?..

Снова зачесалось и заломило плечо. Что скажет он, когда придет домой? Можно, конечно, промолчать, но окровавленная рубашка, порванный пулей сюртук, сама рана? Впрочем, на Умпыре он попробует привести одежду в порядок, а рана... Сказать, что упал, напоролся на сук? Данута проницательна, ее не обманешь.

Алексей Власович тем временем пребывал в самом добром настроении. Все плохое позади, звери не пострадали. И с Улагаем порядок, есаулу остается только одно: уехать из этих мест подальше. Слух-то пройдет... И еще радовался он возможности показать завтра Андрею недавно выслеженное им стадо зубриц, где на восемь коров четыре зубренка. И зубров на Серегевом гае покажет. И новый дом, в котором уже живут два его помощника с женами. Сам он тоже подумывает: а не перебраться ли туда со всем семейством? Сколько дней Михайлович пробудет у него? Вместе бы проехать к барсу, пусть поглядит, как сдружились человек и хищный зверь.

Кожевников замыкал караван. Он смотрел на передних лошадей с полными сумами, где были увязаны винтовки, патронташи, кинжалы, сушеное мясо, соль — словом, все отобранное у наемников Улага. Чего Андрей пожалел этого вражину? Слово!.. Да он про то слово в ту же минуту и забудет! Как в поддавки igraют.

Небо стало меркнуть, ущелья затуманились, птицы умолкли.

— При-ва-ал! — протяжно крикнул Василий Васильевич, углядев впереди подходящую полянку с ручьем.

Спешились, размялись, вздохнули. И лошади глубоко вздохнули, свалив с себя груз.

— Давайте тихо, — предупредил Кожевников. — Туточки где-то зубры, которых мы угнали. Может, усмотрим, они через часок на пастбище выйдут. Рука твоя позволит, Михайлович?

— Что рука! Свербит немного да чешется.

— Подживает, значит.

Проводив коней на траву, егеря пошли наверх, откуда падал огромный луговой склон в окаемке лесов.

Тихий мир лежал перед ними. Все более длинная тень ложилась от низовых лесов на поляну; она освещалась розовым светом лишь в своей верхней части, тогда как в нижней синела таинственно и прохладно.

Но глаз улавливал в этом красивом, тихом мире и какую-то грустную пустоту, незавершенность композиции, словно на

полотне художника, где еще не наложены обязательные мазки. Открытый взору мир выглядел слишком пустым, растительно-тихим, как незаселенный рай.

Солнце садилось. Тень от леса накрыла большую половину луга.

И тогда в синеве затененной поляны возникли фигуры зверей. Сперва их было немного — три стайки оленух с молодняком. Но вот от леса отделились и стали рассыпаться по лугу бурые громады зубров. Через четверть часа вся теневая часть была усыпана зверями.

Зубры мелкими стадами, по четыре — шесть голов, заняли центр и правую сторону луга. Они медленно продвигались к двузубому, полуразрушенному утесу почти посреди луга, где оловянно блестела мочажина с водой. Солонец. Опущенные в траву морды зверей непрерывно кивали, словно раскланивались друг с другом. По левой стороне рассыпались олени и шустрые серны, малыши их уже выскочили на солнечный свет, пятнистые спины оживили луг. Со скал, прыгая через расщелины, сбегали к траве бесстрашные туры.

...Путь наш был раньше намечен, пытливый читатель,—
В лес, что колышется легким дыханием ветра.
В наши луга цветоносные, где на приволье
Звери пасутся, свободу вкушая по праву.
Общим усилием зубры себя защищают, а стража
Зорко следит, чтобы в стаде был строгий порядок.

Перед взорами егерей предстал первобытный мир, каким он был, наверное, до человека. И каким мог оставаться всюду, где человек брал природу под свою защиту.

У Зарецкого шевелились губы, он считал зубров. Телеусов опустил бинокль, улыбался в усы. Василий Васильевич тоже считал зверей.

— Сорок семь,— сказал Зарецкий.— Все твои, Васильевич?

— Из тех, что мы согнали с охоты. По виду скажу, что стада успокоились. Теперь помаленьку вернутся в привычные места. Тут хорошо, а всё не дома. Любят свой дом.

Солнце скрылось, и темнота быстро охватила горы, леса, луг. Смотровые кончились.

— Даже представить себе жутко, встреться охотникам вот это сообщество,— задумчиво произнес Зарецкий.— То-то была бы бойня!

— Само собой,— отозвался Кожевников.— Они затем и ехали.

— В истории человечества всякое бывало. И на Кавказе тоже.

Егеря осторожно пошли к своему лагерю.

— В этих местах? — спросил Телеусов.

— Нет, на юге. Там один вельможа по имени Агабахан лет пятьсот назад в честь победы на войне повелел устроить громадный загон, куда тысячи людей согнали великое множество зверя. Сановники и хан сидели на вышках в этом загоне и убивали по выбору. Сотнями. Тысячами, ради удовольствия. Беззащитных, обезумевших животных. Но тогда еще не было ружей... А вот полтораста лет назад, уже в Америке, куда переселялись люди из Европы, на Великих равнинах паслось, как считают, до семи-десяти миллионов бизонов. Их стреляли просто так, из-за куса кожи или чтобы вырезать лакомство — язык зверя. Какой-то охотник по фамилии Коди за полтора года убил более четырех тысяч бизонов! Лет сорок назад их оставалось уже не более сотни тысяч. По последним данным, удалось сохранить одну тысячу. Этих и взяли под охрану.

— Ну, а тот, Коди или как его там? Судили? — спросил Телеусов.

— В герои нарекли. Книги о нем писали.

— С ума мы, что ли, сходим, братцы?

— Ты в эти дни своими глазами видел сумасшедших. Боюсь, не последних.

На другой день егеря увидели русло обмелевшего Лабенка, и Зарецкий с радостным удивлением оглядел уже обжитой дом кордона, пожал руки семейным наблюдателям — первым новоселам.

— А у нас и банька готова, не угодно ли с дороги? — предложили умпырские робинзоны.

— Тебе самое кстати, Михайлович, — сказал Телеусов. — Для раны полезительное дело, ежели еще с березовым веником. Давай?

Каким свежим и помолодевшим ощутил свое тело Зарецкий после деревенской бани с веником и парком! Лучше стала заживающая рана. Спал мертвым сном.

Провели здесь три дня. Ездили смотреть зубров. Слушали рассказ наблюдателей, которые спугнули браконьеров, пытавшихся с юга проникнуть в охраняемые леса. Показали отнятые ружья.

— И отпустили с миром? — строго спросил Кожевников.

— Да как сказать... — замялись хлопцы. — Теперь-то небось уже поправились...

На кордонах война за зверя не прекращалась.

Зарецкого не пришлось уговаривать ехать на мостик барса. Тем более по пути к дому.

Телеусов добавил на вьюки кое-какой инструмент, проволоку, гвозди, чтобы поправить мост, захватил мяса. Лошадей перековали. Попрощавшись с Кожевниковым и новоселами, два всадника отбыли вниз по Лабенку.

Ночевали уже у моста, успели осмотреть его. Да, ремонт требовался. Опасным стал мостик.

Хозяин этого места заявил о себе без промедления. Его рычание с мяукающей концовкой напугало лошадей и обрадовало Телеусова.

— Здорово, здорово! — крикнул он и заторопился.

Взял кусок мяса, отошел от костра и кинул подарок в кусты жимолости. Вернувшись, взял лошадей.

— Отведу их на поляну, где прошлый раз паслись. От греха подальше. Друг-то наш к костру прибудет.

Барс, конечно, нашел мясо, но у костра гостить не торопился. Наверное, присматривался, нет ли какого подвоха.

С утра начали работать на мосту. Спилили два граба, накололи новые плахи, связали цепями и проволокой ненадежные места. Хлопот хватило на весь день и еще осталось.

Барс заявился только под вечер. Встал на камне, на виду, похоже специально, чтобы на него поглядели — вот я каков! Зеленоглазый красавец в пятнистой шкуре. Егеря делали вид, что зверь их не интересуется, и это совсем успокоило хищника. Он подошел ближе, прошелся сажень в тридцати. Ему бросили еще кусок. Взял, лег, как кошка, и, жмурясь от удовольствия, съел. Потом постоял в ожидании и переступил еще шагов на десять ближе. Вот он я...

Алексей Власович присел и на корточках, с мясом в руке, стал двигаться к зверю: ниже ростом — меньше страху. Барс чуть попятился. Они сошлись сажени на три. Человек, протягивая мясо, заговорил со зверем. Уж каких добрых слов не сказывал, какими ласками не награждал хищника! Смысла сказанного барс, разумеется, не понимал, но интонация доброты доходила до него. Зарецкий смотрел — и глазам не верил: барс прилег и положил голову на передние лапы — словно говорил: ты мне друг и я не боюсь тебя. Телеусов кинул ему кусок — недобросил. И тогда барс подгрел мясо лапой и, чуть отодвинувшись, принялся грызть, не обращая внимания на человека — не страшный, знакомый, чего бояться?

Телеусов опять заговорил, а барс лежал, не спуская с него глаз.

— Подходи, Андрей, — сказал егеря через плечо. — Мясо возьми. На корточках.

Барс нехотя отошел. Недалеко. Андрей Михайлович тем временем подкатился и сел обок с Телеусовым. И опять к барсу полетело мясо. Хищник поморгал, потянул носом, привыкая к полузабытому запаху Зарецкого, и стал подходить.

— Ты не бойся, это свой, приглядишься-ка да поздоровкайся.

Зарецкий мог, наверное, подойти еще поближе, барс был спокоен, но не решился. Мясо было съедено, люди и зверь посидели в отдалении, и егеря тем же манером, на корточках, пошмыгали к костру, а барс остался. Он по-кошачьи облизывал лапу и тер нос, усы, лоб.

Пока люди делали мост, он крутился возле, подходил к мосту, дожидаясь, когда разрешат пройти на ту сторону.

— Давай разойдемся,— сказал Телеусов.— Ты здесь, а я стану на той стороне. Как он войдет, ты замкни его, стань у входа. Посмотрим, что выкинет.

Видно, барсу хотелось на ту сторону. Он смело ступил на новый настил, но тут заколебался. Переступал осторожно, прихихиваясь к каждой плахе. И вдруг заметил, что человек сзади раскинул руки, ухватившись сразу за оба перильца. Западня?.. Дико оглянувшись, зверь прижался брюхом, как перед прыжком, с надеждой глянул вперед. Мостик покачивался над потоком. Телеусов стоял в самом конце, прижавшись спиной к дереву, за которое был зачален канат. Проход был, но узкий. Полуползком, напружиненный, как сталь, барс подкрался и вдруг рассчитанным прыжком, почти на уровне лица егеря, так, что тот почувствовал щеками мягкую шерсть, перелетел в кусты.

— Пронесло! — Алексей Власович вздохнул и провел по лицу ладонью.— Иди, он нам свои пещеры покажет. Да захвати кусочек.

Барс скрылся, потом появился выше. Они пошли за ним. Левей моста за зверем чернел вход в пещеру. Егеря поднялись — и туда. Барс попятился в кусты можжевельника.

— Э-э, сколь душ ты погубил! — Телеусов ткнул ногой кости, набросанные у пещеры.— Глянь, волчьи черепа. А это серна и еще волк або собака. Вот где он живет.

Согнувшись, вошли в пещеру. Она оказалась обширной и сухой, заворачивала вглубь, но там светился второй вход, заслоненный сосенками.

— Удобное место.— Зарецкий огляделся.— Тут и человеку жить можно. Мост виден, отход обеспечен. Стратег наш трехлапый.

Почему-то барсу захотелось повторить маневр людей. Они вышли в распадок, спустились вниз. И он тоже, словно проверяя, прошел следом. Но смотрел спокойно. «Мой дом — ваш дом...»

— Будь здоров! — крикнул Телеусов.

И они вернулись к лагерю. Барс лег мордой на мостик и надолго застыл в этой позиции. Размышлял, что ли...

— Ну?! — Телеусов глядел на Андрея.

— Никто не поверит!

— Пушай не верят. А у нас с тобой друг. С клыками и когтями. Нас не тронет, от чужих оградит. Ай не так?

— Ему еще показать надо, кто чужие.

— Все остальные, окромя нас с тобой.

Уезжая в сторону Черноречья, они еще какое-то время видели своего барса. Он шел за ними. Нервная дрожь то и дело пробегала по лошадиным спинам.

8

Вот еще выдержка из второго письма Филатова:

«Уведомляю вас, Андрей Михайлович, о недавней кончине Карла Гагенбека, последовавшей 14 апреля 1913 года, на семидесятом году жизни. Очевидцы рассказали мне, что гроб с телом выдающегося натуралиста на руках пронесли по аллеям зоопарка, чтобы звери в последний раз могли увидеть своего Цезаря. Такова была воля покойного.

Для Вас небезынтересно знать и следующее: на похороны старого Гагенбека приехал граф Арним. Передают, что на другой же день он потребовал от наследников — Лоренца и Генриха — выполнить давнее обязательство, которое в письменной форме оставил ему покойный: передать в Бойценбург кавказского зубра.

В самой любезной форме сыновья Гагенбека представили оправдание, почему они задержали отправку зубра: в 1912-м и 1913 годах от него не было потомства. Лоренц и Генрих убедили графа оставить Кавказа в Штеллингене еще на год-другой, после чего обязались лично доставить зубра в Бойценбург.

Арним скрепя сердце согласился на новые условия, которые и были узаконены документом.

Так что Ваш питомец до сих пор проживает в городе Гамбурге...»

* * *

Как же удивился Андрей Михайлович, когда на подходе к родной станции вдруг увидел Дануту и своего малыша!

Они бежали к нему. Мишанька повизгивал и отставал, мама тянула его за руку и сама что-то возбужденно кричала.

Андрей соскочил с седла, подбросил на руках сына, прижал

к себе жену, расцеловал обоих, и пошел-пошел круговорот вопросов, восклицаний, ответов, визга, смеха.

Алан стоял сбоку, переступал с ноги на ногу и косил синеватым глазом на людей, к которым искренне был привязан. И когда хозяин усадил в седло Мишаньку, враз вцепившегося за луку и за гриву, когда Данута прижала красивую голову коня и поцеловала его в нос, он не шелохнулся, дабы не повредить малышу, коротенькие ножки которого смешно торчали по обе стороны широкого седла.

Так они и пошли — Мишанька верхом, поддерживаемый сильной рукой отца, и Данута об руку с мужем.

— Мы третий день ходим встречать тебя, — сказала она. — И вот, как видишь... Ты ехал один?

— С Телеусовым. Он остался на лесопилке, брата проведать. И еще нас провожал барс.

— Барс?

— О, это целая история, я расскажу тебе потом. Прямо по Кипплингу. Шерхан, только добрый. Как поживают наши?

— Когда тебя нет, папа места себе не находит. А мама все шепчет и молится.

Андрей вспомнил выстрел у сосны. Не любовь ли матери спасла его в тот миг?..

Как описать общую радость, когда вся семья оказалась в уютном отчем доме! Не так уж часто удавалось собираться вместе. И на этот раз Андрей с болью в сердце заметил, что делает с людьми неумолимое время. Совсем седая, сухонькая мама. Еще более сторбившаяся, пухлолицая, готовая ежеминутно расплакаться Эмилия. Пожелтевшее лицо отца с сурово сведенными седыми бровями. Старость, старость. А вместе с ней и страшная беспомощность, когда без поддержки детей и внуков уже нельзя, невозможно прожить. Вот когда нужно вместе.

Ранним утром другого дня явился Щербаков, снял фуражку, пожал всем руки и скороговоркой сказал:

— С плохими вестями, Михайлович. Не обессудь.

— Рассказывай. — Зарецкий подвинул старшему егерю стул.

— Нет, прежде о новости хорошей: казенный лесничий съехал из наших мест. Говорят, перевелся в свои края, в Суворово-Черкесский аул. Хоть молебен заказывай.

Андрей Михайлович сохранил присутствие духа. Даже не улыбнулся.

— Ну, а плохие вести?

Та самая безалаберная дикая охота, которую они постарались вытеснить, грозным эхом отозвалась в станицах и охраняемых лесах. Щербаков выложил на стол перед Зарецким два

рапорта с кордона на Большой Лабе. Там, неподалеку от больших станиц Бесстрашной и Упорной до Преградной и Урупа, паслись стада зубров, которые давно привлекали к себе жаждущих охоты станичников. Стоило только казакам узнать об охоте — и невиданный размах лесного разбоя захлестнул охраняемую территорию. Сразу семь или восемь групп «охотников», до сотни человек, устремились в горы. И пошла потеха!

— Сообщили, что убито семь зубров, — говорил Щербаков, — десятка два оленей и серн. А уж кабанов, медведей!.. На куниц силков понаставили тысячи, мясо зубров идет для приманки в капканы. Дело чуть до смертоубийства не дошло. Власенку ранили, двух других избили до полусмерти. И все мерзавцы, кого повязали, орут в один голос: «Значит, нам нельзя бить зубра, а гостей из Питера не вяжете! Кому можно, а кому нельзя? Князь — не хозяин, леса наши и зверь наш, валяйте от греха подальше!»

Андрей слушал, потрясенный. Семь зубров! А возможно, и больше, кто там считал! А что на Гузерипле? Что на Кише? Ехал, радовался: удалось наконец главное дело жизни — стадо растет, зверь сохраняется. Чертова охота все перевернула. Слух о ней прошел — и прости-прощай спокойствие! Станичники взялись за винтовки, силками и капканами лес опутали. Как им объяснишь, что дикий зверь не для князя, что это народное достояние, что зубра нужно сохранить потомству?

— Пиши, Михайлович, рапорт в Екатеринодар, пусть через станичных атаманов воздействуют. А то завтра и псебайцы войной на Умпырь пойдут, и даховцы в Кишу проберутся. Истребят зверя.

— Кому писать-то?

— Самому наказному атаману пиши.

Андрей Михайлович задумался. Разве что...

На другой же день он отправил прошение на имя недавно назначенного атамана Войска Кубанского генерала Кияшко. Тем временем Щербаков, собрав восемь егерей, уехал на Большую Лабу. Хоть как-то преградить пути к дикому зверю.

Ответа от наказного атамана не последовало.

Урон зверю мог быть ужасающим, но тут пришла спасительная зима, отрезала пути-дороги в глубинку, засыпала снегом тропы. Передышка.

Неожиданно в Псебае появилась Катя. Едва переступив порог, спросила Дануту:

— Можно, я побуду у вас два дня?

— Что ты спрашиваешь? — удивилась Данута. — Где Саша?

— Он покинул кордон.

— Арестован?!

— Нет. Его срочно отозвал Центр. Сейчас в Новороссийске. Где будет завтра, не знаю.

— А ты?

— Послезавтра еду в Ростов. Что-то происходит, как перед большими событиями. Я со слезами оставила Гузерипль. Так привыкла...

Андрей только за голову схватился, когда пришел домой и Катя повторила для него свой короткий рассказ. Пустой кордон! И неизвестность Сашиной судьбы...

В один из первых зимних дней, когда Андрей Зарецкий — похудевший, неузнаваемо суровый, с резкой складкой меж бровей — находился дома и задумчиво ласкал сына, ворвалась Данута. Раскрасневшееся лицо ее так и сияло от радости.

— Вот, читай! — Она протянула ему свежий номер журнала «Нива». — Я по дороге листала и сразу нашла...

Небольшая заметка гласила:

«Недавно в швейцарском городе Берне состоялся Первый международный конгресс по охране природы, созванный после длительной организаторской работы, которую взяли на себя братья Соразем, известные в Европе натуралисты.

Среди материалов этого весьма своевременного учреждения мы, к радости своей, находим оценку деятельности россиян, сумевших, как сказано, сохранить в своих резерватах единственных по уникальности зубров, число которых в Беловежской пуще, на Западном Кавказе, в Гатчине и Аскании-Нова по разным источникам считают от 1200 до 2000 голов. Россия обеспечила хорошую охрану этих доисторических быков, показав остальной Европе пример полезной всему человечеству деятельности».

Андрей Михайлович поцеловал жену. Спасибо. Конечно, приятное извещение. Первое признание егерской службы. Может быть, после этого что-нибудь изменится к лучшему? Все-таки авторитетный конгресс.

Шли недели. Ничто не менялось.

С первых дней марта Зарецкий и все егеря безликой Кубанской охоты, не зная усталости, объезжали кордоны, проверяли дороги и тропы. Гремели выстрелы, приходили подметные письма с угрозами. Словом, шла не тайная, а уже явная война, где убежденность и храбрость одних людей встречались с силой и подлостью других, чьим девизом была легкая нажива.

Лето 1914 года осталось в памяти егерей как самое тяжелое испытание их возможностей.

Пока дикий зубр охранялся, он спокойно жил, свободно передвигался, в стадах появлялся молодняк. А сами стада оставались вне опасности под защитой егерей. Уйди они — и зубры

становились беззащитными. Их считали на сотни. Охотников на них — тысячами. Зыбкое существование на ограниченной территории в окружении сильных врагов. Уцелеют ли?..

Андрей Михайлович вынашивал дерзкий по замыслу план. Он хотел обратиться через газеты к научной общественности России и рассказать о тяжелом положении зубров на Кавказе. Для этого хотел ехать в Петербург, поговорить с зоологами, побывать в Академии наук. Он уже сделал набросок статьи. Данута готовила ему вещи в дорогу.

И вдруг все изменилось. Планы, задумки, сама жизнь — все перевернулось.

20 июля¹ 1914 года Германия объявила войну России.

Уже на другой день известие это достигло самых дальних уголков области Войска Кубанского.

За какой-нибудь час Псебай стал похожим на потревоженный улей. Казаки вышли на улицы, толпами повалили к станичному правлению. Все больше людей в черкесках и при оружии вливалось в толпу. Звонили колокола. В обеих церквях служили молебны. Из открытых окон слышался неутешный женский плач. Ржали кони. Скакали вестовые.

Утром 22 июля казаки потянулись на учебный плац. С конями, с зачехленными винтовками, с полными сумами. Съезжались из лесных хуторов и ближних поселков. Их провожали целыми семьями.

Андрей Зарецкий, с лицом побледневшим и строгим, застегивал походные сумы. Отец помогал ему. Руки старого воина дрожали. В широко раскрытых глазах притихшего Мишаньки застыл непроходящий страх.

— Что же теперь? — шептала Данута.

Андрей молчал. Мысли мешались, путались. Сынок, Данута, Кухаревич, зубры, лесные тропы, старые родители. Телеусов, снова зубры — дело его жизни. Как же они без него? Что будет с ними? Почти все егеря уходили на войну. Впрочем, уходили и охотники, еще недавно бродившие по следам зубров. Может быть, это благо, когда меньше винтовок в станицах? О господи, благо! Война — благо?.. А надеяться надо. Без надежды нельзя.

Прощание было тяжелым. В последнюю минуту мама и Данута посадили в седло к Андрею Мишаньку. Глаза его блестели от слез. Понимал...

Раздалась команда. Сотня пошла в Лабинск.

В первом ряду негромкий, дрожащий голос вдруг зашел:

¹ Старого стиля.

Тает, тает сизый дым, ты прощай, станица!
Мы тебя не постыдим, будем лихо биться!

Сотня голосов сразу подхватила, словно только и ждала
запева, чтобы утопить в песне и щемящую жалость, и боль,
и тяжелую, чугунную неизвестность:

...Э-эх, аудит моя рука,— будет с немцем рубка,
Помолись за казака, белая голубка!..

Андрей оглянулся. Данута стояла, прижав ладони к лицу.
Вторая сотня, взявшая рысью с места, догоняла их.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

КНИГА В СИНЕМ ПЕРЕПЛЕТЕ

ИЗ ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ ЗАРЕЦКОГО

З а п и с ь п е р в а я

Бои в Восточной Пруссии. Ранение Телеусова. Письма Дануты и Шапошникова. Вести об Улагае. В тылу врага. Беловежская пуща. Дорога к фронту

1

Серое, ровнехонькое, как бесконечный мазок, небо. Солнце только угадывается за толстыми, низкими облаками. Влажный, слишком резкий для августа ветер. Не просохшие после дождя желтые чавкающие дороги. Мелкий лес, вересковая заросль, за ней — болото и свинцовотусклая, взлохмаченная ветром вода в озерах. На пригорке вдали — черный сосновый бор. Угрюмый, сумеречный пейзаж, особенно непривычный для людей с яркого юга.

Казаки всматриваются в неясные дали, хмурятся, вздыхают и, чтобы не дать разыгаться тоске, берутся за работу: откуда-то приволокли крестьянские косы и принялись валить траву на полянах. Другие пилят ольху и укладывают накат над землянками. Их наскоро вырыли на западном склоне сухого холма. Работа идет в молчании, но дружно. В трехстах шагах на лесной поляне фыркают кони, хрустят сочной травой. Там наш ближний тыл.

Все егеря в моей сотне — Телеусов, Кожевников, Власенко, Лихолетов, Щербаков. Нет с нами только Христофора Георгиевича Шапошникова. Его оставили в Майкопе, чтобы вскорости отправить в Кавказскую армию к турецкой границе. Через день прибыл отставший в пути урядник Павлов с земляками. И тут же исчез Семен Чебурнов. Не понравилось. Узнал, что есаул Керим Улагай находится при штабе командира конного корпуса Хана Нахичеванского, сумел послать о себе весточку и тотчас был отозван. Никто по этому поводу особенно не тужил. Телеусов даже перекрестился: одним вражиной меньше. И то правда. Все остальные псебайцы дружны и готовы постоять друг за друга.

Уже известно, что мы приданы пехотной дивизии в качестве летучей конной разведки. У нас пулемет на двух вьюках и сто сорок сабель. К боям и разведке готовы.

Стоим мы у самой границы с Восточной Пруссией, на выступе против немецкого города Гольдапа. До него шесть верст. За нашей спиной расположилась масса пехоты, по сторонам — ее боевое охранение. Два дня назад наш разъезд ходил на ту сторону и без потерь приволок двух пленных, саксонских кавалеристов. Я их допрашивал. Рассказали, что против нас стоит 8-я немецкая армия, а сами они в составе конной дивизии только что прибыли из Бельгии, уже занятой немцами. После этого мы срочно отправили пленных в штаб 1-й армии генерала Ренненкампа.

Назавтра у меня уже другой приказ: разведать артиллерию перед фронтом, найти и обозначить удобные переправы среди бесчисленных озер, болот и каналов.

Ждем ночи. Решаем идти спешенными группами по восемь — десять человек. Коней поведут сзади на случай срочной необходимости.

В общем, война для нас началась сразу же, как только прибыли. Похоже, что уже не осталось винтовки, из которой не успели выстрелить. Но шашки из ножен не вытаскивали, в атаку пока не ходили. Чувствовалось высокое напряжение духа. Настроение приподнятое. Поговаривали о наступлении. Армия уверена в скорой победе.

Судьбе оказалось угодно подкрепить тогда же это высокое настроение новым боевым успехом. Мы нащупали переправы, обозначенные самими немцами, видимо, для атаки с их стороны. Теперь очень важно, кто прежде сумеет воспользоваться этими немногими переправами в толях и озерах. Артиллерии впереди у противника не оказалось. Свои пушки они спрятали за укрытиями с легко угадываемой целью: при надобности выкатывать их на открытые позиции и бить шрапнелью по нашим. Все эти сведения разведки тут же стали известными в штабах. Постреляв совсем немного, мы вернулись на свои позиции.

И вот — началось.

Опередив намерения немцев, русская пехота неслышно обтекла нас с двух сторон и пошла в атаку, выставив тучу штыков. Пушки ударили по окопам и ближним тылам немцев. Серый рассвет окутался дымом. Справа, слева, впереди слышалась частая стрельба, крики, какой-то грохот. Все покрывал басовитый гул орудий.

Наша сотня в полной готовности стояла на опушке леса. Кони нетерпеливо переступали, грызли удила. Многие казаки мелко и часто крестились. Первое серьезное дело. Что ожидало нас?

Прошел час, второй. Судя по удаляющимся звукам, атака удалась. Бой уходил все дальше на запад.

Прискакал вестовой с приказом: пробираться южнее Гольдапа и оседлать вместе со всей прибывающей кавдивизией дорогу на Ангенбург, куда теперь отходят немцы.

Раздалась команда: «По коням!» Я оставил у холма только троих, чтобы указать путь другим сотням. Псебайцы лавиной пошли на запад.

Этот и последующие дни были триумфальными. Мы первыми ворвались в Ангенбург. Сеча оказалась яростной, пруссаки дрались отчаянно, но подоспевшая пехота штыками опрокинула обороняющихся и отбросила за систему каналов, соединяющих Мазурские болота. Казаки взяли более двухсот пленных, в касках с острием на маковке, в новеньких шинелях.

Получив похвалу от командования и право на однодневный отдых, сотня организовала бивуак уже на вражеской земле. Мы горестно и торжественно похоронили шестерых товарищей. Раненых оказалось до сорока, но в лазарет увезли только четырнадцать. И среди них Алексея Власовича. Не повезло ему в этом бою: пика немецкого драгуна порвала егерю бедро, но Телеусов, храбрый человек, успел в упор пристрелить обидчика. Уезжая, он плакал, и я затрудняюсь сказать, отчего: от страха за свою жизнь или от запоздалой жалости к убитому. К войне надо привыкать, не всем удается это без боли. Первый человек, которого он лишил жизни...

— Поразмысли, Власович: или мы, или они нас, — сказал я, успокаивая друга. — Ты скоро вернешься.

Все дальнейшее, что происходило в августе первого военного года, получилось таким непонятным и странным, что мне даже теперь, спустя время, трудно написать об этом связно и хоть с какой-то долей анализа.

Наступление шло успешно. Наша 1-я армия за две недели, после разгрома немцев под Гумбиненном, Инстенбургом и Ангенбургом, вышла к двум крепостям, прикрывающим Кенигсберг — Либау и Ротау. Победа!

«На нападающего — бог!» — громогласно пропел на молебне полковой священник и тут же объявил, что вторая наша армия, под командованием генерала Самсонова, не менее успешно движется с юга от реки Нарева в тыл Кенигсбергу. Уже взяты Алленштейн и Тильзит, до Балтийского моря осталось менее ста верст, и скоро немцы в Пруссии окажутся отрезанными и зажатыми в здешних болотах.

Каким громовым «Ур-ра!» мы встретили это сообщение! Офицеры в штабе командира конного корпуса Хана Нахичеванского, где были кубанские, терские, астраханские казачьи полки и отряды горцев, час от часу ожидали приказа войти в прорыв,

чтобы довершить начатое и лихой атакой пройти по глубоким тылам, уже открытым пехотой, а потом соединиться с передовыми отрядами Самсонова. Единственно мыслимое решение, чтобы поставить в этой операции точку.

Но приказа не последовало. Конница продолжала стоять, нас словно бы исключили из военных действий. А тем временем фронт Самсонова вдруг остановился, дивизии стали окапываться. Вскоре после этого поползли самые невероятные слухи о разгроме 2-й армии. Как это могло случиться? Далее стало известно, что 2-я армия попятилась, что она отступает. 20 августа на полковой церковной службе среди имен воинов, погибших смертью героев, упомянули генерала Самсонова. Потом все узнали, что генерал застрелился в Сальдау 18 августа, не вынеся всех событий, связанных с разгромом своей армии...

Две дивизии из конного корпуса наконец снялись и спешно пошли через Августов и Осовец по левому берегу Нарева на юго-запад, чтобы поддержать павшую духом 2-ю русскую армию. Пожалуй, слишком поздно.

Наша сотня находилась в дивизии, остановившейся южнее Млавы.

Что-то сломалось в так успешно начавшейся операции.

Георгиевский крест, пожалованный мне за ангенбургскую атаку, не развеял горечи от общей неудачи.

Только отсюда, из Млавы, мне удалось послать первое письмо домой.

Прошли долгие три недели, пока я получил наконец письма. Один конверт надписан рукой Дануты.

2

Моя славная жена сообщала, что в семье все живы, дружны и заботливы и только не перестают тревожиться о моей судьбе. Лишь после получения письма эта тревога, пусть на время, но все-таки рассеялась. Письмо читали вслух, собравшись в комнате тети Эмилии, которая теперь почти не вставала с постели, неотвратимо приближаясь к своему концу. Мишанька при чтении письма сидел на коленях у матери и не выпускал из пальчиков конверта со штампом «Действующая армия». Это было для него вещественным доказательством существования отца. Милый мальчик, он и не ведал, как часто письмо, написанное с фронта, приходит к родным, когда написавшего уже нет в живых!..

Среди всяких новостей Данута очень серьезно сообщала, что теперь у папы над столом висит подробная карта всего фронта —

от Карпат до Восточной Пруссии — и он, получив газету, тщательно разыскивает города, реки и населенные пункты, через которые проходит на тот день линия военных действий, обозначает их булавками и протягивает меж булавками цветную нитку. Как же радовался он нашему продвижению на Кенигсберг и как переживает ныне неудачу армии Самсонова!

Данута писала далее, что «на кордонах тишина». Конечно, старым и малым в лесных станицах теперь не до охоты, на их плечах все заботы в поле, саду, огороде, со скотиной и домом. И тем не менее не очень-то я верю в тишину. Черкесы всё так же пасут в горах скот, и кто знает, цела ли ныне «линия Кухаревича», не крадутся ли пастухи с ружьями на Молчепу, Абаго или Умпырь... Что может сделать один Шапошников, лесничий и добровольный защитник зубров, если он сам, как говорится, «сидит на вещах»!

Ни в Екатеринодаре, ни тем более в Петрограде (так с 18 августа стал называться Санкт-Петербург) никому и в голову не придет подумать о сохранении каких-то там зубров, когда очень нелегко охранить от опасного врага даже свою западную границу!

«Я преодолела наконец долголетнюю неприязнь к горам, — писала Данута, — и сделала вот уже третью вылазку в сторону Черной речки...» Эти строки я прочитал еще и еще раз, чтобы убедиться в безошибочности подобной новости. Оказывается, она вместе с другими казачками станицы по своей инициативе занялась сбором лекарственных растений для лазаретов. Вот в какую сторону направила она знания, приобретенные в институте Стебута! Верхом на конях псебайские женщины забираются теперь в горы, отыскивают корни солодки, собирают пустырник, валериану, адонис, знаменитый золотой корень, сушат целебные растения и отправляют в Екатеринодар, где из сырья готовят лекарства. Вместе с женщинами работают два чуть ли не столетних старика, от которых в свое время перенял науку врачевания и наш друг Телеусов. Они на все лето забрались далеко по Лабёнку в горы и гонят там деготь из корней березы, этот животительный бальзам, действие которого я когда-то испытал на себе.

Как ни страшно было мне за жену, гордость пересилила этот страх. Нашла свое место. Экая молодчина!

«Однажды, — писала она далее, — мы встретились у эстонского поселка с Христофором Георгиевичем Шапошниковым. Он возвращался из похода, в продолжение которого осматривал стада зверей, а заодно охотился за каким-то очень нужным насекомым для своей удивительной коллекции, собранной для Зо-

ологического музея. Настроение у него было подавленное, выглядел он беспокойным, хотя и старался не показать этого. На мой прямой вопрос, как со зверями, ответил уклончиво; похоже, в горах не все благополучно. С ним ехали Коротченко (ты его знаешь, наш сосед, старый человек, теперь тоже лесник, Шапошников уговорил его) и еще пожилой казак Седов из Сахрая, тоже добровольно взявшийся охранять покой зверя в лесах. Как видишь, друзья у зубров нашлись, пусть и не сильные, но все же... Для тебя это хорошая новость, не так ли? Будем надеяться, что стада их уцелеют и, когда ты вернешься, дорогой мой, все пойдет как надо».

Боевая тревога, прозвучавшая, как всегда, неожиданно, не позволила мне тут же написать ответ. Через десять минут я был уже в строю. Немцы, постоянно тревожившие нас, похоже, опять предпринимали атаку. На переднем крае гремело все сильнее. Мы, стоявшие в резерве, получили приказание выдвигаться к фронту.

С этого дня мы потеряли счет времени. Бои не утихали. Отступления, контратаки, набег на отдельные части противника и глубокие разведки, иногда очень рискованные, измотали людей. Немцы вели азартную игру; они нервничали, боялись наших прорывов, но и сами стремились к прорывам. Оттеснив наши армии из Восточной Пруссии, их резервы рвались теперь к Августову, к Нареву, Висле, пытаясь тем самым хоть как-то повлиять на события в Галиции, куда, к общей нашей радости, прорвались Брусилов, Иванов, Рузский и другие генералы со своими армиями. Взят Львов! Осажден и наконец сдался Перемышль. Сотни тысяч пленных! Похоже, что Россия в полную меру расплатилась за беду с Самсоновым. Национальная гордость славян возликовала.

На нашем фронте немцы вскоре выдохлись, их остановили на рубеже Немана; противник был снова отброшен к Мазурским болотам. Тут повсюду очень широко действовала конница. Наши казачьи отряды, а с той стороны немецкие драгуны то и дело обходили разорванную линию фронта и угрожали тылам окружением, вносили панику в ряды самых стойких воинов.

Дождливая осень с холодной слякотью на низменных равнинах не охладила накала боев. С переменным успехом продолжалось большое сражение западнее Варшавы и Иван-города. Не прекращались стычки на нашем участке фронта.

В моей сотне бойцы обновились более чем наполовину. Уже двадцать два псебайца остались лежать в холодной земле по обе стороны прусской границы. Хмурый бородатый Кожевников все чаще сживал в нашей землянке в позе глубокой задумчиво-

сти. Мы все устали от крови, от угрозы смерти, ночных поисков, вообще от войны, конца которой теперь не видел никто.

Лишь однажды под вечер мы все пережили истинную радость. Открылась дверь, пахнуло сырым холодом, и в облаке пара перед нами возникла худящая фигура казака.

— Разрешите доложить... Так что прибыл, ваше благородие!

Телеусов! Бледный, осунувшийся, одна бороденка торчит, в старой черкеске, которая хламидой висела на худом теле, Алексей Власович тем не менее сиял, как новенькая монета. Свои! Мы бросились обнимать его, Василий Васильевич украдкой вытирал слезы. Расспросам и рассказам не было конца. Как удалось ему отыскать своих в этом переменчивом беспорядке, понять невозможно, да он и сам толком не знал. Повезло.

Уже после ужина, расслабленные и спокойные, мы лежали и лениво вспоминали полузабытые события. И тут Алексей Власович сказал:

— А ведь я, Андрей Михайлович, в одном лазарете знаешь ли с кем лежал? В Питере-то. С твоим приятелем Улагаем. Вот как случается.

— Тоже раненый? — Сообщение я воспринял как-то очень спокойно.

— В голову. Снарядным осколком. Сурьезно. Опасались за него. Братец ихний, что в Ставке, и тот приезжали. Однако поправился. Чин полковника получил. Ему вроде бы дивизию собираются дать. Не дай бог нашу! А покелева он в районе Ковны со своими дикими. При штабе, в общем. Узнать меня не пожелали. Зыркнул желтым бешеным глазом — и был таков, заковылял, значит, в сторону. Ну и ладно, ему есть чего худого вспомнить... А тебе, Василь Васильич, Семка кланяться велел, скалил зубы, бугай.

— И он там же?

— От свово Улагая теперича ни на шаг. Ну, вроде денщика или вестового, как это у них называется. Тоже в гору пойдет при полковнике-то.

Кожевников погладил бороду и спокойно сказал:

— Слышать об этом гаде не могу, зря ты о нем. Одного хочю: чтоб в атаке или в перестрелке позади меня его не было. От Семки всякого ждать можно. Без святого в душе, вот он каков.

— Позади, если хошь, я поскачу, Василь, — сказал Телеусов. — Иль все мы втроях, рядом. Посматривать друг за дружкой, так оно верней на войне-то. Как и в горах дóси ходили. — И посмотрел на меня, улыбаясь одними глазами.

Расчудесные, верные друзья!

Когда до нас добралась наконец полевая почта, везде лежал ранний в этом году снег, а низкое небо темнело прямо над соснами. Зима. Фронт устоялся, полки зарылись в окопы и землянки, солдаты отсыпались в блиндажах. Вот тебе и скорая победа!

Мне принесли сразу четыре письма.

Прежде всего я открыл конверт от Дануты. Прочитал. Да-а, она развернула свою работу так широко и с такой очевидной пользой для фронта, что ее назначили на должность заведующей базовым пунктом лекарственных растений, и теперь, как гордо писала она, «бюджет нашей семьи состоит не только из пенсии отца и твоего офицерского пособия, но из моего жалованья также. Наш амбар и сарай, где стоял твой Алан, теперь скорее склады и место для первой обработки растений. Мишанька, который вытянулся и заметно повзрослел, всяко пытается помогать мне: связывает травы в пучки, укладывает в плетенки. Он все время вспоминает о тебе, а дедушка часами рассказывает ему о войне, читает вслух газету, рассказы из «Нивы», и хотя он мало еще понимает, все-таки слушает с открытым ртом. Вчера я получила поощрительное письмо, в котором помощник наказного атамана Войска Кубанского высказал всем нам благодарение за помощь доблестным воинам. И все-таки, все-таки более всего и чаще всего я думаю о тебе, мой милый, боюсь за тебя. Молю хранить себя в обстоятельствах, когда смерть подкарауливает всех и каждого ежечасно и ежеминутно...»

Я опустил письмо и задумался.

Данута и не подозревает, как эти слова близки к истине. Сегодня в полдень шальной снаряд из тяжелого орудия угодил в штабную землянку. Начальник штаба дивизии и пять других чинов отбыли в мир иной. А находились они всего в шестидесяти саженях от нашей землянки...

Письмо от Шапошникова, строго деловое, похожее на научный обзор о фауне заповедного Кавказа, было отослано им уже с турецкого фронта и касалось прошедших лета и осени. Массового браконьерства он тогда, впрочем, не обнаружил, но потери все же были. Двух зубров убили из нацеленных на солонец винтовок-самострелов; эти ружья стреляют без охотника, едва только зубр зацепит проволоку, протянутую на уровне колена. Старое и страшное оружие! Не только для зубра или оленя, но и для человека. Зубр крепок на пулю, чаще всего он уходит от самострелов раненный и гибнет где-нибудь в недоступной чащобе. Владелец самострела не каждый день проверяет свои западни, да и, проверив, не всегда изловчится отыскать раненого зверя.

Оба случая, писал ученый-биолог, произошли на Молчепе. Изгородь, устроенная в свое время находчивым Кухаревичем, оказалась во многих местах разрушенной, так что можно подозревать в установке самострелов пастухов-армян, которые по-прежнему все лето живут вблизи границы заповедника.

Шапошников получил также сведения с Большой Лабы, где обнаружены останки трех убитых зубров и до десятка оленей.

Далее он написал, что его попытки найти в Екатеринодаре капитана Калиновского, который все еще числился администратором бывшей Охоты, окончились неудачей. Словом, ни Охоты, ни заповедника, по существу, нет, звери в лесу ничейные, и вся надежда только на сознание местных казачьих обществ да на охранителей-добровольцев, которых набрал и оставил Христофор Георгиевич.

В общем, неутешительные вести.

Все заняты войной...

3

В конце первого года войны все дивизии, полки и отдельные отряды казаков по воле командующего были сведены в один Кавказский кавалерийский корпус. И сразу передислокация, новый поход.

Две недели на марше.

Обошли Варшаву с юга, миновали Лодзь и остановились западнее, имея на правом фланге реку Варту, верстах в тридцати от границы с Германией. Заговорили об ударе на Познань. Но то были неверные слухи. На этот раз противник перехитрил нас. Он обрушился на соседей за Вартой всеми силами 9-й армии, форсировал небольшую речку Бзуру и обошел город Лодзь. Однако немцы не ведали, что творили, Они явно переоценили свои силы.

Наш корпус на рысях выскочил к фронту и после команды «Шашки вон!» врубился в самое основание пробивного немецкого клина. Дни и ночи опять смешались. Кони и люди, в грязи и крови, то и дело сходились врукопашную. На моих глазах бородач Кожевников с безумными глазами бросился на шестерых немецких уланов, на их пики, и, увертываясь, размахивая шашкой, страшный и сильный, как раненый медведь, свалил троих. Несдобровать бы Василию Васильевичу, не окажись рядом мы с Телеусовым. Алексей Власович диким свистом поднял своего коня на дыбы, и еще один улан замертво свалился на землю. Я дважды выстрелил с руки. Да и сам бородач не сплоховал.

Страшная сила! Не знаю, как мы рубились, где черпали энергию. И когда ели, спали... Ничего не помню. Теперь, как закрою глаза, вижу одни черные бурки, слышу конское ржание, крики, лязг железа, треск пулеметов и грозный гул пушек. Так — много дней. То мы окружаем, то нас окружают, и мы пробиваемся сквозь чужие ряды. Куда-то ведут пленных, везде стонут раненые.

Мне очень помогает знание немецкого языка. Допрашиваю одного за другим трех офицеров. Откуда? Из Франции. Из Бельгии. Когда? Прямо из вагонов — в бой. Противник бросил сюда все свои резервы.

Во время одного побоища мы оказались бок о бок с полком Улагая, и я мельком увидел своего врага. Полковник рубился в первых рядах, папаху у него сорвало, он размахивал шашкой, лицо бледное, глаза горят, как у дьявола, а вокруг него — ряды диких; в мохнатых папах, стоя в седлах, с диким визгом они врывались в какое-то селение. Сама смерть, черная смерть на конях. Немцы падали, не отнимая от лица ладоней. Улагай все-таки заметил меня и моих друзей, круто отвернул коня и тотчас исчез в толпе однополчан. От этого секундного свидания у меня мороз по спине прошел. Поговаривали, что джигиты молятся на своего командира. А мне показалось, что Улагай ищет смерти. Или славы? Но смерть бежала от него, а слава следовала за ним. Ну, да ладно, кто старое вспомнит... Не до личных счетов сейчас. Суровая война.

Мои друзья придерживались иного мнения. Они не отходили от меня ни на шаг.

Бои утихли только к Новому году. Фронт не сдвинулся с места. Немцам этот прорыв не удался. Сказывали, что они потеряли тогда едва ли не двести тысяч солдат и офицеров. Поредел, конечно, и Кавказский корпус.

Затишье в Западной Польше позволило казакам привести себя в порядок. Вскоре прибыло пополнение. Корпус отошел на отдых.

Но долго отдыхать не пришлось. Молох требовал новых жертв.

В феврале пятнадцатого года почти целиком погиб 20-й русский армейский корпус, как раз там, откуда мы ушли в ноябре, — в Августовских лесах. Немцам удалось взять русскую крепость Прасныш. Правда, скоро крепость вновь перешла в наши руки. Фронт слегка изменялся по Неману, Нареву, Бобру. Конница отошла из Восточной Пруссии. Упорно сражалась крепость Осовец.

Тем временем с юга пришли хорошие вести: Брусилов снова взял австрийскую крепость Перемышль. Но в тыл ему уже

заходил враг, полки которого пришли из разбитой Сербии и пополнились болгарскими войсками. Остался в памяти страшный горлицкий прорыв. Теперь с юга и севера сближались сильные группы армий противника, бои становились все ожесточенней. Все больше артиллерии вводил враг, все меньше снарядов расходовали у нас. Тылы явно не успевали снабжать русскую армию. Исход боев часто зависел именно от этого.

Все события понуждали конный корпус отходить на восток, чтобы не оказаться в окружении вместе с Варшавской армией. Снова бои, бои без конца. Дожди льют весь апрель и май. Бурки не просыхают. Кони вымотались не меньше людей. Все сильнее ощущение какой-то растерянности в управлении войсками. Нет точных приказов. Все заметнее хромает снабжение, особенно в артиллерии, которую инспектирует наш хозяин по Кавказу великий князь Сергей Михайлович.

Говорят, что немцы уже в пределах коренной России, тогда как мы еще на территории Польши. Армии Макензена и Людингаузена сжимают коридор. Пленные нагло, без боязни говорят: ловушка для вас готова... Теперь они ведут себя куда развязнее, чем в первый год войны. При допросах они уже не гнутся, не угодничают, понимают, чей верх, я вижу ухмылку на лицах.

Казачьи, разделенные по полкам, даже по отдельным сотням, сражаются на обоих флангах Западного фронта, стараясь не дать врагу замкнуть и отрезать Варшавскую армию, которая все еще дерется у стен города, значительно западнее нас.

Мы делаем несколько рейдов на север. Возвращаемся, получаем пополнение — и опять в дело. Теперь в моей сотне только девяносто сабель. Зато три пулемета. За одним из них — псебайский урядник Павлов, опытный и отважный пулеметчик.

В мае наши войска оставили Львов и Перемышль. Немцы с юга повернули круто на север. Спешат замкнуть кольцо...

К середине 1915 года мы уже мечемся вдоль левого берега Буга, бьемся с прорывающимся через реку противником, отскакиваем назад и все время видим колонны наших войск, которые довольно организованно отходят от Варшавы и Вислы. На каждом мало-мальски пригодном рубеже пехотные и артиллерийские части останавливаются, огрызаются, иногда бросаются в быстрые и жестокие контратаки.

У нас нет приказа отступить вместе с армией. Мы ведем полупартизанскую войну, как при Наполеоне. Внезапно атакуем, вносим панику в ряды противника и скрываемся в лесах, чтобы появиться уже в другом месте.

Даже когда войска Макензена после кровопролитного боя опять захватили Прасныш и продвинулись севернее Лодзи, а другие армии под командованием Людингаузена шли по правобережью Буга на восток, мы все еще действовали в узком коридоре, пропуская последние батальоны нашей Вислинской армии, которые вместе с нами сдерживали натиск немцев и австрийцев.

Пленный австрийский полковник, взятый соседним казачьим разъездом, на вопрос о планах наступления ответил мне:

— На Москву, на дорогу из Петербурга в Варшаву.— И, поморщившись, добавил: — По пути Наполеона Бонапарта...

У противника, как видим, мысли были далеко не радужные.

Перерезана дорога Брест — Белосток, немцы быстро движутся на Гродно. Поговаривают, что где-то пруссаки успели выйти на дорогу из Петрограда в Москву, но были отброшены. Сдан Брест-Литовск.

Русская Западная армия все же успела выйти из клещей.

Только несколько казацких групп, и среди них наша сотня, все еще оперировали в районе Бельска.

Стоял конец августа. Уже начали появляться приметы осени. В березах заметнее желтели листья. Краснела по верхушкам осина. Ночью сделалось холодней. Над болотами и реками по утрам долго стоял серый туман. Все мы с надеждой смотрели на восток. Ждали приказа. Лица казаков выражали строгую озабоченность. Забыли о нас, что ли?

Последний удар вместе с двумя другими частями мы провели глубокой ночью. Дерзко ворвались в городок Бельск, изрубили на вокзале австрийских гусар, сожгли какой-то эшелон и штаб полка, а с рассветом, захватив семь повозок с продовольствием и фуражом, отошли на юго-восток, в места болотистые, лесные и малонаселенные.

Тут нас и отыскал полувзвод тенгинцев, близких соседей с Кубани. У сотника был приказ: казачьим частям самостоятельно прорываться вдоль речки Лесны на Пружаны и далее по Пинским болотам — к нынешней линии фронта.

— Где она, эта линия? — спросил я сотника и развернул карту.

Краснолицый тенгинец долго водил по карте толстым пальцем и наконец прочертил линию от Риги к Двинску и круто на юг, западнее Барановичей к Пинску.

Я не скрывал своего волнения. Отдать столько земли!.. Сотник озабоченно сказал:

— Отселева пробиваться верст сто двадцать, никак не меньше. Кабы без стычек, так за три перехода.

Он закурил, глубоко затянулся и сказал:

— Еще разные новости. Верховным у нас сделался сам государь император. Главных шпионов казнили, это они наделали всего плохого. Продавали... В России ополчение подымается. Шибко озлили нас немцы, пушай на себя и пеняют. Так что, господин хорунжий, мы с ними еще поквитаемся.

Что ему скажешь? Я все еще смотрел на карту, но думал не о тех новостях, которые услышал, а о том пути, каким мы с Телеусовым везли сюда зубренка из Бреста, вдоль этой самой Лесны, где коричневая вода стоит чуть ли не вровень с берегами, а кругом болота, леса, топи и лишь немногим известные броды да тропинки, по которым можно как-то пробиться на восток. Все другие дороги теперь забиты немцами и австро-венграми. Без проводников не выйти. А где отыскать этих проводников?

В десятке верст к северо-западу от нас чернела знакомая Беловежская пуца. Именно в эти минуты у меня и зародилась новая мысль: идти в бывший царский заказник, в темные леса, переждать там какое-то время, а когда движение врага на дорогах затихнет, двинуться по тылам к фронту, пробить его в слабом месте и выйти к своим.

4

Мы в сосновом бору южнее Беловежа, где величаво стоял знакомый мне замок Александра Третьего. Перед замком — старый бронзовый зубр, на массивном пьедестале надпись: «Воспоминание Высочайшей охоты. 1860 год». Еще южнее, на равнине, угадывался Каменец с высокой сторожевой башней. Туда нам ход уже перекрыли. Разъезд только что столкнулся с неприятелем в предместьях Каменца и ушел незамеченным сквозь мелколесье, как того требовали обстоятельства.

Есть ли немцы в самой пуце? Военный опыт подсказывал, что крупные части не могли двигаться через густой и незнакомый лес, они обходили пуцу с севера и юга, где дороги, города, мосты через каналы. Разве какие отдельные части зашли? Но с ними-то мы справимся.

Разведка с Телеусовым поскакала в леса, перебралась через Наревку, обошла знакомый нам поселок, где находился зверинец, пробралась еще глубже и отыскала пустые помещения Стражи с хорошими полянами вокруг. Вернулась, не встретив ни

одного вражеского солдата и вообще никого живого. Дорога из Бельска тоже казалась всеми покинутой.

После короткого совета мы решили идти в пушу и уже к полудню обосновались в домах покинутой Стражи, верстах в десяти от пустого зверинца. Обрадовались стогам сена, которые заготовили егеря, видимо, для зверя, выставили дозоры и решили дать себе и коням трехдневный отдых. В пуще царила тишина.

На другой день с Телеусовым, Кожевниковым и еще пятью казаками поехали в новую разведку, прежде всего — к зверинцу.

Ни души! Распахнутые ворота загонов, следы зубров, а поодаль — всеми покинутый дворец с готическими башенками. Люди ушли из опасной зоны. А зубры, которые еще недавно обитали здесь?..

Мы спешили, осмотрелись. И тут Алексей Власович подтолкнул меня. Проследив за его взглядом, я поднял бинокль. Из темного сосняка на нас с опаской взирали три пары внимательных черных глаз. Вот они... Сердце ёкнуло. Немного не такие, как наши. Привыкшие к людям зубры не уходили далеко от загонов. Они ждали подкормки. Они топтались вокруг — ни дикие, ни ручные.

— Не приведи бог, заявятся немцы, — вздохнул Телеусов. — Перебьют зверя!

Входить в притаившийся дворец мы не рискнули. Кто знает, что там? А когда, оставив двух хлопцев в секрете, подъехали к Страже, то были поражены шумным сборищем возле дверей одного дома. Казаки плотно окружали двух человек, возбужденно и свирепо кричали, клацали затворами винтовок.

— Шпиёнов изловили! — закричал кто-то издали.

Соскочив с лошадей, мы продрались сквозь толпу. Два бледных, до смерти напуганных человека в знакомой егерской форме стояли спина к спине со связанными руками. Один из них поднял глаза, встретился со мной взглядом и с затаенной надеждой, не очень уверенно спросил:

— Зарецкий? Вы?..

Это был мой знакомый, один из руководителей Беловежской пуши, ветеринарный врач Константин Иосифович Врублевский, прекрасный знаток животных и леса. Именно с ним мы ходили вот здесь почти семь лет назад.

— Развязать! — приказал я. — Отставить угрозы!

— Они следили за нами! — кричали казаки. — На деревьях сидели, зар-разы! Почто сразу не подошли? Шпиёны, к стенке их!

Второго дружески хлопал по плечу Телеусов: с этим егерем, Андросовым по фамилии, он подружился тогда же, в первый наш приезд с зубренком. И даже побывал у него дома возле хутора Новый двор, где истоки Нарева, верстах в двадцати отсюда.

Освобожденный ветеринар только головой покачивал. Вот судьба! Вот встреча! Не вернись мы к часу, казаки могли бы изрубить их. Ученый с егерем в самом деле укрывались на дубах с краю поляны, где у них были постоянные «гнезда» для осмотра зверей. Вовремя не спустились, решили отсидеться до ночи.

Казаки не сразу успокоились. Но когда Андросов сходил в потайное место и принес жбан спирта для «общества», в нем быстро признали своего, и обед сотни прошел в приятельских разговорах со «шпиёнами».

— Немцы были здесь? — спросил я Врублевского.

— Были. Не здесь, а у дворца.

— А что с зубрами?

— Мы их выпустили еще раньше. Гусары повернулись у дворца, зашли внутрь, что-то там пограбили, но не остались, лес их напугал, ускакали.

— Куда?

— По-моему, в сторону Бельска. Я из лесу наблюдал. И тогда же перебрался с Андросовым вот сюда. Заметили вас — сразу в гнездо, не поняли, что за люди. И попались.

— Странно, что здесь нет неприятеля. Не могли же немцы не знать о царской охоте?..

— Побаиваются. Но непременно заявятся. Во всяком случае, чтобы осмотреть дворец. Да и зубрами они интересуются не меньше, чем мы с вами.

— Что ж, встретим, — угрюмо сказал я.

— Не обязательно вам с ними встречаться, — задумчиво ответил Врублевский. — Пуща велика и темна, есть где укрыться. А войну в заповеднике устраивать вряд ли разумно. Пострадают прежде всех животные. Давайте подумаем, как лучше уйти к своим.

— И вы?

— Мне отсюда уходить некуда. Родина. Я поляк. Но и бошам служить не хочу. Укроюсь на дальней Страже, пережду.

— Где остальные ваши егеря?

— Кто успел уйти, а кто затаился на своих Стражах или в деревнях. А вот Николай Сергеевич только и думает, как бы бежать к своим. Родители у него возле Пинска, теперь по ту сторону фронта.

— У вас есть карта?

— И карта есть и по памяти пройду по всей пуще. Здесь мы знаем все тропы, каждое багно¹, каждую ольсу, каждый бор. На Пинск? Николай проведет вас и на Пинск.

— Он у неприятеля.

— Ох, как далеко они зашли? А Барановичи?

— У нас. Но фронт едва ли не впритык к этому городу.

— Пружаны?

— Заняты.

— Да-а... Ждать, когда замерзнут болота?

— Тогда хуже, — вставил Андросов. — Видать больно далеко, когда снег. Уходить надо до холодов, пока листва на деревьях держится.

Врублевский кивнул. Именно так.

— Но не завтра же. Людям и коням нужен отдых.

— А зверям — охрана, — сказал Телеусов. — Покамест мы здесь, зубры под нашей заботой. Отпугнем немца раз-другой — поостерегутся и не вот-то полезут в пущу, стороной обойдут.

— Они не потерпят казаков в своем тылу. — Врублевский явно не хотел, чтобы здесь стреляли и вообще воевали. — Бросят на вас большую силу.

— Во всяком случае, потреплем им нервы. — Я не мог согласиться с Врублевским.

Он это понял и промолчал.

Итак, в пуще мы нашли самое главное: проводника. Договорились, что, если опасность будет велика, переберемся еще глубже, в дальнюю Стражу. А пока будем стеречь дороги на Каменец и Бельск. При необходимости дадим бой, запугаем врага, чтобы он как можно дольше не заходил в пущу. Потом уйдем, если позволит погода. Пути к фронту Андросов знал, мы с ним уже проследили этот путь на карте.

Четыре дня прошли спокойно.

А на пятый утром к западу от нашей Стражи послышались выстрелы, редкие, явно прицельные. Через какое-то время еще, уже ближе. Ясно: шла охота. Кто-то увидел зверя и палил из винтовок. Мимо нас с характерным треском по лесу промчались невидимые зубры.

Вот и противник. Казаки изготовились. Врублевский нервничал, ходил взад-вперед, руки за спиной, но не отговаривал, понимал, что иного выхода нет.

Оставив на месте только десяток казаков, мы разделились на две группы и пошли навстречу выстрелам. Андросов не захотел оставаться. За ним последовал и Врублевский.

¹ Багно — заболоченное сосновое полестье.

Затаившись в густых зарослях лещины, наша группа прежде другой увидела на покато́й поляне редкую цепь солдат, судя по форме — австрийцев. Они шли в нашу сторону, загоном, с винтовками на руке, гомонили, переговаривались, смеялись, явно никого не боялись, словно у себя в Хеллене или Бад-Халле. Добрая альпийская охота.

Закричала неясить. Вторая группа дала знать, что увидела неприятеля. Солдаты шли полуко́льцом, охватывая лес, в котором стояли мы. Левый фланг цепи мы не видели.

— Подпустим ближе, — приказал я. — С седла, из винтовок, беглым. И в шашки!

Три зубра закружились по лесу, выскочили и галопом помчались вдоль фронта, лишь бы подальше от людей. Австрийцы разногосом зашумели. Раздались выстрелы. Врублевский прижал ладони к лицу. Лишь бы не видеть... Два самца споткнулись, упали, один успел скрыться. Под выстрелы солдат попала ошалевшая лань и маленькое стадо оленух. Несколько из них остались лежать на поляне.

— Стреляйте, стреляйте! — кричал Врублевский и сам, не целясь, нажал на курок винтовки.

Загремели выстрелы, нестройно, но били за сто саженой, на выбор. Возбужденные охотники не сразу поняли, не сразу остановились, считали, что стреляют свои. И только когда стали падать убитые, когда стрельба уеилилась и на другом фланге, догадались, что попали в западню. Бросая винтовки, они кинулись через поляну назад. Сотня развернулась, кони легко достали бегущих, и... все было кончено через десять минут.

Мы уничтожили до роты противника. Прочесывая редкий лес за поляной, нашли обоз, штабную палатку. Тут бой получился еще короче.

По захваченным документам выяснилось, что здесь находилась резервная рота из группы армий эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Она, видимо, сбилась с пути и, следуя на Слоним и Барановичи, взяла южнее, оказавшись, таким образом, в пуще. Охотничье развлечение роты стало концом ее военной истории.

Обоз, продовольствие, одежда очень пригодились эскадрону. Не бросили казаки и убитых зверей. В тот вечер у всех костров варили и вялили мясо. Врублевский замкнулся, сидел в стороне, покусывая тонкие губы. На худощавом лице его застыло страдание. Я не досаждал ему утешениями и разговором. Война вошла в его владения, в его жизнь, в мысли. Сегодня он понял, что Беловежская пуща на пороге большой беды. И уже не строил никаких иллюзий по поводу ее будущего.

Еще три спокойных дня отделяли нас от главных событий. Эти события начались с той минуты, как на Стражу прискакал дозорный и, не соскочив с седла, почему-то шепотом доложил:

— Приехали... От Каменца. Сорок сабель. Пруссаки. А впереди два автомобиля. И в их офицеры. И еще кто-то в черном.

— Пасторы? — предположил Врублевский.

— Ни-и... В котелках и в этих... Очко со шнурочком.

— Что скажете? — Я повернулся к Врублевскому. — Новая администрация пожаловала?

Ночью уже по знакомой дороге весь эскадрон подтянулся ко дворцу. Окна левого крыла желто светились. У флигеля стояли расседланные кони. Автомобили приткнулись под навес. Дозоры противника — по три всадника — в двух местах чутко прислушивались к таинственному шуму леса. Дул ветер. На дубах громко шелестел подсушенный лист.

Пулемет и десять всадников прикрытия устроились в засаде сбоку дороги к Каменцу, заперли ее. Такая же группа перекрыла на первой версте дорогу к Бельску и Черемхе. Самые отчаянные хлопцы взяли на себя немецкие дозоры. Для успеха операции требовалось убрать караулы без всякого шума.

Дворец был окружен. Рыльце третьего пулемета уставилось на парадный вход.

Первый немецкий дозор уничтожили, едва он прибыл на смену. Кавалеристы самонадеянно спешили, уселись в кружок и закурили. Шум листвы заглушил шаги казаков. В темноте свистнули шашки, кто-то приглушенно вскрикнул, кони захрапели, шарахнулись от запаха крови, но лес тоже пугал их, и вскоре они с опаской подошли к людям.

Второй дозор пришлось окружить и брать в бою. Загремели шашки, слышалась брань, крики, но не раздалось ни одного выстрела. Трое против десяти не продержались и пяти минут. Спокойствие во дворце не нарушилось.

Теперь настал час атаки. Во дворце уже спали. Свет оставался лишь в трех окнах первого этажа. Когда мы подъехали вплотную, то с седел увидели за окнами группу военных и штатских. Шестеро играли в карты. Двое, уже в ночных сорочках, беседовали в стороне. Стол под белой скатертью с остатками ужина стоял в центре комнаты.

Я посмотрел на часы. Скоро три.

Щербаков, Кожевников и мы с Телеусовым прямо с коней, выбив рамы винтовками, сиганули в зал. Немцы не сразу

сообразили, что произошло. А в следующее мгновение раздался выстрел: Никита Иванович упредил офицера, схватившегося за револьвер. Никто больше не оказал сопротивления.

На другой стороне, у входа, уже захлебывался пулемет. Наш урядник бил по двери, по окнам, через которые пытались выпрыгивать сонные кавалеристы. Хлопцы ворвались во дворец. Кто-то из пруссаков распахнул двери зала. И тут же упал. На этот раз выстрелил Кожевников. И пока здесь, при свете лампы, стояли и сидели пленные с белыми от испуга лицами, в других, темных комнатах и переходах стреляли, бились, хрипели. Пулемет замолк. Павлов свое дело сделал.

Бой продолжался минут двадцать. Потом в зал набились распаленные боем казаки. Внесли своего убитого. Это был казак из Даховской, молодой парень. Еще четверых перевязывали. Сопротивление было жестоким.

Повсюду зажгли лампы и свечи. Я приступил к первому короткому допросу.

Увидев старшего офицера в погонах оберста, спросил:

— Кто вы? Назовите себя.

— Эрнст фон Шиммер,— четко ответил он.— Начальник военного управления Беловежской пуши.

— Кем назначены?

— Штабом группы войск.

— Точнее?

— Генерал-полковником Шольцем.

— Где находится его штаб?

Шиммер сжал губы, не ответил. Не хотели говорить и три других офицера. Их всех увели. Двое гражданских, один с моноклем, всё еще не оправившись от страха. Им разрешили сесть. Они втиснулись в кресла. Над ними встал огромный волосатый Василий Васильевич, и они глаз не могли отвести от его шашки с темными пятнами на блестящей стали.

Щербаков шепнул мне на ухо:

— Поляк тебя зовет.

Я вышел в коридор. Врублевский тихо сказал:

— Одного я знаю, нас познакомили в Берлине. Это профессор Шенихен, научный руководитель Берлинского зоосада. Вот тот, что с моноклем, полнолицый. Он за зубрами приехал, имейте это в виду.

— А второй?

Врублевский пожал плечами. Не знал.

— Я не хочу показываться,— сказал он.— Вы понимаете?

Да. Ведь он хочет остаться здесь. И пусть никто не знает его причастности к событиям войны.

Вернувшись к допросу, я попросил Шенихена назвать себя.

Он сделал это, добавив, что является еще и руководителем центра по охране памятников природы.

— В Германии?

— Да, разумеется.

— А здесь вы почему? На территории России?

Он развел руками:

— Зона действия немецких войск...

— Выходит, что вы тоже воюете, профессор?

— Nein, nein!.. — поспешно ответил он. — Я гражданское лицо. Мне поручено осмотреть царский заказник и дать рекомендации новому военному управлению. Ничего более!

Я перевел взгляд на второго пленника, худого, с одутловатым, нездоровым лицом. Не дожидаясь вопроса, он поднялся и отрывисто представился:

— Эшерих, баварский лесной советник. Моя роль та же — дать военному управлению советы по Беловежской пуце.

— Вы уже считаете ее немецкой?

— Убедился, что это не так. Военные часто ошибаются. Нам говорили, что фронт за двадцать шестым градусом восточной долготы по Гринвичу. А здесь глубокий тыл. Мы готовы принести извинения, господин... э... э... лейтенант. И тотчас отбудем на родину.

Снаружи раздались крики, шум автомобиля, выстрел, второй. И длинная пулеметная очередь. Все выбежали. В пред-рассветной темноте было видно, как бежали к дороге казаки. Там вдруг ярко вспыхнуло, и тут же раздался взрыв. Пулемет уже молчал. От автомобиля полетели огненные клочья. Взорвался бак.

...Немецкий полковник все рассчитал, но не увидел пулемета, за которым еще лежал наш Павлов. И когда оберста и остальных офицеров повели к подвалу, чтобы запереть, он издали крикнул шоферу, притаившемуся в машине, тот включил мотор и с зажженными фарами направил машину прямо на людей. Полковник быстро выхватил револьвер у шагавшего за ним казака и вскочил в автомобиль. Пока ослепленный фарами конвой пришел в себя, машина уже мчалась к дороге. Немцы не знали, что дорога перекрыта. А Павлов, расчетливо отпустив их на две сотни сажень, длинно ударил по автомобилю... Немецкое управление Беловежской пуцы погибло, не успев разглядеть свои новые владения.

Я вернулся в зал и встретил вопрошающие взгляды господ советников.

— Ваш оберст пытался бежать, — сказал я, — но неудачно.

— Они... погибли?

— Взорвался автомобиль.

Воцарилось молчание. Шенихен глубоко вздохнул.

— Продолжим наш разговор? — спросил я.

Они с готовностью глянули на меня.

— Каковы намерения у немецкого управления пущи? Теперь у бывшего. Что вы хотели предложить им, профессор?

— Прежде всего я намеревался ознакомиться с животными этого редкостного заказника, в котором имел честь уже побывать до войны.

— А потом?

— Отобрать несколько зубров для зоопарков Германии.

— Разве у вас нет этого зверя?

— Есть, конечно, но прилив свежей крови... Опасность истребления в зоне военных действий...

— Вам, конечно, известно, что у Гагенбека живет кавказский зубр. Прекрасный материал для освежения крови!

— Да-да! Это ценное приобретение Гагенбека. Но и бело-вежцы — не менее ценные звери.

— Вы могли купить их еще до войны.

Шенихен только переглянулся с коллегой. Подумав, сказал:

— Возможно, что наши военные отнесли зубров к трофеям и потому позвали нас.

Тем временем рассвело. Над лесом опустился густой белый туман. Казаки собирали оружие, рассматривали уцелевший автомобиль. Воспользоваться им мы не могли, немецкий шофер погиб в перестрелке.

Устроили завтрак. Пригласили к столу советников. Беседа за столом никак не клеилась. У Шенихена дрожали руки. Конечно, никто не собирался тащить за собой через фронт этих ученых, так легкомысленно согласившихся на поездку в пущу. Тем более никто не собирался убивать их только за то, что они немцы. Но они почему-то считали, что казаки пленных не берут... И страх застыл на их лицах. Как можно спокойнее я сказал:

— Война грозит бедой не только солдатам, но и природе. Кто выступит в ее защиту, как не вы, ученые?

— Да, да... — Они кивали головами, немедленно соглашались. — Зубров надо охранять. Как и лес, где они живут.

— Несколько дней назад австрийская рота устроила здесь охоту на зубров. Мы наказали охотников. Что же будет, если завтра сюда придут новые немецкие роты?

— Да, завтра... — Шенихен посмотрел на своего коллегу.

— Что — завтра?

— Сюда прибудет батальон баварской пехоты. В распоряже-

ние нового — увы, покойного — начальника управления пущи. Заверяем вас, что неприкосновенность заказника мы будем защищать со всей строгостью и не позволим, насколько это возможно...

— Откуда батальон? Где он сейчас? — Это было так важно, что я перебил Шенихена.

— В разрушенном Бресте.

Положение наше осложнялось. Уходить придется как можно скорей. Господа советники встретят своих и расскажут, что произошло. Может быть, судьба первой немецкой администрации чему-нибудь научит вторую администрацию?..

Теперь мы дорожили каждым часом. Прозвучала команда «сбор». Уцелевший автомобиль оттащили в сторону, облили бензином и сожгли. Врублевского нигде не было. Андросов сказал, что он уехал на Стражу и ждет нас там. Оставалось проститься с советниками и приободрить их. Я вернулся в залу.

— Мы уходим, господа, чтобы не превращать заказник в место новой бойни. Вас не тронут, вы остаетесь здесь и как сможете объясните, что произошло. Позвольте мне надеяться, что вы исполните все, что сказали ранее. Не давайте уничтожать зубров, их так мало! Честь имею! Помните, мы можем встретиться снова...

— Вы уходите совсем? — спросил Эшерих.

Я промолчал.

— Прошу прощения. — Он покраснел. — Я оговорился. Вы будете охранять зверей в лесу?

— Всегда и везде. Война так же беспощадна к природе, как и к человеку. Среди моих казаков немало настоящих егерей. Они не дадут природе на поругание. Пусть ваши солдаты усвоят эту несложную истину.

Когда сотня уходила, советники не вышли из зала. Что происходило во дворце на другой день, что стало с Беловежской пущей под немецким началом, я узнал только спустя долгое-долгое время.

На Страже мы не задержались. Врублевский поехал с нами до границы пущи, тогда как Андросов собрался уходить, как он выразился, «насовсем».

6

Погода благоприятствовала нашим планам. Установились свежие ветреные дни без ночных морозов и без дождей. Леса быстро желтели, но лист на деревьях и кустарниках все еще держался, маскируя малоизвестные тропы.

Не знаю, что бы мы делали без Николая Сергеевича Андросова, этого знатока Полесья и озерно-болотного края, вплотную подступившего к Беловежской пуще! Опытнейший следопыт, он повел нас на восток кратчайшим и самым безопасным путем.

Уже в десяти верстах от Стражи Андросова сотня вытянулась цепочкой на узкой тропе. Глухой бор стеной стоял по сторонам. Обозное имущество пришлось переложить на вьюки, повозки бросили еще раньше. Через хлипкие гати переходили, ведя коней в поводу. Они храпели и косились на пузырящуюся грязь по сторонам.

Ближе к вечеру подошли еще к одной Страже, вернее, к кордону. Нас встретил высокий, хмуроватого вида егерь без фуражки, с лысой головой. Впалые щеки и острый подбородок делали его похожим на постаревшего Мефистофеля. Николай Сергеевич поздоровался с ним за руку. Врублевский что-то сказал по-польски, и тот скептически улыбнулся. Спросил:

— Пан офицер не ночует у меня? Или опасается погони?

— За нами никто не гонится, но мы пойдем дальше, пока светло.

— Воля ваша. Идите. Но там большие болота...

Андросов сказал:

— Это наш егерь, Бартоломеус Шпакович. Решил отсидеть войну дома. Бошей не боится, но и стрелять не хочет. Так, Шпакович? Не найдут они тебя здесь?

— Никак не найдут, Николай. Хочешь — оставайся. Будем ночевать глубоко в лесу. Не найдут.

— Я воевать еду, Шпакович. — Андросов вскочил на коня, поднял руку. — Поехали?

— Трогайте. — И тоже поднял руку.

Егеря еще немного поговорили, теперь о дороге, о тропах, и простились. Сотня втянулась в унылое мелколесье. Мы стояли с Врублевским, не зная, как проститься.

— Вам не страшно? — спросил я.

— Конечно, страшно. Немцы бывают безжалостны. Равно с людьми и зверем в лесу. И все-таки я постараюсь сделать что только возможно для сохранения зубров. Может быть, они найдут мой опыт полезным и прислушаются к советам?..

Он протянул руку. Я пожелал ему удачи, вскочил в седло и пустил коня рысью. На спуске оглянулся. В тени крупных сосен стояла, чуть сгорбясь, маленькая фигурка ветеринара. Такой одинокий...

Потом на остановке я спросил у Андросова:

— Что за человек Шпакович?

— Редкостный по характеру. — Николай Сергеевич ухмыльнулся. — С медвежьими хватками. Всю жизнь один. Бирюк. Трудно говорить о его честности. Но немцам он нас не выдаст, если пойдут по следу. Однако и к нам любви не проявит. И к зубрам тоже.

— Бьет потихоньку?

— Замечалось, когда нужду в мясе имел. Пуля у него верная, хоть оленя, хоть зубра — ему все одно, жалости нет.

Польский вариант Семена Чебурнова?!

К концу третьего дня довольно быстрого хода по безлюдным местам наш передовой отряд обнаружил впереди оживленное движение противника. Вероятно, мы подошли к тылам еще не устоявшегося фронта. Теперь самое главное — разведка.

Сошлись на том, чтобы послать этой же ночью пять-шесть разведчиков, конечно пеших, через фронт и договориться со своими об отвлекающем маневре где-нибудь на фланге прорыва, о времени и месте атаки. Пошли молодые, отчаянные хлопцы. Повел их сам Андросов, для которого этот хлюпающий край был домом родным. Оказалось, что семья его живет — или жила? — именно здесь, на южном, более высоком берегу Бобровицкого озера, восточная сторона которого, по слухам, еще оставалась в наших руках.

Ранние сумерки накрыли тихое Полесье. Сотня укрылась в густой сосновой роще на бугре среди вересковых куртин. Казаки почистили коней, помылись сами в холодном ручье, надели чистое белье. До возвращения разведчиков оставались сутки или двое; за это время другие дозоры взялись осмотреть всю местность вокруг лагеря, чтобы не наскочить на неожиданного неприятеля.

Первыми вернулись разведчики с юга. Они привели двух совершенно скисших немцев — артиллеристов. «Языки» бормотали о пощаде и на вопросы отвечали, как школьники заученный урок. Сказали, что первые окопы только еще роют вдоль Огинского канала, но одно селение, Телеханы, на этом берегу канала у русских, у казаков. Их побаиваются, против селения выставлена, но еще не укреплена шестиорудийная батарея крупновских пушек в конных упряжках.

— Девять лошадей, девять, герр офицер, — с готовностью повторяли пленные, и все мы подумали: что же это за пушки, если на каждую девять коней? Для прикрытия батареи пришёл батальон пехоты, но он почему-то начал укрепляться севернее. Немцы в этом районе такие же новички, как и мы. Фронт еще не зарылся в землю.

От нас до батареи было верст семь по сухому и лесистому месту, тогда как северная группа разведчиков, вернувшись, доложила, что болота за озером явно непроходимые. Значит, путь к фронту лежал южнее.

Еще одна наша группа, не замеченная противником, вышла к едва заметной тыловой дороге вдоль фронта и понаблюдала за ней. Немцы передвигались по дороге только днем, ночью не рисковали, опасаясь заблудиться среди болот. Разведчики перешли эту дорогу и подобрались сажен на сто еще к одной батарее. Пушки стояли в мелко отрытой позиции, дозоры охраняли пушкарей, не рискуя отходить дальше сотни шагов. Подходящее дело: мы могли в конном строю достать их, а потом и прорваться к каналу, за которым наши.

Под утро вернулись Андросов и один из казаков. Трое остались для связи у наших. Командир знакомого Тенгинского конного полка, занимавшего местечко Телеханы, писал мне, что они могут сделать вылазку в четырех верстах южнее места прорыва и тем отвлекут немцев. Мы же берегом озера, через батарею должны прорываться к деревне Выгонощи, на ту сторону канала. Против нас, кроме батарейцев, — полубатальон австрийцев в наспах отрытых окопах. Тут уж кто кого...

— Родных нашел? — спросил я у Андросова.

— Из деревни, видать, всех выгнали, подались куда-то. К Пинску, наверное. А в хатах немцы, много офицеров, штаб какой-то. Но вид у них не боевой, ходят лениво, видать, очень ухайдакались в болотах, пока наступали.

Этой же ночью сотня подтянулась по проверенной тропе к самой дороге и укрылась среди рослой ольхи. Один взвод подошел едва ли не вплотную к деревеньке из семи черных от времени хат.

Едва стало светать, как справа донеслась редкая, а потом и непрерывная стрельба. Деревня ожила, к позициям батареи побежали немцы. Раздалась команда, короткие стволы пушек повернулись на юг. К высокой сосне подбежали два наблюдателя, полезли. Там у них чернел помост: наблюдательный пункт. Но они успели передать только предварительную наводку. Грохнул один пристрелочный выстрел, и тут же наблюдатели попрощались с жизнью. Хлопцы сняли их, как глухарей, с близкого расстояния.

Взвод ворвался в деревню, минут двадцать молча хозяйничал там, уничтожил телефонистов, орудийную смену, штабных. В это время мы всеми силами навалились на орудия. И тоже успешно. Как жалели, что среди нас не было пушкарей! Такие пушечки! Оставалось только сбить замки и взорвать боезапас.

Впереди нас ждали изогнутые окопы. Солдаты из них выскакивали, метались, не понимая, что такое происходит за их спиной. Это смятение и погубило их. Они не успели повернуть в нашу сторону пулеметы. Черные бешметы, оскаленные лошадиные морды заполнили луг, казаки прыгали с коней в окопы, завязывали рукопашную, тогда как наши три пулемета уже хлестали вдоль луга и по флангам окопов, по землянкам и бегущим солдатам.

Все-таки это получился бой жестокий, трудный для нас и губительный для австрийцев и немцев. Более половины их, без оружия, казаки погнали к каналу, заставили плыть на тот берег, сами на конях бросились в ленивую коричневую воду. Под треск винтовок с нашего берега, отрезавшего огнем левый фланг противника, мокрые, облепленные тиной, страшные, с шашками в руках, мы выбирались на глинистый вересковый берег и падали от усталости и напряжения.

Вскоре я докладывал штабному капитану о прорыве сотни. Прискакал есаул от тенгинских земляков, поздравил с успехом. У них обошлось без потерь. У нас хуже... Девятнадцать раненых. Восемь убитых. И среди них урядник Павлов, наш славный станичник, самый опытный пулеметчик. Достала его все-таки вражеская пуля.

Вещи погибшего лежали передо мной. И среди них — знакомые серебряные часы, которыми он так дорожил.

При первой возможности вещи были отправлены в Псебай. Тогда же удалось написать наконец письмо своим. После более чем двухмесячного перерыва. Чего только не передумали дома о моей судьбе!..

7

Казаков отвели в ближний тыл на отдых. Неподалеку оказался и штаб тенгинцев. Вот когда удалось узнать обо всем, что произошло за время нашего блуждания по тылам наступавших немцев. Немало безрадостных новостей выслушали мы здесь.

Немецкое наступление 1915 года породило в умах смятение и неверие в способности высшего командования вести войну до победы. Ничего не изменило и назначение верховным самого царя. И хотя в Ставке произошло много перемен, все более явно обнаруживались какие-то просчеты. Не хватало оружия, одежды, особенно снарядов. Неслыханное дело: немцы превосходили русскую армию в артиллерии! Мы мало что знали об их намерениях, тогда как они знали о наших планах едва ли не все.

Офицеры всерьез обсуждали возможность создания какой-то новой силы, толковали о неминуемой диктатуре, о гражданском правительстве или о верности царю. И тут ощущался разброд. При взгляде на карту делалось не по себе: немцы угрожали Минску, Риге, могли прорваться на дорогу между Петроградом и Москвой. Но и они, кажется, выдохлись окончательно. Фронт стоял, стороны укреплялись и, готовясь к зиме, зарывались в землю.

В ноябре казачьи полки отозвали к Могилеву. Там располагалась Ставка. Говорили о том, что нас решили держать на всякий случай.

Прошло почти два месяца. Кончился декабрь. Невесело встретили мы новый, 1916 год.

Лишь февраль порадовал нас всех: Кавказская армия взяла у турок Эрзерум. В этой армии воевало много кубанцев, среди них наш Шапошников.

Еще через три месяца пришла первая сводка о наступлении Брусилова на юге. Вновь блеснули умением воевать: взяли Черновицы, Станислав и вынудили румын выйти из союза с немцами. Как бальзам на раны! В Ставке, по слухам, появился генерал Корнилов, бежавший из немецкого плена. О нем говорили как о герое. Дикой дивизией, которая стояла рядом с нами, стал командовать донской казак генерал Крымов. Что-то готовилось...

В Могилеве, куда иной раз удавалось выбраться, я отыскал городскую библиотеку, просмотрел много довоенных и свежих журналов. Искал вестей о Кавказской охоте. Поиск увенчался двойным успехом. В одном из довоенных номеров «Вестника Русского географического общества» нашел статью Природоохранительной комиссии. Это был страстный призыв к общественности и правительству сохранить чудесные уголки России, создать заповедники. А вскоре наткнулся на хронику, касающуюся уже Кубанской охоты. В небольшой заметке сообщалось: «На заседании Совета министров 27 февраля был подвергнут рассмотрению вопрос об учреждении Кавказского государственного заповедника... Было поставлено передать его вновь на рассмотрение особой межведомственной комиссии под председательством его императорского высочества великого князя Сергея Михайловича...»

Сколько же лет пробежало, пока что-то стронулось! Уже перед войной комиссия «сработала», она даже границы заповедника определила — точно, как когда-то наметил в своем письме Шапошников, — и главную цель указала: «Охрану кавказского зубра». Но этот проект, как писалось в журнале, встретил резкое возражение со стороны наместника Кав-

каза графа Воронцова-Дашкова и снова был отослан в Совет министров, который после этого просто уже не возвращался к надоевшей теме. Не повезло Кавказу, вообще зубрам.

Подавленный, в плохом настроении шел я тем вечером в офицерское собрание, где у меня не было друзей. Разделся, отужинал в одиночестве и, встав из-за стола, вдруг как бы внове увидел в табачном дыму большого зала полупьяных, развязных, мрачных и драчливых казачьих офицеров. Говорили все сразу на высоких, порой истерических тонах, спорили с пеной у рта — и всё о положении на фронте, в Ставке, в Царском Селе. Слова «предательство», «заговор», «сильная власть», «бунтовщики» пересыпались ругательствами и бахвальством.

За одним из столов сидел, обхватив коротко стриженную голову руками, совсем пьяный полковник Улагай. Офицеры вокруг него продолжали пить и орать, а он только качал головой, зажатой в ладонях.

Я вышел. И больше в этом клубе не появлялся.

А дни шли. Время унылых дождей сменилось днями ясными. Установилось ведро. Солнце грело, молодое лето правило миром. Сирень свисала из-за каждого забора. По-домашнему пахли сады. Тихое предместье неузнаваемо приукрасилось. По вечерам слабый серпик месяца светил со звездного неба. Казаки пели протяжные, грустные песни. Ничто не напоминало о войне, которая была рядом. О будущем думалось с тоской и стыдом. Враг-то на нашей земле!..

8

В эти теплые дни завязались упорные бои на всем Западном фронте. Сперва началось южнее Двинска. Казачий корпус снялся и в четыре перехода подошел к ожившему, гулкому от грохота орудий переднему краю. Зачитали приказ: как только пехота прорвет позиции врага, конным полкам идти в тыл немцам. Далее действовать сообразно обстановке, нанося всевозможный ущерб отходящему противнику. Лица казаков оживились. Страх не было. Заждались. Вот она, святая месть!

Стоять и ждать пришлось долго. Шли дни, а грохотало всё на том же месте. Кое-где наши сумели оттеснить врага, однако немцы тут же зацепились за вторую линию обороны, огрызались из тяжелых орудий, переходили в контратаки. Хода в их тылы не было. Мы поняли, что прорыва не получилось. Конница, поболтавшись во втором эшелоне, вернулась на старые квартиры.

Тем временем затихло и на Карпатах. Поговаривали, что потери с обеих сторон страшные, что брусиловским ударом мы спасли союзников под Верденом. Как бы там ни было, вернуть полностью боевой дух начала войны не сумел даже Брусилов.

Просматривая в полковой канцелярии кипу журналов «Нива», я нашел статью о Беловежской пуще. Надо ли говорить, с какой жадностью набросился на нее!

И вот что прочитал:

«...Перед отходом русских войск зубры, эти вымирающие дикие звери, были выпущены на свободу. Ныне они встретились со зверями-германцами...»

Далее шло описание, сделанное будто бы со слов пленного немца-очевидца, как зубры встретились с немецкой ротой: «На мгновение зубры остановились как вкопанные и, широко растопырив ноги, стали глядеть на немцев с тревожным ворчанием. Противник зубров тоже опешил, очевидно, никогда не видал подобных лесных чудищ, а наиболее робкие из солдат даже попятиться было назад, хотя испуганные зубры, стоявшие от роты шагах в двадцати, и не намеревались трогаться с места.

И только выстрел немецкого поручика, вздумавшего поохотиться на редких зверей, вывел обе стороны из тупика. Выстрел оказался метким, и один зубр упал на землю. Стадо шарахнулось в сторону. Загремели выстрелы. Тогда звери, нагнув рогатые морды, бросились на солдат... От роты осталось двадцать человек. Погибло и восемь зубров».

Смесь фактов с очевидной выдумкой. Автор совсем не знал повадки зубров. Они никогда не допустят людей на двадцать шагов. Они не нападают, а бегут от запаха ружья. Да и не ходят большими стадами. Картина, дорисованная чрезмерным патриотизмом, все-таки говорила о многом. Трагическая действительность. Зубры не уцелеют в пуще.

Встретил Кожевникова, он поджидал меня. Без слов протянул письма, пошел рядом. Конверты, подписанные рукой Дануты, отца, весточки из мирного дома.

— А еще, — сказал Василий Васильевич, — тебя требуют в штаб, вестовой приезжал, когда ты был в отсутствии.

— Я и был в штабе. Не сказал, зачем нужен?

Кожевников ухмыльнулся в бороду.

— Сказывал, я пытал. Года не прошло, как вспомнили о наших путях-дорогах из этой самой пущи, когда через фронт... Так что геройством теперь прозвали и тебе рапорт определили писать, кто и как, значит, и вообще про кресты и прочие награды. Быть тебе есаулом!

Я взялся за письма.

Первая страничка ошеломила: неловкой детской рукой, где прямо, где вкось-вкривь, через какие-то зеленые кружочки, похоже на лес, было крупно написано слово «ПАПА». Это же мой Мишанька! Ну да, пять годов, мама успела научить. Сын уже пишет!.. А вот строчки Дануты: «Милый наш папочка, вот мы уже и сами пишем, правда с помощью мамы, но считается, что сами, высунув от усердия язычок. Как ты там, наш дорогой, мы измучились, когда от тебя так долго не было весточки...»

И еще много-много всякого хорошего, с отчетливой грустью, с героически подавленной слезой. Отец ребенка на фронте, а жизнь тем временем идет, сын подрастает, но неизвестно, увидит ли он своего отца. Война — беда...

У отца была своя точка зрения — старого воина. Он писал слабым почерком: «Горжусь тобой, сын. Твоя первая награда Георгий 4-й степени вручен тебе по праву. Надеюсь, что и впредь перед лицом великой опасности для России ты не посрамишь чести нашего оружия...»

Знал бы он, что творится вокруг! Увы! Совсем не осталось у нас прежней веры, нет идеала, за который можно броситься вперед с шашкой в руке. Царь? Чего только не говорят о нем! И о прямом телефонном кабеле от царицы в Берлин. И о масонах. То Распутин со своими записочками-приказами для министров, то обвинение военного министра в измене. То противоречивые приказы на фронте... А в центре всех слухов — его величество верховный главнокомандующий. Слова, речи, красивые призывы, но мысль уже не воспринимает слов, действительность, которая перед глазами, все перечеркивает: крушение военных планов и никаких надежд на скорый и почетный мир. Немцы упорно держат фронт, у нас нет сил отогнать врага, царь мечется из Ставки в столицу и обратно, а союзники уже открыто говорят: «Россия вышла из международного оборота». Улицы Петрограда, по свидетельству побывавших там, с утра до ночи запружены народом. Стачки, митинги, много заводов не работают. А немцы явно нацелились на Ригу, Псков, Киев. Всё глубже пропасть между солдатом и офицером. Все более падает дисциплина. Голова кругом!

Читаю письма до конца. Потом начинаю снова — так трудно представить себе тот, другой мир, где семья, лес, тишина. Тишина? «Летом нынешнего года (значит, когда солдаты Брусилова умирали в Карпатах?), да, летом на Большую Лабу, — писала Данута, — приехало до сорока высших чинов из Кавказской армии и штаба заместника и для своего удовольствия две недели провели в охоте. Как мне передали, только оленей убито 57, о

зубрах сведений нет, но говорят, ранили очень многих. Охотились без егерей, без правил и не оглядываясь на совесть»?

Молва о сей охоте, конечно, облетела нагорные станицы. Кто поручится, что в лесах и сегодня не гремят браконьерские винтовки? Дурной пример заразителен.

Подошли Телеусов и Кожевников, выслушали рассказ о событиях на Лабе, помрачнели. А что мы можем сделать?

— Ты о штабном вызове не запамятовал? — спросил Кожевников. — Новостей-то целый воз...

Я стал одеваться.

— Мово коня возьми, Михайлыч, — сказал Телеусов.

— Что с Аланом?

— Приболел. Еще вчерась, я уж не стал говорить тебе, думал так, случаем. А оно сурьезно вышло. Хужее и хужее ему. Головы не подымает.

Мы пошли на коновязь. Алану отвели отдельное стойло. Он лежал, открытые глаза его печально светились. Увидел меня и тихо заржал. И я вдруг понял, что дни его сочтены.

В штаб скакал на коне Телеусова. Смутно и горько ощущал, что счет бедам только начался.

Подробным рапортом я доложил о действиях казаков за осенние месяцы минувшего года, по памяти перечислил заслуги каждого, особо упомянул Павлова и Кожевникова, перечислил взятые трофеи. Только о зубрах не обмолвился ни словом.

Рапорт у меня принял подьесаул, очень веселый и любезный юнец. От него сильно пахло духами. И это почему-то раздражало.

— Где ваши остальные чины? — спросил я, оглядывая пустые комнаты с устоявшимся запахом папирос.

— На приеме. Генерал Корнилов самолично прибыли в Ставку, а сегодня навестили наш корпус. Собрали господ офицеров на доверительную беседу. С вином и прочим...

Он засмеялся, заспешил, бесконечно обрадованный своей причастностью к этому не совсем понятному собранию, где далеко не все офицеры.

Рапорт лег в толстую папку с бумагами. Я поскакал назад.

Дежурный по сотне принял у меня лошадь и нехотя сказал:

— Наши там, возля опушки. Коня хоронят.

— Алана?!

— Как вы уехали, он вскорости и затих.

Еще одна беда. Алан мне более чем друг. И вот... Я тяжело шагал к опушке.

Мои товарищи уже ровняли бугорок. Мы молча постоя-

ли возле, вздохнули и пошли назад. Уснуть удалось только под утро.

А в шесть звуки трубы, тревога, команды, ржание коней. И волнующее чувство перемен: может быть, наступаем? Бой есть бой. Он все заслоняет собой. Тем более за свою землю идем.

Телеусов привел серого широкогрудого коня, не сказал — чей, откуда. Мы построились. Рассвело. Подъехала группа офицеров из штаба. Лица сонные, глаза покрасневшие. Затянулся вчерашний прием... Прочли перед строем приказ: корпусу спешно двигаться на юго-запад. К Брусилову.

Как оживились казаки, как поднялись головы, заблестели глаза! На помощь доблестному генералу, под его начало! В дело! Ры-ы-ы*сью!..

В эти сухие летние дни дороги на Бобруйск, Слуцк и далее на Сарны покрылись сплошной пыльной завесой. Шли плотными колоннами, давая отдых коням лишь в середине дня и около полуночи, чтобы и самим поспать часа три-четыре. Грохотали орудийные упряжки, появились даже неизвестные доселе броневики. Шла армия, закаленная, готовая к действиям. Пока жива армия, живет и Россия, так говорил, кажется, Кутузов.

Неделя проскочила в походе. Вот уже слышится гул боев впереди. Штабные говорят, что прорыв на Луцк удался, впереди Ковель. Смотрю на карту. Брест совсем недалеко. Вдруг мы снова окажемся в районе Беловежской пуши?

Корпус не сразу бросили в бой. Уже от городка Сарны пошли с большой осторожностью на запад. Путь пролегал по только что освобожденной от германцев земле. Видели, что сделала война с полесской Украиной. Сожженные села, изувеченные пашни, горелые леса, безлюдье. Ни птиц, ни зверя. Мертвая зона.

В дело вошли на Стоходе, рубились с немецкими драгунами из армии Гинденбурга.

Подо мной осколком снаряда убило Серого. Пока наш полк не отбросил врага, пришлось сменить еще одного коня. А ночью, обозленные, взвинченные, мы сделали дерзкую вылазку, сбили на бивуаке конный отряд и, покончив с драгунами, выловили семнадцать крупных верховых лошадей. Утром я выбрал себе молодую трехлетку, чистых кровей, диковатую гнедую в белых чулочках. Она оказалась своенравной, не очень слушалась, шарахалась от людей, но ее быстро образумили, и через три дня, в новой атаке, она была полностью во власти седока. Понюхала крови, ожесточилась и шла на противника грудью, скалила зубы, становилась на дыбы. Бесстрашная, резвая и хитрющая лошадь.

— Чистая куница, — сказал Алексей Власович. — Экая ловкая и понятливая! Откелева ее взяли драгуны?

Мы так и стали ее звать: Куница.

Ковель отбить не удалось. Немцы ввели в дело тяжелую артиллерию. Но потрепали мы их крепко.

Понемногу фронт успокоился. В сентябре наши стояли за сотню верст к западу от весенних позиций. А побывать возле Беловежской пуши так и не удалось.

Просматривая в захваченных штабах кипы немецких газет, я наткнулся на заметку о зубрах. Она называлась: «В Беловежских лесах». Безымянный автор, укрывшийся за инициалами, рассказывал о том, как «под руководством господина директора Берлинского зоологического сада Шенихена в Беловежской пуше удалось отловить пятнадцать одичавших зубров. Их отвезли в охотничий парк Месериц, находящийся в Восточной Пруссии, где условия жизни сходны с условиями Беловежского леса. К сожалению, русские дикари, — продолжал автор, словно соревнуясь со своим коллегой из «Нивы», — особенно казаки, отступая под сокрушительными ударами доблестных армий Шольца и Гальвица, бессмысленно перестреляли множество редких зверей в этом заказнике. Оставшиеся зубры и олени укрылись в глухих лесах, и ныне трудно установить, сколько их бродит в этом завоеванном крае».

Вот как повернулось! С больной головы на здоровую. Если бы наша сотня не уходила из пуши последней, если бы своими глазами мы не видели австрийцев на охоте... Это сообщение лишний раз убеждало, что немцы не только вылавливают зубров для своих зоопарков — это еще полбеды! — но и стреляют их, считая зверя военной добычей. И притом спешат выгородить себя перед научной общественностью мира, если придется держать ответ за истребление древнейшего быка.

Газету я сохранил. Вечером прочитал статью казакам, кто восвал с нами в пуше. Ругались крепко, отплевывались, вспомнили, как наказали мы «охотников» и членов первого немецкого управления.

Телеусов сидел, пощипывая усы. Потом, когда мы остались с ним и Кожевниковым, задумчиво сказал:

— Помнишь, Андрей, как сидели мы вот так же, втроих, на Кише и ты нам докладывал, отчего это хорошо, ежели зубры в разных других местах проживают? А ведь правильно сказывал. Теперича у нашего Кавказа небось потомство, кровя кавказские. Пушай и на чужой земле.

— А стада нашенские в горах ты что это, уже списал? — Кожевников прищурился. — Пока мы тут, они там тоже здравствуют и плодятся. Ежели и бьют их, как супруга Андрея Михай-

ловича отписывала, то все одно приплода больше. Война, слава богу, далече от них.

— У такой войны крылья преогромные,— возразил Телеусов.

— Ну, Кишу или Умпыря те крылья все одно не накроют. Говорить на эту тему как-то не хотелось.

З а п и с ь в т о р а я

*События семнадцатого года. Последние бои. Мы едем на юг.
В Новочеркасске. Решение казаков. Освобождение Катерины
Кухаревич. Бой у моста через Кубань. В родном доме*

1

Осень шестнадцатого года выдалась холодной и злой. Сражения на фронтах мировой войны поутихли. Наш кавалерийский полк отвели под Сарны.

Непривычная тишина стояла здесь. Казаки несли караульную службу, собирались куренями, говорили и спорили о войне, откровенно скучали по дому. Никто не видел конца затянувшейся бойне. Будущее не угадывалось и потому пугало. Просыпаясь среди ночи, я подолгу лежал с открытыми глазами и, чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, возвращался в недавнее прошлое. Чаще всего вспоминал минувшую осень, когда в разгар немецкого наступления мы оказались на положении партизан в районе Беловежской пуши. Кругом были немцы. Зубры хоронились в глухих лесах. Где-то здесь находился и выросший теперь зубренок по кличке Кавказ, которого мы вывезли из своих краев. Уцелел он или погиб? Мой знакомый Врублевский тогда сказывал, будто отправили его в Гамбург, в зоосад знаменитого Карла Гагенбека. Лучше бы так. Все равно зубры в оккупированной немцами Беловежской пуше не уцелеют. А у нас?..

Все егеря на войне. Кубанской охоты не существует. Кавказ с лесами и зверями открыт. Мы хоть и с винтовками, но далеко. Только в моей сотне десять егерей, среди них самые опытные и честные — Алексей Телеусов и Василий Кожевников. А наш ученый руководитель Христофор Шапошников, более всех сделавший для сохранения зверя на Кавказе, тот и вовсе на турецком фронте. Жив, нет ли? Кто защитит дикого зубра, когда в горы пойдут оголодавшие люди из станиц? От одного этого становится не по себе. А если война придет на Кавказ? Ведь немцы уже в пределах Украины.

В гнетущей бездеятельности проходили недели мрачной осени. Мы все стояли, чего-то ожидая. Офицеры не вылезали из клуба. Там дым коромыслом. Я не ходил, чтобы не встретиться с Улагаем: говорили, что его полк тоже в Сарнах. Лучше бы в бой, чем это прозябание, тем более что враг стоит на русской земле.

2

В конце ноября нас подняли в поход. Пошли на Мозырь. Там простояли шесть дней. Снова приказ, и по знакомой дороге весь кавалерийский корпус направился к Могилеву, где мы уже были в начале осени.

Расположились, окружив город с трех сторон. «Дикая дивизия» из кавказских горцев, которая входила в наш корпус, оказалась в пригородах. С фронта туда прибыл батальон георгиевских кавалеров.

Декабрь прошел спокойно, на рождество проводились парады и молебны; мы надрывали горло в криках «ур-ра!». Потом сказывали, что в столице произошла смена министров в правительстве, а потом гвардейцы шептали, будто царь приехал к войскам.

И вот семнадцатый год. Тишина взорвалась.

Последние дни февраля. Российский император специальным поездом хочет возвратиться в столицу. Но царский состав не добрался до Петрограда. Рабочие железных дорог закрыли проезд между станциями Дно и Бологое. Остался один путь — на Псков. Туда и прибыл его эшелон. Говорили, что в тот же день из Петрограда к царю приехали военный министр Гучков и член Временного комитета Думы Шульгин. Они предложили Николаю Второму немедленно отречься от престола. Ночью третьего марта царь подписал акт об отречении в пользу брата Михаила, а тот сразу же отказался от престола «на волю русского народа»...

Вскорости войскам прочитали короткое извещение о создании Временного правительства. Газеты появились с крупными заголовками. Запомнилась одна фраза: «Государственная власть вернулась к своему первоисточнику. Россия стала народоправством».

Все казачьи части, выстроившись в огромное каре, повторили слова новой присяги: «Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обещаюсь перед богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему отечеству».

Присяга присягой, а чувство неудовлетворения не исче-

зало. Правда, в глубине души затеплилась надежда на скорый конец войны. Так опостылела!

Журналы, газеты, речи наезжавших господ из Думы, новых министров были полны словами «свобода», «братство», «война до победного конца». Все чаще стали вспоминать великое прошлое Руси, времена Минина и Пожарского, а заодно и о займе «Свободы». «Власть на местах и поведение граждан, — как писали газеты, — регулируется врожденным чувством права, политического чутья и тактом».

В середине марта всем нам было уже не до митингов. Немцы прорвали фронт у Стохода, как раз там, откуда мы недавно ушли. Они быстро двинулись в глубь России.

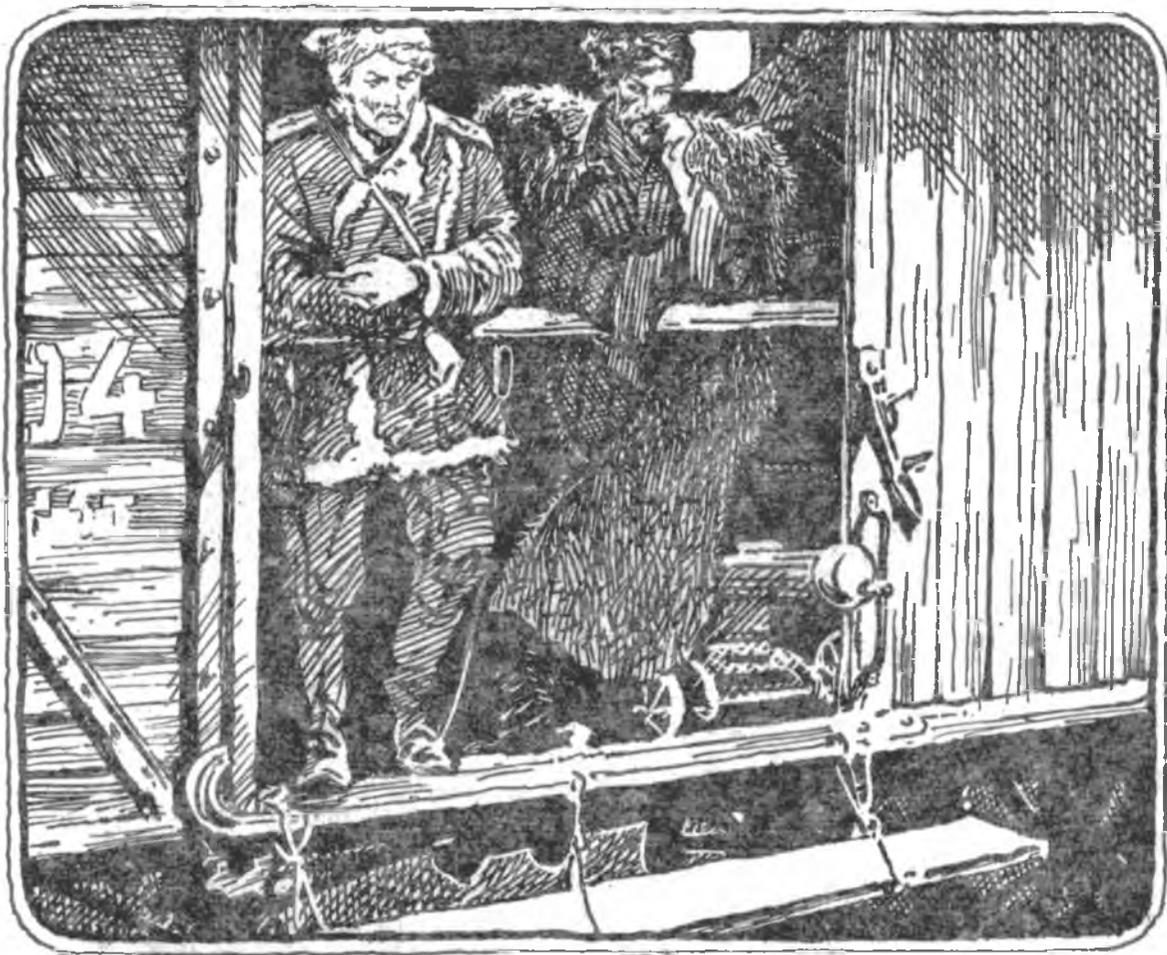
Вдруг оживились все фронты. Генерал Корнилов на юго-западе со своими полками неожиданно разрушил оборону врага и двинулся на Львов. Немцы южнее этого прорыва в свою очередь ринулись к Днестру. Раненые из тех мест рассказывали о случаях оставления окопов нашими солдатами даже там, где боев не было. Нас в огонь не бросали, видимо, придерживали для других целей. А немцы тем временем перешли Западную Двину, взяли Ригу и двинулись к Петрограду. Тогда «дикая дивизия» и некоторые другие части кавалерийского корпуса тоже пошли к столице. Но не против немцев, а на защиту генерала Корнилова, который хотел стать военным диктатором России. Временное правительство поспешило объявить его мятежным генералом. Корнилов был арестован. «Дикая дивизия» так и не дошла до столицы. Ее разагитировали большевики.

Наш полк только раз ударил по немцам, сдвинул их с позиций. В этом последнем бою моя сотня потеряла двадцать два человека, среди них лучшего егеря Охоты Никиту Щербакова. Удержаться нам не удалось. Соседи-пехотинцы, закинув винтовки за спину, стали покидать окопы.

В конце октября 1917 года в полк прискакали три незнакомых казака, и от них мы впервые услышали, что власть в Петрограде перешла в руки Советов.

Слова «Декрет о мире», «Декрет о земле», «Совет Народных Комиссаров», «Владимир Ильич Ленин» зазвучали в речах, со страниц листовок и газет, напечатанных на грубой, серой бумаге. Войска гудели, как потревоженный улей. Все это и радовало, и пугало. Стихийно возникали собрания, переизбирали командиров. Наша сотня на своем собрании постановила оставить командиром меня.

И тут я вспомнил Сашу Кухаревича, своего студенческого друга, большевика, который перед войной жил у меня на кордоне вместе со своей женой Катей. Где они сегодня? Какова

их судьба? Живы ли? И если живы, то они, конечно, отстаивают Советы.

Кавалерийская дивизия, куда входил наш полк, после боев с немцами отошла к Минску. Здесь мы узнали, что Корнилов и другие генералы, намеревавшиеся создать в России военную диктатуру, бежали из тюрьмы. Офицеры-корниловцы, ранее изгнанные из дивизии, появились вновь. Что-то назревало.

Возле Минска мы пробыли недолго. Однажды прозвучал сигнал «сбор», полк выстроился, и вернувшийся к нам старый полковник объявил, что «в интересах отечества» дивизия получила приказ готовиться в дорогу. Куда? Митинговать не дозволили.

Ранним утром мы подошли к небольшой станции. Там стояли три эшелона, поодаль кое-как были свалены тюки сена, мешки с зерном, продовольствием. Грузились молча, спешно. Алексей Телеусов недоуменно и даже с опаской смотрел по сторонам, задумчиво теребил бородку. Василий Кожевников, как всегда, работал без оглядки: заводил в вагоны коней, грузил фураж, таскал воду.

К полудню первый эшелон был готов в дорогу. Штаб полка поместился в обычном вагоне рядом с нашим. На крыше его установили два станковых пулемета.

Тронулись тихо, без гудков, без предупреждения. Редкие местные жители да ребятишки наблюдали за нами изда-лека.

Выглянуло солнце. Засверкал снег. Поезд пошел полным ходом. Мы натопили печь и приоткрыли дверь, чтобы проветрить крепкий конский дух. Телеусов посмотрел на солнце, на мелькавшие поля, на перелески и вдруг сказал:

— Хлопцы, а ведь нас на восток везут. По приметам вижу. Значит, дальше от фронта. Куда же это?

На одной из недолгих стоянок я подошел к знакомому штабному офицеру, спросил, куда мы едем.

— На место, определенное штабом.

— Куда «на место», если не секрет?

— Куда удастся. В общем, на Дон. Нам известно, что красные недавно захватывали Новочеркасск. Какие-то красные?.. Я сам не понимаю. Их удалось выбить, но не разбить. Если эшелоны не задержат в пути, пойдем в Ростов.

Где-то около станции Елец, миновав с ходу Брянск и Орел, эшелоны остановились. Объявили готовность номер один. Прошел слух, что рабочие на железной дороге отказались пропустить казаков дальше. Полковник пригрозил разнести городшко. Там уже была Советская власть. Казаки построились, изготовились, но ничего не случилось.

Через два часа порядок на дороге восстановился, эшелоны тронулись дальше, но теперь уже не на восток, а через Касторную прямо на юг. И опять мы стояли у приоткрытой двери, неотрывно смотрели на уходящие назад холмистые поля срединной России, слушали за спиной фыркание коней и стук подков.

Еще раз остановка случилась уже на подступах к Донбассу. Здесь мы услышали далекую пушечную пальбу. Кто воюет? С кем? Снова ехали, один раз даже назад, чтобы с какой-то станции повернуть, кажется, на Миллерово. И наконец остановились у безвестного разъезда. Послышалась команда «Выходи!», и мы поняли, что прибыли на место.

Загремели сходни, застучали топоры. Я спрыгнул, огляделся. Степь лежала вокруг ровная, со снежными косяками в понижениях. Было довольно тепло, но неуютно. На разъезде распорядились щеголеватые донские офицеры. В степи маячили их разъезды. По железной дороге подходили еще два эшелона нашего полка.

Перейдя на другую сторону пути, я увидел вдали темнеющее крутобережье, а выше берега многокупольный, сказочной красоты собор с сияющими крестами.

— Что за город, братец? — спросил у проходившего молодого донца.

— Столица наша, господин хорунжий, — не без гордости ответил казак. — Новочеркасск.

3

Сладко защемило сердце.

Где-то там, за донской столицей, и далее, за Ростовом, за степью, синеют горы. Мой Кавказ. Моя семья, Псебай, родные... Почти четыре года вдали от них, все время рядом со смертью, пощадившей меня. Теперь будь что будет, но все-таки мы уже близко от дома, вдруг судьба станет милосердной, позволит преодолеть и это небольшое расстояние, чтобы в один расчудесный день осадить коня у своих ворот, соскочить с седла и обнять сына, жену...

В Новочеркасск шли строем, с полковым оркестром и расчехленным знаменем, подтянутые, овеянные славой закаленных воинов, с крестами на груди. Но думы были невеселые. Зачем привезли нас сюда? Что должны делать, когда на фронте развал и немцы движутся по России? Против кого привезли воевать? Ехали понуро, никакой оркестр не был в силах оживить колонны.

Только издали Новочеркасск казался мирным городом в голубой дымке. Чем ближе мы подходили, тем явственнее слышали отголоски недавнего боя. За городом редко, словно бы устало, ухали трехдюймовки.

Положение прояснилось только к ночи, когда сотни вошли в город. Все здесь напоминало прифронтовую полосу. Вился ядовитый дым. Скакали казаки. На тачанках везли раненых. Битые стекла, почерневшие стены домов, на мостовой кучи стреляных гильз. А на площади... Лучше бы мы объехали эту площадь стороной! На площади стояли виселицы. Под шестью из них раскачивались вытянутые фигуры. Полк прошел мимо этого места, как проходят мимо кладбища. Ни слова. Только лошадиный храп...

Спешили в отведенном месте на окраине города, и вот тогда начались сперва несмелые, потом все более громкие разговоры. Оказывается, только вчера казаки выбили из города упорно обороняющихся красных. Этим непривычным для нас словом обозначали всех, кто воевал за Советы, за большевиков и за Ленина. А белые — все, кто против, кто за старую власть.

Нас торжественно приветствовали донцы-офицеры, генералы, духовенство. Речи ораторов показались нам путанными, все много говорили об угрозе междоусобицы. Впервые прозвучали слова о Добровольческой армии. Ее организатором называли генерала Алексеева. Он находился уже в Новочеркасске. И Краснов. И Каледин — на посту атамана Войска Донского. Корнилов, Эрдели, старший Улагай прибыли в Новочеркасск раньше и тайно от всех, в одежде крестьян-беженцев. Называли имена Деникина, Маркова, Лукомского. Словом, весь генералитет, бросив Западный фронт на произвол судьбы, вдруг оказался на юге. И потащил за собой полки и дивизии, офицерский корпус и, уж конечно, военное снаряжение.

Похоже, что начиналась гражданская война.

Выяснилось, что красные отошли от Новочеркаска недалеко, до Каменской, и сдаваться не собирались. К ним приходили и приходят иногородние¹, часть казаков с турецкого фронта, из пределов Украины. Что в Екатеринодаре — непонятно. Прибывшая из Турции 39-я дивизия в полном составе перешла на сторону красных и заняла Тихорецк, через который доставлялось оружие из Царицына. Новороссийск в руках рабочих. Нам предстояло определить, чью сторону взять. И брать ли вообще.

— А вот что я скажу, — пробасил Кожевников, когда в столпившейся сотне пошел крупный разговор. — Кому охота воевать супротив своих, иди к добровольцам. Мне, например, неохота. Пушай генералы власть делят. Уходить надо, Андрей Михайлыч, да поскорей, пока военным судом не застращали.

— Куда уходить? Каким путем?

— А таким, — быстро, словно давно все обдумавши, вступил в разговор и Телеусов. — Ростов у кого? У белых? Слух прошел, что в Екатеринодаре генерал Покровский. Вот мы и пойдем вроде как помогать своим, кубанцам. Голосуй, командир. Как хлопцы решат, так тому и быть!

Митинг возник стихийно, постепенно собралась чуть ли не половина полка. Представителей Дона и Добровольческой армии не допустили, сказали: решаем земляческие дела. Не более чем за час вынесли решение идти в Екатеринодар. Все понимали, что не к Покровскому, а по домам.

Приготовления к походу заняли два дня. За это время еще новости. В Новочеркасске объявились чуть ли не все министры Временного правительства и члены Думы. Каледин и Корнилов не пожелали их видеть, отказались принять: генералы при-

¹ Так называли на Дону и на Кубани крестьян, приехавших из центральных районов России.

помнили свой неудавшийся мятеж, распоряжение Керенского об аресте Корнилова. Что происходило в генералитете, никто не знал, но что-то очень драматическое. В день выхода нашей сотни налегке из Новочеркасска застрелился Каледин. Донским атаманом тут же избрали Краснова. Суматоха в верхах помогла нашему бегству.

Новый атаман призвал «верное казачество хранить свято присягу и клятву казачью в борьбе с кучкой людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма». Так он называл большевиков. А тем временем из штаба Краснова поползли слухи о том, что атаман сам обратился к Вильгельму

с просьбой прислать немецких солдат для борьбы с большевиками.

Мы снялись с бивака ранним утром, оставив обоз и пулеметы. Полк как боевая единица перестал существовать. Часть офицеров и старых казаков остались в Добровольческой армии, но помехи нам не чинили. Боялись.

Решили не идти через Ростов, взяли восточнее, вышли к Дону у станицы Богаевской, паромом переправились через рано вскрывшуюся реку и под взглядами удивленных станичников проследовали в обход Батайска проселочной дорогой на хутор Татарский.

К счастью, установилась теплая и солнечная погода, совсем не похожая на зимнюю. Небольшой снег почти всюду сошел, южный ветер успел подсушить землю, а на склонах и выгревах даже позеленело от молоденькой травы. Настроение поднялось. Вокруг меня сбились все псебайские хлопцы, да и вообще колонна как-то незаметно разбилась на землячества и все они обособились. Вольная волюшка. Пели песни, коней не понукали. Родная сторона все ближе, Кавказ манил, война осталась где-то далеко-далеко. Тихая и теплая степь с голосами ранних жаворонков окружила и околдовала нас.

В хутор Татарский мы вошли стройно, с песней. Из крайних хат повыбежали дети, женщины. Широкая грязноватая улица наполнилась голосами. Кто такие приехали? Откуда? Не видели ли наших?..

В центре хутора густо толпился народ, в толпе были казаки с винтовками. Оседланные кони стояли у коновязей. Толпа гудела грозно и страшно. На корявый тополь полез казачина с веревкой в руках. Сразу вспомнилась сумеречная, страшная площадь Новочеркаска. Самосуд? Над кем? Ненависть и презрение к жестоким хуторянам заставила меня скомандовать:

— Приготовьсь!..

Черные бурки — а нас было около сотни — взяли толпу в кольцо.

— Что происходит? — строго крикнул я.

Расталкивая земляков, к самой морде моей нервной Куницы просунулся высокий урядник с глазами фанатика. Кобылка прижала уши, и он тут же отскочил, чертыхнувшись и держась за плечо: изловчилась куснуть. Сморгившись от боли, урядник крикнул:

— Эка зверюга у вашего благородия!..

— Не суйся под морду! — небрежно бросил я. — Что происходит? Короче!

— Агитаторшу словили, господин хорунжий. Вот тут, в

степу. Она к красным пробиралась. Листки подметные у ей за пазухой.

И протянул мне мятый лист бумаги. Прокламация, призыв к казакам не вступать в Добровольческую армию.

Я тронул Куницу. Толпа расступилась. На голой земле, бессильно опустив голову, сидела женщина в порванном черном полушубке. Сапоги у нее уже стащили, воротник отодрали. Вертка с петлей раскачивалась на тополином суку. Из толпы неслись проклятия, истошно кричали хуторские бабы.

«Агитаторша» медленно и трудно подняла голову. С расеченного лба стекала струйка крови. Глянула, увидела перед собой офицера в бурке и, не узнав меня, вновь уронила голову. Но я-то узнал!

Передо мной сидела Катя, жена Кухаревича. Мы коротко переглянулись с Кожевниковым. У него задергалась щека: разволновался. Решение пришло мгновенно.

— Взять преступницу! — коротко приказал я.

Телеусов и Кожевников свалились с коней, растолкали толпу, рывком подняли на ноги маленькую, истерзанную женщину.

Подвели запасного коня; Катю, видимо потерявшую сознание, взвалили поперек седла, Алексей Власович запрыгнул на круп, тронул повод и ловко выбрался из толпы опешивших хуторян за спины своих.

Казаки завопили, словно их обокрали. Кто-то кляцнул затвором. Мои псебайцы вскинули винтовки.

— Ти-ха! — рявкнул огромный Кожевников и грудью пошел на урядника, толкнув его так, что тот чуть не свалился. — Приказ командира сотни сполнять без разговоров!..

Поутихло. Я проследил за Телеусовым. Он уже отъезжал в окружении десятка хлопцев. Тогда я поднялся на стременах и громко сказал:

— Казаки-хуторяне! От имени вольного Дона благодарю за честную службу. Вы арестовали опасную преступницу. Мы доставим ее в штаб на допрос, а уж потом будем судить военно-полевым судом. Будьте уверены, она все расскажет и получит по заслугам. Еще раз благодарю!

Развернув на месте Куницу, прямо через толпу, с рукой на расстегнутой кобуре, я прищпорил свою лошадку. Сотня поскакала следом.

Все произошло так быстро и так стремительно, что brave судьи не успели сообразить, что к чему.

Не-ет, мы не остановились и на выезде из растянувшегося в длину хутора. Мы рысью проскакали еще версты четыре, потом

по гребле¹, разбитой колесами, перешли топкий Кагарлык и только там, у одинокого стога сена на луговой низине, спешились, чтобы стать лагерем.

— Разойдись! — прикрикнул Василий Васильевич на хлопцев, с любопытством сгрудившихся вокруг Телеусова и Кати. — А ну, ребята, займись делами, пока мы тута сами...

Катю сняли с седла, положили у стога. Она постанывала. Лицо бледное, без кровинки. Глаз не открывала.

Алексей Власович налил в кружку немного водки, разбавил водой и, приподняв Катину голову, влил ей в рот. Она закашляла и глубоко вздохнула. Взгляд ее сделался осмысленным, она осмотрелась, увидела бородатого Кожевникова, меня. И быстро, по-девчоночьи, зажмурилась.

— Не сон, Катя, это мы, мы... — Я погладил ее по плечу.

Еще раз оглядев нас, лагерь, коней, себя, она прежде всего запахла на груди полы рваного полушубка, поджала ноги в мокрых чулках. И только тогда неуверенно сказала: «Андрей!» Слезы покатались по ее щекам. Сперва плакала тихо, потом навзрыд. Запоздавшая реакция.

Стемнело. Загорелись костры. Погони мы уже не боялись. До проклятого Татарского, как и до Мечетинской, отсюда верст пять или шесть. Да и постоять за себя мы могли.

Катя выслушала, как мы на нее наткнулись и, можно сказать, выхватили из смерти.

— Нету покоя людям и в этих степях, Катерина, — пробасил Кожевников. — Что в Расее делается, мильёны людей мечутся с места на место. И ты туда же, малявая. Считай, повезло тебе, раз мы вовремя подскочили. Опоздай на полчаса, и быть тебе...

— Не вспоминайте, ради бога! — Она закрыла лицо ладонями. — Не могу представить...

Телеусов принес от большого костра котелок с кулешом; подбросили в огонь веток тальника и старого сена из уполовиненного стога. Вскипятили чай. Катя встала, прошлась. Вижу, шатает ее из стороны в сторону. И все ощупывает себя, морщится. Видно, били ее. Уже после чая, несколько окрепнув, сказала:

— Они схватили меня в хуторе. Я от самой Каменской на лошади пробиралась в одиночку. Конечно, в Екатеринодар. Все было хорошо, а тут не повезло.

— Саша где? — спросил я.

— Должен быть там, в Екатеринодаре. С фронта мы уезжали вдвоем, а потом начались бои за Новочеркасск, белые одолели.

¹ Г р е б л я — земляная плотина.

Саша с бойцами пробился на юг, а я с обозом раненых отошла к Каменской. Лишь потом, когда поместила раненых в лазарет, поехала тоже на юг, в обход Ростова. Глупая. Надо же додуматься — по пути раздавать листовки этим...

Оказывается, они вместе с Сашей воевали недалеко от нас, на Западном фронте, только южнее Бреста. Катя была военным фельдшером. Полк, где они служили, ушел с фронта раньше, чем наш, там было много иногородних донцов. Вот и подались домой.

— А вы-то?! — Она посмотрела на меня.

— В Псебай. Своим делом заниматься. Зубров и леса охранять.

— Ох, Андрей, Андрей, боюсь, не удастся вам. Зубры, леса... Тут такое начинается! — И она вздохнула.

Мы стали определять, как идти дальше, Катя сказала:

— Точно знаю: красные полки Сорокина готовятся наступать на Екатеринодар. Они в Тихорецкой. Армавир и Кавказская тоже у наших...

И осеклась, с беспокойством поглядывая на бешметы с Георгиевскими крестами, на мои погоны.

— Наши, ваши... Не поймешь, кто и где, с кем и за что. Ты сама-то разобралась?

Она кивнула: лишний вопрос!

— Едем в Псебай,— предложил я.— Отдохнешь, потом вместе поищем Сашу. Как он? Не ранен, здоров?

— С первого дня на фронте. Крест заслужил. Уважение. При Керенском офицеров разоружал. Потом сам едва от смерти ушел, под арестом сидел, но бежал. Всего хватило.

В эту ночь мы почти не спали. Катя лежала, завернувшись в мою бурку. И все время постанывала. Бедная женщина, что она перенесла! И опять торопится в самое пекло гражданской войны.

Утром, когда прозвучала команда «На конь!» и сотня построилась, я сказал, чтобы рассеять всякие домыслы у хлопцев:

— Спасенная нами женщина ни в чем не виновата. Мы ее хорошо знаем. До войны она с мужем жила на кордоне в Гузерипле, он был егерем Кубанской охоты. Берем землячку под защиту?

— Берем! — недружным хором ответили казаки.

— Ну, а теперь, хлопцы, о дороге к дому. Стало известно, что из Тихорецкой на Екатеринодар вот-вот двинется одна из армий Советской власти. А к западу отсюда, в Ольгинской, стоит Корнилов с батальоном офицеров. Если мы не хотим попасть к Покровскому или Корнилову, путь остается один: спешно пройти степными дорогами на Кореновскую и

выйти к реке Кубани, чтобы переправиться через нее возле Усть-Лабинской, где был мост. Других планов нет? Нет! Конь для Катерины Кухаревич готов? Револьвер возьми, Катя. Алексей Власович, помощи-ка! Короче стремя подтяни. Вот так. Трогаем!

Надо непременно успеть до схватки, которая разгорится на полпути к дому. А тут еще погода. Зима опять собралась с силами, резко захолодало, подморозило. По хрусткой стерне, по пашням, минуя главные дороги, где можно было встретить кого угодно, мы прошли за день верст восемьдесят.

Не только наша сотня шла в эти дни на юг. Нас постоянно догоняли и обходили группы каких-то всадников, мы сами обходили других, более уставших. Со всех фронтов к родным местам шли казаки и солдаты, вооруженные, обросшие, с горячечными глазами, на все готовые. Все торопились домой, чтобы хоть на какое-то время почувствовать себя хлебобродами, да и понять, наконец, что происходит вокруг, где правда, за которую можно и нужно постоять.

Одна из таких групп — казаки из Темиргоевской, почти земляки, числом более полусотни — догнала нас, и командир, пожилой урядник, узнав кого-то из псебайцев, доверительно сказал мне:

— А немцы, понимаешь ли, возля самого Ростова. По пятам идут. Ландверная дивизия. То ли Краснову в помощь, то ли сама по себе. Мы прямо через город проскочили.

Земляки шли вместе с нами, потом ускакали вперед. У них был пулемет на вьюке и добрый запас продовольствия.

На подходе к станице Динской, куда из близкого Екатеринодара, как сказывали в хуторах, подтягивались белогвардейские отряды Покровского, одного из генералов деникинской армии, человека крайне жестокого, Катя сказала:

— Теперь распрощаемся, Андрей.

— Опасно, Катя. Лучше бы ты с нами.

— Нет. Мне очень надо. Буду хитрей и осторожней. Листовок при мне нет, скажу, что иду с фронта к мужу. Сашу надо найти, хочу быть вместе с ним, а то такое начнется!..

— Ты думаешь?..

— Война, Андрей. Теперь уже классовая война, гражданская. В казачьем крае создается центр контрреволюции. Вот почему Корнилов, Деникин, Алексеев прибыли сюда. В Екатеринодаре, насколько мне известно, недавно было две власти: Кубанская рада и подпольный ревком. И два войска: Покровский с офицерами, а с другой стороны — вооруженные рабочие, иногородние, артиллерийский дивизион.

Я поймал ее взгляд, спросил:

— Не осуждаешь меня? Вместо того чтобы в борьбу...

Она покачала головой, серьезно сказала:

— Нет. Очень рада, что ты не пристал к Корнилову. И кроме того, у тебя есть важное дело: твои зубры, заповедный лес. Они тоже нуждаются в защите.

— Кому сейчас до зубров дело? Вот ты говоришь, два правительства в городе. К кому идти за поддержкой? Кого интересует зверь? Смотри, сколько людей с винтовками несется в предгорья! Отдышатся — и на охоту. Не смешно ли мы выйдем, что в такое время толкуем о сохранности природы?

— Нет, — спокойно возразила она. — Не смешно. Ты хочешь сохранить народное достояние. Вот тебе ответ, к кому идти. Рано или поздно народная власть победит. И тогда мы все займемся устройством новой жизни. Поверь, в этой жизни нам многое потребуется. И зубры тоже. Если, конечно, их удастся сохранить. А это уже во многом зависит от тебя и твоих друзей. Ты согласен со мной?

Катя понимала, что этот спор я затеял только для того, чтобы уверить себя, подбодрить своих: Телеусов и Кожевников слушали нас серьезно и молча. Хорошо она сказала!

На окраине хутора Кочеты, когда мы без осложнений миновали железную дорогу, Катя попрощалась с нами. В широкой бурке, в кубанке, с револьвером за поясом, она в последний раз белозубо улыбнулась, пропустила сотню и шагом поехала вдоль речки направо, к страшному сегодня Екатеринодару. Семнадцать верст. Будь удачлива, Катя!

4

Мы угадали выйти на восточный край станицы Усть-Лабинской.

Спустившись по крутому, оврагами изрытому берегу в приречные луга, наша разведка опять наткнулась на темиргоевский взвод. Земляки сгрудились под укрытием заиндевевших ветел и горячо о чем-то спорили. Два казака лежали на бурках. Раненые. Один, с винтовочной пулей в животе, казался безнадежным.

— Где, кто, почему?.. — загомонили мои хлопцы.

Тот же урядник, растерянный и злой, стал рассказывать, размахивая руками:

— На мост, понимаешь, не пускают. Велено иттить в город на подмогу к этому самому Покровскому. Мы сунулись было — и вот... — Он указал на раненых.

— Много их там, у моста?

— Полусотня. И пулемет на входе. Черкесы, понимаешь, из «дикой», что ли. А-ла-ла по-своему. Приказ. Всех, кто до дому

идет,— возвертать. Видит бог, не хотели мы никакой войны. Но ежели такое дело, ежели нам стали поперек дороги... Пособите, хлопцы.

Мы тоже не хотели войны.

Пошептавшись с Кожевниковым и оставив его за себя, я с двумя казаками не спеша поехал к мосту. Только нас увидели, как грохнул предупредительный выстрел. Мы остановились, подняли руки. Потом сошли с коней и тихо-мирно двинулись дальше. Навстречу нам пошел маленький чернявый подъесаул.

— Что вам угодно? — чисто, без акцента, спросил он.

— Перейти на левый берег. Мы едем домой. С фронта.

— У меня приказ генерала Покровского. Вы обязаны явиться к начальнику гарнизона города. В его распоряжение.

Офицер говорил резко и непреклонно. У моста толпились и прислушивались десятка два увешанных оружием черкесов. Пулеметное рыльце торчало из кругового окопчика, открытого справа от моста на этом берегу.

— Мы отвоевались. Настаиваем на пропуске. — Теперь и я говорю жестко.

— Господин хорунжий, я исполняю приказ. Если я пропущу вас, меня повесят. Дальнейшие переговоры излишни. Честь имею!..

Четко повернувшись, он пошел прочь.

Темнело. В Усть-Лабинской, на высоком берегу, редко постреливали. Видно, и там не все спокойно. Есть ли в станице отряды Покровского? Или эта полусотня — весь здешний гарнизон?

Мы возвращались берегом реки. Кубань катилась мутная, темная и холодная. Можно и вплавь. Но не всем.

Кожевников стоял на берегу.

— Приказ сполнили, — коротко доложил он. — Четверо уплыли. С конями. Вот жду. — И, помолчав, тихо добавил: — А того сейчас ребята хоронят, скончался, бедняга, не доехал до дому.

Заплескалась вода, показалась лошадиная голова и человек сбоку. Они осиливали течение. Хлопца вытащили, мигом раздели, дали сухое. Коня гоняли вдоль берега, чтобы согрелся.

— Ну что? — Василий Васильевич протянул смельчаку водку.

— Там остались, караулят пленных. Порядок. Наряд у черкесов как раз сменился — и в хату, а-ля-ля, ба-ля-ля, пятое-десятое. Там тоже пулемет. Мы их повязали всех, уложили, а я сюда. Ночь темная. Как мы отседова ударим, хода им через мост не будет.

Стали готовиться к атаке. Казаки по-пластунски поползли

к мосту, приблизились шагов на сто и залегли. Охрана не спала. Послышалась команда. На узком мосту удалось разглядеть трех караульных: шли на ту сторону моста. Смена. Сейчас их тоже... Лишь бы без шума.

Прошло минут двадцать. Ничто не нарушило тишину ночи. На мосту опять слышались шаги, с той стороны шли спокойно. Уже наши. Они остановились посредине. Голос подъесаула произнес какое-то приветствие. Хлопнула дверь: он ушел в помещение. Еще полминуты ожидания, потом короткий вскрик, два, еще один выстрел, возня у пулемета. Казаки дружно бросились вперед.

Начальник караула лежал на пороге домика с револьвером в руке. Отвоевался. Остальные охранники сидели на корточках, раздетые, более удивленные, чем испуганные. Бой вышел короткий, но и у нас было четверо раненых.

Пленных повязали, оружие отобрали. Подошли ездовые с конями. Подковы зацокали по доскам. К пленным присоединили шестерых взятых на той стороне. Вели их за собой почти всю ночь. А утром развязали всем руки и уже на виду Темиргоевской приказали топтать назад.

Последнее право оставаться вне войны добыли не без жертв. И впервые столкнулись с теми, кто назывался белыми, пролили их кровь.

В Темиргоевской сказали, что станица Курганинская — на пути к Псебаю — воюет. Война уже придвинулась к нашим домам. Что же в Лабинске?..

— Обойдите его, — посоветовали темиргоевцы.

Обмелевшая Лаба без особых трудностей пропустила нас на левый, лесистый берег. Проводник из Темиргоевской, в знак благодарности за помощь землякам, повел нас по речкам Чохрак и Фарс через Боракаевский аул, и там мы простились с ним. Отсюда дорогу знали.

В эти дни облака наплывали густо и низко, сыпало снегом и дождем. Ночевали в леске. Ранним утром, как только рассеялся густой туман и пахло горной свежестью, я глянул от костра на юг и замер. Скалистый хребет рельефно, все более ярко выдвигался из белой мглы, черный от леса, величавый и загадочный, как стена волшебного царства.

Телеусов воздел руки к небу. Вдруг все опустились на колени. Родной наш край, к тебе через тысячи верст, одолев все опасности и самую смерть...

Три часа ходу до Псебая, по каменистым тропам, через знакомый лес, в гору, в гору! Тут мы обнялись и расстались с Алексеем Власовичем, с жителями из Даховской и Хамышков. Еще семнадцать человек пошли на восток, в Каладжинскую.

Всадники повернули к Псебаю и в соседние с ним поселки. — Ры-ысью! — скомандовал я, наверное, в последний раз.

Куница загремела удилами и, взывав, крупно пошла вперед, будто чуяла, что дальней дороге приходит конец. Звякали стремяна, постукивали ножны шашек, бились у ноги зачехленные винтовки. Гривы развевались от быстрого бега. Вот и огороды, подъем к церкви, вот и наша улица. Мы прощались на ходу, отряд рассеивался, и, когда я увидел дом родителей, возле меня никого не было.

Куница бежала ровно и скоро. Что это за фигурка под окнами нашего дома? Тепло одетый мальчуган стоял, держась одной рукой за рейку палисадной ограды, палец другой — во рту, и весь внимание. У меня зачастило сердце. Неужели он, мой сын?.. Куница, разбежавшись, вдруг словно бы села на задние ноги и, задрав красивую голову, встала как вкопанная в пяти шагах от него.

Мальчуган не отступил, не побежал. Он удивленно, немного сурово наблюдал за шалостью незнакомого человека с лошадьё, и эти сдвинутые бровки под большим лбом так походили на дедушкины, что я вскрикнул от охватившего меня счастья:

— Мишенька!..

В ту же секунду он оказался у меня на груди, неузнаваемо-большой, тяжелый и серьезный. Щетина плохо выбритого подбородка уколола его, он тронул мои щеки, чуть отодвинулся и сказал недоверчиво и удивленно:

— Па-па?..

Я прижимал его к себе, смеялся и плакал. Сын молча разглядывал меня, Куницу, которая беспризорно переступала у забора, просясь во двор, откуда пахло стойлом и сеном.

Хлопнула дверь. Мама пошатнулась, взялась за сердце. Я подхватил ее. А в дверях, на ходу надевая теплый жакет, уже стоял отец, руки у него дрожали, он никак не мог попасть в рукава, сердился, и это до боли знакомое выражение его лица — осунувшегося, с обвислыми желтоватыми усами — едва не заставило меня зарыдать. Белая-белая голова делала его не похожим на прежнего, довоенного.

Всей группой мы протиснулись в дом, где пахло валерианой, адонисом и полузабытой чистой теплотой.

— Данута! — закричал я.

— На работе, на работе, — торопливо сказала мама, маленькая, ссохшаяся, с беспокойными покрасневшими глазами. Она все еще не верила, что это я. Из ада крошечного, живневредим...

Резко хлопнула дверь. Или кто-то сказал Дануте, что видели меня, или кто-нибудь из всадников проехал мимо —

и она, гонимая предчувствием, помчалась домой. Розовощекая с холоду, полная, добрая, она бросилась ко мне, зацеловала и, ослабев, опустилась на диванчик.

— Есть справедливость на земле,— вдруг почему-то почешски сказала она и прошептала имя своей матери.

— А там конь,— хозяйственно сказал Мишанька, возвращая нас к реальности.

Отец поднялся, засуетился.

— Не подпустит,— остановил я его.— Очень норовистая.

— И меня? — удивилась Данута и вдруг потянула за собой.

Куница все топталась на тротуаре, соседи уже пробовали завести ее во двор! Куда там! Она скалилась и злобно фыркала. Лишь увидев меня, как-то смешно подпрыгнула одними передними ногами и затихла.

А далее произошло необыкновенное. Не я, а Данута первой протянула к ней руку. И Куница доверчиво ткнулась теплыми губами в ладонь. Далась погладить! Данута повела ее. Уже во дворе лошадь привычно наклонила голову, приглашая снять уздечку, совсем смиренно пошла за женой к сараю, возле которого я, наконец, стащил с ее потной спины сумы и седло.

В сарае заржал конь. Я глянул на Дануту.

— Это мой,— сказала она не без гордости.— Кунак. Они подружатся, вот увидишь.

В боковом стойле топтался гнедой конь с белыми чулками на передних ногах, высокий, худошей, похоже, орловских кровей. Куница прижала уши. Кунак с достоинством посторонился и тихо заржал. Куница по-хозяйски сунула голову в ясли и с хрустом принялась за сено.

Уже за столом, где шумел самовар, а передо мной стояла старая, склеенная чашка из моего детства; наговорившись обо всем, я рискнул спросить у отца:

— Какая в Лабинской власть?

Он пожал плечами.

— Вчера она называлась советом комиссаров. Фамилия у комиссара Безверхий. Выше его нету. Ну, а кто сегодня — не знаю.

— А в Псебае?

— Никакой власти. Живем по велению совести.

— Послушай меня, Андрюша...— Данута вскинула голову.— В Армавире действительно комиссар Безверхий. Только что почта принесла его приказ. Там сказано, чтобы бумаги, подписанные атаманами и старшинами, считать незаконными. Но прискакали двое псебайцев и сказали, что у станции Энем Покровский разбил отряды новой власти и в Екатеринодаре все по-старому. Ничего понять нельзя.

— Ты спроси ее, спроси, — перебил отец, — кого она лечит своими травами?

— Всех, кто болеет, — тотчас ответила Данута. — Вчера приехали из Армавира, просят лекарства для армии Сорокина. Понятия не имею, что за армия. Отдала три мешка разных трав. Кто-то у них страдает, как не помочь? Ведь люди. Люди!

— А конь у тебя не из той армии?

— Это тоже целая история. Он сам заявился. И знаешь где? У моста через Черную речку. Бежал через лес с верховьев Белой. Там, говорят, скрываются казаки бывшего атамана Данилова, их выгнали из Майкопа части Красной Армии. Кунак, по видимому, отбил от бежавших казаков, а мы с девочками как раз домой собрались, после сезона сбора трав. Он так доверчиво подошел ко мне! Взяли, и с тех пор у меня.

— Что делается с отечеством, что делается! — Отец зажал голову в ладонях. — Немцы на Дону. Они взяли Киев, Крым... А мы друг друга бьем. И сказывают, что Краснов любезничает с германцами. Какой позор! Какое несчастье!

Мне удалось рассказать о Кате Кухаревич. Мама и Данута заплакали, Мишанька заревел из солидарности с ними.

— Надо отдать должное Катиной храбрости, — сказала Данута. — Саша и она — оба преданы своему идеалу. Если у новой власти все люди такие, то я не завидую белым.

Отец сурово посмотрел на нее, но ничего не сказал. Наверное, подумал: таких бы людей, да против германцев... У него был один враг. И ничего другого старый воин не хотел понимать.

Вечером все мы пошли на могилу родителей Дануты. Возвращались успокоенные. Война отодвинулась куда-то далеко-далеко. Вернулись, истопили баню, после чего весело ужинали, меня заставляли рассказывать о войне, я придумывал какие-то байки, чтобы не растревлять себя и родных страстями и бедами.

Мишанька так и уснул у меня на коленях. Я вытащил у него из-за пояса разряженный немецкий браунинг, который он выклянчил, и отнес сына, сникшего от множества впечатлений, в его кроватку.

З а п и с ь т р е т ь я

*Что происходило на Кубани. Смута. Деятельный Шапошников.
За помощью — к Советам. Мы создаем охоту. Подсчет зубров.
На Кише. Поручик Задоров. Вести от Кузаревича. Налет на дом
родителей*

1

Проснувшись, я увидел рядом с собой Мишаньку. Одетый, умытый, он бочком сидел на кровати и разглядывал меня серьезно и пытливо. Перехватив мой взгляд, покраснел, зачем-то начал рассматривать свои руки, совсем смутился и тут же бросился на меня, обнял, завозился.

— Мама где?

— На кухне. А бабушка чистит лошадей и ругает твою Куницу. Такая непослушная! А на улице снег, и тебе велели спать, сколько хочешь. Только сперва дай мне револьвер.

Я посмотрел в окно. Шел густой, неторопливый снег. При полном безветрии он нехотя ложился пухлым одеялом на землю, крыши, скамейки и кусты. Кажется, даже в комнату проникал его влажный запах — чистый, холодный, живо напомнивший санную дорогу и засыпанные пихты в горах. А по календарю начинался март. Какая поздняя зима! Она особенно трудна для зверей в лесу.

Одеваясь, я уже думал о зубрах. И был уверен, что Алексей Телеусов и старики егеря, которые без нас четыре года несли усиленную охрану зубра, тоже смотрят сейчас на снег и думают о зверях.

Данута лишь на один час сбегала на свою работу. В одном из вдовьих домов она соорудила «аптеку»: там готовили из трав, кореньев и цвета самые простые настойки и отвары. Эти лекарства разбирали охотно, поскольку ничего другого для больных не было.

Вернувшись со свежими новостями, она принесла также пачку разных газет за минувший 1917-й и нынешний 1918 годы. Тут оказалась «Прикубанская правда» — орган рабочих Советов и «Вольная Кубань», которую издавало войсковое правительство, учрежденное Керенским. Комиссар этого «правительства» Бардиж в первой своей статье писал: «Новое правительство будет уважать права казачьего самоуправления; право, которое завоевано кровью наших предков. Казачество самолюбиво, но оно знает, где кончается свобода и начинается анархия. Казачество всегда будет оплотом законности и порядка».

Если нам обращаться за помощью, то непременно к этому комиссару, который пишет так туманно и красиво. Какая ни на есть, а власть!

Но в другой газете минувшего года сообщалось о летних демонстрациях рабочих в Екатеринодаре. «Долой Бардижа!» — кричали тогда на Соборной площади города. Это действовал Совет рабочих, казацких и солдатских депутатов. У Советов имелись свои лидеры: Ян Полуян, Вишнякова, о которой я еще до войны слышал от Кати и Саши Кухаревичей.

Может быть, именно Совет решит затянувшуюся канитель с заповедником? Конечно, если у Советов имеется реальная власть.

Газеты первых месяцев этого года сообщали о такой же власти в Новороссийске, Тихорецке, Кавказской, Армавире. И о новом войсковом атамане полковнике генерального штаба Филимонове, о частях «дикой дивизии» в Екатеринодаре. На город наступали революционные армии, бои шли у Пластуновской, в тридцати верстах от Екатеринодара. Ростов оставался в руках Советов. А генералы Алексеев и Корнилов продолжали создавать и усиливать Добровольческую армию. Корнилов с боями шел по Кубани на Екатеринодар. О каком заповеднике разговор?

В тот же час я вспомнил о грустной обязанности, которую должен был исполнить. Среди погибших в моей сотне были псебайский старшина Павлов и егерь Щербаков... Собрал в два пакета документы, мелкие вещи, папахи погибших и пошел к их родным.

Как вестник бедствия заявился я в дом бывшего псебайского старшины, поклонился с порога и молча положил на стол пакет. Семья уже знала о смерти хозяина, отплакала свое, но, когда развернули пакет с крестами за отвагу, с письмами, когда увидели папаху с потеками крови, опять ударились в голос, да так, что дрожь по спине. Карту с крестиком, обозначавшим могилу на берегу Бобровицкого озера в Белоруссии, я оставил вдове.

И в семью Никиты Ивановича Щербакова уже пришла недобрая весть. Могила у Пинска... И там были слезы и рыдания.

Вернувшись, увидел у ворот сани, запряженные парой, и верхового коня. Гости.

В большой комнате отец вел неторопливый разговор с егерями. Какова же была моя радость, когда я увидел Христофора Георгиевича Шапошникова!

— С возвращением, Андрей Михайлович, — сказал он. — Вот и свиделись, благодарение судьбе!

Его потемневшее на солнце и ветрах лицо с энергичными складками по щекам, его черные усы и густейшие волосы с едва заметной проседью создавали впечатление воли и жизненной закалки. Вот на кого надежда!

Василий Васильевич Кожевников сидел на корточках в углу. Его одногодок Седов, добровольный егерь из Сохрая, и

наш сосед по улице пожилой Коротченко поцеловались со мной и ссли. Мама накрывала стол к чаю.

— Не стерпел я, Андрей Михайлович, — начал Шапошников и похлопал ладонью по бумагам на столе. — Ты уж прости, что и отдохнуть тебе не дали. Такие срочные дела...

— Они по первотропу зубров уже посчитали, — гулко заговорил Кожевников. — Четыреста двадцать три всех-навсех. А на Молчепе только восемь. Провоевали мы зверя.

Вот он, первый удар. Если верить подсчету, на Кавказе уже потеряна треть стада. Треть! Что ожидает нас весной, когда в ход пойдут тысячи винтовок, привезенных казаками с германского и турецкого фронтов?

— Бумаги ты поглядишь потом, — сказал Шапошников. — Я тут на свой страх и риск чего только не делал, куда не ходил и кому не писал!

— У Бардижа были?

— Сразу после смены власти. В этой папке и его грамота есть. Что толку? А до этого у генерала Бабыча приема добился. Тоже грамотку унес. Цена этим грамотам сегодня грош.

— Кто же творил беду? Кто стрелял зубров?

— Не все мужики на войну отбыли. Промышляли куницу, шкурки в цене. А между делом и по зубру стреляли, мясо для капканов — самая хорошая приманка. Я тоже ошибку допустил, разговоры о зубровом заповеднике надо было в тайне держать, а я по легкомыслию на всех углах шумел. Ну и дошумелся.

— Не понимаю, — признался я. — Чего таить?

— В станицах и аулах слух прошел: «Ага, зубров решили сберечь? Для них пастбища в горах отнимаете? А много ли тех быков в горах? Шесть или семь сотен. Ну, а если их не останется вовсе? Тогда и заповедник не нужен? И пастбища для нашей скотины останутся, так? Возьмемся за зубров, перебьем — и концы. Луга останутся у нас, у станичников».

— Да разве об одних зубрах речь!

— То не в счет. А все разговоры о зубрах. Вот почему прежде всего повыбили зубров на Молчепе, там домашнего скота более всего. Нету зубров — и луга свободны, паси скотину. Но это только одна из причин. Со стороны Загдана браконьеров много. Вот Седов дрался с ними, знает. Пулю до сих пор в ноге носит.

Старик покачал головой, тронул бедро. Не на войне, а смерть была рядом.

Когда гости собрались уходить, я спросил:

— О Чебурнове что-нибудь известно, о злодее нашем?

— О Семене? Сказывали, что с Керимом Улагаем в его ауле находится. Сюда носу не кажет. А Ванятка, его брат колченогий, здесь торгует зубринными шкурами. И через него браконьеры

сбивают. В Майкопе шкура идет по сорок целковых. Завтра суббота? Ну, так на воскресный базар как раз завтра и поедет.

Проводив гостей, я сел разбирать бумаги, оставленные Шапошниковым.

Знал о деятельной натуре Христофора Георгиевича, но, право же, не предполагал, что он так много успел сделать, чтобы уберечь заповедного зверя. Оказывается, уже в 1907 году писал о необходимости заповедования Кавказа. Состоял в межведомственной комиссии Академии наук. Наметил границы, правила охраны, определил судьбу леса, лугов, зверя. И всюду писал слова: «зубры», «зубровый», «для зубров». Понимал ценность диких быков, но не догадался, что именно на этих его словах сыграют недалекие и корыстные люди.

Читаю любопытный документ: статью академика Ивана Парфентьевича Бородина о заповедниках, написанную еще до войны. Шапошников был знаком с ним, они встречались, кажется, в Берлине, где учился Христофор Георгиевич.

«Россия не может не примкнуть к этому широкому движению, охватившему Западную Европу, это наш нравственный долг перед Родиной, человечеством и наукой. Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины; пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из этих памятников являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь и действовали наши предки. Раскинувшись на огромных пространствах в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля, — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности».

Бородин тогда же прислал статью Шапошникову. И он сохранил ее. А рядом — выписка из решения Постоянной природоохранительной комиссии Русского географического общества.

«Императорское Русское географическое общество, изучая уже более шестидесяти лет наше отечество, неоднократно констатировало в своих научных трудах те большие изменения в его природе, которые происходят под влиянием культуры...»

Ученые все подготовили для организации Кавказского заповедника. Подали документы в правительство. Вот-вот должно было последовать высочайшее решение. Но наместник Кавказа отверг предложение ученых. А потом началась война, умер наместник, его преемником стал командующий войсками, брат царя, и уже никто не вспоминал о зубрах и сохранении природы.

Сразу же после образования Временного правительства Шапошников поехал в Екатеринодар и попал на прием к атаману Войска Кубанского генералу Бабычу. Тот еще держал власть в своих руках, но с каждым днем все более понимал, что время

безраздельного самоуправления уходит. Тогда и он принял обличие демократа, всем улыбался и ни в чем не отказывал. Шапошников удостоился пожатия руки, генерал заговорил о событиях в Петрограде, вздохнул и, сказавши негромко: «Страшен сон, да милостив бог», выслушал дело Шапошникова. Тут же вызвал писаря и продиктовал: «Временно, до установления истинного хозяина в бывшей великого князя Сергея Михайловича Охоте, канцелярия наказного атамана учреждает охрану лесов и дикого зверя и поручает леспичему Христофору Шапошникову наблюдение за порядком в границах Кубанской охоты».

Не успел Шапошников вернуться в Майкоп, как узнал, что генерал лишился своих полномочий. На его место пришел член Государственной думы Кондрат Бардиж, «народный избранник», комиссар Временного правительства на Кубани.

В апреле 1917 года настойчивый Христофор Георгиевич поехал в город еще раз. Он попал туда в дни манифестаций Гремели оркестры, толпа кричала «ура!», Бардиж, явно перенявший у Керенского адвокатское красноречие, выступал на разных собраниях и митингах по пять раз на день. И когда лесничий прорвался, наконец, к нему, Бардиж, не глядя на посетителя, пожал руку, пробежал глазами прошение и процитировал свои же слова из только что произнесенной речи:

— «Общинные земли станиц и хуторов, леса и угодья составляют общее достояние казачества...» — А потом уже добавил: — Не время говорить о сохранении великокняжеской Охоты...

— Но зубры, доисторические звери... Их перестреляют!

— Проявите самостоятельность, согласуйте с казачьим кругом в предгорных станицах. Не станем подрывать только что рожденную демократию!

Бардиж уже не мог говорить просто. Только высокими фразами. И все же Христофор Георгиевич добыл в новой канцелярии бумагу, уполномочивающую «лесничего Шапошникова, в пределах дозволенного обстановкой, продолжать охрану лесов и дикого зверя в бывшей Кубанской охоте».

Эта бумага лежала теперь на столе. Что она значила? Мы только что узнали: 14 марта в Екатеринодар вошли революционные войска, власть перешла в руки ревкома. Упоминались новые фамилии: Кравченко, Автономов, Полуян, Ивницкий. Все члены Кубанской рады, Кондрат Бардиж и отряды генерала Покровского покинули город и укрылись в лесах у Горячего Ключа.

2

Ночью вызвездило и прояснилось. Свежевыпавший снег нестерпимо заблестел. На солнце быстро оттаивали стволы дубов и сосен. Лес у Псебая грелся под мартовскими лучами, стоял тихий и умиротворенный. С деревьев падали пласты снега, ветки взмывали вверх. Этот шорох, уханье снега, солнце, детские голоса на улице, синее небо — все говорило о весне.

Я вывел Куницу и Кунака, они побегали, поиграли и пристроились на солнышке, забыв о сене и хозяине. Даже зажмурились.

За воротами слышались голоса. Шапошников крикнул через забор:

— Седлай, Михайлович, надо успеть!

— Ах, да! Ванятка Чебурнов. Сегодня суббота, он поедет в Лабинскую. И нужно успеть перехватить его. Новая война...

Сказавши матери, что скоро вернусь, я сунул за пояс револьвер, и мы четверо — с нами еще Кожевников и Коротченко — рысью пошли вниз по разъезженной дороге, уже заметно потемневшей.

...Чебурнов ехал барином. Хорошая сбруя, черно-красная дуга, расписная кошевка на подрезах¹. Конь бежал неспешной рысью.

Как же он испугался, когда четыре всадника остановили выезд! Закрылся руками и затих. Думал — конец.

— Слезай! — приказал Шапошников.

Ванятка перевел дух. Узнал голос и открылся.

— Слава те... — Он перекрестился. — Я ведь подумал: красные... Ты чо, Христофор, напужать задумал?

— Слезай — и в сторону. Проверим, что везешь.

— А по какому такому праву? — Чебурнов прищурился. — От какой власти? Чью, спрашиваю, власть сполняете?

— Свою власть, — нетерпеливо бросил Шапошников. — Ну-ка, живей!

И сам соскочил с седла. Мы все спешили. Вылез наконец и колченогий, скинул тулуп. Сказал без зла:

— Да это что ж? Седни вы обкрадете меня, как банда. Завтрева я вас со своими суседями встрену. Самоуправство, граждане казаки, получается.

Василий Васильевич молча сгреб в сторону сено из кошевки, вытряхнул тяжелые мешки. Две шкуры зубров пали на снег. В третьем мешке были легонькие шкурки куницы.

— Ну, вот, — Шапошников глянул на меня. — У кого взял, Ванька?

— У того взял, кто стрéлил. Тебе-то что? — Чебурнов наглед с каждой минутой, он понимал, что прав у нас никаких нет.

— Конфискуем, — сказал Шапошников.

— В свою, значит, пользу? Это называется грабеж середь бела дня. В суд подам, комиссару Безверхому. А он и шлепнуть может, особливо ваше благородие.

И оглядел меня злыми, жестокими глазами. Вспомнил, кто ему на браконьерской охоте ногу прострелил.

— Как же это выходит, господа княжеские управители? Кому ноне служите? — Он нагло глядел на нас.

¹ Кошевка на подрезах — легкие санки, окованные по низу, чтобы не скатывались по льду в сторону.

— Народу, глупец, — крикнул Шапошников, раздражаясь. — Ты скажешь, у кого взял шкуры?

— И не подумаю. Ничо ты мне не сделаешь, Христофор. А ну отойди от возка! Свое добро везу, не краденое.

— Вези, Ванятка, вези. Только вот шкуры мы конфискуем, это краденое. И дальше будем так поступать, понял? Зубров бить запрещено, так и скажи своим приятелям. Их не словим, так тебя, перекупщика, побеспокоим. Любая власть зубра бить не позволит. Мы перед обществом в ответе за зверя. Грузи на вьюк, Васильевич.

• Чебурнова мы и пальцем не тронули. Погрузили шкуры, вскочили в седла и повернули на Псебай.

Колченогий долго стоял на дороге, раздумывал над случившимся, гадал, куда теперь ехать — возвращаться или в Лабинскую. Все-таки поехал дальше. Куниц продавать. И жаловаться, если найдет кому.

А мы ехали и скрывали смущение. Действительно, кто мы? Как нам действовать? Даже не могли решить, что делать со шкурами, пока Кожевников не предложил:

— Свезем их к станичному шорнику. Пущай на сбрую пустит, не пропадать же добру. И за работу себе чего-то оставит. А сбрую мы заберем. Будут егеря — раздадим, всё не покупать.

Именно в этот день у нас зародилась еще неясная, не до конца продуманная мысль: а не создать ли нам свою Охоту, раз нет никакого другого хозяина? Кликнуть по окрестным станицам: так и так, кто желает записаться, может готовить для себя дрова, щепу, сено, даже охотиться на мелкого зверя. Но чтобы следили за порядком, охраняли зубров, оленей, туров...

События между тем развивались своим чередом.

Из Армавира к Дануте приезжали за лекарственными травами, привезли известие, что большевики создали там областной Совет. Вся степная Кубань воевала. Революционная армия медленно продвигалась с северо-востока к городу, а белая армия Корнилова сделала рывок на юг и через Кореновскую и Усть-Лабинскую — почти тем же путем, каким мы шли домой, — прорвалась в предгорную станицу Калужскую, где и соединилась с войсками Покровского, оставившего Екатеринодар.

Кто-то привез из Екатеринодара газету «Известия областного исполнительного комитета Советов», она вышла в субботу 30 марта. Я читал ее. Крупными буквами под заголовком было напечатано: «Вся власть Советам!» А за лозунгом шла статья: «К населению Кубанской области» — призыв поддерживать Советы, бороться с контрреволюцией. Подписал воззвание комиссар Волик. На другой день пришел слух, его передавали почему-то шепотком, даже испуганно: убит Корнилов...

Весна вплотную подступила к горам. Зазеленели верба и тальник по берегам Лабёнка. В светлом пока лесу прорезались первые цикламены. Данута хлопотала с утра до ночи, готовила свой женский отряд в первый поход за цветами, корнями и почками. Когда мы говорили о ее работе, она так и сыпала названиями — одно другого мудреней: скополия корниолийская, литрум, золототысячник, ботрихиум, петров крест... Всюду льется кровь и страдают люди. Кто облегчит эти страдания?

Комиссар лабинского отдела Безверхий вдруг прислал мне и Шапошникову предписание: 3 апреля к одиннадцати ноль-ноль явиться в Армавир по заявлению гражданина Чебурнова. Торгаш все же написал донос!

Мы поехали на дрожках Шапошникова, прибыли к одиннадцати ноль-ноль и нашли в доме станичного атамана такую сутолоку, столько народу, что добрых два часа безуспешно проискали Безверхого, которого никто почему-то не знал. Лишь один бравый хлопец, весь увешанный оружием и набитыми сумами, на наш вопрос ответил голосом, привыкшим кричать «ура» и «даешь!»:

— Безверхий? Ха! Деж ему быть, как не на фронте! У Екатеринодара контру добивает.

Возвращаясь домой, мы всю дорогу проговорили о зверях и бывшей Охоте. Шапошников признался, что давно думал организовать общественную, Народную охоту, чтобы взять леса под строгий контроль. Еще при Временном правительстве он высказывался на областном съезде лесников, но съезд отверг его мысль: покушение на права станичников...

— Теперь область советская, — сказал я. — Новые взгляды.

— А что, можно предложить. Но я, Андрей Михайлович, сейчас не могу. Честно скажу: устал, боюсь сорваться и загубить идею. Переговоры лучше вести тебе.

— Почему не попробовать?

И тут же я вспомнил о Кухаревиче. Вдруг отыщу? Уж он-то поможет! Непременно.

— Есть знакомые в городе?

— Есть. Помните егеря в Гузерипле и его жену? Правда, не знаю, где они сейчас, но поищу. Они подскажут, куда обратиться.

— Дам на всякий случай еще адресок. Коня поставишь, переночевать можно. Поезжай. А мы тем временем возьмем под контроль лесные дороги. Уговорю старых егерей. И по станицам проеду, беседу проведу.

В середине апреля я верхом выехал в Екатеринодар — снова через Усть-Лабинскую, потому что все другие дороги были у белых и очень опасны. Выбитые из города отряды Покровского кружили за Кубанью. Ехал только днем и все время настороже.

Моя егерская форма со знаками лесничего была своего рода защитой от нападения.

Дорога оказалась забитой народом. Одни возвращались в город, другие бежали из города. Никто меня не остановил, не спросил документов, которых, впрочем, у меня и не было, если не считать, конечно, диплома Лесного института.

Он меня и выручил, когда, долго путаясь по коридорам областного Совета, я показался кому-то подозрительной личностью.

— Оружие есть? — Охранник в полувоенной форме взял меня за руку.

Я вытащил и отдал револьвер. Теперь меня держали крепче. Повели к коменданту.

Комендант, пожилой человек, с виду рабочий, недоверчиво повертел мой диплом, изучающе уставился в лицо. Револьвер лежал перед ним на столе. Спросил:

— Почему не сдали согласно приказа?

— Не знал приказа, оружие всегда при мне. Такая работа. В лесу, как на фронте.

— Что вы ищете в здании Совета?

Пришлось рассказать о беде с зубрами, о нашем желании взять охрану бывшей княжеской Охоты в свои руки.

Пожалуй, он не поверил. Революция, смерть, разруха, а этот ненормальный о зверях думает. Или за нос водит.

— Проводите его в лесной отдел, — сурово решил он. — И смотрите... Оружие останется у меня. Придете сюда, тогда и решим.

Меня повели в здание на Гимназической улице. Здесь тоже суетились люди, бегали из двери в дверь, громко говорили в телефон.

Принял меня ладного вида человек, крупный, широкогрудый, с лицом интеллигента. Представился:

— Постников, лесничий. Садитесь.

Я покосился на охранника и сел. Постников молча слушал минут пять, кивал, умные глаза его оттаяли, смотрели все более сочувственно. После моих слов: «до зубра, до заповедника никому, видать, нет дела» — сказал:

— Это не совсем так. Вы плохо информированы, коллега. — Тут Постников порылся в столе, полистал журнал, бумаги. — Вот послушайте. Немногим более месяца назад петроградский ученый Шеллингер ходатайствовал перед Народным комиссариатом просвещения РСФСР о необходимости учредить Государственный комитет охраны памятников природы и отдел охраны природы. Его предложение принято. Готовится декрет о заповедниках. Почетный академик Бородин вместе с заведующим Зооло-

гическим музеем Московского университета Кожевниковым и профессором Шокальским организовали в Петрограде совещание при Постоянной природоохранительной комиссии Географического общества, и это совещание наметило заповедники первой очереди, в том числе Астраханский, Ильменский и Кавказский. В условиях гражданской войны, немецкой оккупации ряда областей! Как видите, о природе Советская власть не забывает. Скажите, что вы предлагаете?

— Объединить несколько десятков или сотен людей в лесных станицах, рассказать им о заповедности, дать возможность получать какую-нибудь выгоду, которая не противоречит охране природы, и обязать хранить зубров, других зверей, сам лес до более счастливого часа.

— Кооперация? — Он произнес незнакомое мне слово с некоторой надеждой. — В этом есть резон. Объединить охотников в добровольный союз, поручить охрану. Что вместо жалованья?..

— Лицензии на отстрел серны, медведя, куницы, — быстро сказал я. — Отлов и отстрел волков. Лес для хозяйственных нужд.

Постников еще раз заглянул в мой диплом, потом с любопытством уставился на меня.

Постойте-ка. Вы служили в Кубанской охоте?

— Служил.

— Кто-то мне о вас рассказывал... — Он погладил двумя пальцами белый высокий лоб. — Да, да...

И, подвинув телефон, завертел ручкой «Эриксона». Сказал в трубку:

Товарищ Вишнякова? Здравствуйте. Постников из лесного отдела. По-моему, у нас в Совете есть кто-то близко знакомый с бывшей Охотой великого князя. Как?..

Он слушал и все более дружески смотрел на меня. Что-то записал. Сказал спасибо, попрощался и положил трубку.

Я говорил с заместителем председателя областного исполкома Вишняковой. Вам знакомо имя Екатерины Кухаревич?

— Кати? Ну как же!

Так вот, мы сейчас попробуем отыскать ее.

— Знаете, — я даже встал от волнения. — Ведь я и в город поехал с надеждой увидеть именно Катю и ее мужа. Нам так много нужно сказать друг другу!

Минут через сорок мы с провожатым шагали по Красной улице, вошли в парадный подъезд городской больницы, товарищ пошел искать Катю, я стал у стенки; увидел длинный коридор с койками в три ряда, услышал стоны. Меня мутило от запаха карболки и хлороформа. Вдруг из этого ада выплыла Катя с измученным, постаревшим и серьезным лицом. Она была в старень-

ком тяжелом платье, в красной косынке, какая-то незнакомая. Увидев меня, просияла. Мы обнялись, поцеловались.

— Гора с горой не сходятся... — сказала она, стараясь не заплакать при людях. — Как вы там?

— Саша? — спросил я. — Где он, что с ним?

— В Новороссийске. Недавно был здесь, помогал отвоевывать город. Опять ускакал. А у меня заботы свои. Тиф у нас.

Она выглядела страшно уставшей, занятой. Как после выяснилось, Катя занимала пост заместителя заведующего — или начальника — отдела здравоохранения в Совете. Мы договорились встретиться вечером, Катя дала свой адрес. Подумала, сдвинув брови, сказала:

— Нет, не так, вечером тебе нельзя выходить. В городе опасно. Знаешь, всякие элементы, грабители, потом этот подпольный «Круг спасения Кубани» из офицеров. Да и наш главком Сорокин, кажется, очень склонен к авантюрам. Иди сейчас к Постникову, он выпишет тебе мандат. А завтра... Ну, часов в шесть утра?

Около нас уже стояли люди, все они ожидали Катю. Она протянула мне руку. От дверей я видел ее еще с минуту, как шла и на ходу читала бумаги, отдавала распоряжения, и была в ней, маленькой, измученной, такая воля и энергия, что я и пожалел ее и залюбовался ею.

Постников встретил меня совсем дружески, заставил подробно рассказать о плане кооперации, сам посоветовал, как создать организацию из надежных лиц, выработать устав, права и обязанности ее членов.

Мандаты он выписал на Шапошникова, которого знал, и на меня.

— Вам еще надо договориться о праве ношения оружия. Сейчас строго. Вот вам адрес и моя записка в военный отдел. Патроны у нас на вес золота. Не сможем выдать. Перед отъездом заходите, еще поговорим.

До конца дня я пробыл в военном отделе и после недолгих переговоров получил десять подписанных, но не заполненных бланков на право иметь винтовку. Комиссар Волик, принявший меня на пять минут, ворчливо сказал:

— Знаю о вас по рассказам товарища Кати. Иначе бы... Прошу не забывать, что в ваших лесах могут появиться бело-зеленые. Да и Покровский. Понимаете?.. Надеюсь, вы не протянете им руки.

Револьвер мне вернули. И даже посоветовали быть настороже, если окажусь ночью на улицах города. Я поспешил к знакомым Шапошникова и только с рассветом пошел в центр, где

на Екатерининской улице, рядом с кинотеатром со старым названием «Мон-Плезир», квартировала Катя. Весь этот дом занимали работники Совета, у входивших проверяли документы.

Катя жила в небольшой комнате. Она уже встала, приготовила чай, усадила меня за стол. И начала рассказывать. Тогда от речки Кочеты, где мы расстались, она проехала спокойно до самого Екатеринодара, но первый же патруль белых на улице остановил ее и арестовал. Три дня провела она в тюрьме. Выпустили. Ее спасли документы военфельдшера.

— И очень вовремя, — без улыбки сказала она. — Наши как раз подступили к городу, белые при отходе расстреляли всех узников без разбора, тридцать заложников увели с собой. Ну, а вскоре я отыскала Сашу. Он был в первой колонне наших войск, которые наступали со стороны Крымской. Худой — ужас! Одни глаза да нос. Мы всего два дня пробыли вместе. Умчался в Новороссийск.

— В Новороссийск?..

— Да. — И, понизив голос, добавила: — Там сложнейшая обстановка! И чтобы не забыть: твой недруг Керим Улагай объявился.

— Где он?

— Отсиживался в ауле Суворово-Черкесском, а когда наши пошли на город от Новороссийска, поднял восстание. Его молодчики вырезали в окружающих селениях всех, кто сочувствовал Советской власти, и ушли в горы у Горячего Ключа. Имей это в виду. Горные тропы Улагай знает!

— А его брат?

— Старший? Командует дивизией у Деникина. Вернее, командовал. В последних боях ранен в живот, отлеживается в госпитале. О, этот еще более опасен. Вообще, Андрей, большие испытания впереди! Мы, в сущности, окружены. Деникинцы заметно набирают силу. А в наших рядах не очень многолюдно. Потери огромны. И тебе, Андрей, пора выбрать, с кем ты и против кого.

— Я выбрал; Катя.

— Зубров?

— И новую власть.

— Вот это ответ! — Она обрадованно встала. — Очень хорошо! Да, чтобы не забыть... На днях будет объявлена всеобщая мобилизация. И твои планы могут рухнуть без тебя и твоих друзей. Хотя бы пятерым егерям надо остаться для охраны Кавказа. Иначе никакой надежды на заповедник. Я постараюсь договориться в военном отделе. А теперь поведай, как у тебя. Что Данута? Отец, мать?

Она радостно удивилась, когда узнала, чем занимается Данута.

— И ты молчал? Такая удача! Мы будем забирать все ее травы. Так и скажи. Даже платить сможем, хотя... Ты знаешь, мы работаем без всякого жалованья, поэтому вряд ли сможем. Ты видел, что творится в больнице? Ничего нет. Врачи сбежали. Всё, Андрей. Идем. Сделаем доброе дело для твоих зубров.

Вместе с ней я вновь оказался у комиссара Волика.

— Фамилии ваших егерей? — Комиссар даже не глянул на меня.

— Телеусов, Кожевников, Шапошников...

— И Зарецкий, — подсказала Катя. Через стол взяла из-под рук комиссара подписанные бумаги. — Ты сделал добро для Кавказа, товарищ Волик, спасибо. Кавказские егеря — с нами.

Подталкивая меня к двери, она вышла.

— Бери. Это освобождение от мобилизации. Работайте спокойно. Ты слышал, что я сказала комиссару?

— Слышал. Так и будет.

— Успеха тебе и Дануте. Будем надеяться, что не в последний раз видимся.

Через пять дней я приехал в Псебай.

Весна здесь позеленила и украсила улицы. Горы звенели птичьими голосами. Запах свежести плыл от леса.

3

Данута с женщинами из аптечного отряда ушла в горы. От Шапошникова меня ждала весточка. В записке сказывал: «Вдвоем с Коротченкой выехали по Лабёнку. Осмотрим дорогу и мосты. Задержимся на Умпыре, если сумеем проехать. Телеусов с племянником отправились на Гузерибль и Молчепу, Кожевников и Седов обещали провести работу в Сохрае и Даховской, видимо, заглянут на Кишу. Ждем на Умпыре с новостями».

За два вечера я встретился с десятком знакомых псебайцев. Разговор шел о Народной охоте, о кооперативе. Я уже знал, что в Псебае все спокойно, передела земли никто не требовал, все осталось, как было. Спокойствие в Псебае помогало моему предприятию. Почему бы не заняться кооперативом? Но что-то мешало, это я почувствовал сразу. Земляки мои слушали и помалкивали, вздыхали.

— Власть-то разрешила? — спросил один.

Я показал мандат.

— А если она упадет, эта власть? — задали вопрос.

Вот в чем дело! Если Советы не удержатся, то за кооператив — порождение Советов — придется нести ответ. Боялись. Не верили, что пришла настоящая власть. Вдруг Кубанская рада, тот же Деникин... И — к стенке.

Словом, на первых собраниях охотники согласия не дали. Без результатов.

Тогда я строго объявил:

— Предупреждаю: в лес с винтовкой не ходить! Нас хоть и мало, но зверя в обиду не дадим.

Лишь на третьем собрании в кооператив согласились вступить четверо. Среди них — молодые братья Никотины, два лесных следопыта. Они тут же получили карту с участком для охраны по левому берегу Уруштена и лицензию на право охоты и отстрела за сезон трех косуль и медведя, конечно, за границей бывшей Кубанской охоты.

Слух об этом прошел по Псебаю, и вскоре ко мне домой пришли сразу семь человек. «Правление» вроде бы обрастало людьми. Хоть и небольшая, а все же помощь.

Прошла первая неделя мая. Данута вернулась. Она ласкала Мишаньку, вздыхала и гасила улыбку.

Дома спросила:

— Ты собираешься в горы?

— Через день-два.

— Я поеду с тобой. Проводишь до моих аптекарей, они работают за эстонским поселком. Эстонки давно знают толк в травах, но у них все это с мистикой, с тайнами, как волшебство. Есть, например, наговор в путь-дорогу с одолень-травой... — И, сдвинув брови, она произнесла нараспев и вполголоса: — «Одолень-трава! Одолей ты злых людей, лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили. Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные...» Ты знаешь, что это за одолень? Кувшинки озерные, по-нашему — лилии.

Вот тут-то я и вспомнил, что Улагай близко. Но Дануте не сказал, не растревожил. Провожу и все тропы осмотрю. Осторожность, и еще раз осторожность!

— Найду кувшинку, положу тебе лепестки в кармашек, и никакие злые люди моего мужа не тронут, — задумчиво произнесла Данута.

Читает она мои мысли!..

Выехали, как ездят на фронте: Василий Никотин сажень на двести впереди, с винтовкой на руке, потом мы с Данутой, ловко сидевшей на Кунице (мы все-таки поменялись лошадьми, Кунак для нее немного высоковат), а сзади, как охрана, ехал Саша Никотин и еще один егерь.

Ночевали недалеко, на лесопильне, собрание провели, мужиков тут осталось всего одиннадцать. Они согласились вступить в охотничий кооператив, только патронов и пороху запросили.

И в эстонском поселке, где Дануту хорошо знали и привечали, состоялся разговор о кооперативе и о возможности проникновения в заповедник белых. В аптекарской караулке, куда прибыли на другой день, я потолковал с двумя старыми казаками, которые охраняли женщин, попросил быть настороже и только после этого отправился с братьями Никотиными обследовать тропы выше Уруштена, чтобы убедиться, нет ли поблизости чужих.

В горах лес едва зазеленел, хорошо просматривался. Вскоре мы убедились, что ни одного человеческого следа поблизости нет. Никотины остались наверху искать себе место под лагерь, а я вернулся к женщинам и Дануте, чтобы оттуда поехать на Умпырь, где меня ждал Шапошников.

«Команда» Дануты работала. Под навесом уже сушились травы, разные стебли-корневища. Данута шутила, охала, что нигде нет одолень-травы, выглядела спокойной, сильной. На поясе носила браунинг — мой подарок.

Я отправился по знакомой тропе к Балканам.

Чаще всего егеря бывали здесь, у висячего моста через Лабёнок, яростно бившийся о каменные берега ущелья. Наша обжитая тропа.

Мостик висел ржавый, почерневший. Под ним грохотала река. Рядом чистая тропа. А на ней след двух подкованных лошадей. След Шапошникова и Коротченко.

Я спешил, пустил Кунака на зеленый бережок, хотел было пройти по мостику на ту сторону, но остерегся: прогнили доски, опасно. Обернулся, глянул на коня и тотчас сбросил со спины винтовку: Кунак стоял, выставив уши, и глядел на тропу, назад. Река приглушала все звуки, но конь-то почуял! Я стал за камень. И не напрасно. Показался один всадник, за ним второй. Ехали беспечно, бросив поводья. Вот они уже близко. Остроко-нечная борода, веселое лицо. Телеусов!..

Он упал с седла в мои объятия. Друг любезный!..

— Откуда вы?

— С самого Гузерипля, почитай. Прошлись немного по Кише, там есть тропа, ну и наскочили на ребят Никотиных, они сказали о тебе. Как не повидаться! Вышли напрямки, через перевальчик, благо снега там немного. Ты живой-здоровый?

Завечерело. Ущелье затянуло туманом. Не сговариваясь, расседлали коней, нашли свое старое пепелище и поставили костер.

Племянник Телеусова увел коней на лужок, замеченный сажень в полтора.

Мостик мы сильно раскачали. Вроде ничего. Скрипит, но держится. Власович обвязался веревкой, хотел идти. Только ступил, как вниз полетела доска. Нет, нельзя. И мы вернулись назад.

Уселись у костра, погрелись, взяли за чай, особенно вкусный после жесткой солонины, стали вспоминать довоенное время. Я рассказал об Улагае, Семене Чебурнове и его брате — колченогом. Телеусов кивал, смотрел задумчиво, вздыхал. Нету покоя на Кавказе! А с врагами, что ж.. Привычное дело. Встретим, если надо.

Сделалось морозно и темно. Накинули бурки. Костер разгорелся. Так и уснули у огня, привалясь друг к другу. А с рассветом ополоснулись в ручье, поели горячего, оглянулись на мостик слева и потянулись к перевалу. Знакомые, дорогие места. За вторым перевалом кордон Умпырь.

Шапошникова с Коротченко на кордоне не оказалось, но по всем приметам они жили тут не один день. Дом протоплен, еда приготовлена. Куда-то отъехали.

Мы отдали коней хлопцу, и он повел их на выгревы, где зеленела трава. А сами прошли шагов триста на гору и поднялись на вышку, устроенную еще до войны на старой огромной сосне.

Эко нам повезло! Сразу увидели зубров. Два стада отдыхало за рекой в редком грушовнике. Еще одно — левей, на спуске Сергеева гая. Лежали, пригретые солнцем. Снизу из долины хорошо видать все горные склоны. Взялись считать. Один, другой, третий. Сошлись на том, что зубров здесь сто одиннадцать. При довоенном подсчете было сто семьдесят девять. Мрачноватая статистика.

Вот тогда Алексей Власович и сказал:

— Слышь-ка, на Молчепе я нашел только одно стадо. Семь штук, из них один теленок.

При Кухаревичах там паслось тридцать девять.

Главное дело нашей жизни заметно шло к закату. Война. Все та же война. Она уже закрывала небо над Кавказом, но и до того успела уполовинить зубриное стадо. Что дальше? Как сохранить зверя?..

Подавленные, мы молча возвращались на кордон. В чащу леса, откуда вдруг донеслись голоса, звон стремян, вошли скрытно и тихо. Не двое там... Сняв с плеча винтовки, мы осторожно шли от дуба к дубу. И, лишь увидев на крыльце черноволового Шапошникова, вздохнули свободно и пошли полным шагом.

Шапошников присел на крыльцо, закурил. Заметив нас, обрадованно взмахнул руками.

— Где вы пропадали? Заждались...

В сенцах стояли сложенные снопом винтовки. Семь или восемь. Как на фронте.

— Было дело? — спросил я.

— Еще какое! Казаки устроили гай на зубров по реке Бескесу, вот до чего обнаглели! Из Преградной, с Урупа собрались. Сперва выследили быков, потом собрали человек до двадцати и пошли на них. Всю охоту мы не видели, да и не хотели видеть, куда нам с такой оравой биться. А восьмерых застучали в засидке¹. «Руки вверх!» — оружие и коней поотобрали, и валий топай из пределов Народной охоты.

Я представил себе Шапошникова и Коротченко в лесу против жадных до крови, озверевших восьмерых. Смело действовали!..

— Зубры пострадали?

— Двух они успели завалить. А в гай попало семнадцать, их гнали на выстрелы. Не подскочи мы, могли уполовинить стадо. Ой, беда, Михайлович! Идти в Преградную агитировать нам нельзя. Озлили казаков. Но и они поостерегутся за Большую Лабу ходить.

4

Теплый май пришел и на высоты в верхнем течении реки Шиша, что впадает в Кишу. Дубовые и грабовые роци стояли тут полупрозрачные, юно-оголенные, но на южных покатостях деревья уже бросали густую тень, а травы поднялись на добрую четверть. Всюду запахло весной, цветами, устойчивым теплом. Везде журчала вода. Глубокий покой стоял в этой глухомани. Казалось, весь мир радуется солнцу, все в улыбке и нет места ни злу, ни беде.

На стоянке у Козликиной поляны Шапошников пошел было к реке, но вернулся и поманил нас. Шагов за сто крикнул:

— Вы только гляньте, что они тут наделали!

Через редкий лес и поляну шла крепко утоптанная дорога аршина² в три шириной, уже подсыхая и довольно ровная. Это натоптали зубры. Сколько их прошагало здесь?

— К солонцу.— Телеусов показал на ручей, окрасивший

¹ З а с и д к а — засада.

² А р ш и н — русская мера длины, равная 0,711 метра, применявшаяся до введения метрической системы.

камни в ржавый цвет. Ручей вкатывался в речную извилину, возле которой и обрывалась дорога. — Гляньте, тут и свежие следы. Весной им такая водичка особливо по душе: трава молодая, сладкая, да и матки вот-вот разрешатся, соль дюже нужна им в это время.

За три дня ходу по тропам скального района мы увидели довольно много оленей и серн, туров на каменных хребтах. Раза четыре в бинокль ловили вдалеке черные силуэты зубров то на опушке леса, то в молодом папоротнике. Уже за княжеским балаганом подняли стадо голов в пятнадцать — все зубрицы с однолетками. А к исходу дня заметили и дымок над кордоном.

Василий Васильевич Кожевников в расстегнутой телогрее, разморенный теплом, сидел на крыльце, а рядом скорым шагом ходил туда-сюда неизвестный нам человек в военном кителе без погон, в сапогах, коренастый, широкоплечий и, судя по его движениям, очень нервный. Он непрестанно говорил, помогая себе жестами, забрасывал руки за спину, прижимал к лицу. Что за добрый молодец заявился к нам?

Увидев караван, Кожевников бодро поднялся, захватил огромными ладонями бороду и протащил ее через ладони, спрямляя и причесывая. Незнакомец резко повернулся, по губам его я увидел, как спросил нетерпеливо: кто такие?

Кожевников что-то коротко ответил ему и двинулся навстречу.

— Знал, что возвратитесь сюда, — прогудел он. — И сюрприз для того случая приготовил. Да и вы — смотрю и не верю, — будто с войны идете. Вона, сколь у вас коней, оружия! Пушки еще не хватает.

Незнакомец стоял рядом. Перехватив мой взгляд, щелкнул каблуками.

— Задоров, Борис Артамонович. Честь имею!

— Вы офицер?

— Бывший прапорщик. Одиннадцатая Новгородская стрелковая дивизия.

— Почему же бывший? Офицерский корпус еще существует. У Деникина.

— С ними покончено. По крайней мере, для меня. Нет прапорщика. Перед вами просто человек, ищущий покоя и труда.

— Все мы ищем и то и другое.

Тем временем расседлали коней, сняли вьюки, занесли в помещение винтовки. Загон с молодой травой манил уставших лошадей. Они так и кинулись к широкому проему в жердевой ограде.

— Чем порадуешь? — спросил я Кожевникова.

— А сколь ты хочешь? — в свою очередь спросил он, зная о чем речь.

— Чтобы побольше ста... Помню, было девяносто шесть.

— Нет, Михайлович, этого не обещаю. Чего нет, того нет. Размножались, конечно, и без нас. Но такие годы, сам знаешь. Вчерась пошел в сторону Сохраня, два шкилета белеют в лесу. Прошлого, видать, году. В общем, чтобы не дразнить тебя, скажу. Насчитал я зверей всего семьдесят семь. Може, и не всех узрел, но мы вдвоих считали, у Бориса Артамоновича глаза помоложе, подправлял.

Итак, можно подводить черту.

Всего на заповедной территории к лету 1918 года осталось двести двенадцать зубров, менее половины того стада, которое мы опекали до 1914 года. Мы ожидали, что зубры без защиты не расплодятся, станут добычей браконьеров. Но чтобы так... Больно и тяжело.

Немного позже, уже в помещении кордона за чаем, Василий Васильевич сказал:

— Да послухай ты мово помощника, Михайлович! Сидит как на иголках, так и ест тебя глазами!

— Как вы попали сюда? — спросил я новичка.

Он вскочил, стиснул ладони. Красивый крепкий хлопец, похоже, из северной Руси — такой румяный и светлоглазый, волосы мягкие, русые. Добрыня Никитич. Но очень порывистый, издерганный.

— Четыре года я воевал. Почти четыре. В Пруссии. У Брусиллова. Потом пятился перед немцами по Украине, ходил в атаки по крымским степям, позже — в Добровольческой, перешел к Автономову, сиречь к красным, угодил в плен к Деникину, был, можно сказать, расстрелян, чудом остался жив. И вот тогда сказал себе: довольно! Не пролью больше ничьей крови. Не для того рожден! Неужели на свете не осталось места, где можно жить спокойно, работать, пахать землю, пилить дрова, улыбаться детским шалостям? Пошел куда глаза глядят. Вы не представляете, как я крался по Кубани, избегая встреч с людьми. Не буду об этом. Оказался здесь, в горах, дней десять бродил по чаще, оглушенный тишиной, спал на голой земле, что ел — не помню. И понял: вот она, мирная земля.

— А ведь пропал бы ты в этой благодати, если б я не нашел... — Кожевников со смешком огладил свою бороду.

— Да, это так. Я двое суток тогда ничего не ел, ослабел и едва тащился с горы на гору. Боялся заглянуть на сутки вперед.

— Он тащился, а я за им двигался, — пояснил егерь. — Думаю, что за фигура такая, чего здесь ищет?

— Вот и оказался на кордоне, понял, что такое доброта, не исчезла она. На коленях просить буду: возьмите в охрану, в лесники, просто в работники, но чтобы здесь, подальше от злого, страшного мира...

Он и впрямь мог упасть в ноги — так издерганы были его нервы.

— У вас есть специальность? Кроме военной?

— Взят на фронт из Петроградского университета. Историк.

«Не много», — подумал я и переглянулся с Шапошниковым. Тот улыбался. Задоров и мне понравился. Понять его состояние было не трудно. Все мы временами испытывали нечто подобное. Смятение, неустроенность в потрясенном мире, полная беспомощность...

— А что, давай оставим Артамоныча, — предложил Кожевников. — Пушай живет тут, на Кише. И мне есть с кем слово промолвить. И охрана все же, винтовку знает, только еще не понял, что и винтовка может на доброе дело сработать.

— Ни жалованья, ни одежды, — сказал я.

— Ничего не прошу! Огород здесь есть, руки у меня есть, с голода не умру. Лишь бы дело какое. И тишина.

— Хорошо, Задоров. Лечитесь тишиной, постарайтесь выбросить все плохое из памяти. Но мы сами не уверены в своей судьбе, как и в судьбе зубров. Очень может быть, что придется защищать зверя и себя с оружием в руках.

— Готов!!!

И столько в слове этом, в тоне, каким он произнес его, было молодой отваги, что все улыбнулись.

Назавтра Телеусов с племянником поехали домой за продуктами, решили пригнать сюда корову, телку и заняться привычным делом: посеять брюкву, свеклу, картошку для себя и для подкормки зубров зимой, накосить травы на сено, наблюдать за стадами. А мы занялись другой работой: стали поправлять изгороди на двух загонах, мостики через реки и тропы, здание кордона.

Новичок — ему было немногим более двадцати — трудился с таким подъемом, что любо-дорого, до поту. Он снимал китель и застиранную рубаху и работал не разгибая спины. Даже комары ему были ни о чем. А по вечерам лежал на топчане за кордоном, где ветерок, разглядывал темное звездное небо, что-то шептал, похоже, стихи.

Телеусов вернулся через неделю, какой-то пришибленный, угрюмый. Привел корову, двух коней с вьюками. Знаком подозвал Задорова, сунул ему постельное белье, подушку, одеяло, смену исподнего, даже шапку не забыл.

— Благодарствую! — коротко произнес Борис, явно смущенный вниманием. — Отработаю...

— Ишо чего! — недовольно буркнул Алексей Власович и вышел, поманив меня за собой. — Кланяться велела. Письмо вот.

— Ты побывал у наших?

— Ну а как же? Услышать это не то что увидеть. А разговоров кругом!.. Твои все живы-здоровы. Читай, опосля поговорим.

Данута писала, что вернулись они из лесу в Псебай и уже на другой день подводой отправили в Екатеринодар все лечебные травы, какие заготовили. Мишанька весел, здоров, все спрашивает обо мне. Как же: заявился папаня и сразу исчез... Отец и мама меня обнимают, очень хотели бы видеть. Но просят меня остаться в горах хотя бы на месяц, потому что здесь безопаснее, чем в любом другом месте. Все чаще видят они чужих всадников возле станицы, все настойчивей эти люди ищут чего-то по дорогам. Псебайские жители побаиваются непрошенных гостей, отпора дать не могут, все только и заняты своими домами да огородами, как в крепостях сидят. Говорят, что дорога на Лабинскую уже травой заросла... А отец приписал о других новостях. В Лабинской у ревкома нет сил поддерживать порядок, в иных местах и ревкомов нет, новая власть только в городах, но и там порядка немного. Белые кружат возле Екатеринодара, их полно в лесах за Кубанью. Что-то страшное назревает.

В Ростове немцы. Добровольческая армия растет, штаб ее в Таганроге, но нацелена армия на Тихорецкую, которая связывает Кубань с Царицыном; оттуда поступает вооружение для полков Советской власти.

На Тамани — восстания по станицам под руководством офицеров, этот огонь перебросился туда из-за Кубани, раздувал его наш недруг Керим Улагай. Где этот храбрый полковник появится завтра — сказать трудно. Старший его брат снова командует дивизией у Деникина. Выздоровел...

Как я догадался, осведомленность моих родных исходила от Кати. Она писала Дануте, благодарила ее и всех женщин за лекарства. Тот же курьер из Лабинска привез все эти подробности в Псебай.

Кубань полыхала в боях. Трудно было понять, где фронт и существует ли он в том понятии, какое придают ему военные. Слоеный пирог... Пошли слухи, что деникинцы взяли Тихорецкую. В самом Екатеринодаре голод. Страшное время!

Второе письмо, запечатанное, вложенное в первое, адресовалось лично мне. На конверте Катя так и написала: «А. М. Зарецкому». Что это означало?

Разорвав конверт, я понял: она просто пересылала мне письмо Саши к ней из Новороссийска, на страничках которого он рассказывал о положении в Черноморской области.

Тоже вести малоутешительные. Саша откровенно признавался, что Новороссийск почти отрезан от Екатеринодара, Таманская красная армия заперта в Славянской и приняла решение, обходя мятежную Кубань, пробиваться берегом моря в Туапсе, а оттуда в Майкоп, Армавирскую и далее на восток к своим.

«Не исключено, — писал Саша, — что и мы отойдем в горы, организовав Черноморскую партизанскую группу. Знание этого района и горных троп через перевал может пригодиться. И хотя центр партизан намечен в другом месте, думаю, что смогу побывать и у того кордона. Дай знать Андрею».

«Тот кордон» — это, конечно, Гузерипль, где когда-то жили Саша и Катя.

Письма заставили подумать!

Война в горах расширяется. Если план Саши удастся, он со своими отрядами окажется в пределах заповедной Охоты, вернее, на ее западной границе. Плохо или хорошо? Сказать трудно. Но партизаны все же заслонят одну сторону гор от улагаевцев.

Чтобы найти связь с Кухаревичем или его командирами, нам надо изредка наведываться в Гузерипль. Вот первое, что пришло мне на ум.

Обо всем этом я рассказал своим егерям.

Однажды всем гуртом, хорошо вооруженные, мы заявили в поселок Сохрай. Собрали угрюмых, замкнутых казаков. Христофор Георгиевич объявил, что к ним прибыл один из летучих отрядов по охране зубров, который просит граждан казаков не охотиться на зверя, не заходить в пределы Народной охоты, которая организована, чтобы сохранить зверя.

— Вопросы будут? — спросил он под конец.

Толпа молчала, казаки нещадно курили, выглядели растерянными. Наконец бородатый старик спросил:

— Я извиняюсь, конечно, но для какой же такой власти вы готовы в казаков стрелять, чтобы зверя охранить? Кому тех зубров доставляете, ежели так можно спросить?

— Не доставляем, а сохраняем, старина. Для нашей с тобой отчизны, для России.

— Дак России-то вроде уже немає. Объявились две власти зараз. В Екатеринодаре она прозывается Северо-Кавказская, а ишшо и Советская Республика, ежели, конечно, я не перепутал. А до того Кубанская рада. У нас есть казаки, которые в этой раде. А есть мужики, которые в Республике. Вчерась вон Тихон из Армавирской прибыл и сказывал, что Совет оттудова уже

убрался аж на станцию Овечка. И рады что-то не видать. Кому же зубры, объясни ты мне?

Шапошников, а потом и я долго рассказывали о ценности зубров, о национальной гордости России, сохранившей этого зверя, о нашей роли в охране природы, но слова и доводы будто уносил ветер. Не тем головы заняты... Лица слушателей выражали либо сомнение, либо насмешку. Только угроза возмездия могла в это лихое время остановить желающих поохотиться.

С тем мы и отъехали.

В начале августа я собрался тайно поехать в Псебай. Но Кожевников не отпустил меня одного. Ни слова не говоря, он оделся, седло на конь, винтовку за спину и прежде меня выехал на тропу.

Шли малоизвестной дорожкой западнее горы Тхач, минуя Богаевскую, спали в густом лесу, осторожно ехали весь день и загадали пробраться прямо к задам своего огорода на нашей улице. Прибыли уже потемну. Василий Васильевич отошел на разведку, а я с Кунаком и его конем в поводу тихо прошел через огород к себе во двор, осмотрелся и постучал в окно спальни.

Голос Дануты тотчас спросил из-за ставни:

— Кто?

Видно, она не спала.

Узнала меня, загремела запором. Бросилась с крыльца, зашептала, зацеловала. И пока я устраивал коней, не отходила ни на шаг. Здесь же топтался отец, запрятавший револьвер за борт мехового жакета.

— Семен Чебурнов в станице, — сказал он. — Постережемся. Не будем зажигать огня.

— Что слышно еще?

— Говорят, бои у самого Екатеринодара. И у Тихорецка. Почти вся Кубань под Деникиным. Так что твои мандаты и прочее... Чебурнов снует взад-вперед, все тобой интересуется.

Днем Данута сходила к Кожевникову на соседнюю улицу. Бородач колот дрова у сарая. Воткнул в колоду топор, прошел с ней в дом. Сказал тихонько:

— Жена Ваньки Колченого заходила, спрашивала, где молодой Зарецкий. Я отвечивал, что он вроде у добровольцев воюет. С тем и ушла. Семен делает вид, что к войне непричастный, но от дружка — Улагая — к нему гости приезжают. А зачем?.. Так вот зачем: слышал я, что есть будто бы приказ генерала Покровского. Он приговорил Андрея к смерти, повелел разыскать его и исполнить приказ. За что? А за стычку возле

Усть-Лабинского моста, где мы троих евоных вояк уложили. Да ты не бойся, не бледней, все уляжется. Что он нам, этот генерал? Какая ишшо власть? Но я так думаю: ему здесь нельзя оставаться. В лес, от греха долой. Поторопитесь, одним словом. Там спокойней, сам себе хозяин. Да и мы рядом с ним. Не один все же.

Договорились уезжать через два дня.

В тот же вечер к нам требовательно застучали. И пока отец вел разговор через закрытую дверь, я вышел во двор, взял Кунака и тихо ушел в лес за огородом. Вернулся только в полночь, у нас, конечно, не спали, возбужденные визитом двух офицеров. Отец открыл им дверь, провел в комнаты. Капитан и прапорщик из Добровольческой армии вели себя учтиво, сказали, что хотят видеть хорунжего Зарецкого, и выразили удивление словам отца и жены, когда те ответили, что два месяца семья не имеет от него вестей. Они, видите ли, желали заполучить боевого офицера в свои ряды. Теперь, когда предстоит историческая миссия разгрома Совдепии и поход на Москву...

Вот как! На Москву... О приговоре Покровского, конечно, ни слова.

Под утро на улице совсем рядом захлопали винтовочные выстрелы. В нашей зале посыпалось битое стекло. Две пули пробив ставни, впились в стену и в буфетную дверцу. Отвечать? Но тогда в опасности уже вся семья! Мы с отцом сдержались. Еще пять или шесть пуль тупо ударились в стены снаружи. Ржали кони, слышалась команда. Это уже не те учтивые деникинцы, что приходили накануне, хотя связь их была несомненной.

Как раз тогда мы и решили, что Дануте с Мишанькой оставаться дома тоже опасно. Мама соглашалась и плакала. Она собирала вещи так, словно мы уезжали навсегда.

Перед рассветом, по холодку пришел Кожевников. Сказал, что и его дом обстреляли. Отряд белых казаков еще с вечера появился во дворе у Чебурнова. На дорогах караулы. Потом отряд куда-то исчез.

Две лошади Василия Васильевича уже стояли в лесу. Он же вывел оседланных Кунака и Куницу. Уложили вьюки. Подняли сонного Мишаньку, одели. Мальчик ничего не понимал — ни этих тихих и спешных сборов, ни бабушкиных слез, ни бормотания растерянного деда, когда тот целовал его и прощался с нами.

Если казаки караулили, то не на тех дорогах.

Чуть рассвело, а мы уже были высоко над Псебаем. Сын дремал у меня на руках, я с трудом успевал отводить от него ветки, тяжело повисшие над тропой.

З а п и с ь ч е т в е р т а я

Наш второй дом — Киша. Вести из Беловежской пуши. Рассказ Федора Ивановича. Поездка в Гузерипль. Никотины в плену у банды. Пулемет на кордоне. Командир красных партизан. Миссия Шапошникова

1

...Живем в состоянии неуверенности и — если откровенно — в страхе. Внешне все спокойно. Тишина. Зелень. Задумчивые горы. Пасутся и фыркают кони, перекликаются иволги. Кордон просыпается рано, не залеживается даже Мишанька. Он выходит на крыльцо сонный, всласть зеваает, но стоит ему осмысленно глянуть вокруг — на горы в клочьях тумана, на холодный ручей, где он вчера ловил форель со мной, как сонливость слетает и он уже не знает, с чего начать. Так много любопытного, требующего действия!

В семь на кордоне остаются только Мишанька с матерью и кто-нибудь из егерей. Дни стоят яркие, сухие, дороги в заповедник свободны, и все мы наблюдаем за ними, а иной раз и схватываемся с браконьерами.

Мы разделились на два летучих отряда и патрулировали подступы на Кишу с севера и запада, а к Умпырю — с севера и востока, наведываясь и к Большой Лабе. Заслонили главные зубринные места.

Случились три серьезные стычки. Отобрали шесть винтовок и два револьвера. Боевое крещение получил и Борис Артамонович: его ранили в левую руку ниже локтя. Не опасно, но повязку он носил две недели. Кожевников подшучивал: «Нашел тихое убежище...»

Телеусов в неделю раз посылал своего шустрого племянника в Хамышки. Через него мы получали то старую газету, то журнал, но чаще устные вести. Одна другой хуже.

Судя по этим вестям, Кубань нивы свои забросила, не сеяла, не убирала. В станицах не прекращались шумные сходки. В конце августа довелось получить зачитанную газету «Утро юга», изданную в Екатеринодаре. Слухи о взятии города Дешикиным подтвердились. Главком Красной Армии Сорокин отступил. Другая армия — Таманская — где-то между Новороссийском и Темрюком. Судьба ее оставалась неясной. Майкоп и Армавирская переходили из рук в руки. В Лабинской установилась власть белых. В нашем Псебае никаких перемен. И никакой власти.

Сможем ли мы в такое время сохранить зубра? Какое дело людям до всех на свете зубров и оленей, когда льется человечес-

кая кровь и решается будущее страны? С трудом удавалось убедить себя, что война — явление преходящее. Рано или поздно стрельба затихнет. Если сейчас не позаботиться о звере, он исчезнет навсегда.

На Кишу вдруг пожаловал незнакомый бородатый казак — большой, задумчивого вида, сморенный дальней дорогой. Борис Артамонович встретил его далеко на тропе и обошелся с ним не слишком ласково. Даже когда казак сказал, что идет ко мне с поручением, Задоров не опустил винтовку, привел, как пленного.

Казак снял фуражку, поздоровался со мной. Сколько я ни вглядывался, знакомого в нем не признал. Но не успел и рта раскрыть, как в дверь заглянула Данута и, радостно ахнув, подбежала к гостю.

— Федор Иванович, какими судьбами?..

Он чинно поклонился, обнял ее и вдруг всхлипнул:

— Гора с горой не сходятся... Искал вас, Данута Францевна, и хозяина вашего. Папаша ихний пытали-пытали меня, пока убедились, что надоть нам увидеться. Ну, все ж таки дали адресок. Так я пешки сюда и заявился. С вестями, значит.

Данута обернулась ко мне:

— Ты не помнишь? Я у них квартировала в Лабинской, рассказывала тебе. Крячко Федор Иванович!

Тогда вспомнил и я: еще будучи моей невестой, Данута квартировала у них в Лабинской, где учительствовала в школе.

Федор Иванович говорил степенно. Фуражку держал по-уставному, на руке, сам только раз позволил себе спросить, кивнув на Мишаньку, который терся возле моих ног:

— Ваш? Вот время-то бежит! Лицом похожий... Такие, значит, дела, Андрей Михайлович. Власть у нас обратно казачья, а изверг вашенский, который Керимом Улагаем прозывается, под знаменами его превосходительства генерала Деникина воюет с красными возля Батайска. И ладно, что на Дону, а не здесь. Иначе бы достал он вас, уж так охотился!

Неужели Крячко протопал восемьдесят верст только для того, чтобы сообщить мне эту, в общем-то, известную новость?

Но я ошибся.

— Письмо у меня для вас. — И он достал из-за пазухи порядком замусоленный желтый пакет с крупно написанной моей фамилией.

— Хучь и поздно, а надобно рассказать вам. Ведь я из плену явился, от немцев. Не сказать чтобы бежал, вроде бы они сами

бежали, ну и мы тогда решили не мешкать. Было это в самой что ни на есть Беловежской пушце, где и объявился мне ваш знакомец.

— Врублевский? — Я тотчас вспомнил ветеринарного доктора пушцы.

— Угадали.

— Он все еще там? С зубрами?

— Нету там зубров. На консервы поистратили их.

— Как так?

— Побили. Сперва, конечно, пемцы, они даже завод поставили, чтобы мясо в банках готовить, я на том заводе месяца два отработал с мадьярами вместе, нагляделся, как возили и зубра, и оленя. Ну, а потом кто только не стрелял! Голодно жить по деревням стало. Лесники били. Егеря тож. Из деревень народ с ружьишками. Вы письмо-то читайте, там непременно об этом самом...

— Вы сказали, что немцы бежали. Наши войска подходили к пушце?

— Не-е, паши куда как далеко отошли. Подо Псков. Вот там они и дрались, сказывают, с немцем, только уже назывались наши Красной Армией или гвардией, я уж не припомню, армия эта новую власть от немцев обороняла. И Петроград. Да германцы и сами воевать отказались, это уж недавно. Бросали винтовки, домой уходили. Как у нас в семнадцатом. Вильгельма свово спихнули.

— Но они всю Украину взяли, у Ростова стоят...

— Точно, стоят. Однако, по всему видно, не долго простоят. В Германии своя революция, уйдут. Али погонят их красные. Там тоже сила собралась сильная.

— Бои на Западном фронте все идут?

— Фронтов тех — тьма. Ни единого тихого места в России нету. А теперь вот еще Деникин за Дон пошел.

— Как же вы ехали через такую беду?

— Так и ехал. Кукушкой. Из Бреста в Питер, там ой как голодно! Из Питера в Москву, значит, поехали, а оттудова на юг повернули. Бог сохранил и от бандитов, и от голоду. Седой только сделался. Дома помаленьку оклемался, впервой за столько-то лет ситного хлеба поел. И вовремя. Вечером стучатся прикладами. Белые, значит, из Отрадной, от его превосходительства полковника Шкуро. Давай, говорят, батя, пшеницу для нашего войска. И револьвер ко лбу.

— Какого еще войска?

— Называются они бело-зелеными, сидели в Баталпашинске, на Большой Лабе и по Урупу. Красных из-за угла постреливали. Теперь это войско с Деникиным на север отправилось, в горах

потиху будет. А хлебушек весь забрали, который нашли, так что покедова мы тоже без ситного.

Он вздохнул и умолк, этот седой, много переживший казак.

2

Я осторожно разрезал пакет.

«Уважаемый друг, — писал Врублевский. — Только что поговорил с пленным казаком, и — удивительное дело! — он оказался земляком вашим, знаком с вашей супругой. Собрался в дорогу, на Кавказ. Не могу пропустить такой удачи, пишу вам с болью в сердце о нашей общей заботе — о зубрах. Их уже нет. В глухих уголках Старинской и Гайновской страж осталось несколько десятков зверей, но по их следам ходят люди с винтовками. Павшие не встают.

После вашего отъезда пуцу наводнили войска. Немецкая администрация пыталась охранять зубров, разумеется, для отлова и вывоза их. Отправили в Германию около тридцати зубров, несколько экземпляров в Берлинский зоопарк, но для сохранности других не оказалось ни средств, ни власти. Полагаю, что в Европе скоро останется вольно живущим только одно кавказское стадо. Ваша ответственность за этот вид неизмеримо возрастает.

Имею случай уведомить вас, коллега, что тридцать шесть гатчинских зубров, в разное время вывезенных из пуцы, застрелены в прошлом году на потребу самой охраны. По имени Аскания-Нова, где находится стадо зубробизонов, тоже прокатилась волна оккупации, и сегодня там кипят гражданские битвы. Боюсь, что гибриды пострадают. В Пилявинском парке зубры исчезли. Судьба беловежских зубров в имени князя Илесса, что в Верхней Силезии, мне неизвестна.

Все это страшно. Человечество, вовлеченное в самую долгую войну, походя уничтожает одного из крупнейших и древнейших млекопитающих — зубров.

Не уверен, что письмо дойдет до вас, хотя мой добровольный курьер Крячко клятвенно подтвердил свое желание доставить его во что бы то ни стало.

Немецкая администрация пуцы все больше теряет возможность управлять. Мы вполне открыто создаем свою польскую администрацию, в нее вошли гг. Вагнер, обер-егери Рек и Сафирняк, г. Неверли, знакомый вам по 1909 году, и ваш покорный слуга. Все, что мы можем сделать, — это отпугивать небольшой охраной в 25 человек разных мародеров, которые проникают в пуцу со всех сторон.

С ужасом наблюдаю, как гибнут не только звери, но и лес, дающий зверям пищу и приют. В первые месяцы оккупации Беловежского заказника немцы приступили к рубке леса. Сгнали сюда пленных, через резерват построили узкоколейную железную дорогу, пилили, грузили и везли в Германию сосну, не пощадили и старые, многовековые боры, которые вы видели у нас. Говорят, что на запад отправили более четырех миллионов кубических метров самой ценной древесины. Нетрудно представить, как эти перемены отразятся на жизни зверей, которые еще удержались в глуши: понижается способность к размножению, появились болезни вырождения. Не могу, не вспомнить слова Чарльза Дарвина, записавшего у себя в книге: «Редкость формы есть предвестник вымирания ее».

Пишу обо всем этом, чтобы поднять значимость вашего высокого призвания. Пожалуйста, берегите, охраняйте кавказское стадо, мой друг. Все, кто в России и Польше озабочен судьбой животных, надеются на вас. Желаю вам и вашей семье полного успеха в жизни».

Прочитав письмо, я долго молчал, не в силах объять картину беды, нарисованную Врублевским. «Все надеются на вас»... Лишь вчера я сомневался, правомерно ли ныне охранять зверя на Кавказе? Экая слабость воли!

За дверью фыркала лошадь. Это приехал Шапошников. Он вошел уставший, отяжелевший, но, увидев гостя, улыбнулся и с чувством пожал руку Федора Ивановича. Оказывается, они знакомы много лет.

Оглядели друг друга, покачали головами. Стареем? Да, стареем...

Я протянул письмо Христофору Георгиевичу.

Не раздеваясь, он уселся поближе к лампе и углубился в чтение.

— Что же осталось в пуще? — спросил я у Крячко.

— Пеньки. Они ведь, немцы то есть, брали только баланы¹, все прочее оставалось. Хламу на лесосеках — ни пройти ни проехать. Спешили, им не до уборки. По узкоколейкам гнали, по воде. Ну, потом меня на консервную фабрику работать перевели, совсем я ослабел в лесу. Кормили по-научному, лишь бы ноги тащил. А с июля и того хуже: ихние командиры велели солдатам доставать продовольствие на месте. Чего же на месте? Опять зубра да оленя. Перед зарей каждый божий день, слышим, лопочут, винтовки разбирают. И в лес, продовольствие доставать. Ваш знакомый ходит, руки ломает, белый с лица делается, а что он может? Сила на чьей стороне?..

¹ Баланы (местн.) — чистые стволы.

Шапошников кончил читать. И решительно сказал:

— Поеду в город. Надо что-то делать!

— Выходит, к Деникину на поклон?

— Антону Ивановичу, генералу Деникину, сейчас не до Кубани, — сказал Крячко. — Воевать Советы пошел. С песнями. Каждый пятый — офицер, вот так. А на Кубани рада оставлена, к ним и надоть по этому делу.

— Так тому и быть. Поеду. А ты, Федор Иванович, оставайся у нас, помогать будешь. В стражу запишем.

— Нельзя, Христофор, детишки оголодают без меня. Да и соскучился я по земле, вот как соскучился — силы нету! Взялся на той неделе за косу, сена корове накосить, так, веришь ли, заплакал. Отвык от косы. Сижу и плачу. Убивать наловчился за войну, а дело отцовское забыл. Вы уж сами тут, кто помоложе. А я хлебушком займусь. Голод в России. Кому землей-то заниматься?

Краем глаза я следил за Данутой. Она ходила по комнате и... собиралась! Слова Федора Ивановича об Улагае, уехавшем на фронт, послужили для нее пропуском в Псебай. Опасность отступила. Дануту ждал огород, который прокормит семью даже в голодную пору. Корова, за которой трудно ухаживать моим старикам. Наконец, Мишанька, которому семь — время подготовки в школу.

Здесь он проходит совсем другую школу — возмужания, если так можно говорить о мальчике его возраста. У него есть закадычный друг — жеребенок Казбич от Куницы; гоняются целыми днями, даже отдыхают на траве рядышком, и ревнивая Куница с одинаковой лаской обнюхивает обоих и даже облизывает. Мишанька ловит мамину лошадь, подводит ее к толстому бревну, вскакивает на спину поровистой, но с мальчиком удивительно спокойной Куницы, и без седла, откинувшись корпусом — показацки — назад, несется вскачь, а жеребенок с тонким ржанием бросается вдогонку...

И все-таки скоро школа, нужно бабушкино внимание, пужны сверстники — всего этого Мишаньке не хватает на суровом кордоне. Я понял Дануту. У нее все взвешено и продумано.

— Когда едем? — спрашиваю ее и встречаю благодарный взгляд.

Да, конечно, вместе. Одну ее в такую дальнюю дорогу отпустить нельзя.

— Завтра. Если ты сможешь.

— Я с вами. — Христофор Георгиевич подымается и скидывает, наконец, куртку. — И Федор Иванович поедет. Так-то гурьбой будет спокойней. За старшего оставим тут Кожевнико-

ва. Алексей Власович тем временем хотел на Умпырь податься, посмотреть, как там и что. Вот Гузерибль только... — Он смотрел на меня.

— Поеду туда из Псебая, — сказал я. — Действительно, пора проведать Никотиных.

— А Новороссийск у белых, — сказал Крячко. — Его превосходительство генерал Покровский, сказывали, резню там устроил перед тем, как за Деникиным податься. В газете было пропечатано про банкет, где он, генерал то есть, держал речь об том, что все они, кто стрелял красных, уже вошли в историю, терять им вроде нечего.

— А насчет Таманской армии?

— Известно. Через горы пошла, к Туапсе, там отбросила заслоны белых грузинов, пробилась в Белореченск, потом вроде Майкоп взяла, но ее выбили, и кто живой остался, тот к востоку ушел. Только мало кто ушел. Тиф у них.

Если судьба сберегла Кухаревичей, то они уже в горах. Вспомнят ли о Гузерипле?!

3

Хотя дни стоят жаркие, сухие, но, как только солнце заходит за гору, сразу накатывает холод. Осень. Обильная и тяжелая роса укладывает траву наземь. Ночью заморозки.

Если в Псебае выпадала роса, то в Гузерипле осенними ночами все белело, а как вставало солнце и теплело, так с ясеней и кленов начинал опадать лист. Лениво, неслышно покрутившись в воздухе, листья касались земли и лежали невесомо, приподняв сухие края. Пробегала мышь — и даже тогда шуршало во всеуслышание.

На огороде все поднялось и поспело. Яблоки светились в темной листве, просились в погреб. Отцвела и поникла картофельная ботва.

Дома встретили нас так, словно мы с того света вернулись. Ужасались моей худобе, буйству крепенького Мишаньки, который въехал во двор на коне и прямо с седла свалился на бабушку.

Утром всей семьей мы уже работали на огороде, в саду. После обеда солили капусту, сушили картошку. Через несколько дней уборка подошла к концу, и тогда я сказал Дануте:

— Теперь мне можно в горы.

— Один?

— Кухаревичи где-то там. Да братья Никотины со мной.

— Будь осторожен, Андрюша! Такое время, такая жестокость!..

И она заплакала.

Ранним-ранним утром, когда белесый туман так плотно укутал стапину и горы, что в трех шагах ничего не замечалось и даже звуки глохли рядом, я выехал из дому. Одетый по-зимнему — в рыжий полушубок, шапку и крепкие сапоги, — я не ощущал холода, лишь пальцы, перевитые поводком, покраснели от влажного утренника.

Путь я выбрал такой, чтобы на Уруштене прежде всего отыскать Никотиных. Мы вместе сделаем инспекторский обезд.

Ни одна живая душа не встретилась туманным утром. Длинная тропа открылась впереди только к одиннадцати, когда солнце осилило испарения земли и съело туман. Быстро теплело. При солнце сильнее чувствовалась осень — и в позолоте кленов, и в красноте боярышника. Горьковатый запах старых дубов перебивал все другие запахи. При остановках я слышал drobный стук падающих желудей. Время откорма зверя.

Ночевал высоко в горах, где довольно скоро нашел добротный сложенный, но пустой шалаш наших егерей. Ни один из братьев не пришел и к ночи. Судя по остывшему пеплу в кострище, они отсутствовали не первый день.

Прождав до полудня, я покинул этот неуютный ночлег. Следы коней повели на запад. В низинах, кроме конских следов, я заметил отпечатки сапог. Почему хлопцы не в седлах?.. Приглядевшись, понял: здесь прошло не менее шести человек. И четыре лошади. Предчувствие опасности закралось в сердце. След вилял по лесу. Я пошел по следу, вверх, вниз, из распадка в распадок, так до ночи — и только на второй день понял, что кружусь на одном месте, как и следы. Они просматривались все более свежо. Никотины хорошо знали свой район, запутаться не могли. Что же тогда? Водят кого-то, не желая указать дороги? Иного объяснения не находилось. В плену у браконьеров?..

Я повел Кунака на поводу, удвоил осторожность, тем более пихтовый лес стоял сомкнуто, далеко не усмотришь. След шел то по одному берегу ручья, то по другому, потом назад. Вскоре впереди посветлело, распадок выходил в долинку. И вот тут низовой ветер донес запах неумело сложенного костра, который много дымит.

Стемнело. Пристроив Кунака в укромном месте, я сбросил полушубок и с винтовкой наперевес пошел вперед. Отволгший лист не шуршал под ногами. Ветер загудел в кронах пихты. Ползком подобрался я к можжевельниковой заросли, приподнялся и увидел ниже по склону костер.

Пять заросших, неопрятных лиц склонились над огнем. Ужинали. Пламя едва освещало их. Незнакомые, нездешние.

Один седой, с породистым лицом. У троих — винтовки меж ног. Никотины сидели в стороне, связанные чуть ли не спина к спине, и молча, неотрывно смотрели на жующих людей. Так могут смотреть очень голодные люди.

Я пополз к ним. Помогла упавшая старая пихта. Еще не увядшей своей вершиной она почти достигала того места, где сидели пленники. Маскировка отличная. Тем временем у костра поужинали, сидели и курили. В трех шагах от Василия — он сидел вполуборот ко мне — я зашептал:

— Спокойно, ребята. Не оборачиваться. — И, опасаясь, что не узнают голоса, добавил: — Зарецкий, Зарецкий...

Василий вскинул голову и тут же опустил ее. По его губам я видел, что шепчет: понял и передавал мои слова брату.

До них оставалось два шага, один, еще ближе. Я вжимался в землю. Высунул из веток руку с кинжалом, достал кончиком до веревки на запястьях Александра, не без труда перепилил. Веревка упала. Он чуть шевельнул свободными руками, но позы не переменил. Кулаки его несколько раз сжались, разжались — видно, руки затекли, — и вот уже требовательная ладонь обернулась ко мне. Рукояткой вперед я подал кинжал, отполз и огляделся. Как только они освободят руки, я встану, и тогда...

Один из пятерых поднялся, взял кусок вареного мяса, нож и подошел к пленникам.

— Чтоб ноги ходили, — сурово сказал он. — Подставляй рот.

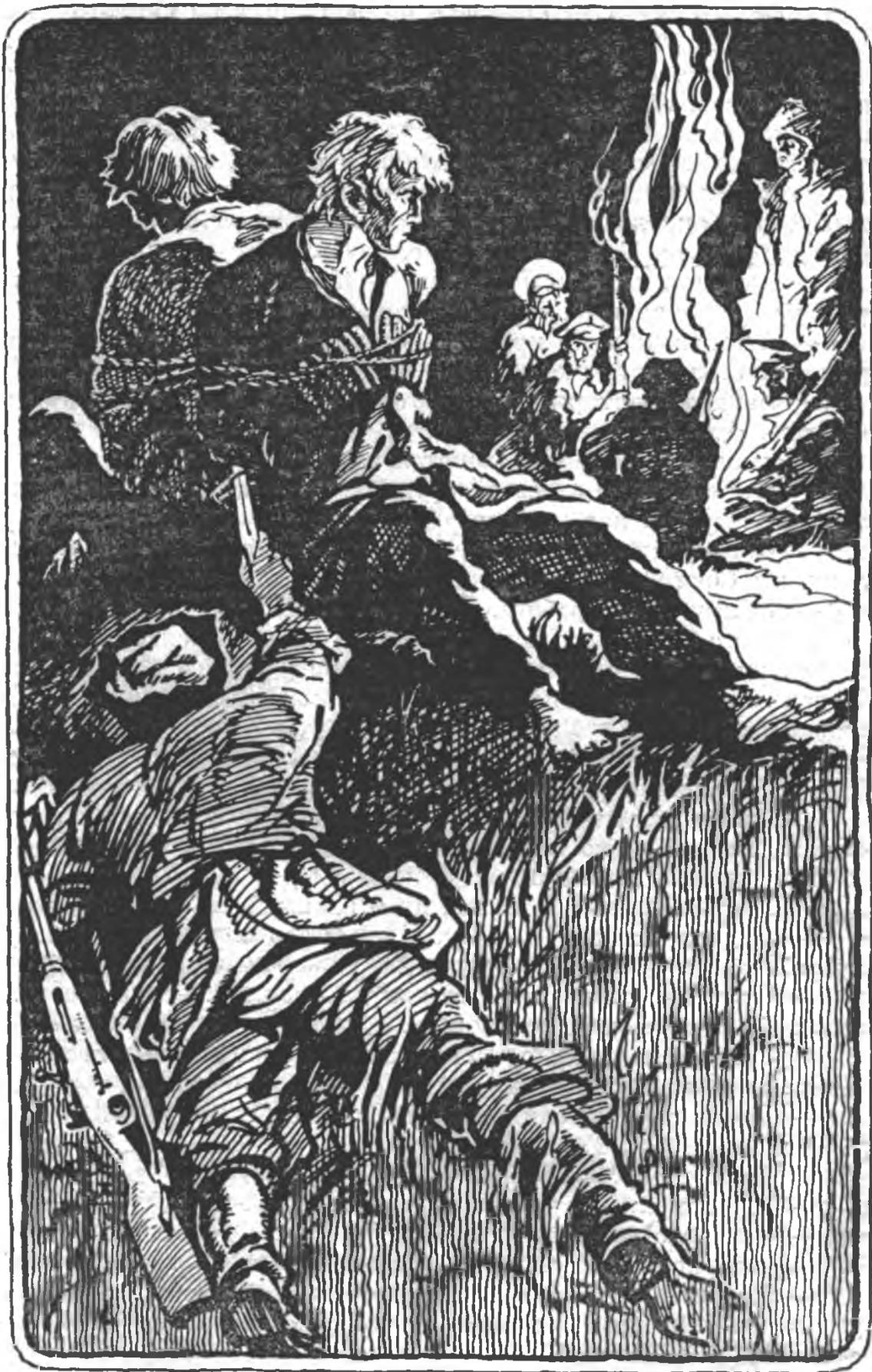
Ребята молчали. Руки их, свободные от пут, все так же прятались за спиной.

— Завтра у вас последний день. Кормлю тоже в последний раз. Не сумеете вывести из гор до вечера — повесим, чтобы патронов не тратить.

Здоровый мужик! Из-под грязного бушлата выглядывал морской китель без пуговиц. На голове — шапка Василия. Он стоял перед Никотиными и, отрезая куски мяса, прямо с ножа совал им в рот. Саша и Василий покорно жевали, но, когда «кормилец» засунул нож в карман, Василий коротким толчком сбил его с ног. Еще секунда — и он сидел верхом на мужике. Приподняв его голову уже без шапки, Василий ударил ею о камни.

— Руки!.. — И, чтобы не подумали, что это игра, я выстрелил в костер.

Брызнули искры, сидевшие у огня отпрянули, на какое-то мгновение я увидел черную дырочку маузера, направленного мне в лицо, но не успел даже испугаться. Саша через костер прыгнул на человека и яростно, со всей силой ухватил его за горло. Еще один, волоча винтовку, полез от костра за кусты. Того достала моя нуля. Остальные так и остались сидеть, подняв

над головой руки. Они смотрели не на меня, а на винтовочный ствол.

Как ловко, с каким проворством братья повязали той же веревкой своих мучителей! Они сопротивлялись, но под дулом винтовки быстро сникли.

Четырех связанных мы усадили к костру, лицом к свету.

Никотины прежде всего забрали у истязателей свою одежду и обувь. Привели коней. Я сходил за Кунаком. В костер подбросили сучьев. Теперь — допрос.

— Вы кто и как сюда попали? — Я начал с человека, который успел поднять на меня маузер.

— А вы по какому праву?.. — начал было другой, но вдруг умолк и стал часто икать. Не пересилил страха.

— Бандиты, которые нападают на егерей, не могут говорить о праве. Отвечайте, кто вы?

Упоминание о егерях, кажется, успокоило их.

— Мы отбились от своей армии, — последовал ответ. — Мы требуем вывести нас из леса.

— Они просились в Сочи, — сказал Василий. — Вынь и выложь им Сочи. Чего они туда хотели?

— Обыщите их, ребята.

Немного бумажных денег царского времени, десяток золотых монет, курево. А в поясном карманчике у одного — воззвание Украинской рады, подписанное гетманом Скоропадским. И никаких документов.

— От какой армии вы отбились?

— Таманской.

— Значит, вы из Красной Армии. А почему у вас это воззвание? Где взяли? Кто командовал армией?

Молчание. Потом наглое:

— Хватит вопросов! Егерь, ну и занимайтесь своим делом!

— Ладно, — сказал я. — Зубриное мясо в котелке. Убили зубра?

— С этого и началось, — подхватил Василий. — Изрешетили зверя. Мы на выстрелы и пошли.

— Зверь напал на нас, — сказал тот, что в морском кителе. — Мы защищались.

— Почему вы хотели в Сочи? Там же белые!

Молчание.

— Вы офицер?

— Я мичман, — гордо ответил пленный.

— С какого корабля?

— Мой корабль на дне морском. Вместе со всем флотом.

— Хватит! — это опять рявкнул седоголовый и с ненавистью уставился на меня. По властному тону, по возрасту, он, несом-

ненно, был старшим в чине. — Развяжите, и мы уйдем без вашей помощи. Куда нам надо.

Все ясно. В Псебае уже говорили о событиях на кораблях в Новороссийске. Это моряки, покинувшие корабль, когда пришел приказ взорвать его. Возможно, националисты из тех, что хотели увести русский флот к немцам, лишь бы не оставлять кораблей у русской революции. Им пришлось вместе со всеми матросами идти в поход с Таманской армией. При первой же возможности, они сбежали в горы, заблудились и одичали, а потом пленили Никотиных. Как их передать властям? Найдем ли красных партизан? А если не найдем — выведем за реку Белую, и пусть сами ищут дорогу в горах. Лишь бы подальше от заповедника.

— Сколько отсюда до Гузерипля? — спросил я у братьев, когда мы отошли посоветоваться.

— Верст двадцать пять. Туда поведем?

— Не отпускать же молодчиков! И убивать нельзя. Мы не суд.

Утром вышли с бивака в другом порядке: трое на своих лошадях, а четверо связанных пешком, между лошадей. Седой коротко спросил:

— Куда?

Я ответил, что выведем на дорогу и куда глаза глядят... Это их успокоило.

4

Отыскалась знакомая тропа на Гузерипля, и еще засветло мы достигли егерской караулки. Пленных заперли в сарае, по очереди дежурили у дверей. В караулке затопили печь и приготовили ужин.

Около полуночи Василия сменил на дежурстве Саша, мы легли спать, но не успели еще задремать, как услышали выстрел, второй, окрик Саши, а далее — уже совсем непонятную для глухомани близкую и короткую пулеметную очередь. Над караулкой взвизгнули пули. Потом все затихло.

Первым к выходу бросился Василий. Снаружи тотчас раздался повелительный окрик:

— Не выходить! Стреляю без предупреждения!..

В замешательстве мы прижались к стенке. Неужели еще одна банда?..

От сарая слышались громкие голоса, крик, там засветился огонь, похоже, самодельные факелы, раздалась команда: «По одному!» и «Руки назад!». Возглас Саши: «Отдай винтовку, черт!» Василий приоткрыл было дверь, и сразу же стук-

нул револьверный выстрел. От доски над дверью полетели щепки.

— А, была не была! — шепнул Василий. — Сиганем в темноту к тому дольмену, что левой дороги, авось промажут! — И он, крепче нахлобучив шапку, отошел, чтобы с разбегу высадить дверь и выбежать.

Но дверь распахнулась сама. Из темноты приказали:

— Выходи! Оружие на порог. Быстро!

За дверью двигалось множество неясных теней. Вот попались!

Я оттиснул Василия и вышел первым. Крепкие руки обхватили меня, ощупали и повели в сторону. Точно так же поступили с Василием. Нас усадили на землю. Между караулкой и сараем ходило десятка три фигур.

В караулку вошли двое, потом еще трое, засветили фонарь. От порога сказали:

— Вводи, кто там первый?

Меня подняли под мышки и потянули в помещение.

Свет от фонаря не больно хорошо разводил темень, но все же лица сидевших за столом прояснились. И первый, кого я увидел, — в кубанке, длинноносый, худой и какой-то черный с лица — был так знаком, так радостен мне!

— Здравствуй, Саша, — спокойно сказал я, расплываясь в улыбке.

Все тревоги мгновенно исчезли. За столом сидел Кухаревич.

Он плохо видел меня, но голос, тон, дружеские слова подняли его с лавки. Загремел стол, фонарь качнулся и чуть не упал. Длинный, в долгой шинели, Саша шагнул ближе, схватил за плечи, всмотрелся.

— Ты?! Ну, знаешь!..

Мы крепко обнялись и целую минуту тискали друг друга. Бойцы набились в караулку, все разом говорили, улыбались. А он, не отпуская меня, заорал.

— Отставить арест! Свои хлопцы, свои!

— Осторожней, Саша. В сарае четверо бандитов. Не упустить бы...

— Ты привел? А ну, хлопцы, быстренько сюда тех, из сарая! И освободите караулку, дышать же нечем.

— Как ты ко времени, Саша! Мы пришли сюда с надеждой найти тебя или топать к перевалу.

— Моя разведка тут уже несколько дней.

— И никаких следов... Или я разучился наблюдать?

— Военная предосторожность. Мы за мостом устроились. Я подъехал вчера, и вчера же ребята увидели вас. До ночи не выходили, потом окружили, пулемет на позицию и вот...

В дверь втокнули Александра Никотина — злого, решительного, готового кусаться, судя по его лицу.

— Это мой. Он караулил тех самых.

— Отпустить. Садись, как тебя там...

Удивленный, сразу остывший, егерь сел поближе ко мне, уставившись вопрошающим взглядом на Кухаревича.

Ввели четверых, понурых, потерявших надежду.

Минута молчания. Перегляды. Кухаревич оглядел одного, второго, третьего. Повернул за плечи седоголового так, чтобы лучше рассмотреть. Спросил, растягивая слова:

— Тимощенко? Попался, контра!

— Зубра промышлять надумал, — сказал Василий.

— Он специалист не только по зубрам. Он и по нашим людям ловко стреляет. Ну, теперь-то не стрельнет... — И, обратившись ко мне, объяснил: — Бывший заместитель командира седьмой колонны у Ковтюха. Поднял бунт, собственноручно застрелил Сергея Ефимова, командира, объявил себя сторонником Скоропадского и ушел из Хадыженской в сторону Сочи. Оттуда надеялся отбыть в Киев... Где же твои остальные люди? Ведь ты увел сотню, если не больше. Растерял? Ладно, мы их подберем. А тебя утром отправим в штаб. Там ты все расскажешь, там и военно-полевой суд. В сарай всех! И строгую охрану!

Кухаревич разволновался, заходил по караулке — пять шагов туда, пять обратно. Такая встреча! И необходимость быть жестоким. Без этого подлости не победить.

— Значит, ты здесь обосновался? — мягко спросил я.

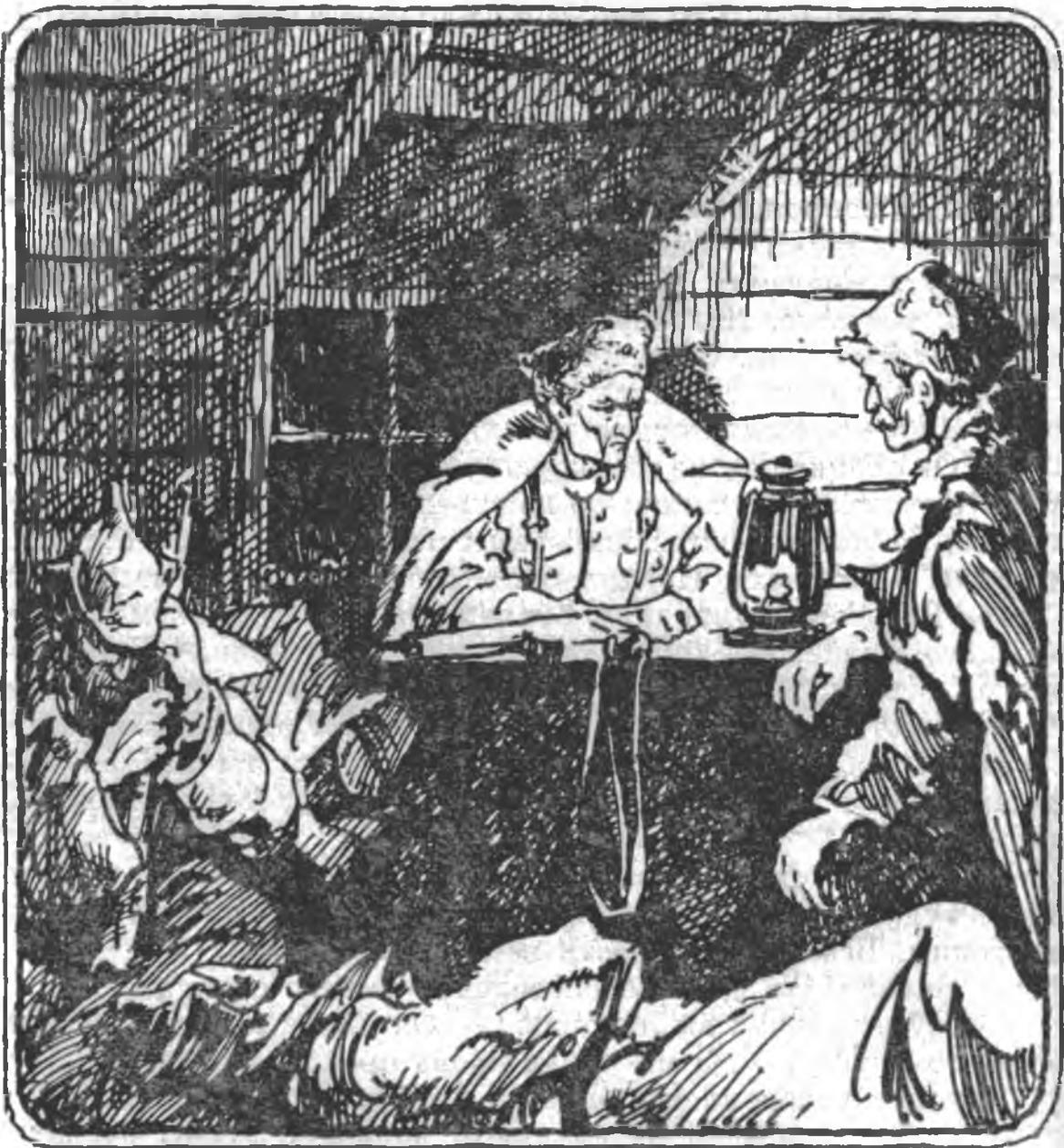
— Ну и словили вы людишек! — Он никак не мог говорить о чем-то другом. — На их руках кровь прекрасных людей...

Наконец успокоился, приказал одному из командиров:

— Павел, поедешь начальником конвоя с этими предателями. Прямо к Казанскому, он сейчас со штабом на верхнем течении Афипса. Через Солох-аул, Туапсе, ты знаешь как. Отвечаешь головой!

— Есть! — Командир подтянулся, щелкнул каблуками сбитых сапог.

— Ты спросил, где обосновался? — Саша сел возле меня. — Нет, Андрей, мы сюда только наезжаем, чтобы проверить тылы. А стоим по ту сторону хребта, у моря. По берегу везде наша власть, хотя Туапсе и поселки у деникинцев. Но они носа не высовывают из своих укреплений. Даже в окрестностях Сочи. Посмотри, какое у наших ребят вооружение! Новенькое, английское. Это мы взяли в Архипке при палете. И пулеметы. Ну, в общем, живем, воюем. Ты расскажи, как здесь очутился?

Я рассказал. И о зубрах тоже, не скрывая своей тревоги из-за новой армии, что появилась в лесу. Люди с винтовками — всегда угроза зверю. Саша задумался.

— Ты прав, конечно. Война есть война. Ужасно неприятно, что остается все меньше зубров. В общем, так. Я помогу, долг бывшего егеря. Проведем работу среди населения в горных поселках, отрядим постоянные караулы. Считаю, что южная и западная границы заповедника для зверей неопасны. Разве что банды, вроде нынешней... Слушай, ты ничего не рассказал о домашних. Данута, сын, родители?..

Мы еще поговорили, и тогда я спросил о Кате.

Саша вскочил и порывисто обнял меня.

— Я так благодарен тебе! Этот поступок на Дону... Эти быстрота и натиск! У смерти отнял!

— Счастливый случай, Саша. Ведь мы могли пойти на юг и другой дорогой.

— Все случайности подчинены строжайшей необходимости, — с ученым видом парировал он. — Как и наша сегодняшняя встреча. Но за Катю... Она сейчас в Солох-ауле. Там штаб батальона, которым я командую. Поедем? Или нет... У тебя своих дел хватает. Деникинцы не тревожат? Я имею в виду заповедник.

Пришлось рассказать ему о мандатах Советской власти и о том, что Шапошников сейчас в Екатеринодаре.

— Пустая затея. Деникину нет резону беспокоиться о Кавказе, он переводит свой штаб в Ростов, идет на Москву. Кубанская рада очень довольна, что армия чужаков, как называют они Добровольческую, покидает Кубань. Дело в том, что этот состав рады — Рябовол, Быч, Калабухов и другие-прочие заигрывают с англичанами и французами, мечтают о самостоятельной Кубанской республике от Дона до Сухума, понимаешь? Но я не уверен, что у рады будет желание помочь вам с заповедником. Скорее, они призовут тебя и всех егерей в армию, которую спешно сколачивают.

— Выходит, что на Кубани уже три власти?

— Если бы три! Деникинцы, казачья рада, наши в Пятигорске, мы здесь воюем, вольные формирования по станицам — сиречь банды, — анархисты, меньшевики... Смута, Андрей! И ко всему прочему еще голод, тиф. Тебе будет очень трудно уберечь в таких условиях зверя.

— Мне не дает покоя одна мысль: я в стороне от борьбы. Никому не признался бы, только тебе.

— Все пройдет, дружище. Россия выйдет из войны обновленной, поверь мне. И эта новая Россия оценит по заслугам людей, которые сохранили красу и разнообразие природы. — Он вдруг засмеялся: — Думаешь, мы с Катей так и останемся навсегда в шинелях? Моя мечта знаешь какая? Жить и работать где-нибудь здесь, в лесу, в тишине и покое, с прочным сознанием своей причастности к вечному и святому — к природе. Учились-то мы для этого, правда? Мечтали об этом, не так ли?

Вокруг нас — на лавках, на полу — спали, похрапывали на все лады бойцы, обнявшись со своими маузерами и винчестерами. Спали братья Никотины, избежавшие смерти. Фонарь чадил, воздух в караулке сделался густым и тяжелым, время шло к рассвету, а мы все сидели и говорили — не могли наговориться.

Саша выглядел намного старше своих лет. И еще какая-то

нездоровая серость лежала на его лице, а во взгляде все время проскальзывала то ли чрезмерная усталость, то ли страдание. И смех его звучал невесело. Словом, вызывал беспокойство; даже совестно делалось при моем-то крепком здоровье.

Мы уснули, положив головы на стол, и проспали разве что час или полтора.

На дворе едва посветлело, а уже послышались голоса, зазвенела сбруя, кто-то громко скомандовал: «Собирайсь!» Видимо, вводили по черкесской тропе группу Тимощенко.

Саша приподнял голову, мутным взглядом обвел караулку и опять повалился щекой на помятую кубанку.

Я встал, чтобы размять затекшую руку, посмотрел в сильно запотевшее окно, протер его: по ту сторону стен все побелело — деревья, земля, лужок перед караулкой. Падал тяжелый мокрый снег. Низкое небо цеплялось за верхушки пихт. Ранняя зима. Самое опасное время в горах.

5

Мы с егерями отправились в Хамышки.

Снегу навалило более чем на аршин. Уж на что Кунак старательно поднимал свои высокие ноги, а все равно скользил, спотыкался, едва не падал. Под снегом скрылись мокрые камни, хрупкие ветки, сама тропа. Не дорога — мучение. А сверху все сыпало, вдогонку нам тянуло холодным ветром. Зима подгоняла.

Но она принесла и успокоение. Теперь куда меньше любителей пострелять в горах. Киша отрезана. Умпырь тем более. Хорошо, что Данута с Мишанькой вовремя уехали.

Мои друзья егеря ехали молча, все еще переживая случившееся. Не могли простить себе, что угодили в плен.

— Ладно, что было, то прошло, — сказал я. — В другой раз не попадетесь. Что с зубрами? Вам удалось пересчитать их? И вообще, стадо видели?

— Шесть голов осталось, — неохотно произнес Василий Никотин. — Две семьи, по три зверя в каждой. Бык, корова, одногодок. Я раза три встречал, когда в засидку ходил. И Сашка тоже. Обе семьи ходят от верховьев Молчепы к Холодной, потом через луга и к истокам Киши. Туда-обратно. Как маятник. Больно пуганые, чтобы новые тропы торить. Все к лесу жмутся. Я вот еду и думаю: где они в такой-то снег? Кормиться осинной, ольхой — так им надо ниже уходить, ближе к людям. Наверху смертушка от голода, внизу от людей. Тоже житуха...

Напрасно не сделали мы попытки перегнать этих немногих зверей на Кишу, к Сулиминой поляне хотя бы. Там и

стожки сена мы успели поставить, и подлесок гуще. Не так голодно зимой. Сейчас их уже не перегнуть по мокрому снегу.

Телеусова в Хамышках не застали. Передохнули в его доме и кружным путем, через Даховскую, заторопились в Псебай. Здесь снегу было поменьше, но шел он с дождем, река Белая прямо взбесилась, вобрав в свое русло мутную шальную воду с окрестных гор.

Дануту я увидел на горке, при въезде в Псебай. Стояла закутанная в теплую шаль поверх шубки и вглядывалась в дорогу. Увидела и села в изнеможении на скамейку. Измучилась, ожидаючи.

Как можно веселей я сказал.

— Вот и мы. Здравствуй!

Кончиками пальцев она сняла слезы со щек, поцеловала. Я рассказал о встрече с Кухаревичем.

— А Катя? А он каков? Где живут? Детей нет ли? Как дальше думают?

И сердилась, когда я отвечал коротким «не знаю». Обо всем прочем я умолчал. Встретились — и все. Нашел, где и думал найти. Отдыхает Саша в Гузериэле. Какая там война? Глушь лесная.

— Христофор Георгиевич не появлялся? — спросил я.

— Ну как же! Ежедневно приходит. Мрачный, сердитый. Сидят с папой, как сычи. Десять минут — одно слово. Неудача у него вышла в Екатеринодаре. Сам тебе расскажет.

Вечером пришел Шапошников. На энергичном, твердом лице его можно было заранее прочесть, какими мыслями полнилась душа.

— Будь прокляты эти самостийники, эти тупоголовые ироды, которые ухватились управлять Кубанью! — с сердцем выпалил он.

— Вы у кого были?

— Принял меня Макаренко, потом пришел Быч, один из руководителей рады. Выслушали. Я упирал на ценность зубров, на сохранность леса в горах, говорил, что все может погибнуть от неумелого хозяйствования. Переглядывались, похоже, поняли. И тут Быч сказал, как ушат воды вылил: «Пихта сейчас в цене. Англичане готовы начать разработку и платить хорошие деньги. А французы просят каштан. Оказывается, у них самое хорошее вино созревает в бочках из каштановой клепки». Я на это ни слова. Вот что у них на уме! Не заповедник, а торговля! Высокая политика, дипломатия, а тут о каких-то зубрах и оленях... Спросили, что мне надо. Сказал напрямую: денег на охра-

ну Кавказа, боеприпасы. «Если организуете отряды, чтобы бить в горах красных партизан, — пожалуйста. Пришлем офицеров-инструкторов, жалованье, оружие. Концессию с союзниками подпишем». Видишь, куда повернули? От прямого ответа я уклонился, высказал предложение о частной охоте на паях. «Пожалуйста, если будут желающие казаки. Но денег от нас не ждите. Казна пуста, драгоценности Войска Кубанского, как вам известно, исчезли, зарыты где-то в горах, а мы сейчас создаем свою армию, расходы большие». Ну и все такое. Вот дали бумагу.

Бланк был солидный, бумага не нашенская, плотная. Подпись Быча, печать, все чин чинком. «Кубанское войсковое правительство не имеет возражений против организации частного общества со своим капиталом для аренды угодий бывшей великокняжеской Охоты. Войсковое правительство обязывает общество к сохранению богатств Кавказа и к уплате в казну ежегодной суммы, каковую выплачивал до 1910 года великий князь С. М. Романов».

— А вы знаете, сколько он выплачивал?

— Как не знать! По тысяче золотых рублей в год аренды и пятнадцать тысяч на охрану. У тебя найдутся такие деньги?

— Если отыщем клад с драгоценностями Войска Кубанского...

— Вот именно. Шутка шуткой, а ты понятия не имеешь, где сегодня Семен Чебурнов живет-пропадает.

— Где же?

— Семен набрал шайку таких, как он сам, и все лето шарил по горам за Горячим Ключом. Этот самый клад ранил его в сердце. Такое богатство — и в камнях! Зима, а он все не показывается... Впрочем, не о кладоискателях разговор. Давай все же объявим об аренде, а? Насчет оплаты в казну запамтуем, не вечная эта рада, без России она не продержится. А мы хоть охрану наладим.

Прошла неделя, вторая, третья... Шапошников успел побывать в четырех станицах, список арендаторов вырос у него до сотни, но собрать удалось жалких четыреста рублей. Однако и онигодились: выплатили своим егерям, которые уже годами не получали никакого жалованья.

Дни летели чередой, зима стояла, и мне все более хотелось поехать к Телеусову, Кожевникову, Задорову, посидеть у печки на кордонах, походить по звериным тропам, поугадать врагов. Беспокоили зубры. Снегу много. Это для зверя тяжело. Время бескормицы.

Данута учила псебайских детей. Ей платили натурой —

мукой, яйцами. Тоже подспорье. Иной раз в школу, которую устроили в бывшем княжеском доме, ходил и Мишанька, хотя ему по возрасту и рановато было. Он уже знал буквы, хвастался перед дедушкой, складывал простые слова, считал на палочках до десяти. Но когда в январе девятнадцатого я стал собираться в горы, он ударился в такой рев, что поразил нас всех. Хочу с папой — и все! Так занало в его детскую душу минувшее лето, проведенное на Кише! Дедушка покачал головой, изрек:

— Ну, быть в нашем роду еще одному лесничему. Что мать, что отец...

Я уехал надолго, до весны. Была в том и другая необходимость: дважды приходили повестки, чтобы явился в Лабинскую. Но служить в армии рады я не хотел. Перебыть это время в горах. Все внимание Кише и Умпырю, где зимовали самые большие стада зубров, несчетные пока олени, серны, туры.

Мы много ходили на самодельных лыжах с Борисом Артамоновичем, который обрел жизнерадостность, свойственную его возрасту, и всей душой привязался к делу. Он любил природу и почти так же поклонялся красоте ее, как Алексей Власович. Нам удалось пробиться с Кожевниковым по опасным тропам на Умпырь, и там, в просторном и теплом доме, мы сидели по вечерам в компании с Телеусовым и его племянником, готовили капканы на волков, расплодившихся в горах до опасного предела, и пели песни старых егерей. В погожие дни уходили на охоту, стреляли волков, иной раз и кабана, чтобы не сидеть голодными. Зубров не выпускали из поля зрения, тем более что все они сбились на зиму в долину, довольно близко от кордона. Они не особенно боялись нас, признали, хоть не подпускали к себе.

Человеческих следов мы нигде не встретили. К счастью для зверя.

Беда нагрянула позже...

З а п и с ь п я т а я

Деятнадцатый год. Тревожное время. Ящур. Помощь Шапошникову. Спасение раненых. Свирепый двадцатый год. Дневник обрывается. Страшные для Зарецкого события. Двойная игра Семена Чебурнова. Приезд Постникова

1

Сперва о зубрах.

К весне 1919 года нам удалось сохранить почти полностью всех зубров, понавших под перепись полтора года назад. Это вовсе не означает, что браконьерство пошло на убыль. Мы считали, что за прошедший год убито и пропало не менее сорока голов. Но приплод покрыл даже такую большую убыль. В умпырском и кишинском стадах молодняка стало заметно больше. Телеусов насчитал там четырнадцать зубрят в трех стадах. Кое-что сохранилось и на Загдане. Правда, настораживало одно обстоятельство: в стадах оказалось девять бычков. Что-то многовато при четырех зубрицах и всего одной молодой телке. Ждать серьезного прибавления на Загдане не приходилось.

В Гузерипль за зиму мы не пробрались. Слову Кухаревича я верил. Контроль над Армянским и другими перевалами в его руках.

Я просил Дануту сохранять все газеты и журналы, какие удастся заполучить в Лабинской, в Майкопе и по станицам. Дважды за зиму Телеусов посылал своего хлопца в Хамышки, тот наведывался и в Псебай. И вот в марте 1919 года он привез от Дануты увесистую сумку с журналами и газетами.

Чего только не писали тогда! Газета «Кубанская земля» всю славословила войсковое правительство рады и ее деятелей, пестрела объявлениями об английских и французских союзниках и концессионерах. Все, что относилось к Добровольческой армии Деникина, подавалось в сдержанных тонах. Из станиц в Екатеринодар шли верноподданнические репортажи и короткие сообщения о казачьих воинских формированиях рады, которые не торопились к Деникину. Армии Советской власти крепко держали Царицын, активно воевали в районе Пятигорска, в горах Кабарды и Осетии. Изредка появлялись сообщения о стычках с красными партизанами возле Туапсе, Сочи и Адлера.

Крайне интересными для меня были старые журналы «Природа», «Известия Кавказского отдела Географического общества». Ученые России не забывали о зубрах!

В «Природе» за 1916 год сообщалось, что с речью об охране природы выступили профессор Шокальский и академик Боро-

дии. Они требовали назначения в области Российской империи правительственных комиссаров по охране природы. Московское общество охраны природы в конце 1917 года опубликовало доклады нашего знакомого зоолога Филатова о Кавказском заповеднике и Фальц-Фейна об Аскании-Нова. Судьба зубров занимала в докладах этих ученых много места.

Там же я прочитал хронику 1917 года: «Уже несколько лет тому назад начаты переговоры об устройстве заповедника на Кавказе, в Кубанской области, где еще сохранились зубры. В настоящее время, когда заповедник Беловежской пушчи подвергся военному опустошению, необходимость сохранить по крайней мере тех зубров, которые имеются на Кавказе, особенно настоятельна. Между тем, вследствие аграрных движений, связанных с революцией, и высокой ценности мяса и кож, опасность истребления зубров чрезвычайно повысилась. Академия наук ходатайствует перед Временным правительством о скорейшем принятии необходимых мер для охраны».

Егеря слушали задумчиво, с ощущением собственной значимости.

И тут я вспомнил разговор о зубрах с комиссаром Постниковым, когда ездил за мандатами в Кубано-Черноморский Совет. Тот разговор был продолжением только что прочитанного. Временное правительство ничего не успело сделать в этой области. А Совет Народных Комиссаров РСФСР, едва получив власть, нашел время прислушаться к ученым.

К сожалению, власть эта пока не распространялась на Кубань.

Чтобы помочь своим семьям справиться с весенними работами, мы по очереди съездили домой — кто на пять, кто на семь дней. Я пробыл в Псебае восемь дней, и, когда уезжал в горы, Мишанька прямо изошелся — так просился со мной. Но Данута сказала решительное «нет».

Кажется, в мае мы узнали, что Деникин пошел на север, а его авангард — дивизии фанатичных Шкуро и Улагая — уже возле Курска и Воронежа. Газеты Кубанской рады торжествовали вдвойне. Прежде всего потому, что Советскую власть теснили. И потому, что по мере приближения Деникина к Москве положение рады обретало устойчивость. Не обходилось ни одной статьи без упоминания о самостоятельной Кубанской республике.

Обсуждая все эти крупные события, мы не подозревали о беде, которая уже вошла в заповедник.

Первым забил тревогу Борис Артамонович.

Задоров вообще проявлял исключительную наблюдательность. Он мог часами лежать в укрытии, не спуская глаз с зуб-

ров. Вся их скрытная жизнь оказалась записанной у него в тетради. Как едят, спят, играют. Для удобства он дал имя многим быкам и зубрицам, так и писал о них: «Задира», «Руслан», «Чудо», «Рыжий», «Бойкая», «Мамаша», «Лабица». Он знал все их солонцы по Кише, любимые чесальные горки и деревья, мог сказать, кто поранился или приболел и почему.

Явившись от границы зубрового парка у истоков реки Ходзь, Борис с тревогой сказал мне и Кожевникову:

— В стаде больные. Руслан всегда первым выходил на луг, ловчее его ни один зубр траву не стрижет, а тут, смотрю, плетется позади всех, вышел на луг, схватил лопухи раз, другой, пена изо рта, и все головой туда-сюда, будто больно ему жевать. Так и простоял свесив голову, пока в лес не вернулись. И почему-то хромает, Мамаша без аппетита. Больные, эт уж точно.

— Станичные бычки поблизости случались?

— В начале сезона раза два домашний скот выходил на зубриные пастбища. Я разыскал пастухов, предупредил, даже границу им обозначил. Но, в общем, одну траву они какое-то время щипали.

Подозрения усиливались. Контакт с домашним скотом! Недогадели!

На другое утро Кожевников, Задоров и я поехали к стаду. Успели к рассвету. Легли. И сразу заметили, что две зубрицы ведут себя как-то странно, а Мамаша, старой коровы, среди вышедших на луга нет.

Начали поиск. У солонца, по тропам, на местах отдыха, известных Борису. Наткнулся на зубрицу Василий Васильевич. Мамаша лежала, подогнув ноги и уткнувшись носом в землю, словно хотела почесать морду, да так и осталась. Еще не остыла.

Мы не дотронулись до нее, не подпустили коней. Длинными шестью свалили на бок, ими же раздвинули рот. Язык, губы — все в язвах. Копыта тоже. Ящур, очень заразная болезнь...

Весь день рыли яму, столкнули туда зубрицу, зарыли, а на место захоронения натаскали хвороста и запалили.

В тот же вечер, впервые за много лет, рука моя поднялась, чтобы выстрелить в зубра Руслана, когда он, шатаясь, вышел на опушку леса. Смертельно раненный зверь вздрогнул, шагнул и упал. Я опустил винтовку. У Бориса от слез заблестели глаза. Его любимец. Красавец зубр! У нас был только один способ побороть заразу.

Звери исчезли в лесу. Руслана мы зарыли. Задоров получил приказ оставаться на лугу до утра и отогнать стадо на новое место, как можно дальше отсюда. Гоняться, стрелять в воздух, но угнать!

Я спешно поехал к Телеусову на Умпырь.

На кордон мой Кунак пришел, шатаясь от усталости. Гнал его без отдыха. И сам вымотался. В доме егерей не было. Вышел, сел на крыльцо. Может, подойдут?

Тихая, прохладная заря мягко завораживала горы. Ярко-розовым сиял ледник Цахвоа и снежники на других вершинах. Дубы у кордона, опущенные еще молодыми желтоватыми листочками, не шелохнулись. Пахло ожившим лесом, талой водой, весной, дикостью. И вот в этой тишине со склонов Алоуса неожиданно донеслось сразу два выстрела, потом затрещало много винтовок. И пауза. Снова выстрелы, теперь редкие, явно прицельные. Бой?..

Набросив на потного Кунака седло, я помчался темнеющим лесом вверх по берегу ручья.

Наверное, через полчаса, уже потемну, впереди с характерным звуком клацнул затвор.

— Свои! — крикнул я, сваливаясь с коня.

Алексей Власович и его племянник приблизились, узнали. Егерь возбужденно заговорил:

— Схватились с какой-то бандой. Мы, значит, с одной стороны зубров смотрим, а они, вражины, — с другой. Я стрелил быка, племяш тоже вдарил в него, чтобы наверняка, вот тогда и они взялись бить по бегущему стаду. Ну что делать? Пули возля нас свистят, пугают, гады, вот я и выстрелил по огонькам. Тут недалеко пастухи черкесские как раз появились.

— Почему ты стрелял по зубрам?

Впрочем, я уже догадался.

— Больной бык, Андрей. Уже третий день глаз с него не спускаем. Все хуже делается. Решили убить. Завтра посвету разглядим.

— Твои зубры паслись с домашним скотом?

— Да рази усмотришь, Михайлович! У абхазов шесть кошей¹ на Алоусе. Все они за границей заповедника, но близко. То ихний скот сюда перейдет, то бык из зубрино стада залетит к телкам. Одну, словом, траву грызут.

— Ящур на Сохрае, — сказал я.

— Ну вот... Вот оно что... Этого нам не хватало. — И сел на землю. — Что делать станем?

— Прежде к твоему быку.

...На место вчерашней перестрелки ехали кружным путем, проверяли все подступы к зубриному пастбищу. Стадо теперь верст за десять отсюда. А вот где пастухи, это надо выяснить. Народ мстительный.

¹ Коши — загоны для скота и постройки для пастухов.

Забрались на высотку с редкой пихтой. Осмотрелись. И увидели недалекие коши. Три стада бычков, телок, овец паслись рядом с загонами. Лениво бродили собаки. А пастухов нет. Значит, караулят нас в засаде.

Все-таки у нас было перед ними преимущество: скрадывали путь к зубриному лугу с неожиданной для противника стороны, по их же следу. И первые заметили их — восемь вооруженных людей. Они пришли в редкий лес пешком и теперь стояли, совещались. Винтовки у всех за плечами.

В таких делах неожиданность, натиск — уже половина успеха. Они не успели скинуть ружей, как три ствола пригвоздили их к месту. В следующую минуту, повинувшись приказу, оружие полетело с плеч на землю. Телеусов спешился, стоял наготове. Я подошел ближе. Молодые ребята, злые лица, запрятанный испуг.

— Кто говорит по-русски?

Двое шагнули ко мне.

— Почему стреляли по зубрам?

— Другой стрелял, тогда и мы стреляли. Адомей¹ — зверь, бить можно. Ты сидел в засаде? Ты стрелял? Тебе кровь будет!

Лекцию об исчезающем зубре читать в таком положении бесполезно. Не поймут. Оставалось одно: страх возмездия.

— Вы нарушили закон. Здесь казенная Охота. Зубров в Охоте охраняют, они все на счету. Кто из вас стрелял, будет наказан.

— Тебе зубра стрелять можно? Я — не можно? Зачем так?

— Мы стреляли больного зубра. Ящур, понимаешь? — и показал на рот, губы, изображая боль и язвы. — Очень заразный. Уводите скорей свое стадо, все бычки заболеют и надут. В кошах есть больные?

— Пять бычок сдох. Три больной, резить будем. От твоих адомей?

— Да, от зубра, — перевирая истину, ответил я. — Уходите в другое место, дальше отсюда. Трава плохая, больная трава.

— Ты доктор?

— Я доктор. Я знаю. Покажу. Идите за мной!

Они потянулись за винтовками. Э, нет! Наш хлопец успел сгрести оружие, связать. И даже забросил на свое седло.

— Потом, потом отдадим, — успокоил я пастухов.

Поехали через лес. Вышли на большую поляну. Черная туша убитого зубра лежала на лугу. В небе кружили грифы. Молнией уметнулась, прижавшись к земле, лисица.

¹ Адомей — черкесское название зубров.

— Не подходить, не трогать! — приказал я. И снова, как на Кише, орудуя палкой, показал пастухам изъязвленные губы и ноги, потом снял с седла лопату, кирку и велел рыть. Меняясь каждые четверть часа, притихшие пастухи быстро отрыли яму, сбросили тушу и закопали, а место обожгли костром. Болезни они боялись как огня.

Пожалуй, не мои слова, а то, что убившие зубра не взяли ни куска мяса, не сбили рогов, больше всего подействовало на пастухов. Они серьезно переговаривались, жестикулировали. Телеусов стоял в стороне с винтовкой в руке.

— Когда уйдете? — спросил я.

— Два-три день.

— Нет. Сегодня. Ящур, как туман, бежит по горам. Он убьет ваши стада. Сегодня. Сейчас уходите!

Опять загомонили, уже с тревогой в голосе. Кивнул один, второй. Потребовали вернуть оружие.

— Отвези винтовки к лесу, — крикнул я своему хлопцу. — Рысью! Завтра проверю! — крикнул я вслед пастухам. — Будет скот — расстреляем стадо на месте. Будут кошки — сожжем!

Когда пастухи подошли к месту, где свалили их оружие, мы уже стояли в тени берез, готовые укрыться в низине. Станут стрелять или нет?

Обошлось. Но во всей этой истории радости было мало. Проникнув в стадо, болезнь будет косить зубров одного за другим. И ничего нельзя сделать.

Ни-че-го!

Страшная страница в истории кавказских зубров...

2

Отправив Шапошникову письмо о случившемся, мы с Телеусовым, Кожевниковым и Задоровым продолжили разведку по зубровым местам. От Лабёнка на Кишу, оттуда — к Белой. Летом зубры выходили и сюда. Выследив очередное стадо, мы смотрели, как ведут себя зубры, и, определив заболевшего, стреляли, чтобы тут же зарыть тушу. От наших рук уже пало восемь обреченных. Жалость не отпускала сердце. Столько лет охранять, чтобы самим уничтожить...

Мы не могли держать под контролем всю территорию бывшей княжеской Охоты. Слишком нас мало. Не помню, как прошли две недели. Усталость и душевное опустошение валили с ног. Оказавшись снова на Умпыре, пустили на пастбище лошадей и сутки отсыпались, а потом, как сговорившись, еще сутки не упоминали о зубрах, словно на звере лежало строгое табу.

Примчался Христофор Георгиевич. И не один: с ним было

пятнадцать всадников — добровольных егерей, а также ветеринарный врач из Майкопа. Целая экспедиция. В тот же день мы нашли стадо, и Шапошников сам убил больную зубрицу.

Врач только бегло осмотрел труп. Приговор был кратким:

— Вы не ошиблись. Ящур. Больные коровы есть в Сохрае, Хамышках, Курджиновской, Баговской, в станицах по Урупу. Широкая эпизоотия.

Шапошников увел меня к ручью. Мы сели на берегу.

— Еще одна неважная новость, — начал он. — Восточное стадо ушло. Отсюда с отрядом я еду на Большую Лабу, на Зеленчуки.

— Сами ушли?

Трудно поверить, зная привычку зубров к оседлости, к определенному месту.

— Браконьеры угнали. Собралось до пятидесяти охотников. Голодно по станицам, понимаешь? Война весь хлеб съедает. Рада берет. Деникин требует. Самим станичникам мясо нужно. По городам тиф. Люди бегут в глушь. А тут где возьмешь еду? Вот и решили скопом пойти на зубров. Стадо прорвалось и ушло. Видели их у Архыза, в Черкесии. Надо отыскать и пригнать обратно.

— Зубров с кнутом погоните? — насмешливо спросил я. — Не овцы все-таки.

— Вся надежда на их привязанность к родным местам. Только направить, а дальше сами потянутся, тропы запоминают.

— Братьев Никотиных берете?

— Непременно. Следопыты.

— Мы тоже пойдем!

— Э, нет! Вы здесь нужны. Отгородитесь построже от Сохрая и Даховской. От абхазов со стадами. От армян с Молчепы. Нужна полная изоляция зубров на заповедной территории.

На другой день Шапошников увел свою команду на восток. Ветеринар посоветовал перегнать зубров на новые, незараженные пастбища. Только этим мы и занимались.

Время между тем перевалило за середину года. Природа словно отдавала долги за минувшую морозную зиму. Чуть не каждый день на горы сваливался либо затяжной дождь, либо неистовая летняя гроза с ливнем, после которого реки выходили из берегов, страшно ревели, тащили деревья и камни, а то и ланку с олененком, волка, коосулю — кого успевали захватить и утопить. От хлесткого грома звенело в ушах. Никакая одежда не спасала от воды. Со стоном падали под напором ветра высокие пихты. Угрожающе грохотали камнепады. После гроз горы становились неузнаваемы. Растрепанные дубы, ветровалы, размытые берега, натеки глины со склонов. Разбой...

Но проходило три — пять дней, и живая жизнь залечивала раны, возвращалась во всей своей красе. Быстрее всего тянулись вверх травы. Если находился свободный час, все брались за косы и готовили сено. На зиму сюда опять соберутся ускользнувшие от беды звери.

Когда я думал о тех нетронутых уголках природы, где жизнь была бы живым ключом, где не было бы разрушающего и создающего влияния человека, как писал Аксаков, то прежде всего мне представлялась долина Умпыря. И конечно, бассейн Киши, куда уехали Василий Васильевич и Задоров.

Втроем мы продолжали упорно гонять зубров с их старых пастбищ. Явно больных зверей в последние дни не видели. Но стада поредели. Должно быть, немало трупов осталось лежать в темной кавказской глухомани.

Прошло еще две недели.

Однажды утром, открыв глаза, я услышал за окнами голос Бориса Артамоновича. Он... пел! Это казалось особенно удивительным, если вспомнить его устойчивую самоуглубленность в бедовые месяцы лета. И что пел! Я прислушался. Голос с хрипотцой выводил что-то смешливое, любовное. Но приехал-то он с Киши неспроста!

Алексей Власович лежал на своем топчане и улыбался.

Мы выглянули. Борис ворочал вилами сено. Конь стоял рядом, седло лежало потником вверх. Только-только приехал. И распелся. С чего бы это?

Хлопнула дверь. Борис Артамонович умолк. Поздоровались. Загорелое лицо Задорова, его смеющиеся глаза излучали ничем не скрываемую радость. Алексеем Власович вместо приветствия строго спросил:

— Чего распелся, как на свадьбе?

— Какая свадьба? Просто хорошо на душе, эт-точно. Все в полном порядке. Ящура нет. Ни одного больного зубра па Кише, сколько ни высматривал.

— А в Сохрае?

— В селе есть. С пастбищ мы скотину турнули еще тогда, как заметили болезнь. Ездил проверять, Василь Васильевич посылал. А из Сохрая, когда услышал о происшествии, сбегал в Даховскую и Каменноостскую, чтобы из первых рук... Вот даже газету привез и листовку.

— Какое происшествие? — Телеусов подался вперед.

— А вот какое. Из лесу вышло много красных партизан, они тайно подошли к Майкопу и атакой взяли город. И Туапсе чуть не в тот же день. И в Лабинской бой навязали, забрали склад оружия и скрылись. Эт-точно! А из ставропольских степей пришел ихний командир Ковтюх и с налету взял Армавир. Такая

дислокация получилась: новый сплошной фронт от Армавира на правом фланге до Туапсе на левом. И Лабинская, и мы с вами теперь уже в тылу нового фронта, на территории Советской власти.

— А Деникин? — воскликнул я. — Он же у Курска! На Москву идет.

— Он уже к Туле подошел, — уточнил Задоров.

— Ты не путаешь?

— Пожалуйте газетку. — Задоров протянул истертую по сгибам газету. Все та же «Кубанская земля». Сразу бросился в глаза крупный заголовок: «Бои у стен Тулы. До Москвы, столицы Совдепии, осталось менее двухсот верст. Идут тяжелые бои... Они осложняются постоянным натиском красных со стороны Волги на слабо прикрытый правый фланг Добровольческой армии...» А в уголке листа очень скупно и мелко о событиях в предгорьях, где «партизаны из остатков Таманской колонны совершили дерзкие налеты на Майкоп, Лабинскую и Армавир». И далее, крупным шрифтом, шел рассказ о том, как доблестно сражались защитники Лабинской, как лихо шли на врага казаки. И лихо, и доблестно, а партизаны все-таки удерживали города в своих руках несколько дней и только потом отошли в горы.

— А листовка? Ты говорил о листовке?

— Мне ее в Даховской сунули. Не заметил — кто и как.

На четвертушке желтой бумаги под строкой «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Революционный комитет Черноморья» шел текст обращения к гражданам предгорных станиц, хуторов и поселков, чей высокий долг, — как говорилось в обращении, — «оказать Красной Армии Черноморья всемерную поддержку. Час нашей победы близок!».

Листовка была подписана командующим красным Черноморским флотом. Это под его началом находился батальон Кухаревича, действующий на морском побережье.

Действительно важные новости. Мы поговорили о них, но тут Алексей Власович вернул нас всех к зубрам:

— Так-таки не нашли больных?

— Ни единого!

— И пересчитали живых?

— А как же! Семьдесят три. Значит, так: девять погибло, но прибавилось пять сеголеток. Семьдесят три. Эт-точно.

Мы сели завтракать, но мне уже не сиделось. Потянуло в Псебай. Если красные партизаны достигли Лабинской, значит, они проходили через наш поселок. Дома у нас должны быть вести от Кухаревича. Но прежде нам предстояло проверить еще раз умпырских зверей и посчитать их, сколь это возможно, в условиях пышного лета, когда все скрылось в густой листве.

Пять дней мы ездили по мокрой траве альпики, по размягшему от воды березовому высокогорью. От бинокля уставали глаза. Одежда наша не просыхала, дожди шли и шли, усложняя и без того трудную задачу. Может быть, как раз эти дожди и помогли природе так скоро управиться с заразной болезнью? Отмытые молодые травы, отмытая земля, камни. Вся грязь ушла мутными потоками вниз. Вселенская природная стирка... В четырех умпырских стадах мы не обнаружили больных зубров! Подсчету в такое время я не особенно доверял, но цифры настраивали на благодушие: девяносто два зубра, из них семь молодых. Ящур унес из стада более двух десятков зверей.

А что на востоке?..

Шапошников со своей дружиной все еще не возвращался. Впрочем, егеря могли миновать Умпырь и пройти назад напрямком на Псебай.

До Уруштена ехали вместе с Задоровым.

В караулке возле устья Уруштена кто-то ночевал. Теплая зола кучей лежала в печи. Пахло человеческим духом. Мы оглядели землю. Следы кованых копыт во множестве усеивали плешины в траве и уходили вверх на затяжную тропу к горе Джур.

— Я по ней к вам добирался, — сказал Борис. — Ничего такого не заметил. Поеду еще раз, выясню, кто такие.

— Нет, — твердо сказал я. — Не надо нарываться на опасность. Едем в Псебай, оттуда слетаешь на Хамышки, передашь письмо жене Алексея Власовича — и на Кишу.

Еще недоставало, чтобы Задоров столкнулся с бойцами Саши Кухаревича! Следы-то оставили они, когда отступали. Это ясно.

По изрытой дождями дороге мы пошли рысью.

Когда Борис Артамонович вырвался вперед, нельзя было не улыбнуться. Дранный бушлат, выдавшая виды шапка, засаленные штаны. Совсем обносился. За свой тяжкий труд он, как и все мы, не получал ни жалованья, ни довольствия. Ни разу никто из нас не услышал от него жалобы или упрека. Напротив, он постоянно искал дело потрудней и брался за любую работу.

Завидно цельный и красивый характер. Под стать его доброй и красивой внешности.

3

В простенке нашей большой комнаты снова висела карта европейской части России, и выбритый, чистый, немного помолодевший отец, мурлыкая что-то в прокуренные усы, всякий раз, как получал газету, подходил к этой карте и переставлял булавки с синим шнурочком, обозначавшим фронты.

Москва уже не находилась в кольце фронтов.

— Вот так-с,— произнес он торжественно, когда мы с Задоровым поздоровались и обнялись с ним, а Мишанька, уставший прыгать возле меня, занялся красивыми камешками, которые я привез ему с перевала Балканы.— Немцы изволили бежать из Украины и других мест государства нашего. А господину Антону Ивановичу Деникину приходится отходить восвояси на юг. Похоже, Красная Армия сейчас единственная сила, способная отбросить и добровольцев, и немцев, и Колчака от матушки-Москвы! Поверьте старому офицеру: война идет на убыль. Пора, пора заняться обычными трудами...

Ни Дануты, ни мамы дома не оказалось. На мой вопрос, где они, отец ответил не сразу, как-то подозрительно оглядел из-под седых бровей Задорова и, только когда я повторил вопрос, тихо сказал:

— У нас тут, в некотором роде, госпиталь. Они там...

— Кто в госпитале? — Впрочем, я уже догадывался.

— Четверо бойцов твоего друга.

— А Саша?

— Был. Уехал. Тебе письмо. Сейчас дать?

Письмо написано в спешке, карандашом. «Жаль, не застал тебя. Мы на старом месте. Командование решило дать бой, упредив выступление офицерских рот. Мы шли через Даховскую. Мой батальон задачу выполнил, но удержаться не удалось. Отходили через Псебай, оставили раненых. Твоя жена — молодец! Мы еще встретимся!»

Его батальон... Трудно представить философа, пожирателя книг в роли командира батальона! Вот что делает с людьми война. Скажи я Саше такие слова, он немедленно поправил бы: «Классовая война».

Пока я читал, Задоров сидел на диване. Глянул на него — уже спит.

Тихонько сказал отцу:

— Подбери для Бориса одежду, обувь, белье. И не буди, пожалуйста. Пусть поспит, пока я схожу в госпиталь. Устроим баньку.

На нашей улице, почти в самом конце, стоял обветшалый дом. В нем жила одинокая, старая женщина, наша приятельница. Вот у нее-то на отшибе и положили раненых бойцов. Ухаживали за ними Данута с мамой, хозяйка дома и сосед по фамилии Терлецкий, пожилой человек, потерявший на войне двух сыновей.

Никто не удивился, когда я вошел в дом, уставленный топчанами, никто не выказал шумной радости, обычной при встречах. Слишком большая человеческая боль наполняла этот дом. Дану-

та, осунувшаяся, скорбная, поцеловала меня сухими губами. Мама молчком вытерла слезы, погладила по плечам.

Два бойца казались безнадежными. Данута всматривалась в их желтые лица и тихо советовала женщинам, что делать и какое лекарство дать.

— Опасно им тут, — сказал я Дануте, когда мы вышли.

— А где еще? Где не опасно? Саша хотел везти их в горы, но как везти? И что там, в горах? Тут хоть покой. Кое-что из лекарств. По крайней мере, двое могут подняться.

— Ты измучилась?

Она не ответила. Только вздохнула. Такого строгого, озабоченного лица я еще не видел у нее.

Мы молчали. Вдруг она тряхнула головой, улыбнулась и спросила уже другим голосом:

— Сынок не хвастался, как он читает-пишет? Нет? Значит, просто не успел. А готовился!.. Он у нас очень, очень способный! Скоро в школу, если ничего не произойдет.

Война ее беспокоила. Войны она боялась, как и все женщины. Только краем прошла война мимо Псебая, а сколько горя и крови!

— Шапошникова ты не видел? — вдруг спросила она. — Заходил третьего дня.

— Рассказывал что-нибудь? — Это известие принесло мне облегчение. Вернулся, значит, из восточных районов.

— Ни слова. Мрачный и замкнутый. Как тот раз.

— Похоже, что на той границе заповедника плохо. Иначе он разговорился бы.

По улице навстречу нам ехала-бренчала очень знакомая тележка. Серый конь пританцовывал, картинно выгибал шею на туго натянутых вожжах. Ванятка Чебурнов, колченогий. Проехал — и не глянул.

— Куда это он? — забеспокоилась Данута.

Она все время оглядывалась: остановится у того дома или проедет? Рука ее просто окаменела в моей руке. Вот Чебурнов уже против дома, смотрит на окна. Не остановился. Мы уже стояли у своих ворот, когда серый конь промчался мимо, возвращаясь из загадочной пробежки. И снова Ванятка даже бровью не повел. Плохо.

Борис Артамонович все еще спал, неловко свалившись на сторону. Перед ним лежала горка отглаженной одежды.

Мы с Данутой затопили баню. Теперь можно будить приятеля. Я только дотронулся до плеча Бориса, как он уже открыл глаза.

— В баню, — сказал я. — Бери белье, веники на месте. Пошли.

Смущенно посмотрел он на приготовленное белье, вздохнул, взял и, сказавши: «Я ваш должник», шагнул за мной.

Мы вернулись, сели ужинать. Отец выставил оплетенную бутылку с домашним вином, налил бокалы.

— За здоровье всех, кто пролил свою кровь! — сказала Данута.

Борис Артамонович удивленно оглядел нас, но расспрашивать не стал, выпил. И пока мы ужинали, он все поглядывал то на меня, то на Дануту. Мы понимали отшельника: завидовал нашему семейному счастью и думал о своем одиночестве. В такие-то годы...

Шапошников все не шел. Тогда я отправился к нему.

Христофор Георгиевич уже ложился спать, был в одной рубашке, поглаживал рыжеватые волосы на могучей груди. Сели. Он уперся взглядом в мои глаза и добрые полминуты молчал. Сказал, наконец:

— Нету восточного стада. Погибли зубры.

— Ящур?

— Пули браконьеров. Был, конечно, и ящур. Но стадо угодило в зону военных действий, вот в чем дело. Казаки прочесывали горы, искали красных, будто бы отступивших туда из-под Невинки. Нарвались на стадо, второе. Началась стрельба. Им удалось загнать зверя в ущелье — и пошла потеха! Считаю, погибло десятка полтора. Мы подъехали, когда пир горой. Уж так довольны добычей, что и о красных забыли! Нас арестовали, я ихнего полковника и так и этак крестил, а им смешно. Не понимают. Зверь-то, говорят, дикий. Дикий! А я ругаюсь. Вроде ненормальный. Так со смехом отдали нам винтовки, коней — валяйте, мол, дурачки, на все четыре стороны! Ужасно обидно... Трех зубров всего нашли и с великим трудом пригнали за Лабу.

Я слушал и думал, что своим «упреждающим» налетом на Лабинскую, на Майкоп, Красная Армия, возможно, спасла Кишу и Умпырь от такой же участи.

— Где же те три зверя?

— Между Бескесом и Лабой.

— Наверное, лучше перегнать их на Умпырь. До зимы. А у нас хорошие вести. Кончился ящур! Все! Убытки подсчитали. Не так уж и много. Могло быть хуже.

— Ну и что? — спросил Христофор Георгиевич с бессильным отчаянием. — Война придет и сюда. Похлеще эпизоотии. Весь заповедник в кольце боев...

— И все-таки сто шестьдесят восемь голов. Ареал их *расселения сузился. Осталось только междуречье Лабёнок — Киша. Ну, может быть, еще немного на Белой. Там было семь голов. Граница охраны короче, нам проще. А впереди зима. Зимой в

горы никто не пойдет. Да и война, надо думать, кончается. Вот и условия для заповедования. С полуторасотенным стадом можно начать работу.

Я нарочно говорил с излишней приподнятостью — уж очень хотелось расшевелить Шапошникова.

Слушая меня, он хмуро молчал, почесывая грудь, и радужные мысли мои никак не развивал.

Уходил я от него огорченным. Конечно, есть отчего захандрить даже при таком железном характере.

Не знаю, долго ли я спал, но осторожный стук в окно разбудил меня первого. Во дворе стояла мама. Она делала знаки, чтобы я открыл окно. Подтянувшись ближе, зашептала:

— Бог призвал двоих раненых. Скончались. Пойдем, можешь. Терлецкий готовит похороны, но одному трудно. Бориса тоже надо. Берите лопаты, кирку.

Холодок пополз по спине. Вот как просто: жизнь — смерть... Я разбудил Бориса, и мы пошли, ежась от сырого воздуха ночи. ...Уснуть так и не удалось.

Перед рассветом прибежала Данута, зашептала:

— Знакомый прислал мальчонку... У станичного правления десятка два казаков. Говорят, будет поголовный обыск. Ищут красных партизан. Что делать?

Отсюда до венгерской лесопилы верст семь. Поселочек, приткнувшийся к лесу. Там наши знакомые. Туда казаки побоятся идти. Партизанская зона.

— Готовьте раненых. Я сейчас приведу коней. Увезем в другое место.

Кунак и Куница, лошади Задорова и соседа составили пары для двух носилок из жердей и бурок. Вскоре мы стояли во дворе «госпиталя». Осторожно перенесли закутанных раненых в носилки.

Задами огородов, краем леса вывели караван. Только далеко за поселком решились свернуть на дорогу. Рассвело, но туман сонно покачивался в долине, зажатой горами. Слева приглушенно, как из ада, доносился грохот Лабёнка. Шли молча, раненые притихли, носилки колебались в такт лошадиной ступи. Через час были в поселке, вошли во двор к знакомым, я поговорил с хозяином, он понимающе кивнул и повел нас в амбар, укрытый малинником и высокими грушами. Именно то, что нам надо. Просторное и прохладное помещение с неистребимым запахом сушеных диких яблок. Удобное место. Отсюда два шага до густого леса на склоне.

— Железную печку поставлю. Вода во дворе. Жена приглядит, — сказал хозяин.

Данута осталась с ранеными. Мы собрались назад.

— Ради бога, не задирайся с этими! Будь осторожен. Я как знала: не к добру была прогулочка Чебурнова по нашей улице. Прослышал, вот и обыски. — Данута говорила быстро, шла рядом с седлом, держась за стремя.

Туман истаял, дорога открылась, мы ехали шагом, я приготовился к любой неожиданности, если придется говорить, откуда едем. Уже в виду Псебая заметили группу конных. Они на рысях шли в горы. Пришпорили коней и мы. Встречные увидели, замешкались, скинули винтовки. Прогремел предупредительный выстрел. Я поднял руку с зажатой кубанкой.

Сблизились. Нас окружили.

— Кто будете? Откуда? — Молодой урядник держал в руке паган.

— Егеря Кубанской охоты. Хорунжий Зарецкий, — ответил я. — Хорошо, что встретились, братцы. Поможете пробиться. Поехали было в горы, а перед поселком нас обстреляли красные, да еще в погоню пошли.

— Много их?

— Пожалуй, до взвода. Да что считать! Повернем и вместе ударим, господин урядник. Собьем хотя бы с дороги. Обнаглели!

Расчет был рискованный, но точный. Урядник совсем не горел желанием ввязываться в бой. Его казаки тоже.

— У меня нет такого приказа. Только разведка, — сказал он без особой уверенности.

— Дело ваше. А то могли бы лесопильню отбить. Но нам-то все равно проехать надо. Не сейчас, так ночью.

И тронул Кунака. Через сотню шагов оглянулся. Казаки двигались следом.

Мы остановились у бывшего госпиталя. Хозяйка дома металась во дворе, напуганная и жалкая.

— Весь дом перевернули, — тихоенько сказала она. — И все допытывались, все грозили. Да что у меня допытываться!

Ладно, дело сделано, раненые укрыты.

Теперь нужно сказать Саше Кухаревичу, чтобы скорее забирал раненых. Белые в любое время могли нагрянуть и на лесопильню.

Пришлось послать Задорова в далекую глушь. Только он знает дорогу через Кишу на Гузерибль. Если предприятие удастся и егеря найдет партизан, чтобы передать письмо командиру, то сам он может остаться в районе Белой и пересчитать или хотя бы увидеть тамошних зубров. Шел сентябрь, зима находилась совсем недалеко от высокогорья. Вдруг в том районе зубры уцелели? Тогда нужно успеть перегнать их на Кишу. Задание серьезное.

Задоров с готовностью ускакал. Я томился неизвестностью.

На лесопильню не ездил, чтобы не вызывать подозрений, но ни на минуту не забывал о скрытом госпитале: Данута все еще оставалась с ранеными. Кто же, если не она?..

Отец внимательно следил за ходом гражданской войны, как мог, старался помочь мне разобраться в запутанном клубке событий и нерешенных задач. Впрочем, он не скрывал, что не верит в успех нашей егерской деятельности. Говорил со вздохом:

— Боюсь, сын мой, что после такой войны и разрухи стране будет не до зубров и тем более не до заповедников. Сколько труда потребует восстановление земли и разрушенных городов!

В его словах я уловил не только горечь от моего заведомо обреченного труда, но и некую недосказанность: не пора ли тебе найти иное дело?..

Снова воскресли прошлые сомнения. Действительно... Что толку от всех наших стараний? Не лучше ли взять винтовку и уйти к своему другу Кухаревичу в партизанскую армию? Там все ясно: кто враг, кто наш. Вот и Христофор Георгиевич опустил голову. Не показывается, сычом сидит у псебайских родственников. Но и в свой Майкоп не уезжает. Не те ли сомнения одолевают его?

А что же зубры? Оставить их без охраны?..

Как только вспоминалось умпырское стадо на летних, дождями промытых пастбищах — эти молчаливые красавцы с могучим телом, быстрой реакцией и беспримерной живучестью, которая уже позволила им существовать миллионы лет на планете, — так словно чья-то рука до боли сжимала мне сердце. Кто защитит их в этом последнем убежище, которое нашлось на Кавказе? Менее двух сотен... И как мы посмотрим в глаза людям, если не сделаем все, что можно, для сбережения древнего зверя?

В один из ненастных, уже октябрьских дней вернулся Борис Артамонович

— Ждут, — коротко сказал он.

Мы поехали на лесопильню.

— Как зубры? — спросил я по дороге.

— Видел пять быков. Кажется, это все, что там осталось.

В том самом замаскированном амбаре, в жарко натопленном высоком помещении, где осенью аппетитно и сладко пахло яблоками, в неярком свете двух маленьких окошек навстречу мне поднялся худющий Саша и крепко обнял, прижавшись плохо выбритой щекой к моей щеке. Данута сидела рядом и плакала.

— Ну, друг мой хороший, ты снова отличился! — Голос у Саши срывался. — Как добрый волшебник: где опасность, тут и ты.

— Дануту и маму благодари. Это они.

— Ладно. Будь у меня самые высокие ордена на кителе — снял бы и нацепил вам всем. Как делал в свое время фельдмаршал Кутузов. Я верю в настоящую дружбу. Она — сама жизнь.

Саша очень походил на британского офицера из иллюстрированного журнала. На офицера, заблудившегося в джунглях. И потому потрепанного, а не лощеного.

На нем висел — да, висел! — темно-зеленый френч в пятнах и погрызах. Такие же добротного материала брюки, давно утратившие складку и цвет, были заправлены в испачканные сапоги с туными носами. Коричневая окраска сапог указывала на заморское происхождение. И даже маузер, оттянувший пояс, был английским.

Хлопцы, гремевшие у печки, скинули с плеч нарядные плащи. Их одежда выглядела смесью английского с нижегородским. В углу стояли карабины и военная новинка — ручной пулемет.

— Ну и союзники у вас! — не удержался я. — Как снабжают, а?

— Сами не моргаем. — Саша коротко засмеялся. — Увидим транспорт на подходе, соберемся, подождем, когда выгрузят и рассортируют, и на «ура!» из лесов! У белых только пятки сверкают! Берем, что надо, и быстро уходим. Догонять боятся. Ты погляди, что наши больные кушают.

В кружках дымилось настоящее какао.

Когда мы сели к столу, появилось бренди и копченый бекон. Разговор пошел дальше не о войне, а о зубрах, и с первых моих слов Саша прямо-таки взъерошился. Вскоре он уже кричал на меня:

— Скажите пожалуйста, он разочарован! Он не знает, куда приложить молодецкую силу! Замашки растерявшегося интеллигента! Да если ты оставишь последних зубров без защиты, то опозоришь себя перед революцией и потомками, перед собственным сыном, ты — не ведающий законов будущего! За что мы боремся и воюем? За счастье людей, за жизнь, полную радости освобожденного труда. За красоту мира. Ты читал когда-нибудь Ленина, неуч? Где там! А Энгельса? Да что я спрашиваю! Конечно, нет. А ведь они особенно подчеркивают цельность и красоту социалистического общества, возрождение природы на высшем уровне, уважение ко всему живущему. Если мы, Хомо фабер, останемся на планете в гордом одиночестве, насколько скучнее станет дальнейшая жизнь! Все сохранить, все улучшить при коммунизме — вот приложение для творчества людей, которое уже началось. Зубры пришли с человеком в нынешний век из далекого прошлого. Неужели теперь мы отмахнемся от них, по-

павших в беду? Да будь я проклят, если позволю тебе оставить их на произвол судьбы!..

Он перевел дух, как-то сразу обмяк, вытер ладонью вспотевший лоб. Лицо его налилось прозрачной белизной.

И тут я увидел, как он нездоров. Мне сделалось вдвойне стыдно. А Данута сказала:

— Ты разволновался, Саша. Тебе нельзя. Посиди спокойно. И поговорите о чем-нибудь приятном. Я не думаю, чтобы у Андрея это всерьез. Ты ведь не бросишь свое дело, Андрей, правда? Ну, скажи. Сейчас же скажи! — Голос ее уже приказывал. Большие голубые глаза горели. Она прямо-таки гипнотизировала меня.

Я собрался с мыслями. И сказал, подбирая слова:

— Кажется, меня действительно занесло. Такие обстоятельства. Что ни год, то потери. Руки опускаются. За пять лет две трети стада погибло, хотя мы делали все, что могли. Вот только что потеряли полтора десятка на Загдане. Как в Гузерипле — знаю. Тоже убыток. Тоже ящур. Но, пожалуй, ты все-таки прав. Бороться надо. Чем меньше зубров, тем больше ответственность за них. Тем строже защита. Я останусь. И давай забудем о моем малодушии.

— Слова не мальчика, но мужа. — Саша глубоко вздохнул. Бледность делала его лицо чужим. — Так, Андрей. Скоро я сброшу шинель и приду с Катей помогать вам. В зубровый заповетник.

Он поднялся, глянул на Дануту, сказал тоскливо:

— Я, пожалуй, выйду. Подышу свежим воздухом. Давит грудь.

— Сердце у него надорвано, — тихонько сказала Данута. И тоже вышла.

Через день раненые уехали в горы. Мы вернулись в Псебай. Еще через три дня вместе с Задоровым я отправился на Кишу, чтобы прихватить там Василия Васильевича и общими усилиями попытаться перегнать уцелевших зубров с Белой в кишинское стадо.

Предприятие нам не удалось. опередила зима.

Страшная непогода разразилась внезапно. Холодный, злой астраханец притащил с востока толстые облака, полные всяких зимних припасов. Над Кавказом они столкнулись с теплыми черноморскими ветрами. Полился дождь. Загрохотало, засвистело, заварилась такая каша, что лес и горы просто стонали. Повалил снег, и дикая метель сплошной, жуткой непроглядностью завесила горы. Небо и земля исчезли. Только белая муть. И так — целую неделю.

К счастью, до вселенского шторма мы успели перебраться

на кишинский кордон. Уставшие, притихшие, сидели возле печки, благодарили свою судьбу и с уважением смотрели на поленницу дров, заранее приготовленную Борисом Артамоновичем.

4

В Кишинской долине снегу навалило аршина на полтора, а местами и больше. Не пышного, не легкого, а уже переметеного ветрами, уплотненного сыростью. Проваливаешься по пояс, а внизу мокреть, прилипчивый холод.

Ладно, есть дрова и кое-какие продукты. Можно отсидеться. А вот при мысли об Алексее Власовиче делалось тревожно. Где он со своим племянником? Успели дойти до кордона или буря застала их на дороге? Не узнать. От Киши на Умцырь не пройти. От Псебая тем более. А ведь дома у меня тоже беспокоятся: пропал...

Лес как вымер. Стоит нахохлившийся от лохмотьев снега на каждой пихте, на дубах, не успевших сбросить бурый лист. Подлесок чуть не до земли согнулся под тяжестью снега. Ловушки с пустотами внизу подстерегали неосторожного на каждом шагу.

Всему зверю плохо. Под таким снегом никакой травы не найдешь. Выдувов тоже нет, разве только в скальном районе, где шквал мотавал сильнее и мог обнажить какие-то склоны. Но эта зона для туров и серн. Ни зубры, ни олени наверх не пойдут. Их дом — лес и луга.

Стожков сена, заготовленных близ кордона, не видно. Турнепс и свеклу в кучах на огороде вовсе не отыскать. Не догадались вешками обозначить места, где оставили это добро.

Сидеть без дела мы все-таки не могли. Оголодавшему зверю надо помогать.

На чердаке у Василия Васильевича лежало пять пар коротких и широких лыж специально для такой зимы. Мы приладили их к сапогам. Ничего. На версту-другую сил хватит, хоть и проминается снежный целик очень глубоко.

Достали лопаты и побрели от стога к стогу, посбрасывали с них тяжелый завал. Окопали, сделали видными до новой метели. Огород разыскали по кольям ограды, палками нащупали кучи корнеплодов и раскрыли семь или восемь буртов. Осмелев, пошли выше в горы, там тоже разгребли стожки. И впервые увидели зубров, сперва не их самих, они в дневные часы лежали темными глыбами под пихтами, а следы странствий — этакие окопы с желтоватыми краями. Крупный зверь ходил по снегу и лбом, грудью, боками разваливал наметь чуть не до земли. Сил

отдавал много, пищи добывал мало. Если набредал на ожину, вытягивал ее плеть за плетью, обрабатывая чуть не целую десятиину. Добывал как-то и старую траву — ветошь.

Погрызы на коре осин и грабов натолкнули нас на новую мысль. Пила и топоры имелись. Вдоль ручьев, по долинкам мы свалили за несколько дней с полсотни деревьев. Кора их едва ли не главное питание зубра зимой. Высоко он не достанет, а сваленный ствол весь обгрызет.

Скоро увидели: зубры пользуются пашей поддержкой, не боятся следов и запаха егерей. Олени и косули приходили к стожкам. Этим нежным животным снег особенно досаждал.

Мы натоптали множество троп. Их заносило, мы снова ходили, уже верст за шесть, а когда хорошо подморозило, топтали по своим же следам и без снегоходов. Вечерами у огня стали думать о дороге к Белой, на Хамышки. Надо же дать весточку о себе. Главное, успеть пройти дорогу за день, чтобы ночь не настигла под открытым небом. На лошадей надежда слабая. Если и дойдут до Белой, все равно река на тот берег не пропустит, а по всякому мостику их не провести.

Начали ходить в сторону Белой так: до полдня туда, до вечера — обратно. Верст пять пробили, утоптали, изготовились тропить дальше. А ночью свалился с высот ветер, пошла лютая поземка и нашу тропу сровняло, чуткая собака и та не сыщет.

В таких трудах и заботах прошел месяц или около того.

Сидим как-то поздно вечером, чаюем, слушаем, как воеет в трубе, и думаем: опять заметет. Вдруг Задоров вскакивает.

— Голоса...

Слух у него отличный.

Схватил шапку, бушлат — и в дверь. Кожевников фонарь засветил, я винтовку снял. Вышли, а Борис сажень в семидесяти уже разговор ведет. Видим двоих. Мешки на горбах. Я подумал, что Шапошников, но ошибся. Прибыли Алексей Власович и Саша Никотин.

— Не с Умпыря ли? — спросил Телеусова.

— Что ты, Михайлыч! Балканы стоят стеной, а уж снега там! Мы чутьем, что ли, угадали буран. Никотины как раз подошли, у нас отдыхали. Быстро собрались, дождик захватил уже по другую сторону перевала, за версту или две от караулки на Уруштене. Ну, мы ж на конях, пустили в рысь, кто кого обгонит — снег нас или мы его. В полную метель на виду Псебая оказались, сразу к вашим. Там, конечно, ох-ах, где хозяин? Я прикинул время, догадался, что ты успел на Кишу, успокоил. А сам в Псебае застрял, ждал, пока пробивали дорогу до Даховской переправы. Подождал, полуэскадрон казаков из Псебая ушел, вслед за ими подался. От Даховской я ползком могу до дому

доползти. А уж с Сашей вдвоих как-нибудь... Брательник его пособил, так в Хамышки пробились, Христофора уважили: он хочет до Умныря добраться, зверю помочь.

— Расшевелил его, Власович? У него хандра затяжная...

— Если по правде, так он меня и подтолкнул, а не я его. Заявился в Псебай сумной, как Иван Грозный, и прямо с порога так: «Долго у печки сидеть намерен? Зубров помнишь? О товарищах своих не забыл?..» И все вот так-то. А еще до этого твоя Данута урок дала. В самую, значит, метель захожу, а она во дворе Куницу готовит, сама в брюках, валенках, старые возле нее вьются, молят, а она никого не слушает. В сепцах, замечаю, два вьюка готовые. В общем, в дорогу. Глянула исподлобья и говорит через плечо: «В одиночку пробьюсь...» Мы с твоими родителями до ночи отговаривали ее. Расстроила всех: ну кто ж в такую страсть по горам ходит! Уговорили. А потом Христофор явился, да я и сам... Как видишь, благополучно. Вы тут никого из своих не съели по причине голодухи? — И засмеялся, довольный.

Алексей Власович привез муки, соли, даже сахару добыл. Задоров и Кожевников здесь останутся, разживутся мясом на месте, медвежьи берлоги знают. А я могу ехать проведать своих. Что дальше — видно будет.

Благополучно добрались мы с Телеусовым до Хамышков. Я взял у него коня и с Сашей Никотиным отправился к станции Даховской. Как сейчас помню, было это 3 декабря.

Станица выглядела беспокойно. По горбатым улицам скакали казаки, кучно толпились у дома урядника, громко спорили. Возле каждого крыльца перешептывались женщины. Что-то произошло.

Саша повел меня к знакомым. Они все знали.

— Эт-та опять Деникин! — с нескрываемой злостью крикнул хозяин. — Ишь что творит! На казацкую раду меч поднял! Вот рада и кликнула нас, чтобы поддержали. Завтрева едем в Майкоп, а оттелева в Екатеринодар. Пущай попробует тронуть! Всеми станицами навалимся. Мало его красные били, теперича и нашей шашки отведаст.

Постепенно события получили ясность. Еще одна война.

У Деникина уже случались неприятности с радой. Он не хотел считаться с тягой верхушки казачества к самостоятельности, повел себя как диктатор. Издавал приказы, подчинял себе казачьи части. Пока дела в Добровольческой армии шли хорошо, руководители войскового правительства на Кубани если и роптали, то тихонько, про себя. Но вот план захвата Москвы провалился, деникинцы покатались назад, с востока усилилось давление армии Советов, она сумела подойти к Белой Глине — всего двести верст от Екатеринодара. Черноморская красная армия

осаждала Адлер и Сочи, отрезав последний путь отхода белым на юг. Неожиданно для рады Деникин включил Кубань в армейский район Кавказской армии Врангеля. Чаша терпения войскового правительства, уже мнившего себя самостоятельным, переполнилась. Оскорбленная Кубанская рада на заседании в начале декабря объявила Деникина вне закона, приказа его не выполнила и начала стягивать свои части в Екатеринодар. Расвирепевший генерал арестовал члена рады Макаренко, осудил военно-полевым судом другого члена рады, Калабухова, и приказал повесить его. Вот тут и началось!

Конечно, деникинская авантюра и без того была обречена на разгром. Конец всех диктаторов, которые затевают войну против собственного народа, неизбежен. Но открытая междоусобная вражда двух белых сил, несомненно, ускорила крах Деникина.

Не стал бы и вспоминать об этой странице истории, не будь она тесно связана с судьбой нашего заповедника. Ведь только мирная жизнь способна обеспечить сохранность природы. А мир мог прийти с победой Красной Армии. Этого мы ждали. События ускорили бег истории.

Надо сказать, что зима в горах и в новом, двадцатом году осталась такой же свирепой, как в октябре — ноябре. Валил снег, штормовые ветры перегоняли с места на место сугробы. Псебай, засыпанный белым валом, как бы врос в землю. Дома казались низенькими, улицы безлюдными. Как потом выяснилось, школа, где учила хлопцев Данута, работала с перебоями. Заносы то и дело прерывали сообщение с Лабинской.

Мое появление сразу внесло покой и умиротворение. Улыбка Дануты озарила дом. Мишанька так и висел на мне, даже в конюшню не отпускал одного. Отец страдал от того, что не знал всех событий. Меня он расспрашивал с великим пристрастием.

Прошло несколько спокойных дней.

Злой и взъерошенный вдруг появился Шапошников. Не пробился он с хлопцами на Умпырь, проторчали на Уруштене и под Балканами больше недели, поистратили силы и продукты, но прохода не нашли. Перевал остался неодолимым.

— Конец умпырским зубрам, — мрачно заявил он. — Теперь от голода перемрут. Не болезнь, так бескормица.

— Не такой уж беспомощный этот зверь, — возразил я. — Разве в долгой их жизни подобных зим не случалось? Переносили...

— Когда их считали на тысячи и десятки тысяч, — продолжал Шапошников, — тогда даже большой отсев оставался незамеченным, он только улучшал зверя. Естественный отбор. Выживали сильнейшие. Но когда их всего-навсего десятки... Тут надо беречь каждого, Андрей. Не успокаивай себя.

С доводами ученого не поспоришь. Наша помощь умпырскому стаду была бы сейчас бесценной. Но стихия бушевала, и горы оставались недоступными.

В середине февраля мы с Христофором Георгиевичем пробивались в Лабинскую, чтобы купить хотя бы муки. С продуктами становилось хуже и хуже. Знаменитого лабинского базара, собственно, уже не было. Все занимались войной, а не хлебом. Станица была полна вооруженными казаками — и своими, и привалившими с севера. Очень много офицеров высокого ранга. Прямо на улице стояли заснеженные, грязные трехдюймовки — свидетельства панического отступления.

На заборах, на стенах домов белели листовки, расклеенные ночью отчаянными агитаторами. Это было обращение Северо-Кавказского комитета РКП(б) к офицерам: прекратить службу у Деникина. Листовки срывала команда юнцов, но читали их многие. Шли разговоры о возможном прорыве красных, об отступлении в горы, о партизанской армии — теперь уже офицерской, белой! Страшные разговоры! Если так случится, то война захватит зубровый район целиком.

После сильного боя у Белой Глины Красная Армия прорвала фронт. Она наступала на Тихорецкую и Армавир, а значит, и на Лабинскую.

Здесь мы, к удивлению своему, узнали от знакомых, что бывший егерь и прислужник Улагая Семен Чебурнов уже месяца три как подался в Невинномысск и записался в Красную Армию.

— Ловкач! — угрюмо заметил Шаношников. — Его корабль тонет, так он заблаговременно перебрался на другой.

Нам лишь по случаю удалось купить немного муки и соли; с этим добром и вернулись в Псебай.

Неожиданно пробилось солнце и дохнуло теплом. Ветер утих. Можно попробовать и на Умпырь. Христофор Георгиевич послал за Никотиными, чтобы идти с ними вместе.

— А ты, Андрей Михайлович, — сказал он, — обожди дома деньков пять-шесть. Если мы не возвратимся, значит, пробивались. Тогда подавайся на Кишу, а то наши там вовсе одичают. И толкнитесь с той стороны к нам.

Март оказался богатым на события. В середине месяца Красная Армия овладела Тихорецкой и Кавказской, затем пал Армавир, а семнадцатого марта пришла весть об освобождении от белых Екатеринодара. Кубанская казачья армия частью сдалась, самые отпетые белогвардейцы вместе с членами рады ушли за Кубань. Поговаривали, что генерал Шкуро и полковник Букретов собирают новые отряды для партизанской войны. Восточнее нашего заповедного района. Об Улагая никаких слухов. Но он

тоже где-то в горах. Его брат все еще командовал дивизией у Врангеля в Крыму.

Двадцать первого марта Красная Армия с боем взяла Лабийскую. Среди пленных, как говорили, оказалось более пятисот офицеров.

На другой день сдался гарнизон Майкопа.

Фронты стягивались, уплотнялись, войска двигались к Новороссийску, из которого эвакуировались на судах английско-французской эскадры остатки армии Деникина и бесчисленные беженцы. Английский линкор «Император Индии» и французский крейсер «Вольдек Руссо» своими орудиями прикрывали отступление белых в Крым.

А когда до Псебая дошла весть, что Черноморская красная армия взяла Сочи, а потом и Туапсе, мы поняли, что Кубань освобождена.

Мир тебе, Кавказ!

5

Шапошников с егерями Никотиными в Псебай не вернулись. Значит, им удалось добраться до Умпыря. Хорошее начало!

Весна торопилась. Ей предстояло много работы. Толстый слой снега укрывал горы. Но уже ухали, сваливались с веток отяжелевшие пласты, снег под деревьями оседал, делался зернистым. Я стал готовиться в поход.

— Надолго? — Данута сидела на стуле, как-то очень горестно бросив руки на колени, и смотрела на меня долгим прощальным взглядом. Удивительное состояние для нее — всегда деятельной, неунывающей.

— Как снег сойдет, так и вернусь, — ответил я, стараясь не утратить оптимизма под ее взглядом. — Посчитаем зверя, сведем погуце стада и станем смотреть да смотреть за ними.

— Что-то грустно мне, — сказала она вдруг очень тихо и заплакала.

Как мог, я успокоил Дануту. Но и сам встревожился: всегда провожала меня спокойно, а тут вдруг... Что случилось? Да и родители мои выглядели не радостно. Мама плакала. Отец хмурился и молчал.

— Не забывай моих друзей, — попросил я жену. — Если будет весточка от Кати или Саши, постарайся переслать мне на Кишу.

Выехал я на Кунице, пообещав вернуть лошадку с первым нашим связным. Тяжелые вьюки бугрились за седлом. Два ящика одних патронов.

Данута и Мишанька проводили меня до спуска на лабинский тракт и долго стояли, смотрели, пока я не повернул на свою лесную дорогу...

* * *

Этой фразой неожиданно обрывается последовательная событийная запись Зарецкого в тетради с синим переплетом. Следующая запись в этой книге другими чернилами, обозначена только концом 1920 года. Автор дневника не нашел нужным объяснять этот перерыв в записях, хотя, казалось бы, только писать и писать...

После довольно длительных поисков, расспросов сведущих лиц и сопоставления различных свидетельств осталось сделать такой вывод: Андрей Михайлович Зарецкий не упоминает о весне и лете 1920 года и о зубрах по причине весьма уважительной: до Киши он так и не доехал.

Все случившееся с ним за это полугодие настолько неожиданно и страшно, что напоминает суровый детектив.

Слов из песни, как известно, не выкинешь. Происшествие сказалось не только на судьбе самого Зарецкого и его близких, но отразилось и на положении зубров бывшей Кубанской охоты.

Попробуем восстановить истинные события тех дней.

* * *

Тяжело, еще по зимнему, одетый — в шапке, полушубке, сапогах, с неразлучной винтовкой за плечами, с тяжеленным английским маузером в деревянной кобуре у пояса, Андрей Михайлович привычно осматривал с седла неезженную дорогу стараясь отыскать тропу, где меньше снега. Куница иной раз мотала головой, прося повод, и тогда шла, опустив голову, выбирая дорогу по-своему. Она словно принюхивалась к запахам отмокшей просеки, к горьковатому духу дубравы.

Зарецкий в ту пору выглядел крепким, мужественным, уже зрелым человеком. Лицо его потеряло юношескую полноту и беспричинную улыбочивость, взгляд голубых глаз приобрел ясность и твердость. Заметные складки, пролегшие от носа к уголкам рта, придавали выражению лица всегдашнюю решимость. В нем чувствовался воин, командир, привыкший к суровой жизни. За этой привычкой угадывались воля и рассудительность. Его коренастая, сильная фигура и открытое лицо вызывали у людей уважение.

...Неожиданно Куница забеспокоилась. Она все чаще подымала голову. Уши стали торчком. Задумавшийся всадник почув-

ствовал эту тревогу, осмотрелся, на всякий случай снял винтовку. Тишину голого, просторного леса не нарушал никакой посторонний звук. В чем дело? Оглянувшись еще раз перед поворотом дороги, Зарецкий озабоченно свел брови. В полуверсте позади перебивчивой рысью его догонял конный отряд из двух десятков всадников. Он вскинул бинокль: красноармейцы. Длинные шинели приподнимались в такт рыси. Два всадника в черных кожанках немного вырвались вперед. Остановиться и подождать? Возможно, попутчики в Даховскую? Он натянул повод, забросил за плечо винтовку. Куница попятилась в сторону.

Отряд приближался осторожно, с винтовками наперевес. Его, что ли, боятся?

Зарецкий дружески поднял руку.

— В Даховскую? — спросил он, когда всадники поравнялись с ним.

Все дальнейшее произошло так быстро и было так непостижимо для благодушно настроенного Зарецкого, что он и слова не успел произнести.

Пять или шесть винтовок уставились ему в грудь. Раздался приказ:

— Оружие!..

Он потянул руку, чтобы снять винтовку. Его схватили за руки, сбросили с седла. Куница, остановленная сильным рывком, пыталась подняться на дыбы, заржала, кого-то укусила, на ней повисли сразу трое, всадника стащили на землю.

В одну минуту Зарецкого обезоружили, связали за спиной руки, тщательно обыскали. И только тут он увидел Чебурнова. В долгополой шинели и шлеме, Семен стоял несколько в стороне, руки в карманах, и улыбался загадочно и насмешливо.

— Этот? — спросил у него человек в черной тужурке.

— Так точно, товарищ командир! — отчеканил Семен. — самого главного заарканили. С успехом вас!

— Зарецкий? — Командир жестко смотрел на пленника. — Хоружий Зарецкий? Куда путь держим?

— На Кишу.

— Значит, логово вашего отряда там? Или где?

— Там кордон зубрового парка.

— Ваше благородие, здесь этот номер не пройдет, зубрами не заслонишься, — сказал Семен со смешком. — Признавайся откровенно, пока зубы целы: банда твоя тама? Али брехать про зубров будешь?

Командир разбирал вещи, взятые при обыске.

— Маузер откуда? — Он вертел в руках большой пистолет.

— Подарок друга. Командира Кухаревича из Черноморской красной армии.

— Не знаю такого. Английская марка... Значит, уже связались с интервентами?

— Не понимаю вас.

— Кому патроны везете?

— Егерям.

— Егеря не стреляют. Они охраняют животных.

— Стреляют. Когда в лесу такие мерзавцы, как Чебурнов.

Семен подскочил к нему, схватил за грудки:

— Но-но, ты, гидра! Чебурнова не трожь! Чебурнов когда ишшо требовал новой власти, чтоб трудовой человек мог поохотиться! Вот теперича она самая и пришла, а ты, Зарецкий, есть гидра и классовый враг!

Командир предостерегающе поднял руку. Семен осекся.

— Боец Чебурнов, — приподнято сказал он. — За точные сведения об организаторе бело-зеленой банды, за разведку и смелые действия в летучем отряде по борьбе с офицерскими бандами награждаю тебя трофейным маузером! Бей врагов революции беспощадно!

— Премного благодарен! — Чебурнов стоял по стойке «смирно» и, приняв оружие, гордо глянул на Зарецкого, но тотчас вспыхнул, как от пощечины.

Андрей Михайлович, оправившись от первого потрясения, открыто улыбался.

— Смотри, он еще лыбится, гад! — закричал Чебурнов. — Товарищ командир, дозвоьте, я его на месте стукну, как главного контру! Брательника мово, который шепнул, когда классовый враг пойдет, инвалидом на всю жизнь сделал, да ишшо ограбил по дороге, гад!

И решительно защелкал затвором маузера.

— Сколько людей на вашей базе? — Командир просто отмахнулся от Чебурнова.

— Двое или трое. Фамилии нужны? — Зарецкий держался спокойно и с достоинством.

— Офицеры?

— Один бывший прапорщик. Это проверенные, честные егеря.

— Значит, на Кише? — Командир глянул на Семена.

— Без разведки туда невозможно. — Семен понял, о чем он думает. — Дорога дальняя, могёт быть засада. Леса глухие, и вообще...

— Ладно, в ЧК разберутся. Вы арестованы, Зарецкий.

— Почему, дозвоьте узнать?

— Мы настигли вас на пути к офицерской контрреволюционной базе. Продукты, патроны, собственное признание уличают вас в принадлежности к бело-зеленым.

— Но я вам сказал...

— Рассказывать будете в ЧК. По коням!..

Этот молоденький хлопец в кожаной куртке действовал так уверенно, словно обладал исключительным даром безошибочных решений. Конечно, опыта он не имел и вряд ли понимал всю сложность событий. Худое, нездорового цвета лицо, нервные губы, горячечные глаза могли означать, что он лишь недавно из госпиталя. Или побывал в плену у белых, испытал всякое и полон решимости мстить. Жалости к офицерам по этой причине не ведал. Более того, сам вид Зарецкого, его здоровье, его воспитанность, уверенность, и все, что ставило арестованного выше, чем он сам, вызывало у командира отряда только чувство ненависти. Офицер, значит, враг.

Зарецкий тоже понял, что разговор с этим человеком не получится. Все подстроил Чебурнов. Его брат Иван выследил, сообщил Семену. Теперь Зарецкому предстояло доказывать свою непричастность к бандам в горах. Факты против него. Ехал на базу? Да, есть база. Ну, а раз есть...

Его посадили на смирную старую лошадку. Куницу забрал боец, явно не привыкший к седлу. Она то и дело рвалась, ржала. Зарецкому вдруг очень захотелось, чтобы Куница убежала. Тогда узнали бы дома о его беде и бросились бы на поиски.

В Лабинскую приехали ночью. Полушубок и шапку отобрали, еще раз обыскали. Сунули в какую-то предварилку, где тесно сидели и лежали люди. Что за народ? Кто уже спал, кто перешепывался. Ночь. Чужие. Тоска.

С рассветом арестованные завозились, заговорили. Под низкими сводами кирпичного лабаза вздыхали, кашляли, тосковали о куреве. Слышались приглушенные обращения: «ваше высокоблагородие», «ваше превосходительство». Зарецкий находился среди офицеров, плененных во время боя за станицу.

— Вызывают на допрос? — спросил он соседа с красными от недосыпания глазами.

— Каждого десятого, — усмехнулся тот. — Некогда. Уж скорей бы...

— Что скорей? — не понял Андрей Михайлович.

Сосед отвернулся. Страх ледяной струей прокатился по телу Зарецкого. В такой обстановке нетрудно пропасть. Где там разбираться!

Прошел день, второй, пятый, седьмой. Каждый вечер вызывали и уводили человек по двадцать. Андрей Михайлович пробовал говорить с чекистами, которые приходили за арестованными. Ответ был короток: «Ждите». Чего ждать? Будь ты проклят, Чебурнов!

Более месяца прошло в унылом, страшном ожидании. Зарец-

кого уже трудно было узнать. Он похудел, ссутулился, зарос щетиной и выглядел намного старше. Отчаяние и какое-то мерзкое равнодушие все более опутывало его. Иной раз казалось, что все кончено. И лишь память о семье, товарищах, о зеленом рае Кавказа придавала силу. Не-ет, он выйдет! Разберутся! Не все кончено!

Их выводили партиями на прогулку во двор, оцепленный колючей проволокой. Стоял теплый апрель. Зацветала белая акация, аромат ее проникал повсюду. Андрей Михайлович ходил, руки назад, вдыхал желанный воздух воли, видел лабинскую улицу и не без горечи думал: какое это счастье — ходить там, по этим улицам. Редкие прохожие оглядывались на арестантов. И вдруг один из этих прохожих остановился, пораженный, потом повернул назад, дождался, когда цепочка гуляющих снова окажется у ограды. Ищущий взгляд его поймал лицо Андрея Михайловича. Зарецкий не узнал любопытного бородача. Но после прогулки он вдруг признался себе, что человек, увидевший его, не кто иной, как Федор Иванович Крячко, привозивший письмо от Врублевского! Признал он его или нет? Если чудо произошло, Данута и Шапошников немедленно приедут сюда.

Он дождался новой прогулки, как великого праздника. Но на этот раз Крячко не приходил. Вечером Зарецкого вызвали на первый допрос.

Следователь ЧК, уставший, измотанный человек, прочитал ему доклад Чебурнова и протокол ареста на дороге. Из обвинения явствовало, что хорунжий Зарецкий является участником одной из белых банд, действующих в горах.

— Признаете себя виновным?

— Чушь! — коротко отрезал Зарецкий. — Рукой Чебурнова водила личная неприязнь, желание мести. Присмотритесь к нему. Он агент и подручный Улагая.

— Даже так? — Следователь устало улыбнулся. — Не хватает еще, чтобы в ЧК служили люди Улагая. Вы что-то уж очень замахнулись.

— Позвольте, я объясню, — начал было Зарецкий, но следователь выставил перед собой ладонь.

— Очень коротко. Прошу понять: я не решаю ваших судеб. Мое дело рассортировать арестованных. Значит, не признаетесь?

— Никогда и ни при каких обстоятельствах, — горячо начал Зарецкий. И минут десять говорил о себе, а следователь слушал все более заинтересованно.

— Ладно, — сказал он. — Отправим вас повыше, там разберутся.

Едва ли не в тот самый день, когда псебайцы из дома в дом передавали слух об аресте молодого Зарецкого, а на Кишу и

Умпырь помчались связные, Данута кое-как успокоила стариков и поехала в Лабинскую, — да, как раз в тот день из купеческого лабаза вывели человек тридцать, окружили конвоем и повели пешим ходом по дороге на Чамлыкскую. Значит, в Армавир. Ничего хорошего большинству арестованных это не предвещало.

Напрасно Данута металась по Лабинской от одного военного к другому. Никто ничего не знал. Наконец, ей сказали, что Зарецкого увезли, но куда — неизвестно. Может быть, в Пятигорск, а может, в Екатеринодар. Она поняла, что для спасения мужа нужно прежде всего отыскать Кухаревича.

И помчалась в Екатеринодар. Теперь он назывался Краснодаром.

А Зарецкий прижился в Армавире. Дело его где-то застряло, о нем самом забыли. Вокруг происходила суетливая, непонятная деятельность, арестованные приходили, уходили, менялись, время шло, и жизнь шла, в ней продолжала теплиться только надежда.

Данута искала Кухаревича в Краснодаре, где хаос, разруха, учиненные бегством белых, наступлением Красной Армии, затаившимся офицерским подпольем, — вся эта зыбкая картина была на виду, на улицах и в каждом доме. Шли повальные обыски, по ночам стреляли, одни скрывались, другие пытались устроиться, третьи налаживали снабжение и работу новых учреждений. Ей называли членов Кубанского ревкома, но пробиться к ним с таким делом просто не представлялось возможным. Где Катя и Саша — никто толком не знал, пока случай не свел ее с медиками из бывшей Черноморской армии Казанского.

— Простите, вы о Екатерине Кухаревич? Так она с мужем в Геленджике, — сказали ей. — Сам он очень болен. Что-то с сердцем. Жена не без основания опасается...

Поездка в Геленджик... Вспоминая потом об этих днях, Данута содрогалась. Она не помнит, как попала в Новороссийск, где только что кончились бои, дымились сгоревшие дома и суда в порту, а на улицах еще не вылиняла черная кровь. Сколько раз ее останавливали, требовали документы, водили в какие-то комендатуры, приказывали покинуть город! Но Данута проявила волю. Она пешком отправилась в Геленджик. На ее счастье подвернулся попутный обоз с ранеными, Данута взялась помогать как сиделка и добралась, наконец, до места.

Никаких больниц в поселке не было, Данута просто ходила из дома в дом, пока, наконец, во дворе большой дачи на Толстом мысе не увидела Катю, склонившуюся над корытом с бельем. Успела крикнуть:

— Катя!..

И свалилась на каменистую землю.

Ее подняли, уложили в тень, напоили сладким чаем. Еще не поднявшись, то и дело вытирая обильные слезы, Данута поведала о своей горе.

— За что арестовали? — осторожно спросила Катя. — И главное, кто арестовал?

— Не знаю. Его случайно увидел среди арестованных один знакомый человек в Лабинской.

— Лежи, — приказала Катя. — Я сейчас.

Она вошла в дом, побывала там немного и вернулась с лицом строгим и тревожным.

— Ты можешь сама рассказать Саше? Он хочет услышать от тебя.

Данута едва узнала Сашу в этом источенном хворью человеке с лицом прозрачно-белым и страдальческим.

— Здравствуй, — просто сказал он. — И говори все, что ты знаешь. Обстоятельства, место, фамилии.

Она рассказала то немногое, что было известно ей. И о последнем прощании с Андреем.

— До Киши он, видимо, не досхал?

— Нет. Иначе оттуда сообщили бы.

— Значит, его взяли на дороге? Взяли, разумеется, как бело-зеленого, как офицера. Это опасно, Данута. Где он теперь?..

В тот же день Данута выехала на старом катерке с двумя военными в Новороссийск. Катя, провожая ее, шепнула:

— У Саши три сердечных приступа за последние две недели. Я очень боюсь... И все же надеюсь на лучшее. Торопись, милая. И для тебя дорог каждый час.

Теперь Данута знала, куда обращаться. У нее были письма. До Краснодара удалось доехать поездом за одну ночь. Утром ее принял председатель Северо-Кавказского ЧК и, выслушав, приказал разыскать в местах заключения А. М. Зарецкого. Неожиданно спросил:

— Улагая не знаете?

— Знаю. — Данута даже покраснела. — Старшего брата встречала в Петербурге. Другого, есаула Керима Улагая, знаю лучше. Когда-то он предлагал мне стать его женой. А я выбрала Зарецкого. Студента Зарецкого.

— Ну, и?..

— Не ошиблась. Была счастлива. До этого страшного дня...

— Вероятно, они враги — ваш муж и Улагай?

Она кивнула и закусила губы, чтобы не расплакаться.

— Этим делом займемся немедленно. Ждите извещения. Поиск будет проходить несколько дней. Не забудьте оставить свой адрес в приемной.

А тем временем Зарецкий трясся в зарешеченном товарном

вагоне по пути в Краснодар. Распоряжение из Северо-Кавказского ЧК не застало его в Армавире, но после очередного допроса его и так решили отправить в центр, поскольку выяснилось уж очень много противоречий. Да и личность Чебурнова все более вызывала сомнения у чекистов. Опасность отступала от Андрея Михайловича.

В один из летних — уже июньских или июльских — дней арестованного Зарецкого вызвали из Краснодарской тюрьмы на допрос.

Андрея Михайловича провели по пустынным улицам, он долго сидел в узкой комнате, наблюдая в маленькое окошко летнее небо. Потом его повели наверх. Зарецкий вошел в небольшой кабинет, где над столом склонился черноголовый следователь. Не глядя, он сказал: «Садитесь», отпустил конвоира, а через минуту, еще не отрываясь от бумаг, произнес:

— А теперь займемся вами.

И глянул, наконец, в лицо арестанту. Густые брови его двинулись вверх, глаза удивленно округлились. Казалось, он лишился дара речи — так был удивлен. Сказал, подымаясь:

— Если вас побрить и постричь, да хорошенько накормить и одеть в егерскую форму, то вы станете моим знакомым по фамилии Зарецкий. Или мне изменила память?..

Следователь говорил с легким акцентом. Андрей Михайлович натянуто улыбнулся.

— А если вас немного омолодить, дать в руки револьвер и пачку свежих прокламаций, то вас нетрудно было бы назвать Суреном, тем самым связным, что приезжал в Гузерибль, к егерю Кухаревичу.

— Слушайте, так это вы? И в таком положении не потерять чувство юмора! Завидное самообладание. — Сурен белозубо засмеялся. — Давайте сюда, ближе. Ну, здравствуйте! И не будем терять времени. Рассказывайте.

Зарецкий говорил около часа. Впервые так подробно. Сурен, партийный друг Кати и Саши, которого он давным-давно застал на кордоне с пачкой прокламаций, слушал, не сводя с Андрея Михайловича глубоких, черных глаз. Потом вскочил, одернул гимнастерку.

— Подожди здесь, друг.

Отсутствовал он довольно долго. А вернулся не один — с Шапошниковым, который так и бросился к Андрею, прижал его, обессиленного, к себе. Губы у него дрожали. Голос плохо повиновался от волнения.

— Наконец-то нашелся, пропащая душа!

— Вы давно здесь? — спросил Зарецкий.

— Я отсюда не вылезая. Околачиваюсь по всем учреждениям.

— А Данута? Что с моими, где она?

— Данута тоже в городе. Она побывала у председателя ЧК. Вошли еще трое чекистов. Андрея очень долго расспрашивали, уточняли. В Лабинскую пошла шифровка: арестовать Семена Чебурнова, срочно препроводить в Краснодар.

Часа через два в приемной Сурена появилась Данута. Села в уголке, руки бросила на колени, как тогда, при последнем расставании, и уставилась на дверь. Вышел Сурен, пожал руку, сказал:

— Только спокойно, ладно?

Она не поняла, хотела что-то спросить, но тут из-за спины Сурена вышел Зарецкий — чисто выбритый, неузнаваемо худой, с горящими от возбуждения глазами.

— Андрей! — Данута сорвалась на крик: — Андрей, Андрюша!..

Данута не заметила ни Шапошникова, ни других людей. Все они тихо вышли из приемной. Пусть отведут душу, успокоятся.

Из здания ЧК шли уже втроем: Зарецкий с женой и Христофор Георгиевич. Постояли на тротуаре, поглядели на беломраморный собор, освещенный щедрым солнцем, и неторопливо двинулись на квартиру к знакомым, где остановилась Данута.

Здесь Шапошников посидел недолго. И рассказал только о главном, что произошло в городе и дома, ни разу не упомянув о зубрах. Но Зарецкий спросил:

— А в горах что? Зубры как?

— Пока я искал тебя, удалось прояснить и с заповедником. О тебе я все время твердил как о главном хранителе зубров. Кое-что стронулось в Майкопе. Я был там, еще не ведая твоей судьбы, считал, что ты на Кише. Крячко прискакал позже. Ты спросишь, при чем тут Майкоп? Теперь там ставка уполномоченного Реввоенсовета. Был обстоятельный разговор о положении на территории Охоты. Нас поддержали. Как же фамилия комиссара?.. — Христофор Георгиевич порылся в записной книжке. — Вот, Штейнгаузен, латыш или эстонец, не знаю. Он предложил составить проект и докладную о заповеднике, наложил резолюцию. С этим я и приехал в Краснодар. Но сперва заглянул в Псебай и там узнал о тебе. Пропал... Дануты уже нет, умчалась. Я следом. Она как-то сумела прорваться к самому председателю ЧК. Мне сказали, что меры приняты, остается ждать. А время дорого. Сейчас я иду в Кубанский ревком с нашим общим делом. Направили на согласование... Отдел народного образования не против. Но предлагает свои границы для заповедника. Лесной

отдел тоже не возражает, но границы дает свои. Спорам конца не видно. И это не пустяк. Речь идет о высокогорных лугах — где им быть.

— Кто в лесном отделе? — перебил Зарецкий.

— У меня где-то записано. Вот: Постников.

— Я его знаю. Умный человек.

— Он собирается в горы, чтобы лично посмотреть, что делается в заповеднике, и установить его границы.

— Вот это ни к чему. — Андрей нахмурился. — Без наших хлопцев ему нельзя туда ехать. Там такое... Наслушался предостаточно от соседей по тюрьме.

— Ну, это, как говорится, его личное дело. Предупредим, конечно. Так вот, я тем временем изготовил проект постановления и сдал в ревком. Обещали рассмотреть в самом срочном порядке. Сколько тебе оставаться здесь?

— Пока не привезут моего злодея.

— Тогда так. Я покину вас, пойду по этим самым делам. Забегу сказать о результатах. И домой. Надо твоих успокоить, самому прийти в себя, а дальше уже думать о горах. Главное, ты на свободе, камень с души... Можем действовать вместе. Будет заповедник!

Данута во время разговора сидела молча, уставившись в окно. Андрей с возрастающим беспокойством поглядывал на нее.

Шапошников решительно нахлобучил кожаную фуражку и ушел.

И только тогда Данута дала волю слезам. Все, что накопилось у нее на сердце за тревожные месяцы, вся боль за мужа, страшное пережитое, — все вылилось в нескончаемых рыданиях, почти в истерике. И Андрей, и напуганная хозяйка, как могли, успокаивали ее, уложили в постель, но Данута никак не могла справиться с нервным потрясением. Ей удалось уснуть лишь после того, как приняла большую дозу брома.

В тот день и в последующие дни она почти не вставала. Это была не быстротечная истерика, а серьезная нервная болезнь. Нашли доктора. Он прописал лекарства и покой. Андрей почти не отлучался от жены. Всякий раз, когда он выходил из спальни, Данута впадала в состояние, близкое к новому приступу, — так боялась за него.

Наконец, кризис миновал. По расчетам Зарецких, Христофор Георгиевич был уже в Псебае, успокоил родителей, Мишаньку.

Утром пришел Сурен и просто сказал:

— Пошли. Чебурнова привезли.

— Подождите, — Данута поднялась. — Я с вами.

Мужчины переглянулись. Сурен сказал было:

— Совсем вы напрасно...

Но, глянув на Андрея, умолк и сел на край стула.

— Не торопись... — Андрей говорил с женой спокойно и тихо, как говорят с ребенком.

Шли медленно. Лицо Дануты было сосредоточенно, даже угрюмо, губы решительно сжаты. Всю дорогу молчала.

Все так же молча поднялись на второй этаж. Сурен открыл дверь кабинета, сказал, пропуская Дануту:

— Прошу...

— Я подожду здесь. — Она оглядела приемную, где за столом сидел один военный, и уселась на стул в уголке. — Пожалуйста, вы с ним сами.

Сурен и Андрей опять переглянулись и закрыли за собой дверь. Минут через двадцать в коридоре застучали сапоги. Дверь распахнулась. Вошел конвоир. За ним Чебурнов, в солдатской рубахе без ремня, без фуражки. Сзади его подталкивал второй красноармеец.

Увидев шагнувшую к нему Дануту, Семен испугался лишь в первую секунду. И тут же овладел собой. Самоуверенно протянул:

— Скажи на милость! Госпожа офицерша...

Пощечину она нанесла с такой силой, что голова Чебурнова почти легла на плечо. И второй удар был не менее хлестким. Всю ненависть, все презрение к мерзавцу вложила в эти пощечины. За тем и пришла.

Конвоиры удержали ее, усадили. Выбежал Сурен, за ним Андрей. Данута старательно поправляла юбку, лишь бледность выдавала, что переживает она.

Семен хватал воздух открытым ртом.

— Ну, госпожа Зарецкая, это тебе запомнится...

Конвоиры втолкнули его в кабинет.

— Зачем ты?.. — укоризненно спрашивал Андрей. — Я понимаю, но тебе же нельзя волноваться!

— Ты ступай. Я подожду здесь. Все хорошо, не беспокойся... — с трудом произнесла она. — Я не волнуюсь. Напротив, совсем спокойна. Удо-влет-во-ре-на, — по слогам произнесла она.

Семен Чебурнов уже стоял в кабинете. На Зарецкого он глядел с вызовом. Нагловатое лицо его горело. Заработал...

— Чего не поздоровался, чекист? — громко спросил Сурен. — Или вы не знакомы?

— Непонятно мне, товарищ комиссар, как вот этот... — он кивнул в сторону Андрея. — Не ждал не ведал, что встрену. Пощадили, выходит, живым оставили их благородие? А пошто не шлепнули?

— Свидетель нужный, вот и не шлепнули. Много знает.

— Супротив кого же свидетель, позвольте спросить?

— Здесь вопросы задаю я, Чебурнов. Первый вопрос: где сегодня обретается твой хозяин полковник Улагай?

— У меня хозяев немає. Я сам себе хозяин. Что касаемо Улагая, знать не знаю и не хочу об ём говорить. Контра. Одна шайка-лавочка вот с этим.

— Но ты служил у этой контры? Сперва в Лабинской. Потом в Суворово-Черкесском. И на фронте. Так где же он сейчас?

— Не могу знать. Все мы служили их благородиям. Под нагайкой. А ноне наше время, мы сами подвиги делаем.

— Ну, твои подвиги, Чебурнов, у меня записаны. Вот один из них: в июне 1918 года ты вместе с Улагаем расстрелял в хуторе Шабановском семерых активистов Советской власти. Их фамилии...

О, как мгновенно изменился в лице Чебурнов! Ноги не удержали его, сел. Лоб покрылся крупными каплями пота. Давно забытое, считал.

— Далее.— Сурен посмотрел на него.— Во время поиска казацких сокровищ в Фанагорийской ты зарубил на глазах семьи красного казака Бережного. Свидетели живы, я их уже вызвал для опознания. И наконец, ты оклеветал Зарецкого. Ты боялся его. Он знал о твоей тесной связи с Улагаем. Так?

— Наговоры все. Вранье,— хрипло выговорил вконец раздавленный Чебурнов.— А ты... Не в последний раз встретились! — И с ненавистью глянул на Зарецкого.

Сурен кивнул конвоирам, и Семена увели.

— Каков? Тут у меня лишь немногое из того, что наделал этот мерзавец. Но он получит свое. А ретивый командир, что пошел на поводу у Чебурнова, разжалован и уволен из ЧК. Так легко поддаться на провокацию!..

Андрей Михайлович молчал. Сурен подошел к нему, обнял за плечи.

— Поезжайте-ка вы домой, Андрей Михайлович, и беритесь за свое благородное дело. Все в прошлом... Если будут осложнения, немедленно сообщите мне. Все, что я узнаю о Кате и Саше, тотчас передам вам. Слово друга!

Андрей пожал ему руку и шагнул к двери.

Через несколько дней Зарецкие уехали в Псебай.

Возле армавирского вокзала их встретил Шапошников.

— Звонил твой друг Сурен. Сказал, что вы поехали. Ну вот я... У меня отличный экипаж. Идемте. Так-то веселей, когда вместе.

В тележке Христофора Георгиевича под сеном лежали две винтовки. Одну он протянул Андрею:

— Узнаешь?

Это была старая винтовка Зарецкого.

— Между прочим, отыскиали и Куницу. Она стоит у вас в конюшне. А вот новость не очень приятная: Семка сбежал...

— Чебурнэв?! — Андрей Михайлович даже отшатнулся.

— В местном ЧК только что депешу получили. Его вели ночью с очередного допроса на Дубинку. У карасунского перехода изловчился ударить конвоира, выхватил винтовку и заколол другого. Бежал в парк, оттуда к реке, переплыл Кубань, ну а дальше — ищи-свищи. Лес!

Данута презрительно сощурилась. Андрей промолчал. Понял, почему Шапошников прихватил с собой винтовки.

— Ладно, — сказал он как можно спокойнее. — Нам к неожиданностям не привыкать. Что с нашими делами по заповеднику?

— Кажется, удалось. Есть постановление ревкома. — И победно посмотрел на Зарецкого.

— А Постников?

— Скоро приедет к нам. Так сказал при встрече, когда я отговаривал его от этой поездки. Куда там!..

6

Здесь нам нужно привести несколько строчек, которые Андрей Михайлович написал, видимо, в первые дни по возвращении домой. Конечно, он сразу же встретился со своими друзьями по охране зубров — Телеусовым, Кожевниковым и другими. Они рассказали не только о зубрах, но и о положении на Кубани.

Гражданская война подходила к концу, белые войска оставались лишь в Крыму.

Но зато на Кавказе контрреволюция не утихала. И в предгорьях, и в степной Кубани, где генералы терпели полное поражение в открытом бою, началась борьба тайная, еще более жестокая и изуверская. Об этой войне Зарецкий довольно скупо рассказал в своей синей тетради, отметив только самые важные события, так или иначе связанные с судьбой заповедника и зубров в нем.

Вот одна из таких важных записей, которая одновременно свидетельствует об упадке духа у всегда боевого и решительного человека.

«Зубров удалось насчитать всего шестьдесят шесть голов. Пусть не все попали на глаза егерям. Но так мало!.. У нас осталось лишь два стада, которые бродят теперь между Кишей и Лабёнком. Именно бродят. Они не в силах остановиться подольше на излюбленном пастбище. Повсюду их стерегут винтовки. Они в осаде. И нам очень трудно сберечь это сокровище природы.

Тяжелая зима унесла весь молодняк. Он погиб от бескормицы, переходов по глубокому снегу, через коварные реки и перевалы. А весной в горы нахлынули вооруженные браконьеры из голодных станиц. Более того, леса на Урупке и Большой Лабе оказались под контролем бело-зеленых банд. Зубров там уже нет. И хода туда для нас нет. Шкуро, Улагай и Козликин владеют заповедными местами к востоку от Псебая.

Итак, в центре намеченного заповедника осталось только шестьдесят шесть зубров. Убережем ли?!»

Теперь о событиях конца двадцатого года и далее.

Прежде всего о Зарецком.

Сказать, что он, вернувшись к семье, остался таким же, каким был в драматический день отъезда на Кишу, значило бы сказать неправду.

Последующие события сильно повлияли на него.

Андрей Михайлович поразил домашних своей сосредоточенной молчаливостью, чрезмерной сдержанностью. Он мог и час и два сидеть, слушать милую болтовню сына и не вымолвить ни слова. На вопросы Мишаньки не отвечал, лишь поглаживал его по мягким русым волосам или осторожно касался губами лба, щеки и задумчиво, еле заметно улыбался. В такие минуты глаза его влажнели. Свидетельница подобных сцен бабушка Софья Павловна тихо уходила, прижимая платок к глазам.

Андрей Михайлович недобро сводил брови, если его просили рассказать о подробностях. Он старался уйти от любопытных, всякое многословие его раздражало. Полюбил одиночество. Данута, не сводившая с него глаз, однажды видела, как он остановился у старого дуба, осторожно погладил его корявую кору и прижался щекой к теплomu стволу. Так и стоял, греясь у вечного дерева. Походив по лесу за огородом, возвращался и молча брался за топор, рубанок, поправляя изгородь, сарай — все обстоятельно, с мужицкой неторопливостью и с неотвязной какой-то думой.

Просыпаясь ночью, Данута могла увидеть его лежащим с открытыми глазами, устремленными в пустоту.

И Шапошников, и Телеусов, частенько навещавшие Псебай, своими рассказами лишь на короткое время выводили Зарецкого из угрюмой замкнутости. Он задавал два-три вопроса, но не загорался, как прежде, не сопереживал. Лишь редко и глубоко вздыхал.

Шел ему тогда тридцать четвертый год. Время наибольшего расцвета личности.

Впервые он вышел из этого состояния, когда на псебайской

улице встретил жену Семки Чебуурнова. Возле нее семенила пятилетняя дочка.

Крупная, растолстевшая женщина сжала губы и церемонно поклонилась. Зарецкий остановился. Все вспомнилось...

— И деж это мово хозяина подевали?.. — плачущим голосом завела было Чебуурнова, но, глянув на егеря, осеклась. Он смотрел на девочку, та, открыв рот, на него — доверчиво и любопытно, синие глаза ее ждали добрых слов, ласки, игры.

— Как тебя зовут? — тихо спросил Андрей Михайлович.

— Ксю-уша, — протянула девочка. — А тебя?

Он ответно улыбнулся, просто и хорошо, как улыбаются друзьям. Готовая удариться в голос, Чебуурнова растерялась. Она собиралась обрушить на Зарецкого всю свою бабью злость, но эта добрая улыбка «вражины» погасила даже ее боевитость. Слезы потекли у нее по щекам. А он погладил девочку по голове и пошел дальше, не погасив своей улыбки. Вдруг что-то сдвинулось в его сердце, тяжесть свалилась. Миром правит добро, а не зло. Что общего у злодея Семена с этой ясноглазой девочкой? Ей принадлежит будущее!

В тот день старший Зарецкий спросил Андрея:

— Как жить думаешь, сынок?

— Как и прежде, — спокойно ответил он. — В горы поеду, к своим зверям, если они еще остались.

— Ну и добро. И хорошо, с товарищами-друзьями. А то ведь они без тебя растерялись. Думают, бросил ты общее дело.

— Знаешь, папа, — сказал Андрей раздумчиво, — я все размышлял, где мера подлости и зла, где их предел? И вдруг понял: нет у зла корней. Зло — как заразиха в поле. Отсеки ее, и поля очистятся. Только добро вечно, а зло лишь на время приходит и уходит. Словно змеи в сыром лесу.

— Слава всевышнему! — Отец поднял глаза к небу. — Ты становишься прежним человеком, сынок. Мы так боялись...

За вечерним чаем Андрей Михайлович разговаривал охотно, даже шутил. Данута, враз помолодевшая, с пылающими щеками, тормошила его и Мишаньку, смеялась. Всем было хорошо. Впервые в этом году счастье осветило дом, в котором побывала беда.

Через неделю в Псебай приехал лесничий Постников с группой специалистов и большой охраной, которую возглавлял Сурен.

Пожимая руку Андрею, он сказал:

— А я, как видите, напросился в экспедицию. Соскучился по родным горам. Катя и Саша просили передать сердечный привет. Весной обещали быть у вас.

— Рады дорогим гостям.

— Не гостями приедут, Андрей Михайлович. Они получили назначение в ревком. На постоянную работу в Майкоп.

— О-о! Тем лучше. Власть на местах. Рассказывайте, как они, что? Что вообще в мире?

— Война,— коротко сказал Постников.

— Как война? — Андрей насторожился.— Или до нас не доходят вести? — И посмотрел на отца: уж он-то должен быть в курсе таких событий.

— Маленькая хитрость,— смущенно сказал Михаил Николаевич.— Ты не обижайся, Андрей. Мы просто оберегали тебя, чтобы не волновать. Ну-с, а теперь, когда наши друзья проговорились...

Постников серьезно, даже строго сказал:

— Улагай вторгся на Кубань. Не ваш знакомый полковник, а генерал Сергей Улагай, его брат. Отряды высадились в нескольких местах на Азовском побережье и пошли по станицам Кубани в сторону Краснодара. И сразу же активизировались банды по Большой Лабе и Пшише, кое-где в степях Кубани. Но к городу белые не прорвались. Десант разбит и отброшен за Керченский пролив. Однако война с подпольем продолжается. И не только в лесу. Против нас еще голод, разруха.

— Как же вы приехали, чтобы идти в лес? Такая опасность!

— Как видите, с охраной. Дело заповедования не ждет. Одни вы мало что сделаете. По нашим сведениям, в черте будущего заповедника бело-зеленых, кажется, нет.

— Вы всерьез говорите о заповеднике? — Андрей Михайлович сидел напряженно, на лице его возникла некоторая растерянность.— В такое время...

— Еще как верю! — весело воскликнул Постников.— Да будет вам известно, дорогой коллега, что Астраханский ревком в прошлом году обратился к Владимиру Ильичу Ленину с просьбой законодательно утвердить местный декрет о заповеднике в дельте Волги. В апреле минувшего года Ленин подписал декрет. А совсем недавно, в мае месяце, учрежден заповедник на Урале. Я надеюсь, что к концу года Кубано-Черноморский ревком вынесет окончательное постановление о Кавказском заповеднике. Проект Шапошникова удовлетворил все стороны. Молодчина Христофор Георгиевич! И вас надо отметить: вон сколько зверей сохранили! Даже зубры есть! Теперь попробуем определить границы заповедника. Нанесем на карту, остолбим, чтобы ни у кого не осталось сомнения: здесь запретная зона.

— Так за чем же дело стало, друзья! — воскликнул Зарецкий.— Ехать так ехать! И погода подходящая. А мы хоть сейчас.

— Хорошо сказано! — Постников с готовностью поднялся. — Намечайте маршрут. И в путь-дорогу.

Зарецкий прижал руки к груди.

— Я так ждал этого часа!

И вот снова страницы из синей тетради. Почерк Зарецкого, все более твердый и уверенный, хотя события драматичны не менее, чем несколько месяцев назад.

З а п и с ь ш е с т а я

Гибель Постникова. Исчезновение Задорова. Мы наблюдаем жизнь зубров. Бой в Умпырской долине. Постановление о заповеднике. Сложности с охраной. Снова вместе с Сашей и Катей Кухаревичами

1

Самой трудной, даже спорной оставалась восточная граница бывшей великокняжеской Охоты. Ближние станицы по Большой Лабе постоянно оспаривали право на этот заповедный, богатый зверем участок.

Именно сюда и выехала экспедиция.

Как это случилось, сказать трудно, но слух опередил наш приезд. Первое столкновение произошло на стихийном сходе казаков из Преградной. Они хмуро выслушали начальника лесного отдела, потом стали кричать, что земля по Урупу и Лабе издавна принадлежит казакам, что заповедник — это грабительство. Убедить их в необходимости сохранить зверя и всю природу никак не удавалось. Мне просто не дали говорить. Сошлись на том, что надо разделить леса и горы к обоюдной выгоде. Казаки неохотно выбрали своих представителей для поездки с экспедицией, но расходились с обидой в сердце.

Разделили отряд на две группы. Постников с частью охраны и пятью станичниками пошел к верховьям Зеленчука. Мы с Телеусовым и Задоровым и тоже с пятью казаками направились на северо-запад. Станичники и в походе не переставали говорить о своем праве на луга по Урупу и Лабе, где у нас всегда обитало большое стадо зубров.

Первый день прошел спокойно. Лишь в сумерках сквозь редколесье Алексей Власович углядел в бинокль каких-то всадников. За ними погнались было Задоров и три красноармейца, но те живо скрылись. Станичники перешептывались. А утром, сославшись на домашние дела, уехали. Один из них перед отъездом шепнул Задорову: «Поостерегайтесь, тут по лесу бродят...»

Ночью мы спали в стороне от костров, выставили дежурных.

Перед рассветом сверху хлопнул одиночный выстрел, пуля подняла искры и пепел в костре. Тем и кончилось.

Нам удалось наметить на карте старую границу и в натуре пройти по ней. Закончив работу, поехали на верхний Уруц, чтобы сойтись с группой Постникова.

Отыскивали своих удачно. Они стояли на биваке. Шел спор с казаками из-за границы по южной части, где всегда паслись зубры и были очень хорошие луга. Власть поругавшись, станичники вскочили на коней и уехали. Плохо.

Экспедиция осталась в глухом и диком районе. Тропы мы здесь знавали не хуже местных пастухов.

— Чужие не тревожили? — спросил я у Сурена.

— Нет. А вас?

— Пробовали напугать.

— Не на пугливых напали, верно? — Он весело улыбался.

Отряд повел Телеусов, знаток лесных троп. За двумя хребтами лежала Умпырская долина. Повернули западнее, чтобы пройти по старой границе. Обнаруживали редкие каменные столбы или высоко спиленные деревья с затесами на пнях.

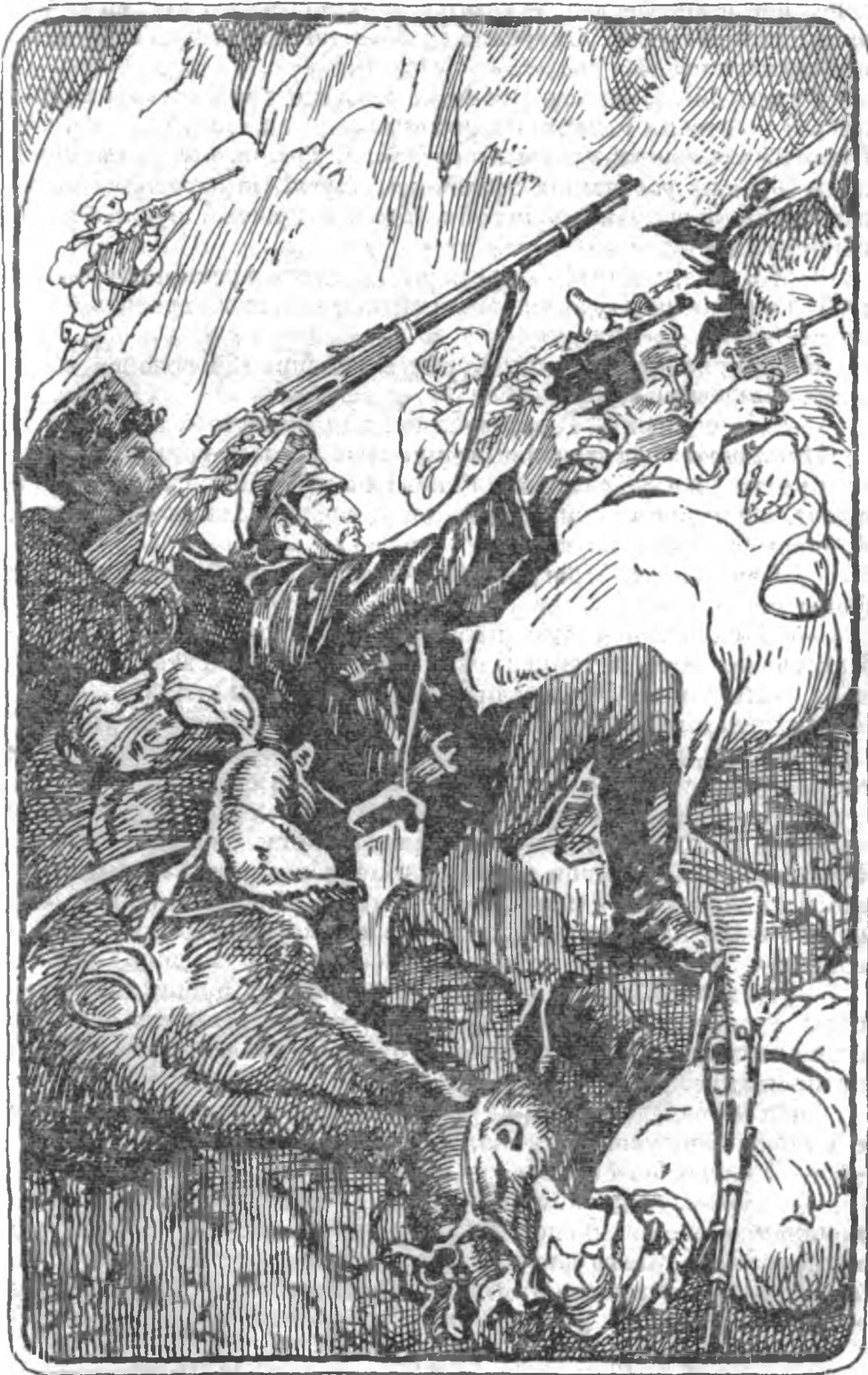
— Просеку надо, — говорил Постников, сверяясь с картой. — Иначе граница не вызовет уважения. А что южная сторона, Андрей Михайлович? Где там граница?

Я сказал, что Главный Кавказ, перевал — естественный рубеж. Зубры редко выходят на южные склоны. Там другой климат, непривычная для них растительность.

Постников с уважением смотрел на чернозубые скалы в снегу. Здесь он был впервые. Горы казались ему полными тайн.

Отряд цепочкой следовал вдоль некрутого склона. Сурен подравнялся к Постникову и что-то со смехом рассказывал ему. Эта минута запомнилась мне, потому что все страшное произошло сразу же после того, как я оглянулся.

Постников вдруг стал неловко клониться к лошадиной гриве, лицо его странно бледнело. И лишь секундой позже донесся звук выстрелов. Пули достали цель прежде звука. Стреляли сбоку и сверху сразу из многих винтовок, целясь по нашему скученному центру. Сурен почти упал с седла и, перекатившись, ухватился за ногу. Лошадь его билась в агонии. Через мгновение все были на земле, за укрытиями. Началась ответная стрельба. Два красноармейца освободили Постникова из стремян, положили на жесткую щебенку. Недвижно лежали два бойца. Еще двое стонали, раненные. Телеусов шептал что-то неслышное и не сводил глаз с камней, где укрывалась засада. Винтовка его лежала на руке. Вот он уловил мгновение, приложился и выстрелил. Из-за скалы поднялась и упала черная — на фоне неба — фигура.

Еще одна в предсмертном прыжке показалась и исчезла. Сурен сидя бил из маузера. Я стрелял с упора, посылая пулю за пулей в невидимого врага.

Вдруг бой оборвался. Все стихло. Банда снялась. Мы поднялись и побежали наверх, достигли засады немного раньше, чем бандиты успели укрыться в березняке. Теперь роли переменились. Трое из убежавших остались на лугу. Из березняка опять загремело. Продолжать погоню через открытый луг означало верную смерть.

— Ко мне, ребята! — крикнул Телеусов красноармейцам и пошел с ними левее, за крупные скалы, чтобы обстрелять банду на отходе.

Я вернулся поникший. Сурен с непокрытой головой сидел возле Постникова.

— Что с ним? — Я наклонился над лесничим.

Постников был мертв. Две пулевые раны в груди.

Сурена уже перевязали. У него было ранение в бедро, навывлет. Он сидел боком, крепко сжав зубы. Боль невыносимая. А впереди дорога по горам...

— Вернемся в Преградную, — сказал я. — Это ближе. Там фельдшер.

— И банда... — Сурен процедил это слово сквозь зубы. — Какого человека потеряли! — И в отчаянии схватился за голову. — Ведь предупреждали его. Не послушал!..

Вернулся из погони Телеусов с охраной. Носилки мы уже приготовили, на них уложили Сурена. Наскоро сделали плетенки для убитых. Двое раненых держались в седлах.

Печальный караван только к ночи выехал на дорогу, а часа через три прибыл в станицу. Дома стояли словно нежилые. Утром подводы повезли раненых и погибших в далекий Невинномысск. По настоянию Сурена с ними уехал и Задоров: ему нужно было как-то определиться в сложных событиях тайной войны. Сурен обещал помочь.

— Андрей Михайлович, прошу вас, очень прошу не рисковать! Помните, что на вас огромная ответственность за будущий заповедник, за сохранение зубров... — вот что сказал Сурен на прощание.

Наш поредевший отряд возвращался через Ахметовскую в Псебай. Телеусов вздыхал, хмурился, помалкивал.

— Убитых не опознал? — спросил я его.

— Чужие, Андрей. Лица гладкие, одеты добре. Офицерская дружина. Опасно знаешь что? Умпырь рядом. Как бы они туда не проникли. Место для них больно подходящее. Жилье и все такое. А у нас никого там нету. Одни зубры, которых совсем мало.

В эти дни мы особенно ясно поняли, что бело-зеленые, закрепившись в горах, не только угроза нашим жизням, но еще большая угроза заповедному зверю. Просить ревком послать воинские части? В горах один человек с винтовкой уложит роту. У тех же Балканов. Опасная, изнурительная война!

Вчера Сурен рассказывал мне о широко разветвленной организации, которую создал Керим Улагай на Кубани. Каждый отряд имел свой район действий. Все было готово для широкого восстания, если десант старшего Улагая и поход Врангеля на Ростов завершатся успешно. Поход и десант сорвались. И тогда отряды белых пошли в горы. Керим Улагай стоит где-то в районе Ильской. На Большой Лабе действует полковник Ковалев, у Баталпашинска — другой полковник, Козликин. Генерал Шкуро обитает возле станицы Сторожевая. В горах укрывается и генерал Хвостиков.

Гибель Постникова, горячего сторонника Кавказского заповедника, несомненно, задержит создание заповедника. Кто теперь поддержит нас? Одна надежда на энтузиазм Христофора Георгиевича.

Он встретил меня в Псебае. Прямо на улице выслушал мой рассказ, разволновался, бросал суровые взгляды, словно я был в чем-то виноват. И тут же объявил, что едет в Краснодар. Я ничего не ответил. Слишком сильное потрясение пришлось пережить: Постников стоял перед глазами.

Дануте и родителям я не сказал о жертвах, просто сообщил, что экспедиция не удалась. Лежал среди ночи с открытыми глазами. Данута вдруг заплакала. Прошептала:

— И Постников?

— Да. Он первый.

Через день я уехал на Кишу.

2

Там в одиночестве трудился Василий Васильевич.

Меня он встретил вопросом:

— Бориса где потерял?

— А он не вернулся? — Я думал увидеть его здесь и теперь испугался уже за него.

Кожевников выслушал мой рассказ, когда мы сидели за чаем. Не дотронулся до кружки, не шелохнулся. Потом выругался, бросил в сердцах:

— Тоже додумались, ехать в Преградную, к черту на рога! И Бориса услать в Невинку! А зачем услали?

— Хлопец без документов. Наскочит летучий отряд чекистов и... Надо ему обрести право: паспорт или что там. Сурен

обещал помочь. Вернется, заживет спокойно. А то вдруг так же будет, как со мной...

Утром мы поехали вверх от кордона.

Стояла поздняя осень, удивительно мягкая и чистая. Клены пожелтели, не спеша оголялись березы. В дубравах все время тихо стучало и шелестело: падали спелые желуди. Ветер забыл горы или обегал их стороной, часам к десяти пригревало, и если не накатывались облака, то становилось жарко почти по-летнему. Редкая, благодатная осень напоминала о себе только холодными, росистыми ночами да ленивым туманом по ущельям. В таком воздухе звонко слышался бег ручьев, кашель лисицы, гул далекой осыпи, крик сойки. Желто-коричневые и красные леса, черный пихтарник на скалах гляделись как нарисованные.

Зубры в эти дни кормились по дубравам и в речных долинках, где еще зеленела сочная трава. Видеть их удавалось издали в бинокль, подойти ближе мешал шуршащий сухой лист, обильно устилавший землю и камни. Стада были мельче, чем до войны, ходили семьями — бык, зубрица, два-три подростка. Чутьем они обладали отменным, все время настороженно принюхивались. Посчитать их не удалось.

— Пойдем, зрелище тебе покажу, — сказал как-то Кожевников.

Он повел меня по крутому боку горы, заросшему грабами и дубами, нашел место и, проверив ветер, улегся на мшистый камень, приглашая взглядом устраиваться поблизости. Показал в проем между деревьями:

— Видишь черноту? То чесальная горка зубриная. Скоро придут.

К месту «сухой бани» подходила тропа, звери трамбовали ее по сухой погоде, и, видно, не первое лето. Не прошло и часа, как внизу замелькали массивные тела. Семья шла тихо, даже сухим листом не шуршали. Увидев горку, ускорили шаг.

...Большой черно-коричневый бык высунулся из-за ствола толстого дуба, стоявшего на возвышении, спустил передние ноги по крутосклону и, шумно повздыхав, словно человек перед прыжком в воду, повалился на бок, потом на спину и юзом пополз вниз, взбрыкивая в воздухе ногами. В конце крутой горки еще раз перевалился, полежал, послушал лес и шустро, игриво помчался на горку, чтобы повторить маневр. Остальные стояли, смотрели. Второй раз бык прополз животом, смешно вытянув ноги вперед и назад. Потом катался боками, снова хребтиной, отряхивался, раскидывая в стороны сыпучий песок, и получал от всего этого огромное удовольствие.

Едва бык отошел в сторону, как на горку полезли оба годка. Стукаясь боками, они почти рядом поползли вниз. Игра

продолжалась долго и в полном молчании. Не сдержалась и зубрица, тоже проехала в свое удовольствие. Катались до темна, потом ушли на луг.

— Как детишки, — сказал Василий Васильевич, подымаясь и разминая затекшую спину. — Может, и нам с тобой скатиться?

— Пыли много. Мы баню устроим.

— Всякой твари свое, — согласился Кожевников. — Медведи, к примеру, купаются. Холодно, жарко — все в речку. Волки в снегу катаются, шерсть моют. А туры сквозь колючие кусты продираются, бока чешут.

Мы вернулись на кордон с думой о Задорове. Ждем не дождемся.

Подъехал Телеусов. И тоже прежде всего спросил о Борисе. Спать ложились молчком.

Утром Алексей Власович мялся, мялся и вдруг предложил:

— Надоть Умпырь проведать. Пока погода. Как вы, мужики?

В самом деле, если не сейчас, то когда же? Опасно? Э-э, где наша не пропадала!

Переход прошел без помех. Более всего мы боялись непогоды, тут случались метели и в августе. Но распрекрасная осень будто хотела помочь нам. На третий день мы вышли к долине. Она красивым разноцветьем лежала внизу, как корзинка, полная осенних цветов.

Полчаса езды, и вот он, дом. Но мы имели достаточно оснований опасаться незваных гостей. Стали высматривать с горки и обнаружили жиденький дымок над кордоном. Кто? Возвращаться не собирались. Уж если пришли, то дело делать.

Стало темнеть. Коней спутали и перегнали на укрытую поляну. Спустились. Нашли старый брод в обмелевшем Лабёнке, разделись, перебрались на ту сторону. Пала тихая ночь.

Кралась к своему кордону, как к вражескому окопу. На опушке леса, где начинались огород и луга, слышали фырканье коней. Телеусов пошел глянуть. Вернулся и зашептал:

— Сорок два. Цельная полусотня. Во наехало!..

Окна в доме желто светились. Кто-то вышел, вполголоса запел про «черную шаль», сгреб в поленнице охапку дров и вернулся в дом. По-хозяйски, видать, устроились. Что за отряд? Шкуро, Козликин? И как их отсюда выкурить? Привести отряд из Лабинской нет времени, зима — вот она. Белые могли перекрыть караулом Балканы и жить в полной безопасности. Из долины одна дорога: та, по которой пришли мы, не в счет.

Что тогда станет с умпырскими зубрами?..

— Бог простит, — тихо сказал вдруг Телеусов. — Сам построил, сам и спалю. Со всеми этими... Только бы керосин остался в сарае. Был у меня жбанчик тама.

Из дому выходили люди, говорили громко, смеялись: «Вы где, Федор Гаврилович?», «Какая чернильная ночь, господа!», «Дров нам довольно?» Обычные разговоры спокойных людей перед сном.

Еще раз открылась дверь, вышли три человека с винтовками и зашагали по дороге на Балканы. Дозор. Перекрывают перевал.

Кожевников пошел ловить чужих лошадей. Решил увести подальше если не всех, то часть табуна, чтобы не сразу всадники в погоню пошли. Мы с Телеусовым ощупью собирали сухой хворост в лесу.

Вскоре на кордоне все затихло. Часовых не выставили. Лампы погасли. Алексей Власович прокрался в сарай, где знал каждую полочку. Нашел жбан с керосином, в нем плескалось. Посудину он поставил у крыльца.

Подождали Кожевникова. Он пришел запыхавшийся.

— Всех увел. Они дружка за дружкой сами потянулись. Не скоро отыщут; укрыл в ольховнике у реки, где самая чащоба.

Дверь мы подперли хорошим поленом. Принесли и свалили хворост, облили керосином.

— Отходите, — прошептал Телеусов. — Дверь и окна на мушку...

Как мы забыли, что дозор на Балканах должен меняться! Прямо из памяти вон! Эта забывчивость чуть не сорвала задуманное. Кожевников только отошел от крыльца, как нос к носу столкнулся с тремя вооруженными людьми.

— Кто? — подозрительно спросил передний и потянулся к Василию Васильевичу. Кулак егеря молотом опустился на его голову. Бандит рухнул, Кожевников сбил с ног двух оставшихся.

Телеусов как раз чиркнул спичкой, пламя побежало по куче хвороста, крыльцо осветилось, кто-то из сбитых успел выстрелить, я тоже выстрелил в темноту. И началось!..

Мы бросились в спасительную темень. Крыльцо горело. Дозорные слали вслед нам пулю за пулей. В доме стучали, рвали подпертую дверь. Зазвенели стекла, из окон прыгали в исподнем, но с винтовками, револьверами, палили кто во что горазд. Ну, и мы не стояли молча, тем более что огонь освещал чужаков.

Пришлось уходить. Погони не было: белые боялись засады. Но пожар они потушили. Над долиной взвились две ракеты: дали знать дозору, чтобы смотрел в оба.

А мы уже шли знакомой тропой к броду и ругали себя на чем свет стоит. Такая операция сорвалась! Могли всю банду обезвредить...

С горы над Умпырем не ушли и утром. Наблюдали за

кордоном. Там царило возбуждение. Хватились лошадей. Группами по пять-шесть человек прочесывали лес, ходили вдоль реки. Лишь после полудня крики возвестили, что табун обнаружен.

Часа через три, к великому нашему удовольствию, отряд белых числом более двадцати, да столько же вьючных коней потянулись вверх по Лабёнку, откуда, наверное, и пришли. Скаatteredь дорога!

Вот так даже неудача обернулась победой. Зубровые уголья и сами звери на время остались в покое. А впереди зима.

— Ну что, назад, братья? — спросил Телеусов.

Он еще утром с опаской поглядывал на небо. Голубизна над горами как-то поблекла, небо затянуло вуалькой. Ощущался свежий ветер именно с той стороны, куда нам идти добрых три дня.

— А не лучше ли через Балканы? — сказал Кожевников. — Там все ж таки караулка на Черноречье и за ней имеется жильё. Потом дорога на Псебай. А тут ну-ко застигнет буря — куда свернешь? Хотя, с другой стороны, на Балканах можно встренуть белых.

И все же мы решили идти через Балканы.

Уже не таясь подъехали к кордону. Из-под крыльца метнулась лисица. Спешились, вошли в дом.

Боже мой, какой разор! Большая кирпичная печь — гордость Алексея Власовича — развалена до подпечья. Рамы и стекла выбиты. На полу нагажено, двери сорваны. Вот на что белые обратили свою злобу!

— Ладно, поправим. — Телеусов огладил мушкетерскую бородку. — Лишь бы не возвернулись. Ну, а ноне нам некогда. В дорогу!..

К перевалу подходили опасно, с оглядкой на каждый камень. Миновали еще тлеющий костер, повеселели. Значит, дозорные ушли со всеми. Далее повели уставших коней в поводу, все круче и круче, а поднявшись, увидели сверху, как хмара затянула полнеба.

Короткую остановку, как всегда, сделали у висячего моста. И пошли дальше.

Тропа вилась у самой воды. Мы торопились, иной раз переходили на рысь. До вечера, миновав шалаши на Третьей роте, подошли к чернореченской караулке. И стали как вкопанные: из железной трубы шел дым, но не вверх, а пластался над крышей, как бывает перед ненастьем.

Укрылись, нацелили бинокли, ждем. В серых сумерках появился человек, потянулся. Мы вздохнули свободней.

— Эй, бродяга! — крикнул Телеусов.

Того как ветром сдуло. И тут же выскочил с винтовкой, за ним еще один, пали на лужок за камни.

— Сашка! — крикнул Кожевников. — Не играй с оружием, свои! — И поднялся во весь рост, бородищу выставил.

Никотины вскочили и бегом к нам. Хорошая встреча!

Они тоже шли в Псебай. Увидели зиму издали, снялись с места, где провели лето, и с тремя навьюченными конями успели спуститься по Уруштену.

— Что у вас на западе? — спросил я. — Чужие не бродят!

— Два раза пугнули каких-то, хоть их и много было. Залпом в небо, чтобы грому побольше. Убрались.

— А зубры?

— На западной стороне Бамбака видели, но это кишинские. У Белой двух наблюдали. И все.

Каждый из нас понимал, что западного стада уже могло и не быть. Сколько стрельбы на Белой! И красные партизаны, и улагаевцы, и бродячие разные с оружием. Не место для дикого зверя.

Ночью над караулкой выло, кони под навесом беспокоились, стучали копытами. К утру усилился шквалистый ветер. Когда мы выезжали, пошел дождь.

К лесопильне подъезжали в снежном смерче. Колочая белая пыль залпами подхлестывала коней. Небо опустилось. Мы шли кучно, чтобы не потеряться. Выглядели как белые призраки: одежду, конские спины залепило ледяной крупкой. Панцирь не стаивал.

3

Смотрю из окна родительского дома на улицу, вижу, как сползают с крыши хвосты снега, как вьется у забора морозная поземка, и с запоздалым страхом вспоминаю последние часы нашего похода.

Все вокруг закутано снегом: станица, лес, горы. Полно снега и в самом воздухе. Метель не утихает уже неделю.

В доме тишина. Мама стряпает на кухне, отец читает, оставив книгу далеко от глаз. Данута и Мишанька в школе. Она по-прежнему ведет классы в княжеском охотничьем домике, признана Лабинским Советом, который даже платит ей жалованье. Я у жены на иждивении. Ведь мы давно служим бесплатно. Впрочем, это не служба. Это призвание, никуда от него не денешься. Призвание, а на душе горестно: зубров все меньше и меньше...

Тревожно и за Бориса Задорова: неужели пропал в войне?..

Письмо от Сурена ожидало меня дома. Он поправляется, уже

в Краснодаре и тоже спрашивал о Задорове. Оказывается, по дороге на Невинку Борису стало плохо, поднялась высокая температура, и его пришлось оставить в Отрадной: сыпной тиф. Сурен писал и в Отрадную, фельдшер ответил, что больного вместе с другими тифозными увезли в Армавир. Там следы терялись.

Шапошников задержался в Краснодаре. Что он там делает? После потери нашего друга Постникова трудно верить, что заповедник получит быстрое законодательное оформление.

Читаю газету «Красное знамя». В ней пишут о положении в станицах, о продрозверстке, о первых шагах Советов в восстановлении порядка. Тут и призыв к бело-зеленым сложить оружие и воспользоваться амнистией. Война в горах уже сильно беспокоит всю Кубань.

Слышу, хлопнула дверь, слышу веселый голос Дануты. Пришли из школы. Иду к ним.

А через час вдруг объявляется Христофор Георгиевич. Вошел с дороги весь белый, скинул полушубок, оборвал с черных усов сосульки и прямо в горницу. Глаза светятся, возбужден, голос прерывается. Достал из внутреннего кармана бумаги и хлоп их на стол.

— Читай, Андрей Михайлович!

Я и потянуться к столу не успел, как отец уже взял газету, которая поверх бумаг легла, искал по страницам, загорелся.

— Вот оно, здесь смотрите, — подсказывает Шапошников.

Теперь и я вижу через плечо отца: «Красное знамя», 3 декабря 1920 года. Постановление Кубано-Черноморского ревкома «О Кубанском высокогорном заповеднике». Почти в границах бывшей великокняжеской Охоты!

Победа!

Мы обнялись. Отец поздравил нас. Накрыли стол. Мишанька запрывал по комнате, не понимая, отчего мы радуемся.

— Мир не без добрых людей, — начал Шапошников. — Отыскался наш старый проект. Согласились с мнением покойного Постникова, и вот... Заметь: высокогорный! Без упоминания о зубрах, чтобы не навлекать на них лишней беды. Объектов заповедования множество: сто шестьдесят видов древесных пород, семьдесят реликтов третичных лесов, двести пятьдесят эндемиков на альпийских лугах. Копытные, а среди них наши возлюбленные зубры. Геологическая терра-инкогнита, реки, ледники, озера. Непочатый край работы для биологов, научный зал под открытым небом. Изучить влияние леса и гор на климат всей степной Кубани — значит обогатить науку!

Христофор Георгиевич поднял бокал, пригубил. И как-то особенно глянул на меня.

— А вот и новости личного плана. На пост директора Кавказского заповедника рекомендован небезызвестный вам Х. Г. Шапошников. Что же касается научной стороны, на которую особенно уповаает новый директор, то кандидатов на место руководителя нам искать не надо: вот он сидит, научный руководитель. И лес, и зверь ему подвластны... — И Христофор Георгиевич жестом Цезаря указал на меня.

— Сейчас не наука на первом месте — охрана, — осмелился заметить я.

— Будет и охрана. Все зависит от нашей настойчивости. С таким документом найдем и оружие, и охрану!

Наш гость еще раз рассказал о Краснодаре, спросил о том, что делается в горах, нахмурился, узнав о бело-зеленых на Умпыре. Соседство преопаснейшее!..

4

Двадцать первый год пришел с жестокими морозами, с завалами снега, со слухами о голоде и неустройстве, с выстрелами из-за угла в станицах, из-за дерева в лесу.

Советская власть держала экзамен: выдержит или сломится под тяжестью войны и разрухи? Суровая действительность окружала каждый Совет и ревком.

У нас на Кубани война шла с врагом тайным и коварным — с бело-зелеными, числа которых никто не знал. Из Армавира, Пятигорска, Лабинска в горы ходили карательные отряды ЧОНа¹ и Красной Армии. Бело-зеленые умело уклонялись от прямых столкновений, прятались по хуторам и укромным лесным приютам, появлялись там, где их не ожидали. У них было общее командование, но обнаружить этот тайный штаб никак не удавалось.

В таких сложных условиях нам предстояло создавать охрану, не спускать глаз со своих зверей.

Всю зиму нечего было и думать о походах в горы. Кордоны пустовали. Что на Кише, Умпыре, в Гузерипле?.. Браконьерство зимой поутихло, а тревога росла. Вдруг в район зубровых зимовок опять пришли банды?

Возможности для контроля у нас не было. А тут еще и само постановление о заповеднике вскоре подверглось нападкам сперва со стороны лесного отдела в Краснодаре, где работали новые люди, а потом и со стороны адыгейских общин, которые боялись за свои высокогорные пастбища. Правда, недовольство пока выражалось в устных заявлениях, но к весне оно могло

¹ ЧОН — части особого назначения.

сказаться иначе: погонят станичные стада на заповедные пастбища. И снова ящур.

Христофор Георгиевич показал мне ведомость на заработную плату: три охранника и мы с ним, два администратора. В охранники мы зачислили Телеусова, Кожевникова и старшего Никитина.

В феврале Данута получила весточку из Майкопа. Туда прибыли Саша и Катя, оба на должности начальников отделов в ревкоме — народного просвещения и здравоохранения. Заповедник входил в зону их действия: при отделе народного просвещения находился комитет по охране памятников природы, садов и парков. Кухаревичи собирались приехать к нам.

Друзья появились в начале марта. Широкие сани, добрые, массивные кони промчались по улице. Их сопровождали пять конвоиров в седлах. Мы с отцом встретили поезд у ворот. После двухлетнего перерыва я увидел Сашу.

Трудно было узнать в этом бледном и худом человеке с извиняющейся улыбкой на лице прежнего решительного, даже отчаянного бунтаря, а потом командира. Он сильно сдал, обрел старческую осторожность движений. Часто посматривал на Катю, словно без ее советов уже не мог обходиться. Когда мы обнялись, я почувствовал, как слабы его руки.

К счастью, Катя сохранила прежнюю энергичность, ее действия отличались добрыми порывами, легкостью, жизнь просто кипела в ее небольшой, ладной фигурке.

Она затискала, заиграла Мишаньку, который застенчиво краснел и отбивался. Саша с тихой завистью смотрел на нашего сына.

— В каком он классе, Данута? — спросила Катя.

— В третьем уже. Учится хорошо, очень прилежный.

— А что тебе больше нравится — арифметика или русский язык?

— Когда мы идем в лес...

— Подумайте, а! Сын лесничего... Ты кем хочешь быть, хороший мой? Лесником, агрономом, доктором?

— Как папа...

— Ну вот. Слышал, Саша? Как папа. Династия...

После двухчасового сидения за столом мы с Сашей уединились и еще раз оглядели друг друга.

— Постарел я? — спросил он.

— Да, — честно ответил я.

— А ты мало изменился. Даже после того страшного лета. Пожалуй, строже стал. Тень раздумий... Заботы?

— Повременим о заботах, Саша. Скажи, ты-то как?

— Победа, исполнение желаний. Если бы не сердце!.. Никогда я не думал об опасности с этой стороны. А так хочется работать! Еще усилие, год-другой — и страна заживет мирной жизнью. Мы начнем наращивать производство, богатства целиком пойдут на благо людей.

— Увы, рядом с нами все еще война.

— Знаю, дорогой. Большая опасность, хотя противник и обречен. Мы дважды обращались к бело-зеленым с предложением полной амнистии, если сложат оружие. Пришли десятки. Остались в лесах сотни и сотни. Это люди, которым уже нечего терять, вроде Улагая, Хвостикова и вашего Чебурнова. Они будут до конца против. Прежде всего помешают твоему делу.

— Теперь это и твое дело тоже.

Виновато улыбнувшись, признался:

— Я ведь сам напросился в Майкоп. Тянет лесной Кавказ. Отказался от места в Москве. Привык к лесам. Добрые воспоминания, друзья...

Мы вспомнили студенческие годы. Войну на побережье, Сурена. Оказывается, он сейчас в Армавире, командует отрядами ЧОНа. Просил узнать о Семене Чебурнове.

— Его здесь нет,— сказал я.— Семья живет. А брат Иван недавно исчез. Видно, боится людей.

— Арестован. Его допрашивают.

На другой день мы вчетвером походили по станице, выбрали пустующий дом под фельдшерский пункт, Катя пообещала прислать в Псебай медика. Сидели на уроке Дануты, провели собрание родителей.

Вскоре они уехали в сторону Лабинска. Несколько дней в нашем доме только и говорили о друзьях, которые жили и работали бок о бок с нами.

З а п и с ь с е д ь м а я

Встречи в Майкопе. Час грозных событий. Нападение. Последнее письмо матери. Признание раненого. У балагана в альпике. Засада на высокогорье. Отмщение. Смелый поступок Шапошникова. Зубров все меньше...

1

В дни весеннего половодья мне удалось побывать в Майкопе.

Над крылечком дома на улице Гоголя, где жил Христофор Георгиевич, бросалась в глаза вывеска. Белилами по черному железу на ней значилось:

РСФСР
Кубано-Черноморский ревком
Отдел народного просвещения
Управление Кавказского высокогорного
заповедника

Большая комната в доме Шапошникова напоминала скорее кабинет ученого, чем горницу жилого помещения. Шкафы с книгами, шкафы с коллекциями бабочек, чучела птиц, голова оленя, картины горного Кавказа, недурно исполненные самим хозяином дома, письменный стол. И бумаги, рукописи письма. Недоставало только телефона.

Шапошников помог раздеться, взял у меня винтовку.

— Не расстаешься?

— Как же можно! Шалют на дорогах.

— Здесь тоже. В Даховской убили троих и скрылись.

Порывшись в папках, он протянул мне список из десяти фамилий.

— Добровольные егеря. Половина из них служила еще в старой Охоте. Согласились работать в заповеднике. Тропы еще не стали?

— Кожевников собирается проверять. Я хочу поехать к Телеусову, договоримся, когда можно в обход.

— Буду попутчиком до Хамышков. Прoberусь на Гузерипль. Если дорога позволит. Посчитаем зубров. Ну, и оленей высмотрим, туров и все прочее. Волки меня беспокоят, развелось более чем достаточно. И браконьеры. Поползут теперь. Если уже не опередили нас.

О бандах ни слова. Не хотел говорить о самом главном. И все же банды сейчас самое опасное и для нас, и для заповедника.

Оставив коня у Шапошникова, я пошел навестить своих друзей.

Кухаревичи жили на втором этаже двухэтажного дома у самого парка. Весь нижний этаж служил помещением для бойцов охраны. Я подумал о Сурене: вдруг удастся его увидеть? Может, что знает о Задорове?

Дверь открыла Катя, радостно ахнула.

— Гость ко двору! Здравствуй и проходи. Мы сидим за чаем.

Саша вышел в прихожую. Мы обнялись. Не отпуская меня, он подтолкнул в комнату. За столом сидел Сурен.

— Вот тебе и начальник зубров, — произнес Саша. — Ему тоже надо знать... Повтори, дорогой, все, что сказал нам.

Я взял из рук Кати чашку с чаем, посмотрел на блестящий медный самовар, такой уютный со своими медалями, с тихим шумом. Сурен согнулся и, засунув ладони меж колен, значительно посмотрел на меня.

— Вот такая ситуация. Мы только что навалились на станцию Ильскую и окрестные горы. По сообщениям разведки, именно там находился штаб улагаевского партизанского полка, как они себя называют. Был очень упорный бой. Белые сунулись на юг, однако дорогу на Архиповку заранее перекрыли. Тогда они отступили к станции Крепостной и пошли в обход Горячего Ключа. Там их встретили огнем. Прошли через железную дорогу южнее Хадыженской, по пути разгромили ревком и рассеялись в горах вдоль реки Пшехи. Отходят к востоку отдельными отрядами. Много коней. Есть пулемет. Словом, достаточно организованное войско. Куда отходят? Вот тут мнения разделяются. Могут осесть по аулам и станицам, исчезнуть на время, пока наши не отойдут. Могут пройти между Главным и Скалистым хребтами далеко на восток, чтобы соединиться с отрядами Шкуро, Козликина и Хвостикова уже на Зеленчуках и восточнее. Знатоки горных троп у них отыщутся.

И выжидающе посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом.

— Значит, район Гузерипля, Киша и Умпырь — зона их продвижения? Никак не минуют.

— Вот именно. Это я и хотел сказать. А вы собрались ехать к волку в пасть.

— А вы? — Теперь я смотрел на него с ожиданием.

— Мы завтра выступаем в Даховскую. Одна сотня из Лабинска попытается оседлать Большую Лабу и пробиться в Преградную. Там тоже сборище бело-зеленых. Но что такое одна сотня! Бело-зеленым совсем не трудно просочиться сквозь такое реденькое заграждение.

— Как я понимаю, война в самом заповеднике? Вокруг нас?

— Слушай, Андрей, — сказал вдруг Саша. — Почему бы Дануте с Мишанькой не пересидеть у нас это тревожное время?

— Неужели в Псебае им опасно?

— А ты как думаешь? Вспомни Чебурнова.

Я вспомнил. И пощечины, что дала ему Данута, тоже вспомнил. Но оставить родителей одних, наше хозяйство, корову, огород, сад — все, что позволяет нам жить безбедно в это голодное и тревожное время?! Весна, самая работа. И все же... Подумав, я сказал:

— Хорошо, она приедет. Через неделю. Мы успеем посадить огород, кукурузу, привезем старое сено с лугов. Я ведь отсюда собрался было в горы!

— А поедешь домой,— твердо сказала Катя,— и привезешь жену и сына сюда. Тогда — в горы или куда там... Тебе ясно?

— Да, Катя. Еду домой. Скажу Шапошникову, чтобы и он не торопился в Гузерипль.

Теперь мне было не до чая. Уже прощаясь, я спросил Сурена:

— Наш Борис Задоров... Никаких известий?

— Из тифозного корпуса армавирской больницы его выписали. И вместе с другими выздоравливающими отправили в Пятигорск. Там формировались части на фронт. Похоже, ушел и он.

И виновато посмотрел на меня.

Бурный водоворот событий, в которых человек — песчинка, затянул нашего Бориса. Надежда на его скорое возвращение не оправдалась.

От Кухаревичей я отправился к Шапошникову.

Христофор Георгиевич мрачно выслушал меня. Сел и задумался.

— Быть по сему,— заявил он.— Гузерипль отпадает. А вот Умпырь... Я поеду с тобой. Наше главное стадо на Умпыре. Собираемся. И скорее в Псебай! Там решим, как действовать дальше.

К концу второго дня мы были в Псебае.

Кожевников слонялся по нашему двору. Винтовка его стояла у входа в сарай.

— Вчерась Семку Чебурнова видели здесь,— сказал он, прежде чем поздороваться.— И чужих людей в лесу. Дело опасное, Андрей.

Мы с Шапошниковым переглянулись.

— Я поночую у вас,— еще сказал Василий Васильевич.

Данута уже два дня не выходила на улицу. Выглядела она необычайно собранно. Но взгляд выдавал и ее растерянность. Уж очень грозные события! Боялась за сына, за всех нас.

2

Отец решительно позвал меня в спальню. Мама устало привалилась к подушке. Лицо ее тревожно подергивалось.

— Тебе, Дануте и внуку надо немедленно уезжать отсюда,— сказал отец и посмотрел на маму.

— Да, Андрюша. Сегодня, прямо вот сейчас,— быстро проговорила она.— Этот ненавистник что-то готовит против вас. Их много. И откуда только взялись на нашу голову!

— А вы? Как оставить вас?

— Нас не тронут. Кому мы нужны?

— Но огород, хозяйство? Я хотел помочь, а уж потом...

— Положись на нас, сынок. Пройдет гроза, и мы потихонечку... Да и вы скоро вернетесь. А нет, так соседи помогут. Уезжайте, ради бога! Так беспокойно на душе. Ну что ты смотришь на меня! — Отец вдруг прикрикнул: — Василий Васильевич сам предложил, он больше знает. Час на сборы! Все! Разговор окончен!

Никогда не прощу себе, что дался на уговор, что не увез за собой всех! Понимаю, в тот день родительский приказ оказался спасительным для Дануты, сына, может быть, и для меня. Но все, что произошло дальше... Никогда не забудется!

Часов в одиннадцать, в полной темноте, от нашего двора отъехала коляска. Молчаливая и замкнутая Данута придерживала на коленях голову уснувшего Мишаньки. За коляской верхами следовали пятеро с винтовками наготове: двое Никитиных, мы с директором заповедника и Кожевников. Кони тихо миновали станицу и рысью пошли с горки на Лабинск.

Утром были в городе, но не остановились. Коням дали передышку только в укрытой степной долине Чохрака, а к вечеру уже находились в Майкопе.

Данута облегченно вздохнула. В стенах двухэтажного дома, рядом с Катей, она не боялась за сына.

Обратно мы с Шапошниковым решили ехать утром. Ночь казалась невероятно долгой. Я словно предчувствовал, какая эта страшная ночь... Чуть свет оседлали коней, попрощались с Данутой, Катей — и в путь. Очень спешили. Кони прямо стелились по дороге, им давали самый короткий отдых. В Псебай прибыли часа в три пополудни. У бывшего княжеского дома нас остановил знакомый.

— Беда, Андрей Михайлович, — сказал он. — Поспешайте.

Холодный пот выступил на лбу. Мы пришпорили уставших коней.

Возле нашего дома стояли люди, вполголоса переговаривались. Немногие заходили во двор, подымались на крыльцо. Жуткое ощущение непоправимости сдавило сердце.

Я соскочил с коня. Люди расступились. Ноги отказывались идти в дом. И первое, что я увидел, — кровь на полу горницы. Отец и мать лежали рядом...

Шапошников поддержал меня, усадил. На моих глазах родителей накрыли простынями.

Свершилось самое страшное...

Уже позже я нашел на полу листок, на нем несколько слов, написанных карандашом. Дрожащая рука мамы вывела: «Сынок, они стреляют из сада, со двора. Отец с винтовкой у окна, он стреляет в сад. Кричат, чтобы открыли. Отец опять стреляет.

Они ломают дверь, они сломали ставню. Отец стреляет, там кричат... Прощай, Андрюша, прощайте, милые...»

— Кто? Кто? Кто? — настойчиво спрашивал я у людей. Все отводили глаза. Или не знали, или боялись. Только Кожевников глядел на меня открыто.

— Чего ты их пытаешь? Тебя искали, жену твою. Все знают кто.

Немного совладав с собой, я попытался понять, как развивались события. Ночью бандиты проникли в сад из лесу, обложили дом и бросились к дверям и окнам. Если бы отец не отстреливался... Но он не мог не защищаться. А нападающие подумали, что стреляю я. Трава и кустарник под окнами окраплены кровью. Видимо, отец хорошо стрелял. Ожесточившиеся бандиты не пощадили старость. Они не пощадили бы никого.

Искали нас с Данутой на чердаке, в подполье. Все поломали, растоптали даже семейные портреты. Охапки соломы валялись у стен, на веранде: собирались сжечь дом, чтобы замести следы убийства. Помешали соседи. Оробевшие поначалу, они все-таки собрались на улице, видимо, уже под утро и упрашивали белую орду, угрожали. С ними находился и милиционер. Этот молодой хлопец лежал сейчас через три дома. На столе, с головой укрытый простыней...

Свершив черное дело, два десятка бандитов умчались на восток. Командовал налетчиками Семен Чебурнов.

Кто и когда слетал с вестью о бандитском налете в Лабинск, не знаю. Но вскоре к нам прибыл отряд чоновцев, начальник милиции. Я оставался в доме с родителями. Приехали Данута с сыном и Катя, Сурен...

...Хоронили отца и маму скорбно-торжественно. Весь Псебай вышел на улицы. Колокольный звон больно отдавался в сердце.

Позже и Катя, и Шапошников заявили, что оставаться в Псебае нам уже нельзя. Данута, враз осунувшаяся, заплаканная, смотрела на дом с нескрываемым страхом. Жить в нем после всего этого...

В мае 1921 года мы покинули родную станицу, все еще уверяя себя, что вернемся. Поселились в Майкопе. На прощание посадили у могилы родителей две березки. На каменную плиту в церковной ограде легли цветы. В эти дни распустились цикламены — вестники тепла.

Перед самым отъездом Василий Васильевич подозвал меня и повел на свой порядок, к чужому дому.

— Тут такое дело, — начал он нерешительно. — Ну, как бы тебе сказать, один из тех... Он приехал с ними, только был раненый и порешил отойти от злого дела, остался дома. Сам он псебайский, мой дальний родич. Ежели ты сможешь без злости

и чтоб никто больше не знал... Расскажет тебе кое-чего. Я уговорил. Ты не серчай, он в этом деле неповинный.

Мы шли по нижней улице. Вот и дом. На кровати за печью лежал казак с неопрятной рыжеватой бородой, уже в годах и очень больной. Грязные бинты пеленали его грудь.

Подавляя гнев, я спросил:

— Где тебя?..

— У Хадыженска. Уходили в лес, а пуля нашла.

— Кто командир?

— Сотник Чебурнов. Семен. А шли мы в Баталпашинский отдел. На соединение. Семен упросил полковника зайти в Псебай. Тебе понятно зачем?

— По наши души?

— Да. Они величали тебя предателем и опасным человеком потому как ты знаешь все тайные тропы в горах.

— Кто это они?

— Чебурнов и полковник Улагай. Ну, полковник и дал приказ сотне свернуть. Я тогда сказал, что не ходок, далее Псебая не пойду. Семка предупредил: ежели расскажу про отряд, считай — уже покойник. Хотел отмолчаться, да вот дядя Василий... Я ни при чем в злом деле, ты понять должен... И не воин уже. Вот поднимусь, если судьба, сам в ЧК приду. Сыт по горло.

— Куда ушел Чебурнов с бандой?

— Ну хутор Тегинь. Там Улагай встретится с Хвостиковым и со всеми прочими.

— Сколько всадников в отряде Улагая?

— Не знаю, хорунжий. Сотня Чебурнова, еще три или четыре сотни. И джигиты. Много.

— В горах по Лабёнку остались люди Улагая?

— Сказывали, остались. Тайники с оружием и продуктами делали. Ты уж прости меня, Христа ради. Ни при чем я, да и рана моя...

Он всхлипнул и отвернулся. Какой там мир!.. Война и война. Сколько еще жизней унесет она, скольких людей искалечит, как вот этого, — никто не знает!

В Майкопе нас приютил Христофор Георгиевич. Через неделю отыскали приличный дом на улице с новым названием Советская, договорились об аренде и вскоре перебрались в него со всем хозяйством, заботами и тяжкими думами о невозвратном — потерянном.

Псебай остался где-то далеко-далеко. Но от этого он не стал менее родным. Вспоминать его было и радостно, и горько. Там я нашел Дануту, там родился сын. И там же могилы наших добрых родителей.

В конце мая мы выехали в горы по маршрутам, намеченным раньше.

Чернотроп, иначе говоря — оголенный лес, мы надеялись застать только на высотах. Здесь же, в Майкопе и предгорьях, всюду буйствовала теплая, зеленая и цветастая весна. В городском парке распевали соловьи. Скворцы щебетали у каждого скворечника и в нашем маленьком садике. Данута и Мишанька деловито вскапывали углы огорода, куда не добрался мой плужок.

До Хамышков по Блокгаузному ущелью ехали вчетвером, а после отдыха в доме Телеусова расстались: Шапошников с Василием Васильевичем поехали в Гузерибль, а мы с Телеусовым переправились через Белую и по запущенной тропе пошли на Кишинский кордон. Цель у всех одна: увидеть зубров после зимовки, посчитать и, если удастся, встретиться всем на Умпыре. Братья Никотины решили за это же время поправить тропу от Уруштена до Балканов и на самом перевале.

И вот мы за Белой, в глухом лесу.

Нас обступили грабы и дубы, едва начавшие зеленеть. Тропа мокрая, на склонах уже повылезал молодой папоротник, его скрученные головки распрямились, открылись резные листья. Выше тропы темно от молчаливых пихт, оттуда тянет холодом. В лесу неуютно и странно тихо. Таимся и мы, едем краем тропы, не разговариваем, винтовки на руке. Лесная глухомань не чарует, скорее, пугает. Вот что значит война! Чудится и там, где ее нет.

К кордону подходить не спешим, разглядываем черный дом сквозь редкие стволы. Прислушиваемся. На крыльце, где тень, еще лежит горка потемневшего снега. Скрипит какая-то доска или дверь; скучно, мокро, необжито. Лишь убедившись, что человеческих примет не видно, подъезжаем ближе.

Через час настывшая комната прогревается, мы сидим, как сиживали много раз, видим на гвозде старую шапку Бориса Артамоновича и вспоминаем пропавшего без вести.

Под вечер выходим наружу. Разморенные теплом, мы особенно остро ощущаем влажный и холодный воздух высокогорья. Подымаемся на знакомый останец. Скалы, как два пальца, воткнутые в лес, возвышаются над волнистыми джунглями, отсюда далекий обзор. Уместившись, подымаем бинокли. Осматриваем одну за другой долинки, поляны, урочища.

— Вот они, — говорит, наконец, Алексей Власович.

Семь зубров цепочкой движутся к ручью, останавливаются, выгрызают молодую зелень. Поваленную осину переступают, не

трогая коры. Травы хоть и мало, но она уже отбила охоту жевать горьковатую древесину. Звери худые, выглядят неряшливо, шерсть клочьями, бока испачканы в глине. Ни одного подростка с ними!

— А что ты хочешь, — улавливая мою мысль, говорит Телеусов. — Опосля такой-то зимы... Молодь первая помирает. Сквозь снега не докопается до ветоши, слабеет, и все. Теперича надежда на новый приплод. Глядишь, и народятся. Ай нет?

Молчу. Боюсь, что нет. Зубрицы тоже слабые. Да и беспокойно. В таких условиях они бесплодны.

Темнеет. Мы возвращаемся в дом. И долго лежим, переговариваемся в темноте. Опять вспоминаем Задорова.

Утром вершины гор ослепительно сияют. Зубья горы Бамбак стоят розовые, словно нагретый металл в печи. От загоревшихся снегов все на земле источает лучи. Прозелень лесная ярче, луговины картинно хороши, зеркально отсвечивает река. И лес уже не пугает. Мы торопливо завтракаем и едем в сторону Сулиминой поляны.

Издали замечаем еще одно небольшое стадо и среди быков — одного второгодка. Потом видим еще четырех быков; голов не поднимают от травы. Но нас чуют за версту и торопливо уходят.

Весь день шастаем по знакомым тропам, узнаем старые места, радуемся встрече со зверем, находим оленей, шустрых серн, маленьких ланей. Живет заповедник!

Солнце пригрело, мы забыли о времени и только на закате поворачиваем обратно, но едем недолго: решаем заночевать на месте. Все равно темнота прихватит на полдороге. Спускаемся к реке и обнаруживаем впереди черный прорез глубокого ущелья. Неужели добрались до Холодной? Гузерипись отсюда близко.

— Давай проедем в тот березнячок, — предлагает Телеусов, и я понимаю, зачем ему березняк: там проходит тропа, а чуть выше — забытый балаган перед Тыбгой. Можно провести ночь под крышей.

Кони идут неохотно, они наострились домой. Понукаем, ведем их по крутому подъему в поводу. Сюда весна еще не добралась, повсюду длинные полосы снега.

В просвете меж бугров усматриваем балаган и... трех лошадей под седлами возле него. Кони незнакомые, дыму из железной трубы не видать.

— Нечисто дело, Андрей, — шепчет Телеусов. — Отведи-ка ты лошадок за каменья, а я подлезу и высмотрю...

Я увожу коней, привязываю их к березе, а сам поднимаюсь выше, чтобы страховать егеря. Тревожно. Вот балаган передо

мною. Кладу поудобнее винтовку, затаиваюсь. Мне видно, как крадется Алексей Власович.

Скрипит дверь. Чуждый звук в вечерней тишине альпийки слышен далеко. Выходят трое, подтягивают подпруги и вскакивают в седла. Все в черных полушубках, ремни крест-накрест, башлыки, винтовки. Отъезжают немного, оборачиваются и кому-то машут руками. Теперь вижу еще двоих, они у балагана.

Темнеет. Отряхивая мокрый снег, подходит Телеусов. С минуту мы молчим, смотрим друг на друга.

— Знаешь, поди, кто? — говорит Телеусов. — Думаю, те самые, из бело-зеленых.

— Что они делают здесь?

Наверное, вопрос мой звучит наивно.

— Не иначе, база у них поблизости, вишь, темноты не испужались, поехали. А эти двое сторожат тропу, а может, и продукты и все прочее. Где-нибудь упрятано. В сторону Уруштена подались. А там Сашка и Василий проживают ноне. Эти двое тоже опасны. Вдруг углядят Шапошникова и Кожевникова, ежели те подымутся на пастбища? Повезло нам, что на гнездо нарвались. Давай думать, как дальше. Снять мы их можем запросто. А не лучше погодить? Через них всю банду выловить можно. В самой середке заповедника поселились, гады!

Планы круто менялись. Придется не только зубров считать.

Решили высмотреть, куда ходят эти двое. И по следу узнать о трех конниках, уехавших на восток. Лишь с этими сведениями мы можем спуститься к Гузериплю, чтобы предупредить друзей и обдумать, как действовать.

Ночевали без костра. Застыли до того, что под утро не выдержали и вскипятили себе чай на крохотном огне. Немного согрелись. Кони обошлись скупой порцией овса из седельных сум.

До рассвета подобралась к обрывчику возле самого балагана. Тут и залегли, усмотрев впереди тропу, по которой спускаются за водой. Как рассвело, слышим, дверь запела, ведро звякнуло. Вдавились в камни, смотрим в оба. Спускается... Сонный, зевает, полушубок наброшен на плечи, бородач. Молчком зачерпнул воды, стал было подниматься, но вдруг поставил ведро — и к нам. Мы носы в землю, замерли. Слышим, остановился, сапоги заскрипели по камню, полез на обрывчик. Что такое? Глянули, ноги видим, а сам в дыру под берегом уткнулся, шарит, сопит. Пещера. Вылез, в руках мешок, а в мешке угловатая поклажа. И к своему ведру, а потом в балаган.

Переглянулись мы. Тайник-то вот он! Подобралась, нашли пещерку, киркой выбитую под берегом на сажень выше от ручья. А в самой пещере битком набито: ящики, мешки, винтовки.

Больше нам ничего и не надо, все ясно. Скорее вниз, и пусть чоновцы с Суреном начнут выковыривать отсюда бандитов. Мы поможем.

— Разделимся для скорости, — предложил Телеусов. — Давай так: ты подавайся через Кишу и Хамышки в Майкоп за подмогой. А я возьму лесом и левой и выйду на Гузерипль предупредить наших. Не ведая беды, под пулю выйдут! И сами пострадают, и дело сорвут. Отряд веди до Хамышков, я встрену и проведу дальше.

4

Я подвязал покорооче хвост Кунаку, осмотрел сбрую, винтовку за спину и — в седло.

— Ну, Кунак!..

Он словно понимал, что придется выложить все силы, пошел прытко, где можно — рысью. Тропа каменистая, снег в тени, грязь в низинах. Лошадиные бока и круп скоро покрылись ошметками грязи, сапоги и полушубок тоже. На подъемах я соскакивал, бежал сзади, опять запрыгивал в седло — и рысью, рысью. Пора сражения, час войны... Через два часа хода Кунак дышал загнанно, бока его взмокли, да и мне все время хотелось скинуть одежду.

На виду кордона я устроил винтовку поудобней, но безлюдье было очевидным. Желна стучала прямо над домом. Остановился на несколько минут, дал Кунаку остыть, и дальше, теперь уже низом, по черной, засасывающей тропе.

Ночь — вот она, мы оба дышим с трудом, Кунак пошатывается, но минуты очень дороги, и река уже близко, надо дотемна непременно перейти ее, потому что ночью это во сто раз трудней.

На берегу я срезал длинный шест и, когда вошли в брод, держась чуть выше по течению, этим шестом упирался, чтобы Кунак не скользил. Вода лизала стремя, страшно гудела, но все обошлось.

К дому Телеусова едва шел, ведя за собой Кунака, опустившего голову чуть не до земли. Здесь ночуем, а завтра марш еще на семьдесят верст. До Майкопа.

Вдруг на дороге двое с винтовками.

— Стой!

Руки так и опустились. Вот что значит на минуту потерять осторожность! Ни взад ни вперед.

— Кто такой? Откуда? — И винтовки в грудь.

— С охоты. Тутошний я, — отвечаю первое, что пришло в голову, а сам лихорадочно соображаю, как вывернуться. Темно,

не разглядишь, что за люди. Неужто бело-зеленые проникли и сюда?..

— Топай вперед! И винтовку со спины не цапай, слышь, охотник!

Пошли по улице, они чуть сзади, по сторонам. Ноги едва идут. Страшно. И досадно. Вот положение!

У одного дома вижу коновязь, много лошадей, ходят люди, сигарки светятся. Остановили, взяли коня, винтовку. Слышу:

— Товарищ командир, неизвестного привели!

Гора с плеч! То был передовой отряд Сурена.

Мы с ним обменялись едва ли десятком слов. Тотчас прозвучала команда, по крыльцу застучали сапогами, все быстро, бегом. Предлагаю подождать утра, но Сурен уже решил по-своему: половина бойцов под его командой выходила на тропу в Гузерипль, с остальными приказал мне идти утром через Кишинский кордон до балагана.

— Вас встретит Телеусов, без него на луга не выходите, заплутаете, — сказал я Сурену.

Он кивнул. Мы отошли в сторону, я еще раз подробно рассказал о встрече. Сурен слушал спокойно, но даже в темноте глаза его поблескивали от волнения. Он присел, устроил тетрадь на колено, боец посветил ему зажигалкой. Исписал листок и, подозвав трех бойцов, приказал:

— В Майкоп. Как можно скорей. Оперуполномоченному Евдокимову. И ни в коем случае по дороге не зевать. Если опасность, депешу уничтожить. Ну, учить вас не надо, сами понимаете.

Мне он сказал:

— Из Майкопа или Лабинска сегодня-завтра должен выйти второй отряд. Отрежем Улагаю путь к другим полковникам. Я написал, что надо закрыть дорогу Преградная — Ахметовская.

Не помню, спал я в эту ночь или не ложился. Предстояла переправа через Белую. Что могли егеря на привычных лошадях, то было не по силам многим бойцам. Мы отыскали два каната сажень по семьдесят и укрепили их на обоих берегах.

Когда занялся рассвет, уже были натянуты канаты, и часть всадников пошли бродом меж канатов, держась за них, как за перила. Белая прибавилась за ночь, выглядела страшно. Кои храпели, скользили по каменистому дну. Операция прошла благополучно.

День в пути, бивак в пихтовом лесу, снова тяжелая тропа в силовом тумане, наконец, выход за полосу ненастья, и вот мы у цели, на опушке березового криволеся. С высоты, куда

забрались с командиром, смотрим на балаган. Труба дымит. Значит, улагаевцы на месте.

Снизу донесся настойчивый крик сойки: так кричит не птица, а егерь. Спускаемся. Телеусов и Сурен стоят с конями, оба в грязи, лица усталые, а кони... Смотреть жалко.

— Такая мысль, — предлагает Сурен. — Сторожей взять живыми, они могут рассказать... И ждать приезда разводящих. Окружим балаган. И чтобы ни одного выстрела.

Коней увели, оставили с ними пятерых бойцов, все остальные пошли со мной замыкать кольцо. Развел их по двое, по трое на самых выгодных высотах.

Мы с Телеусовым и еще два бойца сняли верхнюю одежду и налегке прошли оврагом к самому балагану. Пахло вареным мясом, там готовили ужин. Осмелев, я подобрался к стенке балагана. Бандиты говорили громко, весело. Я услышал отчетливо произнесенные слова:

— Завтраходим на номер первый, а к вечеру вернемся, как раз и сотник подъедет, смену привезет.

— Плохо нам тут, а? — сказал второй.

— Скука, Сергеич. Там хоть в картишки душу отведем.

Не будем мы брать их ночью! Пусть отправляются на «номер первый», пусть сотник найдет их на месте. Сотник?! Уж не Семен ли у этой банды заводилой?

Вернувшись в овраг, я рассказал Телеусову о новом плане.

— Значит, у них не одна потайка. Где вторая? Не на востоке, откуда ждут сотника. Только в сторону Молчепы. Ну и ладно, там тропа уже под надзором, Шапошников караулит.

Утром сторожа с винтовками и заплечными мешками отправились на запад. Их провожали десятки глаз. А мы преспокойно вошли в пустой балаган.

Вечером приготвились. Ждем. Улагаевцы возвращались бесшумно, у стен балагана сняли с плеч винтовки, поговорили, покурили на лавочке и вошли... Четверо на двоих, что они могли сделать? Только моргали испуганно. Пять минут — и они сидят, крепко повязанные.

— Фамилия вашего сотника? — спросил я.

— Чебурнов из Псебая.

— Где стоит со своей сотней?

— Возле Умпырской долины.

— А Улагай?

— Не знаем. Никто не знает. Он живет скрытно.

Итак, командование бело-зеленых отдало центр заповедника бывшему егерю, знатоку троп. Пропадет наш зверь! Тревожно и за Никотиных, от них нет вестей.

Одежду с пленных сняли, два бойца примерили их полу-

шубки. Вот они и встретят сотника. Убийцу моих родителей.

В ту ночь я опять не мог уснуть. Сидел, выходил из балагана, открытым ртом хватал холодный воздух. Такое волнение!..

Сурен сжал мне локоть.

— Понимаю ваши чувства. Но Чебурнов нужен нам живым. Живым! Надо узнать об Улагае. Будьте сдержанны, Андрей Михайлович.

Мы ушли из балагана, оставив там двух переодетых. Кольцо окружения уплотнилось.

...Четыре всадника замаячили вдаль у леса. Было далеко за полдень. Влажная тишина стояла на взгорье. Сотник ехал осторожно — один всадник впереди, двое поотстали. Издалека посвистели. Из балагана вышли, помахали. Но те не торопились. Двое отделились, поскакали по лугу вправо, влево, потом рысью поехали к балагану, спрыгнули; встречавшие их засуетились, но отворачивались и помалкивали.

Едва один из приезжих зашел за угол балагана, как получил такой удар по челюсти, что свалился, даже не ахнув. Его приятель привязал коня и тоже шагнул за стену. Короткая борьба — и он на земле.

Остальные двое покрутились на месте, подъехали и соскочили с седел.

— Как ночевали, хлопцы? — громко спросил Семен.

— А ни чо, — ответил боец и схватил с земли винтовку. — Руки на голову, ну!

Семен как раз ослаблял подпругу коня. Словно дикая ласка, скользнул он под брюхо лошади, в руке у него оказался наган. Не целясь, выстрелил в бойца, и тот свалился. Винтовочные выстрелы затрещали со всех сторон, к балагану бросились три десятка бойцов. Сотник, как затравленный зверь, стрелял, вертясь на месте, израненный конь его ржал, запутался, упал, а Семен разрядил барабан и сунул руку в карман. Тускло блеснула граната, трое бросились на сотника, граната выпала, ее мгновенно отбросили в овраг. Взрыв потряс воздух.

Все. Борьба окончена.

Я подошел к связанному Семену.

Приходилось мне видеть глаза рыси в капкане. Помнил взгляд немецких драгун в рукопашном бою — страшные, звериные глаза. Семен неотступно буравил меня именно таким ненавидящим, испепеляющим взглядом. Что сделал бы он со мной, попади я в его руки!..

Рядом стоял Сурен, глаза его возбужденно поблескивали. Дело сделано. Сотника усадили прямо на землю.

— Говорить можешь? — спросил Сурен. — Или язык от страха проглотил?

— Развяжи руки-ноги, я те покажу, испужался али нет. Пляши, ваша взяла! Но ишшо не конец, ишшо не все.

— За что убил моих стариков? — вдруг спросил я.

— Подвернулись, дурни. Не за ими приходил, за тобой, изменник, да за твоей... — Тут он сказал грязное слово. — Пощечинки ее припомнил, расплатиться надумал. Успели вы сбежать...

Сурен взглядом остановил меня.

— Испить бы, — попросил Семен. Губы у него ссохлись.

Принесли воды. Он выпил и повалился на спину.

— Ну что, — насмешливо спросил он. — Стреляй, чекист, пока я не убег еще раз. Не отвернусь.

— Повременим, — спокойно ответил Сурен. — Нас интересует Улагай, твой начальник. Где он?

— Далекко, отселева не достанешь. А будет ишшо дальше.

— Не скажешь?

— Дурака сыскал.

К Сурену наклонился его помощник, прошептал что-то на ухо.

— Твои хлопцы куда умней, жизнь себе выкупают. Уже сказали, где Улагай. Считаю, что твоей сотни нет.

Лицо Семена исказилось, он завертелся, тяжело задышал.

— Сколько бойцов имеет Улагай? — спокойно спросил Сурен.

— Иди ты...

Семен играл ва-банк. Терять ему было нечего. Все содеянное им слишком весомо. Сурен встал и пошел допрашивать других.

Я сидел перед поверженным врагом, а видел белое, уже заострившееся лицо покойной матери, ее торопливую записку. «Прощай, Андрюша, прощайте...» Рука тянулась к нагану.

— Кто их убил?

— Я за тобой шел, да за твоей... Вот бы отыгрался!..

— Ну, меня ладно, старые счета. А женщину, сына?

— Скажу, пожалуй. Господин полковник потому и разрешил мне дать крюку на Псебай, чтобы привез я к нему твою красотку супружницу. Понадобилась. Може, с собой увезти захотел...

— Куда увезти? — Я не узнал собственного голоса.

— Этта тебе не узнать. А вот покамест я вез бы ее до господина полковника, она десять разов пожелать своей смерти захотела бы. И передал бы живую, да только... Ох, не вышло!

Не помню, какую картину я представил себе, не помню, как револьвер очутился в руке, как щелкнул взведенный курок, но тут сильная рука перехватила мне запястье. Револьвер выпал. Семен смеялся, закинув голову. Да, смеялся каким-то истери-

ческим смехом, визгливо и страшно. Он и рассчитывал на это: не сдержусь, убью. И все для него кончится в одно мгновение.

Когда темная ярость прошла, я увидел Шапошникова. Он подбрасывал на ладони мой наган.

Семен отсмеялся. Свесил голову и сделался серым, жалким. Христофор Георгиевич спросил его:

— Скажи, блудливый егерь, много зубров твои люди побили?

— Не считал, — сухо ответил он. — Не с зубрами воюем, с комиссарами.

— А мы вот за зубров воюем, и как видишь, не одни.

— Продались комиссарам...

— Недалекий ты человек, Семен, — спокойно возразил Шапошников. — На природу восстал, она же тебя и повергла.

Меня позвали к Сурену. Он допрашивал в балагане нервного, чернявого, совершенно раскисшего урядника.

— Послушайте. Повтори, Лучинин, или как тебя там.

Тот послушно заговорил:

— Полковник живет отдельно от полка. Двадцать охранников при нем. А полк устроился в лесу. Землянки понарыли, человек четыреста, много офицеров, при оружии, больше английском. Место выбрали в верхнем течении Тягини южнее Ахметовской, а сам где-то на Большой Лабе. Хочет передавать командование Козликину, тот у Баталпашинской.

— Почему передает?

— Едет в Турцию, так говорят. Там сборный пункт объединенного совета Дона, Кубани и Терека. Руководил генерал Алексеев, потом полковник Гамалей.

— Как поедет?

— Через Санчарский перевал, Гудаут и морем. А точно никто не знает. Совет этот у озера Деркос, по ту сторону границы.

Шапошников опять спросил о зубрах, теперь у этого урядника.

— А что делать, чем кормиться? — Урядник говорил дрожащим голосом. — Охотимся за оленем, за зубром, бьем, вялим мясо впрок.

— На Умпыре?

— Я там не был. Не знаю. Там другие.

«Там другие»... От таких слов дрожь по телу. Последнее убежище заповедного зверя — и «там другие».

Мы вышли из балагана, вдохнули свежего воздуха. Отряд собирался в путь-дорогу. Комендант деловито переписывал мешки и ящики, извлеченные из тайника. В другом тайнике нашли винтовки, гранаты, боеприпасы.

— Не прознает ли Улагай о разгроме своих глубинных баз? — спросил я Сурена.

— Отсюда никто не вырвался. Люди Чебурнова скрываются где-то близко. Может быть, на Умпыре. Вот отправим пленных, займемся ими. С вашей помощью. Вы знаете все подходы, а это уже немало. Надо освободить зубринные места.

— Единственная возможность спасти уцелевших зверей.

— Если бы сработала чоновская засада на Большой Лаббе! — задумчиво произнес Сурен. — Как облегчилась бы наша атака! С двух сторон!

Отряд, вьючные кони, крепко связанные пленные пошли через луга и лес к Гузериплю. Повел их Телеусов. Мы с Шапошниковым остались на месте — вдруг кто-то из чебурновской сотни заявится узнать, где командир! Егеря вернутся, и мы вчетвером отправимся верхней тропой к Умпырю, чтобы подготовить атаку. По пути узнаем, что с Никотиными. Отряд Сурена подойдет нижней дорогой к перевалу Балканы, а оттуда и в долину.

Все затихло на Тыбге. Мы выспались. Сидели со своими думами да поглядывали на дальний лес, откуда могли появиться белые.

Весна творила свое дело в горах. Березки у балагана позеленели. На склоне горы запестрели желтые лютики и купальницы, розово зацвел горлец, открылись фиолетовые буквицы. Тугие головки темной чемерицы пробили землю. Ветер принес снизу горьковатый дух черемухи. Залился, запел в лесу дрозд. Писклявый голосок улара позвал самочку. Тепло, чисто, красота великая. Трудно воевать весной: уж очень хочется жить. Просто жить.

Дождались Телеусова и Кожевникова. Приехали отдохнувшие, веселые. И сразу похвастались подарками: у обоих на поясе болтались тяжелые кольты. И нам с Шапошниковым привезли.

Пошли мы, как и положено, с разведкой: один впереди, трое рассыпью. Спустились в узкий каньон Киши, пробрались через густой пихтарник и, поднявшись на перевал, разделяющий эту реку с Уруштенем, стали за укрытием на отдых. Отсюда далеко виделись лесные распадки, черные скалы, волнами уходящее нагорье. Правее сверкала снегами Псеашхо, такая отчетливая, что мы пересчитали на одном отроге семнадцать оленей.

— Куда выйдем? — спросил я у Алексея Власовича.

— На Лабёнок, только по другую сторону долины. С тыду.

Он говорил, но не отрывался от бинокля, все смотрел в одну точку. И я стал смотреть. Сквозь нежно-зеленую пену молодых дубовых крон вроде бы прорывался парок. А может, и дым.

— Зубров на Молчспе не встретил? — спросил я Кожевникова.

Не глядя на меня, Василий Васильевич ответил:

— Два шкилета нашел. Дырки в черепе от пуль.

На заре Телеусов потянул нас на тот подозрительный дымок, что в стороне от маршрута. Часа через три он сполз с седла и позвал меня с собой.

Крались по молодому папоротнику, в тени. Останавливались, слушали, спугнули двух веселых барсуков. Лес поредел. Захрустел под ногами щебень. Мы стояли перед площадкой из голого камня, она выпирала из лесу и обрывалась. Дальше белело небо. Над обрывом повис шалашик, из него торчали сапоги. Остатки костра серым пятном темнели в стороне между скал. Мы стояли под соснами и ждали.

Сапоги скрылись, из шалаша негромко сказали:

— Васька, пора! Затекли ноги.

Из-за скал вышел заспанный Василий Никотин с биноклем. Он хмуро улегся в шалаше лицом к обрыву и вытянул ноги. Саша, покачиваясь, поплелся в скалы.

Не стовариваясь, мы обошли поляну краем леса и отыскивали пещеру. Она выглядела обустроенной: шкура медведя висела вместо двери, поверх нее тянуло дымом, для воды протянули желобок из бересты. Словом, жилье. Телеусов заглянул поверх шкуры: Саша укладывался спать.

— Час добрый, — сказал Телеусов шипящим голосом.

— Что?! — Сашу подбросило. Он схватил винтовку.

— Ти-ха! Сиди, коли попался... — И от души рассмеялся. — Так вот где вы отсиживаетесь, пока другие-прочие войну ведут!

От шалаша прискакал Василий, подошли наши двое. Костер разгорелся. Мы выложили из седельных сум диковинные закуски — копченый бекон, белые сухари в обертке, сахар из запасов тайника.

— Ну, докладайте, — потребовал Телеусов.

— Находимся в разведке, — сказал Саша. — Следим за движением неприятеля, в бой не вступаем из-за неравенства сил.

— Человеков пять того неприятеля? — Телеусов беззлобно подсмеивался.

— Если бы пять! Насчитали восемьдесят три бойца. Мечутся по обе стороны Поперечного хребта, то в одном месте встанут, то в другом. Землянки строят, на зиму вроде окапываются. Или ждут кого? Бело-зеленые, одним словом.

— Стреляют?

— Случается. Видели, как медведя приволокли, трех или четырех оленей. За зубрами гонялись.

Перед нами была сотня Чебурнова. Без командира. Идти на поиск сотника они не решались. Уходить на Лабу тоже не могли: сотник велел ждать. Вот и топчутся в укромном месте. Скрыты надежно. Дать им бой в этом районе не могли бы и два батальона. Но что-то надо предпринять.

Дотемна мы наблюдали за сотней. Сверху все ущелья и тропы, идущие на север, просматривались довольно хорошо. Бандиты мыкались из стороны в сторону. Нет командира — и уже не сотня, а толпа, головы полны страхом.

Решение пришло неожиданно. Я глянул на Шапошникова. Он — на меня. Мы поняли друг друга. Наш долг — сделать все возможное, чтобы избавить заповедник от опасных гостей. Нет, не стрелять. Перед опасностью белые вновь станут силой. Страх заставит быть храбрыми. Кто знает, что тогда будет.

— Пойдем мы с Андреем Михайловичем, — решительно сказал Шапошников. — А вы, ребята, будете нашим заслоном, надежной поддержкой.

— К волкам в логово? — Саша Никотин встал. — Да они вас!..

— Они напуганы и растеряны. Алексей и Василий спустятся по Уруштену, закроют тропу на Умпырь. Ни в коем случае не пропустить гонцов! Хотя бы на время переговоров. Понятно? Двое — страховать нас.

Да, мы знали, на что шли. В сотне разные люди — и случайные, и отпетые мерзавцы. Разобщить их, заставить уйти — единственная возможность, если мы решили спасти зверя в заповеднике. Останутся бандиты зимовать — перебьют всех и вся. И мы пошли. С белой тряпицей на винтовках. Как парламентары. Пошли к ночи, когда сотня собралась у костров. Обходной тропой спустились с площадки, миновали лес, перебрались через ущелье. Тут Никотины заняли позицию. Мы направились к кострам.

На виду лагеря дали выстрел. Ух, как переполошились, как забегали лесные люди! Сперва думали — свои, но вскоре разглядели чужих, белый флаг и отрядили пятерых навстречу.

— Кто такие? — закричали издали.

— Директор заповедника! — Низкий голос Шапошникова эхом отдался в ущельях.

— Положите винтовки!

Мы повиновались. Нас повели к кострам. Банда встретила молчаливым. Я разглядывал бандитов. Какое скопище разных лиц, разной одежды! Тут и казаки, и матросы-анархисты в тельняшках под бушлатами, какие-то в штатском, офицеры, кото-

рым некуда деваться. Здесь и убийцы моих родителей... Эта мысль жгла сердце.

— Я директор Кавказского заповедника, — громко повторил Шапошников. — Вместе со своим заместителем пришел с требованием, да, с требованием... — он повысил голос, — немедленно покинуть заповедник. Идите куда угодно. Здесь оставаться не разрешаю.

Что-то такое почувствовали бандиты в голосе Шапошникова, выслушали молча, ждали.

— Ваш сотник в тюрьме, — сурово продолжал он. — Ваши базы открыты чекистами и опустошены. Вас замкнут в кольцо, как уже замкнули отряды Шкуро и Козлика. Там, — он бросил руку в сторону Умпыря, — стоит чоновский отряд. Туда, — он повернулся к северу, — вам хода нет. Лишь дорога за пределы заповедника, на запад, откуда пришли. А лучше — по домам, ребята, воспользуйтесь амнистией, вернитесь к семьям. Сутки вам на размышление.

Что тут поднялось! Какие-то сорвиголовы кинулись к нам с пистолетами, размахивали перед лицом винтовками. Кричали все сразу. Базар, сходка. Мы молчали. Из лесу, где остались Никотины, прозвучали отрезвляющие выстрелы.

— Это егерский отряд, — сказал Шапошников. — Наша охрана.

Успокоились, забросали вопросами. Христофор Георгиевич спокойно и точно рассказал о пленении сотника, назвал фамилии остальных, показал кольт из тайника, чтобы не оставалось сомнений.

— Послать вестовых до полковника, — закричали в толпе.

— Поздно, — сказал Шапошников. — Путь отрезан. Егеря не хотят воевать с вами, желают одного: спокойствия в заповеднике. Не подчинитесь — никто не уйдет отсюда живым!

Его угроза сделала свое дело. Но еще часа три в темноте, едва раздвинутой пламенем костров, продолжался спор и пререкания. Наконец банда приняла решение: уходить. Сказали еще:

— Вы поедете с нами. Заложниками. И если нарвемся на засаду, пощады не будет.

— Нет. Мы не заложники, мы у себя дома. И с вами не поедем. Решение окончательное.

— А чекистов не наведете?

— У нас свои дела. Но если вы не уберетесь... Каждый егерь стоит десятерых. Зарубите себе на носу!

Нас не отпустили. Ночь мы не сомкнули глаз. А утром — о, радость! — увидели, как три десятка всадников, не простив-

шись с остальными, вскочили в седла и повернули коней на запад.

Выдержка Шапошникова была поразительной. Мне кусок не лез в горло, а он с аппетитом позавтракал, вытер усы и сказал:

— Мы уходим, господа. Я все сказал. Верните наши винтовки.

И опять замешательство, крики, но тут из лесу еще раз хлопнули выстрелы. Винтовки нам принесли. Мы поднялись, пошли, и я весь напрягся, ожидая выстрела в спину.

— Не оглядывайся, — приказал Шапошников.

Силы почти оставили меня. Едва поднялся в седло. Дрожали руки, колени, противная слабость владела телом. И тут я увидел, что Христофор Георгиевич вытирает обильный пот на побелевшем лице. Все, что произошло, лишь сейчас потрясло его организм. В гостях у смерти побывали.

Мы вернулись на верхнюю площадку. Весь день наблюдали. Банда рассеивалась. Куда они исчезали, мы не знаем. Но как боевая единица сотня бело-зеленых существовать перестала.

В первых числах июня мы прошли около перевала Псеашхо и спустились к Умпырской долине.

Телеусов и Кожевников, видимо, все еще стояли в ущелье, перекрывая тропу, ведущую на Балканы.

З а п и с ь в о с ь м а я

*Путь Улагая. Пятьдесят зубров. Гибель Саши и Кати. Возвращение Задорова. Девять зубров... Декрет Совнаркома в 1924 году.
Конец бело-зеленых. Трагедия на Алоусе*

1

Жизнь не один раз убеждала: человек, сделавший зло или великую несправедливость, в конце концов сам попадает в беду еще большую, нежели он сотворил для других.

Была какая-то фатальная неизбежность в судьбе Керима Улагая, чья жизнь насквозь пропиталась злом, дьявольским стремлением к возвышению, пусть и за счет несчастья других людей.

Пишу эти строчки уже после событий, в которых участвовал с того утра, когда мы с Никотиными и Шапошниковым осторожно спускались в Умпырскую долину, имея все основания полагать, что на этом кордоне бело-зеленые. Им ли не знать, как удобна и скрытна долина за двумя перевалами, откуда можно

совершать набеги на предгорные станицы! И охота здесь обильна, ведь Умнырь всегда был приютом для зверя.

Каково же было наше удивление, когда мы не обнаружили здесь ни одного лесного человека!

Кордон с побитыми окнами и разваленной печью по-прежнему стоял пустой и заброшенный. Правда, мы отыскивали следы бандитов или браконьеров: кострища, куски оленьих кож, полоски недовяленного зубрино́го мяса.

Тишина не обманула нас. Мы обосновались не на кордоне, а ближе к реке. Там стояла хатка, уже почерневшая от времени. Она обросла лещиной и березой, скрылась с глаз. От хаты можно незаметно отступить в густой ольховник, а через брод — на ту сторону Лабёнка, в тенистый грушевый лес.

В непрерывной разведке мы провели двое суток, затем послали Сашу и Василия к перевалу и далее к Уруштену, где могли быть наши егеря, чтобы узнать у них, не явился ли отряд Сурена.

Надо же такому случиться: едва они уехали, как в долину с востока пожаловал отряд числом в двадцать всадников. Я обнаружил их с помоста, устроенного высоко на дубе.

Отряд довольно смело подошел к кордону и расположился там. Похоже, не первый раз в этом месте. Ночью мы подкрались ближе. Горел костер. А у костра сидели казаки и... Улагай. Худое и дерзкое лицо его застыло в надменности. Серый бешмет полковника резко выделялся среди черных казачьих тужурок. Царек...

Похоже, они пришли в надежде найти тут сотню Чебурнова и под ее прикрытием двинуться дальше. Может быть, Улагай шел в свой поход, о котором мы уже знали?..

Утром половина отряда снялась и пошла на перевал: искать сотню. Остались Улагай и десять охранников. Они прочесали лес, выставили караулы. Мы ушли за реку.

Двое суток не принесли перемен. Разведка не вернулась. Улагаевцы забеспокоились. А перед нами вдруг появились Саша и Василий. Еще через минуту — Телеусов, возбужденный, нетерпеливый.

— Схватили! — сказал он, даже не поздоровавшись.

— Кого, где?

— Ну, тех, что пришли отсюда. От Улагая. Мы дали им перейти по мосту, тут и взяли. Как раз чоновцы подошли. Пленные рассказали про Улагая. Тогда мы сюда правым, значит, берегом, чтобы вместе с вами. Их десять, нас шестеро. Одолеем.

Под утро мы окружили кордон. Керим Улагай и казаки седлали коней. Двух разведчиков выслали вперед, по той же

дороге. И сами заторопились. Отлично! Прямо на чоновский отряд.

Конечно, мы пошли следом. На первый перевал улагаевцы шли цепочкой, иной раз хорошо видные. Тогда-то Саша и сказал:

— Казак в башлыке прилип к полковнику. Ни на шаг. А на груди и на спине у него две сумы, он их все щупает, боится потерять. Не иначе — ценности или документы.

Улагай часто оборачивался, чувствовалось, что беспокоится за груз. Уж не к берегу ли морскому пробирается полковник, не за рубеж ли нацелился?

Телеусов сказал, что Кожевников сегодня должен подвести чоновцев поближе к перевалу, чтобы зажать белых в самом узком месте — на спуске. Потому мы не беспокоили противника, не подгоняли.

По всем скалам на Балканах буйно разросся жасмин. Он как раз зацвел. Такой дух по горам!.. А у нас война. Вот последний казак скрылся за вершиной перевала. Теперь ходу. Один поворот, второй. Наконец вершина с одинокой сосной. Далеко внизу в страшном каньоне гремела река, саженой двести до нее. А впереди на тропе мелькали казачьи фигуры в черном, то и дело скрываясь в кустах жасмина.

Стукнул далекий выстрел. Передовой из улагаевского отряда сполз с седла. Всадники схватились за винтовки. Кто-то повернул было назад. Шапошников тоже выстрелил. Или сдаваться, или смерть, они поняли. И бой начался.

Я следил за Улагаем, мог легко убить его, однако знал, что живой полковник куда важнее для мира на Кавказе и для сохранения зубров, чем мертвый. Видимо, и чоновцы по этой причине щадили полковника. Его люди падали один за другим. Когда свалился казак с сумами поверх бешмета, Улагай подскочил к нему, сорвал сумы и взвалил на себя. Еще думал уйти. К удивлению, он тотчас поднял руки и пошел в сторону чоновцев. Стрельба прекратилась. Мы покатались вниз. И тут произошло непредвиденное.

Улагай скорым шагом, руки над головой, дошел по тропе до висячего мостика через Лабёнок, с ловкостью рыси ухватился за перильца и побежал на ту сторону реки. Чоновцы, шагавшие навстречу ему, мы, спешившие с горы, — все опешили и с опозданием схватились за винтовки. Кто-то успел все же выстрелить. Улагай упал вперед, но пуля не убила его, видно, попала в туго набитую суму на спине и только толкнула. Полковник упал и на четвереньках пополз по гнилым доскам. Еще две сажени — и он скроется в кустарнике.

Но судьба распорядилась по-другому.

Вниз беззвучно полетели прогнувшиеся куски настила. Улагай успел схватиться за толстый канат и... повис над страшной рекой. Мы замерли. Он еще пытался забросить ноги на мостик, но сил у него уже не оставалось, к тому же мешали тяжелые сумы. Руки разжались. Может быть, он и кричал, но за грохотом реки голос не слышен. Еще секунда-другая, и тело в светлом бешмете сорвалось вниз. Река сомкнулась над неожиданной добычей. Конец Улагая...

— Что творится, что творится! — зашептал Алексей Власович. Краем глаза я увидел, как мелко и торопливо крестится он. Лицо егеря выражало ужас.

2

На несколько минут все остолбенели. Вот судьба! Очнувшись, мы все разом заговорили, высказывая разные мнения. Сошлись на том, что Улагай нес на себе драгоценности, награбленные за годы войны. Как бы там ни было, судьба освободила Кавказ от злейшего врага.

Командир чоновцев отозвал Шапошникова и сказал:

— У нас приказ — пройти отсюда на Большую Лабу. Проводника надо.

Директор посмотрел на Сашу Никотина. Тот согласно кивнул.

— Тогда так. Идите с Василием. И возвращайтесь на Умпырь. Здесь поживут Зарецкий и Телеусов. А мы с Василием Васильевичем пойдем на Кишу. Займемся своим делом посмотрим, как зубры.

Я сел писать письмо. Хотелось сообщить Кухаревичам о последних событиях, передать весточку Дануте. Письмо вручил старшему в группе, которая направлялась с ранеными через Псебай в Лабинск.

Закончив писать, сел в седло и вдруг почувствовал такое облегчение, какого не знал уже многие годы.

Самое тяжелое, кажется, позади.

Оставим на некоторое время записки егеря Зарецкого и попробуем, сопоставив исторические факты, глянуть на положение зубров пошире. И не только на Кавказе.

Лишь одну страницу из записей необходимо привести сейчас. Эта страница, вернее, две отдельные записи помечены октябрём — ноябрём двадцать первого года и апрелем — маем двадцать второго.

«Сразу же после листопада, — писал Андрей Михайлович —

мы обследовали весь район Умпыря, Мастакана, Большой Лабы, Алоуса и могли назвать количество зубров: здесь оставалось 28—29 голов. В те же месяцы Кожевников и Шапошников тщательно просмотрели район Киши и Бамбака до Белой. Они обнаружили 10—12 голов. Пастухи, приходившие с юга, клялись, что в верховьях Сочинки видели трех зубров. Неподтвержденное свидетельство я записал со слов жителей станицы Баговской: там видели двух зубров за пределами заповедника.

К таким заявлениям мы относимся с недоверием. Записываем только тех зверей, которых видели сами. Общее количество зубров в заповеднике, таким образом, определяется в 40—50 голов. Горько признаваться, но их продолжают бить. Братья Никотины нашли на Большой Лабе четыре зубровых скелета, потом в другом месте — еще два.

После того как армейские части потрепали бело-зеленых в трех боях кряду, отряды Козлика и еще одного полковника, Орлова, избрали новую тактику ведения войны: разошлись мелкими группами по глухим урочищам и тревожили станицы, хутора и дороги кровавыми набегами. Продовольствие они пополняли охотой на всякого зверя.

Надежды на сохранение последних пятидесяти зубров кавказского подвида связаны с окончанием войны в горах».

Вот так. К 1922 году кавказский ареал зубров уменьшился до площади в пятьсот — семьсот квадратных верст. Но и в этом когда-то недоступном, месте гремели выстрелы. Умный, понятливый зверь окончательно потерял покой, а вместе с покоем и способность к размножению. Зубры не были в безопасности даже зимой, в самых глухих ущельях, куда уходили, опасаясь человека с винтовкой. Потеряв обжитые пастбища, звери выходили за пределы заповедника. И там нарывались на пули браконьеров. Привыкшие к постоянному местообитанию зубры сделались бродягами. Рассыпались стада. Все меньше оставалось зубрят. Все более беспокойными стали взрослые.

Ни Шапошников, ни Зарецкий еще не знали, что в Беловежской пушце зубров уже нет. Последний был застрелен бывшим егерем пушцы Бартоломеусом Шпаковичем 2 февраля 1921 года.

Вряд ли этот человек знал, что убитая им зубрица была последней во всей пушце, которая к тому времени отошла от РСФСР к Польше.

Правда, на юге Польского государства в это время жили в неволе, в имении Пилявино, четыре полуручных зубра, когда-то купленные в Беловежском заказнике князем Плесс, владельцем имения. Перед войной там было семьдесят четыре зубра.

В том же 1921 году очень тяжелое время переживала наша славная Аскания-Нова, уже получившая по решению Украинского Совнаркома статус Государственного заповедника.

Почти два десятилетия в Аскании-Нова на Украине занимались гибридизацией американских бизонов с местным серым украинским скотом и с зубрами. Ценнейшие межвидовые гибриды зубробизонов и зубро-бизоно-коров удалось сохранить только частично, и в помещениях под охраной, а не в степи. Стадо в десять голов... Эти гибриды имели очень небольшую долю зубриной крови. Ученые понимали, что надо как можно скорее прилить свежую кровь зубра уцелевшим гибридам, но в обстановке разрухи, всеобщей нехватки самого насущного трудно было надеяться получить откуда-нибудь новых животных. К чести ученых Аскании-Нова, они не теряли этой надежды и сохраняли гибриды до лучших времен.

В Крыму до 1917 года была царская охота. И зубры. Их не осталось.

В Гатчинской охоте зубров истребили в начале 1918 года.

А что с теми зубрами, которых немцы вывезли из Беловежской пуши в 1915 году? Жив ли единственный горный зубр Кавказ, который до войны оказался в Гамбургском зверинце Гагенбека?

Беловежские зубры, отправленные в Восточную Пруссию, прожили до 1919 года. После этого и для них настали тяжелые времена. К 1921 году из семидесяти голов здесь оставалось менее десяти.

Семь зубров из Берлина вывезли в Ганновер. Они сохранились.

Около десятка зубров приобрела и выходила ни с кем не воссавшая Швеция. Она первая из стран Европы создала у себя зубровый национальный парк.

Несколько одиночных зубров находилось в зоопарках Лондона, Вены, Амстердама, Мюнхена, Стокгольма, Будапешта.

В 1921 году «крестник» Алексея Власовича Телеусова — бык Кавказ — уже имел в зверинце Гагенбека трех сыновей и двух дочерей. Владельцы зоопарка удержали «золотого зубра» до конца года. Далее он оказался в Бойценбурге у графа Арнима, с помощью которого покойный Карл Гагенбек приобрел Кавказа в России. Кавказ вместе с зубрицей Гарде прибыл в лесной парк Арнима, где проживали три или четыре зубра-беловежца. Здесь у Кавказа родился еще сын Гаген — последний из его потомства.

Таким образом, кровь кавказского зубра сохранилась в по-

месях с беловежскими зубрами. Факт обнадеживающий. Он давал основание полагать, что и в случае гибели последних зубров на Кавказе признаки подвида не пропадут на Земле.

После этого отступления мы снова возвращаемся к записям Зарецкого.

3

Домой, теперь уже в Майкоп, я попал по первому снегу. Данута и Мишанька, истосковавшиеся, похудевшие, такие родные, со слезами на глазах встретили меня у порога.

Они прожили трудное лето. Вдвоем обрабатывали огород, содержали Куницу, корову, которые требовали много труда, но много и давали.

Данута работала в школе через три дома от нас, а сын учился в той же школе.

Когда я вымылся в бане и в первый раз прошелся по комнатам, половицы подо мной заскрипели.

— Не привыкли к тяжелому шагу мужчины, — это произнесла Данута, не спуская с меня озабоченного любящего взгляда.

Она подвела меня к зеркалу. Я смотрел на себя и видел худощавого, несколько сурового человека с какой-то печалью во взгляде, с большими руками, которые не знал куда девать — так они привыкли к работе, к винтовке... И жену видел рядом как бы немного осевшую, но с лицом девически свежим и румяным, на котором светились милые голубые глаза. Она держала меня под руку и горько улыбалась; протянув руку, дотронулась до моих висков. До белых висков. Ничего я не сказал по этому поводу. Слишком много пришлось бы говорить.

Зато в Мишаньке мы оба видели приметы своей молодости. Он вытянулся, похудел, но сколько же энергии, живости и разума было в его глазах, пробивалось в порывистых жестах, скором шаге, в нескончаемой речи с мягким, по-детски произносимом «эр»!..

В тот вечер к нам пришли Катя и Саша.

Вот с кем время обошлось особенно беспощадно!

Сашин рост подчеркивал его теперешнюю худобу, он выглядел тощим как палка. «Жердь», — говорил он сам про себя. Лицо его временами странно дергалось, а острые глаза быстро увлажнялись, едва мы затрагивали чувствительные темы. Катя пожелтела, осунулась, хотя и не утратила ничего от прежней быстроты движений и внутренней силы. Годы и события взвалили на них непомерный груз.

— Идет время, идет, — глуховато сказал Саша и притянул

к себе Мишаньку. Достал из кармана леденцы-ландрин, сущую редкость по нашим временам, и вручил ему.

Женщины пошли готовить чай. Саша тем же глуховатым, непривычным для меня голосом потребовал:

— Рассказывай еще раз, как и что там произошло. Письмо твое было сумбурным.

Снова, уже с деталями, я поведал о пленении Чебурнова, описал последние часы Улагая. Саша сжал пальцы, похрустел ими, сказал:

— Он того заслужил.

Помолчав, спросил:

— Сколько у тебя зубров?

— Сорок — пятьдесят голов. И все в опасности.

— Нужны бойцы, чтобы одолеть упорных, фанатичных бело-зеленых. Нет у нас бойцов, — сказал он. — Колчак и Врангель исчезли, но контрреволюция действует не только на Кавказе. А тут еще ведомственные неполадки.

Оказывается, есть центральные учреждения, которые не признали декрета о Кавказском заповеднике. Местная инициатива, не более. Ну что такое Кубанский ревком? Вот если бы декрет из Москвы... И учреждения эти разрешают охоту, заготовку пушнины на Кавказе. Пушнина на экспорт. Очень важно для молодой Республики!.. Так открываются границы заповедника для охотников.

— Они и до зубра доберутся, — сказал я. — Мало нам бандитов...

— Уже есть факты. Трех оленей убил охотник Шевченко, еще одного некто Логвин. На караулке у Немецкой дачи устроили картыжку¹ ремней, ну и все в таком духе. На поляне Алоус есть зубры? Ну вот. Там же пасется домашний скот. Тоже по разрешению свыше. Межведомственная неразбериха.

Наверное, я выглядел очень расстроенным, потому что Саша умолк и, похлопав меня по колену, добавил:

— Сейчас положением заинтересовалась рабоче-крестьянская инспекция. Я побывал в Краснодаре, внес предложение запретить всякую охоту, ввести крупный штраф за отстрел оленей, зубров. Соображения эти посланы в Москву. Оповестили ученых — друзей заповедника.

И, помолчав, добавил:

— Но как можно выкурить из горных убежищ белые банды, остатки контрреволюции?..

¹ К а р т ы ж к а (местн.) — процесс изготовления ремней из шкуры убитого зверя.

— Только силой, Саша.

— То-то и оно. Облавы в горах теми силами, которые у нас имеются, не приносят успеха. Ваши с Суреном операции — самые удачные. Но и они не решили проблему.

— Много их? — Я имел в виду белых.

— Трудно сказать. От Теберды до Лабёнка — как сурепки в пшеничном поле. У них связь с Турцией, оттуда оружие, снаряжение, там командование, все на широкую ногу. А пока... Поезжай-ка ты, Андрей, в Москву, чтобы узаконить заповедник в Совнарком!

— Если посылать, то лучше Шапошникова. У него старые знакомые в академических кругах.

— Ну что ж, резонно. Пошлем Шапошникова.

В тот вечер мы засиделись допоздна. Мишанька уснул. В печи потрескивали дрова, уютный свет разливался по столу. Пили чай, Данута вспомнила нашу женитьбу, петербургские встречи. На час-другой мы позабыли заботы, не ворошили драматических событий последних лет. Мы отдыхали. Расстались за полночь.

Через неделю проводили Кухаревичей в дальнюю инспекторскую поездку по предгорным станицам. Саша проверял школы, уговаривал старых учителей вернуться на работу, создавал детские дома для сирот и беспризорных. Катя занималась больницами, фельдшерскими пунктами, гасила тифозные вспышки.

А еще дней через десять страшное известие потрясло нас и весь город: на дороге между станицами Каладжинской и Ахметовской банда бело-зеленых подкараулила и зверски убила наших друзей и четырех бойцов их охраны.

Вот когда мы с Данутой почувствовали, как одиноко вдруг стало на земле.

4

...Посыльный пришел в середине дня, когда я только что закончил инструкцию для наблюдателей заповедника и перечитывал ее. У нас было полтора десятка егерей, были деньги на оплату их труда. Все это появилось после возвращения Христофора Георгиевича из Москвы. Поездка его, встречи с давними друзьями Кавказа, с работниками отдела по охране памятников старины и природы Наркомпроса не прошли даром. Мы стали сильнее.

Я взял у посыльного бумагу. Шапошников писал: «Как можно скорей приходи в управление. Есть новость».

Шла весна. Подувал резкий ветер, но солнце грело уже

хорошо. В такие дни зубры выбирают укрытые от ветра места и лежат на припеке, блаженно прикрыв глаза. Греются. Уже отправился на Кишу Кожевников. Собирались на свои кордоны остальные егеря.

Еще издали я заметил у дома Шапошникова красноармейца с непокрытой головой. Он сидел на крыльце и вроде бы ждал меня. Вскочил, одернул гимнастерку и пошел навстречу. Мы сошлись, и я не поверил глазам своим.

— Боже мой, Задоров! Ты ли это?

— Эт-точно я, Андрей Михайлович.

Мы обнялись. Отстранившись, я продолжал рассматривать его. Да, Борис Артамонович, наголо стриженный, круглоголовый, похудевший, во фронтовой гимнастерке.

Открылась дверь, Шапошников вышел и спросил:

— Берем этого егеря?

— Еще бы! Вот не думал не гадал!.. Где пропадал?

— Все очень просто, Андрей Михайлович. Тифозный обоз, больница в Пятигорске, а как поднялся и винтовку смог держать, так с первым эшелоном красных — в Царицын, оттуда в Самару, по Сибири, то за Колчаком, то за атаманом Семеновым. Воевал, был ранен, опять воевал. Из Иркутска теперь. По чистой — после второго ранения. Где Василий Васильевич, как остальные наши?

— Скоро увидишь своего Василия Васильевича, зубров, Кишу. Поедешь со мной. Ну, ты молодец!

Задоров прожил у нас до вторника. С согласия Дануты я подарил ему Кунака, а сам решил вновь поехать на Кунице. Под шепот весеннего дождя мы поехали в горы.

Кишинский кордон стоял пустой, но с теплой печью.

Уже разместившись для отдыха, я обратил внимание на свежие отщепы с внутренней стороны двери. Такие отметины делает только пуля. Внимательно осмотрев стены, я и там нашел до десятка таких же примет.

Борис Артамонович враз утерять наивную восторженность в которой пребывал эти дни. Вот она, суровая обстановка. Он вышел, смотрю, вывел коней из сарая и пустил неспутанными на луг: не очень-то дадутся чужим. Огня мы не зажигали, на ночь устроились в сараюшке, откуда был выход прямо в лес.

Утром мы сделали круговой обход, ничего опасного не заметили. И тогда поехали наверх, к зубровым пастбищам.

Задоров весь ушел в созерцание близких хребтов и зеленого леса. Как чисто и светло сияли его глаза! Какую радость излучал он, даже дышал так, словно пил целебный воздух. Не будь опасности, которая требует тишины, запел бы в полный голос.

— Все время Кавказ во сне видел. Такая тоска, хоть беги без разрешения! Мечтал. И вот... — Он привстал на стременах, руки разбросал, будто обнять хотел эти тихие поляны и светлые хребты над ними.

Когда и как пристроился нам в хвост Кожевников, как выследил — мы не заметили. Обернулись — и ахнули! Бородач улыбался колдовской улыбкой. А уж обрадовался Задорову!.. Подвел коня бок о бок, и так, не сходя с седел, обнялись, словно отец с сыном встретились, плачут оба и слез своих не стесняются.

Дальше мы не поехали. Поставили костер, и пошел, пошел бесконечный разговор.

— Нашел себе благодать — тишину, а? — Кожевников любовно смотрел на Задорова.

— Когда идет революция, о тишине и покое говорить смешно, — быстро сказал Борис Артамонович. — Чистейший идеализм.

— Смотри, как заговорил! Агитатор!

— Здесь ведь тоже покоя нет, — сказал Борис. — Эт-я усвоил. И пулевые отметины на кордоне разглядел.

— Было, было, — коротко отозвался Кожевников.

— Давно? — спросил я.

— Не-е... Три ночи кряду обстреливали. Ну, и я не молчал. То с одного места стрельну, то с другого. Чтобы думали, будто нас много. Кажись, подстрелил кого-то, крик слышал. Убрались.

— Кто, как думаешь?

— Эти самые. Бело-зеленые. Похоже, заблудились. Пугачи. Они с востока приходили, вряд ли близко живут. А все же за зверя боязно.

— Видел зубров?

— Трех видал. Да еще волками обглоданного подранка нашел. Мартовской погибели. Выходит, и зимой охотились за ими. Но надоть еще посмотреть, думается, на Пшекише, на Сенной поляне и повыше должны быть другие.

Говорил и все на Задорова посматривал, хотел понять, каков он теперь, его крестник. Боялся, уж не другим ли стал за трудные годы. Спросил вдруг:

— Рука твоя тверда али как? Жизнь у нас опасливая.

— Винтовку держать могу, огни и воды прошел — не убоялся. Так что по-старому, плечом к плечу с тобой воевать за Кавказ... И за зубров.

И так они друг на друга посмотрели, что и тени не осталось в их давней мужской дружбе.

Четыре дня мы лазили по хребтам и ущельям, высматривая

зверя на полянах и опушках, благо верхний лес еще не закрылся зеленым листом. И за четыре этих дня обнаружили семь зубров. Только взрослые особи. Согнутые, с неряшливой шкурой, они от любого шороха вскидывали хвост и бежали сломя голову. Даже издали можно было почувствовать их болезненную возбудимость. Так долго зубры не проживут. Эти звери нуждаются в покое.

Задоров легко узнавал некоторых старых знакомцев. Разглядывая зубров в бинокль, он весело говорил:

— А вот и мой Рыжий. Левей его Бойкая. Ишь как линяет, вся в клочьях. Постарела... Неужто у нее бычка или телочки не было?..

Так, с остановками, мы добрались до устья реки Шиши. Здесь я хотел оставить друзей и пробраться на Умпырь. А их попросил поехать западнее, на Молчепу. Но егеря не пустили меня одного. Еще три дня мы путешествовали по высокогорью, прежде чем спуститься к Умпырю. Долго высматривали с горы: спокойно ли там? К радости своей, обнаружили на склоне горы трех зубров, а над избушкой вскоре увидели дымок. Уже на заходе солнца опознали Телеусова. Снова встреча, неторопливый разговор у печурки, ощущение братства.

— Сколько? — спросил я у Алексея Власовича.

— Покамест семерых отыскали. Ребята Никотины на Алоус отправились, вернутся к завтраму. А эти зубры — на Мастакане.

— Банды не беспокоили?

— Не было. Зато волков развелось, Михайлыч!.. Прямо до избы являются, такие храбрые.

Рано утром Кожевников и Задоров перешли на тропу, что вела к перевалам. Я остался с Алексеем Власовичем.

5

Осень двадцать второго года.

Мы оставили Умпырь. В начале октября от Большой Лабы сюда проникло более сотни бело-зеленых. Приходили они группами по десять — пятнадцать человек, хорошо вооруженные, даже при пулеметах на вьюках. Наши отпугивающие выстрелы вызвали шквал ответного огня. Мы потребовали из Лабинска воинскую часть, но кто-то предупредил банду, начались стычки. Были немалые потери, и бойцы, опасаясь зимы, отошли к Псебаю. Бандам отступать было некуда, остались в Умпыре.

Одиннадцать зубров очутились в опасном соседстве. Звери привыкли спускаться в долину. Что их ожидало?!

Мы ушли старой егерской тропой на верхнюю Кишу, а оттуда и на кордон. Можно представить себе, с каким настроением покидали мы долину.

Первые дни жизни на Кише мы ходили подавленные и настороженные. Удастся ли удержаться нам здесь? Правда, зима с буранами в октябре закрыла все пути-дороги, но и для нас не оставила никакого маневра.

Василий Васильевич, а потом и Задоров успели поставить несколько стожков сена да убрали десятину огорода. Голод не угрожал ни нам, ни коням. Но беспокойство за зубров не исчезло. На Кише их стало девять: двух успели пригнать к Сулиминой поляне с западного пастбища на Молчепе. Девять... Вот все, что удалось сохранить от некогда величественного кавказского стада. Умпырских я уже не рисковал считать живыми.

Как только морозы укрепили снег, Борис Артамонович наострил лыжи. Он уходил на целый день. Однажды он не показывался трое суток — следил за зубрами, среди которых знал не только Бойкую и Рыжего, но и Лабицу, и быка Чудо. Возвратившись, без конца говорил о них:

— Лежат под пихтами, а как оголодают, выходят на поляны, целые окопы роют. Носом, лбом до земли — и пошли, пошли. А вскинут головы, на рогах пучки ожины висят, ну и тянут ее, жуют. Или кору отдирают. Эт-забавно. Сгрызет понизу, схватит за конец и отходит, дерет ленту, пока не оборвется. Я десятка три осин повалил, чтобы проще им было есть...

— А зубры что же? Стояли и смотрели, как ты, значит... — не унимался Кожевников.

— Куда там! Раз стукну топором, так они бог знает где. Бегут без огляда, особенно Лабица и Бойкая. В галоп!

В последний раз я видел кишинское стадо в январе 1923 года, в ясный день обильной изморози, на опушке заснеженного леса. Мы подошли сажен на четыреста, а они — пять темных зверей — выдвинулись из чащи и стояли, не спуская с нас настороженного взгляда. От боков их исходил легкий парок. Куница дернулась, звякнула удилами, и этот чуждый лесу звук мгновенно спугнул зверей.

Из Хамышков пришел на лыжах Василий Никотин, привез записку. Шапошников звал меня в Майкоп. Мы помогли чекистам разработать план нового наступления на бело-зеленых и пошли с отрядом проводниками.

К сожалению, и эта операция не привела к освобождению нашей заповедной территории от «лесных людей».

Более того, в феврале после долгой перестрелки и перед

угрозой окружения Кожевников и Задоров покинули Кишу и появились в Хамышках. Последняя территория заповедника была утеряна...

...От прибывшего в Краснодар профессора Исаева узнали, что польские, немецкие, французские национальные комиссии по охране природы внесли на конгрессе в Париже предложение учредить Международный комитет по охране зубров и собрать оставшихся в зоопарках и охотничьих угодьях зверей в одно место с целью восстановления исчезающего вида. Московское общество охраны природы присоединилось к этому предложению.

Стали известны фамилии добровольных защитников зубра: в Германии это была зоолог Эрна Мор, в Швейцарии — братья Соразем, в Польше — Ян Жабинский, создатель первой Международной племенной книги зубров. В нашей стране — профессор Григорий Александрович Кожевников, старый наш знакомый Дмитрий Петрович Филатов, известный зоолог Федор Федорович Шеллингер, молодой ученый Владимир Георгиевич Гептнер и знаток Беловежской пуши Николай Михайлович Кулагин.

Летом 1923 года, презрев опасность, мы опять собрались все вместе и пошли на Белую, а оттуда на верхнюю Кишу, поскольку кордон, стоявший ниже, все еще находился в руках крупной банды.

Подходили с двух сторон и к Умпырю, высматривая зубров. Какова же была радость Бориса Артамоновича, когда ему повезло обнаружить на границе альпики у Бамбака две пары зубров! Присмотревшись, он сказал, глотая от волнения слова:

— Эт-наши... Бойкая, Рыжий, Лабица, а вон и Чудо... А эт-что? — спросил, высматривая вновь. — У них теленок! Смотрите, от Лабицы справа, вон он, вон!..

Радость для всех. Прямо праздничный день!

Не тогда ли окрепла наша старая идея — согнать оставшихся зубров в один загон и охранять их уже в полувольном состоянии? Единственный выход. Вот только удастся ли согнать? Не овцы...

В мае 1924 года Шапошников торжественно зачитал егерям декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об учреждении Кавказского зубрового заповедника». Ко всеобщему радостному чувству невольно примешивалась горечь: не было мира в заповеднике, теперь признанном в правительстве. Шапошников сказал мне позже:

— Все-таки оставили старую формулировку: зубровый. А зубров-то, кажется, уже нет...

— Есть зубры,— поправил я его.— Только бы удалось сохранить их!

— Да-а, сохранить,— молвил он очень горестно.— А знаешь ли ты, Андрей Михайлович, что бело-зеленые вновь активизировались и совершили страшное преступление?..

— Что такое?

— Только что сообщили из Загдана: банда напала на экспедицию профессора Исаева, которую сопровождали егеря нашего восточного кордона. Исаев убит. И еще трое.

Доколе же будет?..

Через два месяца после преступления пришла, наконец, долгожданная весть о разгроме штаба бело-зеленых.

Произошло это благодаря смелым действиям одного человека, которому удалось внедриться в руководящую группу лесных бандитов. Он сообщил в Армавир о предстоящей встрече всех главарей бело-зеленых, полковников Козликина, Орлова и Ковалева, которые имели прямую связь с генералами Врангелем и Сергеем Улагаем, находившимися в Париже. Разведчик указал место встречи: хутор Тегинь. Дом, где собрались главари, был окружен. Смелый разведчик погиб во время этой операции, но гибель его одновременно стала и концом организованной борьбы всех бело-зеленых. Банды потеряли управление. Они таяли, исчезали. По горным селениям начались большие аресты укрывавшихся от возмездия.

В августе 1924 года в Армавире состоялся суд над 69 наиболее опасными бандитами.

В горах стало спокойнее. Но выстрелы не прекращались. По дорогам и лесам тихо крались браконьеры.

Мы решили осуществить свое намерение.

Строим на склоне горы Сосняки, в семи верстах от Кишиневского кордона, большой загон, размером двести на двести сажень с крепкой оградой. Мечтаем заманить сюда четырех обнаруженных зубров с телком, если не летом, то зимой, когда с кормами будет хуже. В самом загоне у нас посеяна брюква, которую так любят зубры. Мы косим сено и ставим стожки опять же внутри ограды. Настроение приподнятое. Если эти зубры уцелеют и размножатся, то стадо начнет восстанавливаться.

В один из вечеров, когда над Главным Кавказом то и дело вспыхивала безмолвная зарница — эта усмешка неба, — до нас вдруг донесся выстрел, потом еще три кряду. Безмятежность как рукой сняло. Ужели новая банда в верховьях Киши?.. До рассвета все были в седлах. Задоров вырвался вперед.

Он и обнаружил на берегу ручья застреленного быка Чудо, а поодаль — мертвого зубренка с разбитой головой. Сел возле него, руками закрыл лицо и застонал, как от боли. Потом вскочил — и бегом по ручью, куда уходили следы убийц. Мы поспешили за ним.

«Охотники» уже взбирались по боковине распадка наверх. Их было пятеро. Двое добрались до каменного уступа, вот-вот скроются. Телеусов вскинул винтовку и выстрелил. Один на уступе споткнулся, упал. Второй залег и открыл ответный огонь. Трое остальных бросили поклажу.

Их выручила темнота.

Но преследование продолжалось.

На этом заканчиваются записи самого Андрея Зарецкого. Привычный нам почерк в старой тетради с синим переплетом больше не встречается.

Описание дальнейших событий, связанных с заповедником, сделано другим лицом, разными чернилами и, похоже, от случая к случаю.

Кто вел дневник? Прямой ответ мы находим уже в первых строках следующей страницы.

«К запискам моего мужа, — написано здесь, — никто не прикасался почти три месяца, пока жизнь Андрея оставалась под угрозой. Лишь вчера доктор сказал, что опасность удалось отвести. Я вздохнула свободней и позволила себе короткий отдых. Убедившись, что Андрей спокойно спит, отыскала его записи и прочитала вот эту последнюю строчку: «Но преследование продолжалось».

Чтобы не утеряться нить событий, позволю себе уже собственными словами передать трагедию, о которой мне подробно рассказали егеря».

...Далее Данута Зарецкая пишет.

...Они возобновили погоню рано утром. Прекрасные следопыты, сгоря очень скоро обнаружили преступников в пихтовом лесу, тем более что те не могли уйти далеко: несли раненого. Но и сдаваться не собирались.

Началась перестрелка, тот лесной бой, где побеждает не обязательно сильнейший.

Вскоре один из браконьеров поднял руки. Каково же было удивление Алексея Власовича, когда он признал в пленнике своего соседа Циркунова! Не стерпел: ударил по лицу что было силы, закричал:

— Ты что же, Матвей, душу продал?!

От него узнали, что в шайке не те, на кого думали, не бандиты, а местные, хамышковские, которых жажда охоты увела в лес, а потом и сделала едва ли не убийцами.

Пленного заставили крикнуть своим, чтобы сдавались. В ответ началась стрельба. Озверели. Браконьеры уходили, огрызаясь. Но они не могли уйти. За лесом шла открытая луговина. Ни укрыться, ни убежать.

Воистину правда: поднявший руку на зверя уже не задумается поднять руку и на человека! Стреляли, ни на что не надеясь. Был ранен Кожевников. Егеря тоже поранили еще одного.

Лишь на опушке, поняв, что дальше хода нет, кто-то из негодяев крикнул: «Сдаемся!» Но когда Андрей пошел на них, хлопнули сразу два выстрела, и он упал.

Почему они так поступили, решившись на хладнокровное убийство? Акт отчаяния? Или старые счеты?..

Браконьеров обезоружили, заставили нести своих раненых, а моего мужа уложили на конные носилки и быстро направились в Даховскую, где был фельдшерский пункт.

Два дня они добирались оттуда до Майкопа. По-видимому, Андрей потерял много крови. Он часто впадал в беспамятство. И даже в больнице, куда вызвали меня, он несколько дней не приходил в себя. Пуля прошла через правый бок. Очень опасное ранение и не менее опасная перевозка.

Вместе со мной дежурили друзья Андрея. То и дело прибегал Мишанька. В эти дни сын как-то сразу повзрослел.

...Он поправляется.

Мы подвозим его в коляске к окну, Андрей смотрит на близкие горы уже в глубоком осеннем убранстве и горестно вздыхает. Изредка, но с каким-то нехорошим постоянством кашляет. Каждый раз это очень мучительно для него.

Доктор сказал мне:

— Преведняя жизнь с разъездами и с ночевками у костра для вашего мужа полностью исключается. Только спокойная работа в учреждении. О заповеднике придется забыть. Подготовьте его к этой перемене в жизни.

Легко сказать — подготовьте. Всякое свидание мужа с Шапошниковым, с друзьями-егерями Андрей начинает и кончает вопросами о зубрах. Задоров рисует ему только благополучные картины. Но я-то знаю: слова Бориса — ложь во спасение. Недавно нашли останки еще двух зубров. Бросили затею с устройством загона. После ранения Андрея у всех опустились руки, исчезла уверенность в сохранении последних зверей. Даже у Шапошникова.

— Поздно, — сказал он мне. — Трагедия любого вида, оставшегося в критическом меньшинстве...

Мне кажется, это понял и Андрей. Дела всей его жизни недоставало для преодоления препятствий.

Когда я завела разговор о перемене места, он отнесся к моему предложению с подозрительной апатией, словно раньше меня все уже решил и на все согласился.

— И Мишаньке учиться лучше в Краснодаре, — добавила я для убедительности.

Но могла бы и не добавлять. Он согласно кивнул.

Андрею предложили место в лесном отделе. Согласился без раздумья.

Перед тем как расстаться с Майкопом, мы съездили в Псебай. Встретили нас очень тепло. Большая толпа жителей сопровождала на пути к церковной ограде. Там мы положили на могильные плиты родителей бессмертники.

После этого мы уехали из Майкопа. Проводить нас собрались все егеря. Запряженная коляска стояла во дворе, мы с Мишанькой сидели в ней, Андрей все чего-то медлил.

— Подождите, — сказал он и пошел в сарай, где тревожно ржала уже проданная другому человеку Куница. Я подошла и стала у дверей. Долгих пять минут Андрей прощался со своей Куницей, что-то шептал, прислонившись щекой к конской голове.

Как она ржала и била копытом, когда мы выезжали со двора! Андрей сидел в коляске, закусив губы и глубоко вздохнув, попросил свернуть на городское кладбище. Там мы постояли у могилы Кати и Саши Кухаревичей. Простились...

Первое письмо, полученное нами уже в Краснодаре, — от Бориса Артамоновича Задорова. Не стану приводить его. Скажу только, что написано оно было в самых оптимистических тонах. «Они еще живы, за двумя я постоянно слежу, — писал Задоров. — Они зимуют на склоне горы Алоус».

Письмо датировано июнем 1925 года.

Осенью 1927 года на горе Алоус неизвестные пастухи застрелили двух зубров. Об этом узнали через месяц.

Возможно, это были Бойкая и Рыжий. Во всяком случае, зубров здесь больше не видели.

Кавказский подвид зубра, пережив своих беловежских братьев на шесть лет, исчез как дикий зверь с лица земли.

Но где-то жили потомки Кавказа, в жилах которых текла кровь горного подвида.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗЕЛЕННЫЕ ЛИСТЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

Глава первая

*Молчаливый Кавказ. Поиски зубров. Сын избирает профессию.
Заблуждение егерей. Поездка в родные края. Вести из Москвы.
Охотоведческая станция Киша*

1

Зубров на Кавказе нет Нет. Нет!

Но люди, похоже, не замечали этой потери. Мало ли кого нет после такой войны!

Все так же ходили егеря по тропам заповедника, стараясь охранить от злых людей оставшихся оленей, косуль, туров и медведей; перед ними открывались те же красочные просторы альпики, но тоска по утраченному зубру не проходила. Мир казался пустым. Знали, что зубров нет, но не мирились с этим знанием. А вдруг?.. Всякий раз, подымая бинокль, Борис Задоров или Алексей Телеусов надеялись на чудо.

Пожалуй, самым деятельным искателем зубров в конце двадцатых годов был Борис Артамонович Задоров. Он верил в свою удачу. Он спал и видел зубров. Они чудились ему в густой тени пихтарника, среди скал, у солонцов — днем и ночью. Он находил старые погрызы на стволах ильма и осины, шел по едва приметным следам, видел заросшие чесальные горки, натыкался на кости зубров, черепа. Все приметы налицо!

Задоров жил в Майкопе. Молодая жена его с апреля по октябрь видела мужа едва ли две-три недели. Уходил он из дома убежденный в удаче, говорил, что на этот раз он найдет, эт-точно, потому что проникнет в самое-самое... А возвращался потерянный, с потухшим взглядом и сердился, когда кто-нибудь заговаривал о зубрах.

В такие дни он садился писать очередное письмо в Краснодар, как рапорт начальству, хотя Андрей Михайлович Зарецкий уже не был для егеря начальством.

Побыв неделю дома, Борис Артамонович скучнел и вскоре опять исчезал в горах.

Хамышки и дом Алексея Власовича Телеусова были ему, по пути, разговоры егерей начинались и кончались зубрами, они усаживались на бревне у дома и молча сидели, прислушиваясь к шорохам близкого леса.

Телеусов поглаживал пепельно-серую мушкетерскую

бородку и думал о своем друге Зарецком, который хоть и далеко, а все неотделим от зубров. Вспоминал он и бычка Кавказа, которого они с Зарецким давно-давно увезли в чужие края, с этого самого прибрежного лужка, что напротив дома. А вдруг у Кавказа сохранилось потомство, если самого уже нет? Конечно, нет. Ведь быку сейчас было бы больше двадцати пяти лет. Ну, а если потомки, внуки Кавказа рассеялись по белу свету? Можно выторговать пары две да привезти вот сюда, на Кишу, где бирюком проводит лето Василий Васильевич Кожевников...

С Задоровым он этими фантастическими планами не делился, поскольку и сам не очень верил в них. Был бы Андрей Михайлович при деле, тогда можно попытаться... От него редко залетает письмецо. Справится о здоровье, два слова о себе, поклон от Дануты Францевны... О зубрах не вспоминает, больно ему вспоминать. Чуть не вся жизнь им отдана.

А Борис Артамонович сидел рядом, покуривал и размышлял, какими еще тропами пройти? Он не проникал памятью в далекое прошлое, находясь во власти одного устремления — отыскать уцелевших зубров. А вдруг они перевалили через хребет и за-

таились в пихтовых лесах у озера Кардывача? Именно там в 1925 году браконьеры убили зубра.

Уговаривать старого егеря он воздерживался. Два раза они ходили вместе с Телеусовым. Облазили Кишу, Бамбак и Агише, а во второй — сопровождали ученых из Москвы, которые тоже приехали искать. Тогда с ними был и знакомый Филатов, потом еще один профессор, по фамилии Розанов. Вместе с заместителем Шапошникова по науке Александром Гунали они исходили заповедник вдоль и поперек. Ничего не нашли, но с десятков волков постреляли, их расплодилось так много, что людей не боялись.

— Слышь, Власович, что мне Шапошников сказывал? — Задоров щелчком отбросил сигарку. — Говорит, что к ним запрос пришел, чтобы продали за границу несколько наших зубров.

— А то не знают... — начал было Телеусов. — Кто такие?

— Есть Международное общество сохранения зубров. Всех зубров, какие живы, записали в книги и глаз не сводят. Эт-так Христофор Георгиевич сказывал. Президент того общества, по фамилии Примель, послал письмо в Москву. Ему ответили, что на Кавказе зубров нету. А я вот не верю!

Телеусов промолчал. Он опять подумал о быке Кавказе и его потомках. Если всех зубров записали, то уж и этих потомков не обошли. Как бы узнать?

И вдруг неожиданно сказал:

— А я, пожалуй, составлю тебе компанию, Борис. Вдвоих-то веселей. Куда ты надумал иттить?

— Начнем с лагеря Исаева. И до Березовой, до Сочинки.

Прежде чем лечь, Алексей Власович продиктовал Задорову письмо в Краснодар, Андрею Михайловичу Зарецкому, с просьбой узнать, что там этот Примель — или как его? — в самом деле записывает зубров по всей Европе или нет? А если записал, то не нашлось ли сыновей или внуков Кавказа, их крестника, пойманного, если Андрей Михайлович еще не забыл, в одна тысяча девятьсот девятом году на Кише...

2

Тяжелое ранение, затяжная болезнь и отлучение по этим причинам от дела, с которым Зарецкий связал лучшие годы своей жизни, — все оставило глубокие шрамы в его душе. Он не слишком замечал перемены в своей внешности, как не замечаем мы все, старея и меняясь, потому что ежедневно видим себя в зеркале, а постепенность скрашивает и не такое. Данута не имела желаний говорить на эту тему.

Старели, жили тихо, оба работали и все житейские неприятности с лихвой перекрывали взаимной любовью и заботой, которая отмечает удачные семьи.

У них рос сынок, он повторял их самих в юности. Достаточное вознаграждение за старость.

Трехоконный дом их стоял недалеко от кубанского затона, длинной петлей завернувшего на городскую окраину у старого казачьего укрепления, где теперь была больница и здание бывшего городского головы.

Из двух окон дома и с террасы на западной стороне открывался хороший вид. Берег круто падал, внизу зеленели сады, а поверх их виднелся заречный простор. Когда заходило солнце, на том краю степи рельефно возникали горы.

Андрей Михайлович мог часами смотреть на голубой Кавказ, где провел счастливые годы своей жизни. Лицо его с высоким лбом, на который падала прядка белых волос, выражало в такие минуты отчаянную тоску. Он никогда не жаловался, ничего не говорил жене, но она все замечала и тоже переживала тайную печаль мужа. Город так и не заменил им лесных уголков Кавказа.

Письма Бориса Артамоновича он читал по многу раз. Как и Задоров, надеялся в душе, что зубры отыщутся.

С великой надеждой встречал у себя Шапошникова, чаще других посещающего город. Усадив гостя, он прежде всего просил: «Рассказывайте...» — и слушал, не сводя глаз с директора. Все знал, что происходило в заповеднике. К сожалению, дела там шли не блистательно. Оправдания, конечно, находились. Страна залечивала военные раны, планы развития только намечались, денег и сил не хватало. Заповедник во всем ощущал нехватку. Ну что такое для трехсот тысяч гектаров семнадцать лесных сторожей, как теперь именовались егеря? Мог ли этот «полувзвод» всерьез бороться с незаконной охотой, поддерживать в порядке кордоны, тропы и дороги, учитывать дикого зверя?

Когда пришло письмо из Хамышков, в доме Зарецких как раз сидел Шапошников — старый, хмуро насупившийся и раздраженный. Отпив два глотка крепкого чая, он как-то очень резко отодвинул чашку и сердито сказал:

— Не могу спокойно говорить с ними! Доводы — как о стенку горох! Неизлечимая глухота, когда дело идет об охране природы.

Директор только что пришел из областного Совета, где «деловые люди» высказали ему очередное неудовольствие работой заповедника: почему директор сам не находит денег для охраны, не проявляет хозяйственной инициативы,

не продает населению лес, дранку, сено, не сдает в аренду выпасы.

— И это твердят мне работники Главприроды! — возмущенно выкрикивал Шапошников за столом. — Я настаиваю на развитии науки в заповеднике, толкую о неприкосновенности его богатств, об охране, устройстве станций для студентов и ученых, а мне вбивают: пили лес, продавай дранку, сдавай луга для скота. Черт знает что! Уйду я, Михайлович, не могу. Согласиться, что заповедник — источник материальной выгоды? Это прежде всего эталон дикой природы, лаборатория для ученых!

— Да-да, — Зарецкий согласно кивал. — В декрете Совнаркома еще в 1921 году прямо записано: земли под заповедниками и национальными парками не могут быть обращены под обработку или разработку естественных богатств без разрешения народного комиссара просвещения...

— Знай свое твердят: власть на местах! Областной межведомственный комитет по охране природы не в силах противостоять нажиму станичных и адыгейских общин. Они требуют выпасов на заповедной территории. Станицам нужен лес, пихта, она тоже в заповеднике. Менять границы? Да сколько же можно? Уже меняли!

Шапошников крупно вышагивал из угла в угол, по-стариковски горбясь.

— А что зубры? — спросил Зарецкий. — Теплится надежда...

Директор как-то странно посмотрел на него. Разве не знает?

Он остановился у открытого окна. За Кубанью синели горы, маняще-таинственные, далекие, сказочные. Постояв так и несколько успокоившись, Христофор Георгиевич сказал, не отрывая глаз от зубчатых гор:

— Уйду я. Нету моих сил. Но без борьбы сохранить заповедник для потомков нельзя. Устал я от этой борьбы. Или уже старость?..

— У меня письмо от наших егерей. Хотите, прочитаю? Интересное письмо, новая мысль.

Шапошников подвинул к себе остывший чай, большими ладонями обнял чашку и не шелохнулся, пока Зарецкий не кончил читать. Спросил:

— Телеусов сочинил?

— Писал Задоров. Но мысль Телеусова.

— А что? — Директор откинулся на спинку стула. — Идея носится в воздухе. Я напишу Григорию Александровичу Кожевникову, профессору Московского университета, думаю

сообщит о быке Кавказе и его потомстве. Если говорить о восстановлении стада, то нам нужны зубры только с кавказской кровью, потомки Кавказа. Вот проблема, а?

Он повеселел. Еще поговорили. К ним присоединилась Данута. Вспомнили Псебай, Майкоп, Кишу.

— А где же Мишанька? — спросил гость. — Давно не видел добра молодца.

— Время, время, — вздохнула Данута. — Имя Мишанька к нему уже не подходит. Теперь Миша, Михаил. Закончил десятилетку, проводили в Москву. Бредил университетом. Одно на уме: работать со зверями. Волнуемся, ждем вестей.

Данута быстро поднялась, вернулась с фотографией.

— Вот какой, гляньте! — с гордостью произнесла она.

На директора с фотографии смотрел... молодой Андрей того счастливого для него года, когда он встретил Дануту. Так походил на отца! Крепкий, белолицый, голубоглазый, со взглядом мягким и мужественным, готовый к деятельности.

— Вылитый отец, — подсказала Данута.

— Ну, и от мамы кое-что, — поправил гость. — Ласковые ваши глаза, Данута Францевна. Итак, зоолог? Пожелаем ему удачи! Вдруг продолжит наше дело, а?..

3

Экзаменовал поступающих сам Григорий Александрович Кожевников, профессор удивительно благожелательный, наделенный особенным чутьем к тем молодым людям, для кого природа — храм науки. Умел отбирать самых увлеченных, незаурядных — будущих ученых.

Перед ним предстал взволнованный Миша Зарецкий.

— Как, как вы сказали? — переспросил профессор.

Зарецкий? Уж не сын ли того Зарецкого, с которым Кожевников еще до войны состоял в переписке? В недавнем письме директора заповедника снова упоминается Зарецкий. Профессор спросил:

— Вы из Краснодара? Ваш отец служит в заповеднике?

— Служил. После тяжелого ранения врачи запретили ему...

— Печально, — сказал Кожевников и повторил: — Печально. Я так понимаю, что вы собираетесь по стопам отца. Верно?

— Да, профессор.

— А зубров-то и нет.

Лишь недавно он сочинял ответ президенту Международного общества сохранения зубров доктору Примелю, в котором уведомил, что на Кавказе подвида *Bos bonasus caucasicum* боль-

ше не существует. После письма от Шапошникова он снова обратился к Примелю уже с просьбой узнать о судьбе Кавказа и сообщить, нельзя ли приобрести несколько особей этого подвида для восстановления горного стада. Ответа пока не получил.

— Ну-с, молодой человек, — начал профессор, — расскажите-ка о себе и что там на Кавказе...

Кожевников явился на заседание приемной комиссии со списком в руках. Там он сказал, что будет рад увидеть Зарецкого в числе слушателей факультета зоологии.

В Краснодар полетела телеграмма: принят!!!

Спустя неделю сын вернулся в родительский дом, чтобы вскоре отбыть в Москву уже надолго и всерьез.

Перед отъездом отец подозвал Мишу к открытому окну и сказал, показывая на далекие горы:

— Там твоя родина, сынок. Что бы ни случилось, вернись туда. Там ты будешь нужен. Твой отец не сумел завершить дело своей жизни. Попробуй ты, коли выбрал дорогу, по которой не очень удачно прошел я. Зубры, владыки гор...

Дом опустел. Зарецкие по утрам уходили на службу, вечером гуляли, говорили о сыне, но Данута Францевна знала, о чем еще постоянно думает муж. Как и Задоров, он надеялся, что где-то сохранились зубры. А если и нет, то не отказывался от другой возможности — отыскать потомков Кавказа в европейских государствах, приобрести их и размножить в местах прежнего обитания. Молодой Зарецкий в Москве мог стать полномочным послом для разрешения этого дела. Он будет рядом с учеными крупнейшего университета, выяснит местообитание потомков Кавказа, чтобы хлопотать о приобретении их.

Однажды утром нежданно-негаданно в дверь их дома постучался Задоров.

Ему открыл хозяин. По лицу Бориса Артамоновича не трудно было понять, что в заповеднике какое-то событие. Зарецкий только успел поздороваться, а егерь уже вытащил письмо.

— Вот. Эт-срочно.

Едва вошедши в комнату, Андрей Михайлович взялся читать не очень разборчиво написанные листки, автор которых так и не смог осилить грамматики.

«Мы ходили втроях и при ружьях, — писалось там, — и верстах в пятнадцати от Баговской, где доси проживаем, и вот там выследили у дубняка быков-зубров, которые живые-здоровые, их было трое, и хотели сперва стрелить, да тут вспомнили нащот пропечатанного в газетах объявления, касаемо премии в пятьсот рублей каждому трудящему, который покажет живого зубра в

горах. Пишет вам Поликарпов сын Сергей, по фамилии Фомкин, а два сподручника остались караулить тех зубров. Ежели нащот премии так и правда, присылайте комиссию, при деньгах чтобы, я поведу до зубров, как законно открытых и задержанных в лесу.

А ежели денег при вас не будет и газета пропечатала для соблазну, тех зубров мы добудем сами, потому как кожа в цене, да и мясо».

Прокашлявшись, Задоров сказал:

— Эт-письмо получил Бойко, председатель Лабинского союза охотников. В Баговскую поехали директор с заместителем, а меня послали до вас, говорят, дело важное.

Данута стояла рядом с мужем. Он передал ей письмо. Подумав, спросил Задорова:

— Когда поезд на Армавир?

— В одиннадцать. Нарочно посмотрел.

— Ты что задумал, Андрей? — спросила Данута.

— Мы поедem с тобой, — спокойно сказал ей Зарецкий. — Это прогулка. Собери все для дороги. Успеem. Борис, дорогой мой, это действительно важная вестъ. Ты, конечно, с нами?

— А как же! Раз такое дело... Сколько искали! А тут, пожалуйста, какие-то любители денег. Да еще с такими угрозами.

Данута не спорила, не отговаривала. Робкая и сладкая мысль вошла в ее душу: вдруг на пользу мужу?.. Родные места, встреча со старыми егерями, с лесом. В памяти оживет очень многое. Уверует в себя, и забудется его болезнь, как случается при радостных переменах.

Вокзал, пыльный вагон, давка. Андрей Михайлович сразу улегся на полку. Но к вечеру поднялся, пришел в себя. А на другой день он и вовсе подобрался и уже не отходил с Данутой от окна.

Поезд ходил уже до Лабинска. Их там должны встретить. И в самом деле, встретили и повезли в удобной коляске по ровной, хотя и пыльной дороге, на которой ветер крутил золотую солому и ячменные остья. Шла уборка, пахло спелыми яблоками и хлебом. Светило негорячее солнце.

Шапошникова и его заместителя Гунали они нашли в Баговской. Оба выглядели уставшими, виноватыми и злыми.

— Блеф! — коротко произнес директор. — Напрасно обеспокоили. Простите меня, Данута. У этих горе-следопытов деньги глаза застили: три отбившихся от стада бычка швицкой породы дикими зубрами им показались. Идиоты!

Задоров сжал кулаки. Рухнула и эта надежда. И Зарецкий обмяк, беспомощно улыбнулся и виновато посмотрел на жену.

Шапошников торопливо сказал:

— Раз уж вы приехали, так давайте ко мне в Майкоп. Старых друзей повидаем, да и старые могилки тоже... Как вы, Данута Францевна? Отлично, я так и думал, что согласитесь.

4

Большая компания, отдохнув в саду у гостеприимного станичника, спокойно обсуждала вновь отодвинувшуюся проблему зубров.

— Двух мнений быть не может,— твердо заявил Шапошников.— Дикие зубры на Кавказе исчезли. Утрата невозвратная. Остался один путь для сохранения вида: отыскать зубров в зоопарках и привезти сюда для размножения. Ты что, Задоров? Похоже, съесть меня собираешься?

— Зубры живут на Кавказе, эт-точно. Буду искать.

— Вот когда найдешь, я сам приду к тебе с повинной, и делай со мной, что душа твоя пожелает. А пока... Я был на Первом Всероссийском съезде по охране природы. Его провела Главнаука. На съезде присутствовал Петр Гермогенович Смидович, член Президиума ВЦИК. Доклад делал Николай Михайлович Кулагин. Он упоминал и о зубрах. Потом мне удалось поговорить со Смидовичем. Он так сказал: «Раз утеряти, надо покупать в Европе».

— А деньги? — спросил Зарецкий.— Ведь это золото.

— Конечно, трудности немалые. Студенты уже создают фонд. Собирают рубли.

— Трудность не только в деньгах,— перебил его Зарецкий.— Зубра из Швеции или Германии, даже из Беловежской пуши сразу на Кавказе не выпустишь, не скажешь: «Беги, играй!» Новая среда обитания. Вопросы акклиматизации. В зоопарках они одомашнены, полуручные. А тут горы, скалы, снежные зимы, бешеные реки. Их годами придется держать в загонах. Равнинный подвид будет с трудом приживаться у нас. Только потомки Кавказа!

— Я собираюсь в Москву,— сказал Шапошников.— Попробую доказать, что надо создать на Кише научную базу, пригласить туда ученых. Вся проблема по силам только зоологам.

Скрипнула садовая калитка. Задорова так и подбросило с места. В следующую минуту он уже обнимал Василия Васильевича Кожевникова, своего приемного отца.

— Насилу нашел,— пробасил тот, растроганно обняв Бориса.— Ну, здравствуйте, господа-товарищи егеря! Здравствуй, Андрей Михайлович, сто лет не виделись.

Почтение вам, Данута Францевна! Что же вы без Мишаньки? В Москве?! Эка пошел наш вьюноша!

Если кого и щадило время, так это Василия Васильевича. Он был старше всех собравшихся. Но его крупное лицо, по-прежнему заросшее по самые глаза, оставалось гладким, розовым, только седина густо пошла по голове и бороде. И голос свой рыкающий он сохранил. И стать добра молодца.

Как обрадовался этой встрече Зарецкий! При виде бравого Кожевникова все прошлое ожило с новой силой. И фронт, и походы в горах.

— Прознал через людей, что вы тут, и подумал: дай-ка пробегу да встрену. Лексея нам бы за стол — и вся старая Охота в сборе.

— Где сейчас Телеусов? — спросил Зарецкий.

— В Хамышках, вот Борис ходил с им, привидениев искали.

— Зубров?

— Ну! На четвереньках от Сенной до Чугуша проползли. Нету зубра, а заповедник живет, Андрей Михайлович. В кишинской моей волости сотни две олешков бегают. А туров!.. На Слесарной, Ачишбоке, на Бамбаке все скалы ихние.

— Дорога туда как? — спросил Зарецкий.

— Коляской можно.

— Тогда я буду просить вас... — Андрей Михайлович посмотрел на Шапошникова, на Дануту. Она с признательностью тронула его руку. Быть рядом с Псебаем — и не побывать на родном пепелище...

5

Псебай удивил и огорчил Зарецких.

Поселок стал районным центром. По улицам деловито вышагивали очень занятые люди с папками в руках, из окон слышался треск конторских счетов и звонки телефона. В нижней части строили большое предприятие для переработки леса. Говорили, что начинают рубить пихту и бук за поселком Соленым, что поведут узкоколейную дорогу до Большой Лабы. О том, что вся эта деятельность рядом с границей заповедника никто не вспоминал.

В бывшем доме Зарецких помещалась одна из контор, двор оказался разгороженным, в саду громоздились штабеля ящиков, все вокруг выглядело пыльным, неприкаянным. Зелень отступила под напором людей, а сами люди были незнакомы. Жизнь началась как бы вновь, и эти перемены горько отозвались у Зарецких необъяснимой печалью.

Не сохранились и родительские могилки, как не сохранилось и само кладбище, и ограда, и вязы с липами. Плиты вросли в землю среди густого репейника, многих надгробий не оказалось на месте. Новое поколение псебайцев не жаловало историю. Для них история начиналась в день собственного приезда. Что было до этого дня — забыто.

Поклонившись месту, где прах родителей, Зарецкие уехали из родной станицы, сделавшейся незнакомой.

До Майкопа добирались долго, но, когда увидели, наконец, город, какой радостью повеяло от зеленых и чистеньких его улиц! Выходит, и при бурной стройке можно сохранить природную красоту и тихую прелесть обжитого многими поколениями края! Каким солидным показался им двухэтажный дом, где находилось теперь Управление заповедника! Директор собрал здесь большую библиотеку, перетащил и многое из своих личных коллекций, даже знаменитое кресло, собственноручно сделанное целиком из рогов оленей, сброшенных по весне. На письменном столе в кабинете, как воспоминание и как завет для всех входящих, стояла бронзовая фигура зубра, выполненная несомненно способным скульптором.

Шапошникова ожидал телеграфный вызов в Краснодар. Прочитав бланк, он насушился, сказал Зарецкому:

— На крупный разговор. Боюсь, на последний. Весной я дал указание не пускать овец и молодняк из станиц на альпийские луга. Туда выходят серны, олени. Еще не хватает новой эпизоотии. Полетели жалобы. Я, видите ли, мешаю развитию скотоводства. Словом, не в ту сторону иду.

Он уехал. Зарецкие остались в его просторном доме, куда на лето приехали дочь и сын директора, студенты. Они неделями пропадали на горных тропах, оба пошли по отцовской линии.

Христофор Георгиевич отсутствовал больше недели. Зарецкие успели перебраться к старым своим знакомым, решив дожидаться Шапошникова, чтобы не разминуться в дороге.

Слух об Андрее Михайловиче дошел до Телеусова. Старый егеря собрался и одолел путь до Майкопа за два дня.

Увидел — и не удержался, всплакнул. Признался, что время его прошло, работаетея все труднее, побаливает «в грудях», одним словом, он собирается покинуть службу. Но пока что заботится о зверях, которые мечутся ныне между двух огней — между волками и браконьерами. Когда болезнь отпускает, он винтовку за спину и на лесные тропы. О своем письме до поры не спрашивал. Ждал, что скажут сами. Но Зарецкий не говорил о зубрах.

Христофор Георгиевич ворвался к ним прямо с дороги, небритый, чего с ним никогда не случалось, с растерянными глазами, смятенный, даже испуганный. Сказал резко:

— Все! Будем прощаться с заповедником.

— Что произошло? — Зарецкий усадил его. — Пожалуйста, успокойтесь. Обсудим, подумаем.

— Старая история, Андрей Михайлович. Они хотят, чтобы я превратил заповедник в доходное предприятие. Хотят, чтобы биолог Шапошников закрыл глаза на охоту, на зверя. А он отказался! На него кричали. Но и он может прикрикнуть! Его пугали. Но он не из пугливых! Ну и сняли, как говорится, с треском. Да еще какими-то выводами пригрозили. Вот и пришлось хлопнуть дверью.

Он опустил голову и тяжело задумался. Когда гнев отошел, Шапошников увидел тихо сидевшего Алексея Власовича Телеусова.

— Ты очень кстати здесь, наш дорогой пантеист, — сказал он и озабоченно ощупал карманы куртки, набитые бумагами. — Где-то у меня ответ на твое письмо. От профессора Кожевникова. Прочтем? — И полез в нагрудный карман. — Значит, письмо... Могу прочесть? Начало опускаем, тут разное такое. Где это о вашем быке Кавказе? Ага, вот. «Сообщаю, что единственный чистокровный бык горного подвида Кавказ без видимой причины пал в феврале 1925 года в зубровом парке Бойтценбург. Но он успел оставить довольно большое потомство. Из шестидесяти сохранившихся зубров, которые жили и живут в Германии, Швеции, Англии и Польше, около двадцати принадлежат к кавказской линии, и почти все имеют одну вторую или одну четвертую часть крови Кавказа. Только в Гамбурге с 1911 по конец 1920 года у Кавказа и беловежской зубрицы Гарде родилось три бычка и две коровы, среди них знаменитый Гаген, отец быков Боруса и Шаляпина, ныне здравствующих.

Потомки Гагена и Шаттена через одно поколение дали теперь жизнь очень интересному зубру, который получил кличку Бодо. Этот правнук Кавказа, на мой взгляд, особенно перспективен для воссоздания новой кавказской линии. Бодо прожил два года в Бойтценбурге, сейчас его купила фирма Руэ-Альфред. У этой фирмы в 1927 году Аскания-Нова приобрела зубра Альфреда. Недавно асканийский Альфред, как сообщил профессор Фортунатов, пал. Не сумеют ли они приобрести Бодо? Кроме Альфреда, там побывало еще несколько чистокровных зубров, так что у нынешних асканийских гибридов есть и беловежская, и кавказская кровь — ценнейший материал для накопления желательных признаков.

Мы делаем все возможное для нового появления зубров на Кавказе. Восстановлением утерянного в войну равнинного зубра занимается в Польше Ян Жабинский, автор первой Международной племенной книги зубров. Пора начать эту работу и у нас. Естественно, в Аскании-Нова...»

Опустив листки, Шапошников устался на Зарецкого.

— Тебе начинать, Андрей Михайлович, — сказал он.

— Был бы я моложе да покрепче... Вот Гунали, пожалуй?.. И вы, конечно. Без вас трудно заповеднику.

— Я уже не в счет. Отлучение состоялось, есть приказ. Еще и под суд могу угодить, как непослушный руководитель. Поеду в Главнауку отстаивать заповедность, но никак не свою должность. Директор будет новый. И я ему помогу, если он примет мою помощь. Последний, так сказать, долг перед Кавказом.

6

Зарецкий все еще медлил уезжать из Майкопа. Такое трудное время! Над заповедником нависли тучи.

Из Москвы Христофор Георгиевич прислал Андрею Михайловичу — именно ему! — телеграмму: «Принято решение создать на Кише охотоведческую станцию тчк Выезжает группа ученых тчк Сообща Гунали для подготовки помещений тчк Оборудование получено зпт через банк перечислены деньги тчк Руководитель зоолог Насимович тчк Окажи помощь трудные дни тчк Шапошников».

Данута не знала, что и делать. Она уже настроилась на решительный разговор с мужем. Загостевались, пора и честь знать. Дом в Краснодаре пустой, они оставили работу... А тут эта телеграмма, вроде уже Зарецкий опять в заповеднике. Она просто обязана настоять... Но стоило ей понаблюдать за мужем, как ее решимость таяла. Какой волей и азартом светились глаза Андрея, как выпрямился он, каким деловым шагом заходил! О болезни — ни слова, покашляет утром, да и то, похоже, по старой привычке. Ясно, что ему здесь лучше.

Стояла ранняя осень, не такая жаркая, как в Краснодаре, из горных лесов потягивало бодрой прохладой. И все это — причастность к заповеднику, просьба о помощи, старые друзья — опять поставило Зарецкого в центр событий, вернуло в пору творческих сил; родилась вера в себя, заинтересованность в происходящем. Даже разговоры о якобы сохранившихся зубрах находили отзвук в его сердце.

По вечерам, перед сном он расхаживал из угла в угол, руки за спину, с лицом задумчивым и озабоченным. Данута

только посматривала на него. И вот однажды, померяв так-то комнату, он остановился у окна и тихо сказал:

— Здесь надо работать, вот о чем я все время размышляю, Данута.

— Тебе работать? — спросила она, приподымаясь. — Почему тебе?

— Егерям! Всем порядочным людям. Прежде всего нашему Мише, как только закончит учебу.

Она не нашлась что ответить.

Встал он чем свет, сходил в местное лесничество и решил там какие-то служебные дела по своему ведомству. Завернув в Управление заповедника, он первым делом спросил у Телеусова, какая сейчас дорога на Кишу.

— Через Сохрай нельзя проехать, Михайлович, воды в низинах множество, прямо топь. Ну а ежели в Хамышки, то посуше, зато опасней в ущелье. Там и телегой можно, только у Даховской моста еще нету, брод. Сейчас-то мелко. А ну заждит?

— Гунали поехал в Кишу?

— Вчерась, как все стготовили в дорогу. И Кожевникова забрал, и плотников. На осьми вьюках повезли, чтобы строить для ученых. Може, ко мне рискнешь? Поживете с Данутой на свежем воздухе. Мы коляску раздобудем, тихо-гладко поедем. Вон какая погода солнечная. У нас благодать, как хорошо!

— Ты с Данутой потолкуй, — дипломатично ответил Зарецкий, хотя решение поехать вместе с учеными, которых ждали со дня на день, было уже неодолимым. Пусть начало подвижнического труда этих ученых не омрачится каким-нибудь опасным происшествием. Он может помочь им, передаст опыт. Ведь он так много знает о Кавказе!

Данута встретила мужа строго и отчужденно. Видимо, разговор с Алексеем Власовичем уже состоялся. Молча собрала она на стол, молча села напротив.

— Ох, Андрей, — сказала она вдруг совсем не то, что хотела сказать. — Ты так рискуешь!

— С тобой — хоть в ад! — весело отозвался он, поняв, что жена согласна. — Не одни едем. Молодежь едет, веселый народ. Нам ли с тобой бояться!

— Но не дольше недели, с таким условием. Я хочу домой. Жду писем от Миши, он тоже заждался ответа, волнуется.

— Хорошо, на неделю, — легко согласился Зарецкий. — И тогда домой. Нет, не так я выразился: в Краснодар. А там видно будет, правда?

Глава вторая

Потомок Кавказа в украинских степях. Владыка гибридного стада. Приезд профессора Кожевникова. В Аскании-Нова. Майкопские встречи. Кишиневский кордон. Старые друзья вместе. Научная станция. Дети Бодо

1

В теплый сентябрьский день 1933 года ученые Аскании-Нова собрались у главной конторы: ждали со станции первого зубра кавказских кровей, правнука самого Кавказа, трехлетнего Бодо.

Аскания-Нова купила быка у фирмы Руэ, не постояв, как говорится, за ценой. Интересно, каков этот иностранец русского происхождения...

После гибели зубра Альфреда в заповеднике осталось более тридцати зубриц и зубробизонок и ни одного чистокровного зубра! План восстановления вида, а точнее, выведения условно чистых зубров методом поглотительного скрещивания, который настойчиво проводился в жизнь Борисом Константиновичем Фортунатовым, Александром Александровичем Браунером и Сергеем Николаевичем Боголюбским, — этот план находился под угрозой. Близко-родственное разведение зубробизонов неизбежно вело к вырождению.

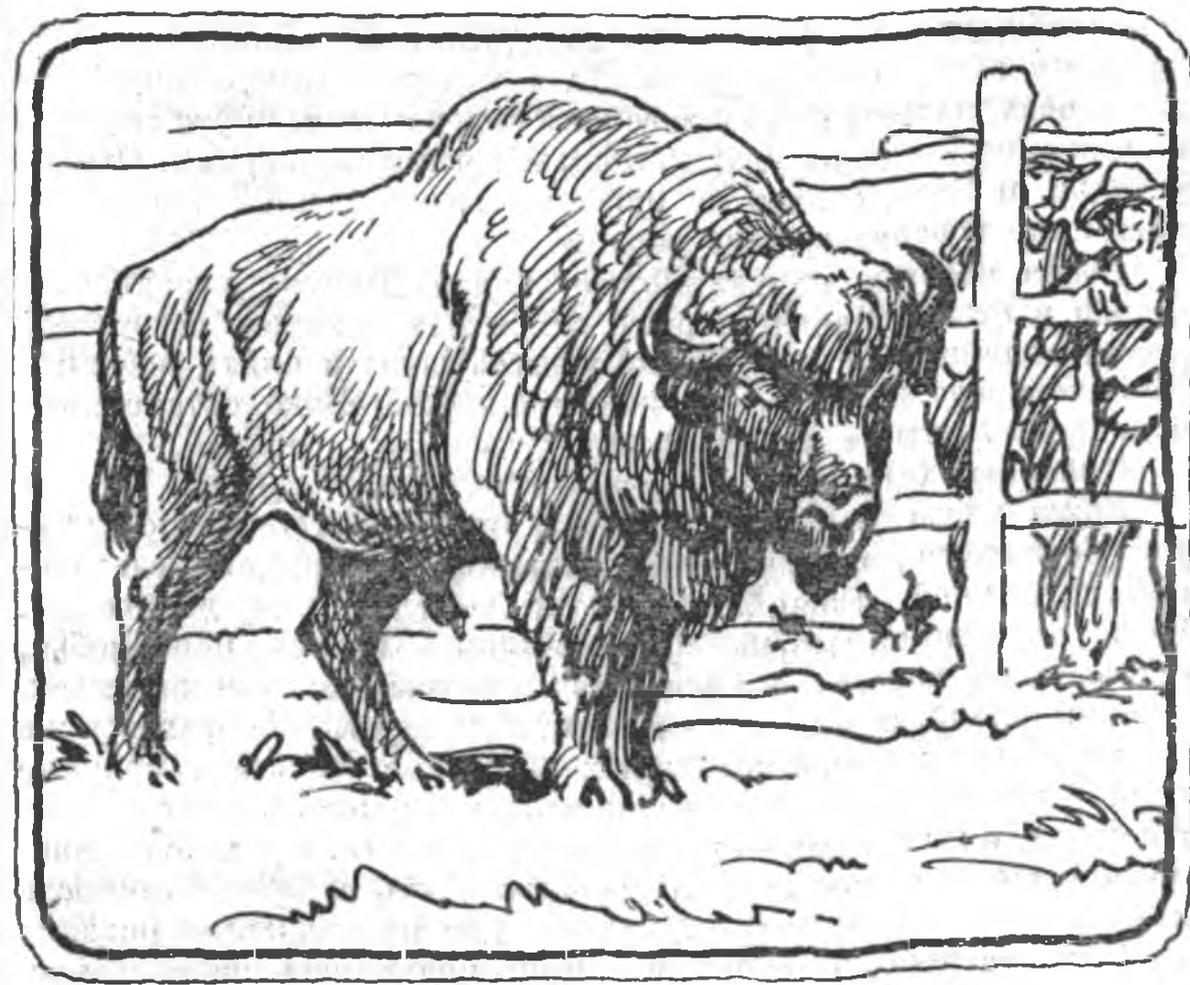
С прибытием Бодо возникла надежда прилить свежую кровь в стадо, повысить степень чистокровности по кавказскому зубру.

С трудом сохранив небольшое число гибридных зверей в годы гражданской войны, асканийские ученые за короткий срок увеличили это стадо во много раз. Заповедник уже продавал своих зубробизонов и бизонов в Англию, Германию, в зоопарки своей страны. Но все они были либо детьми и внуками беловежцев, либо гибридами с примесью бизонов.

И вот первый представитель горного подвида...

Подымая облака пыли, по узкому проселку прошла кузовная машина с высоким и длинным ящиком на расчалках. Из переднего люка ящика на ровную серовато-зеленую степь с усталыми глазами взирал молодой зубр. Широкий лоб с курчавой шерстью был густо запылен. Особого интереса к новым местам Бодо, пожалуй, не проявлял. Людей он одарил сердитым взглядом и попятился в своей клетке.

Ящик спустили по бревнам и поставили задней стороной вилотную к узкому входу — струнке в углу загона, окруженного высокой жердевой оградой. Рабочий с ломиком забрался

на ящик и отодрал всю заднюю стенку. Она упала, обнажив густо запачканную навозом внутреннюю сторону.

Бодо осторожно попятился в пролом. Никто не кричал, не понукал его. Зубру с трудом удалось развернуться в узком месте. Перед быком оказался коридор с зеленой незатоптанной травой. Нос уловил незнакомые, сухие запахи стеши, полыни, ковыля, какой-то особенный воздух. Он оглянулся. Несносные люди толпились по ту сторону ограды. Щелкали затворы фотоаппаратов. Хвост у зубра поднялся. Горячее желание ринуться в атаку наполнило его. Но тут ветерок донес аромат свежей, чуть привяленной овсяницы. Гора аппетитной, только что скошенной травы лежала в тридцати шагах от него. Зубр был голоден, голод пересилил ярость. Бодо подошел, понюхал траву и, уткнув морду в рыхлый стожок, с наслаждением захрустел травой.

Насытившись, зубр отошел от травяного стожка и, обнаружив рядом земляную пролысину, гребанул по ней передним копытом. Поднялась пыль. Он опустился на колени, потом повалился и всласть покатался с боку на бок, временами быстро

вскакивая, чтобы отряхнуться, подергав всей кожей. Зуд утихал, ему захотелось размяться. Он крупной рысью помчался вдоль всех четырех сторон загона. Увидев людей, круто свернул на них и неожиданно ударил лбом и рогами по жердям. Ограда устояла, и Бодо, сорвав на ней злость, отправился к пыльной плешинке поваляться еще раз.

Снова побегал, изучая новые запахи. Почуял незнакомых зверей в степи. Нашел корыто с проточной водой, осторожно попил солоноватой, незнакомой вкуса воды и опять побежал.

Завечерело. Повесело мягкой прохладой. Бодо остановился и надолго застыл как изваяние.

Красивый бык!

Даже когда Бодо стоял, его фигура не теряла подтянутой боевитости, он выглядел застывшим порывом, взведенной пружинной. Боец, готовый к немедленным действиям. Чуть опущенная морда и всевидящий взгляд исподлобья, широченная волосатая грудь, вздыбленный бугром загривок, черно-коричневая в заметных завитках шерсть, которая все же не скрывала железно-выпуклых мускулов, толстые, крепкие ноги — весь облик Бодо вызывал в памяти мысль об ископаемых громадах, о животных — исполинах прошлого, тех времен планетной юности, когда мощь, подвижность и воинственность являлись обязательными условиями для продолжения рода.

Налитое тело, быстрая реакция, подвижной черный нос, улавливающий самые малые запахи, чуткие уши и короткие черные рога — все выдавало в нем существо, умеющее постоять за себя. А ведь это был прирученный зубр, третье поколение выросших в неволе. До чего же сильно и неистребимо дикое начало в звере, если ни время, ни властный человеческий характер не смогли сделать из правнука Кавказа послушного домашнего животного!

Ему захотелось лечь. Он походил по загону и, облюбовав тенистую площадку под акациями, опустился, поджав под живот ноги.

Солнце село. Небо в степи темнело быстрее, чем в лесах на побережье Балтийского моря, откуда его привезли. И не холодало, как там. Все это было непривычно, но усталость брала свое. Бодо опустил морду и задремал.

Во сне он не потерял контроля за окружающим. Где-то заржали кони, звук не беспокоил, не вывел из оцепенения. Донеслись голоса людей, смех. Пролаяла собака, достаточно далеко, чтобы не обращать на нее внимание. Сон становился более глубоким. Возникло что-то странное, обращенное внутрь, смутно осознанное. Вдруг увидел он огромные камни и лес, вздыбленный к самому небу, а то и падающий в пустоту, на дне

которой гремел кипучий поток. И белые вершины увидел, откуда текла свежая прохлада. И шорох высоких, пахучих деревьев. Из каких далей памяти возникла картина природы, среди которой жили его предки?..

Но явление возникло и взволновало, потрясло уснувший мозг. Бодо вскинул морду и в следующее мгновение уже стоял на ногах, вслушиваясь в ночь. Окрестность дышала черным безглазым покоем, южной негой, теплом неостывшей земли. Сильно пахли акации, горьковатый привкус увядания щекотал ноздри. Бодо постоял и лениво отправился к куче знакомой травы. Порывшись в овсянице, он начал жевать — неторопливо и без особого удовольствия, просто потому, что было часа четыре утра — время, когда зубры привыкли выходить на пастбища.

В домах за оградой стали появляться огоньки, из труб потянуло дымом. По степи недалеко от загона пробежал табунок зверей с твердыми копытами. Бодо прислушался, не понял, что там за животные.

Немного позднее ему набросали через ограду свежей травы, просунули корыто с мелко изрубленной свеклой и дробленой пшеницей. Ешь не хочу! Бодо дождался, пока рабочие отошли, и тогда еще раз хорошо поел. Ощувив избыток сил, он пробежался до своего водопоя и вокруг загона.

Так началась его жизнь на новом месте.

Менялись дни, после тепла пришли нудные дожди. Бодо с удовольствием стоял под тихими струями и только что не покряхтывал, словно в бане. Шерсть на нем отмылась, приобрела шелковистый блеск. Исчез противный запах дороги, дыма, очистились ноги. И когда вдруг сильно похолодало, он принял зиму как должное. Лежал и чаще подремывал. Карантин всегда сучен.

Вот тогда впервые Бодо увидел по ту сторону ограды коренастого, бородатого человека в железных очках, а около него пятерых людей помоложе. Потом он видел их чуть не каждый день, они подолгу наблюдали за зубром, но не дразнили близостью. Пожилой что-то говорил, юноши записывали. Приходили они и утром, и к вечеру. Иногда с ними приходил громкогласый большой человек, умеющий раскатисто смеяться. Это был директор Аскании-Нова. После ухода людей Бодо стал обнаруживать у ограды куски соленого хлеба и не без удовольствия съедал их.

У пожилого был глуховатый, добрый голос. Своим спутникам он говорил:

— Вот он, кавказец. Его не спутаешь ни с равнинным зубром, ни тем более с бизоном. Экстерьер иной.

— Цветом и статью он похож на беловежцев, Григорий Александрович. Чучела в нашем музее точно такие, — не соглашался один из молодых.

— Зарецкий, сравните его не с чучелами, а с Жахом, со старым Васькой в Буркутах, где находится все стадо. Бодо меньше их, выше на ногах. У него нет глубокого перепада от загривка к шее. Вы не видели диких кавказцев, когда бывали с отцом в горах?

— Нет, профессор, я не видел зубров близко, хотя и порядочно жил на Кише.

— Набирайтесь впечатлений, пока потомок Кавказа Бодо перед нами. Не отсюда ли начнется новое кавказское стадо?

Профессор Кожевников приехал с молодыми аспирантами в Асканию-Нова, как только сообщили, что Бодо у них. Руководитель кафедры забрал в эту поездку и Михаила Зарецкого, который уже работал в аспирантуре. Этот юноша не скрывал своего желания посвятить жизнь Кавказскому заповеднику.

При первой встрече с Фортунатовым и Браунером Зарецкому предложили поработать в архиве заповедника, разобраться в родословной каждого зубробизона. Все понимали: с прибытием потомка горного подвида начинается новая страница в печальной судьбе зубров. Чтобы не допустить ошибок, требовалось точно знать родословную каждого гибрида.

Молодой Зарецкий начал не на пустом месте. Уже была составлена родословная многих зубров. В архиве Асканийского заповедника работал когда-то ученый Гребен, история самого Бодо была записана в Международной племенной книге, это сделали Эриа Мор и Ян Жабинский.

Зарецкий с товарищами проводил много часов у загона Бодо, а также в Буркутах, где находились гибриды, но больше внимания уделял разбору документов. Их тут целые горы. Старательности и личной заинтересованности у молодого аспиранта было предостаточно: отец сумел внушить ему глубокий интерес к зубрам. Михаил Зарецкий знал, что прадеда вот этого Бодо доставили в Санкт-Петербург еще до рождения Михаила именно отец и егерь Телеусов. Этот зубр стал для него связующим звеном с прошлым, продолжением отцовских забот и устремлений.

Между тем Бодо уже готовили для перевозки в гибридное стадо. Акклиматизация и карантин прошли успешно.

Снова загнали в узкую струнку. И когда он, зажатый дощатыми стенками, утерять способность двигаться, его замерили, взвесили, сделали ему прививку и, слегка раздвинув стенки, пропустили в точно такой же ящик, в каком он прибыл сюда с

запада. Через два часа ящик сгрузили в тенистом большом загоне.

Бодо пулей вылетел из своей темницы. Глаза его сердито сверкали. Сделав десяток скачков, он неожиданно остановился. Считается, что дикий зверь не способен выразить, скажем, такое сложное чувство, как изумление. Но Бодо оказался именно во власти этого чувства. В двухстах шагах от него застыло большое стадо зубробизонгов. Все звери уставились на новичка. Волна родственных запахов затопила Бодо.

От стада отделились две зубрицы, заметно старше Бодо, и пошли навстречу.

За оградой зоолог Филиппченко сказал стоявшему рядом профессору Кожевникову:

— Та, что покрупней, — это Волна, беловежских кровей, из Шенбрунна в Австрии. Три четверти зубровой крови, одна четверть бизоньей. А та, что слева, — Еруня, дочь погибшего Альфреда, почти с такой же кровностью. Вожак нашего стада. Интересно, как они примут новичка?

Бодо царственно ждал послгов. Зубрицы остановились метрах в пяти, принюхались, осмотрели быка и наклонили морды, чтобы пощипать травы. Бодо последовал их примеру. Знакомство состоялось. Втроем некоторое время понаеслись бок о бок. Но когда из стада в их сторону помчались еще три молодых бизонки, Волна и Еруня осердились и бросились им навстречу явно с недобрыми намерениями. Бизонки круто развернулись и спрятались в стаде.

— Уже и ревность. — Кожевников засмеялся.

В тот же вечер он написал письмо руководителю Биологического отделения Академии наук СССР, где разработали проект восстановления зубров: «Дело это становится, наконец, на твердую научную и практическую основу. Приоритет за Асканией-Нова».

2

Жизнь у Бодо приобрела особый смысл и привлекательность. Он возглавил большое стадо. Гибридные зубробизонки, включая Волну и Еруню, охотно подчинились сильнейшему. Правнук Кавказа имел все основания для власти над более одомашненными гибридами.

Его стадо располагало тремя большими загонами с хорошей травой. Имелся и лесок, дающий тень летом и защиту от пронзительных ветров зимой. Были навесы и родильные помещения. В стаде он чувствовал себя куда лучше, чем в

одиночестве. Выглядел спокойным, хотя немного сдал в теле. И по-прежнему дружил с Волной и Еруней.

Опыт акклиматизации удался. Все стало на свое место. Москвичи собрались уезжать. Зарецкий показал профессору упакованные папки:

— Начало родословной зубров и зубробизонов с 1902 года, — сказал он.

Кожевников развязал папки, полистал бумаги.

— Пожалуй, уже вырисовывается национальная племенная книга зубров. Сотрудники заповедника будут пополнять и уточнять листы. В университете вы продолжите работу в этом плане. Так, общими усилиями, и наладим учет. Да, от Бодо записи пойдут уже о зубрах. О кавказских зубрах. И вот что еще. Даю вам три недели для поездки домой, а если удастся, и на Кавказ. Очевидец асканийских событий должен рассказать руководителям заповедника, что дело стронулось с места. Порадуйте отца. Теперь там работают зоологи из нашего и Казанского университетов. Они, я полагаю, уже на Кише. Вы расскажите им о новых планах. Вернитесь в Москву, и мы обсудим эти планы во всех подробностях.

Неожиданная радость! Михаил Зарецкий едва не подпрыгнул. Вот удача! Он горячо поблагодарил профессора и в тот же вечер выехал в Мелитополь.

Через три дня Михаил прибыл в Краснодар. Дом стоял пустой.

Это не удивило его, а, напротив, обрадовало. С той первой поездки в родные края, случившейся почти четыре года назад, Зарецкие регулярно стали навещать Майкоп. Там у них появился словно бы второй дом. Этот город с давних пор был ближе им, чем Краснодар.

В последнем письме, написанном рукою мамы, но, как знал Михаил, с активной подсказкой отца, она сообщала, что на сентябрь их опять пригласил к себе Телеусов и они, кажется, рискнут проехать на Кишу, где у них теперь друзья: зоолог Насимович и его коллеги.

Научная станция, детище Шапошникова, конечно, уже бывшего директора заповедника, работала на Кише. Молодой Зарецкий видел труды ученых, напечатанные в сборниках, но сам так и не сумел побывать на станции. Его коротких каникул хватало только на поездку в Краснодар.

Оставив вещи у соседей, Михаил с легким сердцем и без багажа отправился на вокзал.

Скоро он был в Майкопе.

Как и предполагал, родителей в Майкопе тоже не оказалось. Они были в горах. Просить Управление заповедника, чтобы

дали коня, аспиранту не хотелось. После Шапошникова там то и дело менялись директора, и кто теперь — Михаил не знал. Зачем одалживаться?

Он пошел к Шапошникову.

Наступил вечер. Улицы затихали. Грустные потки осени уже звучали в прозрачном воздухе. Носилась паутина, пахло молодым вином, сладким виноградным соком, сытым духом подсыхающего укропа.

Христофор Георгиевич возился в своем огороде. Увидев молодого Зарецкого, он с трудом разогнул спину.

— А, это ты! — И сунул жесткую руку. — Устал? Идем в комнаты.

Выглядел он очень старым, лицо потемнело, совсем не улыбался, словно весь ушел в себя, в свои тяжелые мысли.

— Твои уже дней двадцать на Кише. Поедешь туда?

Михаил кивнул. Поручение профессора. Кланяться велел.

— Мы вместе были в Аскании-Нова. А вы что же, Христофор Георгиевич? Как заповедник?

— Я? Никакого отношения к заповеднику. Служу в страховом обществе, только всего. Игра судьбы или... Не знаю, как и назвать. Крушение всех надежд. Так-то вот, Миша.

На эту тему больше не говорил. Только и рассказал, что родители Михаила сманивали его с собой, но ему ездить в заповедник по соображениям этики вроде бы неудобно, новый директор есть.

— Кто? — спросил Михаил.

— Какое это имеет значение! Петров, Сидоров, Иванов... Третий по счету. Берутся, не имея никакого понятия о работе. За три года дважды меняли границы заповедника. Он становится все меньше и меньше.

За вечерним чаем Зарецкий рассказал о Бодо. Шапошников слушал с возрастающим интересом, лицо его порозовело. Поднялся, походил по комнате уже неузнаваемо энергичный, возбужденный. Таким он был, должно быть, когда не убоился ради зубров с отцом Михаила пойти к вооруженным бандитам и заставить их обратиться с территории заповедника.

— Тебе нужен конь, — не то спросил, не то уже решил хозяин. — Сейчас устроим, возьмем в аренду на полмесяца. Ты ездил через Блокгаузное? Нет? Тропа, скажу тебе... Не убоишься в одиночку? Что еще? Ружье? Дам свое. Ну и подберем дорожную одежку, негоже отправляться в такой-то на зиму глядя. Там холода ранние.

Он выложил горку теплых вещей, заставил примерить полушубок, сапоги, шапку. В горы все-таки.

— Теперь отсыпайся. Я пойду за конем. Утром выпро-

возжу чем свет. В Даховской заночуешь у моих знакомых. На другой день у Телеусова в Хамышках. Возвращайтесь все вместе. Ну, а задумали вы дело удивительное. Неужели здесь снова будут зубры?

Он разбудил гостя до свету, сам подготовил коня, проводил.

Было ли молодому Зарецкому страшно, когда в одиночку, под хмурым и низким небом он одолевал сквозняк ущелья и двигался по узкому карнизу, с опаской поглядывая в бездонную пропасть, где бесилась река Белая? Всегда страшно одному в таком месте. Однако же просхала тут мама! Тем не менее он километра три через самые опасные прижимы прошел пешком, с конем в поводу.

Долину Желобной за ущельем проскакал рысью.

У дома Телеусова стояло много коней, все чуть не по уши в грязи. Видно, только что из дальней поездки. Алексей Власович крутился меж ними, что-то увязывал, шутливо покрикивал.

Увидев Михаила, он застыл с испуганным лицом. Поморгал, поднял руку и... закрыл лицо.

— Ты, чо ли, Миша? — неуверенно спросил он. И бросился обнимать, как родного, бормоча: — Думал, приместилось мне. Больно ты похожий. Ну, чистый отец, каким он в Охоту впервой заявился! У меня аж сердце зашлось? Откелева взялся? И на коне? А шапка, гляжу, Христофорова? И ружье евонное. Вооружил он тебя!

— Где тут мои обретаются?

— Тама! — Он махнул рукой за Белую. — На кордоне. Я только-только за остатними венцами спустился... Андрей Александрович! — крикнул он во двор. — Подь-ка сюда!

Подошел молодой человек, оглядел Зарецкого, протянул руку:

— Андрей Насимович. Смотрю на вас, а думаю об Андрее Михайловиче. Сын? Часто вас вспоминают. Вы в МГУ?

— Да, во втором¹.

— Одна альма-матер. Профессор Кожевников как там?

— Мы вместе были в Аскании-Нова. Новость сообщу: сюда привезут зубров и правнука твоего Кавказа, Алексей Власович.

— Да ты чо? — Телеусов вдруг сел. — Откелева вы его добыли?

— Это долгий разговор, у нас еще будет время, расскажу.

— Пстойте-ка! — Насимович потащил Михаила к бревну

¹ В те годы было два московских университета.

у ворот, усадил, сел рядом. — Давайте, дружок, по порядку и тотчас же. Что там, в Аскании? Что вы делали вместе с профессором? Он послал вас сюда? Вы остаетесь с нами? Или только осмотрите места для зубров?

Из этого небольшого и очень подвижного человека буквально рвались вопрос за вопросом, тысяча вопросов. Темные глаза Насимовича горели неумным любопытством, умное и насмешливое лицо то и дело озарялось каким-то внутренним светом. Он не сидел на месте — так хотелось скорей все узнать. Он буквально ошеломил Зарецкого, и тот сбивчиво, по все же рассказал о событиях минувших недель, о Бодо, — в том же заразительном темпе, какой предложил Насимович.

— Вот оно что! Надо полагать, подготовка к ингабтации¹ кавказских зубров? Когда? Но в Аскании гибриды зубров с бизонами, неужели надежда на них! А поляки нам не помогут приобрести чистокровных зубров? Этот Бодо, вы сказали, от Руэ? Тогда можно верить. Кровь горного подвида и зубробизонов... Ну что ж, это все равно лучше, чем ничего... — Он вдруг вскочил и крикнул: — Кондрашов, миленький, эти тюки на гнедого, он выносливей. Да живей, братцы, надо торопиться! Власович, а что это конь нашего гостя стоит без корма? Выходим ровно в три. Ваши родители молодцы! Сегодня с утра пошли на учет землероек. Погода отличная, но дорога!..

Телеусов расторопно бегал от одного коня к другому. Лишь иногда вдруг останавливался, задумывался и покачивал головой: всцминал о новости. Кавказ... Нашлись потомки, а?

— Видал? — Телеусов смотрел, что делает Насимович. — Во заряд! Так-то вот все дни. Все с шуткой и сам наперед. Что в дороге, что по плотницкому делу, что у плиты. А уж про зверя!.. Как по книжке чешет. Вес-селый человек! Их, то есть научных, восемь на Кише, самого-то его за пятерых посчитать можно. Трое с женами, но они тоже по зверю знатоки. Ну и по травам, деревьям, по погоде. Мы там понастроили, не узнать кордона. Станция.

— Охотоведческая?

— Называют так, а чтоб стрелять — того нет. Строго. Василий Никотин стрельнул было медведя. Ну, наш Насимович чуть не съел его. Винтовку на неделю отнял. А ты... Хорошо надумал, Андрей Михайлович возрадуется. Да и мы...

Караван вышел в три. Впереди — Телеусов и Насимович. За ними Михаил. Лошадка его спотыкалась. В сумерках дошли до кордона. Ряд домиков вытянулся вдоль опушки леса. В окнах светились огни. Пахло обжитым. Михаил смутно вспо-

¹ И н г а б и т а ц и я — работа по сложному скрещиванию животных.

нил единственный дом, поляну, где он катался на своей Кунице. Рай его детских лет.

Прямо с седла он унал в отцовские объятия. Данута Францевна расплакалась. Слезы текли по ее поблекшим щекам.

— Вот где встретились, сынок, — растроганно говорил Андрей Михайлович. — Не ждали, не думали. Как нашел-то? Откуда конь, ружье? А-а, понимаю!.. Ну, пойдем, о коне не беспокойся, почистят и напоют. Сейчас вернутся Борис Задоров и Василий Васильевич, они огород убирают. Рассказывай, что в большом мире, какие новости?

В научном отделе часов до двух ночи горел свет. И во всех домиках тоже. Знакомства, знакомства. Молодая пара Тепловых — Евгения и Владимир, казанские зоологи. Жарковы — тоже Евгения, просто Женя, и Игорь, и опять же из Казанского университета. Василий Васильевич. Борис Артамонович, которых Михаил давно не видел. За столом хозяйничала жена Насимовича.

Казавшаяся такой неопределенной, проблема зубров вновь выходила на передний план. Как у Бодо подрастут дети — а они будут уже через год, — так можно говорить о переселении зубров на их давнюю родину вот сюда, на Кишу. Это ли не самая-самая из новостей! Лица старых егерей сияли. Старший Зарецкий выглядел именинником.

3

Странной, двойной жизнью жил тогда Кавказский государственный заповедник.

Уже существовал в Москве единый Комитет при Президиуме ВЦИК, он объединял все заповедники в России, направлял их работу, прежде всего по научному познанию факторов природы, изучению их взаимной связи. Руководил комитетом старый большевик, соратник Ленина Петр Гермогенович Смидович. Его заместителем и наиболее деятельным защитником заповедности стал Василий Никитович Макаров, образованный биолог, наладивший тесные связи с университетами и Академией наук страны, тоже заинтересованными в природных лабораториях.

Трудами Макарова были созданы в заповедниках отделы науки, в том числе станция на Кише, энтомологический отдел в Гюзериале и лесная станция в Красной Поляне. Макаров сам подбирал ученых-энтузиастов, которые не убоились на много лет уйти в «медвежий уголки». Он покупал оборудование, устанавливал связи с зарубежными охранителями природы. Приобретение зубра в Германии было делом его рук.

И все же положение в заповедниках было неустойчивым, зыбким, их постоянно лихорадило. Довольно часто местные власти, всецело поглощенные сегодняшними задачами, не хотели и не могли понять, как и зачем нужно изымать из хозяйственного оборота ценные природные территории. Экологическая¹ их неграмотность оборачивалась неприязнью к людям, которые не разрешают обычную деятельность на заповедной земле. Грубое вмешательство хозяйственников стало обычным даже в таких крупных заповедниках, каким был Кавказский.

Здесь меняли директоров, если они не выполняли требований местной власти. Суживали территориальные границы, забирали лучшие пихтовые массивы, высокогорные луга, упрекали ученых в отрыве от сегодняшних задач.

По-прежнему не ладилось с охраной. Из старых егерей остались Телеусов, Кожевников, Задоров, братья Никотины да еще несколько человек. Они-то нашли общий язык с учеными, помогали чем только могли. А вот новые егеря... Не все они приживались. Дело это особенное, без душевной любви к природе его не исполнить. Не всякий охранник носил в своем сердце теплое, родственное чувство к зверю. Не каждый мог противиться влиятельным лицам, которые любили «сбегать на охоту». И тогда в заповеднике гремели выстрелы, как во время войны.

Но заповедник все-таки жил. Уцелели туры, обитатели скальных высот. В лесах скрывались косули. По долинам тенями носились серны и олени. В осенние месяцы на высокогорье раздавался призывный рев рогачей.

Эта скрытная, могучая жизнь была объектом глубокого изучения. Люди хотели знать законы ее развития, прежде всего для помощи всему живому, для прогноза на будущее. И первая забота заключалась в том, чтобы подсчитать зверя, сохранившегося на Западном Кавказе, изучить явления природы.

Теперь, когда стала реальной мечта о зубрах, Насимович хотел ускорить подсчет зверя, чтобы потом отдать время и труд подготовке к приему зубров. Впереди зима, а у них еще не было подробной карты. Выручил Андрей Михайлович Зарецкий: Он привез и подарил ученым столь необходимую карту, точнее которой еще не было ни у кого. И тотчас бывший хранитель зубров стал не просто гостем, а своим человеком на Кише. Он почувствовал дружбу и тепло. Он вообще хорошо себя чувствовал здесь. А теперь еще и сын рядом. Пусть и на время.

Славный сезон. Добрый для них год!

¹ Экология — раздел биологии, изучающий взаимоотношения организмов с окружающей средой.

Бодо радовал всех.

Уже в тридцать четвертом у него появился первый сынок, этаким бородатенький бычок с глуновато-робкой мордочкой. Все лето малыш ни на шаг не отходил от мамки. Был ужасно обидчив. Не так повернется родительница, не сразу даст уловить вымя с молоком — и он уже отвернулся, тупо уставился в землю, уронил нижнюю губу. Такой вдруг жалкий, только что слезы не капаят.

Бодо, как и положено владыке стада, на своего первенца никакого внимания. Проходил мимо, словно возле неодушевленного предмета. Зубрица раздувала ноздри и загоразживала собой дитяtko.

Михаил Зарецкий и на другое лето приехал в степной заповетник. Тотчас отправился к загонам, походил вокруг стада за изгородью и порадовался, снова увидев крепкого и здорового Бодо. Потом уселся за бумаги в архиве. Он искал и сверял даты, сроки рождения и кончины каждого зубра и бизона, которые побывали здесь с конца прошлого века. Знать, кто есть кто, ученым нужно для подбора будущего стада, для племенной книги зубров.

— Нам удалось связаться с Яном Жабинским, — говорил он зоологу Филиппченко, который тоже занимался этой работой. — Вы Гептнера знаете, конечно? Ах, учились в одно время! Так вот что выяснилось. Владимир Георгиевич давно переписывается с Эрной Мор, той самой энтузиасткой из Гамбурга, которая после империалистической войны была одним из организаторов Международного общества сохранения зубров. Ну, а она в свою очередь встречалась с Жабинским, польским охранителем зубров. Вместе они и начинали переписку зверя по всем зоопаркам и заказникам Европы. От них с помощью Гептнера и получили родословную почти всех интересных для нас зверей. С вашего позволения я внесу новые данные в асканийский архив.

— Одним Бодо нам не обойтись, — сказал Филиппченко, — нужны еще два-три быка кавказских кровей. Непременно!

— Василий Никитич Макаров уже обращался к польскому правительству с просьбой продать нам зубрицу и быка — детей Гагена, одного из сыновей Кавказа. Сейчас эта семейка в Познани. Представляете? Отказали. Обратились к Швеции, там живут потомки Билля, он тоже от Кавказа. Вот вам ответ на вашу мысль. Будут зубры.

— Это прекрасно! Вы на все лето к нам?

— На месяц. Заеду домой повидать родителей. И на

Кишу, к Насимовичу. Мы с ним переписываемся. Они успели провести учет своих копытных. Зимой на лыжах ходили!

Приподнятое настроение молодого Зарецкого продержалось не долго. В Краснодаре, куда вскоре приехал, он нашел больную мать и обеспокоенного отца. Андрей Михайлович тоже сильно сдал. Что особенно испугало сына, так это белая, совершенно белая его голова. Осенью, на Кише, седина только серебрила голову. Теперь же отец казался незнакомым, каким-то другим. Он совсем мало говорил, задумывался, все больше находился в комнате матери. Даже рассказ Михаила о зубрах, о встрече с Гептнером, известным специалистом среди зоологов мира, даже рассказ о Бодо и маленьком его сынке поначалу как-то не очень затронул старшего Зарецкого. Лишь через несколько дней, когда Данута Францевна нашла в себе силы встать, он немного оживился. А вечером вдруг сказал:

— У Шапошникова крупные неприятности. Вспомнили его директорство, теперь пытаются обвинить в надуманных грехах. Есть люди, которые не могут простить смелости, с которой он отстаивал наш заповедник. Непременно загляни к нему, расскажи о зубрах. Он порадует. Зубрам он отдал много лет жизни.

— Конечно, буду у него, папа. Мы сейчас ждем от Бодо пять-шесть потомков. У них будет по три четверти зубриной крови. На второй-третий год их можно перевезти на Кишу. Если удастся купить еще одного зубра в Швеции, то в горах мы можем начинать поглотительное скрещивание на кавказский подвид. Скажу и об этом. Мы ждем не дождемся молодых зубров для Киши!

— Мы?! — Отец вопросительно глядел на Михаила.

— А как же! Я перейду работать в заповедник. Надеемся на тебя, на старых егерей. Ну, и ученые-зоологи, наконец, могут.

— Дай бог, дай бог, — тихо сказал Зарецкий.

Михаил не долго оставался с родителями. Он поехал в горы с определенным планом: подготовить, как говорил ему Гептнер, «экологическую нишу, опустевшую в двадцать седьмом году, для нового, человеком созданного поколения диких горных зубров».

Шапошникова в Майкопе найти не удалось. Соседи говорили, что выехал, а куда и надолго ли — не знали.

В заповеднике был новый, уже четвертый директор.

...В тридцать пятом и тридцать шестом годах семья Бодо сильно выросла. На белом свете гуляло восемь бычков и шесть

телочек. Об этом событии писали в специальных журналах, этому радовались все, кто был причастен к истории зубров.

Проект восстановления дикого быка стал реальностью.

Группе специалистов в Москве, Аскании-Нова и на Кавказе биологическое отделение Академии наук поручило разработку проекта расселения зубров.

Комиссия по охране и восстановлению зубров при Академии наук СССР обозначила на географической карте страны две точки для первоочередного размещения асканийцев: Западный Кавказ и Крым.

Г л а в а т р е т ь я

Надежды и поиски. Новые сотрудницы. Конфликт с директором. Домашние разговоры. Зубры едут в Крым. Переписка с Лидой Шаровой. В Гузерипле. Заповедник под угрозой

1

И снова теплая общая комната в кишинском доме, жаркие разговоры за поздним ужином, когда собирались все зоологи. И новости после походов: кто-то видел седого тура, кто-то усмотрел в скалах рысь с малышом, где-то обнаружена пещера. Две маленькие косули снят в углу, за окнами гудит лес, острое ощущение отшельничества еще больше объединяет. Как одна семья.

Борис Артамонович вдруг спрашивает:

— Сколько сейчас заповедников в стране? Знаешь, Миша?

— Почти сто. Их общая площадь двенадцать миллионов гектаров.

— Не площади поражают, — подхватывает Насимович, — а размах научной работы, прирост живого на этих территориях, открытие тонких экологических связей. Вот мы установили, что здесь обитает шестьдесят три вида диких животных, сто тридцать две формы птиц, что в заповеднике около трех тысяч оленей, почти восемь тысяч туров и более десяти тысяч серн. А сколько можно и нужно иметь, какие меж ними и растительностью связи, кормовой потенциал леса, луга?

— И как поведет себя новый зубр? — подсказал Борис Артамонович.

— Да, проблема, — подтвердил Насимович. — Горы, непривычный корм, новая среда. Нужно искать место под первый зубровый парк, изучать кормовые угодья, солонцы — словом, все, о чем нам говорил Андрей Михайлович.

— И волки, — вспомнил зоолог Теплов. — Мы еще не справились с ними, они уничтожают едва ли не половину приплода копытных.

— Ну, теперь им трудно. — Насимович засмеялся.

Все знали, что Теплов застрелил за год девять хищников, Задоров — пять.

Работа удивительно скоро сдружила зоологов и егерей. Их объединяла нетерпимость ко всему, что мешало заповеднику. Они любили весь этот зеленый и строгий мир леса, лугов и скалистых хребтов. Они готовились к приему зубров.

В восьми километрах от поселка облюбовали южный склон хребта Сосняки. По этому склону к реке чуть не на каждом километре бежали ручьи, рассекая лес и луга на отдельные участки. Сосна стояла только поверху, на голых скалах. Зато какие лиственные рощи разрослись по увалистому берегу! Какие роскошные луга устилали свободные от леса места! Обилие трав и света на полянах, крупные, редко стоящие дубы и липы, хорошая защита от северных ветров, наконец, два естественных солонца между скал, откуда бежала железистая вода, — словом, более подходящего места для зубров не сыскать. И от поселка близко, загон будет под присмотром.

Кожевников работал на старых, уже заросших огородах. Здесь будет картошка, брюква и свекла для подкормки зверю. Как и в далекие прошлые годы, когда еще было естественное стадо.

Его друг Телеусов прямо молодец среди добрых людей. Все время разговор о зубрах. Он начинал-то! Его Кавказ! Старый егерь бодро ходил, смеялся, то и дело вытирая слезы на глазах, и ничем не выдавал болезни, которая вцепилась в него. Грудь иной раз сдавливало, дышалось плохо, особенно по непогоде, усталость валила с ног. Но держался. Так хотелось увидеть новых зубров, снять с души тяжесть невыполненного долга. Он понимал, что в гибели стада нет его вины или вины его друзей, что война, голод, другие обстоятельства... Но чувство горечи продолжало жить. Может, и сердечная боль отсюда? День, когда доведется ему увидеть на Кавказе зубров, будет для него днем награды за все пережитое.

Михаил Зарецкий чувствовал себя в горах преотлично. Быстро овладел полузабытым искусством верховой езды — тем высшим искусством, когда всадник и конь становятся единым целым. Постепенно учился, с помощью Телеусова и Кожевникова, читать азбуку гор: звериные следы, голоса птиц и деревьев, понимать оттенки дроздиной песни, слушать тишину альпики. Не без гордости он сказал об этом Алексею Власовичу, когда они вечером сидели у костра.

— Жизнь свое знает, Миша, — Телеусов ответил бодро. — Жизнь идет своим путем, а ты чувствуешь, как возвращаются картины из прошедшего и благодать подступает к сердцу. Вот так же сживали мы с твоим папаней у костра, винтовок из рук не выпускали. И тогда все было красиво до страсти. Но таилась в той красоте опасность великая, смерть, мы воевали здесь и за зубра, и за свои жизни, и за твою тоже. Доси не потерял я охоты смотреть и радоваться. Ужель еще где есть такая красота?..

— Есть, Власович. Под самой столицей тоже красота великая, там древность русская вплелась в природу. Но есть и порушенные места. То усадьбу снесли, то парк вырубил, то речные берега истоптали. Случается, и безоглядно воюют с природой. Будто она постоянный двор, а не дом родной.

В такие часы у костра Михаил стал понимать, что его дом, его родина и призвание — здесь. Если бы еще отец и мама переехали в Майкоп, чтобы рядом, вместе!..

2

Дела позвали Михаила в дорогу. Он выехал в Майкоп.

Перед выездом он с радостью оглядел поселок ученых. Домики выглядели красочно, вокруг них все цвело. Голубые заборчики весело обозначили улицу. На днях в поселке загорелся электрический свет. Правда, робкий, желтенький, но и с такими лампочками стало веселей. Придумал это Задоров. Он привез из Майкопа маленькую турбинку с динамо-машиной. Устроили деревянный желоб, направили в него один из ручьев, под сильную воду подставили турбинку. Проводку вели от дерева к дереву. Радовались, словно дети. Тем более что со дня на день ожидали пополнение — зоологов и ботаников. Станция называлась уже комплексной, штат ее возрастал.

С новичками молодой Зарецкий встретился в Майкопе. Они как раз собирались в горы.

Когда Михаил пришел в управление, там стояли оседланные кони. Братья Никотины готовили грузовые вьюки. А в комнате наверху хохотали две девушки: они переоделись в дорожное и теперь рассматривали себя в зеркало — коротко стриженные, в мужских брюках, резиновых сапогах, грубых блузах с закатанными рукавами. Аборигены горной страны!..

Зарецкий поговорил с егерями, они сказали, что директор хотел его видеть. И тут, гулко топоча сапогами, из дома вышли новые сотрудницы.

Впереди шла черноглазая брюнетка, такая хрупкая и тонюсенькая, что брючный ремень едва не перерезал ее. Она смело подошла к мужчинам и сказала Зарецкому:

— Я вас знаю, видела на Моховой. Помните, когда студенты объявили сбор денег для покупки зубров за границей? Я слушала, как вы говорили. Меня зовут Веля Альпер, ботаник. Приехала сюда работать. Не одна.

И сделала полшага в сторону, открывая свою подругу.

Перед Зарецким стояла скуластенякая миловидная девушка и часто моргала, словно больновато было ей смотреть на солнечный двор своими большущими и ясными глазами. Было в ее лице что-то твердое, мужское, но эти глаза, светлые волосы и милая улыбка все-таки оставляли впечатление бесконечной женственности.

— Лидия Шарова, зоолог, — сказала она, знакомясь. — Вы приехали с Киши? А мы отправляемся туда. С нами еще двое, но они поедут завтра: лошадей нет. Я вашу фамилию слышала в Ленинграде. Но это не вы.

— Это мой отец, — сказал Михаил. — Учился там. У Шимкевича, по-моему.

— У, как давно! Профессора уже нет много-много годов. Но там помнят и его и вашего отца.

С шумом распахнулось окно на первом этаже. Держась обеими руками за рамы, во все окно выставился крупнолицый, с необъятной грудью и плечами богатырский человек. Голосом, от которого вздрогнули кони, он сказал:

— Девочки, пора, пора. Каждый час дорог. Хлопцы, давайте... А вы — Зарецкий? Тогда ко мне на разговор.

Окно захлопнулось, Михаил удивленно посмотрел на девушек.

— Директор! — со значением сказала Шарова. — Ждать он не любит. Идите.

— Сейчас пойду. Но прежде расскажу кое-что о дороге и Кише.

И Зарецкий отправился с обозом. Шел минут двадцать, рассказывая об Аскании-Нова, Кише и сотрудниках. Лишь у окраины города остановился, тут девушки взобрались на седла и тронули коней, а он стоял и смотрел им вслед.

Они обернулись вместе и помахали ему. Тогда Зарецкий пошел назад.

Директора в кабинете уже не оказалось. Голос его гремел за домом, у сараев и конюшен. Михаил присел у стола и погладил массивного бронзового зубра. Со стены на него смотрела косматая голова другого зубра — чучело с очень выразительными стеклянными глазами. Когда-то оно украшало псебайский дом великого князя.

Директор рывком распахнул дверь. Поздоровались. Рука у него была железная. Выглядел он еще внушительней, чем

в оконном проеме. Грудь, живот, щеки, глаза, губы — все у него было полнее, чем положено по норме.

— Слушай, Зарецкий, — командирским голосом спросил он, — ты, это самое, зубров хочешь в заповедник? Без моего ведома и согласия?

Он так и сказал: хочешь. Смешно. И грустно.

— Да, такое решение есть в комиссии по зубру при Академии наук. Надо вернуть их в древнее место обитания. Долг человеческий.

— Так. Долг общий, а забота моя. Кормить-то я их буду?

— Природа позаботится. Ну, на первых порах и мы тоже. Зимой.

— Это ж хлопот!.. А кто деньги даст? Может, в другой какой заповедник?

— Здесь они жили тысячи лет. Не пугайтесь. Это будет еще не скоро. Года через два, а то и через три.

— Два года — пустяки. На Кише приготовились? Никак не выберусь туда. Хлопоты без конца. Ты в Москву? Так вот, пособи одно дело пробить. Перемены я задумал, товарищи подсказали. Придвинуть руководство ближе к производству. Вот что.

— Заповедник — не производство. Это наука.

— Шутишь! Еще какое производство! Надо иттить в ногу с народом, деньги делать на месте, а не надеяться на государство. Что на одну дотацию сделаешь? А мы сами как бы на деньгах сидим. Лес у кого? Пиловочник, дранка, дрова? Орехи тож, пушнина какая ни на есть!

— В заповеднике нельзя рубить-стрелять. За-по-вед-ник!

— Значит, пусть трава пропадает на дугу? Ни сам не гам, ни тебе не дам, так? Не согласный я! Просеки нужны? Нужны. Вот и лес. В общем, так: я перевожу управление из Майкопа в Гузерипль. Поддержки там, в комитете. Объясни.

— А дорога? До Гузерипля только на вьюках. Не навозишься.

— Будет и дорога, были бы деньги. Деньги я сделаю. Какие еще возражения?

— Ученые весь сезон в горах. Но зимой приезжают в город обрабатывать материалы, писать труды. Им нужна постоянная связь с университетами, с другими учеными. А Гузерипль отрезан зимой от мира. Сложности им создасте.

— Ну, ты, это самое... В общем, решено и в крае согласовано. А вот зубры... Может, повременим с ними? Когда разбогатеем, тогда и примем. Сперва хозяйство наладить надо. Так и скажи там: директор деньги просить не будет. Мы и зубров скуним по заграницам, нечего по кошечкам в народе собирать. Тут тыщи под ногами.

Зарецкий ушел. Ну, кажется, «повезло» заповеднику! Расспросил, кто он такой: руководил мельничным трестом в Ростове и что-то там не сумел. Определили на спокойную работу.

3

В Краснодар Михаил ехал расстроенный. Все вспоминал директора. Рассказывая о нем дома, постарался внести в эту историю побольше юмора. Смех, да и только!

Отец слушал серьезно, постукивал пальцами по столу. Сказал коротко:

— Вреда понаделает. Не везет заповеднику с директорами. Что он о зубрах думает?

— Спросил, нельзя ли подождать. Я, конечно, высказался. Нельзя. И так ждем более десятка лет. Ты ведь тоже дни считаешь?

— Будет кавказское стадо, можно умирать спокойно... — Отец вздохнул. — Кто отмахивается, а кто действительно ждет не дождется.

— Ты, как Телеусов, принимаешь прошлую гибель зубров на себя. — Сын рассердился. — При чем здесь ты? Война их съела! Вы сделали все, что могли. Чего терзаться?..

— Повзрослеешь, поймешь. Есть в человеке великая ответственность за все происходящее. Хочется оставить после себя мир получше, поустроенней, чем он был. Вот с этих позиций...

— Еще год или два — и Кавказ получит зубров. Все идет к тому. Помех не вижу.

Зарецкий строго посмотрел на сына.

— Ты газеты читаешь? Мир под угрозой. Этот Гитлер... Не прошло двух десятилетий, как опять пушки наготове.

— Не надо о войне... — Данута Францевна обняла их обоих. — Расскажи лучше о себе, сынок, о своих друзьях. А мы послушаем.

В теплом доме родителей ему было так хорошо, так покойно, как это бывает только в детстве. И разговор пошел добрый, смешливый, но вертелся он все-таки около зубров, отец с сыном обговорили между делом каждую деталь. Вспоминали, конечно, друзей, было радостно, что Задоров, Телеусов, Кожевников остались верны старому своему призванию, что увлеченная молодежь тоже переняла от стариков влюбленность в природу.

— Новое пополнение прибывает, — сказал Михаил. — Я встретил в Майкопе двух девушек. Не убоились медвежьего угла! С хорошим настроением поехали.

— Дурнушки, поди, — шутливо спросила мать. — Прячутся от людей.

— Что ты! Напротив...

— Ты познакомился, надеюсь?

— А как же! Зоолог Лидия Шарова. И Веля Альпер, ботаник. Славные девушки!

Отец вышагивал по комнате, руки за спиной, что-то обдумывал. Остановившись перед Михаилом, сказал:

— Мы вот тут обсуждали с мамой... Как ты смотришь, не перебраться ли нам опять в Майкоп? Ты будешь близко, старые друзья. Мне предлагают лесничество, смогу навещать на Кишу, в Гузерипль, вдруг и помогу чем-нибудь. Что-то мне

в этом городе не по себе. Ты у нас один. Появится своя семья, дед с бабушкой и пригодятся.

— Категорически одобряю! — весело крикнул Михаил. — Меня Москва не удержит, хотя и много там для души и ума. — Он засмеялся. — Я ведь сам хотел вам предложить... Категорически одобряю!..

— Не помешают бирючьи настроения науке? — Зарецкий, похоже, шутил, но была в этом вопросе и озабоченность.

— Напротив! Мои руководители Мантейфель, Гентнер и Кожевников стараются привить ученикам страсть к походам, к диким уголкам природы. Успех с зубрами — дело их рук. Когда восстановим стадо, их имена будут вписаны в историю России. Не только полководцами и строителями славится государство, правда, папа?

— Видимо, так. Кажется еще Фабр говорил, что земледельцам и украшателям нашей планеты почему-то меньше везет с историей, чем воителям и королям. История помнит Кира, Чингис-хана, Македонского, Карла, названного даже Великим, но забыла тех, кто создал плужок, нашел виноградную лозу и стебли ржи, кто построил каналы в пустыне и превратил дикие места в чудную пашню или сад. Грустно... Да, вот что хотел узнать: сроки намечены?

— Еще не знаю. Детали выработывает комиссия по зубрам. Создается наша, советская Племенная книга зубров и зубробизонов. Продолжается отбор и оценка гибридов. Очень нужен еще один чистокровный зубр!

— Вы продолжаете сбор денег в зубровый фонд? Я послал свой вклад.

— Дело идет, движется. Из копеек и рублей собралось около семи тысяч.

— Сколько стоит один зубр?

— Шведы оценивают своих по восемь тысяч золотом.

— Вот как! — Андрей Михайлович даже присвистнул. — Какую ценность мы утратили! Пятьсот зубров. По восемь тысяч!..

— И столько же в Беловежской пуще, — поспешил добавить сын. — Правда, там сегодня уже есть двенадцать голов. Поляки приобрели в Германии Гагена и Гатчину, но они были уже в возрасте, поэтому купили Борусса, Бискайю и Бизерту. Парадокс, папа! У них в резервате, таким образом, разводятся не чистые беловежцы, а кавказско-беловежские гибриды. Вот что натворил один ваш Кавказ! Но на польской земле есть и чистые беловежцы, более десятка, уцелели в Пшине, где зубропарк князя Плесса. Плесская линия.

— Ты отсюда в Асканию-Нова?

— Нет, в Москву. Документы для Племенной книги уже в комиссии.

— Ты входишь в состав этой комиссии?

— Да, папа.— И Миша покраснел. Понимал, какая честь.

4

Летом 1937 года из Москвы в Асканию-Нова выехали сотрудники Комитета по заповедникам и ученые биологического отделения Академии наук.

Отсюда на постоянное местообитание отправляли первую партию гибридных зубробизонов. В Крым...

Эта неожиданная новость как гром обрушилась на Михаила Зарецкого. Он срочно приехал в Комитет по заповедникам. Настроение у него было отчаянное.

— Почему не на Кавказ? — с обидой спрашивал он в комитете. — Ведь мы готовили стадо для Кавказского заповедника! Там основное обиталище зубра. Кто принял такое решение?

Заместитель председателя комитета Макаров, который после смерти Смидовича руководил заповедниками, вышел из-за стола, сел рядом.

— Обижен? Гневаешься, что обошли Кавказ? Послушай меня. Вот некоторые аргументы. Природные условия в Аскании схожи с крымскими больше, чем с Кавказом. Опасность неудачной акклиматизации для зверя меньшая. Ну, и письмо из местного Совета...

— Какое письмо? — Зарецкий уже догадался.

— Директор заповедника просил отсрочить перевозку зубров на год-другой. Ссылался на условия: не готовы к приему.

— Да это же ложь! — Михаил вскочил. — Директору не хочется, как он выразился, лишней обузы! Мы готовы. И место давно выбрано. Ладно, мне можете не верить. Так почему не спросили у Насимовича, который лучше знает?

— Насимовича на Кише уже нет. Он будет работать в комитете. Ты, Михаил Андреевич, возьмишь на себя заботу о сохранности зубров. Научным сотрудником поедешь. Помощником у тебя будет зоолог Шарова. И пожалуйста, не торопи нас. Время летит быстро. Придет твой час.

— И все-таки... Мы в Аскании готовили зубров для Кавказа, знаем их поименно. Кто-нибудь из них ушел в Крым?

— Ни одного! Вот список. Зубрицы Канна, Дора, Гроза. Все стельные. Все от Бодо. Еще бык Лев. Ну, отлегло?

— Почему Насимович ушел?

— Не сработался с директором.

— А если я не сработаюсь?

— Не будет этого. Можно уступить раз... Мы знаем, что за человек руководит заповедником. Снять его пока нельзя, директора поддерживают в крае. Насимович погорячился, у них там... Впрочем, дело прошлое. Послушай моего совета. Поезжай в Асканию, побудь при операциях перегона, перевозки. Почуйся на ошибках, которые неминуемы, чтобы не повторить их потом. А оттуда — в горы. Делай свои дела без оглядки на директора. Прояви выдержку и настойчивость. Скажи отцу: заминка на старте, не более.

В Асканию-Нова Зарецкий приехал вовремя.

От племенного рассадника в Буркутах зубрицы и бык в окружении всадников довольно спокойно дошли до главной усадьбы. Тут их завели в загон и после отдыха поместили в клетки — ящики, которые уже на машинах повезли на станцию. Погрузка в вагон не отняла много времени.

До Симферополя зубры ехали всего десять часов. Выгрузили клетки ночью и вскоре доставили на место. Тут зубров выпустили в просторный загон. Словом, операция прошла более чем успешно, Зарецкий убедился в сохранности стада и вернулся в Асканию.

Как написать обо всем случившемся на Кишу?

Он сочинил письмо на имя Лиды Шаровой. Ничего не упомянул о роли директора, просто сообщил: «По решению комиссии...» И заверил, что их зубры в добром здравии, он возле них.

Не без скрытого лукавства Шарова в своем ответе поздравила Михаила «с успешной генеральной репетицией» и сообщила, что для приема зубров, вопреки всяческим домыслам, у них все готово, загон сделан, Задоров с плотниками сооружают на Сосняках помещение для наблюдателей. О Насимовиче, писала она, Михаил узнает на месте. Кстати, когда он собирается в их палестины?..

Михаил прочитал это письмо, улыбнулся и сел сочинять ответное. Заметим, что именно с этого дня молодые люди стали довольно часто беспокоить почтовую службу. Конечно, речь шла о зубрах. Конечно, о других, не терпящих отлагательства делах, но случались в этих письмах и строчки, предназначенные только для одного получателя. Когда Лидия Шарова прочитывала очередное письмо своим коллегам, она пропускала некоторые фразы и при этом очень смущалась.

Вскоре Зарецкий вернулся на Кишу. Управление находилось уже в Гузерипле.

О дороге туда директор как-то забыл. Усложнилось сотрудничество ученых со своими коллегами из университетских городов. Управление напоминало теперь контору торгующей ор-

ганизации. Страсти кипели в директорском кабинете. Здесь толпились люди, договаривались о ценах и сроках поставок, пеклись о сбыте и процентах. Выше Гузерицля уже шла разработка пихты, резали и продавали дранку, доски, даже жгли известь. На счету заповедника завелись деньги, но, когда ученые просили какую-то сумму на постройку балаганов, приютов и дорожек, директор вдруг вспоминал о рачительности. У него было свое правило: вкладывать рубль туда, где получишь три. Что получишь от науки?..

Наука оттеснялась на второй план. Зарецкий при первой же встрече с директором высказал ему свое возражение.

— С голоса Насимовича запел? — огрызнулся тот. — Ну, так это не звучит. Я не потерплю самодеятельности!

— Мы можем оставить вашу контору. Все! — запальчиво сказал Михаил. — Но тогда не будет и заповедника!

И директор напугался. Понимал, что переборщил. Насимовича ему удалось убрать, но повторение хода — вещь уже опасная. Он сбавил тон. К удивлению своих друзей, Зарецкий добился чего хотел: четыре плотника начали строить мосты и приюты на кордонах.

Однако при очередном разговоре о зубрах вспыхнула ссора. Зарецкий не сдержался и наговорил всякого обидного. Директор промолчал. Некоторое время они не разговаривали.

Об этом Михаил рассказал только своей помощнице. Она свела брови.

— Заповедник уже потерял одного отличного работника. Ты тоже собираешься, да?

— Я не уйду. Это он уйдет.

— Мы все — за тебя, Миша. Все на твоей стороне. Но пожалуйста, не обостряй отношений. Тебе еще надо привезти зубров, выходить их.

— Это главное дело моей жизни. Никакая сила не вытолкнет меня из заповедника! Я тут родился и вырос. Или через год тут будут зубры, или я не Зарецкий! Отец отвернется от меня, если я этого не добьюсь!

Лида глаз с него не сводила. Лицо ее светлело.

— Ну, ты молодец! Право, не знаю, как тебя похвалить. И все-таки очень прошу, пожалуйста, не надо шумных ссор, пореже встречайся с директором! У него свои хлопоты, у нас — свои. Время все изменит.

— Ты учишь меня смирению?

— Мудрости.

— Да откуда она у тебя?..

— Я женщина, — сказала она. — Просто женщина.

Минуту они молчали, даже не смотрели друг на друга, а потом Лида с милой нелогичностью спросила:

— Твои родители не переехали в Майкоп?

— Жду известия. Собирались. Мне надо будет поехать помочь им. Дом готов, я побывал там. Это наше старое-престарое жилье.

Г л а в а ч е т в е р т а я

*Знакомство в Майкопе. Хлопоты в Москве. Разговор у Гептнера.
В дороге. Встреча на лесной поляне. Осуществленная мечта.
Перегон. Беглянка. Август 1940-го: зубры снова на Кавказе!*

1

Андрей Михайлович Зарецкий признавался себе: зубры, главным образом они, потянули его в Майкоп. Не мог остаться в стороне. Как же можно без него?..

Не простое это дело — бросать дом, работу и возвращаться в места, память о которых уже поистерта временем. Да и возраст. Ему было близко к шестидесяти, здоровье поистрачено. В таких случаях люди стараются сидеть на месте, чтобы избежать лишних перегрузок и волнений.

Все доводы, о которых Зарецкий не один раз заводил разговор, убедительны: старые друзья, родные горы, близость к сыну и будущей его семье. Но все же окончательное решение он принял после поездки на Кишу. И связано оно было, конечно, с зубрами.

Сколько лет слышал он разговоры о возвращении зубров, столько же думал о своей причастности к проекту — и непосредственно, и через сына. Так уж случилось, что вся жизнь его, все радости и беды, даже трагическая гибель родителей связывались с заповедником и с зубрами. Наконец, возвращение их становится реальностью. Звери эти выращены для Кавказа. Они близко.

И вот подступили важные события.

В конце 1939 года Михаила Зарецкого телеграммой вызвали в Москву.

Из столицы родителям и, конечно, на Кишу полетели обстоятельные письма. Тон их был приподнятый, даже торжественный. Не обошлось без восклицательных знаков, без слов «решено», «наконец-то долгожданное», «мне приказано» и редкостное для него откровение: «Радость моя так велика, что я улыбаюсь даже когда сплю».

Старые Зарецкие были уже в Майкопе, в знакомом трехконном домике, где когда-то принимали милых своих друзей — Катю и Сашу Кухаревичей. На их могилу они сходили в первый же день своего возвращения.

А неделю спустя возле дома зафыркали усталые кони, и Данута сквозь только что вставленные зимние рамы узнала Бориса Артамоновича Задорова. Батюшки мои! Вот радость-то!.. С другого коня сползла женская фигурка в мужской куртке и брюках.

Андрей Михайлович вышел в сенцы встречать. Данута Францевна засуетилась. Первым делом она остановилась перед зеркалом, наскоро оглядела себя, поправила волосы. И все улыбалась.

Гости вошли не раньше, чем расседлали и устроили коней.

— Я так рада, — смущенно произнесла скуластеньякая, розовая от холода и волнения Лида, пожимая руку хозяйке. — Именно такими и представляла вас по рассказам Миши. Как у вас хорошо, тепло... Мы не очень стесним, если попросим побыть здесь до утра? Борису Артамоновичу надо кое-что купить в городе, он ведь счастливый отец, поздравьте его со вторым сыном. Ну, а я... Понимаете, до сих пор не могла переслать письма Михаилу Андреевичу, нет okazji, вот и напросилась в попутчики. Наше счастье, что снегу мало и не так холодно.

Продолжая говорить, Лида помаленьку справлялась со смущением. Разделась, сняла с пояса кинжал и сделала какое-то неуловимое движение головой, от чего ее помятая башлыком короткая стрижка послушно улеглась именно так, как того хотелось.

Данута Францевна не спускала с девушки глаз. Понравилась. Хороша, умна, воспитанна.

Надо ли говорить, что Лида давно хотела этого знакомства, робела, но желала. И вот она в доме знаменитого Андрея Михайловича, егеря почти забытой Кубанской охоты.

Оставим их одних: Зарецкого с Борисом Артамоновичем, усевшихся после ужина, чтобы потолковать о близком торжестве в заповеднике. И Дануту Францевну, которая заставила гостью переодеться, для чего из комода был извлечен теплый халат, после чего они скрылись в спальне.

У них тоже было что сказать друг другу.

2

В марте — мае 1940 года Михаил Зарецкий, назначенный руководителем группы по перевозке зубров в Кавказский заповедник, совершил несколько челночных поездок по маршруту:

Москва — Аскания-Нова — Хаджох — Киша — Гузерибль. Домой к своим он заехал буквально на два часа, толком ничего не рассказал и умчался.

В качестве помощников Михаил Андреевич избрал начальника охраны заповедника, по фамилии Астраханский, Бориса Задорова и охотоведа, нового человека на Кавказе — Клементьеву. Когда Астраханский со свойственной ему пылкой амбицией стал ввертывать словечки о «форсировании Белой», о «траверзе» перевала на Бамбаке и без конца «якать», Зарецкий строго прервал его:

— План перевозки продуман в деталях. Вам, как члену группы, остается изучить этот план и точно исполнять его. И поменьше громких слов.

Сам директор, занятый хозяйственными делами, не рвался участвовать в хлопотливой операции. Его вполне устраивало, что за перевозку отвечает Зарецкий и научный отдел. Зоологов это тоже устраивало. Снова и снова они проверили загон, остолбили и осмотрели будущие выпасы, родильные стойла, а остаток времени потратили на устройство огорода, который добавит зубрам корма зимой. Уже знали, что придут пять зубров, и все расчеты сверяли по этой цифре.

Егеря и зоологи выезжали на дорогу, наметили вдоль просеки места охранения и ночного отдыха для зверей. За один день зубры не могли одолеть горную дорогу. Предупредили жителей Сохрая: быть начеку! Маленький лесной поселок миновать не удавалось, он находился примерно в середине пути. Близ его наметили остановку. Здесь зубры проведут еще ночь. Любопытство пресекали заранее: ни к чему выходить к зубрам с хлебом-солью, нельзя их пугать, они характером не похожи на коров и быков из домашнего стада. На ночевке заготовили траву, сечку, соль — все на виду.

В Москве хлопоты были иного порядка.

Зарецкий пришел к Макарову, доложил о готовности, сказал:

— От станции Ново-Алексеевки вагон пойдет до Запорожья. Потом — Волноваха, Донецк, Таганрог, Ростов, Армавир, Белореченская, Майкоп. И наконец, Хаджох. Я называю только железнодорожные узлы, где вагон будут перецеплять. Тысяча километров, семь или восемь разных поездов. Зубры могут провести в дороге две-три недели. Трудно для них.

— Что предлагаешь? — Василий Никитич, очень похожий добрым лицом, бородкой, даже рубашкой с пояском, на Михаила Ивановича Калинина, подвинул к себе блокнот.

— Просить содействия наркома путей сообщения. Груз необычайной ценности. Чтобы без задержек.

- Так. — Макаров записал. — Еще что?
- Большой пульмановский вагон. Только в нем клетки станут свободно, найдется место для воды, кормов и для нас, кто будет сопровождать.
- Ну а звери? Здоровы, подготовлены?
- Я только что из Аскании-Нова. Зубриц и быка отбили, они в отдельном загоне. Прививки сделаны.
- Поехали, ходатай! Сперва в Академию наук.
- Они попали удачно. Президент Академии Владимир Леонтьевич Комаров, ботаник с мировым именем, находился у себя.
- Знаю, слышал, — сказал он, едва только заговорили о зубрах. — Кавказ? Под ваше начало, молодой человек? Ответственность очень велика. Но и почетна! Одно огорчает: не чистокровные зубры. Чем я могу помочь вам?
- Письмо наркому путей сообщения о срочной перевозке.
- Вы заготовили? — Он прочитал. — Сейчас перепечатают на нашем бланке. Только вы сами поговорите с путейцами. Желаю успеха. Одна из самых добрых операций, какие приходится проводить цивилизованному обществу. Воссоздание утраченного вида. Надежда на направленную селекцию. Опыт такой селекции у нас есть.
- Наркома они не застали, пришлось оставить письмо. Зарецкий приехал на другой день. Его направили в Главное управление перевозок. Здесь он получил копию письма, которое пойдет начальникам трех южных дорог.
- Когда нужен пульман? — спросил начальник управления.
- Двадцатого июля. Твердо намеченный день.
- Мы проследим за подачей и продвижением. Так распорядился нарком. — И усмехнулся: — Кого мы только не возили! Даже слонов из Одесского порта. А вот зубров, кажется, не доводилось.
- Зарецкий поправил: возили и зубров. В Крым. Но тогда обошлось без наркома.
- Стояло зрелое лето. Улицы Москвы наполнила сизая, густо пахнувшая асфальтом жара. Звенели красные трамваи. Над новенькими зданиями станций метро даже днем горели красные буквы «М». Со стороны недалекого Кремля донесся перезвон курантов. Столица жила своей обычной деловой жизнью.
- Перед тем как уехать в Асканию-Нова, Михаил Андреевич зашел к своему учителю профессору Гейтнеру.
- Пропуск зубрам на Кавказ! — И протянул письмо наркома.
- Владимир Георгиевич бегло глянул на бумагу.
- Вы понимаете все значение происходящего? Его исто-

ризм? После жестокого преступления, когда война и разруха уничтожили еще один вид млекопитающих, общество впервые — да, впервые! — принимает меры для восстановления этого вида. Не частные лица, не филантропы, а государство! Как хочется, чтобы это было событием не единичным! Соболь, выхухоль, полосатый тюлень, белый медведь, кавказский барс, дальневосточный тигр... Сколько больших и малых зверей в опасности! Я уж не говорю об Африке, Америке. Будьте на высоте, Зарецкий. Такое благородное предприятие!..

— Считаю за честь для себя... — начал было Михаил.

— Рано, рано! Вот когда зубры будут на месте. Плюньте через левое плечо. Вам работы и работы! Вспоминаю, как мне недавно пришлось поволноваться из-за беловежских зубров. Когда началось освобождение Западной Белоруссии, в пуще насчитывалось что-то около двух десятков зубров кавказско-беловежской линии. Война есть война. Я обратился в Наркомат обороны с просьбой взять зубров под защиту. И что бы вы думали? Сам нарком распорядился об установлении охраны в Беловежской пуще. Недавно получаю письмо от знакомого зоолога. Семнадцать зубров на вольном содержании. Уцелели!

— Выходит, мы поспешили со своими зубробизонами, — сказал Зарецкий. — Коли есть чистопородные...

— Поспешили?.. О, нет, как раз вовремя. Вспомните, что происходит сейчас в Европе! Кто может предсказать будущее? Так что, дорогой друг, торопитесь делать полезное дело. Первая партия — не последняя. Привезем и чистопородных.

3

Красавца Бодо загнали в угол. Не мешай!

Он сопротивлялся, задирает хвост и с угрожающе склоненной головой, так что бородой чуть не подметал пыль у передних копыт, набегал на изгородь, за которой творилось что-то необычное. Но всякий раз люди, вооруженные палками, отгоняли его в дальний угол и криком выражали неудовольствие, едва Бодо опять делал несколько скачков в их сторону.

Вождь асканийского стада, отец пятидесяти сыновей, дочерей, внуков и внучек, он имел основания для беспокойства. Бодо видел, как из его большой семьи отбирали и увозили зубриц и зубров. Откровенно говоря, он не питал особо родственных чувств к потомкам. Его раздражение усиливалось по другой причине: положение владыки обязывало охранять стадо.

Проклятые перегородки! За одной из них, где еще недавно Бодо гулял со старыми своими подругами Волной и Еруней,

бегали люди с палками, слышались понукающие крики, а зубры, размахивая хвостами и приоткрыв рты, носились по загону, пока не попадали в узкий проход и в струнку. Оттуда они уже не возвращались.

Сперва молодой Журавль, статью очень похожий на отца, такой же черно-коричневый, мощный, с высоким загривком, с литыми мускулами, очутился в струнке. Люди что-то сделали с Журавлем, и он исчез в темном проеме ящика. Застучали молотки, ящик откатили к машине и подняли тяжелый груз в кузов.

Бодо терпел. Но когда отбили Еруню и она также исчезла, он сорвался с места, набрал скорость и так хватанул могучим лбом по плахам, что две из них треснули и разошлись белым разломом. Пережидая звон в голове, Бодо отступил. К пролomu подошли люди с палками. Одни громко кричали, другие сноровисто вгоняли в забор свежие плахи.

Часа через два за Еруней последовала Волна, потом две молодые зубрицы — Жанка и Лира, его внучки. Загон опустел. Для Бодо открыли вход в другой загон, там его встретили с десятком зубров и зубриц, он обошел их и успокоился. Не все потеряно.

Бодо лег в густую тень под сараем и скоро задремал. И вновь ему привиделся тот странный сон, что уже был когда-то: черный лес на крутых камнях, прохладный ветер с запахом снега и воли, простор без конца и края. Бык вздохнул, как вздыхают о потерянном рае, и еще ниже склонил широколобую морду.

А машины с зубрами уже катились по дороге к станции.

Чисто вымытый пульмановский вагон стоял в тупике. Клетки грузили споро, весело, Михаил Андреевич командовал, потом побежал на станцию, а вместо него стал распоряжаться Астраханский, пока не подошел пыхтящий паровоз. Лязгнули буфера, вагон мягко дернулся. Еще через час подкатил красно-вагонный поезд, пульман прицепили в хвост, и состав, похрамывая на стыках, поволок зубров на северо-восток.

Далее все развивалось по сказочному сюжету. В Запорожье вагон прицепили к пассажирскому поезду, без остановок промчали через Донбасс, и только уже в Ростове что-то надломилось в строгом расписании движения, за которым следили из Москвы. Но затем редкостная оперативность путейцев принесла радость: поезд прошел с курьерской скоростью до Белореченска, и вот уже специальный паровоз потащил вагон по железнодорожной ветке в Майкоп, оттуда — по долине Белой, мимо Абадзехской до знакомого Хаджоха. Здесь стальная колея кончалась, вагон поставили у наскоро сооруженной платформы. Конец пути. Всего трое суток.

Пасмурное, но теплое утро открылось взору сопровождающих, когда двери вагона откатили на всю ширь. Облака цеплялись за скалы над лесом. В безветрии резко пахло мокрой травой и горьковатым духом зрелого дуба.

Зубры глядели из клеток на зеленый чуждый мир. Глаза их блестели испуганно и настороженно.

Подожли грузовые машины. Много людей столпилось у вагона. Астраханский всяко оттеснял их. Зарецкий с удивлением осмотрел толпу: ни отца, ни старых егерей. Что такое? Ведь он телеграфировал из Ростова...

Ящики поставили в машины. Туда же забрались сопровождающие. Несколько человек поскакали вперед верхом.

На тихом ходу поехали по узкому карнизу вдоль Белой. Здесь всегда было мрачно, а в такой пасмурный день все вокруг выглядело как в сумерках.

У Даховской переправились через реку без приключений. За станцией дорога вошла в лес, стала более грязной и ухабистой. Буксовали, всем миром вытаскивали воюющие машины из глубокой колеи, но с каждым километром одолевать путь становилось труднее. Выехав на поляну, окруженную грабами, остановились. Дальше шла просека. Не для машин.

Зарецкий соскочил с подножки и осмотрелся.

Метрах в двухстах дымил костер, паслись кони. От костра к ним спешили люди. Свои, родные! Все, кого он ждал.

Его отец, похудевший Алексей Власович, бородатый Кожевников, Задоров, Теплов, Жарков, их жены. Лида Шарова! И даже мать, не убоившаяся дальнего пути ради такого давно ожидаемого события!

— С приездом! — Отец широко обнял его. — С долгожданной удачей, сынок! С радостью!

И спрятал лицо на Мишином плече.

— Мы вас ждали в Хаджохе, — говорил Михаил, обнимая егерей, ученых. — О, и Лида! Принимай командование!

— Нет уж! — Она счастливо смеялась. — Это совсем по-кавказски: все трудное — на женщину. Вот они, избалованные джигиты! Еще сорок верст тяжелой просеки. Извольте командовать сами! Кому слава, тому и труд.

Задоров полез на машину, заглянул в смотровое окошко к Журавлю. Спрыгнул — и вдруг завертелся на месте, закрутил над головой руками, исполняя не то самодеятельную лезгинку, не то ритуальный танец первобытного человека, к которому пришла удача.

— Вот и долгожданное! — кричал он, никого не слушая. — Что я говорил! Здесь зубры, здесь, глянь-ка, Василь Васильевич, убедись, такие же, нашеские!..

Между тем отпали задние стенки клеток, люди отступили в сторону. Лида осталась рядом с Михаилом. Минута ожидания.

Какие они разные, эти зубры, так и не прирученные людьми! Журавль вышел спокойно, огляделся, прошелся туда-сюда по мягкому лугу и лег, поджав ноги.

Волна пятилась, пятилась, а очутившись на воле, кинулась в сторону, галопом пронеслась метров триста, свернула было в лес, но, заметив там человека с палкой, метнулась назад и, сделав еще полкруга, остановилась в нерешительности, готовая на все.

Еруня побегала и тоже легла, не дотронувшись до травы.

Молодые Жанка и Лира постояли рядышком, потерлись боками и пошли по лугу, срывая на ходу траву.

Рабочие сдвинули ящики в рядок, машины развернулись и ушли. Стало удивительно тихо. Лес, поляна и на поляне зубры. Зубры! Люди и кони в стороне. У догорающего костра тележка с задранными оглоблями.

Телеусов отошел в сторонку. Он смотрел на зубров и утирал корявыми пальцами непослушные стариковские слезы. Неужто

все это наяву? Перед ним потомки того малыша, которого он словил недалеко отсюда. Лет-то сколько! Событий, потерь... Все вспомнилось. И неудачи, и болезнь, и война. И как Андрей рассказывал им о судьбе зубров. И как боролся за них. И вот они тут. Слава те господи!..

Уже скакал вдоль опушки деятельный Астраханский, отдавая распоряжения наблюдателям. Уже потянулась по просеке подвода с корзинами свеклы, зерновой сечки и соли. Кто-то запрягал тележку Зарецких. А старые егеря все еще недвижно стояли, губы их молитвенно шептали что-то — вспоминали тяжелый и долгий путь до этого часа, которого ждали почти двадцать лет.

Данута Францевна тихоенько сказала сыну:

— Мы домой, Миша. Оставим вас. Слишком много волнений для отца. Ты, пожалуйста, осторожней, чтобы ничего такого... Смотри за Лидой. Вон она, в седле, как бы не увлеклась в опасном деле.

Он поцеловал мать, прошел с отцом к угасшему костру, здесь обнял Телеусова, который уезжал с родителями.

— Вот и дождался своего дня! Теперь все будет в порядке. Глаз с них не спустим. А потом увидим малышей. Эт-уж точно, как любит говорить Борис Артамонович.

— Уж как и благодарить судьбу, — вздохнул Телеусов. — Светлый день. Прощевай, до встречи, Миша!

С высоты седла, стоя рядом с Лидой, Зарецкий помахал близким. Зубры входили в просеку. Старший Зарецкий и егеря смотрели на эту процессию. Фуражки лежали у них на руке. Парад древних зверей.

4

Асканийские звери шли, бежали, останавливались. Шархались от темных стен леса. Непривычная чащоба, полная загадочных шорохов и запахов, пугала их. Беспокойство рождало возбуждение. Охрана на лошадях старалась держаться в тени.

Прошли первые километры. Ведущая подвода стала. Так договорились заранее. Зубры сбились в кучу. Молодые легли. Еруня и Волна возбужденно ходили, иногда срывали пучок другой травы, но тут же подымали морды и вздрагивали.

Зарецкий и Лида на конях топтались в арьергарде, закрывая путь к отступлению и побегу.

От лесной тишины звенело в ушах.

— Ты побледнел и похудел, — сказала Лида, всматриваясь в лицо Михаила. — Очень трудная дорога? Я все дни только об этом и думала.

Двинулась подвода, пошли зубры. Еще несколько километров. Чего-то испугавшись, зубры бросились вперед. Ездовой на подводе едва успел отвернуть в лес, чтобы защитить лошадей стволами граба. Журавль бурей пролетел рядом с телегой. Вся пятерка исчезла за поворотом.

Верховые рысью кинулись догонять. Только бы не потерять из виду! Если звери свернут в лес, их днем с огнем не отыщешь.

— Вон они! — крикнул Задоров и придержал коня.

Зубры не выдержали взятого темпа. Все-таки они устали за дорогу. Промчались километра три и остановились. Журавль и Еруня топтались на месте. Волна своевольно шла дальше, помахивая грязным хвостом.

— Там начинается редколесье. И поляна с правой стороны, — испуганно сказала Лида. — Борис Артамонович, миленький, обгоните стадо и с кем-нибудь перекройте им путь на поляну. Волна может свернуть с просеки и утянет остальных.

Три всадника юркнули в лес. Зарецкий тронулся было за ними.

— Нет-нет, — Лида удержала его. — Останься. Одна я боюсь. Вдруг пойдут назад?..

Егерь с подводы сказал:

— Этот бык, как нечистый, пролетел мимо. Глазом зыркнул, у меня аж душа в пятки. Добыли себе хлопот! Тигры лютые...

Отдохнув, четверка зубров побежала вперед. Миновали крутой спуск, поворот. Впереди мелькала бурая туша Волны. Она оборачивалась и прибавляла ходу.

Уже на виду поляны зубрица остановилась, сравнила узкую и темную просеку со светлой поляной и галоном помчалась вправо, на поляну.

— Так я и знала! — Лида досадливо прикусила губу. — Теперь работы прибавится!

На пути зубрицы из редколесья вывернулся Задоров, замахал палкой, свистнул. Волна тараном пошла на него. Неудовольственным движением повода всадник отвернул коня в сторону. Рассерженная Волна пронеслась в метре от лошадиного крупа. В лесу затрещало. Зубрица своевольно ломилась сквозь кусты лещины. Куда?.. В трех километрах от поляны отвесный берег Белой...

Кожевников с товарищем повернули за беглянкой, чтобы не потерять ее из виду.

— Только бы Задоров догадался остаться на месте! — Лида непрерывно понукала коня. — Если он поедет за Волной, вся четверка непременно потянется по ее следу. Тогда не знаю, что...

Зарецкий поднялся на стременах, он вскидывал руки и с размаху опускал их. Поймет ли?..

Борис Артамонович понял, а может быть, опыт подсказал ему решение. Не ускакал, медленно продолжал двигаться с края на край поляны. Отрезал путь за беглянкой.

Зубры взяли левей, идти на человека, куда вел след Волны, не рискнули. Журавль повел их по просеке. Остальные шли за ним.

В помощь Кожевникову отрядили еще троих — искать сбжавшую Волну. Два сторожа опередили стадо и близ лесного поселка остановили зубров.

Вид навеса у дороги, похожего на асканийские постройки, кучи травы, свеклы и моркови соблазнили зубров. Они топтались у сарая. Охрана держалась в стороне. Поселок словно вымер. Ни собачьего лая, ни куриной возни. Зубры идут. Зубры!

Ночь прошла спокойно, звери отдыхали. Люди тоже. От ушедших за Волной известий не было. Лида волновалась. Зарецкий чувствовал себя виноватым. Все с нетерпением ждали утра.

Рассвело. Сохрайские жители начали выказывать любопытство, люди появлялись во дворах. Хлопали двери. Сторожа упрасивали, чтобы не выпускали собак, да и сами поостереглись. Зубрам предстояло пройти невядалеке от домов.

Еруня поднялась и первой вышла из сарая. Просеку закрывал туман, зубрица видела плохо, но с трех сторон чувствовала людей, охрана осторожно понукала зверей идти по лесной опушке.

Пошли нехотя. Миновали поселок, где за окнами на них смотрели десятки любопытных глаз. Шли спокойно, останавливались пощипать траву. И тут впереди на просеке вдруг зафыркала лошадь. Из тумана возникла телега, а в ней три женщины — гости из Новопрехладной... Ух, как вскинулась, хвост трубой, Еруня! Захрапела, нагнула морду — и на подводу! Она считала себя старшей в стаде и вела себя соответственно этому. Кто-то успел крикнуть женщинам:

— В лес, в лес, с дороги!

На телеге завизжали, задергали вожжами, лошадь уткнулась оглоблями в густой подлесок. Счастье их, что Еруне пришлось бежать на гору, это и дало лишнюю минуту встречным. С необычным проворством женщины очутились на деревьях, прямо с телеги повисли спелыми грушами — и замерли. Еруня ударила рогами по задку телеги, как тростинку, сбила перекладину, сиденье и понеслась дальше. Остальные зубры промчались мимо.

В четыре часа стадо прошло недалеко от кордона. Охрана сжимала кольцо. Еще через час с небольшим грязные, уставшие зубры зашли в большой загон на Сулимной поляне, в нескольких километрах от кордона.

Закрылись широкие ворота. Дома! Теперь за Волной...

Едва отдохнув, егеря поскакали к месту, откуда ушла навстречу неведомым опасностям своенравная зубрица.

Лес прочесывали в пределах видимости соседа. Коней вели в поводу. Вскоре наткнулись на Кожевникова. Он шел пешком, за ним ковылял раненый конь: нога лошади была порвана ударом рога.

— Вчерась сошлись, — сказал Василий Васильевич. — Я к дороге зубра тесню, а он к реке рвется, воду чует. И на меня. Раза три увернулся, а потом все ж зацепила. Вон как порвала. И со скалы на скалу, как коза. Вы уж не шибко наступайте, пуцай успокоится, а то рухнет с дуру в пропасть. Вон она, около ущелья стоит: Борис ее караулит, чтобы не сиганула куда не надо.

Семь долгих дней без сна и отдыха длилось осторожное вытеснение зубрицы в сторону Киши. Разъяренная постоянным

преследованием, Волна прямо-таки не выносила духа людей. Завидев всадника, бросалась в атаку. И горе тому, кто не успеет увернуться!

Ей отрезали путь к Белой, дали спокойно отдохнуть. Утром поднимали и, увертываясь от лихих набегов, перегоняли ближе к дороге.

Волна вышла на просеку уже близко от кордона. Учуяв след своих сородичей, она без понукания прошла всю тропу до Сосняков, а увидев загон, обрадовалась: взбрыкивая и размахивая хвостом, обежала ограду, заметила открытые ворота и, не сбавляя хода, ворвалась внутрь.

Навстречу ей спокойно шли Журавль, Еруня, Лира и Жанка.

Волна улеглась в густой траве и утомленно закрыла глаза. Лежала мирно, словно деревенская корова после вечерней дойки.

Михаил Андреевич устало ввалился в домик наблюдателей, через плечо Лиды сорвал отрывной листок календаря и положил перед ней.

— Что? — Она снизу вверх посмотрела на Михаила.

— Запиши крупными буквами в летопись природы. Диктую: «Четвертого августа тысяча девятьсот сорокового года в Кишиневский зубровый парк прибыло пять зубров горного подвида».

— С чем и поздравляю тебя от всего сердца, — как можно торжественней ответила она.

День выдался солнечным, теплым. Вечером, когда зоологи уходили по тропе на кордон, стало так тихо, что не шелхнул ни один листочек на кленах. От высокой травы начинал подыматься ночной холодок. Усилился запах отцветающего подбела, буквицы, клеверов. Осевшее к самым хребтам солнышко косо освещало поляны, удлиняя тени от деревьев и скал. Черные пихтовые леса дремотно стояли по склону. Кавказ баюкал вновь обретенных детей своих.

Теперь ученые и егеря могли отдохнуть. Дело сделано.

Лида и Михаил шли, взявшись за руки, посматривали друг на друга, улыбались и молчали.

У ручья, бойко катившегося к реке, перед игрушечным мостиком из тонких березовых жердей они остановились.

— Я боюсь, — сказала Лида.

— Перенести?

— А ты сумеешь? — Лида как-то странно засмеялась.

Он не ответил. Просто поднял ее и понес на руках через шаткий мостик.

И за ручьем, через луг он все еще нес ее, а она совсем не торопилась спускаться на землю. Руки девушки уютно обнимали шею Михаила.

В сотне километров от загона с зубрами, на северной стороне Передового хребта в этот летний вечер засыпал город Майкоп. Гасли огни в окнах. С гор веяло прохладой, слышнее шумела река, сбегавшая с последних увалов в долину.

Дольше всего светится огонь в домике Зарецких.

Данута Францевна и Андрей Михайлович уговорили Телеусова погостить. Старый егеря охотно остался. В такие-то дни ему и самому не хотелось покидать друзей.

На столе шумел самовар, окна в сад оставались открытыми. Слышно было, как в сарае пофыркивали кони, роясь в пахучей охапке клевера, брошенного им на ночь. Трещали в саду цикады. Сладкий запах душистого табака проникал в комнаты.

— Ну вот, и слава богу, — в который раз бормотал седой Алексей Власович, пододвигая горячую чашку с чаем. — И успокоились мы, сами повидавши, как возвратились наши звери. Сколько лет-то прошло?..

— Ты Кавказа припоминаешь? — Зарецкий наклонился к другу. — Не забыл, как ловил да как мы везли его в Питер и дальше?

— Маленько помнил. А вот увидел быка, как он из клетки вылез, так враз все и прояснилось. Почудилось мне, будто он и есть наш Кавказ, только подросший, справный телом. Что голова, что стать, тут уж без ошибки: нашенских кровей. Погостил по заморьям — и домой прибыл. К месту рождения, значит.

— Журавль. Молодой еще. По-научному в нем пять-шестых зубриной крови. И ведет он родословную от Кавказа.

— Вот ведь как! По кругу.

Время показало, что их труд во спасение дикого зверя на Кавказе не прошел бесследно. Зубры снова здесь.

— Может быть, — сказал опять Телеусов, — что нынешние егеря счастливее нас окажутся, как ты считаешь?

— Счастливей?

— Я о Мише, сынке вашем, думаю. И об этой смелой девахе, которая с ним взялась за зубров. Говорю, счастливей нас будут. Сохранят и умножат для блага...

— Мир нужен, вот что главное, Власович. Тогда и природа не порушится, и зверь уцелеет.

— А ежели война? Разговоры всякие слышу. — Он пытливо смотрел на Зарецкого.

— Не поминайте о ней, Алексей Власович. — Данута Францевна прижала к лицу руки. — Скольких людей мы потеряли, сколько близких! Будем надеяться на лучшее.

— И то... Лучше о хорошем подумаем. Года не пройдет — зубрята появятся. Тогда их можно на волю. И мы побудем на Кише, полюбуемся, как да что, порадуеться за порядок в заповеднике.

Андрей Михайлович согласно кивал. Взгляд его скользнул по только что просмотренным газетам. И он не сдержал озбоченного вздоха.

В мире бушевала война.

Г л а в а п я т а я

На своей родине. Директор знакомится с зубрами. Похороны Телеусова. Решение старого Зарецкого. В Москве, у Гептнера. Признание на вечерней поляне. Война. Бизоны из зоопарка. Трагедия

1

— Это называется пластичностью организма. Есть же у них кавказская кровь? Потому и легко прижились.

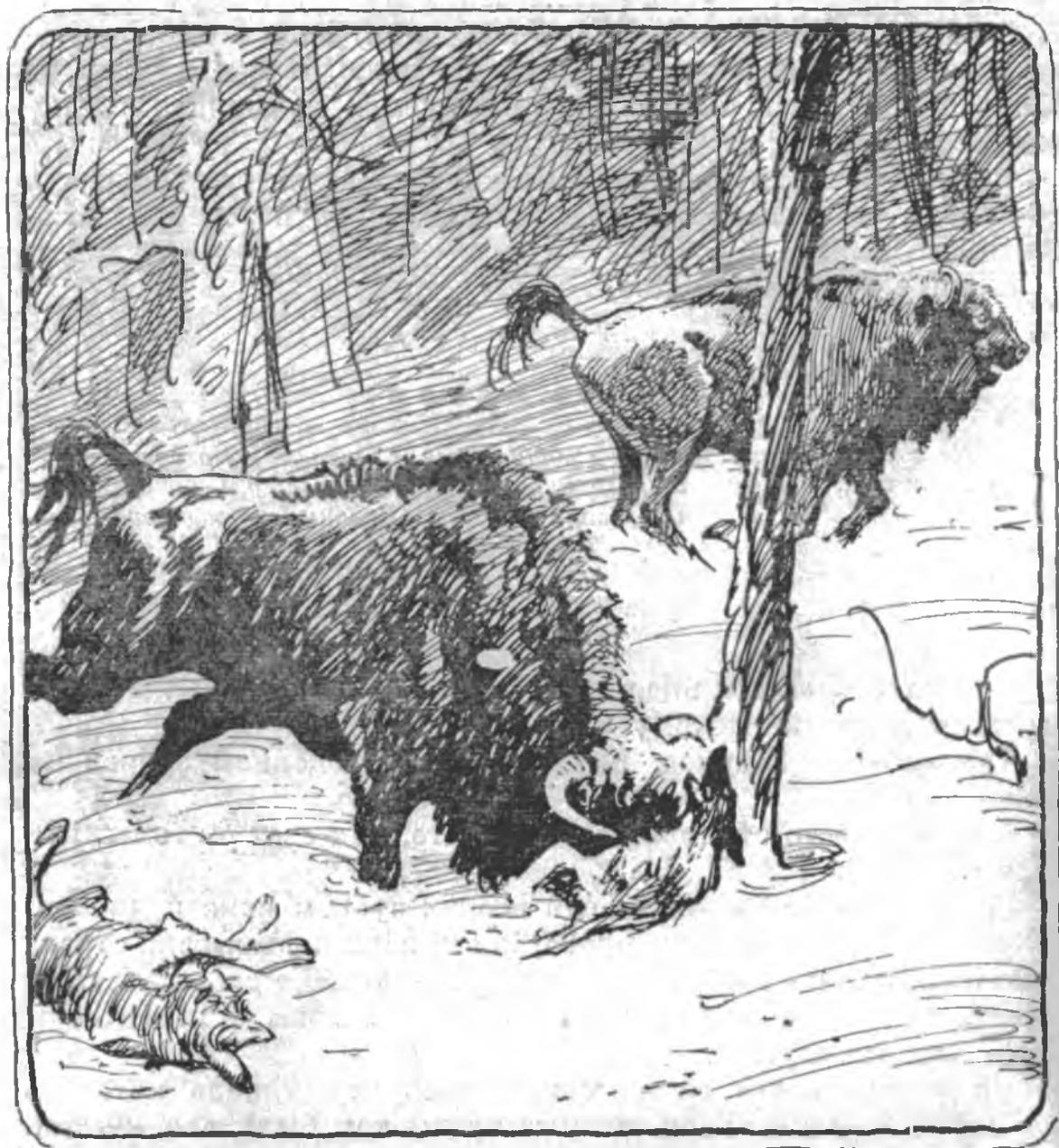
Так говорил Жарков, наблюдая за поведением зубров на новом месте.

А новое место отличалось от старого, как свет от тьмы, как море от суши.

Разрезанный и прохладный воздух зубрам явно нравился, он бодрил, от него по коже пробегали мурашки, вызывали странную щекочущую возбужденность. Хотелось бегать, валяться, играть, что вовсе не подобало крупным зверям с характером более чем замкнутым.

По утрам, когда земля согревалась и начинала источать душистый свежий запах, росные травы так были сладки, так приятно хрустели на зубах, что пастьба доставляла зверям огромное удовольствие. Быстро насытившись, зубры не ложились, а вытягивались гуськом и шли цепочкой к месту, где была соль. Волна, все еще не считавшая Журавля за взрослого, шла, естественно, первой. Еруню она оттеснила.

Зубры любили стоять над солонцом, даже вдоволь нализавшись. Солнце пригревало бока, от лоснящейся шерсти исходил парок. Когда согревались, приходило озорство. Жанка и Лира подхватывались и мчались по кругу, вверх, вниз, лавируя между кленов, — только ошметки из-под копыт. Это выглядело столь заразительно, что Журавль, Еруня и Волна тоже кидались за молодыми, обгоняли их, с необыкновенной легкостью взлетали на крутые бугры, перепрыгивали ручьи — и все на скорости, с раскрытыми ртами.

Вволю набегавшись, стадо ложилось в тень. Загон утихал. Над головами редко покрикивали желны, журчал ручей. Рай...

— Они пришли сюда, как в родной дом. Эт-точно!

Задоров смотрел на зоологов с некоторым вызовом. Все верно, хотя три, а то и четыре поколения отделяли нынешних зубров от тех, кавказских и беловежских. Асканийская степь, как и восточнопруссские иески были для них пересадочными пунктами и не оставили заметного следа. Они не сделались более ручными. Они не утратили ни диких привычек, ни волю к свободе. Нуждались ли они в человеческой поддержке теперь?

Это показала зима.

За два октябрьских дня навалило более полуметра снега,

а морозец еще и прихватил его сверху. Зубры не выходили из густого дубняка, лежали, засыпанные снегом, как под толстыми одеялами. Но голод позвал их на заснеженный луг.

Зоологи были просто в восторге, когда увидели, что зубры ловко и сноровисто взялись пропахивать снежный наст лбом, грудью, разбрасывая копытами, добираясь сперва до примятой травы, а потом и до зеленой ожины, которую все лето обходили стороной. Вспомнили первобытность!

Журавль, подцепив зубами колючую плеть ежевики, тянул ее именно туда, где она приросла, и, отряхнув, принимался жевать, переступая по мере того, как плеть укорачивалась. Еруня осторожно срывала верхушки мелкого осинника, пробо-

вала кору на ильмах. А Волна самым старательным образом ковыряла снег под дубами в поисках желудей. И под дикими грушами старалась: любила плоды, как и Еруня. У обеих имелись особые основания искать более солидную пищу, чем старая трава.

И все-таки звери не забывали кормушек. Нуждались в помощи.

Зуброводы ходили с лицами именинников. Столько говорили, писали об акклиматизации зубров, так боялись перемены местожительства для них, а на деле все получилось иначе. Зубры не страдали от высоты, от новых кормов, от погоды. Им здесь прекрасно жилось.

После недельной вьюги, в течение которой ученые лишь раз в день приходили с кордона к загону, чтобы убедиться в сохранности и здоровье зверя, произошло событие, записанное в историю кавказского стада. На снегу у самого кордона обнаружили следы волчьей стаи. Шесть или семь голодных хищников рыскали у жилья. След уходил к Сулиминской поляне. Возможно, учуяли зубров, но не знали, с кем имеют дело.

Схватив винтовки, Зарецкий, Жарков и Задоров стали на лыжи и пошли к загону. След уходил за жердевую ограду, к зубрам. Чуть дальше виднелся истоптанный снег, волчьи и зубрины следы вперемешку и лежал труп совершенно разорванного и растоптанного матерого волка. А в загоне не было ни одного зубра!

Озадаченные зуброводы прочесали лесные уголки в пределах изгороди, нашли пролом в ограде. В погоню или от страха?..

Распахнув ворота, люди отправились искать зубров.

След повел к горе Слесарной — месту очень опасному, с ущельями и провалами, сплошь в зарослях жасмина, рододы и лещины, переплетенных лианой. Стало ясно, что зубры мчались за волками. Коротконогие волки застревали в твердом снегу, тогда как зубры легко взрезали сугробы. Вот еще один растерзанный хищник. Кровь на ветках барбариса, это оцарапался зубр. И наконец, картина, которая сразу сняла напряжение: их стадо...

На округлой луговине, по сторонам которой стояли сосны, лежала вся пятерка. Глаза и уши их следили за лыжниками. Вокруг желтели окопчики недолгой пастьбы, снег был сбит и со склонов, откуда свисала старая трава. Ее оборвали.

— Ближе подходить не будем, — прошептал Задоров. — Пойдем в обход, потесним к загону.

Едва они скрылись за соснами, как зубры поднялись и неторопливо, словно на прогулке, пошли в сторону дома.

Через час ворота за ними затворились.

— Ну, что вы скажете? — спросил Зарецкий, когда все население кордона собралось в большой комнате старого помещения. И посмотрел на Лиду.

— Зубры сами высказались достаточно убедительно, — живо ответила она. — Готовы к вольному житью. А мы планировали выпустить их из загона на третий год. Поправку примем к сведению. Темные милые рогатики! Так проучили волков! Это опять же в пользу их вольного содержания: могут постоять за себя.

В конце октября Лида заметила беспокойство Волны. Отел?.. Зубрицу не без труда отделили от стада и заперли в утепленном сарае с двориком. Вскоре изолировали и Еруню. Их обеих обильно кормили. Зубрицы все время проводили в темном помещении.

Лида бегала к ним по три раза на день. Подсматривая в щелочку, она говорила зубрицам из-за стены какие-то ласковые слова, бросала куски хлеба с солью, морковь, сухие груши, а вернувшись в дом, озабоченно вздыхала:

— Скорее бы! Такое время, все ближе к холодам. И в неволе...

Первой принесла телочку Волна. Когда и как это случилось — осталось тайной. Малютку увидели на третий день. Было довольно тепло, и Волна вывела ее во дворик, чистенькую, вылизанную, но еще шатающуюся на нетвердых ножках. Телочку назвали Валькирией. Волна с недоверием косилась, то и дело собиралась кинуться или становилась так, чтобы укрыть малышку от чужих глаз. Валькирия жалась к материнской косматой груди, смешно переступая, подбиралась к вымени.

— Завернуть бы ее в телогрейку, что ли, вон как дрожит, — переживала Лида. — Вдруг простудится, заболит?

Зарецкий посмеивался. Попробуй заверни...

Еще через три недели, так же незаметно и просто отелилась Еруня. И тоже принесла телочку. Ее назвали Ельмой. Отцом обеих был Бодо, оставшийся в Аскании-Нова.

На счастье, удерживалась оттепель, морозец схватывал снег только ночами. Зубриц кормили хорошо, но они выходили из сарая, с удовольствием грызли кору на ильмах, обгладывали изгородь и даже выпирающие из земли корни дубов.

— Неужто голодные? — удивлялся Задоров.

— Обычное явление, — успокаивал его Игорь Жарков. — Укрепляют желудок. Танин, понимаешь? Желудей им побольше, коры.

Зубрята росли быстро, вскоре у них уже чернели рожки, поступь окрепла, они тоже выходили во дворик даже без родителей, пытались скакать и бегать, но очень неуклюже.

Наконец их выпустили в общий загон.

Звери отнеслись к матерям и телочкам с милой предупредительностью. Уступали дорогу и место у кормушек, у солонца, освобождали лежку в затишке. Впрочем, Волна и Еруня были постоянно настороже и могли проучить всякого, кто, по их мнению, угрожал маленьким. А когда дни посуровели, они принимали дочек под косматую грудь и так лежали вместе, укрытые снегом. Но в сараи заходить не любили. Спартанское воспитание.

В Майкоп родителям, в Москву Макарову и Гептнеру Михаил Зарецкий написал подробные письма. Семь. Уже семь зубров в горах!

2

Директор заповедника долго не появлялся в Кишинском зубропарке, узнавал о событиях от наезжавших в Гузерипль сотрудников. Всякий раз, выслушав такой доклад, он сильнее выпячивал толстые губы и бубнил: «Не было у бабы хлопот, купила себе порося».

Он по-прежнему занимался хозяйственными делами. Успешно торговал всякой всячиной с заповедных угодий, куда-то спешил на совещания и собрания, спорил, по-базарному хлопал ладонью о ладонь собеседника, словом, действовал, как привык действовать. Правда, в этой его деятельности обнаруживалось и полезное начало: он строил. Гузерипль становился приличным поселком, через Белую положили новый мост, подправили дорогу. Но все это относилось скорее к исправлению собственной ошибки, чем к поваторству.

Когда он, наконец, пожаловал на Кишу, шел уже 1944 год. Зима не очень свирепствовала, и поездка не выглядела обременительной. Зубры на него особого впечатления не произвели. Бык да коровы с телками, только и всего. Есть о чем говорить! Вот если бы слоны... А таких, как эти, в любом колхозе можно видеть. Но там хоть молоко. А что от зубров?..

Заговорившись с Михаилом Зарецким, он небрежно облокотился на изгородь загона, даже руку просунул по ту сторону и, будучи в настроении, вдруг чему-то расхохотался. Метрах в сорока прохаживалась Волна с дитем. То ли этот чужой голос вывел ее из равновесия, то ли почувала она опасность от многолюдства. И взыграла. Сорвалась с места и налетела на ограду. Удар потряс плахи, он пришелся рядом с директорской рукой. Миг — и большой тучный человек, как резиновый мячик, откатился метров на восемь от изгороди. Поднялся бледный, с вытаращенными глазами.

— А! Эт-то что ж? Убить могёт! Да как они!..

— Запросто могут, — сказал Борис Артамонович. — Дикари, эт-точно. Что с них взять, товарищ начальник?

— А где об этом самом написано у вас? — Директор вдруг закричал: — Где объявление, что подходить опасно? Порядок где? Колесо на мельнице вертится, так сетка кругом поставлена. А тут образина, понимаешь, — и гуляет себе вольно! Чуть что — на рога!

— Ограда, — сказал Зарецкий. — Ничего не случилось, выдержала удар. Вот скоро выпустим их на вольное пастбище, тогда...

— Еще чего! По лесу не проедешь, выскочит такой скот — и будь здоров...

— По зубровому парку не положено ездить. Зубры никакого соседства не любят. Долина Киши — глубокий резерват, посторонним здесь находиться запрещено.

До самого вечера гость выглядел беспокойным, оглядывался даже в помещении, где ужинал, прислушивался. Зарецкий положил перед ним бумагу — просьбу в главк по заповедникам отловить для кавказского стада еще одного быка из сохранившихся в Беловежской пуще и пять потомков Бодо из Аскании-Нова. Таков был план ускоренного поглотительного скрещивания на зубра, чтобы вытеснить бизонью кровь у следующего поколения. Директор долго смотрел на бумагу и передергивал плечами. Переживал кошмарное видение будущего: встречу в лесу со стадом зубров... Зарецкий как раз говорил, что через два десятилетия сотни зубров освоят свою старую прародину и число их достигнет тысячи голов.

— Сколько, сколько? — переспросил директор.

— Тысяча...

— Зачем? На мясо?

— Ну что вы! — Зарецкий даже смутился. — При чем тут мясо?

— Толк, толк какой, я спрашиваю? Кожи? Не для красоты же держать этакое стадо. Сожрут все!

— Миллион лет назад они жили на всей Русской равнине и, представьте, не съели, хотя было их великое множество. В 1914 году на Кавказе жило семьсот голов. Ничего. Уцелел Кавказ.

— Ну, ты скажешь! Это ж в каменном веке было! Народ по пещерам прятался. Считать не умели, не говоря о бухгалтерии. А нынче как: задумал дело — докажи, что оно прибыльное. Не доказал — будь здоров, уходи и на глаза не показывайся.

Лида вдруг рассмеялась, да так громко, заразительно, даже голову закинула. Вот это образ мыслей! Отсмеявшись, сказала:

— Дарвин. Чарлз Дарвин. Читали?

— Ну?.. И что этот Дарвин?

— Он писал, что ни один вид животных или растений не может быть стерт с лица земли лишь потому, что в данный момент человечество не знает способов его использования. Вдруг они носят в себе какое-то особое вещество, лекарство, гормоны?

— А мы и не стираем. Вот развели же... Ходят. Ну и пусть ходят. Но разводить тысячами... Перебор!

— В далекой перспективе. Сейчас мы просим всего-навсего одного быка и пять телочек. — Зарецкий начинал раздражаться.

— Шесть? На такую цифру я согласен. А вот перспектива, как ты сказал... Туристам ходу на Кавказ не будет. Этого нельзя!

— Заповедник не для туристов.

— Ух ты! Базу для них строю. В Гузерипле, на Умпыре. Выгодное, считаю, дело.

И тогда разгорелся шумный спор. Ученые, перебивая друг друга, принялись доказывать ошибочность директорского взгляда. Заповедование — это прежде всего запрет на всякую деятельность и пользование, будь то лес, охота, туристские тропы.

Был ли это первый довоенный спор на живучую тему или он уже случался раньше, сказать трудно. Но и позже, спустя десятилетия, отголоски его зазвучали, к сожалению, не только на кордонах, но и в министерских кабинетах, да так аукнулись, что тяжелым бременем навали на многие заповедники страны.

— Ладно... — Директор прижал ладони к ушам. — Бумагу я подписываю. Но вся ответственность на тебе, Зарецкий. И на тебе, Шарова. Снабжать кормами категорически отказываюсь! Всех зверей — на самообслуживание! Роги-ноги есть, пусть ходят и кору гложут, траву стригут. С меня спрос, а не с этого, извините, Дарвина.

В разговоре, в громком споре никто не услышал, как открылась дверь и в комнату тихо вошел какой-то растерянный, сутулый Андрей Михайлович Зарецкий. Он облокотился о притолоку, послушал и, уловив паузу, сказал:

— Я с плохой вестью, друзья. Только что из Хамыщков. Телеусов умер...

Мгновение глубокой тишины. И общий вздох, словно большая человеческая душа охнула. Всклинула Лида. Все стояли опустив головы. Первый егерь заповедника...

— В одночасье помер, — сказал Зарецкий. — Приехал за мной в Майкоп, переночевал, выехали сюда, добрались до его дома. Он вошел, сел у стены, жена налила воды в умывальник, обернулась, а он и голову уронил... Вечная ему память! Одно утешение: удалось ему увидеть зубров на Кавказе.

Утром кишинские зуброводы выехали в Хамышки. Хоронили

старого егеря многолюдно и торжественно. Могила его осталась на старом солдатском кладбище через дорогу от поселка.

Не пришлось ему дожить до страшного июня сорок первого

3

На пути в Москву Михаил Зарецкий два дня провел в Майкопе.

Его отец, еще более осунувшийся после смерти Алексея Власовича, все более озабоченный сообщениями из Европы, где широко полыхала война, как-то очень невнимательно выслушал планы, которые разворачивал перед ним Михаил. Это не означало, конечно, потерю интереса к заповедным делам и к зубрам на Кавказе. Это была реакция на тревожные и грустные события жизни. Неужели его сыну тоже суждено надеть солдатскую шинель?.. Что за век такой, что за ярость человеческая?..

А Михаил не думал о войне и ни о чем другом, связанным с войной. Он всецело продолжал жить заповедником, зубрами, ему было хорошо там, рядом с Лидой, которая на редкость умно и деятельно помогала Зарецкому в его работе. Общее дело заполнило всю их жизнь. И дело это казалось им наиважнейшим среди всех других. Еще бы — восстановить утерянный вид!

— Я хочу, папа, добиться покупки новых зубров, — говорил Михаил. — У Яна Жабинского записано, что в Польше были еще потомки Кавказа, по имени Борус, Бискайя и Бизерта, с хорошей долей кавказской крови. Целы они? Или их потомки? На будущий год у нас появятся еще зубрята от Журавля. Опять возникнет угроза близкородственного размножения, мы хотим избежать этого. Из Москвы я думаю выехать в Беловежскую пуцу, чтобы ускорить дело. Надо привезти несколько зубров.

Отец посмотрел на карту. Немцы находились всего в двухстах километрах от пуцы. Такая опасность!.. Понимает ли он?..

Данута Францевна смотрела на сына, на мужа, опять на мужа и сына, догадывалась, что переживает Андрей Михайлович и о чем не знает их сын. Она не хотела, чтобы отец все это высказал и испортил Мише его боевое настроение.

Андрей Михайлович подошел к карте.

— Посмотри сюда, Миша. Подумай. Вот она, пуца, а вот тут — немцы, их отобилизованные дивизии. Их танки и штыки. Их многолетняя нацеленность на восток, драг нах остен.

— Штыки немцев повернуты, кажется, не в нашу сторону.

— Штыки легко повернуть куда угодно. Ни один старый солдат не верит в стабильность положения на нашей западной границе. Затишье перед бурей. Фашисты — и мы. Неодолимая

пропасть. Я не уверен, что успеешь отловить быков в Беловежской пуще, что вообще поедешь туда.

— О чем ты, папа?.. — Михаил вдруг сел, испуганно посмотрел на отца, потом на карту. Он не был готов к подобному разговору. Война не представлялась ему чем-то очень близким и опасным. Мы достаточно сильны — это он знал, так был воспитан, с верой в победу. — Неужели ты думаешь, что они рискнут напасть?..

— Да, я так думаю. И когда настанет удобный для них момент, штыки повернутся в нашу сторону. Я не знаю, как сложится обстановка, но на душе у меня тяжело. Представь: ты наденешь шинель, все твои друзья — ученые и егеря — тоже. Кто останется в заповеднике? Директор? Это хуже всего. Так вот, если случится самое плохое, заботу о зубрах я возьму на себя. В солдаты не годен, так хоть здесь... Лиде одной не справиться. Дело сложное, без мужчины трудно. Не исключай и такого хода событий.

Михаил подавленно молчал. Ему и в голову не приходило подобное.

— Я тоже буду рядом с Лидой, — тихо сказала Данута Францевна. — Втроем уже легче.

— Могу я сказать о твоём желании в главке? — Миша стоял перед отцом. — Я имею в виду военное время.

— Да, Василию Никитичу Макарову. Он меня помнит. И поспеши-ка ты, сынок, с беловежским пополнением. Там зона опасности. Чем скорее управишься, тем лучше.

Ночью Михаил сел за письмо. Самое длинное и самое, пожалуй, серьезное письмо из всех, написанных им Лиде Шаровой. Он крупно и разборчиво написал, что любит ее. Признание для Лиды, в общем-то, не такое уж неожиданное, но так вот прямо написанное слово о любви, да еще в письме суровом, тревожном, — это звучало очень смело и честно. «Люблю. И если все плохое не произойдет слишком скоро и я успею вернуться к тебе, то хочу услышать твой ответ, чтобы решить наше будущее — сегодня и навсегда».

Утром он отдал письмо маме.

— Отправь, пожалуйста, с первой оказией. Через надежные руки.

Она поняла.

4

Весенняя Москва встретила Михаила ярким солнцем, последними сильно потемневшими сугробчиками снега и бесчисленными светлыми ручьями. Река вскрылась, по ней важно плыли

ноздrevатые, хрупкие льдины. Веселые люди заполняли улицы.

Вид сияющей Москвы, спокойный ритм, всегда свойственный ее лику, знакомый высокий дом на Чистых прудах с машинами у подъезда, где помещался главк, — все это никак не вязалось с мрачными предсказаниями отца. Зарецкий повеселел. Мир более устойчив, чем могло казаться из далекого Майкопа. И командировка его, конечно же, увенчается успехом, он привезет зубров из пуши и Аскании, словом, без помех продолжит работу, которая так радовала его своей творческой доброй сутью.

Вспоминая о письме Лиде, он озорно краснел. Давно хотел признаться... Когда он вернется на Кишу, у них начнется другая жизнь. В тысячу раз лучше!

Он не нашел Макарова, зато побывал у знакомых зоологов, рассказал, зачем приехал, получил одобрение. Они вместе написали письмо для Совнаркома РСФСР, которому теперь подчинялся главк заповедников, с просьбой разрешить перемещение шести зубров из пуши для кавказского стада.

Вечер Михаил провел у Владимира Георгиевича Гептнера, рассказал о поведении зубров, о перспективе роста стада и не без иронии о директорских словах: «Зубры? На мясо? На кожи?»

Профессор даже не улыбнулся. Напротив, как-то поскуучнел, походил по комнате, сказал:

— Ваш директор не оригинал, не он один мыслит только хозяйственными категориями. Мы постоянно ведем борьбу за научную чистоту заповедников против попыток использовать их в качестве источника хозяйственной выгоды. Дело не только в отсутствии у людей нужных познаний или просто элементарной этики по отношению к природе и к будущему. Все сложнее. Мы со школы начинаем воспитывать в человеке потребителя, печатаем бравые книги о власти над землей, учим брать и брать. Все это порождено и великими потребностями, и поверхностным оглядом своей земли: вон какая махина, шестая часть мира! На всех хватит! На тысячи лет! А это ведь далеко не так. Совсем не так! Население растет, техника тоже. Проблема...

На другой день Зарецкий сидел в кабинете Макарова. Тот долго вертел в руках письмо директора и бумагу для Совнаркома, потом взялся разговаривать по одному телефону, по другому и, наконец, протянул бумаги Михаилу, не подписав их.

— На память, — сказал без улыбки. — Храни до лучших времен.

— Я так понимаю, что сейчас плохие времена?

Он не ответил, встал и, как старший Зарецкий, подошел к карте.

— Вот она, Беловежская пуца. Зубры там на воле, прячутся в глухих уголках. Отловить их трудно. Да и некому. Все заняты.

Чем?.. А вот тут, — палец его скользнул к Висле, — тут, понимаешь ли, стоят чужие танки. Это тебе известно?

— Отец говорил. Еще сказал, что, если я надену солдатскую шинель, сам он пойдет в заповедник.

Макаров задумчиво смотрел на Михаила.

— Вот как! Он мудрый человек! Не дай бог, конечно, войны, но кто знает... Скажи ему, что старик Макаров будет безмерно благодарен ему, если он примет на себя, в случае опасности, заботу о зубрах. На него можно положиться.

— А как же с пущей? Могу я поехать туда?

— Нет, не можешь. Военная зона. Зубров там охраняют, а вот чтобы устраивать отлов — этого не будет. Требуется согласование с самыми высокими инстанциями, а там и без нас забот... Если все обойдется, я вызову тебя. Вот такие дела, дружок. Значит, асканийцы прижились? Место им по душе? Из Крыма сообщили, там тоже зубрята пошли.

— Мне можно возвращаться, Василий Никитич?

Макаров молча пожал ему руку.

Майские праздники удержали Зарецкого в Москве. Он не сразу сумел купить билет на юг. Только на третье число.

Он побывал у своих университетских друзей, даже на вечеринку попал и по этой причине возвращался в гостиницу далеко за полночь, пешком. Вот тогда-то он и поглядел в глаза войне: почти час стоял на Цветном бульваре, пережидая, когда пройдут танки и автомашины с красноармейцами. Они шли и шли, спускаясь по Садовому кольцу, наполняя улицу едким дымом солярки. Ночные прохожие все подходили, толпа стояла кучно, дожидаясь перехода на другую сторону, глядела на войска, грохочущие идущие через Москву. Наконец выше, у кинотеатра «Уран», между колоннами появился разрыв, толпа изготвилась, побежала. Зарецкий обернулся с тротуара. Машины шли опять, наполняя душу предчувствием неладного.

...В Белореченской он увидел, как грузились в вагоны казачьи части.

Первые слова, сказанные отцом, были:

— Тебе повестка из военкомата. Отдохни, расскажи, что там, и сегодня же явись, как положено.

Миша поцеловал его в щеку.

— Кажется, ты во всем прав, папа.

В военкомате он пробыл до позднего вечера. Двор был заполнен молодым народом. Здесь он встретил Задорова.

— Всех егерей вызвали, — сказал Борис Артамонович. — Что происходит?

— То самое, о чем думаешь и ты.

— Эт-точно! — И умолк, помрачнев.

На Кише каждый вечер разговоры о событиях в мире.

Зоологи на все манеры комментировали известия, но сходились на одном: и вызовы в военкомат, и приказ готовиться к призыву — это меры предосторожности перед опасностью войны. Не более того.

Приехал директор. Он вел себя иначе, чем в прежний наезд. Со всеми соглашался, заискивал, его вытаращенные глаза выражали растерянность. Не спросил, что с зубрами, не поехал на Сулимину поляну. Зато пространно говорил об огромном значении проекта восстановления зубров, о роли заповедника и вдруг попросил Лидию Шарову сочинить ему бумагу, чтобы отразить, как он выразился, место заповедника в истории и современности.

— Буду настаивать на броне для всех ученых и охраны. Война, конечно, общее дело, но бросать такую работенку нам нельзя. Садись, пиши. Возражений не будет?

— Я добровольцем пойду, если что, — сказал Задоров.

— Да как ты можешь? — Директор сердито насупился — Мы считаем тебя спецом по зубрам. Их охранять кто будет?

— Россию защищать — это и зубров защищать. А тут жена останется, она дело это знает.

Директор перевел глаза на Зарецкого.

— Тоже пойду на фронт, — сказал он. — Лидия Васильевна возьмет на себя заботу о зубрах.

Примерно так же высказались зоологи Жарков, Теплов, даже пожилые егеря. Директор совсем растерялся. Широкий лоб его покрылся капельками пота. И как только Лида отдала ему исписанные странички о значении заповедника, засобиравшись и уехал в Майкоп, конечно не отказавшись от своего намерения о броне для сотрудников. Для себя, естественно, тоже...

В начале июня на Кишу приехали старый Зарецкий и Василий Васильевич Кожевников, которому уже было более семидесяти. Прямая фигура, белая борода, голубые глаза из-под мохнатых бровей делали его похожим на былинного старца Древней Руси. Чуть не со всеми зоологами они поехали в зубропарк, пробыли там и ночь. На другой день исходили вдоль и поперек склоны вокруг загона, осмотрели огороды и похвалили кишинцев за хозяйственность и благоустройство.

Возвратились на Кишу. Перед вечером Михаил сказал отцу:

— Мы с Лидой собрались погулять. Составь нам компанию.

Андрей Михайлович кивнул. Сын помог ему надеть плащ. Пошли через красивый луг не в сторону зубропарка, а вниз, к реке. Стоял тот задумчивый час, когда все в природе затихает, а

шумный день уступает место мягким сумеркам, полным дневного тепла, но и близким к холодной ночи. Разноцветный ковер выстилал склон, по которому шла тропа. В кустах черемухи распевали щеглы. Глухо гудела река. Солнце ушло, но облака над горами, освещенные снизу, бросали на землю оранжевый свет.

Они остановились.

— Папа,— сказал Михаил, заметно волнуясь.— Мы с Лидой решили пожениться. Мы давно любим друг друга. И мы просим тебя и маму...

Тут он запнулся. Старое слово «благословить» никак не выговаривалось. Лида опустила глаза.

Андрей Михайлович обнял их.

— Мир вам и счастье, дорогие. В такое время, когда будущее... Впрочем, зачем об этом вспоминать! Одного желаю: если грянут испытания, будьте дружны, крепки духом и берегите свою любовь.

— А как же мама? Как мы скажем ей?

— Положись на меня. Шенну вам по секрету: она давно ждет этого события. Я привезу ей добрую весть!

Они возвращались, когда уже стемнело. Взявши старшего Зарецкого с обеих сторон под руки, говорили обо всем на свете. Счастливые, они оттолкнули в эти часы все тревоги. Жизнь, целая жизнь впереди!

Через считанные минуты о событии узнали во всех домиках кордона. Пятнадцать человек уселись за один стол. Перед большим семейным самоваром хозяйничала жена Бориса Артамоновича. Черные горы и лес замыкали кордон со всех сторон, охраняя его от мировой неустроенности. Здесь властвовали мир и счастье.

Этот мир просуществовал для кишинцев еще одиннадцать дней.

Воскресным днем кто-то из сидевших у маленького приемника услышал торжественно-грозные слова. Правительство Союза Советских Социалистических Республик сообщало о нападении на нашу страну фашистской Германии.

Прискакал вестовой из управления. Директор бодро сообщал, что все работники заповедника до особого распоряжения остаются на своих местах.

Он все-таки добился, чего хотел.

Броня оказалась для егерей и ученых только отсрочкой. Война быстро приобрела такой тревожный оборот, что ни о каком послаблении с мобилизацией не могло быть и речи.

Через несколько месяцев после начала войны немцы находились недалеко от Ростова-на-Дону...

Кордон опустел. Мужчины ушли уже в конце августа. С этого дня все заботы пали на женские плечи. Предстояло убирать огороды — картошку, морковь, докашивать траву, дежурить у загонов, готовиться к зиме.

Из Гузерипля прискакал заместитель директора по науке, сунул Лидии Васильевне телеграмму, а сам свалился, улегся на землю. Так устал, так торопился!

Она смотрела на срочный бланк и глазам не верила: «Адрес Кавказского заповедника прибывает вагон дикими зверями эвакуированными Московского зоопарка. Обеспечьте прием выгрузку сохранность. Полная ответственность». По бланку синим карандашом наискосок шла директорская резолюция: «Л. В. Шаровой. Выезжайте в Хаджох. Мобилизуйте народ для перегона бизонов на Кишу».

— Бизонов? — повторила она. — Каких еще бизонов?!

— Я почему знаю? — Заместитель угрюмо отвернулся. — Живых, надо полагать. Из Гузерипля выехали семь человек. Собирайте своих — и скоро-скоро...

— Да вы понимаете, какая это опасность — привезти бизонов к нашим зубрам? Это, это... — Она задохнулась от негодования. — А если они больны? Почему не в Гузерибль, не в Карапьерь? Я не представляю себе, чтобы умные люди...

— Ничего не знаю. Есть приказ — исполняйте. Я отправляюсь в Хаджох. Жду вас как можно скорей.

И ускакал.

Лидия Васильевна посмотрела ему вслед и расплакалась. От обиды, от страха за своих зубров. Она поняла, что это безрассудство, глупость. Это катастрофа для заповедника! Но приказ в военное время?.. Его полагалось выполнять. Она свела брови и начала действовать. Двум пожилым лесникам приказала срочно ставить сбоку зубропарка отдельный загон для бизонов, а сама со всеми женщинами в седлах поехала навстречу неизвестному.

Девятого сентября груз прибыл на станцию. Две открытые платформы с клетками. Затурканный, грязный работяга-сопровождающий подал Шаровой документы:

— Расширитесь, что приняли. Хватит с меня!

— Сколько вы в дороге? — спросила она.

— Три недели.

— Кормили? Прививки им делали?

— Когда там! Из клетки в клетку. Последний овес вчера скормил. Сам голодный, не дождусь, пока сдам.

— Останетесь помогать. Когда выгрузим и устроим зверей, тогда получите расписку. А вы, — она глянула на замдиректора

строгими глазами начальника, — вы тотчас дайте телеграмму директору, пусть постарается вернуть хоть на несколько дней наших зоологов. Они еще в Лабинске. И вызывайте ветврача с вакциной для прививок. Немедленно!

В документах значилось: «Бизон Бостон, вес 880 килограммов, зубробизон Жах, зубробизонка Зорька и гибрид бизоноскота Гедэ». Ну какой, извините, глупец послал их сюда? Почему не в Мордовию, не на Урал, не в Уфу?! Впрочем, поздно горевать, их тоже спасти надо, еле живые.

Подогнали машины. Бизоны храпели, бились в тесных клетках. С большим трудом перегрузили, повезли в сторону Даховской. Где выгрузить, как гнать?! Да и гнать-то нельзя: не выдержат. Прежде нужно дать им отдых.

Знакомый рабочий подсказал:

— Дубильный завод знаете? Там длинные штабеля двухметровых баланов. Можно зараз переложить их на манер загонов и зверей туда. А входы клетками загородить.

Она ухватилась за эту мысль, упростила рабочего скакать вперед, собрать всех, кто может начать перекладку.

К штабелям подъехали часа через четыре. Народ вышел, работали. Поленья лежали рядами; меж рядов — метров по двадцать — оставалось заложить всего по две стенки. Успели. По каталкам сгрузили клетки, поставили отдельно у трех загонов. Выломали передние стенки клеток. Чавкая навозной кашей, вышел громадный Бостон. Прошел десяток шагов — и сразу лег. Точно так повел себя и Жах в соседнем отсеке. Шустрее выглядели бизонки, они побегали, пощипали траву, погрызли кору на дубовых стенах.

На ночь Шарова оставила сторожей. Сама ночевала на заводе.

Чем свет набросали через загородку свежей травы. Бизоны накинулись, как на лакомство. Вид их пока не внушал опасения. Но ветврача все не было. Пропал и замдиректора. Сбросили заботу.

В этом месте звери жили три дня. Очень кстати прошел сильный дождь. Бизоны отмылись. Посвежели, выглядели лучше. Решили двигаться так: сначала один бык, за ним другой, следом бизонки — с разрывом в три-четыре часа.

Быстрый Жах, пепельно-серый гигант, как только увидел выход, рванул с места — и челноком по долине, туда-сюда, всадницы от него; кое-как все же вогнали его в просеку. Бизон мчался, словно за ним гнались, и так до старого амбара близ Сохрая. Там лег — и ни с места. Его понукали, швыряли палками, бизон рассердился, выбежал на узкую, крутосклонную дорогу, по которой вперед пустили пару волов с двухколесной волокушей, полной травы. Жах догнал волокушу и потянулся

за ней, на ходу подкрепляясь овсяницей. Лишь раз отстал, когда пил из ручья.

Бостон не захотел выходить из загона. Забился в угол и дико поглядывал на людей. Выгнали его не без труда, направили на дорогу, по следу Жаха. Шел осторожно, часто пил в лужах, часто ложился. Послушный. Даже какой-то удручающе скучный.

С бизонками еще проще. То ли у них нрав был общительный, то ли стремились к постоянному месту, они весь путь прошли спокойно и почти догнали Бостона на подходе к Сулиминой поляне.

Новый загон сделать успели, от основного отгородили двойной стенкой, чтобы не соприкасались с зубрами. Как только заперли, люди повалились без сил, не веря себе, что пригнали.

Лидия Васильевна никак не могла успокоиться. Чего-то она боялась. Уговорила всех ночевать у загонов.

Заснули в сторожке, как в бездну пали. Ближе к рассвету их разбудил треск, возня. Вскочили, фонари зажгли, палки в руки — и к загонам. Темно, жутко, в новом базу какая-то беготня... Ворота большого загона сломаны, у нового — тоже. Среди бизонов носится Журавль, их надежда. Не подойти! Он перегнал Жанку и Гедэ в свой загон и встал в воротах с недвусмысленным видом: мое! Оба бизона в драку с ним не вступили, даже не поднялись. Журавль только подошел и обнюхал их. Кто не сопротивляется, тех не бьют.

— Боюсь, что бизоны больны, — прошептала Шарова. — Если так, пропадет все наше стадо.

Через день Бостона нашли мертвым.

На Кишу пришел Игорь Жарков, уставший, небритый, в смешной короткой шинели. Отпустили его на десять дней.

Полная тревоги, Лидия Васильевна повела зоолога к мертвому быку.

— Похоже на септицемию, — сказал он. — Послали в лабораторию?

— Уже в третий раз. — Лида в отчаянии закрыла лицо ладонями. — Что мы можем? Словно вымерли там!

— Нужна срочная прививка всем зубрам и бизонам. Посмотрим, что Жах...

Жах пал через два дня. Сомнения исчезли. Эпизоотия...

Еще через неделю погиб Журавль. Зубры лишились вожака.

Привезли наконец вакцину. Делайте сами! Никто из зоологов никогда не делал прививок. Ведь это не коровы, а дикие звери!

— Займемся, Лида, — сказал Жарков.

Зубриц по одной направляли в струнку, зажимали дощатыми щитами. Увертываясь от разъяренных рогов, зоологи

наклонялись сверху и, сжав зубы, вгоняли иглу шприца в шею, над лопаткой — куда можно.

Вечером все было кончено. Сидели как в воду опущенные. Жарков хотел что-то спросить у Лиды. Она уже спала...

Так трагически кончилась неделя. Зуброводы с грустью смотрели на свое осиротевшее стадо. Уцелеют ли остальные или их ожидает та же участь? Сыворотка действует всего две недели. Что потом? Земля в загонах уже заражена! Лида задумчиво покусывала губы.

— Надо угонять зубров, — сказала она решительно. — И как можно дальше отсюда. В лес. На волю. Здесь они неминуемо пропадут. Если уже не заразились.

— Как же смотреть за ними? — Малиновская, жена Бориса Артамоновича, думала о детях, которые все эти дни в одиночку жили на кордоне, где им и страшно и опасно.

— Другого выхода нет, Маша. Отрядим для присмотра за ребяташками нянечку. А сами по очереди будем дежурить возле зубриц.

— Разбегутся. Не боишься?

— Не разбежались, когда за волками гнались. Стадный инстинкт. Думаю, что на поляне, где у нас огороды, им будет неплохо. Сарай соорудим на зиму, оградку. Урочище Жерновое. Чистое место, чистая вода.

Кончался сентябрь, пришли морозные ночи, по утрам луга белели от изморози, на лужах появлялся ледок.

В одно такое утро широко открылись ворота загона. Зубрицы, зубрята, а за ними и две бизонки вышли на свободу. Их погнали выше по склону. Прошло двадцать или тридцать секунд, и звери исчезли из виду.

С отчаянной решимостью Лидия Васильевна махнула рукой:

— Пускай себе! На то они и звери...

Г л а в а ш е с т а я

Три письма Зарецкому. В глухие места — к зубрам. Вести с фронта. Странные директорские заботы. За беглянкой. Бычки — дети Кавказа. Два больших боя. Парашютисты. Военная судьба Кожевникова

1

Три письма пришли на имя А. М. Зарецкого в октябре сорок первого.

Лидия Васильевна сообщала о трагических событиях, случившихся после приема бизонов из Московского зоопарка:

как пали они, как погиб Журавль и о своем решении выпустить зубров на волю, подальше от зараженной зоны. Она просила Андрея Михайловича приехать до зимы на Кишу.

— Вот оно, последствие глупой акции! — Старший Зарецкий не находил слов в адрес людей, которые отправили бизонов на Кавказ. — Мы заскользили вниз. Кто заменит утраченного Журавля? Где возьмешь нового быка? Лида говорит, что в будущем году родятся... А вдруг опять телочки? На годы отодвигается создание чистопородного стада!

— Хоть бы этих удалось сохранить, — вздохнула Данута Францевна. — Как подумаю о Лиде, голова кругом. В лесу, в глуши, а скоро холод, метели. Как она справится? Не пора ли нам, Андрей?..

Зарецкий выхаживал по комнате с письмами в руке. Он раскраснелся от переживаний. Первый укол войны, точнее, удар из-за угла! Первый ли? Нет сомнения, что зубры в Крыму и Аскании тоже под угрозой. Кавказское стадо снова единственное. Тем оно дороже.

— Ты права, надо ехать. Подыматься — и скорее на Кишу, — решительно произнес он.

А опасность возрастала. Не прошло и четырех месяцев, как фашистские армии с боями, но и с огромными потерями одолели сотни и сотни километров по нашей земле, они у Брянска, Киева, в Крыму. Они вышли на междуречье Днепра и Дона, взяли Харьков, создали угрозу Ленинграду, даже Москве! Ростов под ударом. Старый воин сознавал, что это значит: враг рвался к Волге и Кавказу.

Сам он уже дважды просился на фронт. И очень переживал, получив после очередной комиссии очередной отказ: не тот возраст, не то здоровье.

— Да, надо ехать в заповедник, — повторил он и, посмотрев на два других письма, вскрыл конверт со штампом Краснодара.

Перед глазами синели четыре машинописные строки: «Прошу срочно явиться в штаб обороны Кавказа для переговоров, касающихся неотложных решений». И аккуратная подпись заместителя начальника штаба, комбрига...

Зарецкий протянул письмо жене. Данута Францевна только ахнула: все непонятное было для нее страшным.

А он уже разрывал третий конверт, московский. В письме лежал приказ Макарова о назначении А. М. Зарецкого на должность хранителя-зубровода в Кавказском заповеднике с правами заместителя директора.

В следующий час он уже собирался, надевал старую бекешу егеря, знаком попросил жену присесть, сел рядом с ней. Помолчали. Он встал, поцеловал ее и шагнул за порог.

В Краснодаре его принял дежурный командир, со второго этажа спустился военный с одной шпалой в петлицах и повел наверх.

Комбриг, человек уже не молодой, пожал руку, подвинул стул и, когда Зарецкий сел, сказал:

— Из Майкопа мне сообщали о вашем настойчивом желании идти на фронт. Но для вас есть дело не менее серьезное в самом заповеднике. Мы готовим в горах силы для отражения возможного наступления немцев, создаем базы, собираем группы, способные вести бои в сложных горных условиях, даже во вражеском тылу.

— Неужели они решатся?..

— Есть очень веские основания. Немцы нацелены на кавказскую и бакинскую нефть. Дорогу им преграждает не только Красная Армия, но и Кавказ, горы. Возможны бои в горах.

Андрей Михайлович побледнел. Мысль о сражении в местах, где удалось поселить первых зубров, повергла его в ужас.

Они подошли к карте Западного Кавказа. Разговор длился более двух часов. Зарецкий получал особые полномочия: советовать командирам, где и как строить базы, указать им егерские тропы, побывать в отрядах, которые формировались из районных активистов. Он должен был передать этим отрядам опыт войны двенадцатых годов в горах, определить и закрыть самые уязвимые пути к перевалам.

— Вот ваш район. — Комбриг показал на предгорья от Хадженска до Псебая во всю глубину меж Передовым хребтом и Главным Кавказом. — Действуйте. И пусть ни одна душа не узнает об этой вашей деятельности. Вы работник заповедника, не более.

— Не совсем понимаю, почему я должен скрывать?

— В составе немецкой южной группы армий действуют части генерала Шкуро. Старый волк собрал за рубежом немало здешних казаков, удравших после революции. Они знают горы, у них есть знакомые, родные. Зачем вам, командиру партизанских групп, подвергать себя опасности?.. И соблюдение военной тайны, конечно. Где вы думаете устроиться?

Зарецкий ответил не сразу. Майкоп? Нет. Киша, Псебай? Нет. Сказал:

— Вблизи Даховской. Там начало многих дорог в горы.

— Хорошо, товарищ Зарецкий. У вас будут связные. Информировать обо всем, что случится. Не давайте заповедник в обиду. И ни пуха ни пера!

— Я должен съездить на Кишу. Получил приказ о назначении на должность хранителя зубров. Распоряжусь делами в

заповеднике, подыщу и возьму в помощники двух-трех егерей. А по пути заеду в Майкоп к жене.

— Вы не считаете, что для нее лучше перебраться в более спокойное место? Ну, скажем, глубже в горы.

Андрей Михайлович удивился. Значит, и Майкоп может стать зоной военных действий? Но не высказал этой мысли.

— Да, пожалуй, это так. Думаю, ей лучше перебраться на кордон Киша. Правда, сейчас туда очень тяжелая дорога. Но ближе к лету...

— Желаю вам успеха! — Комбриг проводил Зарецкого до дверей.

Из Краснодара Андрей Михайлович написал жене, что задержится, и сразу поехал в Хадыженск, Апшеронск, где имел несколько встреч с командирами будущих отрядов. Продвигаясь по реке Курджипсу, Зарецкий достиг Мезмая, а оттуда попал к Даховской. На одном из лесных кордонов он облюбывал место для связных. Тут складывалась большая партизанская группа.

Проехав до Майкопа, он встретился, наконец, с обеспокоенной Данутой Францевной. Стало очевидным, что война у их порога.

— Когда приедешь за мной? — спросила она.

— В июне — июле. Сейчас поеду на Кишу, все там подготовлю, помогу Лиде. Очень нуждаюсь в Кожевникове. Вот когда недостает мне Алексея Власовича! А ты готовься. При первой же возможности будешь со мной.

2

Шел январь сорок второго. Суровая зима выбелила горы и долины, сровняла тропы. Великого труда стоило доехать до Хамышков и кордона Лагерный, откуда можно было переправиться на правый берег Белой.

Путь до кишинского поселка Зарецкий проделал в одиночестве, Кожевникова не нашел.

Поселок ученых, заваленный сугробами, выглядел покинутым. Лишь из одной трубы ветер рвал и уносил клочья дыма. Здесь он нашел ребяташек. За ними присматривали Веля Альпер и Евгения Жаркова. Как обрадовались они гостю! Не знали, куда посадить, чем потчевать. У них еще была картошка, мука и сухие фрукты.

— Все остальные около зубров, — сказала Веля, опережая вопрос Зарецкого. — В караулке на Сулиминой. Или дежурят в землянках около стада, там новый загончик. Зима! Только сделают сюда тропу — и уже замело. Третьего дня была Лида,

мы баню устроили. Худющая стала! Что там на фронте, где наши, как они?

— От Москвы немцев отогнали. — Зарецкий в первую очередь объявил эту радостную весть, она согревала и его.

— Они были у Москвы?! — Жаркова ужаснулась. Как же так?..

— Они сейчас недалеко от Ростова-на-Дону. Очень серьезное положение. И все-таки... Кто еще с вами?

— Две недели, как здесь Кожевников. Еще егеря Павел Кондрашов, Ксенофонт Тушников. Вырвались из Гузерипля, чтобы помогать зубрам. Директор держал их при своей особе.

Зарецкий огляделся. На столе лежали бумаги. Альпер работала над монографией: «Кормовые ресурсы высокогорья», Жаркова готовила гербарий, приводила в порядок рукописи мужа. Все шло своим чередом.

Переночевав на Кише, Андрей Михайлович утром поехал выше. На лугах стелилась поземка.

Из железной трубы домика наблюдателей на Сулиминой поляне вился дымок. Перед дверью, неумело размахивая топором, колола дрова жена еще одного солдата, зоолога Теплова. Бросила топор, обняла, расплакалась. И сразу — за расприсы. Где, да кто, да как.

Они вошли в караулку. Там спали два зубровода. С дежурства. Поднялись, закурили.

— Лида у загона, — сказала Теплова. — Строит с мужчинами хату. Очень тяжело бегать сюда по пять километров. Она здорова, за все берется сама, молодчина. Вы надолго?

Зарецкий чуть погрелся и начал одеваться. Коня он оставил. Пошли пешком, трое мужчин. В сгустившейся темноте тропа чуть проглядывалась. Рощи, грушовники, луга, черные ручьи. По левой стороне на хребте качались, скрипели сосны, скалы нависали над тропой. Декорация к лермонтовскому «Демону». В нынешнем положении чем глуше место, тем лучше для зубров. Не отыщут, если кто поискать захочет.

— Что в Гузерипле? — спросил он у Кондрашова.

— Кого там только нету! Набилось людей... Директор спит и видит, как бы за перевалом укрыться. Бойтся он — страсть! В лесах есть и которые укрылись. Из Псебая человек пять в бега ударились, дезертиры. Мы обходим леса, следы ищем. Лихие люди и зубра не пожалеют.

Зубров он увидел прежде, чем караульщиков. Стадо сбилось внизу на укрытой от ветра поляне. Их черные тела выделялись на белом фоне. Услышав скрип шагов, звери резво вскочили. Зарецкий привычно подсчитал: восемь с малышами. Восемь... И ни одного быка.

Зубры потоптались и опять легли.

Впереди открылся костер. У огня сидели люди. Заметили тени, поднялись, винтовки на руке. Раздался крик:

— Кто такие?

Клацнул затвор.

— Свои, Васильич, — отозвался Кондрашов, узнав по голосу Кожевникова.

Обнимая седого егеря, Зарецкий сказал:

— Вы как в разведке, со строгостями. Ну, здравствуйте, люди добрые!

Кожевников запихнул бороду глубже в полушубок. Глаза его блестели. Обрадовался, что снова встретились.

Из-за кустов лещины вышли — полушубки на плечах — Лидия Васильевна и жена Задорова. Лида прижалась к Андрею Михайловичу, укрыла лицо.

— Ну-ну, дочка, будь крепкой. Все хорошо. Ты молодец. Одобрю твои действия.

— Что о Мише слышно? — Она заглядывала ему в глаза.

— Никаких пока вестей. Их под Ростов отправили. А вообще на юге плохо. Зато от Москвы фашистов отогнали. Километров на двести.

Женщины переглядывались. Если плохо на фронте, то их мужьям тоже... Чай пили невесело. Положение хуже, чем они думали. Беседа расклеилась. Лидия Васильевна вдруг сказала:

— Мужчины, спать! Мы посидим, покараулим. Утром вам работать. Марш в землянки!

Землянки построили с умом, удобно. Стены забрали жердями, потолок из бревен, лавки, столик. И конечно, печурки из камней и глины, только трубы железные.

Так началась и до самой весны продолжалась служба наблюдения за восьмеркой зубров. Звери бродили вольно, далеко не уходили и к ночи непременно заявлялись в загончик, где им разбрасывали резаный топинамбур и мороженный картофель. Ночевали кучно, в глубоком снегу. Вопреки опасениям, маленькие переносили эту метельную зиму неплохо.

Раз в неделю зуброводы ходили в поселок, отогревались в бане, ласкали детишек. Киша стояла незаметной, дорог из мира сюда не топтали. Зарецкий не раз ловил себя на мысли — а не сделать ли тут военную базу, но отгонял эту мысль: рискованно для зубров. Он трижды за это время отлучался, побывал с командиром одного из отрядов в двух горных станицах, на склонах горы Тхач и выбрал удобные места для обороны — прикрытие заповедника с севера.

В конце февраля Андрей Михайлович поехал к связным узнать новости, а уже оттуда в Майкоп. Лида напросилась с

ним. Возле зубров оставались Кожевников и еще два егеря. Ей так хотелось получить весточку от Михаила, письма от других солдат, чьи жены находились вместе с ней в зубропарке.

Письма были. Их тотчас подала обрадованная, истомившаяся в одиночестве Данута Францевна, едва прибывшие переступили порог.

— Жив, жив наш дорогой, все живы, у них там затишье, хотя в перестрелках уже бывали. Вы читайте, читайте!..

Это были скупые, сдержанные солдатские весточки. Да, воюем, не отступаем, Ростов за нами, настроение, сами понимаете... И далее следовали вопросы, вопросы о здоровье близких, обращение к Лиде с любовью, с озабоченностью; конечно, о зубрах, о кордоне, приписка о Жаркове и Теплове, хотя тут же были их письма женам. Задоров? С первого дня отпросился в разведку, уже представлен к награде. Отменный воин.

Андрей Михайлович добрался до газет, послушал по радио сводку Совинформбюро и схватился за голову. Фронт нависал над всем югом.

Данута Францевна все приготовила для переезда: ящички, мешки, тюки. Она терпеливо ждала лета. Зарецкий с невесткой решили не задерживаться в Майкопе, боялись распутицы. Но за день до выезда узнали, что в городе находится директор заповедника. Лидия Васильевна загорелась встретиться с ним. Пусть хоть о людях позаботится, если зубры его не интересуют.

Он уделил ей четверть часа. Спросил, где Зарецкий.

— С зубрами, — сказала она. — А вот вы...

— У меня задание военного значения, вот что я... Пусть ваши хлопцы приезжают в Хамышки за грузом, я оставлю для Киши соль, муку, овес и продукты по карточкам. А у меня, — тут он подозрительно огляделся, — у меня план эвакуации...

Лида вздрогнула.

— Какая еще эвакуация? Куда?..

— Не твоего ума дело, Шарова тире Зарецкая. Фронт далеко, а бдительность пужна. Если что случится, кто организует проводку войск и народа через горы?..

— Какой народ? Какие войска?

— Тебя первую, всех прочих. Районные власти. Семьи. А теперь извини. Зубры живы? Значит, старик Зарецкий уже там? Действуйте! Иди. Некогда.

3

Переход к кордону осложнился. Началась ростепель, снег потек ручьями.

Через Блокгаузное ущелье в это время года была уже не

дорога, а осклизлая тропа, в иных местах по самому краю уступа; внизу смерть, над головой смерть. Лида боялась ущелья, Андрей Михайлович завязал ей глаза и вел под руку. До Хамыш-ков добирались три дня. Грузы для кордона лежали здесь, удалось нанять лошадей. Караван пошел по глубокой грязи на Кишу. Еще день-другой, и река не пропустила бы их. Успели.

Детям на кордоне — праздник! Сахар увидели и оладий горячих послали. А Лидии Васильевне уже не сиделось, торопилась к зубрам. Поехала одна, потому что Зарецкий вдруг получил новое известие и вернулся в Даховскую другой дорогой, через Сохрай.

В хатке она нашла одну Малиновскую. Где остальные?

— Пошли искать Зорьку. Третий день в стадо не приходит. Как метель кончилась, ее будто ветром сдуло.

Ну вот, как чуяла! Молодая бизонка всю зиму рвалась куда-то, искала приключений. Однажды унала, рог сорвала. Теперь исчезла вовсе.

На ночь егеря не явились. Утром на поиск поехали и женщины.

Солнце грело, тугой ветер набегал с юга, снег тяжело оседал. Куда идти? Опыт подсказывал: под ветер, на хребет Сосняки, место скальное, с крутизнами. Углубились в редкий сосновый лес, прошли через пихтарник. Среди высокогорного березняка обнаружили кострище: егеря ночевали. С конями в поводу пошли выше, через луга.

Весь день высматривали с высот, прислушивались. Редко где падала лавина, потрясет воздух — и опять лишь ветер свистит. Лида в который уже раз оглядела ущелья в бинокль.

Несколько темных фигурок возникло в нешироком распадке. Двигались медленно, останавливались. Впереди ковыляла бизонка, сильно хромала, но, как только егеря приближались, останавливалась и грозно опускала рога.

Группы сошлись. Кожевников сердито запикивал растрепавшуюся бороду в вырез воротника.

— И себе покоя не дает, и нам жару поддала, — бурчал он на Зорьку.

— Где нашли? — спросила Лида.

— В пропасть свалилась, — ответил Кондрашов. — Ногу поломала, мы в лубки взяли, затащили. Ну и намучились, скажу тебе! Благо лежала меж камней так, что только брыкаться и могла. Как в тисках. Выворачивали ее, на ноги ставили. Не приди мы еще час-другой, замерзла бы в неподвижности.

Зорьку привели к концу второго дня. Она дичилась, даже свою матку — Гедэ — не подпускала близко. Забегая вперед,

скажем, что после «прогулки» на хребет нога у нее срослась, но хромота и какой-то злобный характер остались. Никогда у нее уже не было потомков. И ладно, что не было: потомство чистой бизонки могло только понизить кровность стада по зубру.

Вечером, собравшись в сторожке, зуброводы завели разговор о стаде. Что будет? Впереди тупик. Одни самки. И никакой возможности получить быка со стороны. Ну проживет их стадо сколько-то лет, постареют зубрицы — и все. На этом короткая история нового кавказского стада завершится. Чего огород городить?

— Нет, — сказала Лидия Васильевна. — Не так. Волна, Еруня и Лира стельные, скоро они дадут потомство от погибшего Журавля. И если будет хоть один бычок, через несколько лет наше стадо снова начнет прирастать. Пусть близкородственное разведение, это лучше, чем никакое. Если не всех, то этих зубриц мы выходим и сбережем.

К концу марта потеплело. Появились выгревы. Зубриц все реже закрывали в загоне. Они еще до свету толпились у ворот. Старая трава и ожина, позеленевшая кора молодых ильмов и осинок манили куда сильнее, чем залежавшееся сено и перемороженный топинамбур. Овес давали только стельным.

Вожаком стада была Еруня. В злой схватке с Волной еще в начале зимы она победила и с того времени строго следила за порядком. Даже своенравной Зорьке, которая хоть и хромала, но телом была крупнее ее, от Еруни доставалось, если та дальше других отходила от стада.

Время от времени в зубропарке появлялся Андрей Михайлович, неизвестно откуда и как. Оглядев стадо, он говорил с Лидой и вновь исчезал.

Тропы стали подсыхать. Кондрашов решил наведаться в Хамышки, а оттуда в Майкоп или Гузерипль. Невмоготу без вестей. Все чаще плакала Евгения Жаркова. Видели в слезах и Малиновскую. Боялась за своего Бориса.

Кондрашов побывал только в Гузерипле.

— Народу там! — сказал удивленно. — Во всех домах как походный лагерь. Беженцы. Все тутошние, из Майкопа, Тульской. И молодые есть, чуть что — из кармана броню тянет. Обзавелись. Как и директор наш. Там других забот нету. Лишь бы бежать. Перевал рядом, туда смотрят. Не нравится мне все это!

В газетах, которые он привез, писали о крупных боях южнее Харькова и западнее Миуса. А от той реки Миус до Ростова рукой подать. Нашлось письмо и от Михаила Зарецкого — на имя директора. Требовал особого внимания зуброводам, стаду. Теперь эту бумажку читала-перечитывала Лидия Васильевна,

гневаясь на директорскую резолюцию через все письма: «Зам. по зубрам — к сведению и исполнению». Подумала: если Миша написал директору, то он не мог не написать ей, в Майкоп, конечно.

Опять откуда-то приехал Андрей Михайлович, едва с коня сполз, такой измученный и с такими горькими складками у рта, что Лида не рискнула спросить о письмах. Он догадался, что ее мучит.

— Я не из дома, — сказал. — Вот поеду за женой...

— Что в мире?

— Неладно в мире, — скупно ответил он.

Разговор этот случился в конце апреля. А вскоре зуброводы уже не спали целую ночь. Трудно телилась Волна. Зарецкий, Лида, все другие готовы были оказать помощь. Обошлось. Под утро кордон облетела весть: бычок! Ур-ра!

Его назвали Витязем. Сын Журавля и внук Шенбрунна, прямого потомка Кавказа.

Через неделю отелилась Еруня. И снова бычок. Трижды ура! Его назвали Ермышом. Сын Журавля и внук Бодо, потомка Кавказа.

— Прекрасно! — Зарецкий заулыбался. — Теперь только Лида. Ну, с ней все будет хорошо. И если третий бычок... Сама матушка-природа помогает нам.

Он собрался уезжать. Попросил Василия Васильевича поехать с ним.

— Я и сам хотел с тобой, — сказал Кожевников, — да ты во все бирюком со своими тайнами. Не подступиться.

В день их выезда отелилась Лида. Третий бычок! Его назвали Луганом. Сын Журавля и внук Бодо.

— Вернемся с Данутой Францевной, — сказал Зарецкий.

И молодо, с просветленным лицом вскочил на коня.

4

Зарецкий и его седобородый друг неторопливо двигались в сторону Сохрая. Кони шли, опустив головы и мотая поводьями. Андрей Михайлович сидел в седле задумавшись. Мысль его то и дело перескакивала от войны к зубрам, опять к войне и судьбе близких. Как работать, воевать, как действовать людям, чтобы выиграть войну и всем вернуться к мирной жизни? Михаилу и Лиде жизнь посулила успех. Три бычка — словно перст судьбы, загляд в будущее. Всегда есть и будет неумирающая совесть человеческая, нравственная и духовная сила для добрых дел! Для двух поколений Зарецких она связана с возрождением диких зубров, частицы нашей многоликой природы.

Двигались кони. Неспешно проходил летний день. Всадники поднялись на взлобок, окруженный лесом. Отсюда, с травяной поляны, поднятой близ слияния двух горных рек, открывался широкий обзор. Справа и чуть позади бугрилась многоголовая гора Тхач, за которой лежала станица. Там недавно побывал Зарецкий. Белые облака кучно двигались над горами. Изредка прорывалось солнце. Тихо и покойно зеленели леса, где проходила их юность, дороги их старости.

Чужой звук возник над горами. Лошади насторожили уши. Гул моторов падал с неба. В который раз за последние дни проходили немецкие самолеты. Куда? Зачем? Прерывистое гудение нарастало.

Егеря рысью подскочили к одинокому клену и укрылись в его тени.

Два самолета довольно низко шли прямо на них, с запада на восток. Неожиданно из первого, а затем и из второго, который летел чуть выше, посыпались фигурки людей. Освещенные низким солнцем, всыхнули парашюты.

— Десант! — крикнул Зарецкий.

Кожевников скинул винтовку, словно пуля его могла достать далеких отсюда врагов. Он шевелил губами, беззвучно считая парашютистов. Зарецкий не отрывался от бинокля, наблюдал, куда опускаются десантники. Первые фигурки исчезли в лесу севернее Тхача. Последние приземлились на западных склонах горы.

Самолеты развернулись и стали набирать высоту. Все стихло. Кавказ окрасился в красноватый цвет позднего заката.

Враг уже был в заповеднике.

Кожевников смотрел на Зарецкого. Тот разворачивал карту.

«Чего они хотят? — спросил он у самого себя. — Сели в безлюдное место. Не случайно, конечно. До Ходзи отсюда километров десять. До Хаджоха все двадцать. Куда пойдут? Зачем? — Он смотрел на Кожевникова. — Единственный ответ: пойдут к дорогам, чтобы перерезать основные тропы на перевал. Значит, главные силы наступают, а в тылах устраивают нанику».

— Мимо зубров ихняя дорога, вот какое дело, Михайлович. Рядом...

— Да. Диверсанты могут пройти возле Киши, чтобы понасть к Лагерной, на дорогу к Белореченскому перевалу и к Сочи. Еще где? От Тхача минуют Бамбак и выйдут между Чернореченским кордоном и Псебаем. Словом, перережут тропу на Красную Поляну через Псеашхо. Сколько их?

— Сорок три.

— У меня получилось сорок один. Ну, Васильевич, к нам война пришла.

— Командуй, хорунжий, — строго сказал Кожевников.

— Я опережу их. За ночь буду в Хамышках, подыму партизанский отряд и дам ориентиры. Пусть заслоняют Сохран и Кишу. Потом еду в Даховскую, оповещу центр, соберу местную группу и с ней приду в район высадки, чтобы прочесать лес. Ты возвращайся в зубропарк, предупреди наших, пусть уходят из поселка. Дети, понимаешь? А дальше действуй по обстоятельствам. Перекрой им дорогу к Черноречью. Наши подойдут из Псебая.

Они обнялись, вскочили на коней. И сразу исчезли.

5

Василий Васильевич углядел немцев уже на рассвете. Двумя цепочками, медленно, как ходят в горах опытные люди, они направлялись к Лабёнку. Зарецкий не ошибся: шли, чтобы перерезать тропу на Главный Кавказ.

Старик действовал осмотрительно. Он оставил коня между скал и минут сорок шел по лесу, не теряя из виду парашютистов. Понял, что это бывалые воины. Они то и дело оставляли позади двух-трех дозорных для наблюдения. Останавливался и Кожевников. Потом эти двое-трое догоняли группу. Догонял и он. С огромными тюками за спиной, с аккуратными ящичками в руках, автоматами на груди, они шли метрах в трех друг от друга, молча и спокойно. Двадцать два человека.

Когда враги сделали привал, Кожевников вернулся за конем, обошел их стороной и, заранее угадав, где пойдут, опять поставил коня в укрытие, подиругу не ослабил, а сам стал за камень выше тропы.

Винтовку он положил на камень. Подходите...

Снизу показалась каска, худощавое лицо, плечи. И как только над тропой поднялась грудь ведущего, он выстрелил. Не промахнулся, всего-то метров полтора. Немец упал лицом вперед. В ту же минуту лес огласился захлебывающимся треском. Егерь удивился: у них пулеметы?! Он еще не слышал автомата. Пули, как осы шипели в листве, сбивали ветки. Чуть согнувшись, он поспешно отступил к коню.

Забравшись в седло, поехал как можно скорей и дальше от треска, остановился километрах в семи от Уруштена. Придут и сюда. Но теперь будут осторожней, рассыплются по двое, по трое, чтобы прочесать лес. Ничо... На ночь соберутся. И тогда...

Кожевников опять перехитрил их. Сделал круг и зашел сзади. Бинобль помог обнаружить цепь: то куст шевельнется, то камень скатится. Ждал, когда соберутся на отдых и выставят охранение.

Под вечер он подобрался ближе. Теперь немцы сели отдыхать в каменной нише, отрядив в охранение троих. Но недоглядели, что выше почлега подымалась горушка. Два диверсанта уселись так, что Кожевников видел их с горки, как окуней в чистой воде. Ну как тут не выстрелить? Грянуло, один обмяк и скатился. Автоматы молчали. Немцы поняли, что стрелять наугад — только патроны тратить. Сейчас сами выйдут на охоту.

Того он и добивался. Кружитесь на месте, а к Уруштену — ни-ни! Пока там нет наших людей.

Егерь убрался из опасной зоны, вышел к верхней Шише и часов через пять ходу оказался в зубропарке. Здесь объявили тревогу, укрыли детишек и женщин в землянках. Не выходить. Не подавать голоса. Около зубров оставили одного старого егеря.

Чуть свет Кожевников и три зубровода выехали опять к Черноречью — встречу врагу. Воевать надо не возле зубров, а как можно дальше от зверя. Тем более что диверсанты уже поняли, что обнаружены, и удвоят внимание. Скорее всего, затаятся на время.

Выполнял свой долг и Зарецкий.

В считанные часы на Сохрай и на Кишинский кордон из Хамышков выехал отряд из семнадцати всадников. Противника они не встретили, но заняли указанные им позиции, прикрыв кордон и зубропарк.

Андрей Михайлович тем временем уже скакал в Даховскую. Вот когда добрым словом помянул он предусмотрительного комбрига! Местный отряд удалось собрать быстро. Зарецкий объяснил задачу, и еще тридцать верховых пошли встречать парашютистов до выхода их на реку Белую, где проходила дорога к Гузерилю и на перевалы.

Сам он связался по радию с райкомом, сообщил о диверсантах и месте их высадки. У всех мостов появились патрули. Вдоль дороги в горы укрылись посты.

Зарецкий бросился догонять даховский отряд: он знал старую лесовозную дорогу, по которой пошли партизаны.

Два дня отряд провел в напряженном ожидании и разведке. Немцы словно провалились. Лишь на третий день совсем юный парнишка прибежал со своего поста и сказал Зарецкому, едва переведя дух:

— Тама, в сторожке!..

— Сколько их? — спросил Зарецкий.

— Они ж прячутся! В сторожке семеро. У ручья двое плескались. Ну и которые в карауле, я их не видел.

— До утра мы их окружим, — командовал Зарецкий. — Чтоб ни звука! Часовых не тревожить. Когда посты отираются к

сторожке, будем сближаться. Двадцать винтовок ударят после моего выстрела по тем, кто будет на виду, по самой сторожке, она из досок, не защита. А десять будут бить по тем, кто прорвется. Я стану в камнях, у ручья, оттуда хорошо видна вся вырубка.

Он не особенно надеялся на своих необстрелянных партизан. Только бы не испугались автоматного огня, трассирующих пуль, взрыва гранат!

До рассвета время прошло спокойно. Костров немцы не жгли. Мелькали какие-то бледные огоньки, пожалуй, спиртовки. Передвигались тени. Это менялись постовые. Лес молчал. Приглушенно бормотал ручей.

Засинел воздух предрассветного часа. Зарецкий увидел всю диверсионную группу. Они толпились у сторожки, видимо, слушали инструктаж. Двадцать, кажется. Половина отряда. У четверых в руках были чемоданчики. Уж не динамит ли? Больно аккуратно обращаются. И тут пришло решение: стрелять по чемоданчикам. Вдруг получится?..

Он дождался, пока один из немцев стал к нему боком, чемоданчик открылся широкой стороной. Тщательно прицелился...

Своего выстрела Зарецкий не услышал — все покрыл резкий визгливый взрыв. Группу буквально разметало. А лес уже наполнился винтовочными выстрелами. Чуть позже затрещали автоматы. Рванул автомат в бузине за сторожкой, еще два захлебывались у самого ручья. Неожиданно перед собой Зарецкий увидел две фигуры в маскировочных куртках.

— Halt! — по-немецки крикнул он. — Niederlegen!¹

Один бросил автомат и сел. Второй повел было стволом, но кто-то, опередив Зарецкого, выстрелил сзади, и пуля сшибла с немца каску, намертво уложив его.

Бой уходил вниз по ручью.

Струсивший немец послушно лежал, разбросав руки. Подбежал боец, крикнул:

— Товарищ Зарецкий, четверо ушли!

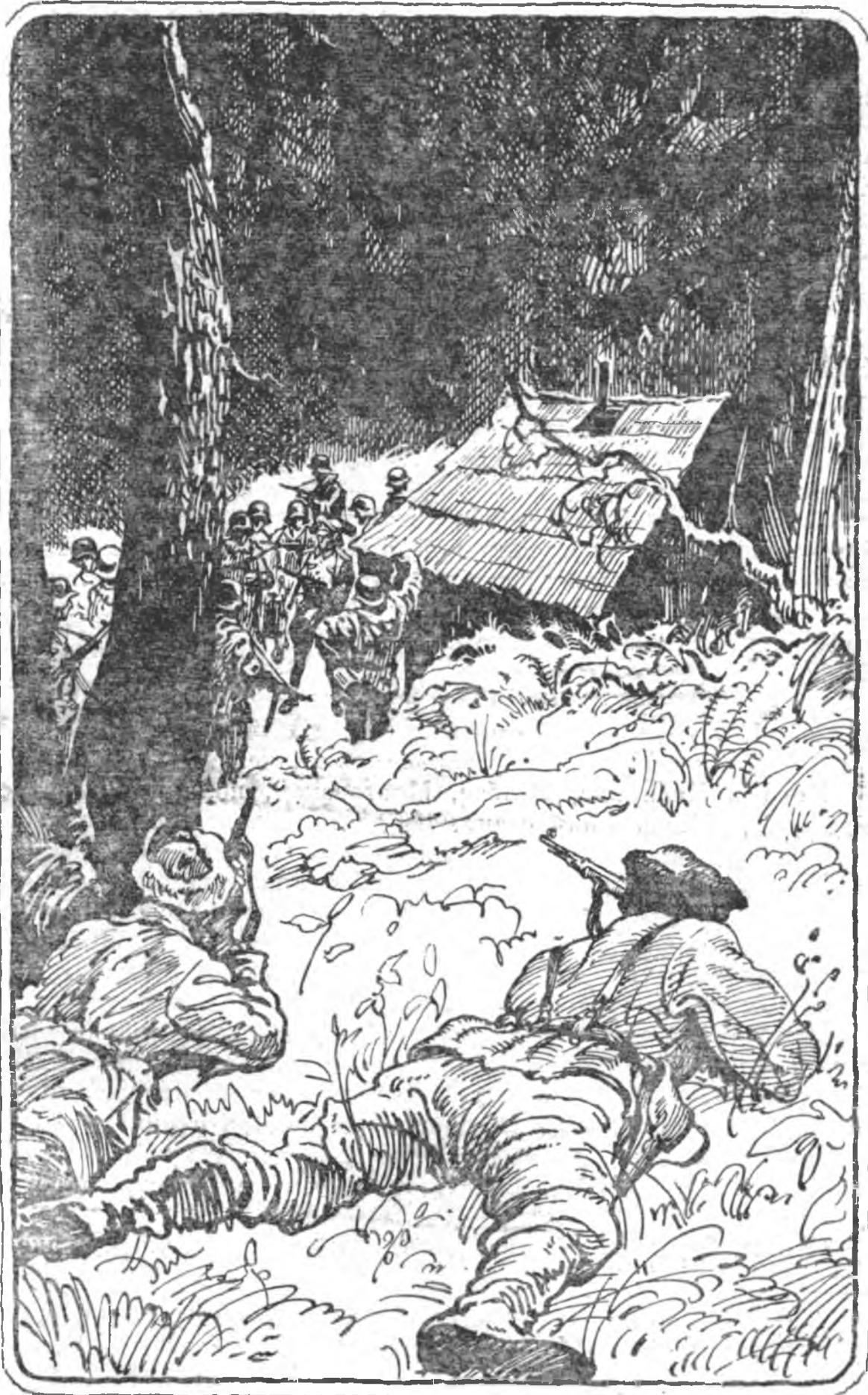
— Обыщи, — он показал на лежавшего. — И построже с ним.

Досадно, что ушли. Зарецкий забрал у пленного пистолет, документы и пошел к сторожке, чувствуя, как страшно колотится сердце.

Разбросанные мертвые тела. Клочья одежды. Взрыв уложил семерых. Бойцы деловито обыскивали мертвых.

От ручья раздался сдавленный крик. Зарецкий оглянулся. Здоровенный немец уже перепрыгнул ручей и зигзагами мчался к лесу. Боец корчился на земле. В спине у него торчала рукоять

¹ Стой! Ложись! (нем.)

ножа. Андрей Михайлович с плеча дважды выстрелил по бегущему. Но слишком колотилось сердце...

Отряд собрался. Недосчитались пятерых. У сторожки и в лесу лежало шестнадцать диверсантов. Ушли пятеро.

Приказав собрать оружие и похоронить убитых, Зарецкий отошел в сторону и лег на землю. Он закрыл глаза, попробовал глубоко и редко дышать. С таким-то здоровьем трудно воевать.

Стало немного лучше. Зарецкий сел, осмотрелся. Листва на дубах шумела. Поднялся ветер. В зарослях лесной малины уже распевала малиновка.

Он вспомнил о бумагах, которые взял у диверсанта-убийцы. Солдатской книжки не оказалось. Только русские деньги и два письма из Винницы. Развернул одно и с каким-то страхом прочитал русские строчки: «Дорогой наш Колюшка! Вот уже два месяца от тебя нет вестей...» Что такое? Повернул конверт: «Действующая армия, 2543—87, Митиренко Н. С.». Предатель!..

Зарецкий сгреб все бумаги, начал просматривать. Немецкие буквы, опять, опять. Берлинский штамп, какая-то справка по-немецки, газета «Фелькишер беобахтер», письмо на украинском языке из Львова, Янушу Припечко, снова немецкое. Похоже, среди диверсантов не только немцы!

6

События на Уруштене развивались иначе.

Пока в Лабинске, Псебае, Мостовской, получив известие о десанте, собирали партизан, пока дозванивались до Краснодара, чтобы дали указание, прошло немало времени.

Между тем четыре егеря из зубропарка уже прибыли к опасному месту и двинулись по лесу в сторону Псебая, чтобы отыскать след врага. Они долго шли по левому берегу Лабёнка, не обнаружили ничего подозрительного и повернули навстречу фашистам, затаившимся где-то у Бамбака.

Трудно обмануть опытных егерей, знающих не только свой лес, но и психологию человека, впервые попавшего в такой лес. Диверсанты, напуганные стреляющими горами, потерей двух, как потом выяснилось офицеров — командира отряда и оберлейтенанта из дивизии «Эдельвейс»¹, засели у хребта Малый Бамбак, километров за двадцать от того места, где стрелял Кожевников.

Скалы, бурелом, ущелья, дичь и глушь принесли чужакам

¹ «Эдельвейс» — дивизия, куда входили немецкие горные егеря анатоки войны в условиях гор. Названа именем высокогорного цветка.

некоторое успокоение. Оторвались... Они укрылись в небольшой пещере.

Егеря выслеживали их, как выслеживают зверя.

День, еще день. Уже вдоль дороги по Лабёнку сидели в секретах бойцы. Уже Зарецкий ехал с маленьким отрядом к Псебаю, а поиск все продолжался.

Немецкий отряд решил, что опасность миновала. Они пошли к Черноречью, взорвать мост на Уруштене. В походе их и обнаружили. Выдал запах кофе, очень стойкий чужой запах, далеко слышимый в утренние часы в лесу, когда воздух стелется понизу. Егеря нашли покинутую ночевку, след рубчатых альпийских ботинок и пошли по этому следу — двое в центре, еще двое — чуть отставая, по сторонам.

Один диверсант остановился, сказал впереди идущему, чтобы не беспокоился, сел поправлять сбившийся носок. Кажется, натер ногу. В этой позе, нагнувшегося над ботинком, его и стукнули по голове. Еще одним врагом меньше. Тело оттащили с тропы, а сами заняли позицию для стрельбы и отхода. Диверсанты непременно вернутся за своим...

Впереди идущий не раз оглядывался. Беспокойство его росло. Темный лес молчал. Наконец отряд остановился. Сели ждать. Десять, тридцать минут. Никого. С предосторожностями пошли по своему следу назад. Место, где сидел отставший, ничем не приметили. Ощетинились автоматами, сбились, заговорили.

И тут грохнули выстрелы. Эхо размножило звук. Показалось, что стреляют со всех сторон. Трое свалились без стопа. Потом еще два. Диверсанты залегли. Но их ловили на мушку и лежащих. Ползли раненые, сыпали очередями — куда, в кого? Просто по кустам можжевельника, по густым папоротникам.

Не выдержав, бросились в три стороны с гиблого места, где уже лежало восемь убитых. Бегом, с автоматами у живота, как в атаку, рассыпая перед собой пулевой веер.

И вот судьба... Трое выбежали прямо на Кожевникова. Василий Васильевич понял, что ему не укрыться. Он поднялся из-за камней — большой белобородый великан — и вскинул винтовку, чтобы еще одного... Таким его увидели немцы — сверхъестественным древним богатырем, лесным кудесником, страшным чудом, но увидели. Трассы пуль с пяти метров скрестились на богатыре, прежде чем прозвучал винтовочный выстрел.

Уже мертвый, он еще стоял, прислонясь спиной к теплому стволу пихты. Пули как бы пришили его к дереву. И он стоял. С открытыми, уже не видящими голубыми глазами. Винтовка выпала. Подогнулись колена, и он рухнул.

Три немца стали над ним.

— O mein Gott! — сказал один и поднял глаза к небу.

— Wenn bei ihnen Greise zu Felde ziehen... — начал второй.

— Das ist eben so schrecklich, — хрипло закончил за него третий. — Laufen wir weg!¹

В лесу все еще стреляли. Рванула граната, вторая. Эхо перекатилось с горы на гору, ударяясь о скалы и отскакивая, достигло дороги, где в одном из секретов Зарецкий расширял бойцов, вернувшихся из разведки. Он понял, что егеря ведут бой.

— За мной, быстро!

Не таясь, потому что противник был далеко, Зарецкий вышел на дорогу, приказал пустить две сигнальные ракеты, и через несколько минут возле него уже толпились всадники.

По одной из балок к реке выходила тропа, пробитая косулями, — как раз с той стороны, где прогремели взрывы. С конями в поводе отряд начал подыматься в гору.

До ночи продирались к Бамбаку. За все это время впереди хлопнули два далеких выстрела. Бой утих. С каким результатом?..

Стали на ночевку, без огня, без громкого говора. Пять самых опытных бойцов и Андрей Михайлович ушли разведать окрестность. Но скоро вернулись. Тьма стояла, как черная стена.

Утром пошли уже развернутым строем. Часов в восемь на левом фланге рванула граната. Минут десять два немца ожесточенно отстреливались, пытались уйти. Их окружили. В схватке оба были убиты. И пять партизан.

Где-то скрывались остальные, но еще ближе оказались свои.

Егеря везли Кожевникова. Он лежал на носилках между двух коней. Винтовка покоилась под его рукой.

Увидев печальное шествие и мертвого друга, Зарецкий без сил рухнул на колени и закрыл лицо руками. Бойцы срывали с головы фуражки.

— Как же это?

Рассказ вышел коротким. Неожиданность. Прямо на него выскочили. Ну и...

— Сколько их?

— Осталось пять или шесть. Остальные полегли.

Пока шел разговор, пока рассчитывали по карте, где искать скрывавшихся, и ходили к месту боя, где валялись диверсанты со значками горного эдельвейса, носилки стояли — не на земле, на камнях, так, чтобы лицо погибшего видело и небо, и горы,

¹ — О боже! (нем.)

— Если у них старцы воюют... (нем.)

— Это и страшно... Бежим! (нем.)

где прошла его жизнь. Седая борода, вымытая от крови, уже обсохла и рассыпанно укрыла грудь.

Два егеря пошли с бойцами в дальнейший поиск. Андрей Михайлович с третьим егерем вышли на дорогу в Псебай.

Зарецкий изменился на глазах. Он еле двигался. Лицо стало серым, дышал с перехватом, часто садился, даже ложился отдохнуть. Потрясение при виде убитого Василия Васильевича согнуло его, и он почувствовал себя на последнем рубеже.

7

В Псебай пришли ночью.

Что-то здесь изменилось за те несколько суток, прошедших с того дня, когда Зарецкий проскакал через родной поселок на Уруштен. Он не сразу понял что, но когда пошел распорядиться о могиле, оставив Кожевникова уже в руках снаряжавших его в последний путь, то не мог не обратить внимания на многолюдство.

На главной улице, во дворах стояли подводы, горели костры, ходили, сидели люди, плакали дети, женщины переговаривались высокими тревожными голосами. В горы шли и шли подводы, многие толкали ручные тележки с домашними вещами.

— Откуда? — спросил он остановившихся женщин.

— Лабинские мы. От немцев... В среду, когда уходили, народ баял, что танки в Кавказской и в Усть-Лабинской. А ноне где? Уже суббота. Небось и Лабинск взяли.

Две недели назад первая танковая и семнадцатая полевая армии немцев прорвались от Миуса к Дону и, обойдя Ростов с севера, перешли Дон возле Цимлянской и Северного Донца. А далее, почти без боев, на большой скорости двинулись к Манычу и восточнее Краснодара — через Тихорецкую и Кавказскую подошли к предгорьям. С запада, из Крыма, на Таманский полуостров вышли другие части противника. Враг угрожал Лабинску, Пятигорску и, конечно, Майкопу. Поток беженцев хлынул в горы по долинам Белой и Лабы, к тропам на перевалы.

Майкоп... А как же Данута? Неужели не удастся вывезти ее из опасного места?! И зубровый парк... Как и четверть века назад, зубры оказались в зоне боев. И все предгорье — отрезанным от фронтов.

Вот зачем десант, теперь уже не существующий! Немцы стремились блокировать дороги, закрыть выход беженцам и нашим войскам на перевалы. Стоило им взорвать несколько мостов на реках, и всякое движение в тыл стало бы невозможным.

...Василия Васильевича Кожевникова хоронил весь Псебай, все беженцы, остановившиеся здесь. Ему они были особенно признательны: подвиг егеря обезопасил путь к перевалам.

Брошена горсть земли. Умолкли голоса, священник снял облачение. Свежий желтый холмик вырос на старом кладбище, где покоились и близкие Зарецкого.

Постояв возле этих могил, Андрей Михайлович отправился в Даховскую, чтобы оттуда быстрее добраться до Майкопа.

Утром девятого августа его остановил наш патруль.

— Там немцы, — сказал командир и показал в сторону Майкопа.

Опустив голову, Зарецкий повернул коня.

Глава седьмая

Фронт проходит по заповеднику. Эвакуация. Что произошло в Гузерипле и на перевале? Думы о Дануте. Решение. Свидание с женой. Приговор. У реки в дождливый вечер

1

Андрей Михайлович вернулся на Кишиневский кордон.

Он старался не выдать своего отчаяния. На вопросы невестки ответил спокойно, сказал, что хотя фашисты и близко, в горы им не подняться, сопротивление здесь усилится: регулярным частям теперь помогают тысячи партизан.

Лидия Васильевна слушала и смотрела на него с тревожным ожиданием, ждала, когда заговорит о Дануте Францевне, оказавшейся в оккупированном городе. Большие глаза ее то и дело наполнялись слезами. Когда они остались вдвоем, Лида заплакала.

— Что же делать, дочка, — сказал Зарецкий. — Не успел...

Выплакавшись, она вдруг предложила:

— Я пойду в город. Мне легче пройти, скажусь беженкой, увижусь с Данутой Францевной, и мы убежим.

— Ты плохо знаешь фашистов, Лида. Они бесчеловечны, полны злобы. При первом же допросе они запутают тебя. Малейшая неточность, сомнение — и ты попадешь в гестапо, а там ужас, пытки. Твое предложение безрассудно.

— Но что-то мы должны делать? Должны!

— Не знаю. Пока не знаю. — Зарецкий сжал голову руками. Смятение, растерянность делали его не похожим на себя. Я подумаю, Лида. Конечно, что-то делать надо, не оставлять же ее...

— Может быть, через ваших друзей партизан?

— Я свяжусь с ними. Только ты не терзай меня, не торопи. Еще не ясно, где Данута. Вдруг она успела уйти? На дороге тысячи беженцев.

— Она ждала нас. До последней минуты ждала! — И Лида снова заплакала.

— Ведь я думал... Все произошло так неожиданно.

Говоря это, он уже знал, что выручать жену будет сам. Он проберется в Майкоп и вывезет ее. Как и когда — все это выглядело пока очень смутным. Нужно подумать.

В тот день из Хамышков возвратился егерь Тушников, ездивший в разведку.

— Они в Даховской, — сказал он про немцев. — До батальона. Через Блокгаузное в горы все еще движутся беженцы. В Майкопе расстрелы. В самом ущелье у нас два-три заслона, но солдат всего сотня и один пулемет. На немцев работают предатели, они знают тропы. Словом, могут прорваться в Хамышки.

— Кого-нибудь из егерей встречали?

— Вся охрана стянута в Гузерипль. По приказу директора. Похоже, он изготавился к отступлению через перевал. Мы в окружении останемся, Михайлович, — понизив голос, добавил он.

— Мы будем там, где зубры. Придут немцы сюда, мы уйдем в глубь леса. Но вместе с зубрами. Отгородимся, разрушим переход через Белую.

Пока же зуброводы оставались на месте. В самой Кише, открытой со стороны Сохраня, затаились трое наблюдателей с собакой — следить за дорогой. Остальные собирались за Сосняки, где паслись зубры. Но им еще предстояло убрать почти вызревшую картошку, овощи на огороде, свеклу для зубров и все укрыть, закопать: вдруг придется зимовать без помощи со стороны? Спасти стадо. Спасти! Исчезнуть с ними в глухомани, коли нет сил на прямую войну.

Прошла неделя, другая. Данута Францевна вестей о себе не дала. Значит, там... Над горами чуть не каждый день летали чужие самолеты, где-то рвались бомбы. Зуброводы работали на огородах. Возле зубринога загона попеременно находились Лида, Веля Альпер и Женя Жаркова. У перехода через Белую постоянно дежурил кто-нибудь из егерей.

Мягкие облачные дни стояли на Кавказе. Зелень пышно одела горы. Война как бы затаилась. И вдруг движение на дороге к Гузериплю прекратилось. Как отрезало. Значит, враг приближался.

И тут — верховой из Гузерипля. Он пробрался правым берегом через Филимонову гору. Увидев Лидию Васильевну, хлопнул

сполз с коня и передал конверт. Это был приказ директора о срочной эвакуации сотрудников зубропарка.

— А звери? — спросила она. — Он о них подумал?! — И подняла на хлопца глаза, потемневшие от гнева.

— Директор собрался на перевал. Велел быстро. Сам поведет. И егеря пойдут с ним. Для безопасности.

— Бросает заповедник?

— Я почему знаю! Жгут какие-то бумаги, бегают туда-сюда.

Она помчалась к Зарецкому, который был на Кише. Андрей Михайлович прочитал приказ, лоб его покрылся крупными каплями пота. Внезапная слабость всякий раз при беде или плохой вести.

— Ну что? — Лида не спускала с него глаз. — Бросаем стадо?

— Как ты можешь так говорить? Мы никуда не уйдем. А вот Альпер, Жаркова, Теплова, дети пусть уезжают. И ты тоже.

— Мне? Уехать? — Она не верила ушам своим. — Ни за что!..

И тут Зарецкий улыбнулся. Он и не ожидал, что Лида согласится. Он порадовался ее настойчивой решительности.

В тот же день женщины и дети, сопровождаемые Тушниковым и вестовым из Гузерипля, на шести конях ушли в сторону заповедника, вернее, на высокогорное пастбище Абаго, которого беженцы из Гузерипля миновать не могли.

Ночью в зубропарк вернулся егеря, дежуривший возле перехода.

— Я сбросил мостики. Немцы шли по дороге. Красноармейцы отступили к Лагерной. Оставили Хамышки. У них патронов мало, жаловались. А у немцев минометы, даже броневик. Знаешь, где поворот за Лагерной? Там теперь фронт. Сказали, не отступят дальше и поселка не отдадут. У них комвзвода отчаянный, хоть и молоденький. И все хлопцы, как один. Положат их... Хоть бы наши из Гузерипля подмогнули.

Зарецкий промолчал. Бегут из Гузерипля. Не помогут.

2

В Управлении заповедника собралось немало мужчин с оружием. Но директору и в голову не приходило вступить в бой с немцами. Мог ведь отправить беженцев, дать им проводника, а самому с егерями идти навстречу немцам, к тем немногим воинам, что стояли насмерть у поворота и прижима на дороге.

Гузерипля был ключевой позицией на пути к перевалу и на южную сторону Кавказа — одна из целей немецких войск, наступавших от Анапы до Моздока. Говорили, что к нашим сюда идет подмога из Сочи, что надо непременно остановить немцев

до того, как прорвутся они к перевалу, к горам Фишту и Оштену. Но части эти заблудились в горах, и некому было вывести их на удобные тропы. Узнав об этом, Зарецкий послал к Белореченскому перевалу двух зуброводов. Они увидели уже опустевший Гузерибль.

Немцы, посчитавшие поселок заповедника своей легкой добычей, вдруг встретили на прижиме стойкое сопротивление. Обороняющимся повезло: как раз с гор спустился боеспособный отряд с командиром и сразу окопался у дороги. Отряд имел еще один пулемет и боеприпасы. Первая атака немцев сорвалась.

Подтащив минометы, они начали методический обстрел. От мин не укроешься за камнями или стволом дерева. Появились раненые, убитые. Фронт у прижима попятился. Командир послал двух бойцов в Гузерибль с приказом для всех, кто с оружием, идти к ним на подмогу.

— Если поселок эвакуирован, догнать и вернуть всех, кто способен воевать. Ясно?

Сержант и солдат поскакали в Гузерибль, а оттуда в погоню за ушедшими.

Какова же была их радость, когда на Абаго они увидели вооруженных егерей: шли назад. Поняли, на какой поступок подтолкнул их директор, взбунтовались и повернули.

Забегая вперед, скажем, что это происшествие положило конец директорской карьере. Беженцы пошли на юг уже без него. Первую группу их — детей, женщин — повела Веля Альпер, хорошо знавшая заповедные тропы.

Спустя шесть дней эту группу — голодную, почти босоногую — встретил и приютил в Красной Поляне начальник южного отдела заповедника, заботливый, энергичный Петр Алексеевич Савельев. Он узнал об остальных беженцах и поскакал к перевалу, чтобы довести людей до поселка. Среди прибывших директора не было. Скрылся в лесах. Судьба его так и осталась неизвестной.

А тот самый прижим на дороге в трех километрах от Гузерибля для немцев был последним пунктом на их пути к перевалу.

Оборона укрепилась. Ночью немцев атаквали. Они не выдержали удара и отошли.

Это был кошмарный для врага день. Стрелял весь лес. Даже из-за Белой, где вроде бы и людей-то не было, раздавались меткие одиночные выстрелы. Зуброводы с Киши и Безымянки при первом же удобном случае выходили к реке.

Фашисты знали о зубровом заповеднике. Их самолеты фотографировали кордон и зубропарк. Но переправиться через Белую они опасались. Мостик был разрушен заранее.

Какая-то немецкая часть заняла и сожгла Сохрай. Жители

успели разбежаться. Тот же отряд подошел и к пустому Кишинскому кордону, занял его, ограбил дома, сжег документы, но не остался здесь: лес стрелял, казалось, что русские за каждым деревом. Бесценное стадо зубров было надежно укрыто в долине Темной за Сосняками.

3

В эти тревожные дни и произошло событие, которое трудно объяснить законами логики или рассудка.

Мы помним переживания Андрея Михайловича Зарецкого, когда он убедился, что его жена в руках врага. Надежда отыскать ее среди беженцев не оправдалась.

Днем и ночью он думал о Дануте, изобретая и тут же отвергая проекты ее освобождения. В конце концов решил, что выручить ее он может только сам.

Вечером, находясь вместе с невесткой на караулке возле зубров, он сказал ей:

— Я ухожу в Майкоп, Лида.

— На смерть? Вы понимаете, что задумали? На верную смерть! У меня больше шансов на успех. Позвольте мне...

— У тебя жизнь впереди, Лида. У меня все в прошлом. На тебе и на Мише ответственность за сохранение кавказских зубров. Мои силы на исходе. Чувствую, скоро умру. Сердце... Впрочем, ты знаешь это. Если мне суждено умереть там, дело наше не пропадет, лишь бы вы оба остались живы. Но я смею надеяться, что мое предприятие удастся. Вернемся невредимыми. Война кончится, скоро их погонят назад. И тогда начнется славная жизнь, о которой можно будет только мечтать. Что же ты плачешь, дочка моя?!

Она рыдала, по-детски уткнувшись лицом в его грудь. А Зарецкий смотрел вверх ее головы на темные кроны пихт, на горы, гладил ее волосы и сам хотел верить, что все будет именно так, как он говорит.

Через день Андрей Михайлович исчез, передав егерю Кондрашову наказ: не дать в обиду Лидию Васильевну, стеречь зубров, защищать заповедник.

В Даховской, куда поздней ночью приехал Зарецкий, только ахнули, увидев посетителя. Кругом были немцы.

Через час хозяин принес ему листовку, снятую со стены. Андрей Михайлович прочитал: «Комендатура города Майкопа разыскивает следующих лиц, объявленных военными преступниками в занятых нами районах». И далее следовал список из восьми фамилий. Четвертым значился А. М. Зарецкий. И четыре страшных строки ниже: «В связи с этим задержаны залож-

ники, члены семей указанных лиц. Последний срок явки военных преступников назначен на пятое сентября. Не позже вечера пятого сентября заложники будут казнены».

В списке одиннадцати заложников он нашел имя Дануты Францевны Зарецкой.

Хозяева молча смотрели на него. Не похоже, чтобы Зарецкий очень испугался. Что же известно немцам и много ли известно? Он даже улыбнулся. Хорошо, что пришел и узнал. Пятого сентября?.. Андрей Михайлович понимал, что ожидает жену, если он не сдастся. Знал, что надо сделать для ее освобождения, и потому не испуг, не страх овладел им, а все более острое желание спасти Дануту. Скорей в Майкоп. Освободить ее из тюрьмы! А там будь что будет.

Собственная жизнь как-то отодвинулась, заслонилась. Пусть на этом все кончится. Он свое сделал. Он больной и старый. Смерти Зарецкий не боялся. Ничего и никого он не выдаст, как бы враг не изощрялся. Если ценой собственной жизни удастся спасти Дануту, это и станет последним и высшим его благом.

— Возвратись в горы, Михайлович! — добрые хозяева твердили в два голоса. — Они же звери, подумай, на что идешь! Виселица в городе стоит! Палачей назначили. Вчерась кого-то повесили, людей сгоняли смотреть. Не подвергай себя напасту, вернись!

Но он уже не мог представить себе, как это вернуться. Явиться в зубропарк, увидеть Лиду, друзей и сказать им, что вот он здесь, тогда как его жена... Ужаснее картины и в кошмарном сне не увидишь. Что могут знать о нем оккупанты? История с ликвидацией десанта прошла без огласки. Господам из комендатуры трудно доказать причастность Зарецкого к партизанской войне. Ну а если и докажут? Лишь бы освободить Дануту! Иначе как можно жить?..

Переночевав в Даховской, Андрей Михайлович спокойно побрился утром, привел в порядок одежду и сердечно простился с хозяевами. Они до самого порога упрасивали его не ходить в город. И сердились, и плакали. Странное спокойствие, рожденное любовью, человечностью, вселилось в него. Все вместе они постояли в переднем углу. Надев плащ, с обнаженной седой головой, прямо и строго зашагал он к центру станицы.

У дома, где до войны находился поселковый Совет, стояла большая низкобортная немецкая машина, возле нее ходили или сидели солдаты с винтовками. Он поздоровался с ними по-немецки, спросил, где командир, и, увидев его, сказал:

— Мне надо в Майкоп. Вы не по пути?

Капрал был удивлен хорошим немецким выговором русского. Интеллигентный вид, спокойствие и открытость подействовали.

Капрал даже не спросил, кто он и как очутился здесь. Ответил, что готов взять его и что поедут они через полчаса.

Когда солдаты, гомоня, уселись, командир вдруг предложил Зарецкому кабину, она вмещала троих. Так они и поехали, довольно дружески разговаривая о погоде, дороге, новостях. Нельзя было поверить, что этот седой, спокойный человек едет к собственной смерти.

— Вам куда? — спросил капрал.

— В комендатуру.

— О! Мы тоже туда. Еще минут двадцать.

Вероятно, Зарецкий мог сойти, не доезжая, мог заглянуть домой, и эта мысль приходила ему в голову, но он отогнал ее. Вдруг потом не останется воли? Ожидание смерти хуже смерти. И что там, дома? Пустота... Так они доехали до комендатуры.

Часовые остановили его. Пропуск?

— Мне нужен герр комендант, — сказал он. — Моя фамилия Зарецкий.

Вызвали какого-то чина. Немец поднял брови, молча завел посетителя в коридор.

Ждал он недолго. Подошли двое, в незнакомой ему форме, с лицами жесткими, насмешливо-спесивыми, деловито обыскали.

В кабинете, куда ввели Зарецкого, за столом сидел в такой же форме худой, желтолицый человек без погон, но со знаками отличия на рукаве и воротнике.

— Вы Зарецкий? — спросил он через переводчика.

— Да, меня зовут Андрей Михайлович Зарецкий, — по-немецки ответил он.

— И явились сюда добровольно? Откуда?

— Из района Даховской.

— Что вы там делали?

— Я лесничий и егерь заповедника.

— Коммунист? Комиссар? Служите в Красной Армии?

— Нет, я беспартийный. От службы в армии освобожден по здоровью.

Эсэсовский офицер помолчал.

— Сядьте, — вдруг сказал он. — И давайте поговорим. Вы знали, что мы считаем вас партизаном, военным преступником? И тем не менее пришли. Почему?

— Чтобы выяснить это недоразумение. В чем меня обвиняют?

— Это вы скоро узнаете. Кстати, вы хорошо говорите по-немецки. Где учились?

— В Лесном институте. Кроме того, три года воевал с вами.

— Солдат?

— Командир казачьей сотни. Хорунжий.

— Русский офицер? Заодно с комиссарами, против освободителей...

— Сильно сказано.— Зарецкий чуть улыбнулся.— Могу я спросить, откуда вы родом?

— Я родился в Силезии. Местечко близ Дрездена.

— Так вот, если бы русские или кто другой напали на ваше местечко, вы дрались бы с ними?

— О да!

— Почему же вы считаете русских, которые дерутся с вами за свою землю военными преступниками?

Эсэсовец не ответил. Сощурясь, он смотрел на Зарецкого. И тот смотрел на него. Немец отвел глаза. Сказал конвоиру:

— Уведите его.

— Я хочу видеть свою жену. Она в списке заложников. У вас в тюрьме.

— Можно,— сказал немец.— Вот она и объяснит вам, какая разница между солдатом-противником и военным преступником.

4

Как он ее ждал!..

Как ходил по комнатке этого страшного дома, где на окнах были не только решетки, но еще и козырьки, чтобы ничего не видеть! Тюрьма. Но и тут Андрей Михайлович не ощущал ни страха, ни сожаления о содеянном. Он ждал, ждал.

Загремело железо. Приоткрылась дверь, втокнули Дануту. Он с трудом подавил возглас отчаяния.

Что не могли сделать годы, то сделали за несколько дней истязатели. На пороге стояла Данута Францевна. Бледное одутловатое лицо, черные круги под глазами, свалявшиеся волосы, глаза с ожиданием беды, мучений... Она поднесла к губам дрожащие руки, такая запуганная, в бледном линиялом платье.

— Что ты наделал, Андрей, что ты наделал, мой милый! — тихо произнесла она, шагнув и падая на грудь мужу так, словно только он и мог защитить ее от неминуемой беды.— Зачем ты приехал сюда?

Она уже знала о его добровольной сдаче.

Минут десять ее била истерика, ноги не держали, и Зарецкий едва усадил ее на деревянный настил. Ему удалось наконец успокоить жену. И он ответил:

— Приехал, чтобы освободить тебя. Может быть, сегодня. Ты ни в чем не виновата! Впрочем, не виноват и я. Все уладится, вот увидишь.

— Ты веришь им? Ты веришь этим мерзавцам? Они устроили тебе западню. Они заманили тебя, надеясь на твою честь и доверчивость, а теперь будут поступать с нами как хотят.

— Должна же быть какая-то порядочность, совесть у людей в мундире офицера?..

— У них? — Данута оглянулась на дверь. — Они исчадие ада. Ни чести, ни совести. Нелюди. Одно на уме: убивать и убивать. Вспомни Улагая и его подручных. Вот и они такие. Как ты решился на такой шаг, Андрей? Что наделал?!

— Они освободят тебя, — повторил он. — Я пришел. Я сдался. Пусть делают со мной что хотят, а ты сегодня же отправишься домой. И это — благо, это главное.

— Зачем я пойду домой? — Она снова припала к мужу. — Что буду делать дома, если тебя... Могу ли жить, сознавая, что ты отдал за меня свою жизнь? Как ты можешь так думать, друг мой?..

— Да что они знают обо мне? — тихо спросил он.

— Что-то знают. Я поняла это на допросах. О десанте.

Эту весть Зарецкий принял как должное. Ну что ж. Отступать некуда. А Данута будет жить!

— Успокойся, моя славная, — сказал он. — Война не бывает без подлости, без жертв. Я все взвесил. Выход был только один. Я в их власти. Им нужно отомстить? Готов и к этому. А тебя отпустят, ты ни при чем.

— О-ох! — Она выпрямилась, знакомым домашним жестом поправила волосы. Слабая улыбка осветила ее лицо. — Я понимаю тебя, Андрей. Видно, у нас одна судьба. Мы и умрем вместе. Как умерли твои отец и мать. Неизбежность. Пусть свершится. И довольно об этом. Расскажи, что Лида, как в горах? Есть ли что о Мише, где он, что твои друзья? У нас немного времени.

Времени у них было совсем немного. Оккупанты что-то нервничали, торопились.

Андрей Михайлович рассказывал коротко и неотрывно смотрел на жену, ощущая все ту же успокоенность. Но тут открылась дверь, вошли охранники, взяли Зарецкого под руки и увели, оставив Дануту Францевну в камере.

Тот же худой, желтолицый штурмбанфюрер расхаживал по кабинету. Он напоминал голодную рысь, которая помышляет об охоте. И предвкушал наслаждение от охоты.

Немец молча показал на стул, обошел письменный стол и долгую минуту смотрел на спокойное лицо Зарецкого. Сказал без выражения, словно читал готовый текст:

— Вы командовали партизанами, которые истребили наш воздушный десант в горах. Так?

— У вас есть доказательство?

— Я не хочу играть с вами в кошки-мышки. Есть.

Немец подошел к двери, что-то сказал дежурному офицеру. И сел, уткнувшись в бумаги.

Вошел солдат, нет — фельдфебель, вытянулся у двери.

— Вы встречали этого человека? — спросил его комендант. И показал на Зарецкого.

Тот коротко глянул в лицо Андрея Михайловича.

— Так точно! Это Зарецкий. — Фельдфебель мешал русские и немецкие слова. — Он руководил боем с нашим отрядом после приземления в горах. Он лично взял мои документы и оружие, когда меня сбили с ног в рукопашной схватке. Он хотел убить меня, но оставил для допроса. Тогда я убил караульного и сбежал.

...Картина июльского боя у лесной опушки встала перед глазами Зарецкого: два парашютиста набегали на него, он крикнул «Halt!», вот этот, передний, упал, испугавшись, и отбросил автомат. Второго застрелили. Хлопец из его отряда обыскал упавшего, в эту минуту позвали Зарецкого по фамилии, и он пошел к сторожке. Сзади раздался стон, он оглянулся. Хлопец падал с ножом в спине, а немец убегал зигзагами в кусты. Зарецкий дважды выстрелил в него, но промахнулся. Потом смотрел бумаги пленного. Там было письмо на имя Митиренко.

Этот самый детина стоял сейчас в трех шагах от него, рыжеватый, «дорогой наш Колюшка», как писали в письме: Предатель...

— Не ошибаетесь, Митиренко? — спросил немец.

— Никак нет! Фамилию назвал другой русский партизан, я запомнил и, как вышел из гор, написал об этом в донесении. Тот самый Зарецкий.

Эсэсовец удовлетворенно вздохнул.

— Что скажете, Зарецкий? Или этого достаточно?

— Вполне. Я руководил тем боем.

— Не являясь офицером Красной Армии? Без мундира.

— Достаточно того, что на мне был мундир егеря заповедника. Когда люди с оружием появляются в заповеднике, я воюю с ними.

— Уловка, Зарецкий. Человек без мундира, но с оружием — это партизан, военный преступник. Для него одно наказание: виселица.

Эти жуткие слова не напугали Андрея Михайловича. Смерть одинакова, как ее ни называй. Его смерть — это жизнь для Дануты.

Он сидел опустошенный, а немец писал, отрывался, поглядывал в окно. Для него все это было привычно, даже скучно, по-

сколько не требовало ни пыток, ни тщания. Признание есть. Только оформить приговор.

— Прочтите и распишитесь,— сказал он.— Вы даже не читаете? Впрочем, я вас понимаю. Знали, на что идете, вот и подписываете себе смертный приговор. Что это? Жалость к супруге?

— Вы обязаны освободить ее. Я сдался, чтобы жила она. Я еще верю слову и чести...

— Слушайте, Зарецкий. Вы даруете жене свою жизнь. Очень хорошо. А если я и вам предложу жизнь?

— За подлость, конечно?

— Лучше сказать, за услугу, которую вы могли бы оказать немецкой армии. Вы русский офицер. Не коммунист. Не еврей. Протяните руку помощи нашей армии. Крах Совдепии — дело недолгого времени. Тогда и вы, и ваша жена останетесь живы. Мы умеем ценить друзей.

— Что у вас на уме?

— Локальная операция. Вам, знатоку гор, даем батальон горных стрелков, вы проводите его тайными тропами на Белореченский перевал, минуя, конечно, позиции Красной Армии. Вот и все. Почему это важно? Мы непростительно задержались как раз в этом месте. Не вышли на перевал. Не торопитесь с ответом. Подумайте о себе и о своей жене.

— Нет,— сказал Андрей Михайлович и поднялся.— Я не предатель. Не надо строить иллюзий. Услуги от меня не дождетесь. Честь имею!..

— Тогда вместе с женой! — эсэсовец почему-то крикнул. Его выводил из себя этот бесстрашный человек.— Умрете оба!

Зарецкий не ответил. Он шел к двери.

Два дня их продержали в тюрьме. Водили еще на допрос — сперва его, потом Дануту Францевну. Один день прошел без допросов. Они находились вместе.

Голодные, измученные, они все сказали друг другу. Примирились с неизбежностью. Сидели рядом, Данута склонилась на его плечо. Сжимали руки, молчали. Слез не было. За окном о железный козырек целые сутки стучал дождь. Безрадостный кусок неба, видимый из камеры, выглядел то серым, то черным. Тогда сверкало, гремело, потоки воды заливали подоконник и пол. Жуткая погода, под стать их положению.

Под вечер за дверью раздались крики, брань. Зарецкие встали. Обнялись, поцеловались сухими губами. Пора. Дверь распахнулась. Вышли с достоинством. Зарецкий поддерживал жену под руку.

В группе смертников было человек пятнадцать, из них три женщины. Дождь сразу промочил всех до нитки. Конвоиров

не спасали плащи, ветер срывал с их голов капюшоны. Ругались они по-русски, по-немецки, кляли погоду, арестованных.

По городу вели долго, прошли мимо виселицы, которая стояла на базарной площади. Гестаповский механизм что-то не сработал, а может быть, поняли, что устрашающего представления в такую погоду сделать не удастся. Вывели за окраину, где река Курджипс сливается с Белой.

— Я знаю это место, тут крутой обрыв, — сказал Андрей Михайлович, словно речь шла о простой прогулке.

Им не приказывали раздеться, даже не стали связывать. Спешили. Велели стать стенкой, плотнее друг к другу и к самому берегу.

— Лицом к реке! — закричал кто-то из палачей.

Зарецкий не повернулся. На него снова крикнули, наставили винтовку. Он коротко ответил:

— Стреляйте! Не привык отворачиваться.

И, нащупав руку жены, сдвинулся с места, хорошо загородив ее телом.

Треска винтовок и автоматов он уже не слышал. Почувствовал резкий толчок в грудь и, падая, навалился спиной на Дануту. В следующую секунду они покатались вниз. И все кончилось.

Палачи подошли к обрыву. Добили двух, упавших наверху, столкнули вниз. Дождь вдруг припустился сильнее. Галечный берег осыпался, покрывая тела. Река переполнилась, черная вода гудела. Вот она подхватила и понесла одно тело, второе.

Скоро все стихло. Солдаты ушли. Берег опустел, изредка шумно сваливались размытые выступы, да шелестел о траву неперестающий дождь.

Данута Францевна очнулась, как только вода коснулась ее лица. Рука продолжала сжимать холодную, вялую руку мужа. Скорей инстинктивно, чем осознанно она отодвинулась от воды, стряхнув с себя и с мертвого мужа песок и галечник. И поняла, что жива, поняла, что сделал Андрей перед казнью.

Дождь все шел, дождь-спаситель. Она села, отодвинулась от воды и положила омытую голову Андрея на свои колени. Некоторое время смотрела, как мертвые один за другим уплывают вдоль узкой закрайки. Вода подбиралась и к ним. Ну нет, она не отдаст мужа.

Убедившись, что ноги держат ее, Данута Францевна взяла Андрея под руки и потащила вдоль обрыва, высматривая, где пониже. Каждый шаг давался ей с большим трудом, она садилась, снова тащила, пока не нашла места, где можно подняться наверх. Здесь оставила тело и пошла, то и дело останавливаясь, к предместью.

Уже под утро, с помощью незнакомых, но сострадательных

людей, удалось перенести Зарецкого в заброшенный сарай. Его подготовили к погребению. Обсушилась и переоделась сама. Хоронить решили на другую ночь.

Весь день, пасмурный, сырой и очень неуютный, Данута Францевна не отходила от убитого мужа, не выходила из сарайчика, куда их спрятали. Ощущение нереальности происшедшего делало ее похожей на сомнамбулу. Ничего не болело, она все слышала, отвечала, но есть отказалась, только пила воду. Что-то в ней надорвалось. Сперва редко, потом чаще стала накатывать слабость, мир куда-то исчезал, и она словно парила между небом и землей. Очнувшись, видела себя лежащей там, где раньше сидела. Удивлялась происшедшему и вновь теряла сознание.

В одно из таких мгновений слабости она и умерла, опустив голову на холодную грудь Зарецкого.

Хоронили их крадучись, на пустыре за огородами, где утром успели вырыть неглубокую могилу. Ее только пришлось расширить для двоих.

Снова пошел дождь. И шел почти всю неделю. Песчаный холмик в окружении редкой травы оседал и вскоре сделался едва приметным на этом безлюдном месте.

А так хотелось, чтобы именно здесь вечно горел огонь!..

Г л а в а в о с ь м я

Трудная зима на Киссе. Письмо от погибших. Болезнь Лидии Васильевны. Война отходит от Кавказа. Возвращение Михаила Зарецкого. Беседа в главке. Пополнение стада зубров. Киша. Умпырь. Итотники. Общепародная проблема

1

Война, подобно темной ночи, оказалась самой страшной для Кавказа осенью и зимой 1942 года. Фронт прошел через зубровый парк.

Оккупанты так и не продвинулись к Гузериплю, они бесчинствовали в Хамышках, Даховской, Тульской, Майкопе. Они все знали о зубрах. В одной из немецких газет того времени особый интерес у офицеров армии фон Клейста вызвала фотография: поверженный зубр и человек с ружьем, наступивший ногой на зубра. По выдающемуся животу, перепоясанному широким поясом, по шляпе с пером, по лицу, излучающему блаженство, все узнавали Геринга. Это его личная охота в Восточной Пруссии. Почему бы не организовать такой охоты на Кавказе? Но для этого надо было еще прогнать русских за перевал...

Глубокий снег, метели и выстрелы из-за каждого куста — вот что не давало нацистам поближе познакомиться с кавказскими зубрами. Нарваться на пулю никому не хотелось.

А пули здесь летели из-за деревьев, со скал — отовсюду. Битва у реки Белой не слабела. Защитники Кавказа вскоре предприняли второе смелое наступление и выбили врага из Хамышков.

Потеряв этот опорный пункт, немцы откатились назад сразу на двадцать километров, к Даховской. В зубропарке вздохнули с облегчением.

Однако на Кише люди и звери все более страдали от голода. У зуброводов не осталось ни хлеба, ни картошки. Снег мешал зубрам находить пищу. Лидия Васильевна, истаявшая от постоянной тревоги о своих близких — никаких сведений о судьбе Зарецких сюда не поступило, — вскоре и вовсе стала как ходячая тень, одни скулы да огромные глаза. Она плохо спала, раздражалась по любому поводу или замыкалась в себе, и лишь когда дело касалось зубров — вскидывалась, чтобы с горячностью защитить их. Она настояла на обязательном дежурстве. В горах бродили дезертиры, кое-где в глуши осели беженцы, егеря видели следы неизвестных. Угроза для зверя не исчезла. Голод...

Один за другим уходили егеря зубропарка проводниками с армейскими частями, которые подходили через перевалы с юга. Около зубров, кроме трех женщин, остались Павел Кондрашов с тремя товарищами и с овчаром Черкесом, который помогал распутывать чужие следы и отгонять от стада неизвестных людей.

Привыкшие к подкормке, зубры все чаще стояли у загона, дожидаясь свеклы или картофеля. Но экономные порции только дразнили аппетит. А тут еще бомбежки, бессмысленная забава немецких летчиков, пытавшихся угодить в зубров. Звери уже не уходили далеко от людей, они видели в наблюдателях защиту. Лидия Васильевна сама кормила бычков — Ермыша, Лугана и Витязя.

— Надежда наша, — с нескрываемой нежностью говорила она. — Только бы дожить вам до весны!

Старая бизонка Гедэ, недовольная малым пайком, несколько раз в одиночку уходила дальше положенного. Крупная телом, она голодала сильнее всех. Но и приманкой для браконьеров была тоже желанной. Однажды она забрела так далеко, что найти ее не удавалось несколько дней. А когда обнаружили, было поздно. От бизонки остались куски шкуры да ободранный череп.

Отсутствие вестей о Дануте Францевне и Андрее Михайловиче Зарецких и это происшествие докончили Лидию Васильевну.

Нервная болезнь захватила ее. Стало трудно ходить, даже говорить. Кружилась голова. Совсем не спала. С великим трудом Кондрашов упросил ее съездить на Кишу, отдохнуть там несколько дней. Все-таки теплый дом, удобства, не то что тесная караулка и землянки.

— Хорошо, поеду на два дня, — согласилась она. — Ответственность на вас, Павел Борисович.

— Вы о нас не думайте, зубра сохраним. О себе позаботьтесь, а то придет муженек, не узнает. Отвлекитесь малость, ну и письма там сочините, может, что об Андрее Михайловиче узнаете.

Едва собралась, как прибежала, запыхавшись, жена наблюдателя, которая оставалась на Кишинском кордоне.

— Человек из Майкопа добрался, — сказала она, не отдышавшись, — К тебе, Лидушка, весть у него...

— Кто такой? — Она всего боялась. И вестей, и вестника.

— Мальчик, вьюноша годов пятнадцати. Сказывал, его в Германию хотели отправить, там многих забирают, а он в лес бежал. И к нам вот, родители посоветовали, с письмом.

Она бежала на Кишу, надала, остушаясь с твердой тропы, вскакивала, что-то бормотала. Предчувствие непоправимости не покидало ее.

Женщина с кордона пошла следом, но отстала. Садилась от слабости.

Задышавшись от усталости, Лидия Васильевна вошла в дом. Паренек спал, прислонившись спиной к теплой печке. Худой, синие жилки на лбу и руках, в чем душа держится. Жалость остро кольнуло сердце. И хотя вся дрожала от нетерпения, все-таки успела поставить на горячие угли чай, достала из карманов сухарики, кусок сахара. Тогда тронула мальчика за плечо.

— Проснись-ка, садись к столу.

Он открыл глаза, с испугом оглядел комнату. Кажется, вот-вот закричит. Лидия Васильевна обняла его.

— Садись, выпей чаю. Вот сахар. Вот кусочек мяса.

А сама села напротив. Мальчик не спускал с нее глаз. Сделал глоток, другой и поперхнулся, когда она спросила:

— Зарецкие живы?

Мальчик замотал головой и застыл: лицо женщины стало белым, губы задрожали.

— Уже давно, — сказал он, словно за давностью не так страшно.

— Как, что?! — Все во рту у нее высохло, насилу проговорила.

Он не сразу рассказал, знал со слов других. Те люди, что хоронили Зарецких, жили через два дома от парнишки, вот и

шепнули про ночные похороны, а потом про бумажку, которую нашли у Дануты Францевны.

— Ты привез?..

— Ага. Мать просила передать, если найду вас.

Листок из тетради, перегнутой в восемь раз, потертый, намоченный и снова высохший. А на нем карандашные строчки Дануты Францевны, едва заметные: «Дорогие мои, Миша и Лида. Мы с отцом в тюрьме, сейчас поведут на смерть. Прощайте, и храни вас бог. Мы примем конец спокойно и с достоинством. Судьбе неугодно, чтобы мы увидели и приласкали внуков. Прощайте, да будет мир с вами».

Парнишка просто не знал, что делать, когда Лида упала на пол. Он тормозил ее, звал: «Тетя, вставайте, ну вставайте же, я еще не все рассказал, пожалуйста, не плачьте, воды выпейте, вот она, вода...» Он даже прыскал ее изо рта, поил, залил всю, но в чувство привел. Она поднялась и сама села, потом легла на кровать.

В этой позе безысходности ее и застала женщина, которая шла за ней из зубропарка. Они поплакали вместе, потом в два голоса стали требовать от хлопца подробностей, и он сказал, что мертвого Зарецкого от реки тащила жена, ее даже не ранили, потому что при расстреле ее загородил муж. А умерла перед самыми похоронами мужа. И в одной могиле...

Что-то трудно поправимое произошло в этот недобрый час с Лидой. Она слегла. На кордон приехал Кондрашов, посидел возле нее, повздыхал и уехал. Вскоре привели коней, егеря устроили носилки. И хотя Лидия Васильевна уже могла ходить и даже сердито кричала, что здорова, ее не послушали, уложили в носилки и повезли сперва в Гузерипль, а оттуда через заснеженный перевал на южную сторону, в Сочи.

2

Весь мир облетела весть о крупных боях между Волгой и Доном, об окружении немцев и, наконец, о полном разгроме армии Паулюса. Этим поражением военная кампания сорок третьего года не кончилась. Оккупанты попятились, затем побежали на запад.

Их войска, действующие на Кавказе, оказались под угрозой окружения. Танковую армию фон Клейста вышибли из Моздока. В наших газетах тогда появилась карикатура с хлестким двустишьем Маршака:

Сказал фон Клейст про паш Моздок:

«Сюда я больше не езду».

Вражеские дивизии со всего Кавказа поспешно покатались на северо-запад.

Впереди Россию ожидали два года жестоких боев, но победа уже виделась. Люди вздохнули свободней. Вот очищен Пятигорск, Нальчик, Невинномысская, Армавир. Вот последние оккупанты оставили Майкоп, разграбленный и оскверненный.

Сюда приехали егеря из заповедника.

Тех добрых людей, что хоронили Зарецких, уже не оказалось, как и их домов. На окраине стояли закопченные трубы да валялись битые кирпичи. Ровное место у реки за военное лихолетье поросло дикой травой. Напрасно парнишка, проживший на Кише несколько месяцев, два дня вместе с егерями искал дорогу могилу. Найти заветное место им не удалось.

Опечаленные, вернулись зуброводы домой.

На другой день у загона, где сбились зубры, Павел Борисович Кондрашов сказал:

— Вот она, память об Андрее Михайловиче и его супруге.

Зубры, уже отъездившие за весну и успевшие вылинять, спокойно стояли в дальнем углу загона, похожие на изваяния из темного благородного металла, такие чистые, упитанные, словно и не было в их жизни трудной военной поры. Жизнь и покой им обеспечили люди — своим трудом и кровью своей, невозвратимыми потерями.

В середине лета на Кишу доставили пачку писем с фронта: писали молодой Зарецкий, Задоров, Жарков, Теплов. Все живы, все воюют. Были также письма из Москвы от Насимовича, Гешнера, из Аскании-Нова. Спрашивали о зубрах, беспокоились, удалось ли сохранить зверей, что с людьми, с заповедником?..

Из южного отдела в Гузерипль и на Кишу приехал энергичный, не знающий покоя Петр Алексеевич Савельев, который водил воинов и партизан через перевалы. Его усилиями путь в заповедник для браконьеров с юга удалось перекрыть. Пока в заповеднике не было директора, он вместе с зуброводами писал ответы ученым. Живы-здоровы зубры! И единственно, о чем просят нынче зуброводы — прислать быка для кавказского стада. Может, сохранился какой в Беловежской пуще? Может, по пути к Берлину удастся найти?

Ну и конечно, писал о трагедии Зарецких. Самой своей смертью Андрей Михайлович заслониł кишинское стадо.

Из главка приехал Василий Никитич Макаров, руководитель заповедников страны. Видно, перепало лиха и на его долю. Постарел, сторбился. Он посидел по Кише, Умнырю, поговорил с кандидатом на пост директора Лаврентьевым и сказал зуброводам:

— А что, мужики, не пустить ли нам зверя побегать? Соску-чились, поди, в загородке. Вон какая благодать вокруг!

— Разбегутся,— сказал осторожный Лаврентьев.

— В грозные дни не разбежались. Походят окрест и вернутся. Да и куда уходить? А вы досматривайте за блистательной десяткой. Скоро, думаю, наши ученые вернутся. Лидию Васильевну мы уже отыскали, она собирается сюда. Хлопочем о Михаиле Андреевиче, чтобы не заигрался там на фронте со смертью.

Бычки, родившиеся более года назад, стали крепенькие, рослые. Особенно выделялся Ермыш — богатырь!

Как они носились, когда распахнули ворота! Бычки прежде всех галопом, с открытыми ртами. Мигом пересекли поляну и в лес! За ними понеслись и взрослые.

До вечерней зари зубров не тревожили, на закате всадники поехали высматривать их. Стадо мирно паслось на одной из дальних полян, километра четыре от загона.

Макаров облегченно вздохнул: в такую злую пору — и сохранили! Правда, невероятно высокой ценой...

Сторожили до утра, увидели, как спокойно вышло стадо, рассыпалось по лугу. Насытившись, молодежь стала играть, бодаться — силушку испытывать. Наигравшись, Ермыш обошел всех сородичей и улегся возле Лиры.

— Неужели ухаживает? — спросил себя Кондрашов. — Ежели так, то еще через год ждем приплода.

3

В июле 1944 года наши войска очистили от немцев район Беловежской пуши.

Из сорока четырех зубров, какие находились здесь перед войной, советские и польские наблюдатели обнаружили семнадцать голов. Они укрывались в самых глухих уголках леса.

В это же лето на Кише отелились Еруня и Ельма. Обе принесли мертвый плод. Потом отелилась Жанка, телочку назвали Желанной, но малышка оказалась очень слабой и вскоре пала. Только зубрица Лира порадовала веселенькой телочкой, которая всем своим видом показала, что намерена жить. Эту первую дочку молодого Ермыша назвали Лаурой. Одиннадцатая в кавказском стаде.

— Война и доси показывает себя,— с горечью сказал Кондрашов. — А то было бы стадо почти как в пуще.

Прошел слух, что Лидия Васильевна уже в Гузерипле. Встретить ее поехал Кондрашов.

Он увидел Лиду в молодом саду, что вырос перед домами.

Ходила от дерева к дереву, к одной ветке щекой прижмется, другую погладит, а у самой лицо, как у именинницы. Так соскучилась по Кавказу!

— Славу богу! — Егерь обнял ее, как родную дочь. — С приездом вас в родные края!

И полез во внутренний карман за письмами.

Она села тут же, под деревом, крепко закусил губы, чтобы не расплакаться. Кондрашов отошел.

Лидия Васильевна выглядела строже и старше. Худоба оттеняла скулы, загар скрывал бледность. Но когда Кондрашов снова подошел, глаза Лиды были полны тихой радостью. Ожила! Жив Миша, воюет! Скоро будет!

— А у меня своя лошадка, — похвасталась она. — Я на ней через перевал ехала. Варнак по кличке, Савельев подарил. Будем собираться? Я мигом!

Сказать, что Лидия Васильевна осталась довольна состоянием зубров, — значит, ничего не сказать. Увидев стадо на воле, полюбовавшись малюткой Лаурой и могучим Ермышом, она просто не нашла слов, чтобы выразить свою радость. Вот оно, счастье!

Первые дни она со своим Варнаком не отходила от стада. Высматривала, записывала каждое происшествие в стаде, повадки бычков, проделки Лауры. А вернувшись в сторожку, садилась писать письма. Всем-всем. Знайте, добрые люди, что живут на Кавказе зубры, что все плохое для них позади! Человеческий подвиг, такой незаметный на фоне великих военных потрясений и побед, совершен в лесах заповедного Кавказа. Это тоже победа над злом. Сохранено ядро благородного дела, начало которому положил и отец и сын Зарецкие. Восстановлен почти утраченный вид животного!

Предваряя слова выдающегося биолога Бернгарда Гржимека, которые он скажет позже, Лидия Зарецкая писала мужу на фронт, что «зубры, как и все другие звери, это краса нашей планеты и неоценимое богатство наше, являют собой самую высшую форму общей собственности человечества, с чем я тебя и поздравляю, мой дорогой! И жду, жду, чтобы поделиться этой радостью здесь».

А старший лейтенант Михаил Андреевич Зарецкий уже ехал в Москву из района военных действий в Восточной Пруссии. Весть о трагической смерти родителей Михаил Андреевич получил более полугода назад, боль успела притупиться, хотя именно в те дни он заметил, что у него побелели виски. В неполные тридцать три года.

В Москве он пришел к Макарову. Старик обнял его.

— Что уцелели семнадцать беловежцев, — сказал Макаров, — это приятная неожиданность. Спасибо польским зоологам. Но вот что парадоксально: почти все зубры не чисто равнинные, а беловежско-кавказские, поскольку ведут свой род от тех зубров, которых Польша купила в Германии. Потомки Кавказа! Только что мы узнали и о чистых беловежцах. В Пшине, на Верхней Силезии живут семь или восемь чистых беловежцев, реальная надежда на возрождение равнинного зубра. Думаю, что польские зоологи не упустят этой возможности. Ну, а те, что в Беловежской пуце... Со временем их придется оттуда убрать. Куда?..

— На Кавказ, естественно, — не задумываясь, ответил Зарецкий.

— Да, конечно. Кровь горного подвида. Но они — собственность Польского государства. Уже идут переговоры с новой Польшей. Скорее всего, пуца окажется на польской стороне. Можно договориться... — Он потер свой лоб. — О чем мы толковали с тобой перед войной?..

— Мы говорили о покупке быка для кавказского стада. Быка-кавказца и пяти зубриц.

— Вот-вот. После долгой отсрочки вернемся и к этому. Гово-

ритель с польскими коллегами будут Гейтнер, Дементьев, у них давнее знакомство с Жабинским. Как только кончится война...

— Теперь недолго, — сказал Зарецкий.

— Итак, ты едешь домой, к жене, и вместе начнете работу в заповеднике. При первой необходимости я вызову тебя в Москву.

— Просьба, Василий Никитич. Хорошо бы отозвать с фронта Задорова, Теплова и Жаркова. Они очень нужны в заповеднике.

— Попробуем, — не очень уверенно отозвался Макаров. — Ты видишь наши пустые комнаты? Некоторые из ученых сюда уже не вернутся. Скажу откровенно: ты не долго задержишься на Кавказе. Проблема зубров выходит за пределы Кавказа. Она приобретает всероссийский характер. Главк не обойдется без твоей помощи. Вот так. Ну а прежде всего прошу тебя поклониться и от меня праху твоих родителей... Ах, Андрей Михайлович, Андрей Михайлович!..

4

Молодой Зарецкий приехал в разрушенный, неузнаваемый Майкоп.

С чувством глубокого горя шел он к дому родителей. К тому, что осталось от их усадьбы.

Половина дома сгорела. Вторая — с оголенной, черной от копоти печью — выставляла напоказ оклеенную рваными обоями стену. Ветер громыхал остатками железа на крыше. Дверей и рам не было, пол выломан. В саду стояли изломанные полусухие яблони.

Зарецкий постоял, поправил на спине тяжелый рюкзак и пошел к тому месту, где Курджипс впадает в Белую. Без усталости ходил и ходил он по дикому полю до самой ночи. Густой кустарник и трава заслонили землю. Никто не может показать...

Опечаленный, добрался он до переезда, остановил грузовик. Шофер подбросил его до Хаджоха. Дальше — пешком.

На кордоне он нашел женщин — Задорову, Дубровскую, еще двух незнакомых. Со слезами, причитаниями кинулись они к Зарецкому и, только узнавши, что мужья их живы-здоровы, осушили слезы, забегали, чтобы как лучше приветить дорогого человека.

— Где Лида? — спросил он.

— В Гузерипле. Вчера все туда уехали. На общее собрание.

— Зубры близко?

— Там же, в Сосняках, пасутся. Целехоньки и здоровы. С ними Кондрашов и старший Никотин. Ну а сейчас давай-ка

в баню, все готово. Отмоешься, отдохнешь, а на утренней заре в седло. Лида ждет тебя не дождется!

Когда перед зуброводами предстал всадник в плаще поверх стираной-перестираной гимнастерки, егерь Александр Никотин испуганно поднялся и попятился: уж больно похож на отца в дни гражданской войны...

Зарецкий соскочил. Обнялись, расцеловались. И пошли разговоры, расспросы о войне, которая шла к победному концу, о делах в заповеднике, о зубрах, конечно.

— Они на воле? — спросил Зарецкий.

— Дикарями заделались, нас вовсе не признают, — сказал Кондрашов с одобрением. — Ермыш в стаде вожакует. Кажись, в будущем году опять телятами обзаведемся. Поедем, глянешь.

Как застучало сердце у Зарецкого, едва бинокль приблизил спокойно лежавшее стадо! Время вдруг перебежало назад и остановилось на дате 1940. На той дате, когда здесь приживались первые асканийцы. Опытным глазом Зарецкий определил, что зубры здоровы, спокойно живут на новой — или на старой? — своей родине.

К загону он не вернулся. Уже к вечеру от Сосняков благополучно спустился в Гузерицль.

Шло собрание. Говорила Лидия Васильевна — не о зубрах, а о людях, которые сохранили их, совершив, как она выразилась, «подвиг, достойный нашего героического поколения». Михаил Андреевич остановился в сенцах. Двери были открыты, он ухитрился схватить взглядом ее лицо. Сердце скакало, в глазах пощипывало — такая нежность и жалость к жене, худенькой, бледной, охватила его!

Кто-то крикнул:

— Гляньте, Зарецкий! Вот он стоит, мужики!

Лида как осеклась. И руки к груди прижала. Все оглядывались, вставали, громыхали стульями, заговорили сразу в тридцать голосов. Зарецкий оказался в комнате, и вот они близко, лицом к лицу... Как бросилась она, совсем без памяти! У всех глаза туманом застлало. Какое там собрание! Высыпали на холодный лужок перед домом и так, окружив счастливых, проводили, то и дело останавливаясь, до дома.

5

В сорок пятом вернулся Задоров, с медалями и орденами, в капитанских погонах. А спустя три месяца после Дня Победы встречали Теплова и Жаркова.

Едва вырвавшись из объятий жены, Борис Артамонович крикнул Никотину, стоявшему в стороне:

— Сколько?

— Двенадцать! — донеслось в ответ.

— Все мои награды — ваши, хлопцы! — закричал капитан. Всею войну он помнил о своих зубрах. Война — это заразная болезнь человечества. А забота о таком звере, о природной целостности — это сама жизнь. Потому и бежал он в день приезда от несколько обиженной супруги своей в Сосняки, чтобы увидеть, убедиться. Вернулся домой уже к ночи, сказал умиротворенно: «Порядок, эт-точно» — и ласково взглянул на дорогу женщину.

Весь научный отдел собрался, как и до войны. Лидия Васильевна уже составляла план научных работ. Жарков готовился в первый поход на Бамбак, где ботаник Альпер обнаружила несколько новых растений-эндемиков и звала понаблюдать туров и серн. Но тут пришел приказ о переводе двух ученых в Воронежский заповедник, где война не пощадила никого из сотрудников. Зарецкого тем же приказом вызывали в Москву.

Договорились, что Лидия Васильевна пока останется в Гузерипле. Она вызвалась проводить мужа до Майкопа.

...Шел второй мирный год. Израненную землю уже затягивала молодая зелень. В предгорных селениях стучали топоры, пахло свежей щепой. Бывшие солдаты строили новые дома, ставили заборы. С особенной жадностью пахали или вскапывали лопатами огороды, удивляясь, что земля эта не пахнет окопным духом, радуясь ее материнской силе. Во дворах голосили молодые петушки.

В святом для Зарецких междуречье, куда пришли они, не сговариваясь, тоже появились строители, огородники. Новые хозяева селились на бросовых землях.

Зарецкие обошли всех, сказали, кто здесь похоронен, дали адрес, чтобы написали, если обнаружится захоронение, и молча, рука об руку, постояли над крутым, все так же осыпающимся берегом.

Проводив мужа, Лидия Васильевна верхом возвратилась на Кишу.

В конце апреля — начале мая стадо зубров пополнилось сразу четырьмя малышами от Ермыша. Лишь пятый оказался неспособным к жизни. Через три недели зубрята резвились, оглядывая мир удивленными большими глазами.

Стадо уходило на три, на пять километров от загона. За зверей уже не беспокоились. Только Борис Артамонович часами не слезал с коня, издали наблюдая зубров. Он и увидел, как погиб один из малышей. Зубренок разбежался и хотел перескочить через валежину на лугу, но зацепился ножками, перевернулся и упал, сломав себе шею.

Зубрица два дня не отходила от него и никого близко не подпускала, а Задоров бил себя по голове и обзывал последними словами. А что он мог? Жизнь диктовала извечные законы отбора.

Стадо все прибавлялось. В сорок восьмом зубров уже насчитывалось восемнадцать. В следующем — двадцать одна голова. Теперь все быки во главе со старым Ермышом ходили отдельно, тогда как зубрицы с малышами составили собственное самостоятельное сообщество.

В Москву к мужу уехала и Лидия Васильевна. Уже с дочкой.

Перемены шли чередом. И вот на Кавказ привезли зубра Пущанина с хорошей долей кавказской крови. А с ним и пять зубриц. План восстановления вида, прерванный, но не перечеркнутый войной, действовал.

Ему предшествовали события, которые Макаров называл «проблемой всероссийского масштаба».

6

Новая граница между дружественными Советским Союзом и Польской Народной Республикой пролегла через Беловежскую пущу, разделив ее на две почти равные части.

Зубровый питомник с семнадцатью уцелевшими зубрами оказался на территории Польши. Вскоре и в советской части пущи удалось организовать второй зубровый питомник. Польские зоологи передали сюда пять кавказско-беловежских зубров, среди них Пурпуру, Пулю, Пуфа — потомков быка Боруса, правнука самого Кавказа.

Так на территории нашей страны возник третий после Кавказского и Аскании-Нова очаг разведения зубров.

На первых порах, чтобы спасти от вымирания этот вид зверя, ученые ставили перед собой простую цель: как можно скорее размножить зубров, увеличить количество особей, пусть и гибридных, тем более что кавказско-беловежские зубры оказались на редкость красивыми, жизнестойкими.

С этой задачей зоологи Европы справились. К середине двадцатого века, точнее, в 1951 году число зубров достигло ста пятидесяти, из них третья часть в СССР, более всего — на Кавказе.

Когда в Кишиневский зубропарк прибыло пополнение, а в Беловежской пуще появились чистокровные зубры из Пшинского питомника, можно было начать селекцию на чистого зубра путем поглотительного скрещивания. Роль носителя кавказской крови на Кише принадлежала Пущанину и другому быку — Пухару, привезенному двумя годами позже из Центрального питомника. Этот питомник был создан главком заповедников

и Комиссией по охране и восстановлению зубра Академии наук СССР. Он расположился на Оке, недалеко от Москвы. Всю организационную работу в нем проделали Михаил Андреевич и Лидия Васильевна Зарецкие.

И вот на Кавказе уже двадцать четыре зубра. Вожак Ермыш и новичок Пущанин никак не поделят между собой стадо. Борис Артамонович Задоров с егерями Татарковым и Никотиным не решаются выпустить из загона беспокойных зверей.

Написали письмо Михаилу Андреевичу Зарецкому: что делать?

Неожиданно на Кишу приехала Лидия Васильевна. Радостно и добро встретили ее старые сотрудники. Она осмотрела стадо и сказала своим друзьям:

— А не проехать ли нам на Умпырь?

Задоров и Кондрашов переглянулись: неужто и она подумала о переводе зубров в эту глухую долину? Зуброводы хотели сами предложить такой ход. Но постеснялись, тем более что был тут и новый человек, который приехал на должность главного зубровода. Фамилию его знали — Калугин, по имени-отчеству Сергей Гаврилович. Зарецкая то и дело заговаривала с ним, видно, хотела составить для себя более полное представление о человеке, которому вручается судьба многострадального кавказского стада.

На Умпырь поехали через Бамбак и Черноречье.

Долина Умпыря в этот солнечный июнь благоухала запахами черемухи и цветущего луга. От красок рябило в глазах. Дрозды состязались в мастерстве пения. В кустах мелькали непуганые серны и олени. Журчали чистые ручьи. Свежий ветер с ледников остужал горячее сердце.

Вечером, после ужина, сели на порожках вновь отстроенного кордона, где жил егерь Василий Терлецкий, и вспомнили о грозных годах войны, не обошедших эту долину и в двадцатых, и в сороковых годах.

— Нравится вам здесь? — Лидия Васильевна обернулась к Калугину и широким жестом обвела горы.

— Красиво и знакомо, — отозвался он. — Я учился в Орджоникидзе, в Горском институте. Там тоже Кавказ, но зеленого цвета меньше — все скалы да камень. Здесь для зубров совсем хорошо. Райское место.

Засмеялась. Прошрое военное ему пока неизвестно. Спросила:

— Ну а старый Ермыш? Он вас не беспокоит?

— Вожак свое сделал. Ни на Кише, ни тут места ему нет. Надо выбраковывать. Ермыш уменьшает кровность стада по зубру.

Слово «выбраковка» здесь еще не произносили. Пока знали

другое слово: «размножать». Решимость Калугина понравилась Лидии Васильевне. Она глянула на Задорова:

— Что, если вам, Борис Артамонович, поручат застрелить Ермыша? Да, Ермыша.

— Эт-почему ж? — От испуга он даже стал заикаться. — Как то есть застрелить? Шуткуете?

— Мы договоримся об этом сами, — сказал Калугин.

Спокойный, покладистый и вдумчивый человек. Потому так просто и естественно вошел в старый кишинский коллектив. Правда, на коне выглядел пока мешковато, но ездил не уставая. И все вокруг замечал, записывал. Любил свое дело.

В тот вечер они решили разделить стадо. Половину перегнать сюда, на вольный выпас, возродив полноценную жизнь и на этой прародине зубров.

Годы надежды были и годами трудностей.

На заповедники неожиданно обрушилась волна необдуманных реформ. Василий Никитич Макаров покинул свой пост. Новые люди не все понимали, что такое заповедность для природы нынешней и будущей. Чуть не треть заповедников в стране успели закрыть, много раздали по разным ведомствам. Площадь Кавказского уменьшилась почти вдвое. Стройная система заповедования пошатнулась, ученые оказались в стороне. Об этом говорили, возмущались в тот вечер и на Умпырском кордоне.

— А как обстоят дела у зубровода Корочкиной в Беловежской пуще? — спросил Калугин Лидию Васильевну.

— Те же трудности, те же заботы. Скоро вы встретитесь. Намечены совместные совещания раз в три года. Вместе с польскими учеными. Тогда и потолкуете обо всем.

Время, время... Не очень-то согласуется оно с нашими планами, бежит, торопится. Вот и еще десяти лет как не бывало.

На очередном совещании с польскими коллегами в Беловежской пуще — кажется, в 1960 году — Калугина спросили, сколько у него зубров в Кавказском государственном заповеднике. Он ответил по памяти:

— Чистокровных двенадцать, чистопородных сто восемь и гибридов восемьдесят два. Всего двести два.

— Не тесно им? — поинтересовалась Корочкина. У нее в пуще проживало чуть более шестидесяти голов — и то они объели весь подрост.

— Наши стада освоили пока сорок тысяч гектаров пастбищ. С пятьдесят шестого на вольном содержании. Пять голов на тысячу гектаров. Корма обеспечены.

Потом он сказал, что за десять лет зуброводы выбраковали

почти три десятка быков, слишком напоминающих бизона. Поглонительное скрещивание на зубра продолжалось. Кишинское и умпырское стада почти не отличались от своих уничтоженных предков. Этому способствовала не только наследственность, но в какой-то мере и среда обитания. Горы определяли повадки, характер, даже внешний вид животных.

В 1970 году в Кавказском заповеднике насчитывали почти семьсот зубров.

Когда Калугин назвал эту цифру в Кише, Борис Артамонович Задоров и Александр Васильевич Никотин удовлетворенно переглянулись. Вздохнул, погружаясь в прошлое, и Кондрашов. Старики вспомнили, что столько же зубров было на Кавказе перед мировой войной 1914 года, когда молодой егерь Андрей Михайлович Зарецкий с Телеусовым и Кожевниковым оберегали стадо от злых охотников и опасностей.

Вспомним и мы еще раз первого директора Кавказского заповедника Шапошникова, героев нашего повествования — живых и павших, — вспомним и скажем: да воздастся им должное за человеческий подвиг, который одолел суровые войны, оказался сильнее подлости временщиков, уничтоживших в свое время древнейшего зверя Кавказа. Доброе победило.

Если б не так, зачем тогда жить?..

Г л а в а д е в я т а я,

самая короткая в романе. Старинное слово «эпилог». Обращение к Красной книге

Автору показалось, что эпилог, иначе говоря, заключительное сообщение о событиях, здесь просто необходим. Дело в том, что в тексте романа читатель не найдет слов, хотя бы приблизительно оправдывающих название третьей части книги. Что это за «Зеленые листья из Красной книги»? А ведь так уж принято: название означает суть дела, замысел повествования, идею.

Да простит меня снисходительный читатель за столь позднее возвращение к заглавному листу этой части!

Человечество давно проявляет беспокойство о живой природе. Давление цивилизации на нее все возрастает.

Вырубка лесов, этого зеленого плаща биосферы¹, широкое

¹ Б и о с ф е р а — область активной жизни на планете, куда входит и такой фактор преобразований, как человеческий разум.

осушение болот, обмеление рек; прямое уничтожение диких зверей, птиц, растений, овраги на лугах и полях; губительное дыхание индустрии городов — словом, все, что изменяет естественную среду и называется антропогенным наступлением на природу, — все это привело к уменьшению числа видов зверя и растений на земле, а во многих районах планеты и к полному уничтожению их.

Есть о чем задуматься.

Биологи передовых стран мира не могли остаться равнодушными зрителями этого негативного процесса. Они постарались выяснить, как велика опасность. Началась запись — по письменным документам прошлого, по памяти, по наблюдениям — исчезающих животных и растений. Так возникли горестные списки — точный масштаб и скорость уничтожения живой жизни на земле.

В 1948 году Международный союз охраны природы и ресурсов земли, цель которого — «исследовать, осведомлять и указывать возможные пути защиты природы», создал Комиссию службы выживания. В СССР она называется Комиссией по редким и исчезающим видам.

Было установлено, что с начала семнадцатого века на планете уже исчезло шестьдесят три вида и пятьдесят пять подвидов млекопитающих и около ста видов птиц. Третья часть урона — за последние пятьдесят лет.

Процесс истощения природы идет с мрачным ускорением. Погибшие виды зверя, птицы, растений восстановить невозможно. Это потеря навсегда. И кто знает, не теряет ли человечество вместе с погибшими часть самого себя, частицу самого необходимого для будущих поколений?

Уже в середине нашего столетия вся собранная комиссией информация дала возможность составить «черный список» безвозвратно исчезнувшего и подготовить Красную книгу, куда стали записывать редкие, исчезающие или находящиеся под угрозой гибели виды животных, птиц, растений.

На начало 1972 года в Красной книге фактов оказалось 236 видов млекопитающих, 287 видов птиц, 36 видов земноводных, 119 видов пресмыкающихся, много рыб и, конечно, растений.

Четыре тома Красной книги к этому времени приобрели вид довольно толстых перекидных календарей, листы в которых можно изымать и заменять другими, поскольку процесс изменений в природе продолжается, и пока еще со знаком минус.

Все исчезающие виды записываются на листах красного цвета. Отсюда и название — Красная книга. Пожар!

Все виды, число которых заметно сокращается, записаны на желтых листах. Предостережение!

Редкие виды — на белых листах. Осторожность!

Подобная книга — это «документ совести человека. Каждая нация перед лицом мира несет ответственность за сокровища своей природы».

В Красную книгу, изданную в СССР, с 1974 года занесено 62 вида и подвида млекопитающих и 63 вида птиц.

В Международной Красной книге сведения о европейском зубре на красных листах. Исчезающий вид...

Вот тут мы и заметим, что специалисты, работающие над совершенствованием Красной книги фактов — этим документом опасности, сигналом к спасению погибающих животных, недавно внесли предложение о новой категории восстановленных видов.

Отныне все виды, записанные на красных или желтых листах, но разумом и трудом человеческим спасенные от вымирания и размноженные до уровня устойчивой популяции, будут записываться на листах зеленого цвета — цвета надежды, — так что в Красной книге могут появляться и зеленые листы.

Нетрудно догадаться, что европейский зубр в нашей стране скоро будет записан не на красных, а на зеленых листах: к началу 1975 года в СССР имелось 1375 зубров. Они расселены — кроме Кавказского заповедника и Беловежской пушчи — в одиннадцати разных местах страны, от Латвии до Средней Азии.

Очень обнадеживающее событие, отрадное явление в богатой жизни советского общества!

Напоминанием об этой реальности мне и хотелось бы завершить работу над книгой.

1968—1982 гг.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие автора	3
<i>Часть первая. Из дневников Зарецкого</i>	<i>9</i>
ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ	—
ЗАПИСЬ ВТОРАЯ	29
ЗАПИСЬ ТРЕТЬЯ	56
ЗАПИСЬ ЧЕТВЕРТАЯ	84
ЗАПИСЬ ПЯТАЯ	101
ЗАПИСЬ ШЕСТАЯ	121
ЗАПИСЬ СЕДЬМАЯ	137
ЗАПИСЬ ВОСЬМАЯ	161
Рассказ о событиях, не попавших в дневники Зарецкого	198
<i>Часть вторая. Книга в синем переплете</i>	<i>241</i>
Из военных дневников Зарецкого	—
ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ	—
ЗАПИСЬ ВТОРАЯ	274
ЗАПИСЬ ТРЕТЬЯ	294
ЗАПИСЬ ЧЕТВЕРТАЯ	320
ЗАПИСЬ ПЯТАЯ	340
ЗАПИСЬ ШЕСТАЯ	381
ЗАПИСЬ СЕДЬМАЯ	395
ЗАПИСЬ ВОСЬМАЯ	416

Часть третья. Зеленые листы из Красной книги

ГЛАВА ПЕРВАЯ	—
ГЛАВА ВТОРАЯ	450
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	464
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	475
ГЛАВА ПЯТАЯ	489
ГЛАВА ШЕСТАЯ	506
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	527
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	540
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	554

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Вячеслав Иванович Пальман

ПО СЛЕДАМ ДИКОГО ЗУБРА

ИБ № 79922

Ответственный редактор
Мальт В. С.

Художественный редактор
Левинская Н. Э.

Технический редактор
Крапоткина Н. Ю.

Корректоры

Сизова Э. Н. и Сукляш Е. А.

Сдано в набор 25.07.84. Подписано к печати 10.01.85.
Л10403. Формат 60×90^{1/16}. Бум. книжно-журн. № 2.
Шрифтобыкновен. Печать высокая. Усл. печ. л. 35,0. Усл. кр.-
отт. 35,5. Уч.-изд. л. 35,63. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5782.
Цена 1 р. 40 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкас-
ский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская
книжка» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. 127018, Москва, Суздальский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Пальман В. И.

П14 По следам дикого зубра: Роман/Рис. Г. Акулова. —
Перизд. — М.: Дет. лит., 1985. — 558 с., ил.

В пер.: 1 р. 40 к.

Роман рассказывает о том, как происходило восстановление стада зубров у нас в стране, в Кавказском заповеднике. Человек и природа — основная тема книги.

П 4802020000—095 327—85
M101(03)85

P2